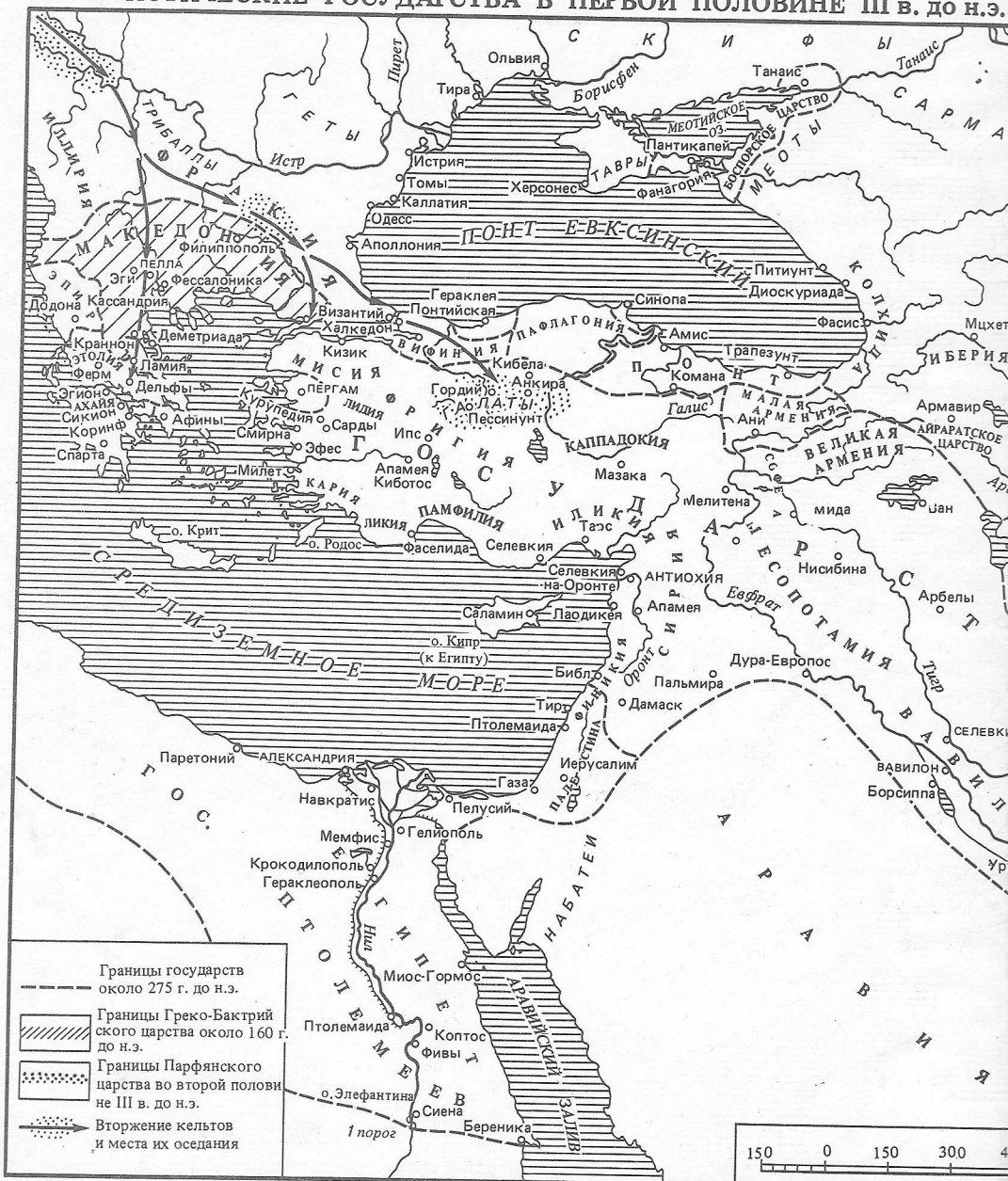
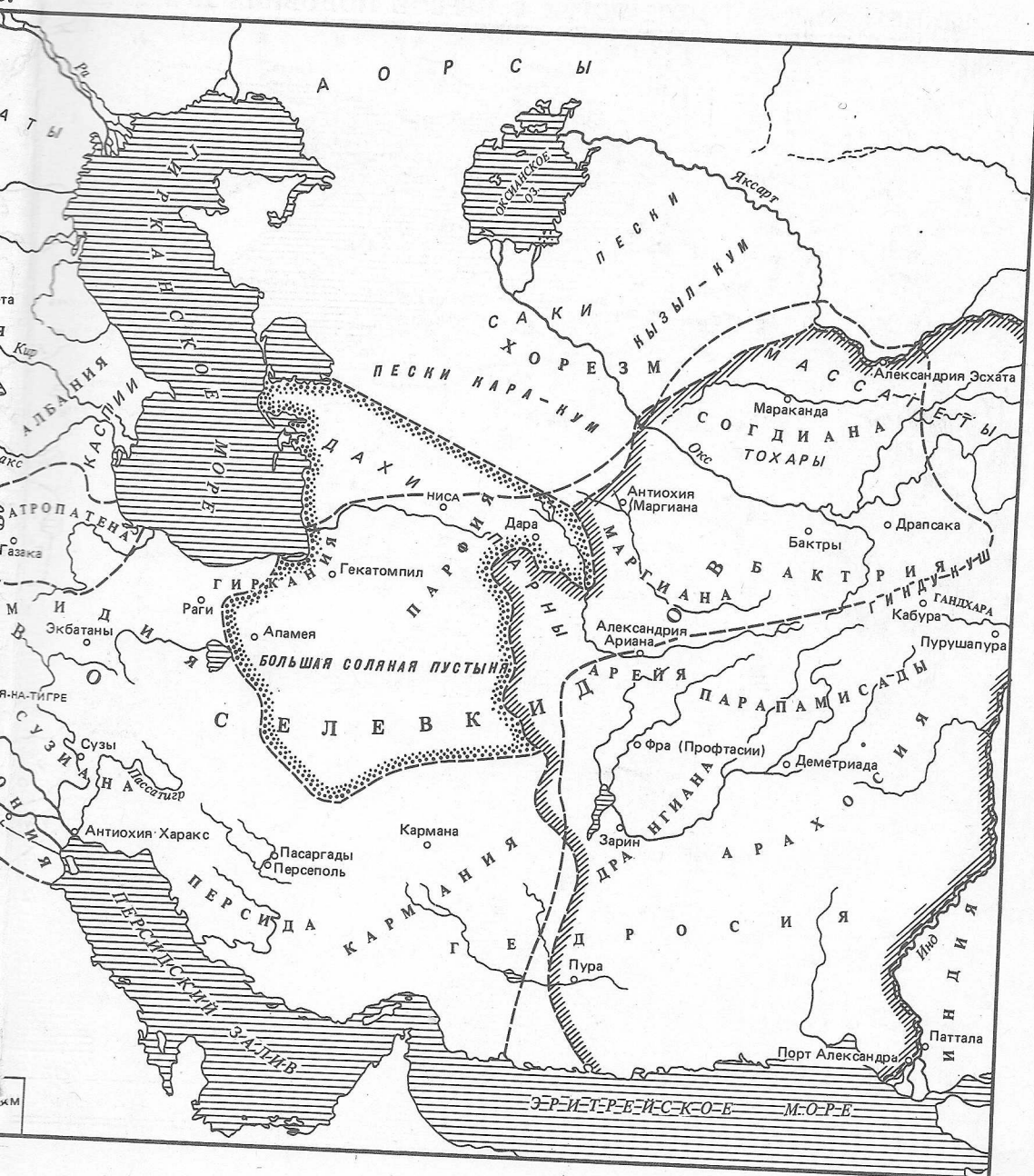

ЭЛЛИНИЗМ: *восток и запад*

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ III в. до н.э.

ЭЛЛИНИЗМ: восток и запад

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук

Е. С. ГОЛУБЦОВА

Москва

НАУКА

1992

ЭЛЛИНИЗМ: *восток и запад*

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Кандидат исторических наук

В. И. ИСАЕВА

Доктор исторических наук

Г. А. КОШЕЛЕНКО

Доктор исторических наук

Л. П. МАРИНОВИЧ

Доктор исторических наук

А. И. ПАВЛОВСКАЯ

Доктор исторических наук

Э. Д. ФРОЛОВ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт всеобщей истории

РЕЦЕНЗЕНТЫ

Кандидат исторических наук

З. Г. САМОДУРОВА

Доктор исторических наук

И. Л. МАЯК

Редактор издательства

В. Н. ТОКМАКОВ

Э 47 Эллинизм: восток и запад. — М.: Наука, 1992. — 384 с. с илл.
ISBN 5-02-009062-X

Том посвящен изучению теоретических вопросов истории эллинизма, проблемам культуры и искусства. Рассмотрены характерные черты эллинизма на Востоке, проблемы полиса и монархии в государстве Селевкидов, землевладения в Понтийском царстве, а также эллинизм в Египте, Риме и Галлии. Отдельные статьи посвящены проблемам эллинистической утопии, мировоззрению и идеологии, историографии эпохи эллинизма, лингвистической ситуации в Малой Азии. Завершается том большим разделом о культуре.

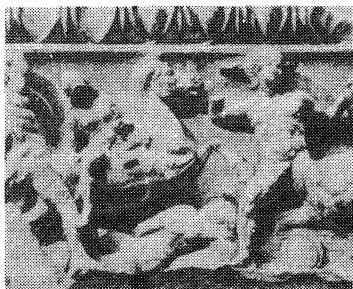
Для антиковедов, историков, археологов, искусствоведов.

Э $\frac{0503010000-078}{042(02)-92}$ 61—92, I полугодие

ББК 63.3(0)52

ISBN 5-02-009062-X

© Издательство «Наука», 1992

Вместо введения

ПРИНЦИПЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ФОРМ ЗАВИСИМОСТИ *

Одна из основных задач исторического исследования заключается в том, чтобы определить, какова была связь между всей системой какого-либо из докапиталистических обществ и комплексом многообразных развивающихся социально-экономических отношений, между сословиями и классами (а не только отношением-доминантой). Собственность на средства производства — основа производственных отношений. Но сложность указанной задачи в том, что совокупность производственных отношений определяется и всей системой в целом (ее морфологией), и морфологическими, и функциональными особенностями отдельных социально-экономических отношений, входящих в состав системы. Эта сложность связана и с тем, что в докапиталистических обществах мы всегда встречаемся с различными формами личной зависимости, с теми или иными вариантами применения внеэкономического принуждения, что находит выражение как в строении всей системы, так и в отдельных социально-экономических отношениях.

Существование сословий делает нередко неизбежным несовпадение их с классами. Правовое положение людей может быть одинаковым, а фактическое (т. е. форма зависимости) — различным¹. Сословие царских земледельцев в эллинистическом Египте охватывало весьма различные социальные элементы²: от крестьянина, которого по приказу администрации отправляли в принудительном порядке на какую-либо работу и постоянный труд которого мелочно регулировался той же администрацией, и до того же «царского земледельца», обладавшего крупным имением, большими денежными средствами и державшего в зависимости от себя множество людей. В древности раб мог оказаться в иных случаях в таких же или даже еще лучших условиях, чем свободный³. И наоборот: человек мог быть юридически свободным и в то же время находиться в тяжелой зависимости,

* Раздел принадлежит перу крупнейшего историка-эллиниста К. К. Зельина, опублик. в серии «Исследования по истории рабства в античном мире». М., 1969.

1 Ср., например, резкое изменение положения рабов в Аравии в 1947 г.: *Maugham R. The Slaves of Timbuktu*. N.Y., 1961. P. 2 sq.

2 Зельин К. К. Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II—I вв. до н. э. М., 1960. С. 193; *Струве В. В.* Общественный строй эллинистического Египта // ВИ. 1962. № 2. С. 75.

3 Ср., например, положение и деятельность некоторых рабов по документам нововавилонского и персидского времени, когда эти рабы фактически пользовались самостоятельностью, обладали правоспособностью, располагали имуществом движимым и недвижимым, заключали сделки различного рода и т. п. *San Nicolo M., Petschow H.* Babylonische Rechtsurkunden

подвергаться принуждению и угнетению. В истории древнего мира можно наблюдать возникновение классов в рамках сословий и постоянное их изменение в зависимости от общих исторических условий, тогда как сословия отличаются большей стабильностью (ср., например, общее социальное и юридическое положение рабов в Греции и их фактическое положение в различных отраслях производства в различные периоды ее истории).

Мы хотели бы, чтобы наша мысль была правильно понята, когда мы говорим о правовом статусе тех или иных лиц и об их экономическом положении. На ранних ступенях общественного развития неизбежно было применение насилия со стороны отдельных лиц или государства (и других юридических лиц) в области экономических отношений. Принуждение составляло необходимый компонент экономической системы. Публичное право в докапиталистических обществах неразрывно связано с экономикой, служит выражением этой экономики⁴, поскольку последняя основывается на внеэкономическом принуждении. В праве и выявляется в общей форме, к кому и отчасти какого рода может быть применено принуждение. Это право складывается на основе системы социальных отношений, и вначале юридический статус до известной степени совпадает с фактическим положением — господствующим или зависимым — тех или иных частей населения, их политическое положение определяет их роль в экономике государства, они представляют собой классы-сословия. Но применение права обуславливается не только этой общей структурой общества, но и рядом других факторов, о которых уже шла речь. Поэтому вскоре наблюдается несовпадение между юридическим и фактическим положением, хотя в дальнейшем может наступить момент нового их сближения.

Различие между капиталистическим и докапиталистическими обществами заключается не в том, что в первом все определяется экономикой, а в последних — политикой или религией, как это утверждали еще во времена Маркса⁵, а в том, что при капиталистическом строе это воздействие экономики на другие стороны общества, так сказать, обнажено, выявляется непосредственно, а до эпохи капитализма оно опосредовано установлением в действующем праве определенных юридических категорий. Можно было бы сказать, что форма собственности определяет возможность того или иного функционирования данного социального элемента в производстве, устанавливает известные рамки его производственной деятельности, открывает путь к тому, чтобы превратить лиц, принадлежащих к классам-сословиям, лишенным определенных прав и привилегий, в угнетаемых или лишенных средств производства подневольных людей, но не определяет однозначно, как этот социальный элемент функционирует, какое место он занимает (или займет с течением времени) в системе производства. Последний вопрос может быть решен не *modo geometrico*, не дедуктивным

aus dem 6. Jh. v. Chr. München, 1960. N 7. *Krückmann O.* Babylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden aus der Zeit Alexanders und der Diadochen. Weimar, 1931. S. 16; *Cardascia G.* Les Archives des Murašu, une famille d'hommes d'affaires babyloniens à l'époque perse (455—403 av. J. Chr.). P., 1951. P. 12 sq.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. II. С. 353: «...Отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения...»

⁵ Там же. Т. 23. С. 91. Примеч. 33.

методом, исходя из анализа формы собственности, но лишь в результате исторического исследования, которое и должно показать, в каком направлении шел процесс общественного развития.

Дельфийские манумиссии с условием парамонэ делают ясным все значение «несвободы» как общего правового института. При этом условии, т. е. обязательстве работать у манумиссора обычно до смерти последнего или в течение определенного числа лет, социально-экономическое отношение продолжает существовать приблизительно в том же виде: парамонарий должен исполнять все свои «рабские работы» (*doulikas chréias*), а манумиссор может наказывать его в случае повинности так, «как он захочет». Тем не менее рабы шли на это, ибо, несмотря на указанные условия, они все же переставали быть рабами, их социальный статус изменялся, хотя личная зависимость от бывшего рабовладельца сохранялась, и иногда в течение многих лет.

Наличие подобной двойной связи зависимого человека, т. е. связи непосредственно с тем, от кого он зависит, и связи, определявшей его положение в общей системе, делает понятным, почему нельзя механически переносить терминологию, соответствующую отношениям в обществе данной структуры, на отношения в обществах иного морфологического характера: социально-экономические отношения могут оказаться сходными (и это не является случайным), а общественные системы по своей структуре — несходными⁶.

Форма собственности еще не определяет, например, наличия в действительности «античного рабства». Существование и развитие этого рабства зависят от совокупности исторических условий, способствовавших или препятствовавших его развитию.

Рабство — широко распространенный институт на определенной стадии общественного развития, но это вовсе не значит, что чуть ли не все народы проходили через рабовладельческий строй. Определяющим для последнего утверждения нам представляется не наличие рабства, но изменение его роли (на данном историческом отрезке) во всей социально-экономической структуре.

...Конечно, понятие «рабовладельческий строй» шире, чем «античное рабство». Последнего может не быть, а рабовладельческий строй все же может существовать. Рабы могут не подвергаться жестокому принуждению, могут не быть «рабочими животными», могут обладать имуществом или даже правоспособностью, но если они в общем заняты в производстве и играют там решающую роль по сравнению со свободными, то их следует признать за основной класс, а строй — рабовладельческим. Таким образом,

⁶ Ср., например, в сущности некритическое использование феодальной терминологии у Кардасья (*Cardascia G. Op. cit. P. 5 sq.*) для характеристики социально-экономических отношений персидской эпохи. Позволяем себе употребить эпитет «некритическое», потому что такие явления, как *fief, feudataire, seigneur, vassal, bénéficiaires (des groupes de fiefs)* и т. д., рассматриваются в этом труде как сами собою разумеющиеся без определения их и обоснования этого словоупотребления. Факт раздачи царем земли свидетельствует якобы уже о феодализме (*Ibid. P. 8*). Автор, критикуя интерпретацию одного из документов, данную американским ученым Лютцем, полностью примыкает к последнему в своем общем взгляде на архив Мурашу, в котором, по мнению обоих, можно найти большое число параллелей между вавилонским феодализмом и европейским феодализмом средних веков (*Ibid. P. 182*).

решающей, естественно, является роль рабов в производстве⁷. Но для констатации рабовладельческого строя еще недостаточно наличия рабства и даже «античного рабства», если оно существует лишь в качестве небольшого сектора и если нельзя обнаружить тенденцию к его дальнейшему развитию. Это не препятствует тому, что при изменившихся исторических условиях этот сектор может прийти в движение и его значение начнет быстро возрастать.

...Мы уже указывали, что наличия определенного отдельного социально-экономического отношения еще недостаточно для того, чтобы установить, имеем ли мы дело с рабовладельческим строем или с феодализмом, так как и в древности, и в средние века встречаются самые разнообразные формы зависимости, иногда очень сходные. Недостаточен также и признак, который обычно приводился для доказательства, что перед нами рабы: упоминаемые в источниках люди являются собственностью других лиц, их можно покупать и продавать. Ограничиться им — значит лишь признать существование рабства, что еще не решает вопроса о роли рабов в производстве.

Нам думается, что основное различие коренится не в этих отдельных чертах рабства или крепостничества, но в характере той общественной системы, из которой может развиться впоследствии рабовладельческий или феодальный строй. При господстве внеэкономического принуждения организация государства, т. е. аппарата принуждения, должна была иметь огромное значение для социально-экономических отношений, или, вернее сказать, эта политическая организация, система юридических категорий, охватывающих ту или иную часть населения, и была выражением экономики. Кому принадлежала власть и в какой мере — до известной степени определяло направление развития общества.

Если эта власть принадлежала гражданской общине (мы сейчас не имеем в виду политического устройства, которое могло быть различным — олигархическим или демократическим), то естественно, что такая община противопоставляла себя как иностранцам, так и несвободным элементам, попавшим под власть ее граждан. Это еще не означало, что ее дальнейшее развитие обязательно пойдет по пути роста рабовладения и тем более, что оно приведет к «античному рабству», но содержало возможность такого развития.

Другое дело, если часть политических полномочий оказывалась в руках отдельных лиц, которые имели возможность, пользуясь ими, экономически подчинять себе своих сограждан или (в случае завоевания) иноплемеников. Опять-таки и здесь еще нет готового сложившегося строя — феодализма, есть только известная возможность двигаться по направлению к нему.

Наконец, если не гражданство в целом как привилегированная и правящая община, и не какая-то часть населения, представители которой

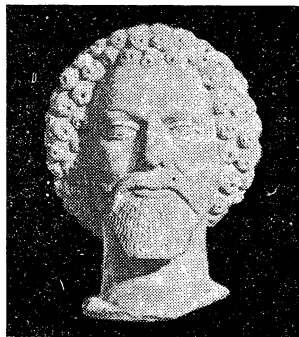
⁷ Характерным в этом отношении представляется вывод В. Рубена. См.: *Ruben W. Die Lage der Sklaven in der altindischen Gesellschaft*. В., -1957. S. 101. Он признает, что рабы в древней Индии не играли решающей роли в производстве, что в этой аграрной стране с ее мелким производством крестьян и ремесленников применение труда рабов было нерентабельно, что рабы лишь помогали в домашнем хозяйстве женщинам и главе семьи. Верно лишь одно, замечает автор, что позднее общество в Индии получает феодальные черты. Тем не менее общественный строй древней Индии, заключает Рубен, рабовладельческий, хотя и неразвитый по сравнению с Грецией и Римом.

обладают известными политическими правами, противостоят массе неполноправных или зависимых людей, а государство в лице обладателя политической власти (с неограниченной или даже ограниченной властью), от него непосредственно или опосредствованно зависят все слои населения. В таком государстве не совокупность граждан или лиц, принадлежащих к определенному сословию и обладающих политическими правами, противостоит остальному населению, лишенному политических прав или находящемуся в зависимости, но грань проходит между теми слоями, из которых складывалось правящее сословие и в интересах которых действовал государственный аппарат (причем они могли включать различные в социально-экономическом отношении элементы: чиновников, землевладельцев, аристократов, позднее — крупных торговых дельцов, но всегда тесно связанных с государственным аппаратом), и всем остальным населением, свободным и зависимым⁸.

Высказывая эту мысль, мы отнюдь не хотим представить государство как какую-то самостоятельную силу, стоящую над обществом. Нет, политическая организация и в этом случае есть выражение социально-экономической системы, орудие подавления определенной части общества в интересах другой, господствующей. Но эксплуатация непосредственных производителей может быть организована различным образом, и роль государства в этой организации эксплуатации может быть также неодинаковой. Государство не только было орудием подавления эксплуатируемых, но могло и само их эксплуатировать, или, вернее, используя непосредственно его институты, его аппарат, его огромную силу, господствующие слои населения, образующие правящее сословие, могли эксплуатировать массу населения. В древности мы это видим в государствах Востока (например, в Египте), позднее — в эллинистических государствах и в Римской империи. Было бы неправильно ставить знак равенства между подобной организацией производственных отношений и рабовладельческим или феодальным обществом: различие обуславливается как характером всей общественной системы, так и особенностями форм зависимости. Эти формы могли быть очень многообразными, но характерной их чертой являлось широкое применение государственного принуждения.

⁸ Мы не касаемся здесь вопроса о так называемом «азиатском способе производства», поскольку это требует специального рассмотрения. Во всяком случае, то, о чем говорится здесь, есть нечто более широкое и многообразное, чем господство верховного собственника — царя — над совокупностью мелких общин.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ВОСТОК

Э

ллинистическим Востоком в современной литературе принято называть ту часть эллинистического мира, которая расположена к востоку от Евфрата и включала в себя Месопотамию, Иран, южную часть Средней Азии, Афганистан и те районы индо-пакистанского субконтинента, которые были завоеваны Александром Македонским или греческими царями Бактрии. Основанием для выделения этого региона являются не столько географические, сколько историко-политические факторы. Судьба его очень сильно отличалась от судеб других регионов эллинистического мира: если большая часть его рано или поздно была включена в состав Римской империи, то Восток в конечном счете оказался в составе тех государственных образований, которые возникли как антитеза эллинизму.

Хронологические рамки исследования определяются основными вехами в истории региона. Нижняя грань — время завоеваний Александра Македонского. Более сложен вопрос о верхней хронологической границе. Для разных территорий она определяется различными историческими событиями. Если до середины III в. до н. э. основная часть эллинистического Востока входила в состав государства Селевкидов и можно с уверенностью говорить об общности исторических судеб, то после указанного рубежа пути развития более восточной и более западной частей этого региона расходятся. Более восточная часть стала ядром Греко-Бактрийского царства, которое вскоре начало экспансию на юг, в сторону индо-пакистанского субконтинента. Конец эллинистической эпохи здесь приходится на вторую половину II в. до н. э. для Средней Азии и вторую половину I в. до н. э. для Индии, когда кочевники, двигаясь с севера, завоевали одну за другой области, принадлежавшие грекам.

Несколько иными принципами определяется верхняя хронологическая граница для более западной части региона. Здесь завоевание кочевниками уже в середине III в. до н. э. привело к возникновению на территории Южного Туркменистана Парфянского царства, которое, постепенно расширяясь, к концу II в. до н. э. поглотило постепенно весь Иран и Месопотамию. Думается, однако, что эти два рубежа (середина III в. до н. э. и конец II в. до н. э.) не могут считаться подлинными хронологическими границами, указывающими конец эллинистической эпохи в этой части региона. Дело заключается в том, что в рамках Парфянского государства еще длительное время продолжали существовать греческие полисы — основные звенья социально-экономической, политической и культурной структур

эллинизма¹. До тех пор пока полисы сохраняли свою природу, оставалась и возможность альтернативного исторического развития². Только тогда, когда в начале I в. н. э., греческие полисы утратили свой особый характер, можно, видимо, и говорить о конце эллинизма в этой части региона.

1. Греко-Бактрия

Основные черты политического развития. Естественно, что в данной главе нет возможности подробно исследовать все вопросы политической истории Греко-Бактрии. Скудость источников здесь соседствует с обилием гипотез, часто весьма слабо обоснованных. В силу этого наша задача состоит в том, чтобы попытавшись обобщить результаты исследований этих проблем, проведенных в последние десятилетия, дать очерк политической истории региона.

Как известно, армия Александра Македонского и в Средней Азии и в Индии столкнулась с ожесточенным сопротивлением и завоевание этих областей сопровождалось огромными трудностями. Македонская армия отказалась следовать за своим полководцем, и мечты о покорении Индии были оставлены. В руках Александра Македонского оказался только северо-западная часть индо-пакистанского субконтинента. К моменту смерти великого завоевателя в самой восточной части его державы сложилась своеобразная политическая система, в которой соседствовали сатрапии (управляемые как греками и македонянами, так и представителями местной знати, назначенными Александром) и местные государственные образования, сохранившие свое политическое существование, хотя и под контролем македонских военачальников.

После тяжелых конфликтов, разразившихся непосредственно после смерти Александра, представители македонской верхушки, пытавшиеся организовать управление огромной державой, в 323 г. до н. э. решили, что восточные области должны сохранить тот статус и тех руководителей, которых они имели к моменту смерти царя³.

*Александр Великий в львином шлеме.
III в. до н. э. Железо*

¹ Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 222—248; Welles C. B. The Greek City // Studi in onore Aristide Calderini e Roberto Paribeni. Milano, 1956. Т. 1.

² Кошеленко Г. А. Внутриполитическая борьба в Парфии: (вторая половина II в. до н. э. — начало I в. н. э.) // ВДИ. 1963. № 3.

³ Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Индия в древности. М., 1985. С. 201; Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. М., 1964. Т. 1. С. 92—93; Cloché P. La dislocation d'un empire. Les premiers successeurs d'Alexandre le Grand. P., 1959. P. 14; Jouget P. L'imperialisme macédonien et l'hellénisation de l'Orient. P., 1972. P. 133.

Однако стабильности ситуации в этом регионе препятствовало несколько факторов, сказавшихся на ходе событий в ближайшие после смерти Александра десятилетия: во-первых, недовольство греков-колонистов своим положением в общественной структуре, сложившейся в новой державе; во-вторых, центробежные тенденции, приведшие к борьбе диадохов за власть, а затем за раздел государства; в-третьих, сопротивление местного населения, боровшегося против завоевателей. В различные периоды истории действие этих факторов сказывалось по-разному. На первом этапе наиболее важным и действенным был первый фактор. Как известно, первые волнения греков-колонистов в Бактрии и Согдиане начались еще при жизни Александра Македонского, в 325 г. до н. э. А в 323 г. до н. э., сразу после смерти царя, произошло мощное восстание, в котором приняло участие, видимо, все греческое население Бактрии и Согдианы (по данным источников, 23 тыс. человек)⁴. Как было установлено, восстание имело более глубокие причины, чем простое желание вернуться на родину⁵. Оно было вызвано тем, что колонизационная политика Александра полностью расходилась с самыми глубокими чаяниями греков. Новые населенные пункты, создаваемые Александром на Востоке в качестве опоры его власти, не имели полисного статуса, они управлялись назначенными царем гипархами, состав населения был смешанным (греки, македоняне, местное население), и греки не пользовались никакими привилегиями.

Борьба диадохов, развертывавшаяся в основном в более западных районах, первоначально мало затрагивала восточную окраину. Во всяком случае, в 321 г. до н. э., когда диадохи пытались в Трипарадизе вновь установить определенный порядок, в управлении Востоком почти не произошло изменений (*Diod. XVIII. 39*)⁶. Однако напряжение борьбы усиливалось, и четырьмя годами позднее сатрапам Востока пришлось более активно включиться в «высокую» политику. Они были вынуждены объединиться с сатрапами иранских областей для борьбы с претензиями правителя Мидии Пифона (*Diod. XIX. 14*). Этот поход на запад, сначала имевший ограниченные цели, вовлек сатрапов Востока в сложную борьбу политических и военных сил.

После разгрома Евмена (316 г. до н. э.), с которым оказались связанными сатрапы Востока, победитель, Антигон, постарался обеспечить свой контроль над этим регионом.

Углубление борьбы диадохов, вовлечение в нее восточных сатрапов создали благоприятные обстоятельства для развертывания борьбы народов Востока против греко-македонских завоевателей. Сильнее всего это сказалось на индо-пакистанском субконтиненте. Поскольку этот вопрос детально исследован в современной литературе, мы ограничимся изложением результатов

⁴ *Cloch  P. La dislocation... P. 18—19; Дройзен И. История эллинизма. М., 1890. Т. I. С. 323 и след.; М., 1893. Т. II. С. 19—21.*

⁵ Подробнее см.: *Кошеленко Г. А. Восстание греков в Бактрии и Согдиане в 323 г. до н. э. и некоторые аспекты греческой общественной мысли IV в. до н. э. // ВДИ. 1972. № 1. С. 59—78.*

⁶ Подробнее см.: *Jouget P. L'imperialisme... P. 143—144; Cloch  P. La dislocation... P. 74—75; Bernard P. Fouilles d'Af Khanoum. IV.: Les monnaies hors tr sors: Questions d'histoire gr co-bactrienne. P., 1985. P. 30; Will E. Histoire politique du monde hell nistique. Nancy, 1966. T. I. P. 35—38; Briant P. Antig n  le Borgne. P., 1973. P. 229—234; CAH. 2nd ed. Cambridge, 1984. Vol. VII. Pt 1: The Hellenistic World. P. 37—38.*

этих исследований⁷. Чандрагупта (в античных источниках Сандракот) выступил в качестве противника династии Нандов, шудрянское происхождение которой делало ее совершенно неприемлемой для брахманов и кшатриев. Чандрагупта попытался побудить Александра продолжить поход на Восток. Когда это предпринятие окончилось неудачей, Чандрагупта изменил свои планы и выступил в качестве организатора борьбы против греко-македонян. Он захватил все территории, ранее принадлежавшие Пору, и, опираясь на ресурсы этой богатой области, разгромил греко-македонян. Приобретая славу борца за освобождение страны от чужеземцев, обладая многочисленными закаленными в боях войсками, Чандрагупта смог сокрушить Нандов и создать могущественную маурийскую державу, охватившую значительную часть полуострова. Народные движения против греко-македонян, видимо, имели место и в других областях Востока, как об этом свидетельствуют, правда очень случайные, указания источников⁸.

Следующий период (почти десять лет) совершенно не отражен в источниках, которые дают информацию только начиная с «восточного похода» Селевка I. Утвердившийся после долгой борьбы в Вавилонии⁹, Селевк (311—281 гг. до н. э.) сумел поставить под свой контроль территорию Ирана, находившуюся до этого в руках у сторонников Антигона. В 305—303 гг. до н. э. Селевк совершает большой поход на Восток и подчиняет себе все восточные сатрапии, расположенные к северу от Гиндукуша. К сожалению, мы не знаем, как происходило их покорение, хотя можно предполагать, что в ряде мест Селевку пришлось преодолевать военное сопротивление местных греко-македонских правителей (*Just. XV. 4*)¹⁰. Более подробно источники сообщают об индийском эпизоде этого похода (*Strab. XV. 1.10; 2.9; Plut. Alex. 62; Just. XV. 4; Plin. Nat. Hist. VI. 78; App. Bel. Syr. 55*). Селевк заключил договор с Чандрагуптой (Сандракотом), по условиям которого уступил последнему значительные территории, взамен же получил боевых слонов. Кроме того, одним из условий была также «эпигамия». В литературе велись длительные дискуссии по следующим пунктам: 1) состоялось ли заключение договора после военных столкновений или без них; 2) каковы были размеры территориальных уступок; 3) что означает клаузула об «эпигамии».

Наиболее правильное решение этих вопросов, видимо, принадлежит П. Бернару, который следующим образом интерпретировал данные источников¹¹. Между Селевком и Чандрагуптой не было военного конфликта. Найдя, что области к югу от Гиндукуша (Гандхара, Паропамисады, Арахосия) уже были заняты индийцами, Селевк согласился признать суверенитет Маурьев, взамен этого получил боевых слонов. Что касается эпигамии, то П. Бернар в отличие от всех предшествующих исследователей доказывает,

⁷ *Бонгард-Левин Г. М.* Атрамес-Уграсена-Нанда и воцарение Чандрагупты // ВДИ. 1962. № 4; *Он же.* Индийский брахман Чанакья в античной традиции // ВДИ. 1982. № 1; *Он же.* Индия эпохи Маурьев. М., 1973. С. 73 и след.; *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Индия ... С. 202 и след.

⁸ У Плиния, например, имеется указание на разрушение Александрии в Маргиане «варварами». См.: *Plin. Nat. Hist. VI. 46—47*.

⁹ См.: *Кошеленко Г. А.* Греческий полис ... С. 245 и след.

¹⁰ *Bernard P. Fouilles...* P. 31.

¹¹ *Ibid.* P. 85—95.

что в договоре речь шла не о возможности браков между династиями, а о браках между греками, жившими в захваченных Чандрагуптой областях, и представителями верхушки местного населения. Пока здесь господствовали греки, этот вопрос, естественно, не возникал, однако после смены власти он приобрел большую актуальность, ибо, в сущности, означал следующее: какое место займут греки в варновой структуре индийского общества, к какой из варн они будут приравнены. Селевк, оговаривая право эпитагии, стремился защитить привилегированное положение живших здесь греков, оказавшихся под властью чужеземной династии.

Таким образом, к концу IV в. до н. э. в исторических судьбах эллинов, осевших на самом Востоке эллинистического мира, обнаруживается расхождение. Северная часть, включившая Бактрию, Согдиану, Маргиану, Арею, вошла в состав государства Селевкидов. Южная же (Дрангиана, Арахосия, Паропамисады, Гандхара) — стала составной частью индийской державы Маурьев. На севере греки сохранили свое привилегированное положение¹², на юге же оно было, в сущности, утрачено, хотя по условиям договора между Селевком и Чандрагуптой некоторые привилегии этой этнической группы были сохранены.

Среднеазиатские области находились под властью Селевкидов примерно полстолетия. К сожалению, этот период настолько слабо освещен источниками, что мы можем выделить только самые общие тенденции в их развитии. На раннем этапе областям Востока уделялось большое внимание¹³. Внешним выражением этого было назначение сына и наследника Селевка — Антиоха (в дальнейшем царя Антиоха I) соправителем отца, отвечавшим за восточную часть державы (*App. Syr.* 59, 62)¹⁴. Политика Селевкидов здесь была многокомпонентной. Она включала в себя ирригационное строительство, а также (что тесно связано с первым) градостроительство. В данном регионе возрождались созданные Александром и пострадавшие в «смутные времена» города, строились новые¹⁵. Кроме того, изменились методы колонизации: на смену авторитарному подходу Александра Македонского пришел новый, более привлекательный для греков, обеспечивший значительное привлечение греческих колонистов. Колонизация отныне шла путем создания греческих полисов с широкой внутренней автономией, получавших землю от царя и благодаря этому связанных с династией¹⁶. Развивалось ремесло, товарно-денежные отношения (см. ниже). Можно, видимо, полагать, что селевкидский период был временем стабилизации и экономического подъема, наступившим после бурных событий эпохи Александра и диадохов¹⁷.

¹² Подробнее см.: Кошеленко Г. А. Греческий полис ... С. 222—248.

¹³ Подробнее см.: Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана... С. 93—101; Tarn W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951. P. 1—33.

¹⁴ О системе соправительства в Селевкидском государстве см.: Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 23—25.

¹⁵ Подробнее см.: Кошеленко Г. А. Греческий полис ... С. 136—160.

¹⁶ Там же. С. 222—248.

¹⁷ Современные исследования (Güntner W. Das Orakel von Didyma in hellenistischer Zeit. Tübingen, 1971. S. 35—35; Bernard P. Fouilles... P. 160—161) показали, что поход Демодама за Яксарт (*Plin. Nat. Hist.* VI. 49), который, как считается, был вызван движением кочевников (Wolski J. L'effondrement de la domination des Seleucides en Iran au III siècle av. J. C. // Bulletin International de l'Académie polonaise des sciences et des Lettres, classe de philologie, histoire et philosophie. Suppl. 5. Krakow, 1947. P. 19—31), имел место в период деятельности Селевка I на востоке, а не позднее.

В середине III в. до н. э. происходят решительные изменения в политической ситуации. Среднеазиатские сатрапии отделились от государства Селевкидов, и здесь возникло независимое Греко-Бактрийское царство. Данной проблеме посвящена обширная литература¹⁸. Однако, несмотря на обилие работ, она не может считаться решенной. Большую роль в отделении, видимо, сыграла полная переориентация внешней политики Селевкидов к середине III в. до н. э. Если ранее Восток занимал важное место в общей политике государства, то теперь она была целиком ориентирована на решение задач на Западе, где были сконцентрированы все силы и средства государства и где велись почти непрерывно так называемые «сирийские войны». Восток стал рассматриваться только как источник получения средств для проведения активной политики на Западе. Руководящие круги Бактрии относились к этому, естественно, резко отрицательно.

Сложен и запутан вопрос о дате и обстоятельствах возникновения Греко-Бактрийского царства. На наш взгляд, наиболее правильно решаются эти вопросы в книге Р. Н. Фрая, детально рассмотревшего как данные источников, так и всю современную литературу¹⁹. Он доказывает, что начало отпадения правителя Бактрии Диодота приходится на время войны между Селевком II и Антиохом Гиераком (вскоре после 246 г. до н. э.). Оно засвидетельствовано началом чеканки монет Диодотом (на лицевой стороне — изображение головы Диодота, на оборотной — Зевса и легенда с именем царя Антиоха)²⁰. Завершение процесса относится к 239 г. до н. э. Оно засвидетельствовано новым вариантом чеканки Диодота, когда вместо легенды с именем Антиоха появляется новая — с именем царя Диодота.

Ранняя история Греко-Бактрии мало известна по причине почти полного отсутствия сведений в источниках. Отмечаются только немногие события. Указывается, что на смену Диодоту I пришел его сын, царь Диодот II (*Just.* XLI. 4.8—10). На основании этого сообщения обычно делается заключение о том, что происходят изменения во внешней политике: если ранее Греко-Бактрийское царство выступало противником Парфии, то теперь создавался союз двух государств, видимо, объединившихся перед угрозой похода Селевкидов на Восток с целью восстановления власти над отпавшими областями²¹.

Около 230 г. до н. э.²² власть Диодота II была уничтожена в результате переворота, во главе которого стоял Евтидем. В литературе существует мнение, которое кажется вполне справедливым, что Евтидем принадлежал

¹⁸ Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана... С. 101—105; История Ирана. М., 1977. С. 85—87; Бокианин А. Г. Парфия и Рим: Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. М., 1960. С. 163—190; Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. С. 164—174; Tarn W. The Greeks... P. 71—74; Narain A. K. The Indo-Greeks. Oxford, 1962. P. 12—19; Wolski J. L'effondrement... P. 13—70; Idem. The Decay of the Iranian Empire of the Seleucides and the Chronology of the Parthian Beginnings // Berytus. 1956/8. Vol. 12. P. 35—52; Idem. Les iraniens et le royaume gréco-bactrien // Klio. 1960. Bd. 38. P. 110—121; Will E. Histoire politique... Vol. I. P. 252—261.

¹⁹ Frye R. N. The History of Ancient Iran. München, 1983. P. 177—180. В дальнейшем мы опираемся на предложенную им хронологию.

²⁰ Newell E. The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III / With a Summary of Recent Scholarship Additions and Corrections by O. Morkholm. N.Y., 1978.

²¹ Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана... С. 104—105.

²² Там же. С. 105. По мнению А. К. Нарайна, около 235 г. до н. э. См.: Narain A. K. The Indo-Greeks... P. 20.

к числу высших функционеров Греко-Бактрийского царства²³. Причины этого выступления по-разному определяются в литературе. Видимо, наиболее справедливо мнение В. Тарна, который считал, что причиной свержения Диодота II было недовольство греков его союзом с Парфией²⁴.

В годы царствования Евтидема Греко-Бактрийскому царству пришлось столкнуться с серьезной опасностью, угрожавшей самому его существованию. Сумевший консолидировать Селевкидское царство царь Антиох III начинает свой знаменитый «восточный поход» с целью восстановления власти Селевкидов над всеми ранее утраченными восточными областями. После упорной борьбы Антиоху III удалось подчинить парфян. Вслед за этим селевкидские войска двинулись против Бактрии. Первое столкновение произошло на реке Арие (Герируд—Теджен), по мнению некоторых исследователей, — возле города Серакса²⁵. Это сражение, хотя и кратко, но очень живо описывает Полибий (*Polyb.* I. 14; X. 49): войска Селевкидов при переправе через реку подверглись мощной атаке бактрийской конницы. Перелом в бою наступил только тогда, когда вслед за передовыми отрядами на восточный берег переправились основные силы Антиоха. Бактрийская конница была отброшена.

После поражения основные силы армии Евтидема отошли к столице Бактрам и заперлись там. В течение двух лет (207—206 гг. до н. э.) продолжалась осада. Та часть труда Полибия, в которой описывалась осада Бактр, не сохранилась. До нас дошел только фрагмент, сообщающий о переговорах между Антиохом и Евтидемом. Было заключено компромиссное соглашение, причем, видимо, очень веским аргументом в его пользу послужило известие об угрозе нападения кочевников на границах Бактрии. Евтидем, очевидно, согласился в какой-то форме на сюзеренитет Селевкидов, взамен чего Антиох признал его власть над Бактрией и царский титул. Своеобразной гарантией союза между двумя династиями стало заключение брака между сыном Евтидема Деметрием и селевкидской принцессой (или только обещание этого брака)²⁶.

Рассматривая историю царствования Евтидема, следует подчеркнуть несколько моментов. Во-первых, это государство выдержало такое испытание, как нашествие могущественного царя селевкидской династии Антиоха III, и заключенный после этой войны договор, в сущности, ни в какой степени не ограничивал его независимость. Во-вторых, население страны в этих тяжелых условиях осталось верным правительству; государство доказало свою прочность. Современные исследователи пришли к выводу, что эпоха Евтидема была временем большого экономического подъема и соответственно расширения его экономических связей²⁷. Можно также согласиться с мнением, что в период после ухода Антиоха III основное внимание правительства было сосредоточено на стабилизации ситуации на северных границах, где нависла угроза со стороны кочевников, ставшая

²³ Narain A. K. *The Indo-Greeks...* P. 19.

²⁴ Tarn W. *The Greeks...* P. 73.

²⁵ Оразов С. Археологические и архитектурные памятники Серахского оазиса. Ашхабад, 1973. С. 103—104.

²⁶ Narain A. K. *The Indo-Greeks...* P. 20—21; CAH. Vol. VII. Pt 1. P. 215; Will E. *Histoire politique du monde hellénistique*. Nancy, 1967. T. II. P. 48—51.

²⁷ Bernard P. *Fouilles...* P. 112.

реальной из-за того, что основные силы государства были сконцентрированы на отражении селевкидской угрозы²⁸.

Несколько позднее началась широкая экспансия греко-бактрийцев на юг, в сторону Индии, которую, видимо, можно рассматривать как отражение мощи Греко-Бактрии. Начало этого движения происходит уже в царствование преемника Евтидема — Деметрия I.

Сложности периода, наступившего после смерти Евтидема, обусловлены двумя определяющими фактами: 1) началом греко-бактрийского движения на юг, на завоевание Индии; 2) выступлением Евкратиды, приведшим к расколу единого Греко-Бактрийского царства на несколько соперничающих друг с другом государств, борьбе двух династий — потомков Евтидема и потомков Евкратиды.

Наиболее подробно этот период рассматривался В. Тарном²⁹ и А. К. Нарайном³⁰. «Романтические» построения В. Тарна в современной науке полностью отвергнуты. Концепция А. К. Нарайна, видимо более верная в основных чертах, однако, нуждается в пересмотре в ряде более частных пунктов из-за появления нового, в первую очередь нумизматического, материала³¹.

Можно полагать, что Деметрий I осуществил довольно значительные завоевания. Они начались около 200 г. до н. э. В результате была захвачена Арахосия, что подтверждается сообщением Исидора Харакского о городе Деметриаде в Арахосии (*Isid. Charax. Mans. Parth.* 19). Важнейшим успехом его, однако, был переход через Гиндукуш и завоевание Кабульской долины (Паропамисад)³². Этот успех был отмечен выпуском специальных монет, на которых Деметрий I был запечатлен в головном уборе в виде скальпа слона³³. Помимо Деметрия I, Евтидем оставил еще двух сыновей: Евтидема II и Антимаха I. Евтидем II, видимо, являлся соправителем брата и действовал только в Бактрии. Он чеканил свою монету на тех же монетных дворах, что и Деметрий I³⁴. Вторым братом Деметрия был Антимак³⁵. Он наследовал Деметрию I, и именно он начал широкие завоевания на индо-пакистанском субконтиненте³⁶, которые были облег-

²⁸ *Holt F.* The Euthydemid Coinage of Bactria: further Hoard Evidence from Ai Khanoum // *RN.* 6 Serie. 1981. T. XXIII. P. 38.

²⁹ *Tarn W.* The Greeks... P. 131 и след.

³⁰ *Narain A. K.* The Indo-Greeks... P. 17 ff.

³¹ *Curiel R., Fussman G.* Le trésor monétaire de Qunduz. P., 1965; *Bernard P.* Fouilles...; *Audouin R., Bernard P.* Trésor de monnaies indiennes et indo-grèques d'Ai Khanoum // *RN.* 1973. T. XV. P. 238—289; 1974. T. XVI. P. 7—41; *Petitot-Biehler C. Y.* Trésor de monnaies grecques et gréco-bactrienne trouvé à Ai Khanoum // *RN.* 1975. T. XVII. P. 23—57; *Bernard P.* Note sur la signification historique du trésor d'Ai Khanoum // *RN.* 1975. T. XVII. P. 58—69; *Holt F.* The Euthydemid Coinage...; *Rtveladze E. V.* La circulation monétaire au Nord de l'Oxus à l'époque gréco-bactrienne // *RN.* 6 série. 1984. T. XXV; *Francfort H.-P.* Deux nouveaux tétradrachmes commémoratifs d'Agathocle // *RN.* 6 série. 1975. T. XVII. P. 19—22.

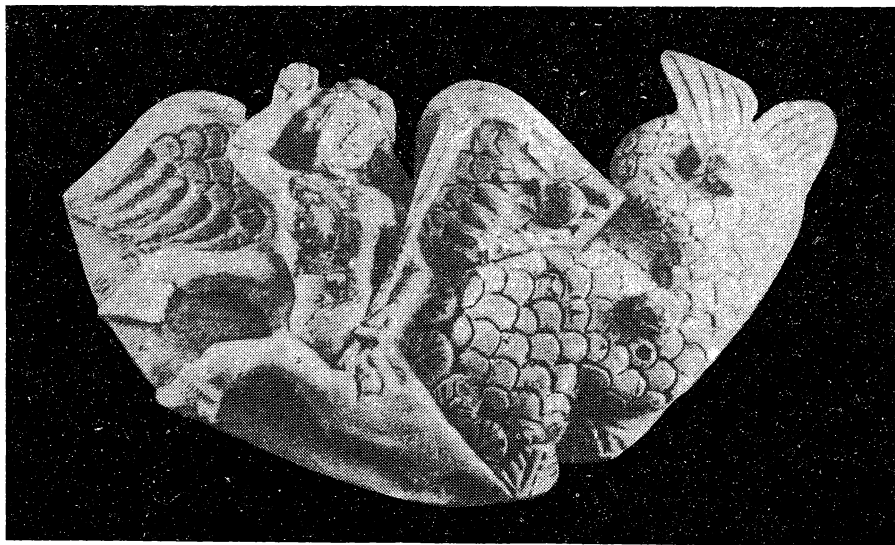
³² *Simonetta A.* A New Essay on the Indo-Greeks, the Sakas and the Pahlavas // *East and West.* 1958. Vol. 9. P. 157.

³³ *Frye R. N.* The History... P. 182.

³⁴ *Mitchiner M.* Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage. L., 1975. Vol. 1. The Early Indo-Greeks and Their Antecedents. P. 48 ff.

³⁵ *Кошеленко Г. А., Сердитых Э. В.* Царский культ в Греко-Бактрии // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях: Межвуз. сб. науч. трудов. М., 1986. С. 11.

³⁶ *Audouin R., Bernard P.* Trésor de monnaies... P. 27—28.

Сражение всадников. II в. до н. э.
Слоновая кость

чены происходящими там политическими событиями³⁷. Держава Маурьев к этому моменту находилась в состоянии полного упадка. Согласно индийской традиции, в 180 г. до н. э. военачальник Пушьямитра убил последнего маурийского царя Брихадратху и основал новую династию — Шунгов. Власть ее распространялась только на часть маурийских владений, хотя Пушьямитра стремился силой оружия утвердить ее на всех территориях, ранее входивших в состав державы Маурьев. Ситуация усугублялась также и религиозными конфликтами. Пушьямитра явно проводил антибуддийскую политику. Под властью Антимаха I оказались все территории, принадлежавшие его предшественникам, а также по меньшей мере часть Гандхары, в столице которой Таксиде он чеканил часть своих монет³⁸. Время царствования Антимаха ориентировочно приходится на 190—180 гг. до н. э.³⁹

Однако, вероятно, в конце его происходят события, подрывавшие мощь Греко-Бактрии. Внимательный анализ так называемых «коммеморативных монет», выпускавшихся Антимом I и Агафоклом, позволяет с известной долей уверенности реконструировать ход событий⁴⁰. Можно полагать, что Антим I взшел на трон, отстранив от власти сыновей Деметрия I Агафокла и Панталеона. Чтобы подкрепить свои притязания, он первым из греко-бактрийских царей обожествляет себя, а также своего отца Евтидема. Крайне показательно, что он отказывает в сакрализации своему брату и предшественнику на троне Деметрию I.

³⁷ Подробнее см.: Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Индия в древности... С. 250.

³⁸ Audouin R., Bernard P. Trésor de monnaies... P. 27.

³⁹ Narain A. K. The Indo-Greeks... P. 46—54; Bernard P. Fouilles... P. 64—65.

⁴⁰ Кошеленко Г. А., Сердитых Э. В. Царский культ ... С. 3—30.

Против Антимаха I выступили его племянники, сыновья Деметрия Панталеон (который, однако, вскоре умер или погиб) и Агафокл. Во внутренней борьбе среди потомков Евтидема важную роль играла пропаганда с помощью монетных легенд. Именно в это время происходит выступление и Евкратиды, который, по всей видимости, являлся выразителем интересов каких-то групп греческого населения Бактрии, возможно тех, кто был недоволен войнами, порожденными соперничеством внутри дома Евтидемов. Евкратид также включился в «войну монетных легенд». Часть его монет имеет на оборотной стороне изображение бюстов мужчины и женщины (причем женщина изображена с диадемой) и легенду: «Гелиокл и Лаодика»⁴¹. Принято считать, что на этих монетах изображены родители Евкратиды, причем его мать Лаодика являлась принцессой (вероятнее всего, из дома Евтидемов). Именно таким способом Евкратид стремился доказать свое право на престол.

К сожалению, эпоха Евкратиды очень слабо отражена в письменных источниках. Юстин дает следующую обобщенную характеристику периода: «Почти в одно и то же время стали царями Митридат в Парфии и Евкратид в Бактрии, оба великие мужи. Но судьба, более благосклонная к парфянам, довела их под водительством этого правителя до вершины могущества. Бактрийцы же, ведя непрерывные войны, потеряли не только царство, но и свободу: измученные войнами с согдийцами, арахотами, дрангами, ареями, они, в конце концов как бы обескровленные, были покорены более слабыми парфянами. И все же Евкратид вел многочисленные войны с величайшей храбростью; так, уже обессиленный ими, когда ему пришлось выдерживать осаду войск царя индов Деметрия, он постоянными вылазками с отрядом в 300 воинов победил 60 тыс. врагов. Вернув себе свободу после пятимесячной осады, он подчинил себе Индию. Во время обратного похода Евкратид был в пути убит своим сыном, которого перед тем сделал соправителем» (*Just. XLI. 6. 1—5*).

Отметим прежде всего, что царем Евкратид, видимо, стал около 171 г. до н. э., поскольку начало его царствования синхронизировано автором с воцарением Митридата I. Сообщение Юстина о непрерывных войнах с местными народами может быть истолковано двояко: и как противоборство с представителями дома Евтидемов, и как борьба с восстаниями местного населения. Нумизматический материал показывает, что в конце концов Евкратид смог поставить под свой контроль все области Греко-Бактрии, расположенные к северу от Гиндукуша. Однако в ходе войны с Парфией он потерял часть своих территорий. Современные исследователи считают указание Юстина на подчинение Бактрии парфянам преувеличением и полагают, что более справедлива информация Страбона, который в одном случае говорит о том, что парфяне, победив Евкратиды, «присвоили себе часть Бактрианы» (*Strab. XI. 9.2*), а в другом, не называя царей, упоминает, что парфяне захватили две области у бактрийцев: Аспион и Туриву (*Ibid. 11.2*). Данная традиция хорошо подтверждается нумизматическими данными⁴².

Важную роль в политике Евкратиды играло и индийское направление, о котором сообщает Юстин и дает некоторую информацию нумизматика.

⁴¹ Lahiri A. N. *Corpus of Indo-Greek Coins*. Calcutta, 1965. P. 119.

⁴² Кошеленко Г. А. Монетное дело Парфии при Митридате I // *НиЭ. М.*, 1972. Т. X. С. 72 и след.

Очевидно, на Индостане основным противником Евкратиды выступал Деметрий II — по всей видимости, представитель следующего поколения Евтидемидов, царствование которого, судя по нумизматическим материалам, должно приходиться на время после Агафокла⁴³. Именно Деметрий II («непобедимый царь Деметрий» монетных легенд) стяжал славу выдающегося завоевателя. По мнению современных исследователей, в сообщении Страбона об огромных завоеваниях Деметрия в Индии (*Strab.* XI. 1.1) произошла путаница: были спутаны Деметрий I и Деметрий II⁴⁴. Вероятно, последний из них смог раздвинуть владения Евтидемидов в Индии на восток, за Таксилу⁴⁵. Именно с ним пришлось сражаться Евкратиду, когда тот попытался проникнуть на юг, за Гиндукуш. Судя по сообщению Юстина, эта борьба в конечном счете закончилась победой Евкратиды.

Смерть Евкратиды I знаменовала серьезный рубеж в истории Греко-Бактрии. О его гибели сообщает Юстин в конце цитированного выше отрывка. Описывая возвращение царя из походов в Индию, Юстин добавляет: «Евкратид был убит в пути сыном, которого перед тем сделал соправителем. Сын этот даже не старался скрыть отцеубийства, как будто он убил не отца, а врага. Он проехал на колеснице по отцовской крови и приказал бросить труп без погребения» (*Just.* XLI. 6.5). Хотя раньше в литературе отцеубийцей считали Гелиокла, современные исследователи доказали, что на эту роль может претендовать только Платон. По всей видимости, Платон, в свою очередь, очень быстро был свергнут Гелиоклом⁴⁶. Таким образом, вслед за распадом дома Евтидемидов, истощавших силы во взаимной борьбе, начались жестокие братоубийственные распри и среди потомков Евкратиды.

Видимо, это явилось одной из серьезных причин упадка политической и военной мощи Греко-Бактрии. После смерти Евкратиды (около 145—140 гг. до н. э.) греки утратили часть своих владений: кочевники захватили самую восточную часть Бактрии (с городом Ай-Ханум), а также Согдиану. Однако Гелиоклу удалось на некоторое время стабилизировать положение. Он смог отстоять основные территории Бактрии, в частности, укрепив район Кундуза, где греки противостояли давлению кочевников с востока⁴⁷. В руках Гелиокла находились также и какие-то земли к югу от Гиндукуша⁴⁸.

Греко-Бактрийское царство гибнет, видимо, ко времени конца правления Гелиокла⁴⁹. Не разбирая подробно вопрос о завоевании Бактрии кочевниками, мы хотели бы только обратить внимание на то, что оно происходило в два этапа. По свидетельству посла ханьского императора Уди Чжан Цяня, прибывшего в 128 г. до н. э. в Бактрию, ситуация здесь была следующей: северная часть государства, расположенная к северу от Амударьи, была полностью во власти да-юечжи, к югу же простирались

⁴³ Audouin R., Bernard P. Trésor de monnaies... P. 34—35.

⁴⁴ Narain A. K. The Indo-Greeks... P. 37; Audouin R., Bernard P. Trésor de monnaies... P. 34.

⁴⁵ Audouin R., Bernard P. Trésor de monnaies... P. 35—36.

⁴⁶ Narain A. K. The Indo-Greeks... P. 71—72.

⁴⁷ Bernard P. Fouilles... P. 102.

⁴⁸ Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана ... С. 129; Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977. С. 99.

⁴⁹ Подробнее см.: Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия... С. 96 и след.

несколько владений, зависимых от да-юечжи,⁵⁰. Что представляют собой эти владения, не сообщается. Обычно считают, что во главе них стояли представители старой греческой элиты Бактрии⁵¹. Однако через несколько десятилетий ситуация меняется. Бань Гу, автор «Ханьшу», фиксирует да-юечжи уже и к югу от Амударьи⁵². Таким образом, к концу II в. до н. э. окончательно разрушается греческая государственность на всей территории Средней Азии к северу от Гиндукуша.

Парадоксально, но период упадка и окончательного падения власти греков на территории Бактрии и других среднеазиатских областей совпал со временем их наибольшей активности на территории Индостана. Завоевания в этом регионе в первую очередь связаны с именем Менандра. К сожалению, источники, в которых упоминается Менандр⁵³, не дают информации ни о времени его царствования, ни об обстоятельствах его прихода к власти. Например, не ясно, к какому из соперничающих домов он принадлежал. Для решения этих вопросов единственным источником является нумизматический материал. В настоящее время большинство исследователей считают, что Менандр царствовал ориентировочно в период 155—140 гг. до н. э.⁵⁴. Преобладающим среди современных исследователей является мнение, что Менандр (каково бы ни было его происхождение) выступил как противник власти потомков Евтидема на Индо-пакистанском субконтиненте⁵⁵.

Учитывая, что античная традиция приписывает Менандру наибольшие по масштабам завоевания в Индии, вполне логичным представляется мнение (обычное в современной литературе), согласно которому, свидетельства индийской традиции о завоеваниях «яванов» связываются в первую очередь с его походами⁵⁶. Они происходили в условиях политического кризиса, связанного с борьбой различных народов Северной Индии против династии Шунгов. По всей видимости, Менандр сумел первоначально поставить под свой контроль бассейн реки Инд, вытеснив или подчинив находившихся здесь представителей дома Евтидемов. Только после этого начались серьезные военные действия на востоке. Наиболее подробные сведения о наступлении «яванов» (т. е. армии Менандра) донесла до нас «Юга-Пурана» (часть астрономического трактата «Гарги-самхита») — одно из наиболее древних и надежных сочинений пуранической традиции⁵⁷. Согласно этому

⁵⁰ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 151—152; Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 106; Zürcher E. The Yêh-chih and Kaniska in the Chinese Sources // Papers on the Date of Kaniska. Leiden, 1968. P. 359—361.

⁵¹ Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия ... С. 100; Гафуров Б. Г. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 134.

⁵² Бичурин Н. Я. Собрание сведений ... С. 183—184; Zürcher E. The Yêh-chih... P. 364—365.

⁵³ Strab. XI. 11. 1; Peripl. 47; Plut. Moral. 821 D; Majumdar M. G. The Bajaur Cashet of the Reign of Menander // Epigraphia Indica. 1937. Vol. 24. P. 1—8.

⁵⁴ Bivar A. D. H. The Sequence of Menander's drachmae // JRS. 1970. P. 126; Frye R. N. The History... P. 187.

⁵⁵ Bivar A. D. H. The History of Eastern Iran // The Cambridge History of Iran. Cambridge, 1983. Vol. 3(1). P. 190.

⁵⁶ Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Индия в древности... С. 251—252.

⁵⁷ Там же. С. 252.

источнику, объединенные войска пангалов, матхуров и яванов атаковали город Сакету и двинулись к столице государства Паталипутре. Они подошли к городским стенам, затем разрушили город, но укрепиться здесь не смогли, так как между союзниками начались раздоры. Яваны были вынуждены покинуть область Мадхьядеши и вернуться обратно. Известным подтверждением этой информации является и сообщение Патанджали, жившего в эпоху Шунгов, об осаде яванами городов Сакеты и Мадхьямики⁵⁸. О столкновении Шунгов с яванами говорится и в драме Калидасы «Малавикагнимитра» (5 акт), где сообщается, что внук Пушьямитры Васумитра разбил армию неприятеля. Согласно Калидасе, это случилось еще при жизни Пушьямитры, который в честь победы велел совершить ашвамедху.

Таким образом, можно считать установленным, что Менандр прорвался в долину Ганга, его войска доходили вплоть до Паталипутры, но были вынуждены отступить. Восточная граница его владений после этого, видимо, проходила несколько восточнее Матхуры⁵⁹. Власть греков здесь сохранялась вплоть до 120 г. до н. э.⁶⁰

Таким образом, период наивысшего подъема власти греческих правителей на территории Индостана приходится, по всей вероятности, на 150—120 гг. до н. э. и связан с именем Менандра и его ближайших преемников. Под властью Менандра находились огромные территории: от Арахосии до Матхуры, включая значительные области вдоль р. Инд, возможно, и ее устья.

Вслед за Менандром к власти пришел Антиалкид. Он, вероятно, осуществлял контроль над всеми основными индо-греческими центрами⁶¹. Однако дальнейшая история индо-греческих царей становится совершенно неясной. Большое количество царей, известных только по монетам, и полное отсутствие письменных источников крайне затрудняют даже примерную реконструкцию событий. Можно предполагать, что в следующем поколении индо-греческих царей ведущей фигурой был Стратон⁶².

Во всяком случае, ясно, что около 90 г. до н. э. начался закат индо-греческих царей⁶³, который закончился к 20 г. до н. э. полным их утратением с политической сцены.

*Системы расселения*⁶⁴. Еще относительно недавно некоторые исследователи, например В. Тарн⁶⁵, вполне серьезно утверждали, что строительство Александром Македонским городов в среднеазиатском регионе было здесь первой волной урбанизации. Однако многолетние наблюдения показали,

⁵⁸ Там же. С. 251.

⁵⁹ Sharma G. R. Reh Inscription of Menander and the Greek Invasion of the Ganga Valley. Allahabad, 1980.

⁶⁰ Härtel H. Some Results of the Excavations at Sonkh: A Preliminary Report // *Gegman Scholars on India*. New Delhi, 1976. Vol. II. P. 69—99; Srivastava A. K. Mathura as Known through the Coins // *Bulletin of Museums and Archaeology in Uttar-Pradesh*. 1973. N 11/12. P. 30—36.

⁶¹ Bivar A. D. H. The History... P. 190.

⁶² Bivar A. D. H. The History... P. 190—191.

⁶³ Frye R. N. The History... P. 196; Bivar A. D. H. The History... P. 218.

⁶⁴ Подробнее см.: Кошеленко Г. А., Сердитых З. В. Типология и динамика развития системы расселения в Бактрии эллинистической эпохи // *Городская культура Бактрии—Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье: Материалы советско-французского коллоквиума* (Самарканд, 1986). Ташкент, 1987. С. 54—58.

⁶⁵ Tarn W. Alexander the Great. Cambridge, 1951. Vol. II. P. 60.

что ее подъем здесь относится еще к началу I тыс. до н. э.⁶⁶ С другой стороны, некоторые советские исследователи склонны полностью отбрасывать все многочисленные свидетельства о градостроительстве Александра и Селевкидов, считая, что акт «основания» нового города сводился лишь к перестройке укреплений и созданию нескольких общественных сооружений в пределах старого города⁶⁷. Многочисленные новые материалы (в частности, полученные при изучении городища Ай-Ханум) и исследования показали, что эта точка зрения также неверна; завоеватели осуществляли хорошо спланированную политику строительства городов, направленную на создание системы опорных пунктов, которые должны были обеспечить господство греко-македонян⁶⁸.

Наибольшее количество материалов для изучения данной проблемы дает Бактрия. Сейчас для Бактрии составлены достаточно надежные археологические карты⁶⁹, а раскопки, проведенные на ряде памятников, позволили представить характер поселений различных типов. Материалы из других областей могут быть лучше поняты благодаря бактрийским параллелям.

Сопоставление данных письменной традиции и археологических материалов показало, что письменная традиция в основном подтверждается данными археологии. Греческая колонизация касалась главным образом крупных городских центров и осуществлялась либо путем создания нового крупного города, как Ай-Ханум (Александрия Оксиана), ставший столицей Восточной Бактрии⁷⁰, либо сооружением рядом со старым городским центром нового — случай с Мервом⁷¹ и, видимо, Балхом⁷². Можно полагать, что эта черта греческой колонизации определялась особенностями исторического процесса. Греко-македоняне должны были укрепить свое господство над обширными завоеванными территориями при ограниченных человеческих ресурсах. Естественный выход в подобной ситуации — поставить под свой контроль старые административные центры областей. В то же время своеобразии колонизации (необходимость опираться на коллектив греков-переселенцев, условием существования которых был привычный полис) привело к тому, что ограничиться только занятием старого городища было невозможно, необходимо было создавать города, соответствующие принципам полисного устройства, что явилось причиной характерной для этого времени

⁶⁶ Археология СССР: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 187—188.

⁶⁷ Пузаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958. С. 27.

⁶⁸ Подробнее см.: Кошеленко Г. А. Греческий полис... С. 222 и след.

⁶⁹ Ртвеладзе Э. В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана // Древняя Бактрия. Л., 1974; Он же. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана // Бактрийские древности. Л., 1976; Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия ...; Ball W. Avec la collaboration de Gardin J.-C. Archaeological Gazetteer of Afghanistan: Catalogue des sites archéologiques d'Afghanistan. P., 1982. T. I—II.

⁷⁰ Bernard P. Problèmes d'histoire coloniale grecque à travers l'urbanisme d'une cité hellénistique d'Asie Centrale // 150 Jahre Deutsches Archaeologisches Institut. 1829—1979. Mainz, 1981; Бернар П. Проблемы греческой колониальной истории и урбанизм эллинистического города Центральной Азии // Проблемы античной культуры. М., 1986; Сердитых З. В. Полис в структуре Греко-Бактрийского государства // Раннеклассовые формации: Теоретические проблемы становления государства и города. М., 1984.

⁷¹ Археология СССР: Древнейшие государства... С. 228 и след.

⁷² Ball W. Op. cit. N 99.

двойственности, когда новый полис создавался рядом со старым городищем, сливаясь с ним с градостроительной точки зрения в единое целое.

Эти крупнейшие города, как показывает пример Ай-Ханум, обладали мощными укреплениями, регулярной системой планировки, были застроены большими и благоустроенными жилыми домами, снабжены целым рядом типично греческих общественных сооружений (театр, гимнасий и т. д.). Они были окружены сельскохозяйственной территорией, являвшейся хорой полиса.

Помимо крупных городских центров, в Средней Азии зафиксировано и определенное количество городов меньшего размера, наиболее полное представление о которых дает Дильберджин⁷³. Эти города, как правило, являлись центрами небольших сельскохозяйственных районов. Они были меньше затронуты эллинизацией. После установления контроля над крупнейшими городами греко-македоняне постарались утвердиться и в этих небольших городках, которые, по всей видимости, не были превращены в полисы по причине малочисленности греческого населения. В них располагалась локальная администрация, только частично состоявшая из греко-македонян, а сами городки выступали в роли передаточного звена между административными центрами областей и сельскохозяйственной территорией. Основная масса их жителей сохраняла местный этнический характер.

Эти города имеют геометрически правильный план, обычно прямоугольный (реже — круглый). Они укреплены и часто за пределами стен также имеется застройка. В каждом из них зафиксированы памятники монументальной архитектуры — дворцы или храмы. Наиболее впечатляют дворцово-храмовый комплекс Саксонохура, ранний храм в Дильберджине, храм в Такти-Сангине. Во многих местах прослеживается наличие ремесленного производства.

Исследования в Бактрии и других областях позволили выявить четыре различных варианта сельского населения. Однако небольшие масштабы раскопок не позволяют в деталях представить их характер. Очевидно, в целом не была затронута эллинизацией сельская территория, хотя пример некоторых сельских пунктов (Жига-тепе) показывает, что в ряде районов греки осваивали и хору. Часть сельских поселений представляет собой остатки отдельно стоящих усадеб, другие — компактные поселения, иногда даже снабженные укреплениями.

Материалы по более южной части региона более скудны, чем по северной. Однако, сопоставляя данные письменной традиции и археологических материалов, некоторые выводы все же можно сделать. Прежде всего, здесь достаточно отчетливо прослеживаются две волны колонизации: одна связана с Александром Македонским, а вторая — с греко-бактрийскими царями. Так, в Арахосии в ходе первой волны был основан город Александрия⁷⁴, в ходе второй — Деметрия⁷⁵. В настоящее время после открытия греческих надписей в Кандагаре старый вопрос о локализации Александрии в Арахосии, видимо, можно считать решенным. Город должен быть локализован на месте Кандагара. Раскопки, проводившиеся здесь, показали, что Кандагар в

⁷³ Кругликова И. Т. Дильберджин. М., 1974. Вып. 1; Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин. М., 1977. Вып. 2; Кругликова И. Т. Дильберджин: Храм Диоскуров. М., 1986; Древняя Бактрия. М., 1976. Т. 1; Древняя Бактрия. М., 1979. Т. 2; Древняя Бактрия. М., 1984. Т. 3.

⁷⁴ Кошеленко Г. А. Греческий полис... С. 138—141.

⁷⁵ Там же. С. 103.

эллинистическую эпоху очень напоминал Мерв или Бактры и явно принадлежал к тому же самому типу крупных городских центров⁷⁶. Греческий полис здесь был основан на базе древнего местного города, территорию которого он унаследовал. Создание этого города сопровождалось значительными перестройками, в первую очередь укреплений. Город был столицей сатрапии и контролировал большую область — Арахосию, на территории которой также имелось несколько небольших городов⁷⁷ и сельских населенных пунктов⁷⁸. Есть основания полагать, что в Арахосии система колонизации и расселения была в значительной мере сходной со среднеазиатской.

Более сложная картина вырисовывается в отношении Паропамисад и собственно индийских территорий, где также выявляются две волны строительства городов. Необходимо, однако, подчеркнуть, что в Индии в колонизационной политике Александра сильнее чувствовалось собственно военное начало⁷⁹. Он основал несколько городов, но гораздо больше крепостей (или были оставлены гарнизоны в цитаделях существовавших ранее городов). Кроме того, необходимо подчеркнуть, что уже в 318/317 и 316 гг. до н. э. основная часть греков покинула Индию⁸⁰.

Археологические материалы показали, что на территории Паропамисад существовало несколько греческих городов, каждый из которых господствовал над одной из горных долин. Наиболее важными были Александрия Кавказская (Беграм)⁸¹, городище в районе Гардеза⁸² и городище на месте Кабула⁸³. Было доказано, что Александрия Кавказская чрезвычайно сильно напоминает Александрию Оксиану (Ай-Ханум). Именно этот город был столицей всей сатрапии.

О присутствии греков (эпохи греко-бактрийского завоевания) на территории Индии можно говорить только применительно к двум городам: Таксиле и Пушкалавати. В Таксиле именно греки создали новый город (городище Сиркап) рядом со старым (городище Бхир-Маунд)⁸⁴. Он был построен по всем принципам эллинистической фортификации и градостроительства. Сходный облик имел и Пушкалавати⁸⁵.

Таким образом, можно сделать вывод, что в греческой колонизации ведущую роль играли крупные города. Необходимо признать также, что

⁷⁶ Whitehouse D. Excavations at Kandahar 1974: First Interim Report // *Afghan Studies*. 1978. Vol. 1. P. 9—40; McNicoll A. Excavations at Kandahar 1975: Second Interim Report // *Afghan Studies*. 1974. Vol. 1. P. 1. P. 41—66; Helms S. W. Old Kandahar Excavations 1976 // *Afghan Studies*. 1979. Vol. 2. P. 1—8; *Idem* Excavations at «The City and the Famous Fortress of Kandahar, the Foremost Place in All of Asia» // *Afghan Studies*. 1982. Vol. 3/4. P. 1—24; Fraser P. M. The Son of Aristonax at Kandahar // *Afghan Studies*. 1979. Vol. 2. P. 9—22.

⁷⁷ Ball W. Op. cit. N 597, 608, 1114, 1163, 1211.

⁷⁸ *Ibid.* N 180, 429, 595, 709, 938, 1260.

⁷⁹ Бонгард-Левин Г. М. Индия эпохи Маурьев. М., 1973. С. 47; Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1984. С. 243; Briant P. Alexandre le Grand. P., 1974. P. 79.

⁸⁰ Bernard P. Le monnayage d'Eudamos, satrap grec du Pandjab et «maitre des éléphants» // *Orientalia Josephi Tucci memoriae dicta*. Roma, 1985. P. 84—85.

⁸¹ Bernard P. Diodore XVII. 83. 1: Alexandrie du Caucase ou l'Alexandrie de l'Oxus // *Journal des Savants*. 1982. Juil.-decembre. P. 217—242.

⁸² Ball W. Op. cit. N 337.

⁸³ *Ibid.* N 483.

⁸⁴ Marshall J. Taxila: An Illustrated Account of Archaeological Excavations Carried at Taxila under the Orders of the Government of India Between the Years 1913 and 1934. Cambridge, 1951. Vol. I. P. 39.

⁸⁵ Wheeler M. Charsada: A Metropolis of the North-West Frontier. Oxford, 1962.

она сыграла значительную роль в развитии урбанизма. Местные города существовали во всех областях региона и до греков, однако именно их приход привел к созданию новых городских центров и известной трансформации ряда старых. При этом необходимо учитывать, что благодаря эллинам в первую очередь развивались крупные городские образования, игравшие роль столиц областей. Они являлись средоточием власти завоевателей, здесь обитала основная масса переселенцев из Эллады. Значение этих городов как экономических центров была заметной, но все же несравнимой с их ролью как центров политических. Переселение греков способствовало росту и более мелких городских центров (в большинстве случаев возникших в предшествующее время и продолжавших существовать в эллинистический период), но, видимо не напрямую, а опосредованно, ибо собственно греков в них было относительно немного. Основную часть жителей здесь составляли представители местного населения. Подъем этих городских центров являлся следствием общего экономического расцвета региона. Наличие нескольких вариантов сельских поселений, видимо, объясняется процессом усложнения социальной структуры общества, являвшимся также одним из следствий завоевания.

Развитие экономики. Экономика в Средней Азии и в Индии как в период, предшествующий завоеваниям Александра Македонского, так и в эллинистическое время включала в себя многоотраслевое сельское хозяйство, базой которого было ирригационное земледелие. Поэтому наиболее существенным является вопрос, повлиял ли приход греков на развитие сельского хозяйства и, если да, то каким образом.

На территории Восточной Бактрии в 1974—1979 гг. работала специальная экспедиция под руководством Ж. К. Гардена, изучавшая ирригационные системы⁸⁶, преимущественно на равнине возле городища Ай-Ханум, где, видимо, располагалась его хора. Хотя ирригационное строительство началось здесь еще в эпоху бронзы, наивысшего расцвета оно достигло в эллинистический период. Было построено три больших канала, в том числе один, идущий в очень сложных условиях — по предгорьям. В результате этого были орошены максимально возможные земельные площади (16 800 га). Сходные результаты были получены и при обследовании других районов Восточной Бактрии. Вообще, создается впечатление, что греки стремились оросить независимо от стоимости работ все земли, какие только было возможно. Однако этот вывод верен только в отношении районов с предполагаемой значительной концентрацией греческого населения, наиболее важных в политическом отношении.

Данные из Индии освещают другой аспект интересующего нас вопроса. Характерно, что (начиная с греческих слоев) в материалах из раскопок

⁸⁶ Gardin J. C. L'archéologie du paysage bactrien // CRAI. 1980. P. 480—501; Gardin J. C., Gentelle P. Irrigation et peuplement dans la plaine d'Aï Khanoum de l'époque achéménide à l'époque musulmane // BEFEO. 1976. T. LXIII. P. 59—99; Eadem. L'exploitation du sol en Bactriane antique // BEFEO. 1979. T. LXVI. P. 1—29; Gentelle P. Étude géographique de la plaine d'Aï Khanoum et de son irrigation depuis les temps antiques. P., 1978; Gardin J. C., Lyonnet B. La prospection archéologique de la Bactriane orientale (1974—1978): premiers résultats // Mesopotamia. 1980. Vol. XIII—XIV: (1978—1979). P. 99—154; Сердюков З. В., Валиев А. Ирригация и население восточной Бактрии: (обзор публикаций по итогам исследований 1974—1979 гг.) // СА. 1987. № 4. С. 283—290.

Таксилы присутствуют только железные орудия труда⁸⁷. В это же время в Индии впервые появились некоторые специфические варианты плуга, что считается результатом влияния греческой практики обработки земли⁸⁸.

К сожалению, ремесленное производство как Средней Азии, так и Индии больше документировано находками предметов, произведенных в местных мастерских, чем исследованием самих мастерских. Наиболее значительные материалы по среднеазиатской части региона дают раскопки Ай-Ханум, в частности так называемого «храма с нишами»⁸⁹.

Под влиянием греков на Востоке распространились ручные мельницы⁹⁰, тарапаны, предназначенные для производства вина⁹¹, вертикальный ткацкий станок (пришедший на смену ранее обычному здесь горизонтальному)⁹².

Организаторами строительства в крупных городах выступали опытные и обученные по-гречески архитекторы. Бесспорно, что сложные архитектурные детали, выполненные из камня, делали мастера-греки⁹³. Насколько мы можем судить, использование камня для строительства было нетипично для Средней Азии доэллинистического времени. Чисто греческим видом ремесла было мозаичное, неизвестное в Средней Азии ни до, ни после греков. Мозаики Ай-Ханум, даже выполненные в самый последний период существования города (около 150 г. до н. э.), следовали, однако, старой греческой технике, существовавшей в архаическую и классическую эпохи. Мастера Ай-Ханум не восприняли тех

Стела в честь бога Афлада. I в. до н. э.
Дура-Европос

⁸⁷ Marshall J. Taxila... Vol. I. P. 106—107; Vol. III. P. 162—167; Ильин Г. Ф. Древний индийский город Таксила. М., 1958, С. 26.

⁸⁸ Haudricourt A., Delarue M. L'homme et la charrue à travers le monde. 2nd Ed. P., 1955. P. 78.

⁸⁹ Francfort H. P. Fouilles d'Aï Khanoum III: Le sanctuaire du temple à niches indentées. P., 1984. Vol. 2: Les trouvailles.

⁹⁰ Ibid. P. 87; ср.: Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 136 и след.

⁹¹ Bernard P., Garczinski P., Guillaume G., Grenet F., Ghassouli N., Leriche P., Lieger J. C., Rapin C., Rouguelle A., Thoroval J., de Valence R., Veuve S. Campagne de fouilles 1978 à Aï Khanoum (Afghanistan) // BEFEO. 1980. T. LXVIII. P. 13—15.

⁹² Francfort H. P. Fouilles d'Aï Khanoum... P. 47.

⁹³ Bernard P. Matériaux et techniques de construction // Fouilles d'Aï Khanoum I: (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). P., 1973. P. 11.

новшеств, которые появились в Греции в начале III в. до н. э.⁹⁴ Хотя большая часть мелких каменных предметов (главным образом разных видов парадной посуды), выполненных из известняка, мрамора, гранита, стеатита, агата, алебаstra, сланца, изготовлялась местными мастерами в духе местной традиции, все же некоторые, чисто греческие (например, алабастры), производились явно мастерами-греками с применением токарного станка, что было совершенно нехарактерно для местной ремесленной традиции⁹⁵.

Рассматривая образцы столярной работы из раскопок в Ай-Ханум, А. П. Франкфор приходит к выводу, что техника в этой области ремесла была также греческой⁹⁶. Важное место в ремесле Средней Азии эллинистической эпохи занимала ранее здесь совершенно неизвестная обработка слоновой кости. Появление ее было вызвано, во-первых, большей рафинированностью быта высших слоев общества, распространением «греческого образа жизни», а во-вторых, возросшими связями с Индией, откуда поступала основная часть сырья⁹⁷. Большинство предметов, анализ которых позволяет судить о характере этого вида ремесла, происходит из раскопок двух пунктов Ай-Ханум и Тахти-Сангин⁹⁸. В их число входят: детали парадной мебели, вставки для инкрустации различных предметов, фигурки, детали парадных мечей, как боевых, так и миниатюрных — вотивных.

В керамическом производстве также довольно сильно ощущается воздействие греческой традиции, что по всей видимости, связано с переселением сюда греческих мастеров-керамистов⁹⁹. В результате в нем происходят важные технологические новшества (например, меняется характер гончарного круга, что позволяет регулировать скорость вращения и удлиняет его пробег). Именно в этот период начинается производство кровельной черепицы и декоративных антефиксов, возрождается короластика, наступает новый этап в развитии ювелирного искусства. Наконец, необходимо отметить также и то, что только с приходом греков в Средней Азии стало развиваться монетное дело. В сущности, только металлургия и металлообработка (как черных, так и цветных металлов) остались вне воздействия греческих технологических традиций.

В индийском ремесле, наоборот, импульсы, шедшие от греческого производства, ощущаются сильнее, нежели в Бактрии. Но, как показывают раскопки, например, Таксилы, в металлообработке они сказываются не в технологии и возникновении новых отраслей, а в появлении множества мелких усовершенствований, направленных на создание большей «декоративности» (киафы, канделябры, складные стулья,

⁹⁴ Bernard P. Campagne de fouilles 1974 à'Ai Khanoum (Afghanistan) // CRAI. 1975. P. 175—179.

⁹⁵ Francfort H. P. Fouilles d'Ai Khanoum... P. 29.

⁹⁶ Ibid. P. 34.

⁹⁷ Ibid. P. 8.

⁹⁸ Bernard P. Sièges et lits en ivoires d'époque hellénistique en Asie Centrale // Syria. 1970. XLVII. P. 327—347; Idem. A propos de bouterolles de fourreaux achéménides // RA. 1976. N 2. P. 227—246; Francfort H. P. Fouilles d'Ai Khanoum... P. 8—11; Пичикян И. Р. Ножны ксифосов и махайр в Северной Бактрии // СА. 1980. № 4. Он же. Александр-Геракл: греко-бактрийский портрет великого полководца // СА. 1982. № 4; Он же. Парадные ножны греко-бактрийских мечей // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 264—272.

⁹⁹ Сайко Э. В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982. С. 110—120.

переносные жаровни и т. д.¹⁰⁰). Значительно расширяется ассортимент продукции черной металлургии, появляются эллинского типа орудия труда¹⁰¹, копья, наконечники стрел, оборонительные доспехи¹⁰².

Особого внимания требуют исследование цветной металлургии и металлообработки в Индии. Анализируя формы изделий, Дж. Маршалл определил наличие двух художественно-ремесленных традиций среди предметов этого круга: местной индийской и средиземноморской¹⁰³. Кроме того, поскольку многие предметы подвергались химическому количественному анализу, достаточно надежно выделяются и технологические школы. В целом можно полагать, что греки передали индийцам технологию создания некоторых сплавов на медной основе, а также открыли им целый ряд мелких технических секретов, что привело к широкому распространению в быту индийцев предметов (сосуды, курительницы, декоративные элементы мебели, различные виды украшений), изготовленных из медных сплавов¹⁰⁴.

Расселение в северо-западной части Индостана греческих ремесленников дало, помимо прочего, мощный импульс развитию ювелирного дела¹⁰⁵. В отличие от Средней Азии, где до завоеваний Александра местная чеканка монеты отсутствовала, в Индии она зародилась еще в VI—V вв. до н. э.¹⁰⁶ Однако, вопреки мнению некоторых индийских ученых, полностью отрицающих влияние греков на монетное дело Индии¹⁰⁷, все же можно считать, что в технической сфере монетного производства оно было достаточно велико. Благодаря им в монетном чекане Индии стали обычными круглая форма монеты, надписи, изображения правителей¹⁰⁸. В обработке камня также происходят определенные изменения: в эллинистический период наблюдается переход от использования твердых пород камня к мягким и соответственно широкое применение токарного станка в производстве многих категорий каменных предметов¹⁰⁹.

В строительном деле греческое влияние сказывалось только при сооружении общественных или культовых зданий, таких, как храм Джандиал, ионийские колонны которого очень напоминают малоазийские прототипы и явно были выполнены мастерами-греками или местными, но прошедшими греческую школу¹¹⁰. К другим нововведениям эллинистического периода явно относится появление шутового орнамента, восходящего к образцам из Ай-Ханум¹¹¹.

¹⁰⁰ Marshall J. Taxila... Vol. II. P. 542—544.

¹⁰¹ Ibid. P. 551—552. N 103—108; 553—554, N 119—121.

¹⁰² Ibid. P. 546; 549—552, N 73—76, 80, 81, 90—94, 103—108; Cannoly P. Greece and Rome at War. L., 1981. P. 150, N 2.

¹⁰³ Marshall J. Taxila... Vol. II. P. 128—130.

¹⁰⁴ Ильин Г. Ф. Древний индийский... С. 39.

¹⁰⁵ Chandra R. C. Indo-Greek Jewellery. New Delhi, 1979. P. 95.

¹⁰⁶ Бенгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Индия в древности... С. 291; Vanaja R. Indian Coinage. New Delhi, 1983. P. 5.

¹⁰⁷ Lahiri A. N. Foreign Influence and Local Coins // Seminar Papers on the Local Coins of Northern India C. 300 B. C. to 300 A. D. / Ed. Narain A. K. Varanasi, 1968. P. 203—216.

¹⁰⁸ Vanaja R. Indian Coinage... P. 7—9.

¹⁰⁹ Marshall J. Taxila... Vol. I. P. 128; Vol. II. P. 479—481.

¹¹⁰ Rowland B. Notes on the Ionic Architecture in the East // AJA. 1935. Vol. XXXIX, N 4. P. 492.

¹¹¹ Bernard P. La statueire // Fouilles d'Aï Khanoum, I (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). P., 1973. P. 189—193.

Подводя итоги, мы должны будем сказать, что влияние греческих традиций на развитие производства в Средней Азии и Индии было неодинаковым: в первом случае более глубоким, чем во втором. Кроме того, оно было асимметричным, т. е. в разных регионах сказывалось в различных сферах производства.

В целом эллинистическая эпоха и в Средней Азии, и Индии знаменовала значительный экономический подъем, естественным результатом которого было дальнейшее развитие обмена и торговли. Нельзя, однако, забывать, что экономика Бактрии и Согдианы уже достигла уровня развития, сделавшего возможным переход к товарно-денежным отношениям. Тем не менее именно греческое завоевание и особенно строительство городов были теми импульсами, которые способствовали становлению денежного обращения¹¹².

Можно отметить, что развитие торговли имело многообразный характер, она не только охватывала местные небольшие рынки, но и способствовала международным торговым связям, о которых мы знаем больше. Уже при Ахеменидах сформировалась сеть торговых трасс, продолжавшая расти и в эллинистическое время¹¹³. Важнейшая роль принадлежала пути, который связывал Средиземноморье с глубинными районами Азии и носил название «парфянской царской дороги». Этот путь в начале I в. до н. э. был описан Исидором Харакским¹¹⁴. Видимо, определенную роль играл и так называемый Северный путь, связывавший Бактрию с Закавказьем, через территорию современной Туркмении и Каспийское море (Strab. XI. 15, 3). В этот период также начинает складываться путь из Средней Азии на восток, в Китай, через оазисы Восточного Туркестана¹¹⁵. Важную роль играли несколько путей, пересекавших Гиндукуш и соединявших Бактрию с Индостаном¹¹⁶, на территории которого существовало несколько менее значимых торговых дорог. Очень важны были морские торговые трассы по Индийскому океану, которые установились очень рано. Во всяком случае, плавания между Месопотамией и Индией восходят ко II (если не III) тысячелетию до н. э.¹¹⁷ Столь же рано начались путешествия египтян по Красному морю с выходом в Индийский океан¹¹⁸. Первоначально эти трассы были разделены, но уже достаточно рано они имели тенденцию к слиянию.

Решительные изменения в мореплавании происходят с открытием муссонов (конец II в. до н. э.)¹¹⁹. Благодаря этому открылась возможность

¹¹² Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983. С. 21.

¹¹³ Walbank F. W. The Hellenistic World. Brighton, 1981. P. 199—202; Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 218—224.

¹¹⁴ Parthian Stations by Isidore of Charax: The Greek Text with a Translation and Commentary by Schoff. L., 1914 (reimp. Chicago, 1976).

¹¹⁵ Пьянков И. В. Древнейшее античное известие о пути в Восточный Туркестан // Прошлое Средней Азии: (Археология, нумизматика и эпиграфика, этнография). Душанбе, 1987. С. 261—267.

¹¹⁶ Bernard P. Diodore XVII. 83. 1... P. 217—242.

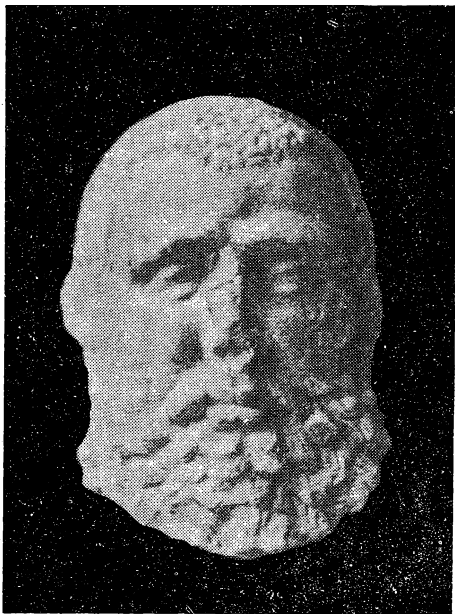
¹¹⁷ Mallowan M. An Early Mesopotamian Link with India // JRAS. 1970. N 1. P. 192; Бибби Дж. В поисках Дильмуна. М., 1984.

¹¹⁸ Берзина С. Я. Древняя Индия и Африка // Древняя Индия: Историко-культурные связи. М., 1982. С. 17—23.

¹¹⁹ Tarn W. The Greeks... P. 368—369; Hourani G. P. Arab Seafaring in the Indian Ocean in Ancient and Early Medieval Times. Princeton, 1951. P. 24—25; Walbank F. W. The Hellenistic... P. 202.

прямых плаваний от восточного побережья Африки в Индию и обратно, и самый восточный край эллинистического мира вступил в прямой контакт со Средиземноморьем. Расцвет этой торговли приходится, однако, уже на первые века н. э.

Основные проблемы культуры. Экономический прогресс являлся одной из важнейших предпосылок подъема культуры, который отмечается в Средней Азии и Индии в эллинистическую эпоху. Однако те формы, в которые «отливалась» культура, определялись совокупностью социальных, политических и культурных факторов. Греки принесли на Восток свои формы социальной и политической организации и соответственно свои традиционные формы материальной и духовной культуры¹²⁰. С другой стороны, местное общество стремилось сохранить свои традиционные формы социальной и политической организации, свою систему духовных ценностей, свою традиционную культуру. Большинство современных исследователей рассматривают эллинистическую культуру как явление синкретическое, в котором сливались черты греческой и местной культуры¹²¹. В общей форме этот тезис безусловно справедлив, однако в настоящее время он уже недостаточен. Необходимо учитывать, что процесс синтеза в различных сферах культуры протекал в различном темпе, кроме того, необходимо иметь в виду, что иногда в эту эпоху возникали явления, не порожденные какой-либо культурной традицией, а ставшие результатом специфических условий существования общества. В советской литературе в последнее время часто пользуются двумя терминами: эллинизм и пост-эллинизм. При этом высказывается мысль, что эпоха эллинизма — это время политического господства греков, а постэллинизм — это время, когда политическая власть греков уже уничтожена и к власти приходят господствующие слои местного населения. С точки зрения эволюции культуры различие между этими эпохами следующее: в эллинистическую эпоху взаимодействие между греческой и местной культурой относительно невелико, поскольку греки принадлежат к господствующему слою населения, место которого в обществе резко отличается от положения основной массы населения, и существующие между ними социальные барьеры препятствуют культурному синтезу. В постэллинистическую эпоху происходит подлинный синтез культур, так как в это время греки утрачивают свое господствующее

Голова мужчины.
Герма из городища Ай-Ханум

¹²⁰ См.: Кошеленко Г. А. Греческий полис... С. 222 и след.

¹²¹ Подробнее см.: Кошеленко Г. А. Греческий полис... С. 23 и след.

Женский бюст.
Терракота, отлитая в форме.
Бактрия

положение, они занимают то же место, что и основная часть местного населения, и это приводит к резкому усилению культурных контактов между ними¹²².

На территории городища Ай-Ханум помимо дворца, храмов, арсенала, жилищ, обнаружены типично греческие общественные сооружения, такие, как огромный гимнасий и театр. Они были предназначены не только для нужд собственно граждан города, но и для греков, живших на территории всей области¹²³. Именно эти учреждения в очень сильной степени способствовали сохранению чисто греческого характера культуры гражданства Ай-Ханум.

В гимнасии найдено посвящение Гермесу и Гераклу, божествам—покровителям гимнаasia. Еще одна надпись открыта в герооне Киней. Она также очень показательна с точки зрения сохранения чисто эллинских форм жизни. В надписи говорится о том, что некий Клеарх скопировал известные «максимы

мудрецов» в Дельфах и поместил их на стеле в теменосе Киней. Здесь же была найдена каменная плита, на которой вырезаны пять из указанных максим. Как показал Л. Робер, Клеарх, упомянутый в данной надписи, — это, по всей видимости, известный перипатетик Клеарх из Сол¹²⁴. Необходимо также упомянуть о фрагментах греческих текстов философского содержания, написанных на папирусе и пергамене и найденных при раскопках дворцовой сокровищницы Ай-Ханум. По вполне справедливому мнению издателя, данные находки бесспорно свидетельствуют о существовании здесь библиотеки¹²⁵. Отметим также, что на городище Жига-тепе советские археологи обнаружили надгробную надпись (к сожалению, поврежденную)¹²⁶, как кажется метрическую, выполненную полностью в духе обычных греческих стихотворных эпитафий.

¹²² Koshelenko C. A. Les traditions de la Bactriane ancienne et les étalons culturels du monde hellénistique // Actes du Colloque franco-soviétique «L'archéologie de la Bactriane Ancienne». Dushanbe (USSR), 29 octobre — 3 novembre 1982. P., 1985. P. 269—272.

¹²³ Bernard P. Problèmes... P. 114; Бернар П. Гимнасий в Ай-ханум // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда: Античность, раннее средневековье: Материалы советско-французского colloquium (Самарканд, 1986). Ташкент, 1987. С. 22—31.

¹²⁴ Robert L. Les inscriptions... P. 222.

¹²⁵ Rapin C. Les textes littéraires grecs de la trésorerie d'Aï Khanoum // BCH. 1987. Vol. 111. P. 225—265.

¹²⁶ Krouglikova I. Les fouilles de la mission archéologique soviéto-afghane sur le site gréco-kushan de Dilberdjén en Bactriane // CRAI. 1977. P. 425—426.

Следовательно, можно полагать, что в духовной сфере эллинские традиции существовали и были живы до самого конца Греко-Бактрийского царства. Однако есть все основания утверждать, что подобная интеллектуальная атмосфера существовала и в более южных частях региона. Уже при издании греческих вариантов надписей Ашоки из Кандагара исследователи подчеркивали, что только человек очень высокообразованный, хорошо знавший как греческую философию и религию, так и буддизм и достаточно хорошо владевший санскритом, мог так правильно, но в то же время не буквально перевести индийский текст на греческий¹²⁷. Однако греческая образованность не ограничивалась только духовной сферой. Хозяйственные документы из Ай-Ханум (острака) также выполнены на хорошем греческом языке и в полном соответствии с обычными нормами эллинистических канцелярий¹²⁸. Греческий язык проникал и в храмы местных божеств¹²⁹.

В различных сферах культуры наблюдаются явления, которые можно безошибочно определить как греческие. В Ай-Ханум засвидетельствованы два погребения *intra muros* сограждан, отмеченных таким образом за свои заслуги перед полисом. И архитектура героона Киния точно так же выполнена в чисто греческих традициях¹³⁰. Чисто греческий характер имеют пропилеи, ведущие от главной городской улицы к дворцовому комплексу. Они принадлежат к тому типу, который историки архитектуры называют «простым» и который наиболее широко распространен в Греции и эллинистическом мире¹³¹. Сильное греческое воздействие испытала скульптура городища Ай-Ханум. При раскопках города были найдены: герм (типа *Mantelherme*), датируемый раннеэллинистическим временем; рельеф с изображением юноши-эфеба; бронзовая статуэтка Геракла; мраморная статуэтка, изображающая юношу с венком на голове¹³². Особенно важна последняя находка — скульптура неокончена, что свидетельствует бесспорно о существовании в Бактрии местной скульптурной школы. Явно греческой является и статуэтка сатира из Тахти-Сангина.

Среди произведений прикладного искусства, обнаруженных в ходе археологического исследования Бактрии, также имеются те, которые принадлежат к эллинскому типу. Одним из наиболее ярких примеров может служить резная слоновая кость (от ножен миниатюрной вотивной махайры) с изображением Александра Македонского в виде Геракла (Тахти-Сангин)¹³³.

¹²⁷ Schlumberger D., Robert L., Dupont-Sommer A., Benveniste E. Una bilingue gréco-araméenne d'Asoka // JA. 1958. T. 246. Fasc. 1; Schlumberger D. Une nouvelle inscription grecque d'Açoka // CRAI. 1964. P. 1—15; Benveniste E. Edite d'Açoka en traduction grecque // JA. 1964. T. 252. Fasc. 2. P. 137—158.

¹²⁸ Rapin C. Les inscriptions économiques de la trésorerie hellénistique d'Aï Khanoum (Afghanistan) // BCH. 1983. Vol. 107. P. 315—372.

¹²⁹ Литвинский Б. А., Виноградов Ю. Г., Пичикян И. Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4. С. 84—109.

¹³⁰ Bernard P. Problèmes... P. 117.

¹³¹ Guillaume O. Fouilles d'Aï Khanoum II: Les propylées de la rue principale. P., 1983.

¹³² Bernard P. Aï Khanoum on the Oxus: A Hellenistic City in Central Asia. L., 1967.

¹³³ Пичикян И. Р. Александр-Геракл: греко-бактрийский портрет великого полководца // СА. 1982. № 4; Он же. Парадные ножны греко-бактрийских мечей // Проблемы античной культуры. С. 264—272; Litvinsky B. A., Pichikyan I. R. Monuments of Art from the Sanctuary of Oxus (Northern Bactria) // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1983. T. XXVIII. Fasc. 1—4. Fig. 9.

Другой пример — рельеф, украшающий ножны акинака, представляющий Геракла, наказывающего силена¹³⁴. В живописи наиболее яркий образец этого круга произведений искусства — изображение Диоскуров в храме Дильберджина¹³⁵.

В искусстве Греко-Бактрии, однако, уже довольно рано появилась определенная группа произведений, которую нельзя характеризовать как чисто греческую. Мы имеем в виду некоторые образцы скульптуры из раскопок Тахти-Сангина и Дильберджина. Оставаясь с точки зрения стилистики греческими, они выполнены в технике, непривычной для искусства эллинов. В частности, в Тахти-Сангине найдена голова скульптуры безбородого мужчины в диадеме. Несмотря на небольшие размеры (менее половины натуральной величины), голова выглядит весьма монументально. Скульптор, создававший эту статую, был явно опытным мастером, который, без сомнения, копировал монументальное произведение. Статуя, однако, выполнена из необожженной раскрашенной глины, т. е. в технике, непривычной для греческой скульптуры. К той же категории принадлежит и статуя Геракла из раскопок храма в Дильберджине. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что эти произведения происходят не из греческих полисов. Поэтому подобный вариант в развитии искусства, видимо, необходимо рассматривать как результат греческого влияния на местное художественное творчество.

Выделяется еще одно — «синтетическое» — направление в искусстве Средней Азии, в котором на почве греческого полиса отмечается начало синтеза между художественными принципами Греции и Востока. Своеобразное проявление он нашел в архитектуре Греко-Бактрии, лучше всего известной, естественно, на примере городища Ай-Ханум. Наиболее показательна в этом отношении архитектура дворцового комплекса — явно восточная, восходящая к ахеменидским, а через них — к нововавилонским образцам. Вместе с тем ордерная архитектура носит греческий характер. Колонны коринфского ордера дворцового комплекса в Ай-Ханум удивительно напоминают колонны храма Зевса Олимпийского в Афинах¹³⁶. Этот архитектурный принцип был унаследован и чуть более поздним дворцовым комплексом в Саксонохуре (Южный Таджикистан)¹³⁷.

Храмовая архитектура Бактрии производит удивительное впечатление. В настоящее время мы не знаем ни одного храма чисто эллинского типа. Два храма, исследованные на городище Ай-Ханум, восточные по своему устройству, при этом особенно следует подчеркнуть, что их планировка восходит к вавилонским образцам¹³⁸. Заметим, однако, что культовые статуи, помещенные в эти храмы, были (судя по фрагментам, найденным во время раскопок) чисто греческими, что позволяет, говорить о феномене

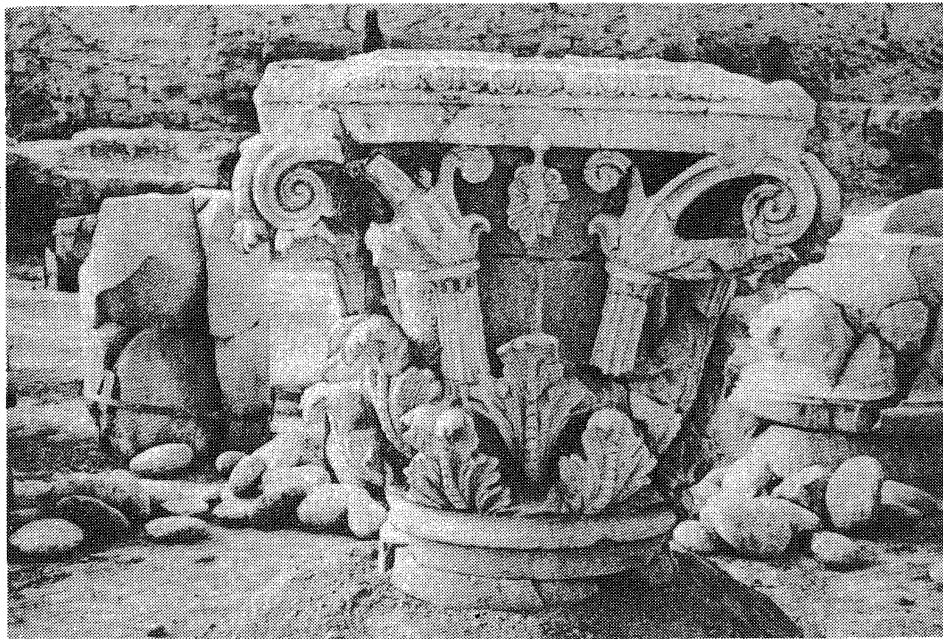
¹³⁴ Litvinsky B. A., Pichikyan I. R. Monuments... Fig. 10.

¹³⁵ Кругликова И. Т. Настенные росписи Дильберджина // Древняя Бактрия: Материалы Советско-афганской экспедиции 1969—1973 гг. М., 1976. С. 68 и след.

¹³⁶ Bernard P. Les traditions orientales dans l'architecture grecobactrienne // JA. 1976. P. 245—275; Idem. Chapitiaux corinthiens hellénistiques de l'Asie Centrale découvertes à Aï Khanoum // Syria. 1968. XLV. P. 111.

¹³⁷ Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. Ю. Античное городище Саксонохур // СА. 1969. № 2.

¹³⁸ Bernard P. Problèmes... P. 115.

Капитель колонны коринфского ордена. Городище Ай-Ханум

синкретизации. Храм Тахти-Сангина — типичный иранский храм огня, однако колонны и алтари, найденные в нем, греческие¹³⁹.

Столь же синкретический характер имеет и храм Джандиал в Таксиле, в котором наряду с некоторыми греческими чертами в планировке и использовании колонн ионийского ордена присутствуют совершенно своеобразные приметы, такие, как мощное башнеобразное сооружение в задней части здания¹⁴⁰.

Художественный синтез проявляется иногда и в пластике. Некоторые скульптуры Тахти-Сангина принадлежат к данному направлению. В принципе такая же картина наблюдается и в монетном деле. Среди многочисленных монет греко-бактрийских царей только очень небольшое количество представляют примеры синтеза греческих и восточных идей. В частности, это те монеты, на которых образ Гелиоса заменен типологически близким ему образом иранского солнечного божества Митры¹⁴¹. Ситуация меняется, когда греко-бактрийские цари распространяют свои притязания на Индию. Здесь правилом стала чеканка двуязычной монеты: легенда на одной стороне греческая, на другой индийская. Иногда на монетах появ-

¹³⁹ Пичикян И. Р. Композиция храма Окса в контексте архитектурных сопоставлений // Информ. бюл. МАИКЦА. 1987. Вып. 12. С. 49—64; Он же. Греко-Бактрийские алтари храма Окса (Северная Бактрия) // Там же. С. 65—75.

¹⁴⁰ Rowland B. The Art and Architecture of India: Buddhist, Hindu, Jain. Harmondsworth, 1956. P. 81.

¹⁴¹ Сердитых З. В. Об одном из вариантов культа Митры // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 279—282.

ляется еще одна новая черта — образы индийских божеств. Так на монетах царя Агафокла изображались Самкаршана и Васудева-Кришна¹⁴².

Наконец, необходимо отметить наличие еще одного явления в культуре данного региона эллинистической эпохи. Мы можем фиксировать рождение некоторых типов сооружений, которые не связаны прямо с предшествующими традициями: ни с греческой, ни с местной, а порождены своеобразием конкретной исторической ситуации, для которой предшествующий опыт не давал адекватных решений. Одним из примеров этого является фортификация таких городов, как Ай-Ханум¹⁴³, другим — жилой дом греко-бактрийской знати¹⁴⁴. С одной стороны, например, фортификация порождена практикой эллинистического военного дела и в этом смысле она представляет собой развитие греческой фортификации, но, с другой стороны, она эволюционировала здесь в совершенно особых специфических политических и военных условиях и поэтому «отлилась» в формы резко отличные от собственно эллинистических. Наиболее характерными чертами восточноэллинистической фортификации, которую условно называют «массивной», является наличие очень толстых стен, выполненных из сырцового кирпича, использование в качестве основы обороны мощных башен. Эти принципы применялись при создании только крупных греческих городов, что объясняется относительно небольшим числом греков, а поэтому защитников города хватало только для обороны башен. Такая «массивная» фортификация засвидетельствована в Ай-Ханум, Бактрах, Мерве, Самарканде, Кандагаре. В деревнях и мелких городах использовались традиционные приемы строительства оборонительных сооружений. Здесь главную роль в обороне играли стены, а не башни. Этот принцип предполагал массовое участие жителей населенного пункта в обороне.

Весьма своеобразным явлением были и жилые дома знати Греко-Бактрии, известные на примере Ай-Ханум. Этот своеобразный социальный слой, не имевший прямых предшественников, создал и своеобразный тип жилища. В планировке его совершенно особое место было отведено помещению для приемов, которое, располагаясь в центре дома, подчеркивало аристократическое понимание роли хозяина в обществе и его кичливое поведение, неотъемлемое от его социального положения.

Таким образом, в эллинистической культуре региона можно видеть следующие явления: 1) прямое продолжение традиций эллинского мира. Особенно сильно это сказывается в тех сферах культуры, которые порождаются сохранявшимися общественными установлениями греков, в частности полисными структурами (архитектура общественных зданий полисного типа,

¹⁴² Audouin R., Bernard P. Trésor de monnaies indiennes et indogrecques d'Aï Khanoum (Afghanistan) // RN. 1974. T. XVI.

¹⁴³ Леруш П. Оборона эллинистического города Ай-Ханум в Афганистане // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда... С. 68—71. Leriche P. Fouilles d'Aï Khanoum. V: Les remparts et les monuments associés. P., 1986; Kochelenko G. La fortification de l'orient hellénistique: Remarques préliminaires // La fortification dans l'histoire du monde grec: Actes du colloque International. P., 1987. P. 143—148; Francfort H. P. Les fortifications en Asie Centrale de l'âge du bronze à l'époque Kouchane. P., 1979.

¹⁴⁴ Francfort H. P. Le plan des maisons gréco-bactriennes et le problème des structures de «type megaron» en Asie Centrale et en Iran // Le plateau iranien des origines à la conquête islamique. P., 1977. P. 263—280; Лекую Г. Ай-Ханум: Жилищное строительство // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда... С. 59—67.

философская образованность, ряд культов и т. д.); 2) явления, знаменующие начало культурного синтеза между греками и местным населением. Этот синтез имел две ипостаси. Приход греческих черт в местную культурную среду и принятие восточных черт греческой культурной средой. Примером первого явления может служить храм в Тахти-Сангине, примером второго — храмы Ай-Ханум. Хотелось бы подчеркнуть, что, по-видимому, религия явилась той сферой культуры, где раньше всего начался синтез греческих и местных культурных пластов. На позднем этапе мы знаем примеры перехода греков в буддизм или принятия ими культов индийского пантеона¹⁴⁵. Мы видим и примеры более органичного соединения греческих и местных черт в едином явлении, примером чего служит дворцовая архитектура Ай-Ханум. Характерно,

*Индо-греческая драхма
царя Агафокла.
Бог Васудева.
II в. до н. э.*

что в этом случае греки приняли основную планировочную идею Востока, сохранив свои традиционные ордерные формы архитектуры. Причина этого, видимо, кроется в том, что в греческой архитектуре более раннего времени не существовало того прототипа, который мог бы быть использован; 3) явления, не бывшие прямым продолжением греческих или местных традиций, но подготовленные ими и родившиеся как прямой ответ на специфику социально-экономической, политической и бытовой ситуации в данном регионе в эпоху эллинизма. К их числу относится фортификация крупных городов — полисов, а также характер жилища знати.

Падение политической власти греков резко изменило и общекультурную ситуацию. После этого начинается активный синтез греческой и местной культурных традиций. Поскольку подение господства греков происходило в разное время, то и характер культурного синтеза в различных частях был неодинаков.

2. Ранняя Парфия

Основные факты политической истории. Возникновение Парфянского государства — проблема, которая до сего времени еще не может считаться решенной. Причина этого заключается не только в скудности источников, но и в том, что в них содержатся две взаимоисключающие версии происшедших событий: одна из них сообщается Юстином (Помпеем Трогом),

¹⁴⁵ См., например, надпись на колонне из Беснагара, возведенной в честь Васудевы греком из Таксилы Дионом, послом царя Антиалкида: *Lüders H. List of Brahmi Inscriptions // Appendix to Epigraphia Indica. Calcutta, 1912. X, N 669.*

вторая — Аррианом (и зависящими от него авторами). В последнее время все большее признание приобретает та точка зрения, согласно которой, информация Юстина более адекватно отражает историческую реальность, нежели версия Арриана¹⁴⁶, хотя, конечно, и в первой версии имеются неточности, прежде всего хронологического порядка, порожденные не совсем удачным сокращением оригинального текста Помпея Трога Юстином¹⁴⁷.

Видимо, характер событий можно представить следующим образом. Около середины III в. до н. э. практически одновременно с Диодотом, правителем Бактрии, от власти Селевкидов отпадает и Андрагор, вероятно являющийся правителем как Парфии, так и Гиркании. Однако судьба Андрагора оказалась более печальной, нежели Диодота. Вскоре после отложения Парфия подверглась нападению кочевников, во главе которых стоял Аршак. Андрагор погиб в борьбе и власть была захвачена Аршаком¹⁴⁸.

В связи с выяснением хронологии событий справедливыми представляются следующие соображения Р. Н. Фрая¹⁴⁹. Сообщение Юстина о дате этих событий (*Just. XLI. 4.3—4.*) внутренне противоречиво, так как в нем имеются три хронологически несовместимых указания: во время 1-й Пунической войны; в консульство Луция Манлия Вульсона и Марка Аттилия Регула; когда происходили раздоры между двумя братьями-царями, Селевком и Антиохом. Р. Н. Фрай подчеркнул, что не только невозможно согласовать друг с другом эти указания, но и все попытки как-то исправить текст Юстина, чтобы устранить эти противоречия, оказались совершенно безуспешными. Кроме того, Р. Н. Фрай с полным основанием подчеркивает, что дату возникновения Парфянского царства нельзя отодвигать слишком далеко от 247 г. до н. э. (года начала Аршакидской эры), как это делает И. Вольский, считающий, что эти события происходили в 239 г. до н. э.¹⁵⁰

Ранняя история Парфии чрезвычайно слабо освещена источниками. Можно думать, что события, окончательно утвердившие существование независимого Парфянского царства произошли в период между 230 и 227 гг. до н. э.¹⁵¹ Селевкидский царь Селевк II, сумев укрепить свои позиции на западе, начал поход с целью возвращения потерянных «верхних сатрапий». Первоначально селевкидские войска имели успех, но затем парфяне, опираясь на поддержку кочевых племен (апасиаков) сумели одержать победу.

¹⁴⁶ Wolski J. L'historicité d'Arsaces I // *Historia*. 1952. Bd. 8, H. 2; *Idem*. Arsaces II et généalogie des premiers Arsacides // *Historia*. 1962. Bd. 11, H. 2; Koselenko G. A. La genealogia dei primi Arsacidi (encora sull'ostrakon di Nisa N 1760) // *Mesopotamia: Rivista di archeologia, epigraphia e storia orientale antica*. (1982). Firenze, 1983. XVII.

¹⁴⁷ Frye R. N. *The History of Ancient Iran*. München, 1983. P. 178—179.

¹⁴⁸ У Юстина события обрисованы следующим образом: Арсак «с шайкой разбойников напал на парфян, победил их правителя Андрагора и, убив его, захватил власть над парфянским народом» (*Just. XLI. 4, 7*); у Страбона — «затем Арсак, скиф, вместе с некоторыми из даев, так называемых апарнов, кочевников, живущих по реке Оху, напал на Парфию и завоевал ее» (*Strab. XI. II. 2*).

¹⁴⁹ Frye R. N. *The History...* P. 178, 208.

¹⁵⁰ Wolski J. *The Decay of the Iranian Empire of the Seleucides and the Chronology of Parthian Beginnings* // *Berytus*. 1956/8. Vol. 12; *Idem*. Les iraniens et le royaume gréco-bactrien // *Klio*. 1960. Bd. 38; *Idem*. Der Zusammenbruch der Seleukidenherrschaft in Iran im 3. Jh. V. Chr. // *Der Hellenismus im Mittelasien* / Hrsg. von F. Altheim, J. Behork. Darmstadt, 1969; *Idem*. Untersuchungen zur frühen parthischen Geschichte // *Klio*. 1976. Bd. 58.

¹⁵¹ Подробнее см.: История Ирана. С. 89—90.

Хотя она и не была решительной, вспыхнувшие в Сирии мятежи не позволили Селевку продолжать борьбу. Видимо, после отражения первого селевкидского нашествия Аршак I принял царский титул, торжественно короновался в г. Асааке, где в честь этого был зажжен «вечный огонь» в местном храме¹⁵², начал чеканку собственной монеты¹⁵³. Последующие годы царствования Аршака I, видимо, в основном прошли в условиях мира. Согласно свидетельствам античных авторов, в это время усилилась парфянская армия, укреплялись города, закладывались крепости. Есть основания полагать, что тогда же парфяне постепенно начали проникать в Мидию¹⁵⁴.

Однако ресурсы и возможности греко-македонян в Азии, в частности Селевкидов, были еще значительны. Известная стабилизация государства Селевкидов при Антиохе III создавала реальную угрозу самому существованию Парфянского царства. С этой угрозой пришлось столкнуться сыну и преемнику Аршака I — Аршаку II¹⁵⁵. В 209 г. до н. э. начался «восточный поход» Антиоха III. После ожесточенной борьбы парфяне потерпели поражение¹⁵⁶. Условия мирного договора точно неизвестны. Источники сообщают только, что Антиох сделал Аршака своим «союзником», что, безусловно, означало признание со стороны парфян верховной власти Селевкидов. Но царство все же продолжало существовать, хотя и в рамках Селевкидской державы¹⁵⁷. Тем не менее можно предполагать, что среди парфянской знати условия мирного договора вызвали недовольство. Трудно представить, даже в самых общих чертах характер происходивших событий, но известно, что после Аршака II власть переходит к Фриапатию, который являлся внуком Тиридата — брата Аршака I. После этого, насколько мы знаем, прямые потомки Аршака I устранились от власти и на парфянском престоле воцаряется линия потомков Тиридата, хотя официальное название династии — Аршакиды — сохраняется¹⁵⁸.

Однако зависимость парфян от Селевкидов не была длительной. Поражение Антиоха III от римлян при Магнесии резко ослабило государство

¹⁵² Подробнее см.: Кошеленко Г. А. Царская власть и ее обоснование в ранней Парфии // История Иранского государства и культуры: К 2500-летию Иранского государства. М., 1971. С. 212—218.

¹⁵³ Вопрос о времени начала чеканки монеты в Парфии очень сложен и дискуссионен. См.: Кошеленко Г. А. Некоторые вопросы истории ранней Парфии // ВДИ. 1968. № 1. С. 53—71. Некоторые исследователи считают, что парфяне начали выпускать свою монету только при Митридате I. См.: *Le Rider G. Suse sous les Séleucides et les Parthes*. P., 1965. P. 315—322. Однако сравнительно недавнее исследование М. Абгарьянца и Д. Селлвуда (*Abgarians M. T., Sellwood D. G. A Hoard of Early Parthian Drachms* // NC. 1971. II.) кажется безоговорочно ставит точку на этой длительной дискуссии: парфяне чеканили монету еще при Аршаке I.

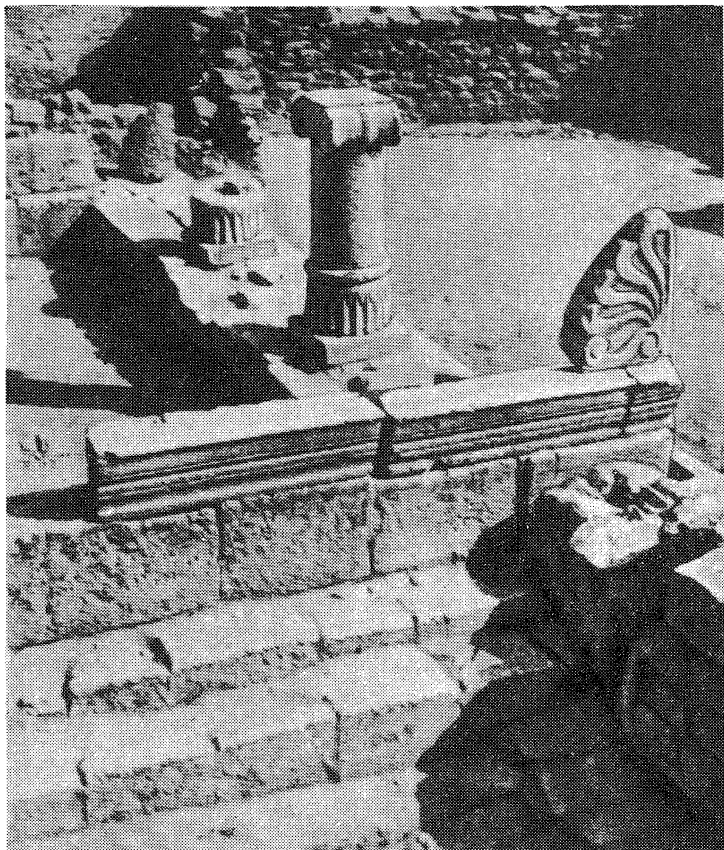
¹⁵⁴ История Ирана. С. 90.

¹⁵⁵ См.: Кошеленко Г. А. Генеалогия первых Аршакидов: (еще раз о нисийском острове № 1760) // История и культура народов Средней Азии: (древность и средние века) / Под ред. Б. Г. Гафурова, Б. А. Литвинского. М., 1976. С. 36.

¹⁵⁶ Во время этой войны происходит событие, которое показывает, что парфяне воспринимали греков, живших в пределах Парфии, как естественных союзников Антиоха и соответственно своих врагов. Во время осады города Сирикса войсками Антиоха парфяне перебили греческое население города (*Polyb. X. 31. 11*). См.: Бокщанин А. Г. Парфия и Рим: Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. М., 1960. Ч. I. С. 203; *Will E. Histoire politique du monde hellénistique*. T. II. P. 48.

¹⁵⁷ *Frye R. N. The History...* P. 170.

¹⁵⁸ Кошеленко Г. А. Генеалогия... С. 31—37.

Пронаос храма времен Селевкидов.

III в. до н. э.

Раскопки городища Файлака

Селевкидов, что давало парфянам возможность не только восстановить свой суверенитет, но и начать дальнейшую экспансию. При преемнике Фриапатия Фраате I были покорены марды, племя населявшее юго-восточное побережье Каспийского моря (*Just.* XLI. 5) ¹⁵⁹. Однако подлинным создателем парфянского могущества стал Митридат I — младший брат Фраата.

Митридат I приходит к власти около 171 г. до н. э. ¹⁶⁰ По всей видимости, первые десять лет царствования были им потрачены на консолидацию государства. Следующий период (около 160—150 гг. до н. э.) ¹⁶¹ был занят главным образом войнами на востоке, где в результате ряда походов Митридат I смог захватить две провинции Греко-Бактрийского

¹⁵⁹ Frye R. N. *The History...* P. 210.

¹⁶⁰ Подробнее см.: Кошеленко Г. А. Монетное дело Парфии при Митридатe I // *НиЭ. М.*, 1972. Т. X. С. 79.

¹⁶¹ *Jenkins G. Notes on Seleucid Coins* // *NC.* 1951. Vol. XI. P. 16—17.

царства. В середине 50-х годов II в. до н. э. начинается длительная борьба парфян за захват Мидии¹⁶². Она была покорена в 148/147 г. до н. э. Значение этого приобретения было столь велико, что Митридат I принимает титул «Великий царь».

Аннексия Мидии открывала парфянам путь на запад и на юг — в сторону Месопотамии, Вавилонии, Сузианы, Элимаиды. Политический хаос, царивший в этих районах, позволил парфянам уже в 141 г. до н. э. вступить в центральную Вавилонию и захватить крупнейший городской центр эллинистического Востока — Селевкию-на-Тигре¹⁶³. Несколько позднее во власти парфян оказывается вся Вавилония¹⁶⁴. В конце зимы 140 г. до н. э. захватывается другой крупный центр — Сузы, город, который был потерян Селевкидами в 147 г. до н. э., когда его взял царь Элимаиды Камнаскир¹⁶⁵.

Однако продвижение на запад и оккупация Мидии и Вавилонии поставили перед парфянами чрезвычайно сложную проблему. В этих районах им пришлось впервые столкнуться со значительными и компактными массами греческого и эллинизованного населения. Уже на самом первом этапе существования Парфянского государства противоречия между парфянами и лишившимися своего привилегированного положения греками придавало борьбе характер особого ожесточения, но в Парфии и в Гиркании греческих городов было сравнительно немного. Иная ситуация складывалась в более западных районах, где греческое население было значительным. Проблема взаимоотношения с греческими полисами отныне становится одной из важнейших для Аршакидов¹⁶⁶.

Впервые организованно греки Вавилонии и Месопотамии выступают против парфянского господства уже в 140 г. до н. э.: селевкидский царь Деметрий II, будучи разбит в Сирии своим соперником Трифоном, отступает в Месопотамию. Греки и македоняне Месопотамии и Вавилонии, уже давно призывавшие его для борьбы с парфянами, немедленно объединяются вокруг него¹⁶⁷. Деметрию удается даже образовать серьезную антипарфянскую коалицию, в которую входят Персида, Элимаида, возможно даже Бактрия. Однако после нескольких побед Деметрий был разгромлен и захвачен в плен парфянами. Уже к весне 139 г. до н. э. парфянский контроль восстанавливается над всеми территориями, утраченными в ходе кампании 140 г. до н. э.

В 138/137 г. до н. э. на парфянский престол вступает сын Митридата I — Фраат II. Все внимание нового царя в первые годы его правления было обращено на Восток, где в это время происходили важнейшие политические события — под ударами кочевников рушилось Греко-Бактрийское царство.

¹⁶² Кошеленко Г. А. Монетное дело ... С. 98.

¹⁶³ О хронологических проблемах см.: Кошеленко Г. А. Монетное дело... С. 94 и след.

¹⁶⁴ Olmstead A. T. Cuneiform Texts and Hellenistic Chronology // Cl. Ph. 1937. Vol. 32. P. 12 f.

¹⁶⁵ Кошеленко Г. А. Монетное дело ... С. 100.

¹⁶⁶ История Ирана. С. 91.

¹⁶⁷ Just. XXXV. 1, 3: народы Востока «...были возмущены жестокостью парфянского царя Арсакида и, привыкнув исстари к господству македонян, с негодованием переносили высокомерие нового народа»; Joseph. Ant. XIII. 5. 1: «Обитавшие там (т. е. в Вавилонии) эллины и македоняне постоянно отправляли к нему посольства с обещанием перейти на его сторону, если он только явится к ним, и воевать с ним в союзе против парфянского царя Арсака».

Кочевническая угроза нависала и над Парфией, однако парфянам в этот момент удалось сдержать натиск кочевников. Одновременно вырисовывалась серьезная опасность и на западе. Брату плененного селевкидского царя Деметрия II — Антиоху VII Сидету удалось стабилизировать положение в Сирии и в 131 г. до н. э. он начал поход, имевший целью восстановление власти Селевкидов на Востоке¹⁶⁸.

Как и десятью годами ранее, приход селевкидского царя приветствовали греки и македоняне Вавилонии и других областей, открыто восставшие против парфян и присоединившиеся к армии Антиоха; местные восточные династии переходят на сторону Селевкидов. Однако существовало одно серьезное отличие. Если Деметрий II проник в Междуречье, будучи разбит в Сирии и практически лишившись военных сил, то Антиох VII вел в поход весьма многочисленную и закаленную в боях армию. Он смог объединить и возглавить основные силы греческих полисов Сирии¹⁶⁹. В трех последовательных сражениях парфянские войска были разбиты Антиохом, все Междуречье, а затем и Мидия оказываются в его власти. На зимние квартиры греко-македонские войска расположились уже в коренных землях парфян, что и привело к трагическому концу селевкидскую армию¹⁷⁰. Расквартированные в парфянских и гирканских городах селевкидские отряды притесняли местное население, в конце концов поднявшееся против завоевателей. Восстание было хорошо организовано и началось одновременно во всех городах. Антиох, пытавшийся помочь своим осажденным подразделениям, выступил с тем отрядом, который был при нем, но столкнулся с главными силами парфян. В разыгравшемся сражении Антиох VII был разбит и погиб в бою¹⁷¹. С государством Селевкидов как крупнейшей державой отныне было покончено¹⁷².

Разгром Антиоха VII открывал парфянам дорогу в Сирию, к завоеванию которой готовился Фраат II. Однако в это время резко обострилась обстановка на восточных рубежах Парфии, которые были разгромлены кочевниками. В борьбе с ними гибнет и Фраат II, а несколько лет спустя и его преемник Артабан I (123 г. до н. э.)¹⁷³.

Ослабление Парфянского государства под ударами кочевых племен привело к осложнениям и в его западных областях. Оставленный Фраатом наместник в Вавилонии Гимер проводил политику жесточайших репрессий по отношению к греческим городам и одновременно стремился к независимости¹⁷⁴. В таких условиях начинается постепенное распространение власти царя Харакены Гиспаосина на север. Харакена — область у северного побережья Персидского залива — приобрела независимость в ходе распада

¹⁶⁸ Подробнее см.: Fischer Th. Untersuchungen zum Partherkrieg Anthiochos VII. im Rahmen der Seleukidengeschichte. Tübingen, 1970. См. также рец. Г. А. Кошеленко на данную кн. (ВДИ. 1973. № 3. С. 207—211).

¹⁶⁹ Подробнее см.: Бокшанин А. Г. Парфия и Рим... Ч. I. С. 245.

¹⁷⁰ Fischer Th. Untersuchungen... S. 39.

¹⁷¹ См.: Just. XXXVIII. 10. 8—10.

¹⁷² Meyer E. Ursprung und Anfänge des Christentums. Stuttgart; B., 1925. Bd. II. S. 272; «Поражение Антиоха Сидета в 129 г. было катастрофой эллинизма в континентальной Азии и одновременно катастрофой государства Селевкидов».

¹⁷³ История Ирана. С. 91; Debevoise N. C. A Political History of Parthia. Chicago, 1938. P. 35;

Frye R. N. The History... P. 212.

¹⁷⁴ Frye R. N. The History... P. 213.

Селевкидского государства. Ее экономическое значение было очень велико, так как через нее осуществлялись связи Вавилонии с Индией¹⁷⁵.

Стабилизация положения произошла при Митридате II (123—87 гг. до н. э.), сумевшем в течение своего длительного царствования на время решить эти проблемы. В первые годы его правления основное внимание центрального правительства было обращено на запад. Парфяне сумели не только остановить продвижение Харакены, но и установить свой контроль над ней¹⁷⁶. В это же время исчезает с политической сцены Гимер. Греческие полисы в эти годы сохраняли спокойствие; лишенные надежды на поддержку со стороны Сирии, они не могли активно противодействовать политике Аршакидов. Все это обеспечило возможность распространения парфянской власти на оставшиеся еще под контролем Селевкидов районы Месопотамии¹⁷⁷.

Дипломатическими и военными средствами Митридат сумел решить и проблему взаимоотношений с кочевниками. Направление их движения было изменено и отклонено от собственно парфянских территорий. Саки осели вокруг озера Хамун на землях древней Арахосии и Дрангианы (современный Систан). В дальнейшем здесь образовалось местное государство, находившееся в определенной связи с Аршакидами. Включение саков в систему парфянской государственности способствовало даже усилению военного потенциала страны, поскольку кочевнические конные отряды стали одной из составных частей парфянской армии.

К началу I в. до н. э. Парфянское государство достигло невиданного ранее могущества. Но уже последние годы царствования Митридата II знаменуются серьезными осложнениями, борьбой за власть различных представителей Аршакидского дома. Воспользовавшись усилением этих усобиц, в наступление на севере переходит царь Армении Тигран II.

Однако важнейшим новым явлением в международной обстановке, сказавшимся самым серьезным образом на истории всего Переднего Востока, является неуклонно развивавшаяся в эти годы экспансия Рима на Восток. Первый контакт между парфянами и римлянами имел место в 92 г. до н. э., когда римский полководец Сулла встретился на Евфрате с парфянским послом. Результаты этих переговоров неизвестны¹⁷⁸.

Парфия не вмешивалась в войны римлян с Понтийским царством и Арменией, несмотря на просьбы со стороны последней о помощи. Парфянское правительство еще не осознало в это время той опасности, которую несла римская агрессия Востоку. Но политика расширения границ, которая была столь характерна для поздней Римской республики, вскоре привела к прямым столкновениям между Римом и Парфией.

Вмешательство Рима в парфянские дела облегчалось очень частыми внутренними войнами, порождаемыми конфликтами среди господствующих слоев. В Парфии в течение второй половины II и начала I в. до н. э. сформировались две крупные политические силы, борьба между которыми

¹⁷⁵ *Le Rider G.* Suse... P. 382—383.

¹⁷⁶ *Frye R. N.* The History... P. 213.

¹⁷⁷ История Ирана. С. 92.

¹⁷⁸ *Dobias J.* Les premiers rapports des romains avec les parthes et l'occupation de la Syrie // AO. 1931. Vol. 3. P. 218—221.

во многом определила ход развития парфянской истории и римско-парфянских отношений¹⁷⁹. В состав одной из них входила верхушка греческих и местных городов Вавилонии и Месопотамии, а также парфянская знать, осевшая в этих районах. Важнейшей силой в этой коалиции были греческие города. Продвижение римлян на Восток вдохнуло новую надежду в греческие круги. В римской политике их привлекали не только лозунги защиты «эллинизма» от «варварства», но и надежды на социальный мир, обеспечиваемый римскими легионами. Наконец, парфянское правительство постоянно стремилось ограничить самоуправление греческих городов, в то время как римляне, в частности, в Сирии, блокируясь с местной знатью, сохраняли полисный строй городов, видя в рабовладельческой верхушке городов свою опору.

Вторая группировка среди господствующих слоев Парфии состояла из знати собственно иранских областей державы. Она тесно была связана с кочевыми племенами периферии государства и стояла за проведение широкой экспансионистской политики. Именно эти слои вместе с зависимыми от них рядовыми воинами составляли ядро вооруженных сил Парфии. Они рассчитывали на обогащение в результате завоеваний и среди них были популярны лозунги «возвращения наследства Ахеменидов», «завоевания всей Азии». Первое столкновение этих группировок произошло в 57—55 гг. до н. э. и явилось как бы прологом к римско-парфянской войне, начатой по инициативе Красса¹⁸⁰. Военные действия развернулись в 54 г. до н. э. Решительное сражение произошло 6 мая 53 г. до н. э. у города Карры. Парфянские войска под командованием Сурены нанесли жесточайшее поражение римлянам¹⁸¹. Римское продвижение на Восток было на время приостановлено. Большую роль эта битва сыграла и для внутренних парфянских отношений, показав силу антиримской группировки, обеспечив хотя бы временное спокойствие в западных районах государства. Разгром римлян открывал для парфян возможность перенесения военных действий в римские пределы, и в течение 52—51 гг. парфяне сравнительно небольшими силами опустошают римские территории¹⁸². Однако воспользоваться в тот период полностью плодами своей победы при Каррах и гражданскими войнами в Риме парфяне не смогли, так как в эти годы произошли серьезные события на восточных границах Парфии, потребовавшие переброски туда главных сил армии.

Только в 40 г. до н. э. парфяне начали широкое наступление на римские владения. Они сумели воспользоваться теми благоприятными для них обстоятельствами, которые порождала обстановка гражданских войн в Риме. На стороне парфян сражался и талантливый римский полководец Квинт Лабий.

¹⁷⁹ Подробнее см.: Кошеленко Г. А. Внутриполитическая борьба в Парфии (вторая половина I в. до н. э. — начало I в. н. э.) // ВДИ. 1963. № 3.

¹⁸⁰ Конфликт между Ородом и Митридатом после убийства Фраата III. Митридат ориентировался на римлян, его поддерживали греческие города Междуречья, в частности Селевкия на Тигре и Вавилон. См.: McDowell R. H. The Coins from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935. P. 216; Debevoise N. C. A Political History... P. 77; Gutschmidt A. Geschichte Irans. Tübingen, 1888. S. 86; Дьяконов М. М. Очерки... С. 209; Кошеленко Г. А. Греческий полис... С. 277.

¹⁸¹ В период похода Красса греческое население Месопотамии явно поддерживало его (Dio Cass. XL. 13; Plut. Crass. 17. 32). Подробнее см.: Бокианин А. Г. Парфия и Рим. М., 1966. Ч. II. С. 60.

¹⁸² Frye R. N. The History... P. 233.

Однако в силу ряда причин римляне смогли отразить парфянское нашествие. После разгрома парфян и Лабиена в Малой Азии римляне восстановили свои позиции и в Сирии¹⁸³. Собранные для нового вторжения в Сирию значительные парфянские силы были разгромлены в кровопролитной битве у города Гиндары (38 г. до н. э.)¹⁸⁴. Видимо, результатом поражения при Гиндаре был внутренний политический кризис в Парфии, приведший к убийству царя Орода и воцарению Фраата IV (37 г. до н. э.). Тем не менее кризис был преодолен, что облегчило Парфии сопротивление римскому наступлению. Антоний подготовил новый поход против Парфии. Однако он оказался безуспешным. Антоний возвратился ни с чем, потеряв в ходе отступления до трети армии. Таким образом, несмотря на недавние тяжелые поражения в Малой Азии и Сирии, парфяне оказались в состоянии полностью сорвать попытку еще одного мощного римского натиска¹⁸⁵.

После разгрома легионов Антония в Парфии вновь обостряется внутренняя борьба. Внешняя канва событий следующая¹⁸⁶. Около 31 г. до н. э. против Фраата IV восстает некий Тиридат. Победенный Фраат бежит к «скифам». Однако в 30/29 г. он со своими «скифскими» войсками изгоняет Тиридата, который вынужден искать убежище в римских пределах. Весной 26 г. до н. э. Тиридат вновь предпринимает попытку овладеть тронem. Нападение было столь внезапным, что он смог даже захватить гарем соперника. Видимо, в это время Тиридат чеканит уникальную монету с легендой ΦΙΛΩΡΩΜΑΙΟΥ. Месопотамия оказалась в руках узурпатора, но распространить власть за ее пределы ему не удалось; более того, уже в конце лета 26 г. до н. э. царь вновь контролирует Месопотамию. В марте 25 г. до н. э. Тиридат вторично врывается в эту область, но уже в мае Фраату удается восстановить свою власть над западной частью державы. После этого Тиридат навсегда исчезает из поля зрения наших источников.

Совершенно ясно, что базой романофильского кандидата на Аршакидский престол были греческие и вавилонские города, а также часть парфянской знати, осевшей в этом районе. С другой стороны, опора Фраата — восточная часть державы, основу его вооруженных сил составляют среднеазиатские кочевники¹⁸⁷.

С приходом к власти в Риме Октавиана Августа в римской восточной политике произошли кардинальные изменения: постоянная агрессия, характерная для времени Республики, сменилась стремлением к миру. Политика, провозглашенная Августом в общем отвечала и интересам Парфии, ибо для нее, как показали предшествующие события, оказалось невозможным сколько-нибудь прочное завоевание восточных областей римского государства.

Однако официальный отказ Рима от завоеваний на Востоке не означал конца попыткам вмешательства во внутренние парфянские дела. Борьба двух группировок среди господствующих слоев в Парфии облегчила такое

¹⁸³ Бокщанин А. Г. Парфия и Рим. Ч. II. С. 90—99.

¹⁸⁴ Günther A. Beiträge zur Geschichte der Kriege zwischen Römern und Parthern. B., 1922. S. 136 sq.; Bengtson H. Marcus Antonius, Triumvir von Herrscher des Orients. München, 1977.

¹⁸⁵ Minorsky V. Roman and Byzantine Campaigns in Atropatene // BSOAS. 1944. II. P. 258—261.

¹⁸⁶ См.: Кошеленко Г. А. Греческий полис... С. 279.

¹⁸⁷ Кошеленко Г. А. Греческий полис... С. 280.

вмешательство. По-видимому, внутривосточная обстановка была чрезвычайно сложной, ибо в конце своего царствования Фраат отправляет в Рим чуть ли не в качестве заложников своих детей¹⁸⁸. Обострение противоречий привело к восстанию в Вавилонии. По просьбе восставших Август направил в Парфию одного из сыновей Фраата IV — Вонона, пробывшего в Риме уже много лет. В 6 г. до н. э. Вонон провозглашается «царем царей»¹⁸⁹.

Проримская политика Вонона вызвала консолидацию всех «патриотических» сил, и вскоре против него выступил Артабан, сын наместника Гиркании и Кармании (Аршакид по матери), связанный с кочевниками северо-восточных районов Парфии¹⁹⁰. Артабану противопоставлялись (после гибели Вонона) новые римские ставленники. В этой сложной борьбе за власть, которая велась в годы действий Артабана II, четко прослеживаются взаимооборвующие силы. Римских ставленников, как обычно, поддерживают города Вавилонии и Месопотамии (как греческие, так и вавилонские)¹⁹¹.

Сторонники Артабана выступали против превращения царства в римского вассала и близости царей к грекам. Борьба с Римом и римскими ставленниками шла под знаменем борьбы за восстановление державы Кира и Александра¹⁹². Артабан вел ожесточенную борьбу с Римом, в частности, за контроль над Арменией. Во внутренней политике он стремился ограничить самоуправление греческих городов. Значительная часть парфянской знати поддерживала Артабана. Его главной опорой были северо-восточные провинции государства, откуда он черпал силы для наступления и куда отступал в случае неудачи, так как был тесно связан с кочевыми племенами Средней Азии¹⁹³. Длительная борьба этих двух группировок в период царствования Артабана окончилась победой «патриотических» сил и разгромом сторонников Рима.

Победа Артабана II в долгой и упорной борьбе знаменовала начало нового важного этапа в развитии Парфии. С этого момента началось быстрое падение роли и политического значения важнейших греческих городов. Полисное самоуправление постепенно становилось фикцией, и города все более попадали под постоянный контроль царской администрации. Эти новые явления показывали, что за фасадом ожесточенной борьбы династии с греческими и местными городами западной части державы зрели перемены, которые должны были привести к утрате полисами их особого положения внутри государства и более органичному включению их в систему державы Аршакидов. «Великое восстание» в Селевкии-на-Тигре (36—43 гг. н. э.) было последним событием, которое можно было оценивать как самостоятельную политическую акцию греческого населения Вавилонии¹⁹⁴. После

¹⁸⁸ По-видимому, под влиянием своей конкубины Музы, которая хотела обеспечить трон своему сыну. См.: *Frye R. N. The History...* P. 236; *Debevoise N. C. A Political History...* P. 144.

¹⁸⁹ *Tacit. Ann. II. 1. 2; Joseph. Ant. XVIII. 46; Monum. Ancyр. VI. 33.*

¹⁹⁰ *Kahrstedt. U. Artabanos III. und seine Erben. Bern, 1950. S. 11—16; Дьяконов М. М. Очерки...* С. 221.

¹⁹¹ *Tacit. Ann. VI. 42; Joseph. Ant. XVIII. 9, 9.*

¹⁹² *Tacit. Ann. II. 2; VI. 31, 36, 42; Dio Cass. LXVIII. 26; Suet. Tiber. 66.*

¹⁹³ *Tacit. Ann. II. 3; VI. 36, 44; Joseph. Ant. XVIII. 4.4.*

¹⁹⁴ *McDowell R. H. The Coins...* P. 226; *Кошеленко Г. А. Греческий полис...* С. 262.

поражения до самого конца существования государства Аршакидов мы ничего не знаем ни о какой самостоятельной позиции греков.

Проблема социально-экономических отношений. Эта проблема не имеет до сего времени однозначного решения. Видимо, необходимо отказаться от поиска единого ответа на нее. Можно полагать, что социальные структуры, существовавшие в различных частях Парфии, достаточно сильно различались между собой¹⁹⁵. Основное членение, видимо, было следующим: восточные области Парфии (в первую очередь, коренные парфянские районы) и западные, включающие Месопотамию, Вавилонию, Сузиану. Отличие между ними заключается, с нашей точки зрения, в том, что на западе рабовладельческие отношения существовали много сотен лет и, кроме того, здесь широко были распространены греческие полисы, важнейшие центры классического рабства, а на востоке классовое общество возникло сравнительно недавно и социальные отношения, естественно, носили более примитивный характер.

Основными источниками по проблемам социальных отношений в Восточной Парфии являются два сообщения Юстина (*Just. XLI. 2.5—6.; 3.4*) и одно — Плутарха в биографии Красса (*Plut. Crass. 21.14—23*). Эти пассажи, в которых говорится о социальной структуре парфянского общества в связи с описанием парфянской армии, уже неоднократно являлись объектом анализа исследователей¹⁹⁶. Однако открытие при раскопках Старой Нисы остракона (Nov. 280-бис, 72 г. до н. э.), в котором упоминается «всадник» Сасан¹⁹⁷, заставило по-новому взглянуть на них, проанализировать их под углом зрения места и роли в социальной структуре Парфии сословия «всадников» и благодаря этому уточнить многие спорные вопросы социальной организации парфянского общества в целом¹⁹⁸.

Основным фактом, определившим характер социальных отношений в Восточной Парфии, было покорение оседлых областей кочевниками парнами. В обществе земледельцев к моменту завоевания уже сложилась определенная структура, в среде завоевателей также наблюдались в это время ясно выраженные тенденции к стратификации. В конечном счете в результате взаимодействия этих двух структур и сложился достаточно своеобразный социальный строй коренных районов Парфии.

Вершину социальной пирамиды занимал правящий род Аршакидов. Только члены этого рода могли занимать парфянский престол и, кроме того, престолы зависимых и вассальных царств. Существовала строгая иерархия в системе значимости отдельных престолов. Абсолютная в принципе власть царя, однако, ограничивалась целым рядом традиционных установлений, в том числе и тех, которые возникли еще тогда, когда Аршакиды выступали в роли вождей парнского племенного союза.

¹⁹⁵ Подробнее см.: Кошеленко Г. А. Внутриполитическая борьба... С. 56 и след.

¹⁹⁶ Массон В. М. Народы и области Южной части Туркменистана в составе Парфянского государства // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1955. Т. V; Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем средневековье. М.; Л., 1956; Беленицкий А. М. О «рабовладельческой стадии» в истории Средней Азии // КСИА. 1970. 122; Colledge M. A. R. The Parthians. L., 1967.

¹⁹⁷ Дьяконов И. М., Лившиц В. А. Новые находки документов в Старой Нисе // Переднеазиатский сборник. М., 1966. Вып. II: Дешифровка и интерпретация письменностей Древнего Востока. С. 141—142.

¹⁹⁸ Košelenko G. A. Les cavaliers parthes: Aspects de la structure sociale de la Parthie // Dialogues d'histoire ancienne. P., 1980. vol. 6. P. 177—199.

Традиционная концепция принадлежности царской власти роду создавала питательную среду для постоянных конфликтов среди Аршакидов в борьбе за царский престол¹⁹⁹. В Парфии очень рано возникла концепция божественного происхождения царской власти и обожествление правящих царей²⁰⁰.

Следом шла группа социальных статусов, объединявшая потомков парнских завоевателей, которые совокупно определялись как «всадники». Она делилась на две категории, высшей из которых была знать, военная аристократия, потомки знатных парнских родов. Они обладали закрепленной законом или скорее неписаным обычаем монополией на политическую и военную власть в государстве²⁰¹. Именно знать составляла ядро вооруженных сил Парфии — тяжеловооруженную конницу катафрактариев²⁰². Основной могущества и значения знати (помимо ее военной роли) служили также принадлежащие ей крупные земельные владения, хотя характер ее землевладения еще чрезвычайно мало изучен. Внутри этого социального слоя выделяется прослойка высшей знати, в частности «семь родов» (Сурены, Карены и т. д.), владевших обширными территориями. Их власть на этих территориях, видимо, мало чем отличалась от власти царей.

Наконец, еще одной важнейшей опорой господства знати (в целом) была ее традиционная власть над соплеменниками, потомками рядовых членов кочевых парнских родов. Она, по-видимому, была столь велика, что иногда античные авторы определяли состояние этих соплеменников как рабство, хотя оно таковым не являлось. Вероятно, в силу этого только знать в парфянской политической номенклатуре определялась термином «свободные» (*liberi, azatan*).

Двойственное положение нижнего слоя всадников отражает специфику парфянского общества, на социальную структуру которого сильнейший отпечаток наложил факт завоевания. Принадлежа к числу завоевателей, они резко отличались от основного покоренного местного населения и в то же время находились в зависимости от знати. Как представители господствующей прослойки, они играли весьма заметную роль в вооруженных силах государства, где представители именно этой группы составляли большинство — массу легковооруженных всадников-лучников. Они обладали рядом привилегий, резко отделявших их от основной массы покоренного населения²⁰³. Возможно, что и в хозяйственно-бытовом отношении они выделялись, сохраняя традиции кочевого или полукочевого скотоводства и располагаясь на окраинах земледельческих оазисов²⁰⁴. В то же время

¹⁹⁹ Дьяконов М. М. Очерки ... С. 194—195; Фрай Р. Н. Наследие Ирана. М., 1972. С. 260—261; Кошеленко Г. А. Генеалогия... С. 32 и след.

²⁰⁰ Кошеленко Г. А. Царская власть... С. 212 и след.; Раевский Д. С. К вопросу об обосновании царской власти в Парфии // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 81 и след.

²¹⁰ См.: *Just.* XLI. 2, 1; *Tacit.* Ann. II. 2; VI. 31, 37, 42.

²⁰² Подробнее см.: *Wolsky J.* L'aristocratie partie et les commencements du féodalisme en Iran // *Iranica Antiqua*. 1967. Vol. VII. P. 133—144; *Массон М. Е.* Народы и области... С. 15.

²⁰³ *Košelenko G.* Les cavaliers... P. 183.

²⁰⁴ *Мандельштам А. М.* Некоторые новые данные о памятниках кочевого населения Южного Туркменистана в античную эпоху // *Известия АН Туркмен. ССР. СОИ.* 1963. № 2. С. 32 и след.; *Марущенко А. А.* Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана // *Труды ИИАЭ АН Туркмен. ССР.* Ашхабад, 1959. Вып. 5; *Массон М. Е.* Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана // *ВДИ.* 1953. № 1.

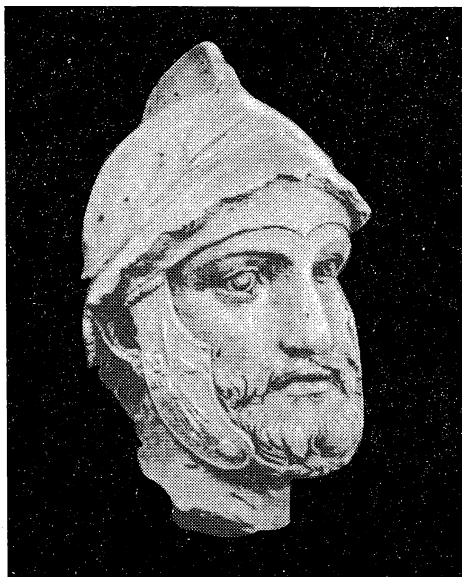
зависимость их от знати (видимо, личного характера) не только сохранилась, но в результате завоевания усилилась.

Основная социальная граница в парфянском обществе проходила по линии, отделявшей всадников от остальной массы населения, ядром которого, видимо, была та группа, которую Плутарх называет пелатами²⁰⁵. Юридическим основанием зависимости положения этой группы было свойственное всему древнему миру представление, что имущество и жизнь побежденного полностью принадлежат победителю.

По всей видимости, это население было организовано в общины, обладало определенной правоспособностью, вело собственное хозяйство. Зависимость от верхнего слоя находила свое выражение в том, что эта социальная группа была податным сословием, участки земли которого, согласно государственному

кадастру, облагались определенными налогами; обязательность обработки участка, строгие санкции за невыполнение этого заставляют думать о том, что положение этой категории населения было близким к статусу «лаоис» в государстве Птолемея²⁰⁶. Если эти люди проживали на территории, непосредственно подчиненной царю, они зависели от государства в лице царя, а если на землях высшего слоя знати — от знати. Все же рабством это состояние зависимости назвать нельзя, хотя иногда античные авторы так определяли их положение. Скорее всего, наиболее подходящим определением будет «подневольные работники рабского типа»²⁰⁷. Важнейшей причиной возникновения состояния «подневольности» был факт завоевания. Еще ниже располагались рабы, причем необходимо подчеркнуть многообразие типов и вариантов рабства, а также, видимо, наличие переходных ступеней от раба к пелату²⁰⁸.

Иная социальная структура существовала в западных районах Парфии. Основное место в ней занимали греческие полисы и гражданско-храмовые

Голова воина в шлеме из Старой Нисы
(после реставрации)

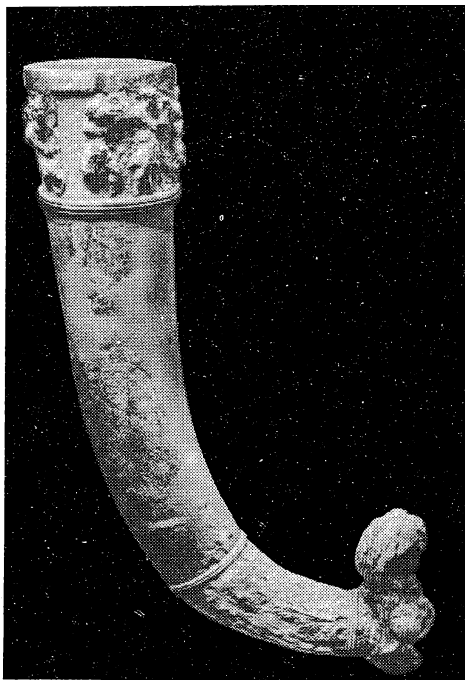
II—I вв. до н. э.

²⁰⁵ См.: *Plut. Crass.* 21, 23. Он четко различает пелатов и рабов (*pelátas te kai doúλους*).

²⁰⁶ См.: *Периханян А. Г.* К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени // ВДИ. 1952. № 4. С. 20 и след.; *Ельницкий Л. А.* О малоизученных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья // ВДИ. 1964. № 2. С. 135—138; *Массон В. М.* Земледелие и аграрный строй Туркменистана в эпоху развития рабовладельческих отношений // *Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане.* Ашхабад. 1971; *Дьяконов М. М.* *Очерки...* С. 203.

²⁰⁷ *Дьяконов И. М.* Рабы, илоты и крепостные ранней древности // ВДИ. 1973. № 4. С. 3 и след.

²⁰⁸ *Периханян А. Г.* К вопросу... С. 14—19; *Массон В. М.* Земледелие и аграрный строй ... С. 36—37; *Košelenko G. A.* *Les cavaliers...* P. 186.

Ритон из Нисы. Парфия.
II в. до н. э. Слоновая кость.
Москва. ГМИИ им. А. С. Пушкина.

общины вавилонских городов. Исследование проблем греческого полиса на эллинистическом Востоке²⁰⁹ показало, что он представлял собой специфический социальный организм, порожденный своеобразными условиями эллинистического государства. Продолжая оставаться полисом, он в то же время испытал серьезные изменения в очень важной сфере — сфере отношений собственности: над коллективом собственников, т. е. полисом появляется верховный собственник земли, т. е. царь. Собственность коллектива становится условной, полис взамен полученной земли обязан царю военной службой своих граждан. Полис, насколько мы можем судить, был тем социальным организмом, в котором в наибольшей степени присутствовало «классическое» рабовладение²¹⁰.

Также своеобразным социальным организмом была и вавилонская гражданско-храмовая община. Бесспорно, что эти общины представляли собой итог длительного исторического развития²¹¹. Больше

всего сделавший для их изучения Г. Х. Саркисян приходит к следующим выводам²¹². В Вавилонии к началу эллинистического периода сложился тип городской общины, образовавшейся в результате постепенного слияния персонала городских храмов с более или менее зажиточными слоями его населения. Храмовые должности занимали многие общинники, но далеко не все и, главное, не обязательно. Основную массу членов составляли частные лица, не находившиеся в зависимости от храмов, но так или иначе связанные с ними. Храмы производили раздачу в форме довольствия (пребанды), а граждане, по-видимому, исполняли какие-то повинности.

²⁰⁹ См. подробно: Кошеленко Г. А. Греческий полис... С. 239 и след.

²¹⁰ Кошеленко Г. А., Новиков С. В. Манумиссии Селевкии-на-Эвлее // ВДИ. 1979. № 2. С. 41—54.

²¹¹ Дьяконов И. М. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949. С. 136—138; Саркисян Г. Х. Тигранокерт: Из истории древнеармянских городских общин. М., 1960. С. 4.

²¹² Саркисян Г. Х. Самоуправляющийся город Селевкидской Вавилонии // ВДИ. 1952. № 1; Он же. О городской земле в Селевкидской Вавилонии // ВДИ. 1953. № 1; Он же. Социальная роль клинописной нотариально-правовой системы в эллинистической Вавилонии // EOS. 1957. XLVIII, N 2; Он же. Новые данные о городской земле в Селевкидской Вавилонии // Древний Восток: Города и торговля (III—I тыс. до н. э.). Ереван, 1973; Sarkisian G. Kh. Greek Personal Names in Uruk and the Graeco-Babyloniaca Problem. Erevan, 1973.

В эллинистическое время довольствие (пребенда) уже совершенно не было связано с выполнением реальных культовых функций, превратившись в один из методов распределения прибавочного продукта, созданного в храмовых хозяйствах, между гражданами — членами гражданско-храмовой общины.

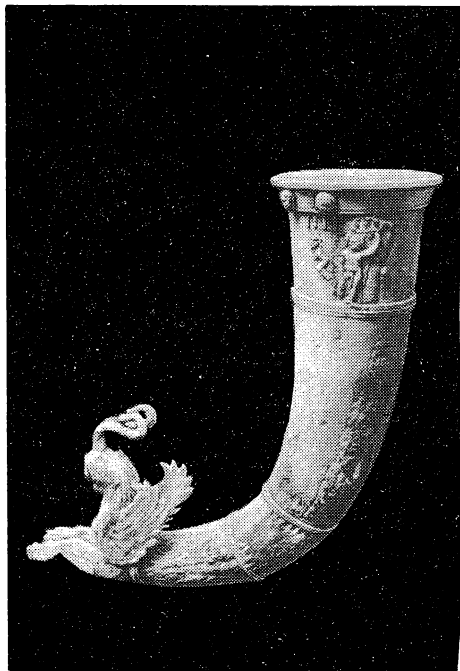
Город имел самоуправление, которое было признано и санкционировано селевкидской государственной властью. Члены гражданско-храмовой общины пользовались определенными привилегиями. Здесь, в частности, существовала собственная нотариальная система, функционировавшая вне контроля царской администрации. Земли, расположенные вокруг города, делились на три категории: общинный (храмовый) фонд земель, обрабатывавшихся посредством сдачи в аренду и т. п.; земли, выданные из этого фонда на бессрочное пользование на определенных условиях; земли, находившиеся в частном владении или собственности граждан.

Помимо членов общины, в самом городе и на землях, ему принадлежавших, жило население, не входившее в гражданско-храмовую общину. Оно состояло из неполноправных свободных, рабов и полузависимых землевладельцев. Права и привилегии, которые представлялись вавилонским городам, распространялись лишь на членов общины и ни в коей мере не на производителей материальных благ, эксплуатировавшихся ею.

Таким образом, мы видим, что в ранней Парфии существуют достаточно серьезные различия в социальной структуре между западной и восточной частями государства. Именно в них кроется глубинная причина тех политических кризисов, которые были постоянным спутником раннепарфянской истории. Та социальная структура, которая возникла в результате парнского завоевания и постепенно распространилась по всей восточной части государства, органически не могла принять автономный социальный организм, будь то эллинистический полис или вавилонская храмово-гражданская община. Парфянская знать, как ведущий слой общества, не была заинтересована в существовании ни того ни другого, так как сама претендовала не прямую эксплуатацию основных масс крестьянства. Поскольку это было осуществлено в восточной Парфии, то именно к этому она стремилась и в западной части государства — после завоевания Междуречья. И полисы, и храмово-гражданские общины воспринимались ею как препятствие на пути к осуществлению этой цели.

Проблемы культуры. Сложные процессы, происходившие в социально-экономической структуре Парфии, в значительной мере влияли и на развитие культуры этой страны. Основным содержанием его являлось взаимодействие эллинских начал, средоточием которых был греческий полис, и местных. Видимо, наиболее рациональным подходом к решению этой проблемы является исследование проблем культуры не в целом, а по отдельным районам в соответствии с этапами развития экспансии парфян. Достаточно отчетливо выделяются три района: Северная Парфия (Южный Туркменистан), Иранское плато и Междуречье. В каждом из этих районов взаимодействие эллинских и местных начал имело свою специфику, порожденную как особенностями культурного субстрата, так и степенью влияния культуры греков.

Необходимо подчеркнуть, что во всех этих регионах (кроме самого юга Вавилонии) процессы культурной эволюции происходили в условиях постоянного экономического подъема, что доказывается увеличением числа

*Ритон из Нисы. Парфия.
II в. до н. э. Слоновая кость.
Москва. ГМИИ им. А. С. Пушкина*

населенных пунктов. Это наблюдение делалось всеми исследователями, изучавшими отдельные местности Средней Азии, Ирана и Междуречья. Однако различные категории памятников исследованы в разной степени, а сельские — в наименьшей. Большинство выводов обычно делается на основании изучения городов, что естественно, порождает определенную односторонность.

Единственным районом, где в какой-то степени изучены и сельские поселения, является Северная Парфия. И эти материалы сразу же позволяют сделать один — очень существенный, с нашей точки зрения, — вывод: культура парфянской деревни была совершенно не затронута эллинскими влияниями. Исследования сельских жилищ последних веков до н. э. на поселениях Коша-депе (у Баба-Дурмаза) и Гарры-Кяриз²¹³ показали, что они в своих основных чертах повторяют типы жилищ более раннего времени, чрезвычайно просты, лишены всякого декора. Очень интересной новой

приметой является появление башен сельских жилищ-усадоб. Столь же просто по устройству и также лишено всяких элементов декора сельское святилище (поселение Гарры-Кяриз). Важно то, что его планировка не находит никаких аналогий ни в современной ему, ни в более ранней архитектуре²¹⁴.

Совершенно иной облик имеют здания общественного назначения, исследованные на городищах Старая и Новая Ниса, Мансур-депе. Основная масса зданий в них датируется раннепарфянским временем²¹⁵. Для всех них характерно достаточно широкое введение в декор элементов типично греческой архитектуры (либо ордерных, либо живописных) при очень большом своеобразии планировочных и объемных решений, не имеющих почти никаких точек соприкосновения с греческим зодчеством. «Квадратный зал» и «северо-западный храм» представляют собой различные варианты формировавшегося в это время типично иранского храма огня. Храм Новой Нисы следует принципам северомесопотамской сакральной архитектуры.

²¹³ Археология СССР: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 212.

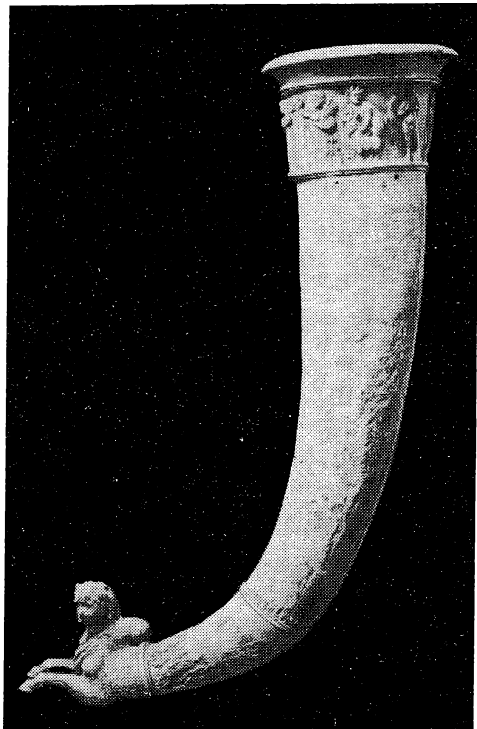
²¹⁴ Пилипко В. Н. Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Ашхабад, 1975. С. 16—21.

²¹⁵ Подробнее см.: Археология СССР: Древнейшие государства... С. 217 и след.; Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма.

Устройство «Круглого храма» заставляет думать о параллелях в погребальной архитектуре (от мавзолеев Тагискена до Галикарнасского мавзолея и македонского героона в Палатице). отражающих очень древние идеи, возможно восходящие еще в эпоху индо-иранской (а возможно и индоевропейской) общности. «Квадратный дом», дворцовая сокровищница, поразительно напоминает сокровищницу Ай-Ханум, где произошло соединение типичной для Востока планировочной схемы с греческим перистильным двором ²¹⁶.

В декор широко введены элементы ордера. Ордер, однако, используется не как конструктивная система, а только как средство организации пространства стены, что было определено важной задачей, поскольку здания были достаточно монументальными. Архитектоника греческого ордера была художественно переосмыслена и вполне органично включена в новую архитектурную систему. Ордерные решения, однако, приобретают тенденцию к плоскостности, что более полно отвечало их новой роли в создании художественного образа. Ордер как бы рисуется на стене, он выражение не конструкции, а смело введенного в архитектуру живописного начала. Это связано с увлеченностью парфянских архитекторов идеей вертикального развития здания, нашедшей свое выражение в разнообразных вариантах решений двухъярусных интерьеров, создания выразительных силуэтов монументальных сооружений ²¹⁷.

Монументальная живопись Северной Парфии стала известна только в последние годы, благодаря открытиям в районе «Круглого храма» и «Квадратного зала». Однако она еще не опубликована. Большое количество произведений искусства было найдено при раскопках сокровищницы. Особое внимание среди них привлекают мраморные скульптуры — явно привозные ²¹⁸, а также миниатюрные серебряные с позолотой статуэтки Афины, Эрота и т. д. ²¹⁹ Видимо, военной добычей, захваченной на западе (вполне возможно,

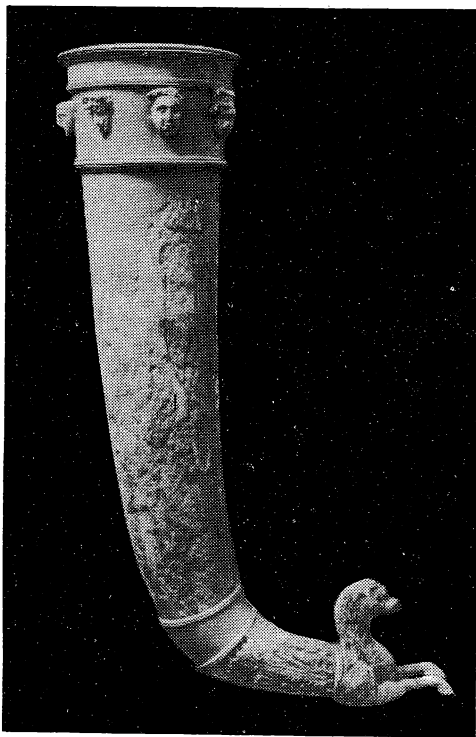
Ритон из Нисы. Парфия.
II в. до н. э. Слоновая кость.
Москва. ГМИИ им. А. С. Пушкина

²¹⁶ Подробнее см.: Кошеленко Г. А. Родина парфян. М., 1977. С. 36—80.

²¹⁷ Кошеленко Г. А. Родина парфян. С. 76—78.

²¹⁸ Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Мраморные статуи парфянского времени из Старой Нисы: Предварит. публ. // Ежегодник Ин-та ист. искусств. М., 1957. Вып. VII; Кошеленко Г. А. Родина парфян. С. 89—114.

²¹⁹ Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана. М., 1967.

Ритон из Нисы. Парфия.
II в. до н. э. Слоновая кость.
Москва. ГМИИ им. А. С. Пушкина

в Селевкии-на-Тигре) являются знаменитые нисийские ритоны²²⁰. Недавние открытия в Старой Нисе заставляют пересматривать и, уже казалось устоявшиеся, представления о характере глиняной скульптуры Нисы. Здесь была найдена голова изваяния воина (находка еще не опубликована), выполненная в духе лучших образцов эллинистической скульптуры.

Таким образом, можно утверждать, что в развитии архитектуры и искусства Северной Парфии роль греческого наследия была весьма своеобразной. Уничтожение политической власти греков привело к тому, что в культуре области на первый план выступили черты, никак не связанные с эллинистическими традициями, как это показывают архитектурные памятники этого района. Однако очень скоро греческое искусство вновь вернулось, но уже только как декоративный элемент, украшающий жизнь, но не затрагивающий ее суть. Крайне показательно, что те элементы культуры, которые были теснее связаны с обыденной

жизнью, не несли на себе никаких следов греческих влияний: календарь здесь использовался зороастрийский, канцелярия, как показывают документы нисийского архива, применяла арамейскую графику и парфянский язык²²¹.

Несколько иная картина развития культуры наблюдается на Иранском плато. Эти территории дольше находились под властью Селевкидов, сеть греческих полисов здесь была более густой²²².

К сожалению, рядовая застройка (как в городах, так и сельских местностях) нам практически неизвестна и все выводы о развитии архитектуры

²²⁰ Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Парфянские ритоны из Нисы. Ашхабад, 1954; Bernard P. Les rhytons de Nisa. 1: Poétesses Grecques // Journal des Savants. 1985. Janv.-sept. P. 25—115.

²²¹ См.: Дьяконов И. М., Лившиц В. А. О языке документов из древней Нисы // ВДИ. 1956. № 4; Они же. Документы из Нисы I в. до н. э.: Предварительные итоги работы. М., 1960; Они же. Парфянское царское хозяйство в Нисе в I в. до н. э. // ВДИ. 1960. № 2; Они же. Из материалов парфянской канцелярии Старой Нисы // Исследования по культуре народов Востока: Сб. в честь академика И. А. Орбели. М.; Л., 1960.

²²² См.: Кошеленко Г. А. К оценке достоверности античной традиции об эллинистическом градостроительстве на Востоке (на примере Мидии, Гиркании, Парфии) // КСИА. 1973. Вып. 136. С. 23—29.

могут быть сделаны только на основании сооружений сакрального характера и больших резиденций — жилых домов знати.

Наиболее типичным образцом последнего типа является так называемое «прямоугольное здание» (комплекс VI) в Гекатомпиле²²³. Хотя обычно его сопоставляют с сооружениями на цитадели Бабиш-Мулла или на поселении Кызыл-кыр, наиболее близкая аналогия, с нашей точки зрения, — усадьба Коша-депе (у Баба-Дурмаза), упомянутая выше. Можно полагать, что комплекс VI Гекатомпила представляет собой дальнейшее развитие типа укрепленной резиденции представителя знати, который возник в Северной Парфии и распространился в Гиркании после захвата ее парфянами.

Сакральная архитектура представлена рядом памятников самого различного характера. Самым ранним, датируемым концом IV в. до н. э., является скальный комплекс Керфто, который, по-видимому, служил святилищем синкретического божества Геракла-Веретрагны²²⁴. Другим примером популярности этого культа в Иране является святилище Геракла Каллиника в Бисутуне, на участке, известном в литературе под названием «парфянский склон»²²⁵. Немецкие археологи, обследовавшие этот склон, выяснили, что он представляет собой один из вариантов того типа святилищ Ирана, которые после раскопок Масджид-и-Солайман и Барде-Нешанде принято называть «священными террасами»²²⁶. В святилище, видимо, почитался не только Геракл-Веретрагна, но также Ахура-Мазда и Анахита. Есть все основания полагать, что этот комплекс также может служить одним из ранних примеров греко-иранского религиозного синкретизма.

Еще одну линию развития религиозной архитектуры на Иранском плато в раннепарфянское время представляют несколько однотипных храмов, вскрытых в Гекатомпиле (комплексы IV, VII, VIII). Все они поразительно близки по своему устройству к древнейшему мидийскому храму (середина VIII в. до н. э.) в Нуш-и Джане²²⁷.

Памятники скульптуры демонстрируют, как нам кажется, очень интересную эволюцию этого вида искусства. Одним из наиболее интересных образцов монументальной скульптуры является так называемый «хамаданский лев» — скульптура, установленная на южной окраине города Хамадана²²⁸. Она породила в свое время массу дискуссий, однако сейчас можно считать доказанным, что эта фигура льва является творением гре-

²²³ Hansman J., Stronach D. Excavations at Shahr-i Qumis. 1967 // JRAS. 1970. N 1. P. 36—41.

²²⁴ Gall H. von. Die Kultraume in den Felsen von Karaftu bei Takab (West-Azarbaidjan) // AMI. N.F. 1978. Bd. 11. S. 91—112; Bernard P. Heracles, les grottes de Karafto et le sanctuaire du mont Sambulos en Iran // Studia Iranica. 1980. T. 9, Fasc. 2. P. 301—324; Гаибов В. А. О некоторых проблемах культа Геракла на эллинистическом Востоке: (скальный комплекс Керфто в Иране) // Второй всесоюз. симпозиум по пробл. эллинистической культуры на Востоке: Тез. докл. Ереван, 1984. С. 14—15; Он же. Храмовая архитектура Ирана в эллинистическо-парфянское время // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. III конференции молодых ученых ИА АН СССР. М., 1986. С. 34—35.

²²⁵ Kleiss W. Zur Topographie des «Partherhanges» in Bisutun // AMI. N.F. 1970. Bd. 3. S. 133—169.

²²⁶ Ghirshman R. Terrasses sacrées de Bard-é Neotranda et Masjid-i Solaiman: L'Iran du Sud-Ouest du VIII s. av. n. ère au V s. de n. ère. P.; Leiden, 1976.

²²⁷ Hansman J., Stronach D. Excavations at Shahr-i Qumis... P. 41—49; Eadem. Excavations at Shahr-i Qumis. 1971 // JRAS. 1974. N 1. P. 8—17.

²²⁸ Lushey H. Der Löwe von Ecbatana // AMI. N. F. 1968. Bd. 1.

ческих мастеров и относится ко времени Александра Македонского. Вряд ли можно сомневаться в том, что она была установлена как памятник Гефестиону. Греческая скульптура более позднего, эллинистического времени зафиксирована в ряде пунктов Иранского плато, в частности в тех местах, где предполагается наличие греческих полисов. Наиболее интересными являются скульптурные фрагменты — украшения каменного бассейна (бюсты сатиров и Силена) из Денавера²²⁹.

Однако с концом селевкидского и началом парфянского времени начинают наблюдаться симптомы сближения греческих и иранских начал в скульптуре. Первым примером этого может, очевидно, считаться наскальный рельеф с изображением отдыхающего Геракла в Бисутуне, недалеко от «парфянского склона»²³⁰. В данном случае мы сталкиваемся впервые в этом районе с объединением в одном произведении типично греческого сюжета (Геракл) с типично иранским способом воспроизведения (наскальный рельеф). Следующий шаг на этом пути — рельеф с изображением Митридата II и четырех стоящих перед ним сановников. Этот рельеф изображен в Бисутуне непосредственно над воспроизведением Дария I²³¹. Как и в Северной Парфии, в этом районе достаточно широко распространены были небольшие статуэтки (в частности, бронзовые), поступавшие из более западных районов эллинистического мира. Наиболее интересная коллекция происходит из Нехавенда²³².

Таким образом, анализ эволюции искусства в этом районе в селевкидское и раннепарфянское время показывает, что самые ранние образцы как архитектуры, так и скульптуры — греческие. Однако позднее пути их расходятся. В зодчестве на современном уровне изученности мы не знаем памятников, которые в раннепарфянскую эпоху являли бы синтез греческих и местных традиций. В жилой архитектуре, видимо, можно говорить о принятии и развитии типов, выработанных в Северной Парфии, сакральная архитектура демонстрирует большое их разнообразие. Среди них типы, как возрождающие древнейшие местные мидийские принципы, так и пришедшие с юга, из Элимаиды. В ваянии же мы видим начало соединения греческой и местной традиций.

Очень характерно, что эта двойственность, отличающая искусство этого района и несколько противостоящая характеру искусства Северной Парфии, сказывается и в других областях культуры. Показательно, например, достаточно широкое распространение греческого языка. Его употребление засвидетельствовано не только надписями, но и авроманскими папирусами, показывающими, что в I в. до н. э. в административно-фискальной практике, связанной с землепользованием, использовался еще греческий язык²³³. С другой стороны, существовала и практика, хорошо

²²⁹ Ghirshman R. *Persian Art: The Parthian and Sassanian Dynasties*. N. Y., 1962. P. 18; Colledge M. A. R. *Parthian Art*. N. Y., 1957. P. 114; Кошеленко Г. А. *Культура Парфии...* С. 55—56; Шлюмберже Д. *Эллинизированный Восток...* С. 35.

²³⁰ Kleiss W. *Zur Topographie...* S. 133—168; Colledge M. A. R. *Parthian Art...* P. 90; Шлюмберже Д. *Эллинизированный Восток...* С. 35, 133.

²³¹ Кошеленко Г. А. *Культура парфии...* С. 57.

²³² Ghirshman R. *Persian Art...* P. 18; Colledge M. A. R. *Parthian Art...* P. 82; Кошеленко Г. А. *Культура Парфии...* С. 55.

²³³ Minns E. H. *Parchments of The Parthian Period from Avroman in Kurdistan // JHS*. 1915. Vol. 35.

известная по Нисийскому архиву, — первичные учебные документы на черепках с использованием парфянского языка и арамейской графики ²³⁴.

В третьем из исследуемых районов, в Междуречье, процесс развития культуры определялся в значительной мере тем обстоятельством, что здесь селевкидская власть сохранялась дольше, чем в других районах, а кроме того, и после прихода парфян в течение долгого времени греческие полисы обладали автономией и в известной степени противостояли парфянскому правительству.

Исследования показали, что в этом районе было создано значительное число греческих полисов ²³⁵. Раскопки Дура-Европос и Селевкии-на-Тигре продемонстрировали, что оба эти полиса были типичными продуктами селевкидского урбанизма ²³⁶. На территории других полисов (например, в Вавилоне) были обнаружены типично греческие общественные сооружения, такие, как театр и палестра ²³⁷.

Греческие полисы сосуществовали с древними вавилонскими городами. Хотя по последним археологическим материалам не очень много, все-таки определенные выводы могут быть сделаны, особенно при сопоставлении с данными из греческих полисов.

Памятники жилой архитектуры селевкидского времени зафиксированы только в греческих городах: в Селевкии-на-Тигре и Дура-Европос. Архитектура жилища Селевкии вплоть до 43 г. н. э., несмотря на отдельные, сравнительно небольшие изменения, диктуемые непривычными для греков климатическими условиями, оставалась в своих основных чертах эллинистической ²³⁸. Точно такая же картина наблюдается и в Дура-Европос ²³⁹. Анализ этих материалов в сопоставлении с дальнейшим развитием архитектуры жилища в данном районе (как в греческих, так и местных городах) приводит к следующим выводам. Главным итогом процесса развития жилого зодчества в парфянское время была выработка нового типа жилища. Этот процесс был многообразен, он имел локальные формы в различных частях Междуречья, но определяющей чертой его была переработка греческих элементов и возрождение местных древних традиций. На базе синтеза этих начал (с преобладанием местных элементов) и при некотором влиянии архитектуры иранских народов создавался новый тип жилища, широко распространившийся в последующее время и доживший до нашего времени ²⁴⁰.

Аналогичный процесс наблюдается и в развитии дворцовой архитектуры, начатый позднеселевкидским дворцом в Ниппуре. Здесь также фиксируется

²³⁴ *Bivar A. D. H. The First Parthian Ostrakon from Iran // JRAS. 1970. N 1. P. 63—66; Dshaye J. Rapport préliminaire sur la onzième campagne de fouilles à Tureng-tepe // Proceedings of the IVth Annual Symposium of Archaeological Research in Iran. 1975. Teheran, 1976. P. 307, N 20; Bivar A. D. H. The Second Parthian Ostrakon from Qumis // Iran. 1981. Vol. XIX. P. 81—84.*

²³⁵ *Кошеленко Г. А. Греческий полис... С. 81—113.*

²³⁶ *Кошеленко Г. А. Градостроительная структура «идеального» полиса (по Платону и Аристотелю) // ВДИ. 1975. № 1.*

²³⁷ *Wetzel F., Schmidt E., Mallowitz A. Das Babylon der Spätzeit. B., 1957; Klengel H. Babylon zur Zeit der Perser, Griechen und Parther // Staatliches Museum zu Berlin: Forschungen und Berichte. B., 1962. Bd. 5.*

²³⁸ *Кошеленко Г. А. Архитектура жилища греческих городов Парфии // Античный город. М., 1960.*

²³⁹ *Cumont F. Fouilles de Doura-Europos. P., 1926. P. 241.*

²⁴⁰ *Кошеленко Г. А. Культа Парфии... С. 133—134.*

создание принципиально нового типа, объединяющего как греческие, так и восточные черты ²⁴¹.

Интересные выводы могут быть сделаны при анализе сакральной архитектуры Междуречья. К счастью, мы имеем памятники селевкидского времени, обнаруженные при исследовании как греческих, так и местных городов. В древнем Уруке к этому времени относятся два храма — Ану-Антум и Иштар-Нанайи. Оба они типично вавилонские ²⁴². В Дура-Европос храм Артемиды и Аполлона, возведенный еще в III в. до н. э., полностью греческий. Такой характер он сохраняет и при перестройке, датируемой серединой I в. до н. э. ²⁴³ Сопоставление этих памятников с многочисленными святилищами парфянского времени, обнаруженными в городах как греческих, так и местных, позволяет сделать следующие выводы: в культовой архитектуре Междуречья наблюдаются весьма сложные процессы. Важнейшим среди них был процесс взаимодействия между греческими и семитскими представлениями о храме. В селевкидское время греческий и вавилонский тип храма существуют бок о бок, не оказывая друг на друга серьезного воздействия. Новый этап начинается с приходом парфян, когда рождается новый тип храма, отражающий слияние вавилонских и греческих традиций при преобладании первых. Однако это не означало рабского копирования древнего вавилонского типа храма. Наоборот, в Междуречье встречается много вариантов храмовых зданий, резко отличных друг от друга.

Анализ развития изобразительного искусства этого района показывает, что здесь также активно происходил синтез греческих и восточных начал, но результатом этого стало не механическое соединение разнородных элементов, а рождение принципиально нового явления — того искусства, которое стало одним из важнейших истоков христианского искусства ²⁴⁴.

²⁴¹ Там же. С. 143.

²⁴² Falkenstein A. Topographie von Uruk. Leipzig, 1930. Т. 1: Uruk zur Seleukidenzeit. S. 2, 30.

²⁴³ Pillet M. General Report on the Campaign // The Excavations at Dura-Europos: Preliminary Report of 3d Season of Work. New Haven, 1932. P. 4; Brown F. E. Discoveries in the Temple of Artemis Nanaia // The Excavations at Dura-Europos: Preliminary Report of 6th Season of Work. New Haven, 1936. P. 387; Rostovtzeff M. Dura-Europos and Its Art. Oxford, 1938. P. 36.

²⁴⁴ Rostovtzeff M. Dura and the Problem of Parthian Art // Yale Classical Studies. 1935. V; Кошеленко Г. А. О фронтальности в парфянском искусстве // Историко-археологический сб. М., 1962; Он же. Мозаики Эдессы // Археология Старого и Нового Света. М., 1966.

ПОЛИС И МОНАРХИЯ
В ЭПОХУ СЕЛЕВКИДОВI. Монархические тенденции
власти Селевкидов

А

Дминистративное устройство царства

Селевкидов известно еще недостаточно. Сами Селевкиды считали, что их государство состоит из четырех видов структур: покоренных царей, династов, народов и городов (OGIS. 1. 12, 229.). В Малой Азии это были области, управлявшиеся наместниками — Гелеспонтская Фригия, Фригия, Лидия, Кария, Киликия и Южная Каппадокия с Катаонией; независимые области Понта, Северной Каппадокии и Вифинии, Гераклея Понтийская, Писидия; непокоренными оставались галаты, всегда враждебен был Пергам. В Сирии Селевкиды владели землями к северу от Ливана с Дамаском и Арадом, Финикией, Месопотамией, Халдеей, временами Вавилонией. Северная и Южная Сирии и Иудея Селевкидам платили налоги. Аппиан считал, что сатрапий было 72, но В. Тарн полагает, что только 25 или 28, а «утверждение Аппиана, по его мнению, основывалось на смешении их с гиппархиями, так как каждая сатрапия в административных целях делилась на отдельные округа, управляемые гиппархами, подчиненными военному правителю сатрапии»¹.

Согласно Э. Бикерману, держава Селевкидов состояла из двух частей: «с одной стороны, свободные города и народы, которым царь даровал права, объединенные, по-видимому, названием „союз“ *συνμαχία*, с другой стороны — „области“, подчиненные общему режиму — *χώρα*, „территория“»². Откуда же Э. Бикерман заимствует понятие *συνμαχία*? Оказывается, для этого имеется свидетельство в надписи Мнесимаха³, где говорится, что Антиох I «разрешает приписать подаренную им Аристодикуду землю к какому тот захочет городу в нашей симмахии» — *καὶ ἔσσαι αὐτὸν προσενέγκασθαι πρὸς ἣν αὐτὸς βούληται πόλιν τῶν ἐν τῇ χώρᾳ τε καὶ συνμαχίᾳ*⁴. Трактовка термина *συνμαχία* Бикерманом как обозначения одной из двух частей страны, включавшей свободные города и народы, которым царь даровал права, кажется неудачной, а мнение Уэлза о том, что *συνμαχία* = *πόλεις συνμαχιδές*, — более предпочтительным. Следует учесть, что этот термин в значении „быть в союзе“ применялся и по отношению к хоре: *συνμαχῶν*

¹ Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 134 и след.

² Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 131.

³ Welles C. B. Royal Correspondence in the Hellenistic Period. Roma, 1966. (Далее: RC). N 11.

⁴ Уэлз переводит эту греческую фразу как «and that he be permitted to join his holding to any of the cities he wishes in our country and alliance» (RC. 11), а в комментарии он ее поясняет: «*συνμαχία* was that the *πόλεις συνμαχιδές* stood in a treaty relation to the king» (RC. 11. Comment.) (союзные города, стоящие в договорных отношениях с царем).

χωραν — земля, область своих союзников (*Thuc.* V. 33). Кроме того, в надписи Аристодикида говорится не просто о хоре, а о хоре царской, βασιλικῆς χώρας (RC. 12), которая, как подчеркивается в тексте, принадлежала лично царю.

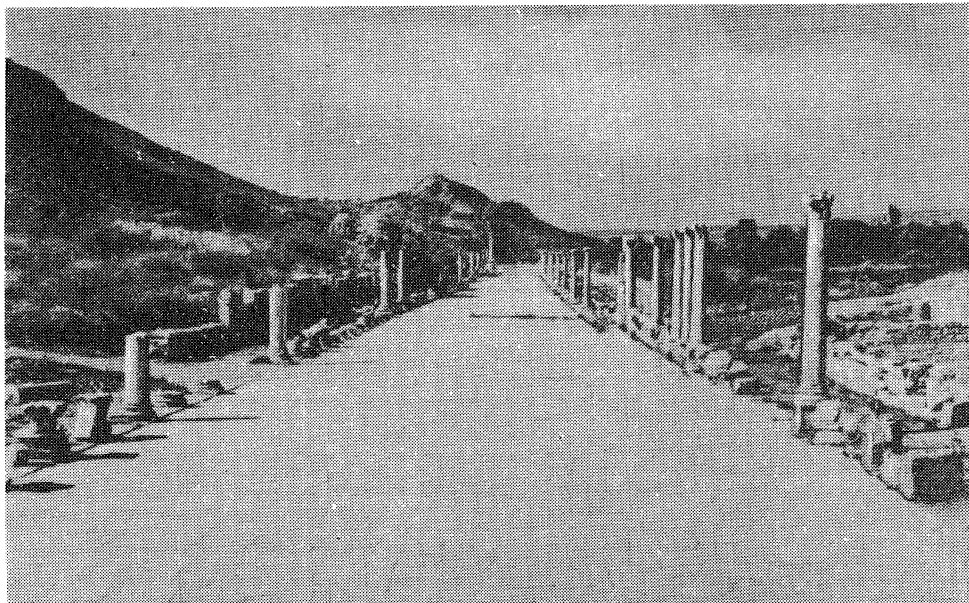
Во главе сатрапий стояли стратеги. Вероятно, греческие города не всегда входили в состав этих сатрапий. Известно, например, из надписей Аристодикида, сына Ассия (RC. 10—13), что правитель Геллеспонта Мелеагр просит Илион, обращаясь к его совету и народу, приписать к городу участок земли, подаренный царем Антиохом I Сотером (281—261 гг.) Аристодикиду и включающий имение Петру с частью ее хоры в размере 1500 плетров, а также 2 тыс. плетров земли, примыкающей к хоре Илиона. Обращает на себя внимание тон просьбы: «Вы бы хорошо сделали, если бы ...» (*καλῶς δ' ἂν ποίσατε*) (RC. 13). Тем самым ясно, что ни Антиох I, ни Мелеагр не имели права приказать это Илиону и вынуждены были обращаться с просьбой. Тот же просительный тон сохраняется и в другом письме Аристодикида (RC. 10—12). Известно, что Мелеагр, являясь стратегом, просит Илион предоставить права гражданства врачу Антиоха I Метродору. С аналогичным обращением к Илиону выступает и сам царь.

В эпоху Селевкидов продолжается начавшийся при Александре процесс формирования представлений о царской власти как о неограниченной власти царя, о чем сообщает Аппиан (*App. Syg.* 61). По его словам Селевк, обращаясь к войску, сказал: «Я устанавливаю следующий, общий для всех закон: всегда справедливо то, что постановлено царем». В идеологии эллинистических царей особое значение приобретают ссылки на их царское происхождение. Антиох I пишет: «Я Антиох, царь великий, могучий царь, царь воинов, царь Вавилона, царь стран ... царственный сын Селевка, царя Македонии, царя Вавилона» (*Keilinschriftl. Bibl.* III. 2. 137 sq.). Аппиан (*App. Syg.* 1) называет Антиоха III царем сирийцев, вавилонян и других народов, а государство Селевкидов просто *Σελευκίδαί* не давая никакого другого «государственного обозначения».

Не менее важной тенденцией, чем определение родства «по царской линии», стало обожествление басилевсов, установление их культа. Известно, например, что когда Антиох освободил Милет от тирании Тимарха, жители назвали его «богом». Ссылка на это имеется в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия, когда 200 лет спустя ионяне потребовали от Агриппы тех привилегий, которые даровал им Антиох, внук Селевка, по прозвищу «бог» (*Flav.* XII. 3.2).

Вопрос об отношении эллинистического царя к городам тесно связан с проблемой роли его как неограниченного владыки в государстве, значения монархии в жизни эллинистических государств. Э. Бикерман⁵ отмечает эту сторону монархической власти: Царь мог уступить (*Liv.* XXXVII. 53.13; *Polyb.* XXXI. 7.6), продать завоеванный город (*Diod.* XXXIII. 5.1), подарить другому (I *Macch.* 10.39; II *Macch.* 4.30). Он мог изменить конституцию города (*Polyb.* V. 61.2; II *Macch.* 4.9; RC. 134; *Tac.* Апп. VI. 42), назвать его своим именем (*Plaut.* *Rudens.* 934). Он менял по своему усмотрению границы территорий (*SEG.* I. 366; *Polyb.* XXI. 3), мог перенести город в

⁵ Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 125.

Via Arcadia в Эфесе

другое место (*Diod. XX. 48; XXIX. 5; Strab. XII. 8.15*), даже уничтожить его (RC. 135). На основании этих примеров можно как будто сделать вывод о неограниченной власти монарха над городами ⁶.

Однако остановимся еще раз на приведенных Э. Бикерманом источниках, поскольку этому выводу противоречит сделанное самим автором замечание о том, что «в Селевкидской державе города пользовались свободой, но свобода эта основывалась на милости властелина и ее нужно было заслужить. Каковы бы ни были привилегии автономного города державы, эти свободы не были результатом заключенных с царем соглашений и не гарантировались ими» ⁷. Подобная точка зрения Э. Бикермана совершенно элиминирует те социальные и экономические условия, в которых жили города, да и сами цари. Последние во многом зависели от городов, от податей, которые платили они в казну, поставляемых воинских контингентов, от их поведения по охране границ государства и т. д.

Власть Селевкидов не носила, если можно так сказать, государственного характера. Еще М. И. Ростовцев отмечал, что она имела характер персональный ⁸,

⁶ Kreissig H. *Geschichte des Hellenismus*. В., 1982; Левек П. *Эллинистический мир*. М., 1989.

⁷ Бикерман Э. *Государство Селевкидов*. с. 127, 129.

⁸ Rostovzeff M. // САН. Vol. VII. P. 160. Э. Бикерман приводит мнение Ф. Фергюсона (Gnomon. 1935. S. 521), который ставит вопрос о том, что «Селевкиды и Птолемеи были просто „Царь Птолемей“, „Царь Селевк“, а отнюдь не цари какой-либо страны или какого-либо народа». См.: Бикерман Э. *Государство Селевкидов* С. 13. По наблюдению Э. Бикермана, государство Селевкидов всегда выступало как держава такого-то царя. «Селевкиды — это комплекс стран, народов, цивилизаций, объединенных лишь особой их властелина» (Там же. С. 9) — добавим, в отличие от Македонии, где Антигониды во всех почетных декретах именовались царями македонян.

и сами цари неоднократно подчеркивали, что различные благодеяния оказывались не государству, а именно им и их дому (*οἰκία*).

Известно, что термин *οἰκία* имел много значений — это и дом, и постройка, и святилище (*ἱερὰ οἰκία*), и наследство, и имущество. Были, однако, социальные аспекты этого термина, например у Аристотеля (*Arist. Pol.* 1252b. 17) «ойкиа — более примитивная организация, чем полис». Социальный оттенок имеет выражение *ἐκ τῶν μευότων οἰκίας* (*Eur.* 117.5). Царская семья также обозначалась термином *οἶκος*. Почести и благодеяния, которые давались царям, иногда разделяли их жены и особенно старшие сыновья, как будущие наследники престола. Однако это было сравнительно редко.

Обычно все послания городов были обращены лично к царю. Известная нам переписка шла по линии полис-монарх. Со своими просьбами города обращались к Селевкидам, минуя промежуточные инстанции. К ним отправляли своих послов, они лично разбирали их просьбы и конфликты. Круг обязанностей монарха был чрезвычайно обширен (*Polyb.* V. 42.7; 50.2; 54.10; 56.4). Определенное значение имел совет друзей. Однако состав его не был постоянным и зависел от милости царя. Тит Ливий рассказывает, как впал в немилость Ганнибал за свою дружбу с римским послом Виллием и был «исключен» из числа советников царя (*Liv.* XXXV. 19,1). Не имел совет также никаких определенных прав и полномочий. О привилегиях, которые надо было давать городам, царь принимал решения единолично. Об этом свидетельствуют письмо Селевка I Милету (288/287 г. до н. э., RC. 5), Антиоха II Эритрам (262 г. до н. э., RC. 15)⁹, письма Селевка II Милету (246 г. до н. э., RC. 22), Антиоха III Магнесии-на-Меандре (205 г. до н. э., RC. 31—32) и др. Как отмечает Э. Бикерман, переписка царя по своему «оформлению» делится на 3 группы¹⁰: *ἐπιστολή* (письма), *προτάγματα* (в эту форму чаще всего облекались привилегии), *ὑπομνηματισμός* (решения, регистрирующие устно выраженную царскую волю).

Для упрочения своей власти Селевкиды уделяли большое внимание организации царского культа по всей стране, центром которого была Антиохия. Все цари, начиная с Селевка I, были объявлены богами — это был своего рода «государственный культ» правителей, однако наряду с ним были царские культы городского масштаба, что в первую очередь относится к городам Западной Малой Азии. Обожествление эллинистических монархов, начавшееся с III в. до н. э., приобрело в последующие эпохи особый размах. Достаточно вспомнить, как широко распространился культ императоров начиная с первых лет существования империи во всех областях Римского государства, но особенно в восточных его провинциях.

Это явление сказалось на титулатуре эллинистических царей. Как сообщает Аппиан: «Антиох был первым Селевкидом, который получил эпитет Сотер за то, что изгнал галатов. Антиох II получил эпитет Теос (*Θεός*) от жителей Милета: он их спас от тирании Тимарха» (*App.* Суг. 65). Официальные эпитеты присваивались суверену городами его державы. Следовательно, он мог в одно и то же время, но в разных городах обладать разными титулами. Следует, однако, оговорить, что базилиевсы после каких-

⁹ Как говорится в обращении Антиоха к городу Эритры: «Благоволение, которое вы все время проявляли по отношению к нашему дому» (RC. 15).

¹⁰ Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 179 и след.

либо особых, носивших общегосударственный характер деяний или побед над врагом получали общегосударственные титулы. Например, Антиох IV после победы над Птолемеем VI приобрел титул βασιλεὺς Ἀντίοχος θεὸς Ἐπιφανής, что нашло отражение и в легендах чеканившихся им в Антиохии монет. Любопытен «титул» Антиоха (видимо, IV), именующегося Νικήφορος.

В одном из Тельмесских постановлений говорится, что Евмен за победу над Прусием Вифинским и Ортиагоном, царем толистоагиев, одного из трех галльских племен в Малой Азии, был обожествлен, назван спасителем и благодетелем (OGIS. 302). В Милете поставлена была золотая статуя Евмена в честь избавления от галатов.

Антиох III, после успешного похода (212—204 гг. до н. э.), дойдя до границ Индии и вернувшись в свою столицу Селевкию на Тигре, провозгласил себя βασιλεὺς μέγας, титул который некогда носили Ахемениды (известно, что Александру Македонскому он был дарован только после его смерти). Согласно Э. Бикерману, культ царя был делом каждого отдельного города и те, кто хотел его почитать давали свою титулатуру, не соглашаясь с другими полисами. Так, например, он считает, что «Теос» милетян был соевем не обязателен для вавилонян, а «Спаситель» Дура-Европос — для Селевкии и т. д.¹¹ Поэтому он приходит к выводу, что у Селевкидов «не существовало царского государственного культа, оформленного по официальной модели. По крайней мере, это относится к городам и автономным народам».

Любопытно, что в греческих городах монарха иногда причисляли к олимпийцам, чаще всего присваивая имена Зевс, Аполлон. Им приносились жертвы, а позже и членам их семей. Неизвестно, все ли города имели культ Селевкидов. Вполне возможно, что некоторые из наиболее самостоятельных и сильных полисов «фрондировали» и считали это для себя излишним.

Ряд городов ставили статуи Селевкидам. Иногда даже дело доходило до курьеза. Как сообщается в декрете из Илиона (OGIS. № 219), его жители поставили конную статую Антиоха в храме Афины за какие-то его благодеяния по отношению к городу.

В ряде случаев эллинистические монархи старались завоевать популярность жителей полисов. Полибий дает интересное описание того, как вел себя Антиох IV, чтобы быть избранным в совет Антиохии: «...подавал руку одним, обнимая других, он просил отдать ему голоса, чтобы стать то агораномом, то демархом... Когда же он добивался цели, то усаживался в курульное кресло по римскому обычаю, знакомился с заключенными на агоре сделками, вершил правосудие с большим рвением и увлечением» (Polyb. XXVI. 1).

Процесс обожествления эллинистических царей длился в течение ряда столетий, вплоть до появления римлян на Востоке. Известно, например, что, прибыв в Азию, Антоний старался подражать поведению эллинистических монархов. Греки провозгласили его Дионисом — «подателем радостей, источником милосердия» (Plut. Ant. XXIV). Эфес объявил

¹¹ Там же. С.221—234. См. также: Walbank F. W. Monarchies and Monarchic Ideas // САН. 2nd Ed. L.; N. Y., 1984. Vol. VII. Pt 1.

его явленным божеством (каковой титул имел Антиох Эпифан), сыном Ареса и Афродиты (Syll.³, 760); Дион Кассий упоминает о вступлении Антония в священный брак с богиней Афиной, когда он прибыл в Афины (*Dio Cass.* XL. VIII. 39.2). Антоний старался выступать в Азии как наследник традиций царя Аттала. Аппиан сообщает (*App.* BC. IV. 4), что Антоний произнес речь в провинции Азия, в которой подчеркнул, что власть над эллинами римлянам передал царь Аттал¹². Признание божественного происхождения римских императоров имело место и в более позднее время — это относится к роду Юлиев и Антониев (*Plut. Ant.* IV). Однако это была лишь одна сторона медали, поскольку отношение Антония к полисам Малой Азии определялось законами военного времени. Он потребовал, чтобы провинция Азия уплатила ему такую же сумму, которую перед этим взыскали до него Кассий и Брут, — подать за 10 лет вперед. Он дал привилегии тем городам, которые оказали сопротивление республиканцам, например Тарсу и Лаодикие; Родосу передал острова Наксос, Тенос, Андрос. Городам Афродисии и Пларасе (OGIS. 453, 454, 455) Антоний даровал освобождение от налогов, а также «право владения, властвования, пользования окрестными землями».

Проблема неограниченной власти царя в эпоху Селевкидов не может быть решена без изучения характера царского землевладения. На вопрос о том, кто являлся верховным собственником земель в эллинистических монархиях, в историографии обычно дается лишь один ответ — собственником всей земли в государстве был только царь. Все остальные слои населения могли лишь пользоваться этой землей¹³.

Однако некоторые источники заставляют усомниться в правильности подобного прямолинейного решения. Приведем следующие примеры. Царь Антиох продал городу Питане немалую часть «царской земли» *τῇ βασιλικῇ* (OGIS. 336). При этом он специально оговаривает, что на данную землю город получает право *πανκρατικῇ κυρίᾳ* (всевластной силы) на вечные времена (*εἰς τὸν αἰῶνα χρόνον*). Тот же самый термин употреблен и в надписи Лаодики применительно к проданным ей *λαοί*. Басилевс Антиох II Теос дает ей право полновластно распоряжаться ими (*κυρίως ἔχειν* OGIS. 225).

В перечисленных случаях право собственности на землю и людей эллинистический монарх дает при особом расположении к тому или иному городу или частному лицу в виде исключения. Видимо, покупка земли с сидящими на ней *λαοί* еще не давала права новому владельцу быть их полным собственником. Создается впечатление, что царь мог продавать и дарить землю и людей либо с правом полной собственности на них, либо без него.

Отношение к земле в надписях определяется тремя терминами — *κτήματα*, *ἐπαρχω*, *ἔχω*, обозначающими право пользования и владения.

¹² Это была любопытная политическая фигура, привлекавшая внимание около 20 античных авторов. Аттал III Филометор (138—133 гг.), как сообщает Варрон, занимался сельским хозяйством, увлекался ботаникой, лекарственными растениями, искусством (Varro. I. 1.8). Его правление было кратковременно: через 5 лет он скоропостижно скончался, будто бы от солнечного удара (OGIS. 338).

¹³ Тадеуш Завадский, например, еще в 50-х годах писал, что земли Малой Азии были разделены на две неравные части — городские, которых было немного, и царские, которых было гораздо больше и где царь был единственным ее хозяином. См.: *Zawadzki T. Z zagadnień struktury agrarno-społecznej krajów małoazjatyckich w epoce hellenizmu*. Poznań, 1952. S. 67 i nast.

В ряде малоазийских надписей есть интерпретация термина *κτῶμαι*, *κτῆμα*. Например, зелейская надпись IV в. до н. э. (SGDI. 5533e) в число *κτῆμα* включает клер на равнине, жилище, сад и 100 глиняных амфор. Примерно то же дается и в Наксосской надписи III в. до н. э. (SEG. II. 2. 500).

Термин *ἔχω* употреблялся для обозначения права владения, а в ряде случаев и для определения земельного владения. Так, например, в надписи, относящейся ко времени Антиоха I Сотера (около 275 г. до н. э.), говорится о Мелеагре, который раньше владел имением Петра (*ἦν πρὸτερον εἶχεν Μελέαγρος*) (RC. 104—105). Термин *ἔχω* встречается и в надписи, посвященной продаже Антиохом II Теосом земли Лаодике. Здесь также этот термин правильно будет перевести не «иметь», а «владеть», как и в предыдущем случае.

Принадлежность, владение выражались также термином *ὑπάρχω*. Как и *κτῶμαι*, он употреблялся для обозначения владений полиса хорой (*τὰν τε ὑπάρχουσαν αὐτοῖς χώραν*). Однако значение его было более широким. В надписи о дарении Антиохом II земли Лаодике (OGIS. 225) говорится о деревнях с принадлежащими (*ὑπάρχοντας*) им *λαοί* и об имуществе, принадлежащим этим *λαοί*.

Таким образом, предметы владения (земля, жилища, орудия для обработки земли, плоды урожая) обозначались всеми тремя терминами в равной степени. При знакомстве с источниками нельзя не заметить, что этими терминами обозначались как владения царя и его приближенных, так и народов и отдельных граждан, которых называли обычно *κεκτημένοι*, *ἐνεκτημένοι*. Видимо, к жителям городов, владевших землей в хоре относились и *γεωκτηεῖται*. Все эти категории людей имели право *κτῆμα* на землю. Однако следует отметить, что в надписях нет упоминаний о том, чтобы правом *κτῆμα* обладал зависимый крестьянин, житель сельской местности. Можно таким образом сказать, что все три термина упоминаются в равной мере для обозначения права собственности и владения на землю всех свободнорожденных граждан, в том числе и царя.

Обращает на себя внимание тот факт, что в терминологии эпиграфики Малой Азии нет специального термина, обозначающего право верховной собственности царя на землю всего государства. Более того, когда басилевс дарил или продавал своим приближенным земли, он обязательно в декретах указывал, что земля эта принадлежит лично ему, являясь *γῆ βασιλικῇ*. Согласно письму Антиоха II, адресованному Сардам, в городе имелись *βασιλικαὶ γραφαί*, где записывались акты дарения и продажи царем его земель (*τὴν ὡνὴν ἀναγράφαι εἰς τὰς βασιλικὰς γραφάς*) (RC. 18).

Право царя на распоряжение принадлежавшей лично ему земель также обозначается всеми тремя упомянутыми терминами. Данное обстоятельство подтверждают многочисленные эпиграфические памятники Малой Азии, начиная с одной из самых ранних надписей эпохи эллинизма, письма Александра Македонского городу Приене, где говорится: *«πᾶσαν τὴν περὶ τὴν χώραν γινώσκω ἑμὴν εἶναι»* (OGIS. № 1). Этот терминологический анализ наводит на мысль о различном статусе земель, которые находились в распоряжении эллинистического монарха.

«Царские земли» басилевс мог дарить, продавать, закладывать, и мы имеем много свидетельств подобного рода — достаточно вспомнить,

например, что Антиох I подарил Аристодикиду 2000 плетров пахотной земли *ἀπὸ τῆς βασιλικῆς χώρας*. Со всех остальных земель государства царь получал многочисленные налоги, *φόρος ἀγροικὸς καὶ λίπουρικὸς*, как говорится в одной надписи из Сард. Однако его право распоряжаться этими землями было значительно более ограниченным, чем по отношению к *τῇ βασιλικῇ*. Не мог он по своему усмотрению дарить и продавать также земли, принадлежавшие городам. Таким образом, эпиграфические памятники доказывают, что утверждение о царе, верховном собственнике всех земель в эллинистическом государстве, не может быть принято безоговорочно и должно анализироваться в каждом конкретном случае.

2. Полис и монарх: «свобода и автономия»

Одним из основных принципов отношений монарха и полиса в державе Селевкидов был декларируемый всеми без исключения представителями царского дома принцип свободы и автономии городов¹⁴. Термины «свобода» и «автономия» часто встречаются в греческой политической терминологии, став своего рода «общим местом» в сочинениях античных авторов. Геродот слово «свобода» противопоставляет тирании (*Herod. I. 62*) и рабству в рассказе о борьбе мидян и ассирийцев (*Ibid. I. 95*). У него же (*VIII. 140*) Мардоний от лица Ксеркса обещает Афинам свободу и независимость.

Своего рода «философию свободы и независимости» развивает Фукидид (*Thuc. III. 46*): «Оберегать себя мы должны не суровостью законов, но бдительностью в наших действиях... Если какое-нибудь свободное государство, принужденное к подчинению силой, отлагается от нас из-за стремления к независимости, то совершенно понятно, мы полагаем, что, покоривши, его следует еще жестоко наказать. Напротив, людей свободных не должно подвергать суровому наказанию, в то время как они решили отложиться, а необходимо строго наблюдать за ними еще до восстания и заранее действовать так, чтобы отпадение и на мысль им не приходило». У авторов эти понятия встречаются и в более позднее время. Например, Страбон также употребляет эти два термина одновременно, но противопоставляет их (*Strab. XII. 3.11*). В рассказе о положении Синопы он отмечает, что, хотя город в течение долгого времени оставался независимым, он не был в состоянии долго сохранить свою свободу — после осады его захватил и поработил Фарнак.

Традиция эта шла от времени Александра Македонского, который даровал свободу греческим городам Малой Азии¹⁵. Э. Бикерман¹⁶ считает, что в эти понятия включались автономия, освобождение от налогов, от постоя войск, демократический строй. А. Б. Ранович отмечает, что *ἐλευθερία*

¹⁴ О более ранней эпохе см.: Маринович Л. П. Александр Македонский и полисы Малой Азии: (к постановке проблемы) // ВДИ. 1982. № 2.

¹⁵ Об этом сообщают многие авторы: Арриан говорит, что Александр дал свободу Сардам и прочим лидийцам (*Arr. I. 17. 4*); Диодор добавляет еще, что греков он освободил от уплаты податей (*Diod. XVII. 24. 1*). См. также: *Plut. Alex. 16*.

¹⁶ *Bikerman E. Alexandre le Grand et les villes d'Asie* // REG. 1934. Vol. XLVII. P. 347 et suiv.

в различные эпохи имела различное содержание. «Принято считать, что все эти термины, называемые рядом с *ἐλευθερία*, составляют собственно содержание понятия *ἐλευθερία* — отсутствие гарнизона, собственная конституция (*αὐτονομία*), свобода от подати; в содержание автономии включают также право чеканки монеты, в частности, этим словом обозначалось и имущество, свободное от долговых обязательств. Однако в эпоху диadoхов *ἐλευθερία* теряет всякую связь с понятием государственной независимости и суверенитета, но она для того времени означала самоуправление, свою гражданственность, свои *νόμοι* и свободу распоряжения земельной территорией»¹⁷.

В эпоху Селевкидов декларируемый принцип свободы и автономии начинает приобретать в значительной мере формальный оттенок, о чем свидетельствует судьба целого ряда эллинских городов. Например, Антигон в обращении к городу Скепсису (RC. 1) говорит, что «все греки должны сохранять свободу и автономию», что, однако, не помешало ему настоять на синойкизме Скепсиса с Александрией Троадой, проведенном вопреки желанию первого. Обстановка в 311 г. складывалась следующим образом, как о том пишет сам Антигон:

«Мы заботились о свободе эллинов, ради которой делали немалые уступки, и к тому же раздали деньги и по этому поводу послали Эсхила с Демархом. Прежде чем достигнуто было соглашение об этом, мы участвовали во встрече на Геллеспонте и если бы кое-кто не помешал, все было бы завершено тогда (313/312 г. до н. э. *Diod. XIX. 75.6*)... Ведь мы считали важнее всего устроить для эллинов, как мы хотели, а если бы все это затягивалось, при затяжке иногда случается много неожиданного, а нам желательно было, чтобы все касающееся эллинов было улажено при нашей жизни; мы поэтому полагали, что не следует из-за мелочей рисковать устройством дела в целом. А сколько мы приложили старания в этом деле, ясно будет, я думаю, и вам и всем другим из самого содержания соглашения... Видя, что вы и прочие союзники страдаете от военных действий и расходов, мы сочли правильным уступить и заключить мирный договор также и с ним (Птолемеем)... Итак, знайте, что соглашение достигнуто и наступил мир. Мы записали в соглашении, что все эллины принесут клятву, что взаимно будут охранять свободу друг друга и автономию, предполагая, что пока мы живы, мы, поскольку это зависит от человеческих расчетов, будем это соблюдать, а на будущее время, если все эллины и стоящие у власти поклянутся (в том числе и жители Скепсиса), свобода эллинов останется более прочной» (RC. 1).

Известен целый ряд законодательных актов эллинистических царей по отношению к городам, в которых им даруются те или иные привилегии. Так, например, Селевк (OGIS. 228) подтверждает право владения Смирной той территорией, на которой она была расположена, и дает обещание вернуть ее исконные земли. Многим городам, вошедшим в состав державы Селевкидов цари даруют *τὴν πατριὸν πολιτείαν* и восстанавливают их традиционные законы, что имело место, например, в Алабанде (OGIS. 234).

¹⁷ Рацович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. С. 51 и след.

Любопытно отметить, что Антиох III (223—187 гг. до н. э.) разрешал городам не выполнять его приказы, если они противоречат их исконным обычаям и старинным городским законам (*Plut. Moral.* 183f.).

Важной привилегией была свобода от повинностей и от содержания гарнизона (RC. 38: *ἄλειτουρήτους, ἀφρουρήτους*). При этом для обеих сторон — и для царя и для полиса — важную роль играла ссылка на традицию, на предшественников и в первую очередь на деятельность Александра Македонского (ср., например, письмо Антиоха II городу Эритры: «Ваш полис и при Александре и при Антигоне был автономным и свободным от налогов — *αὐτόνομος καὶ ἀφρολῶβητος*, RC. 15). Ссылки на более древние обычаи сохранились и при римлянах. Не случайно Страбон подчеркивает, что римляне дали автономию городу Тиру по примеру царей (*Strab.* XVI. 2.23).

Э. Бикерман не прав, говоря о том, что общение с царской властью шло в одностороннем порядке, т. е. не было двусторонних контактов жителей полиса и царя, а был лишь односторонний акт властителя¹⁸. Ведь города сохраняли свое самоуправление, они отправляли посольства к различным государствам и царям, вели самостоятельные переговоры, вступали в союзы, вели войны. Известно сообщение о том, что Селевк II удостоил город Смирну почестей за участие в его «мероприятиях» (OGIS. 229); *τὰ πράγματα αὐτοῦ*¹⁹. Города заключают договоры об исополитии (*Milet. Delph.* P. 143), они управлялись народными органами власти, о чем свидетельствуют многочисленные постановления от имени совета и народа, не поставляли регулярных войск, а только вспомогательные части, имели собственные военные силы. Согласно одной надписи из Эритр, восхваляется один из граждан за то, что он тратил свои средства на охрану города и интересов царя²⁰.

В переписке эллинистических царей с городами имеются указания на то, что ряд приближенных и друзей царя, *φίλοι*, также оказывали городам всяческие благодеяния. Например, Евдем из Селевкии на Каликадне удостоивается почестей от Кизика, Аргоса, Родоса, Беотийского союза, Византии, Халкедона, Лампсака (*Syll.*³, 644); он помог родосским послам получить дары для их города от Антиоха IV, содействовал послам и гражданам Византии, обращавшимся к этому царю, проявил добрую волю по отношению к городу Кизику и т. д. Однако он не был ни министром, ни полководцем Эпифана, а просто «другом царя Антиоха», который «находится при царе Антиохе». Он мог оказывать содействие греческим городам в качестве человека, «близкого к своему монарху» (*Syll.*³, 644). Одного из «друзей» Селевка IV Дельфы восхваляют за то, что он говорит и действует «в пользу их города и их святилища перед царем Антиохом» (OGIS. 241) «и со всяческим усердием помогает дельфийцам, приезжающим к царю Антиоху... и словом и делом поспешествует перед царем... интересам дельфийского святилища и дельфийского полиса».

¹⁸ Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 129.

¹⁹ Термин *πράγμα, πράγματα* имел ряд значений — «дело», «поступок», «явление». Однако термин этот может быть применен и к «государственным делам» — предприятие или мероприятие, битва или, например, как у Геродота, «дела человеческие» *τὰ ἀνθρώπινα πράγματα*. Имеется значение и *τὰ πολιτικὰ πράγματα*, наиболее вероятное в данном случае (OGIS. 229).

²⁰ Robert L. // BCH. 1933. P. 479.

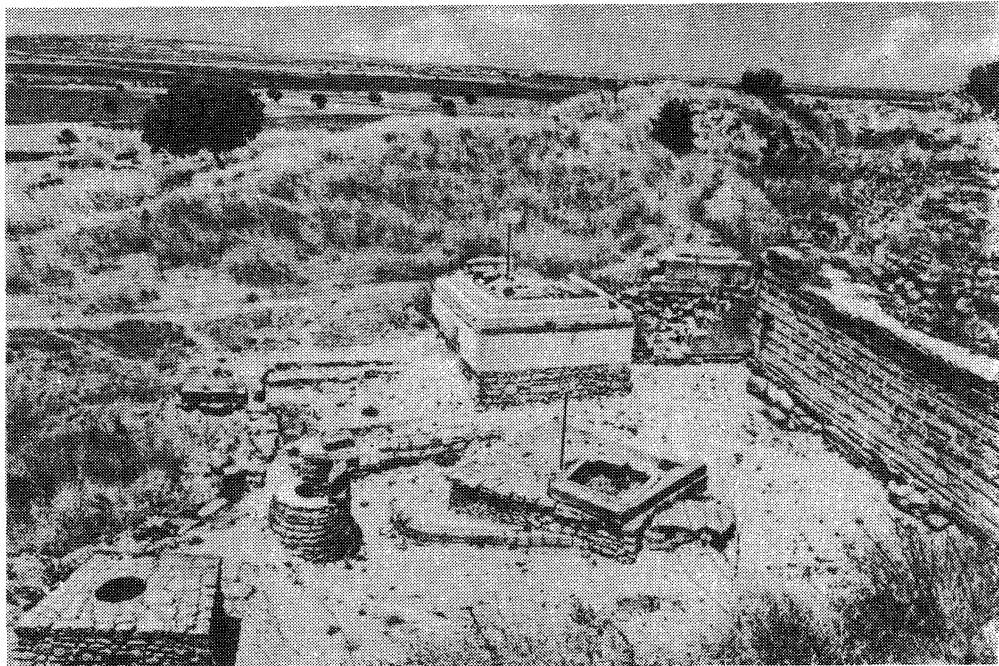
Храм Ваала в Пальмире

Дарование привилегий городам, в частности, свободы и автономии обставлялось как можно пышнее, сопровождалось празднованиями и постановкой почетных декретов. Как пример можно привести город Миласу, который в торжественной обстановке получил свободу от Селевка II — *καθ' ὃν καιρὸν ἔγραψεν ἡμῖν ὁ βασιλεὺς Σέλευκος ἐλευθερῶσαι ἡμῶν τὴν πόλιν*²¹.

Милет принимает различные привилегии, дарованные ему Селевком (OGIS. 213; RC 5), и ставит ему статую как своему освободителю. Антигон торжественно провозглашает, что все эллины должны взаимно сохранять свободу и автономию, за что Скеписис увенчивает и самого царя, и его сыновей венками и устанавливает в своем городе культ Антигона (OGIS. 7).

Для эллинистических монархов было характерно вмешательство в повседневные дела полисов — это касалось не только Селевкидов, но и Лагидов и Атталидов с их мелочной регламентацией городской жизни. Убедительным примером является одна из пергамских надписей конца III — начала II в. (OGIS. 483), так называемый «Закон пергамских царей». Она свидетельствует о том, что хозяйство города было хорошо налажено: астиномы должны были следить за порядком и штрафовать неповинующихся; в их подчинении находились специальные должностные лица — смотрители улиц; выплаченные штрафы шли только на ремонт дорог. Характерна специальная оговорка в законе — «ни на какую другую надобность этих денег использовать нельзя».

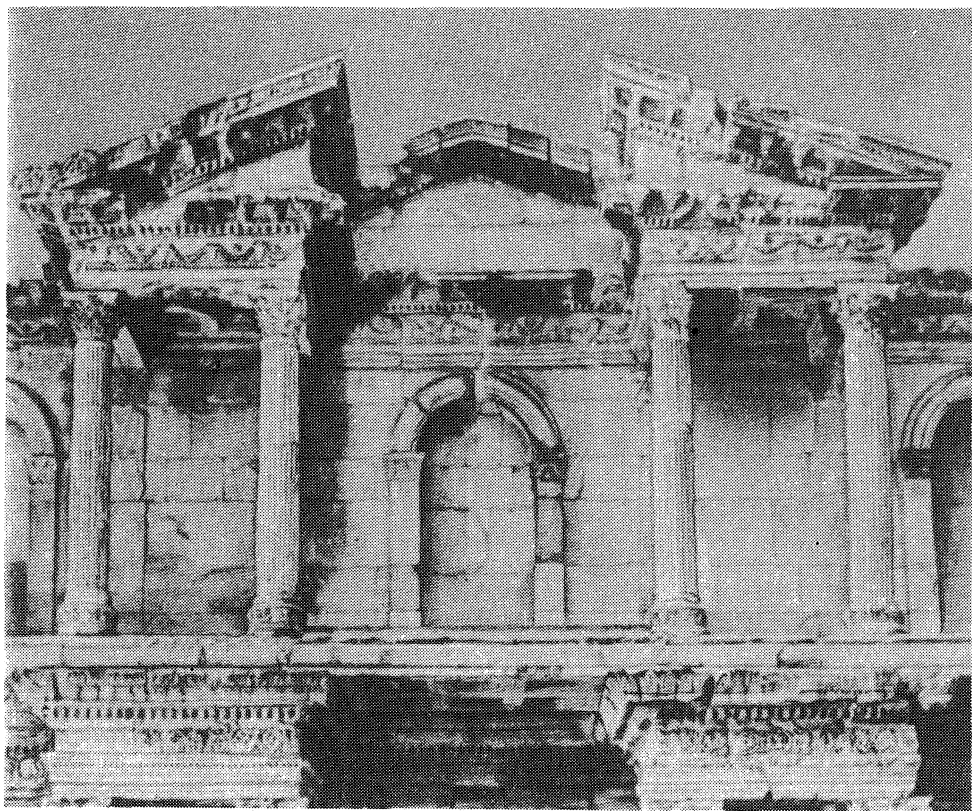
²¹ Crampa J. Labraunda: Swedish Excavations and Researches III/1 // The Greek Inscriptions. Lund, 1969. N 3.

Раскопки в Трое. Храм и алтарь (Троя VIIc)

В городском хозяйстве имеется своего рода «лестница» должностей. Самая нижняя ступенька — смотрители улиц, затем астиномы, далее следуют стратеги, во главе стоит градоначальник. За нарушение этого «царского закона» широко применялись штрафы. Специально оговаривается, кто должен производить ремонт домов, имеющих общие стены, особо охраняются городские источники воды, колодцы, резервуары, находящиеся на улицах города.

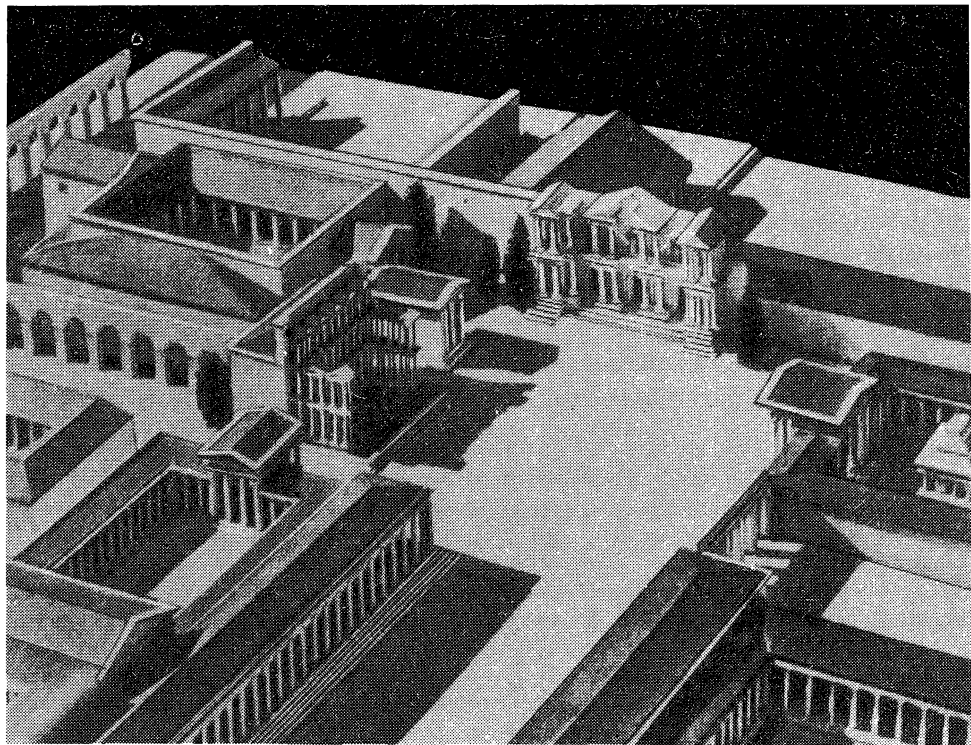
Эллинистические монархи уделяли значительное внимание строительству городских зданий, ремонту общественных сооружений, созданию храмов и святилищ. Например, Антиох I отдал распоряжение на свои средства построить портик в Милете (OGIS. 213: Syll.³, 577). Очень характерно признание Полибия, что Антиох проявил поистине «царский характер» в двух делах — в пожертвованиях городам и в почитании культа богов (*Polyb.* XLI. 20). Полибий приводит перечень царских пожертвований городам, составляющий весьма значительные суммы (*Polyb.* XXII. 10.4; XXIX. 24.13), а также перечисляет те подарки, которые эллинистические цари дарили городам: Селевк III — 10 пентер Родосу (*Polyb.* V. 89) после постигшего его землетрясения, когда был разрушен Колосс Родосский, Птолемей Эвергет ему же — 300 талантов серебра и 1 млн артаб хлеба, а также лес, паклю и паруса для постройки кораблей и др. Характерно, что Полибий, живший во II в. до н. э., присовокупляет к рассказу о подарках эллинистических царей следующую сентенцию: «Пускай цари, давая четыре-пять талантов, не воображают, что делают что-либо важное, и пускай не

Милет. Южная агора. Рыночные ворота (фрагмент)

рассчитывают на ту признательность и почет от эллинов, какими пользовались цари прежнего времени. С другой стороны, пускай и города, зная и живо памятуя значительность прежних даров, не расточают величайших и великолепных почестей в награду за малоценные, скудные дары; напротив, пускай они стараются воздавать каждому по заслугам, не забывая того, насколько эллины превосходят все прочие народы» (*Polyb. V. 90*). Несмотря на это, греческие города охотно принимали различные пожертвования.

Очень показательна переписка Милета с государственными финансовыми чиновниками царя Аттала Пергамского по поводу организации обучения свободнорожденных мальчиков. Некто Евдем, сын Фаллиона, пожертвовал городу на это благотворительное дело 10 талантов серебра (*Syll.*³, 577, около 200 г. до н. э.). Эта сумма по решению совета и народа Милета была положена в государственный банк. Казначей должны были ежемесячно из процентов с этой суммы выплачивать педотрибам и учителям грамоты деньги — первым по 30, вторым по 40 драхм. Все отношения города с финансовым аппаратом Атталидов строго регламентировались. Аналогичная ситуация известна из надписи 162 г. до н. э. найденной в Дельфах, согласно которой Аттал Пергамский пожертвовал этому городу 18 тыс. серебряных

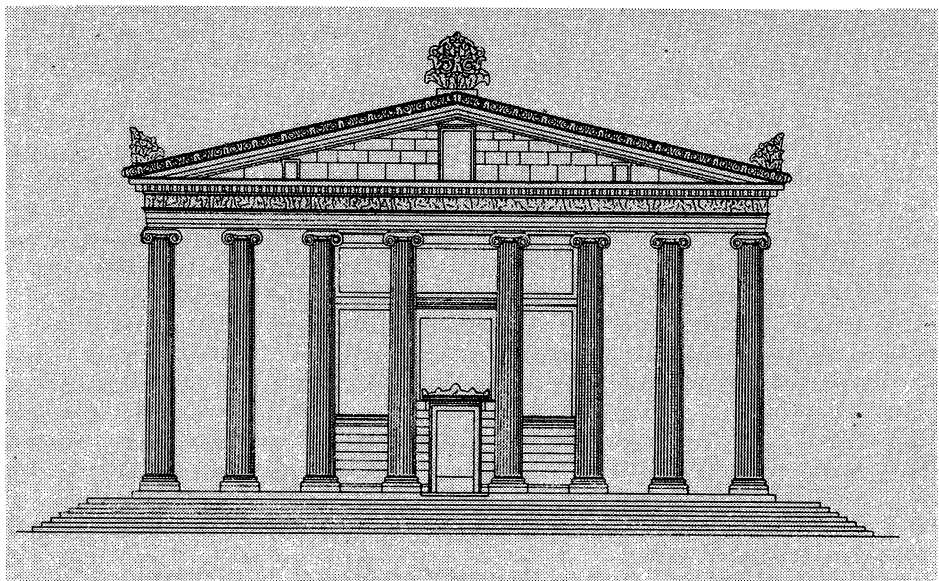
Милет. Южная агора. Реконструкция

александрийских драхм на воспитание мальчиков. Эта ситуация также регламентирована до мелочей: например, город должен избрать троих попечителей, которые бы отдавали капитал в рост из расчета 6,66%. Получающие ссуду должны были обладать некоторым залогом, определявшимся размером их пахотного поля и суммой дохода.

Одной из привилегий дарованной царями было право убежища (асилии). Ее добивались города, отправляя посольства к Селевкидам, которые эту привилегию раздавали чрезвычайно скупно. Известны, например, следующие полисы и их храмы, имевшие асимию, — Эфес с его храмом Артемиды, Гиераполь с храмом Анаит, Милет и Дидимы (Herod. I. 26; *Tac. Ann.* III. 62.), храм Зевса Байтокайского, получивший асимию только от царя Антиоха во II в. до н. э. и др.²² Однако Селевкиды отказали в праве асимию Магнесии на Меандре (R.C. 147), равно как и некоторым другим городам.

Получившие асимию города в официальных декретах называли себя «священными», «священными и неприкосновенными», а иногда еще и «божественными», как, например, Сидон. Храмы получали дары от царей. Например, в письме Селевка I Милету, датированном 288/287 г. (R.C. 5),

²² Debord P. Aspects sociaux et économiques de la vie religieuse dans l'Anatolie greco-romaine. Leiden, 1982.

Храм Артемиды в Магнезии

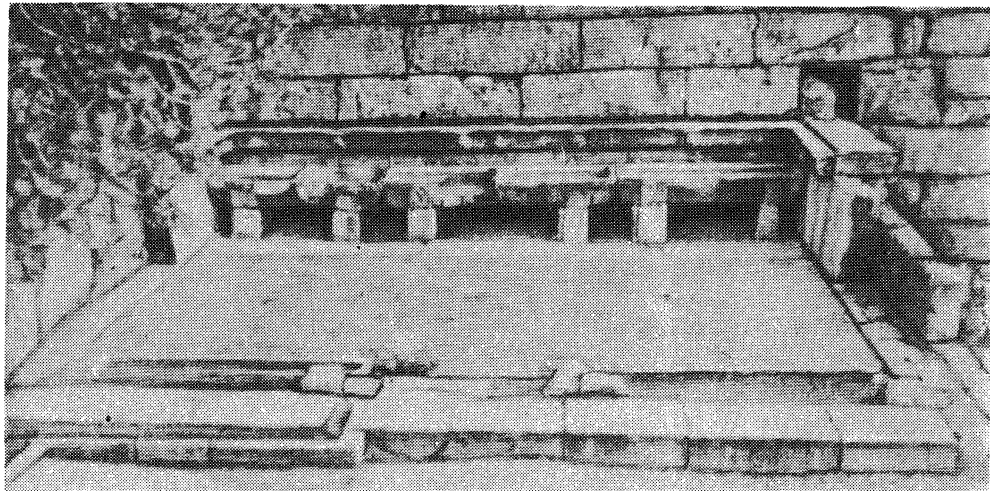
дается перечисление подарков, отправленных царем храму Аполлона в Дидимах: художественно выполненные сосуды из золота стоимостью 3248 драхм и 3 обولا, серебряные чаши на 9380 драхм, 10 талантов ладана, талант смирины, две мины кассии, две — корицы и т. д.

Около 240 г. Селевк II и Аттал I Пергамский дают право асилии храму Асклепия на Косе, спустя несколько лет цари признают священными игры в честь Артемиды Левкофрены (RC. 25—34) в Магнезии.

Очень важно то обстоятельство, что право асилии, неприкосновенности, распространялось не только на храм, но и на весь город, где этот храм был расположен. Как говорит Э. Бикерман ²³, «эта привилегия возвращает городу хотя бы частично экстерриториальность в вопросах юрисдикции, которой он лишился в результате подчинения царю». Однако права «священных и неприкосновенных» городов еще не давали освобождения от налогов, о чем должны были приниматься специальные постановления (Syll.³, 601: например, относительно привилегий Теоса).

Во время пребывания в провинции Азии Марк Антоний даровал различные привилегии греческим храмам. Наиболее известна его «акция» по отношению к храму Артемиды Эфесской. Страбон сообщает (XIV. 1.23), что еще Александр Македонский расширил права асилии храма на одну стадию, «Митридат же пустил стрелу с угла крыши и думал, что длина ее полета немного превзойдет одну стадию. Антоний удвоил это расстояние и включил в пределы асилии храма некоторую часть города». Однако, с другой стороны, он многократно грабил святилища, вывозил оттуда посвятительные дары, произведения искусства. «Антоний похитил наиболее

²³ Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 143.

Гимнасий в Приене. III в. до н. э.

прекрасные посвященные приношения из самых знаменитых храмов в угоду египтянке, Август возвратил их богам» (*Strab.* XIII. 1.30).

Интересна судьба Приены. Этот город пользовался автономией при Александре и Лисимахе, а в 281 г. до н. э. был включен в состав державы Селевкидов (*IvPriene.* № 2, 3, 6, 7; *Syll.*³, 278). Около 286 г. до н. э. жители Приены отправили к царю Лисимаху посольство из 10 граждан, чтобы сообщить о почестях, принятых в его честь народным собранием Приены. Он восхваляется за то, что постоянно оказывал различные благодеяния жителям города и теперь отправил войско (*δυναμιν*) на помощь им в борьбе против жителей Магнесии, вступивших в союз с педиеями. За эту помощь совет и народ Приены воздал почести Лисимаху, объявив его богом.

Очень показателен ответ Лисимаха (*IvPriene.* N 15), который также, очевидно, можно датировать 286 г. Царь просит наградить различными почестями прибывших к нему послов, благодарит совет и народ за их расположение и выражает удивление, что хора города Приены была ей возвращена. Из других Приенских надписей известно, что угроза захвата хоры была вполне реальна — в одном из декретов говорится, что педиеи, убив приенцев и опустошив, разграбив их хору, многих обратили в бегство (*IvPriene.* N 16). Есть основание считать, что хора Приены была густо заселена не только сельскими жителями, но и гражданами²⁴, поэтому войска Лисимаха оказали городу немаловажную услугу, изгнав магнесийцев и усмирив педиеев.

Велась переписка Лисимаха с Приеной и Самосом из-за Батинетиды, хоры Приены. Спор их разбирал Лисимах в 283/282 г. Его канцелярия

²⁴ В надписи *IvPriene.* N 17, где восхваляются заслуги некоего Соты, отмечается, что, когда на территорию Приены вторглись галаты, они захватили в плен живущих в хоре граждан Приены (*τῶν ἐν τῇ χόρᾳ κατοικοῦντων*), их жен и детей, разграбили их дома.

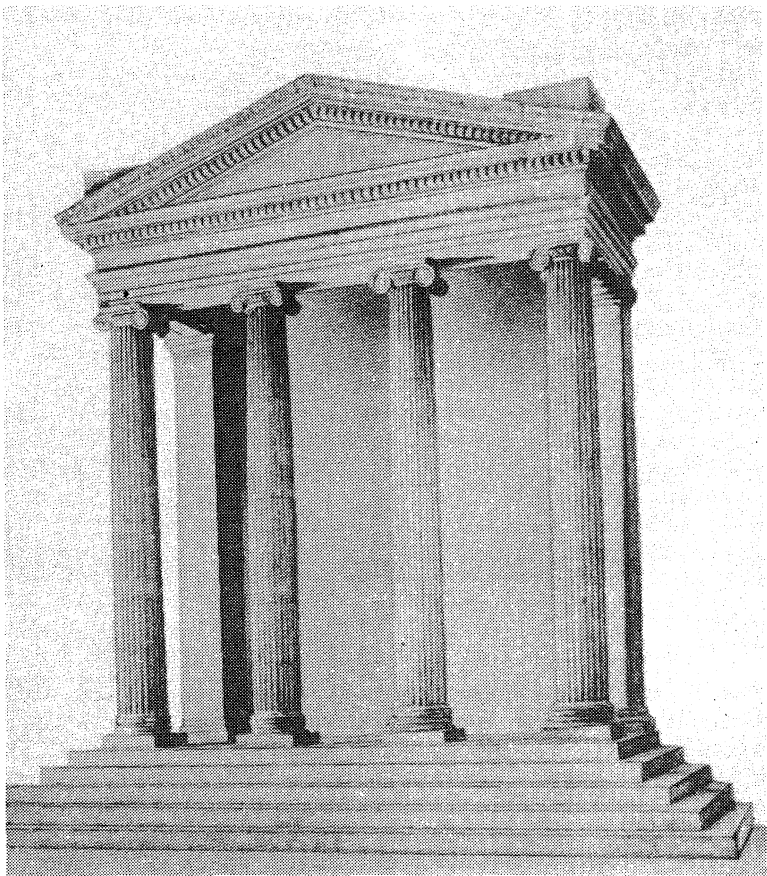

*Храм Аполлона в Дидимах.
III—II вв. до н. э.*

ознакомилась с историей вопроса вплоть до VII в. до н. э., были заслушаны послы, найдены документы, подтверждающие справедливость мнения той и другой сторон (RC. 7), и, наконец, царь принял решение. Примеры подобной переписки многочисленны. До нас дошли сотни писем греческих полисов эллинистическим монархам, на которые те, как и их канцелярии, аккуратно отвечали. Следует поэтому еще раз возразить Э. Бикерману, считавшему, что города общались с царской властью в одностороннем порядке, не было двустороннего общения жителей полиса и царя, а был лишь односторонний акт властителя.

3. Основание новых городов

Одним из основных направлений политики Селевкидов была опора на города — этим объяснялись, с одной стороны, те привилегии и beneficia, которые давались уже существовавшим городам, и с другой стороны, основание новых. Аппиан сообщает: «Селевк Никатор по всему пространству своего огромного царства выстроил много городов: в честь своего отца он выстроил 16 Антиохий, пять Лаодикий — в честь своей матери, девять — носящих его собственное имя, четыре — в честь своих жен: три Апамеи и одну Стратонику... Другим городам он дал имена или по названиям городов Эллады, или Македонии, или по каким-либо своим деяниям, или же в честь царя Александра. Поэтому в Сирии и у варваров за Сирией, внутри материка, есть много имен городов эллинских и македонских — Берейя, Эдесса, Перинф, Мароней, Каллиполис, Ахайя, Пелла, Ороп, Амфиполь, Аретуса, Астак, Тегея, Халкида, Лариса, Герейя, Аполлония, а

Храм Зевса Сосиполия. Фасад. Магнесия-на-Меандре

в области парфян — Сотира, Каллиопа, Харита, Гекатомпил, Ахея, у индов Александрополь, у скифов — Александресхата. А в честь побед самого Селевка есть Никефорий в Месопотамии и Никополь в Армении, там где она ближе всего подходит к Каппадокии» (*App. Syr.* 57).

Другие представители Селевкидов также активно занимались основанием новых городов. При изучении этого вопроса надо выделять следующие категории — города доэллинистические, которые сохранили свое имя, как, например, Тир; города, которые изменили название, но без каких-либо реальных перемен: Гиераподем стала Бамбуке, Птолемаидой — Акка, Селевкией — Абила; но были города, претерпевшие большие изменения²⁵.

Мы хорошо знаем, что основание городов *ex nihilo* было очень редким во все исторические времена. Географы сообщают, что город никогда не

²⁵ *Frezouls Ed. Du village à la ville: problèmes de l'urbanisation dans la Syrie hellénistique et romaine (81—94) // Sociétés urbaines, sociétés rurales dans l'Asie Mineure et la Syrie hellénistiques et romaines. Strasbourg, 1987.*

возникал просто так и не основывался только по воле правителя. Основание города отвечало какой-то необходимости. Город возникал почти всегда как место жительства, а это не могли быть ни пустыня, ни леса. Чаще всего на этом месте были деревни²⁶.

Широко пользовался политикой основания новых городов Александр Македонский, заложивший, как сообщал Плутарх, около 70 городов (*Plut. De fort. Alex. I. 5*) — для сравнения Селевк Никатор — около 55 (*App. Syr. 57*).

Основание городов обычно шло двумя путями — как симполития и как синойкизм. Как замечает А. Б. Ранович, «создание путем синойкизма крупных городов должно было содействовать исчезновению партикуляризма, мешавшего росту производства и торговли, укрепить городские финансы, втянуть большую массу населения, в том числе сельского, в городскую жизнь»²⁷.

Аппиан раскрывает «механизм» образования Селевкидами новых и восстановления старых, пришедших в упадок, городов. Антиох III Великий, решив сохранить выгодную в стратегическом отношении Лисимахию во Фракии «стал ее заселять, призывая беглецов из владений Лисимаха, покупая обращенных в рабство пленников, прибавляя к ним других, давая быков, овец и железные орудия для земледелия и ничего не упуская, чтобы быстрым темпом укрепить город» (*App. Syr., 1*).

Когда Селевкиды основывали города, они тщательно взвешивали все «за» и «против», четко определяли, имеется ли нужное количество земли для граждан и сельскохозяйственная хора, способная прокормить город. Примеров синойкизма можно привести много, видимо, у греков это был один из наиболее распространенных способов основания новых городов.

Страбон сообщает (XIII. 1, 33), что для примирения жителей городов Кебрены и Скепсиса, между которыми велась постоянная вражда, «Антигон поселил их вместе в тогдашнюю Антигонию, теперь называемую Александрией». Однако, как дальше развивались события и какова была судьба этого синойкизма, трудно сказать, так как он добавляет: «Кебрены остались вместе с прочими в Александрии, а скепсийцы с разрешения Лисимаха возвратились на родину».

Широко известен из двух указов Антигона вопрос о механике синойкизма Теоса и Лебедоса (RC, 3—4). Надписи эти относятся ко времени между 306—302 гг. до н. э. Согласно указам, жители Лебедоса должны были принудительно переселиться в Теос. Процедура эта Антигоном была строго регламентирована. Предусматривалось, что каждому лебедосцу будет дан участок земли такого размера, который он покинул у себя дома, и жилье — бесплатно. Лебедосцы должны были на полученных ими участках возвести постройки в течение трех лет, в противном случае земля будет отобрана. Они также бесплатно получали черепицу для кровли в течение четырех лет для постройки домов.

Оговорены в этих надписях и политические условия синойкизма. Проксены Лебедоса сохраняют свои полномочия и в Теосе, который также

²⁶ Welskopf E. Ch. Polis und Chora: Konnte die Diskontinuität der Stadt vom Lande her überbrückt werden // Actes du colloque de Strasbourg. 1977. P. 153 ff.

²⁷ Ранович А. Б. Эллинизм... С. 101.

принимает на себя обязательство уплатить долги Лебедоса, выделить им земли для некрополя. Арбитром в их, могущих возникнуть спорах, назначается Митилена. Создается комиссия для выработки законодательства вновь основанного города. Лебедосу даруется освобождение от повинностей, Антигон разрешает заключение займа в 1400 золотых статеров. Деньги для этого он предлагает взять у 600 наиболее зажиточных граждан Теоса.

Документ этот весьма любопытен, так как он сообщает детали синойкизма греческих полисов, неизвестные из других источников, хотя после смерти Антигона синойкизм этот осуществлен не был.

Имелся еще один, весьма распространенный в эпоху Селевкидов путь образования новых городов. Основания колоний, военных поселений, имеющих гарнизоны и расположенных в наиболее стратегически важных регионах государства²⁸, концентрировали вокруг себя местное население, способствовали росту торговли, ремесел. Эти укрепленные поселения в ряде случаев перерастали в полисы, особенно там, где обстановка была более стабильной. Дж. Коэн считает, что большинство полисов выросло из Селевкидских колоний, которых было основано ими около 70²⁹.

Один из самых сложных вопросов земельных отношений эпохи эллинизма — это вопрос о характере земельных владений в катойкиях, военных поселениях, получавших затем права полисов. На основе многих источников эллинистической эпохи можно прийти к выводу, что катойкии основывались царями на *γῆ βασιλικῇ*. Этот вывод был четко сформулирован Э. Бикерманом: «Селевкидские колонии основывались на царской земле, и владения колонистов представляли собой лишь участки, отделенные от царского домена. Царь уступал колонии земли, подобно тому как дарил участки обрабатываемой земли своим придворным»³⁰. Но впоследствии, превращение катойкий в полисы меняло характер землевладения и землепользования и ограничивало право царя на земельные владения вновь конституированных городов. Если раньше царь мог свободно распоряжаться землями, на которых находились катойкии, то со времени превращения их в полисы он это право терял. Здесь уже вступает в силу другой принцип распределения частной собственности на землю: житель полиса является в то же время владельцем земельного участка, принадлежавшего уже не царю, а полису.

В этой связи вызывают особый интерес земельные отношения в Дура-Европос³¹. Ее законы определяют право наследования земли в том случае, когда покойный не имеет наследников, тогда принадлежавшая ему земля переходит в собственность царя (*ἐάν δὲ μηδὲς τοῦτο ὑπάρχη βασιλικῇ ἢ οἰσία ᾖτω*), а не города, как это бывало в классических полисах.

Ф. Кюмон полагал, что это своеобразие может быть объяснено тем, что Дура-Европос возникла как колония. Против этой мысли возражает Г. Кошеленко, считающий, что Дура-Европос возникла как полис, а не

²⁸ Последнему вопросу посвящена работа Дж. М. Коэна. См.: *Cohen G. M. The Seleucid Colonies: Studies in Founding, Administration and Organization*. Wiesbaden, 1978. См. также: *Walbank F. W. The Hellenistic World*. New Jersey. 1981.

²⁹ Наиболее активными в этом отношении были Селевк I, Антиох I, II, III, IV.

³⁰ Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 150.

³¹ Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 229.

как колония³². Однако оба ученых не учитывают одного момента — вполне возможно, что Дура-Европос была основана на земле, принадлежавшей лично царю, на *γῆ βασιλική*, а поэтому естественно, что «вымороченный» земельный участок снова возвращался в его владение, а не переходил под власть полиса. Вывод, к которому на основании своей трактовки этого единичного факта приходит Г. Кошеленко, о том, что полис в условиях восточно-эллинистической государственности уже не является самодовлеющим социальным организмом, а над ним стоял монарх, которому, судя по «закону о наследовании», принадлежало верховное право собственности на землю, кажется слишком категоричным.

Г. Кошеленко считает, что «новые отношения собственности, породившие такой своеобразный организм, как эллинистический полис, создавали и тесные связи между греческим полисом и эллинистическим государством. Именно отношения собственности связывали полис и династию, определяя место его в структуре государства»³³. Однако материал источников западной части государства Селевкидов этого вывода не подтверждает.

Начиная с эпохи Александра вновь основываемым городам эллинистические монархи даровали различные привилегии. Известно, например, что Александр дал Илиону свободу и освобождение от налогов, когда даровал ему права полиса (*ἐλευθερία, ἀπορος* Strab. XIII. 1.26). Страбон сообщает и о других привилегиях, данных этому городу Александром, что очень показательно для его политики по отношению к городам: он приказал восстановить его постройки, обещая возвести великий город, сделать храм знаменитым и учредить священные игры. Политику Александра по отношению к Илиону продолжил Лисимах: он отстроил храм и окружил город стеной около 40 стадий длины, переселил в него жителей старых и уже разрушенных городов из окрестностей. Видимо, распоряжение Александра было выполнено и стена была воздвигнута, так как много лет спустя Фимбрия, квестор 87 г., убивший консула Вифинии, осадил Илион, но смог захватить его силой только на одиннадцатый день (Strab. XIII. 1, 27).

Иосиф Флавий (Flav. Ant. XII. 3.4) описывает «колонизаторскую» деятельность царя Антиоха III следующим образом: в пограничных районах Фригии и Лидии им были поселены 2 тыс. семей иудеев из Вавилонии и Месопотамии. Они получили наделы земли, где могли заниматься сельским хозяйством, и были освобождены от уплаты пошлины сроком на 10 лет. Антиох III распорядился, чтобы первое время им выдавали деньги из его личных средств, пока земля не начнет приносить плоды. Поселились они в укрепленных деревнях, которые потом, возможно, получили статус городов.

4. Полис и монархия: противодействие и конфронтация

Итак, мы видим, что политика диахов и Селевкидов по отношению к городам была двойственной; им давали всякие привилегии, допускали

³² Там же. С. 230. Г. Коэн, посвятивший специальную работу Селевкидским колониям, считает, что Дура-Европос была основана первоначально не как полис, а как катоikia. См.: Cohen G. The Seleucid Colonies // Historia. Wiesbaden, 1978. Н. 30.

³³ Кошеленко Г. А. Указ. соч. С. 240.

сохранение их *ἐλευθερία καὶ ἀὐτονομία*; это было необходимо, так как именно города были основой единства государства, хотя свобода их не была полной. Со своей стороны и города заботились, конечно, прежде всего о своих интересах, и их верность царю была неустойчива.

Интересно проследить, как Селевкиды обращались с покоренными городами. Здесь были различные градации. Например, когда Антиох III захватил Селевкию (в районе Северной Сирии), он очень милостиво обошелся с ее населением — свободным гражданам даровал безопасность, вернувшимся после осады в город возвратил их имущество. Наряду с этим Антиох подчинил ряд малоазийских городов — Патару, Ксанф, Иасос, Миласу, Милет, Эфес, Илион, Абидос; некоторые из них были привлечены Антиохом с помощью дипломатических ухищрений. Однако, когда на политическую арену начинает выступать Рим, характер отношений Антиоха III с греческими городами изменяется, поскольку анализ источников показывает, что города, многие из которых не хотели подчиняться власти Селевкидов, пытались, а в ряде случаев и проводили собственную политику. Об этом свидетельствуют целый ряд авторов и эпиграфических данных. Например, Мемнон говорит, что, когда к Селевку Никатору пришли послы Гераклеи, Селевк стал поносить их и устрашать грозными речами. Однако один из послов, Хамайлеонт, ничуть не испугавшись угроз, сказал: «Селевк, Геракл сильнее» — и заставил его замолчать (*Memn.* 11).

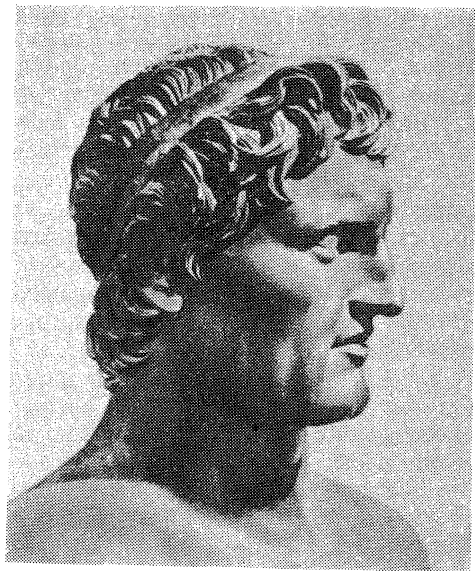
Как говорит Аппиан: Антиох Великий, «...несколько ни с чем не считаясь, двинулся в области Геллеспонта на золийские и ионийские города, под предлогом, что они принадлежат ему как властителю Азии» (*App. Syr.* 1). В другом месте базилевс пояснял, что готов предоставить автономию родосцам, жителям Византии и Кизика, а также и другим элинам в Азии, «но Эолии и Ионии этой автономии он не даст, так как издревле они привыкли быть подданными даже варварских царей в Азии» (т. е. персов) (*Ibid.* 12).

Как складывались отношения царской власти и городов, помимо тех почетных декретов, которые ставились на агоре в полисах на обозрение граждан? Например, в городе Сола в Киликии против стратега, назначенного царицей Лаодикой, выступили «народ и войско», т. е. вошедшие в соглашение жители Сол и находившиеся там воины, которые все вместе отказались повиноваться центральной власти. В Сола были отправлены войска и эскадра кораблей для подавления этого восстания, однако руководители экспедиции Пифагор и Аристокл стали на сторону восставших ³⁴.

Оппозиция против царской власти была особенно сильна в маленьких городах Малой Азии, где жили земледельцы, не имевшие никаких привилегий и управлявшиеся царскими чиновниками. Они не получали никаких выгод от правления Атталидов и Селевкидов, а налоговый гнет их очень тяготил, поэтому они делали попытки от него избавиться. Можно привести в качестве примера писидийский городок Амладу, который являлся крепостью, расположенной на границе с Киликией, входившей в состав державы Селевкидов (RC. 54). В период нашествия галатов (168—166 гг. до н. э.) он изгнал пергамский гарнизон, за что получил строгую кару — уплатил большой штраф и дал своих граждан в качестве заложников (RC. 54).

³⁴ W. Chrest. N 1. Sp. 2. Z. 8—10.

Вообще галаты сыграли определенную роль и во взаимоотношениях малоазиатских городов с Селевкидами. По сообщению Мемнона (*Мемн.* 19), «Никомед задумывает переправить через пролив на договорных условиях галатов, которые совершили нападение на область византийцев, многократно пытались переправиться в Азию и столько же раз терпели неудачи, не выдерживая отпора последних. По условиям договора, Никомеду и потомкам всегда надлежало быть дружески расположенными к варварам, а без воли Никомеда никто из них не должен был вступать в союз с кем бы то ни было, кто пошлет к ним послов, но быть друзьями его друзьям и врагами его недругам... Сначала считали, что этот переход галатов в Азию принесет зло ее жителям. Исход дела показал, что это оказало им пользу. Ибо в то время как цари старались уничтожить демократию

*Селевк Никатор. II в. до н. э.
Бронза. Геркуланум*

в городах, варвары еще более усиливали ее ³⁵. ... Пройдя обширную страну, они опять вернулись назад и из захваченной ими земли отрезали то, что называется теперь Галитией. Они разделили ее на три части, назвав жителей одной из этих частей трокмами, другой — толлстобогиями, третьей же — тектосагами (их города — Анкира, Табия, Песинунт)».

Города внимательно следили за международным положением Селевкидов и при первой же возможности старались освободиться от их власти. Позже они использовали и римлян, привлекая их на свою сторону. Как говорит Полибий, «победа римлян освободила одни города Малой Азии от налога, другие от царского гарнизона, а тех и других — от царских указов» (*Polyb.* XXI. 43.2).

О реальной возможности городов проводить самостоятельную политику вплоть до открытой конфронтации свидетельствуют их оборонительные сооружения, что выявлено археологическими раскопками последних лет ³⁶.

Таким образом, отношения с городами складывались различно — одни раболепно выпрашивали у царей привилегии, другие не шли ни на какие уступки. Так, например, Ливий передает, что Антиох III три города: Смирну, Александрию Троаду и Лампсак — «не мог ни завоевать силой, ни склонить к дружбе обещаниями уступок» (*Liv.* XXXV. 42.2).

³⁵ Интересная надпись о войне с галатами опубликована М. Ворле. См.: *Worrle M.* // *Chiron*. 1975. Bd. V.

³⁶ *Leriche P.* Urbanisme défensif et occupation du territoire en Syrie hellénistique // *Sociétés urbaines, sociétés rurales*. Strasbourg, 1987.

Политика по отношению к городам иногда обращивалась для Селевкидов трагическими последствиями. Согласно Аппиану, «... ведя себя как жестокий тиран Селевк, сын Антиоха Грипа, был сожжен народом в гимнасии в Киликии, в городе Мопсуестии» (*App. Syr.* 69).

Большую напряженность во взаимоотношениях полиса и монархии вызывала необходимость первых уплачивать значительного размера подати в государственную казну. Еще начиная с эпохи Ахеменидов города платили царю форо́с; сохранился этот порядок и при Селевкидах. Размер форо́са был стабильным, в неурожайные годы это обстоятельство приносило городам и деревням существенные трудности. В виде большой привилегии некоторые греческие города могли правительством освобождаться от форо́са (*Polyb.* XXI. 24: «Из эллинских городов, которые платили налоги Антиоху освободить от форо́са только те...»; XXI. 48: «... они освободили от форо́са те автономные города, которые прежде платили форо́с Антиоху»). Например, Смирна была освобождена Селевком II от уплаты форо́са³⁷. Антиох III требовал с городов Малой Азии не только форо́с, но и недоимки за прошлые годы (*Diod.* XXVIII. 15.2).

Важным моментом в этих «финансовых» взаимоотношениях являлось то обстоятельство, что царь собирал регулярно форо́с, но его не интересовало, каким образом город выполнял свои обязательства. Как справедливо подчеркивает Э. Бикерман, «государство в принципе не вмешивалось в финансовые дела зависимых общин... Благодаря этой системе подчиненные общины сохраняли свою финансовую автономию»³⁸.

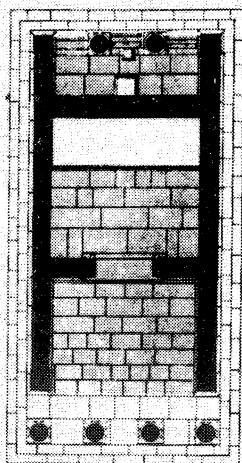
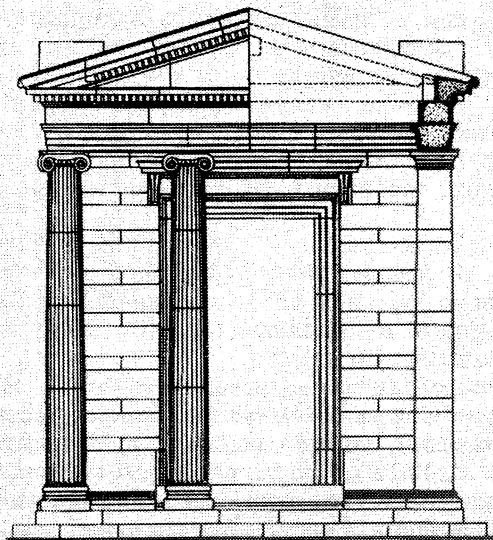
При различных денежных конфликтах с центральной властью города неизменно ссылались на привилегии, полученные ими от предыдущих владык. Например, город Эритры, расположенный на ионийском побережье почти напротив Хиоса, ссылался на то, что город их при Александре и при Антигоне был независим, *αὐτόνομος ἦν* и свободен от налога *ἀφρορολογήτος* (*RC.* 15, 22). В ответе царь Антиох II (датируется после 261 г. до н. э.) обещает сохранить Эритрам автономию и освобождение от всяких налогов (*ἀφρορολογήτους... τῶν τε ἄλλων ἑπ' αὐτῶν*). Трудно сказать, какие именно имелись здесь в виду налоги, но нам известно, что Селевкидам платились еще подушный налог, так называемый *στεφανιτικός* — налог на венок по случаю победы, вручавшийся победителю, соляной налог — *ἐλική* или — *ἡ περὶ τῶν ἄλων*. Были и экстраординарные налоги, например «гала-латский».

Недольство населения вызывал и еще один вид налогов — *τὰ βασιλικὰ τέλη*, который взимался в царскую казну «по мере надобности» и размер которого не регулировался³⁹. И когда царь освобождал какой-нибудь город от налогов, он чаще всего имел ввиду не эту экстраординарную подать. Кроме того, цари освобождали города от налогов очень редко, для этого нужны были какие-то исключительные обстоятельства, поэтому подавляющее число полисов несло тяжелое фискальное бремя. Городские финансы контролировали особые царские чиновники (*ὁ ἐπὶ τῶν προσόδων*.) Известны

³⁷ OGIS. 228; Robert L. // BCH. 1930. P. 351.

³⁸ Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 103.

³⁹ Hahn I. Konigslund und konigliche Besteuerung im hellenistischen Osten // Klio. 1978. Bd. 60, H. 1. S. 12 u. folg.; Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 104; Bengtson H. Die Inschriften von Labranda und die Politik des Antigonos Doson. München, 1971.

Храм Зевса Сосиполия. Фасад и план. Магнесия-на-Меандре

они, например, из Эридзы во Фригии (OGIS. 238), Антиохии (Киликия ⁴⁰) и ряда других городов. Другой финансовой должностью были диюкеты. Например, Мемнон (11) сообщает, что Селевк I отправил диюкета в города Фригии и в города, расположенные в области, прилегающей к Понту (FHG. III. 533).

Существенным моментом во взаимоотношениях монарха и полиса была необходимость последнего выставлять немалые войска в армию Селевкидов. Например, если верить свидетельству Страбона, город Кибир один мог поставить 30 тыс. пехоты и 2 тыс. всадников (*Strab.* XIII. 4.17). киррестийцы — 6 тыс. воинов (*Polyb.* V. 50.8). С помощью таких «рекрутских наборов» армия Селевкидов доходила до нескольких десятков тысяч человек, например в походе Антиоха III против парфян армия, по свидетельству Юстина, составляла около 100 тыс. пехоты и 20 тыс. всадников (*Justin.* XLI. 5.7). Естественно, что такие воинские подразделения собирались по каким-то чрезвычайным обстоятельствам, но тот факт, что эллинистический правитель был командующим громадной армией, накладывал отпечаток на его отношение к полисам и, главное, на отношение полиса к монарху. Была, однако, и другая сторона этого вопроса — верховная власть зависела от того, каких именно воинов и наемников и сколько могли выставить ей греческие города, так как ценились только греческие гоплиты, а не легковооруженная пехота, состоявшая из отрядов племен. Известно также, что греческие города заключали с басилевсами договоры о поставке воинов, как то имело место, например, с Критом (*Polyb.* V. 53.2: союзные критяне Антиоха III).

⁴⁰ Heberdey R., Wilhelm A. // Denkschr. Wiener Akad. 1986. Bd. XLIV. S. 6, N 16.

Э. Бикерман ставит вопрос о том, обязаны ли были эллинические и эллинизированные города посылать контингенты в царскую армию. Он отмечает, что они имели свое ополчение и иногда отдельные его отряды оказывались в армии царя, как то было, например, при поражении Антиоха VII в парфянской войне, в которой участвовало ополчение Антиохии (*Jos. Flav. Antt. XIII. 385*). Однако Бикерман дает на этот вопрос вполне определенный четкий ответ и считает, что полисы не обязаны были регулярно поставлять воинов царю ⁴¹.

В города назначались особые царские чиновники — эпистаты, и некоторые постановления принимались от имени *τοῦ ἐπιστάτου καὶ ἀρχόντων γνῶμη*. Вероятно, это должностное лицо было и во вновь основанных городах Востока. Известна, например, надпись из Вавилона (OGIS. 254), где упоминается *τὸν στρατῶν καὶ ἐπιστάτην τῆς πόλεως*.

Большинство греческих городов сохранило полисное устройство. Чеканила монету Апамея во Фригии. Селевкия на Тигре, как сообщает Плутарх, имела герусию (*Plut. Crass. 30*), но, по свидетельству Полибия, в городе имелся эпистат царя (*Polyb. V. 48.12.*). Однако подобные чиновники Селевкидов были не во всех полисах. Известно, например, что наместник Антиоха I Мелеагр передает распоряжение царя о даровании им земель Аристодикиду, сыну Ассия, не эпистату в Илионе, а городским властям (RC. 13). Несомненно, однако, что царь по своему усмотрению мог назначить или не назначить эпистата, что в значительной степени ограничивало самостоятельность полиса и вызывало протест городского населения.

Таким образом, проблема отношений между полисом и монархией, т. е. тем самым между городом и государством, является одной из центральных в историографии античности. Эта проблема охватывает много различных аспектов экономической и социальной истории эллинистической эпохи. Источники позволяют прийти к заключению, что существовала целая гамма отношений между полисами и монархией, начиная с «дружбы и союза» вплоть до открытого конфликта. Во всяком случае, у нас нет оснований говорить ни о неограниченной власти монарха, ни о подчиненном положении полисов в эпоху Селевкидов, к чему обычно сводится традиционная точка зрения.

⁴¹ Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 69.

СТРУКТУРА ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОНТИЙСКОМ ЦАРСТВЕ

Как политическое образование царство Понт появилось на карте античного мира в 297 г. до н. э. Оно находилось в Восточной Анатолии, в бассейне рек Галис, Ирис и Фермодонт. При Ахеменидах эти области входили в Третью сатрапию Персидской державы. В результате обширных захватов и умелой внешней политики Понт превратился в ведущую политическую силу на Переднем Востоке и в Причерноморье. В его состав вошли Колхида, Малая Армения, Боспор, Херсонес, Северо-Западное и Западное Причерноморье. В результате угрозы, которую представлял Понт для римских интересов в Восточном Средиземноморье, между этими государствами вспыхнула война, завершившаяся подчинением Понтийского царства Риму.

Социально-экономическая история царства известна мало, поэтому вопрос о земельных отношениях не получил практически никакого освещения в научной литературе. Исследователи характеризовали землевладение в Понте как нечто неизменное и стабильное. За пределами их внимания осталось такое важное обстоятельство, как тесная связь землевладения и административно-территориальной структуры царства, изменявшейся под влиянием политики различных его царей. Ученые руководствовались устоявшимся в науке положением, что в Понте городская жизнь была слабой, а поэтому полисное землевладение значительно уступало царскому¹.

Поэтому задачей исследования является: во-первых, выяснить составные части структуры хоры Понтийского государства, во-вторых, попытаться определить соотношение полисных и царских земель и их населения, в-третьих, выяснить особенности административно-территориальной структуры Понта и ее зависимость от характера земельных отношений. При этом речь ниже пойдет преимущественно о родовых владениях понтийских царей в Малой Азии.

Источники, которые имеются в нашем распоряжении, помогут раскрыть поставленные задачи. Следует упомянуть описание восточной Малой Азии у Страбона, уроженца Амасии — древней столицы понтийских царей, ко-

¹ Rostowtzeff M. I. SEHW. Vol. 1. P. 571—578; Magie D. Roman Rule in Asia Minor. Princeton, 1950. Vol. I. P. 182—189, Vol. II. P. 1070—1072; Jones A. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937. P. 155, 156; Olshausen E. Pontos // RE. 1978. Suppl. XV. S. 437; Weimert H. Wirtschaft als landschaftsgebundenes Phänomen: Die antike Landschaft Pontos. Frankfurt a. Main, 1984. S. 37, 38.

торое надо считать заслуживающим доверия². Не менее важны свидетельства Цицерона, современника Митридатовых войн, бывшего в 50-х годах I в. до н. э. проконсулом в Киликии, Плиния Старшего, Аппиана, Диона Кассия, Диодора, Плутарха. К сожалению, литературная традиция не оставила связанного описания хоры Понтийской Каппадокии, поэтому необходимые данные приходится извлекать и нужным образом систематизировать, пользуясь разновременными, подчас противоречивыми источниками. Это повышает ценность эпиграфических источников, данных визуальных наблюдений и эпизодических разведок в Понте, Каппадокии и Малой Армении³. Несмотря на то что большая часть надписей относится к римской эпохе, имеется ряд документов, касающихся хоры Понта эллинистического периода⁴. Римский материал I—III в. н. э. также может быть использован при исследовании, поскольку структура землевладения и административно-территориальное деление с упором на преобладающую роль эллинских полисов остались, в сущности, без изменений и при римском владычестве⁵.

1. Греческая надпись из Абонутейха

Большое значение для выяснения положения греческого полиса в составе эллинистической Понтийской монархии имеет надпись из небольшого пафлагонского городка Абонутейх (Ионополь, совр. Инеболи), датированная 161 г. п. э. (137 г. до н. э.), временем царствования Митридата V Еввергета⁶. Это постановление фратрии Абонутейха в честь стратега Алкима, который являлся ее почетным членом. В свое время он был увенчан фратрией золотым венком, и за это отблагодарил ее, одарив фратеров двумястами драхмами серебра и украсив старейших из них венками из золота. В ответ на эти благодеяния общее собрание фратрии постановило сделать в уставе организации приписку — ежегодно увенчивать и восхвалять Алкима как при жизни, так и после смерти, оказывая те же почести его потомкам и наследникам.

² Anderson J. G. Some Questions Bearing on the Date and Place of Composition of Strabo's Geography // Anatolian Studies pres. to Sir. W. Ramsay. Manchester, 1933. P. 1—13; Aly W. Strabon von Amaseia: Untersuchungen Über Text, Aufbau und Quellen der Geographica. Bonn, 1957.

³ См.: IGR. III. 83—89, 91—96, 105—107; Robinson D. M. Greek and Latin Inscriptions from Sinope and Environs // AJA. 1905. Vol. 9. P. 294—333; Gregoire H. Rapport sur un voyage d'exploration dans le Pont et en Cappadoce // BCH. 1909. Vol. 33. P. 1—169; SP. I. P. 1—104; III. P. 1—252; Bean J. G. Inscriptions from Pontus // Belleten. 1953. Vol. 17. P. 167—178; Olshausen E., Biller J. Historisch-Geographische Aspekte der Geschichte des Pontischen und Armenischen Reiches. Wiesbaden, 1984. T. 1: Untersuchungen zur Historischen Geographie von Pontos unter den Mithradatiden. S. 79 u.fol. См. также указ. там лит.

⁴ Интерпретацию надписей из Понта и Каппадокии см.: Robert L. Etudes anatoliennes. P., 1937. P. 260 et suiv.; Idem. Noms indigenes dans l'Asie Mineure greco-romaine. P., 1963. P. 433—486; Mitford T. Studia Pontica. III. Fasc. 2: Sixty Years of Progress // Acta of the Fifth International Congress of Greek and Latin Epigraphy, Cambridge, 1967. Oxford, 1971. P. 377—380.

⁵ Ранович А. Б. Восточные провинции Римской империи в I—III в. н. э. М.; Л., 1949. С. 79. 119.

⁶ Лепер Р. X. Греческая надпись из Инеболи // ИРАИК. 1902. Т. VIII. Вып. 1/2. С. 153; Reinach T. Bulletin Epigraphique // REG. 1904. Vol. 17. P. 252; Idem. A Stele from Abonuteichos // NC. 1905. Vol. 5. Ser. 4. P. 113.

Уже первоиздатели документа Р. Х. Лепер и Т. Рейнак считали, что Абонутейх был типичным греческим полисом, граждане которого распределялись по фратриям, древним родовым организациям, заимствованным из Милета⁷. Это положение было использовано М. И. Максимовой, которая отмечала, что при понтийских царях город мог иметь значительную долю автономии и самоуправления, поскольку там сохранялись пережитки исконого деления граждан на фратрии⁸. Между тем предположения об автономии и самоуправлении Абонутейха при Митридате V Еввергете не заслуживают доверия.

Представляется не совсем верным, что в Абонутейхе в середине II в. до н. э. было несколько фратрий, принадлежность к которым давала право гражданства. В документе речь шла не о нескольких⁹, а всего лишь об одной фратрии. Это ставит под сомнение возможность деления граждан по фратриям в период позднего эллинизма. К тому же не верится, что такой небольшой городок, как Абонутейх¹⁰, мог сохранить в неприкосновенности древнее государственное устройство, заимствованное из Милета еще в эпоху Великой греческой колонизации. Последнее тем более невероятно, что и в соседних, более крупных милетских апойкиях Синопе, Тие, Керасунте, Котиоре, Трапезунде, не говоря уже о других колониях Причерноморья, выводивших свое происхождение из Милета, мы не встречаем даже в ранний период каких-либо указаний на деление граждан по фратриям.

Фратрия, увенчавшая стратега Алкима, сына Менофила, не имела больших политических прав и привилегий. На это намекают отсутствие в документе каких-либо упоминаний о городских властях, внесение предложения на общем собрании фратеров со стороны жреца Даиппа, сына Критона, которого Т. Рейнак считал жрецом культа Зевса¹¹, решение выставить стелу с надписью у храма Зевса Поарина, который, очевидно, являлся божеством, объединявшим вокруг себя всех членов фратрии. Подобная практика достаточно широко распространена в период позднего эллинизма и раннего римского времени¹². Весь тон надписи показывает, что в ней речь скорее идет о религиозной, нежели политической группировке. Об этом, в частности, свидетельствуют отдельные выражения, например *τὸ κοινόν*. В надписях религиозных союзов этот термин имеет ярко выраженный культовый характер. Особенно широко культовые союзы *τὰ κοινά* засвидетельствованы в Малой Азии, где этот термин, как правило, означал совместные трапезы членов союза, учреждение штрафов и денежных сумм для установления культа героизированных усопших и т. п. Тот же термин фигурирует применительно к фамильным союзам, а поскольку они были

⁷ Лепер Р. Х. Указ. соч. С. 153; Reinach T. *Stele*... P. 113—119.

⁸ Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.; Л., 1956. С. 197 и след.

⁹ Лепер Р. Х. Указ. соч. С. 153 и след.; М. И. Максимова (Указ. соч. С. 182, 183, 197, 198) переводит *τοῖς φράτοριον* как «фратрии», тогда как точнее будет перевод «членам фратрии», т. е. членам одной (!) фратрии, а не нескольких фратрий. Об этом свидетельствует и упоминание о фратрии в десятой строке надписи, где говорится об уставе этой некогда гентильной организации. Ср.: LSJ. P. 1953. S. v. *φράτρις*.

¹⁰ Об Абонутейхе см.: Jones A. *The Cities*... P. 419 Not 3.

¹¹ Reinach T. *A Stele*... P. 113—119.

¹² Все примеры собр. в: Ziebarth E. *Griechische Vereinswesen*. Leipzig, 1896. S. 35; Poland F. *Geschichte des griechischen Vereinswesens*. Leipzig, 1909. S. 34—48.

разновидностью культовых группировок, то и *τὸ κοινόν*, засвидетельствованный в надписи из Абонутейха, несет ту же окраску. Е. Цибарт и Ф. Поланд отмечали, что понятия *τὸ κοινόν* и *ἡ σύνοδος* в эллинистическое и римское время тождественны. В связи с тем что последний имеет характер сугубо религиозной группировки¹³, то и термин *τὸ κοινόν* должен обозначать аналогичный по направленности союз.

Охватывая корпоративные объединения государственно-правового и религиозно-культового характера, *τὸ κοινόν* имело следующие функции: выносить на общих собраниях постановления о награждениях, увенчаниях, учреждении агоней и прочих праздников. Следовательно, *τὸ κοινόν* фратрии Абонутейха специально собрался для награждения венком Алкима тем же способом и согласно такому же уставу, который имели и другие религиозно-культовые союзы Восточного Средиземноморья.

Фратрия Абонутейха имела свой устав, который обозначен в надписи термином *ὁ νόμος*, Р. Х. Лепер полагал, что это закон о воздаянии благодарности за услуги фратрии¹⁴. В надписях религиозных союзов — фиасов и синодов данный термин означает судебную опись имущества или предписание об уплате денежных штрафов при невыплате долга, исходившее от государства¹⁵. Но как только дело доходило до награждения венком, то контроль со стороны государственных властей ослабевал и *ὁ νόμος* превращался в устав-закон исключительно членов данного союза (ср. IG. II. 5.623e)¹⁶. С III в. до н. э. *ὁ νόμος* фиасов, фил и фратрий стал постепенно выходить из-под контроля официальных властей. Надпись из Абонутейха сугубо почетный декрет фратрии, поэтому ее устав мог быть принят исключительно для ее членов и не касался всего гражданского населения городка. Провозглашение и увенчания делались только согласно приписке в устав, составленный заранее на общем собрании членов организации. Все это не позволяет усматривать в нем государственно-правовой акт.

В декрете упоминаются и старейшие члены фратрии — *οἱ πρεσβύτεροι*. Этот термин также известен по надписям различных гентильных и культовых союзов в Греции. В них «старейшины» выступали главными действующими лицами культовых церемоний. Значит, и в нашей надписи этот термин соответствовал культово-религиозной сущности фратрии Абонутейха. Каждый религиозно-культовый союз, имевший право выносить постановления, имел должность писца — грамматевса. В его обязанности входило записывать все акты союза и списки членов для их публичного обозрения. С этим полностью согласуется упоминание писца по имени Матрий, вырезавшего надпись на плите в Абонутейхе.

Все изложенное выше говорит о том, что фратрия Абонутейха не политическая организация, регулировавшая права гражданства, а исключительно религиозная группировка граждан, ведавшая делами культа

¹³ Ziebarth E. Op. cit. S. 136—138; Poland F. Geschichte... S. 160; Idem. ΣΥΝΟΔΟΙ // RE. Bd. IV. S. 1422.

¹⁴ Lener P. X. Указ. соч. С. 158.

¹⁵ Ziebarth E. Op. cit. S. 177.

¹⁶ Е. Цибарт доказывает, что зависимость от государства в том, что касается декретов фиасов, практически полностью отсутствовала. См.: Ibid. S. 188—190.

Зевса Поарина¹⁷. Поэтому она не может служить доказательством автономии и самоуправления Абонутейха в составе царства Понт, по крайней мере, при Митридате V Еввергете.

Вообще к IV в. до н. э. фратрии перестают играть видную роль в политической жизни полисов, склоняясь более к делам религии и культов¹⁸. Вот почему еще Ф. Поланд заметил, что в эллинистический период в Малой Азии фратрии стали исключительно культовыми объединениями, а фратрия Абонутейха при этом не была исключением. Он даже назвал ее «небольшим дружеского круга образованием»¹⁹, что вполне соответствует ее роли в Понтийском царстве.

Стратег Алким, сын Менофила, был членом этого объединения. Относительно его положения в иерархической структуре царства ведутся споры. Считается, что он был либо военачальником, либо стратегом-правителем епархии, одной из областей Понта²⁰, либо должностным лицом, назначенным царем осуществлять военную или гражданскую власть над городом, уроженцем которого он являлся²¹, либо просто царским чиновником²². Думается, что правы те, кто принимает Алкима за стратега, наместника царя над территорией, в состав которой входил Абонутейх. Об этом свидетельствует тон декрета фратеров, полный заискивания и лести перед царским вельможей. Пожертвования в пользу фратрии, удостоившей его венком, также подтверждают превосходство Алкима перед гражданами города, входившими во фратрию; большой размер суммы, которую получили от него старейшины фратрии, золотые венки, которыми те были увенчаны в ответ на их знаки внимания Алкиму, — все это указывает, что стратег не столько из этических, сколько из политических соображений стремился к заигрыванию с гражданами греческого города и стал, вероятно, почетным членом фратрии во главе со жрецом культа Зевса, одного из наиболее почитаемых в Понтийском царстве²³. Этот вывод подтверждается тем, что в Горгииппии, например, во главе фиасов стояли царские наместники — «начальники царских земель», главные жрецы фиасов и «начальники Горгииппии и ее округа», выполнявшие в союзах роль синагогов (см. КБН. 1134). Полисные стратеги состояли в числе рядовых членов союза. Следовательно, в эллинистических монархиях почетными лицами в религиозных союзах были царские вельможи, представители дворцовой администрации²⁴. Очевидно,

¹⁷ Культово-религиозные союзы пользовались покровительством понтийских царей, проводивших филэллинскую политику. Ср. посвящение *δ σθινοδος δεραπευται* за Митридата VI Евпатора с Делоса: *Homolle T.* // BCH. Vol. 8. P. 103 — *Reinach T.* Mithridates Eupator, König von Pontos. Hildesheim; N.Y., 1975. S. 459. Anm. 7; *Ziebarth E.* Op. cit. S. 204.

¹⁸ *Глушкина Л. М.* Фратрия и род в структуре Афинского полиса IV в. до н. э. // ВДИ. 1983. № 3. С. 39—52; *Latte K.* Phratrie // RE. 1941. Bd. 20. Hbd. 39, S. 756; *Bourriot F.* Recherches sur la nature du genos. P., 1976. Vol. 1. P. 650.

¹⁹ *Poland F.* Geschichte... S. 528.

²⁰ *Reinach T.* Stele... P. 116; *Idem.* Mithridates Eupator. S. 254; *Rostovtzeff M. I., Ormerod H.* Pontus and It's Neighbours // CAH. 1932. Vol. 9. P. 215; *Ленеп Р. Х.* Указ. соч. С. 162.

²¹ *Максимова М. И.* Указ. соч. С. 197, 198.

²² *Olshausen E.* Zum hellenisierungprozess am Pontischen Königschof // Ancient Society. 1974. Vol. 5. P. 160.

²³ О культе Зевса в Понтийском царстве см.: SP. III. 28, 65, 140, 141, 152; *Cumont F.* Le Zeus Stratos de Mithridate // RHR. 1901. Vol. 43. P. 45. Зевс Стратий отождествляется с Ахуро-Маздой, покровителем персидских и понтийских царей.

²⁴ *Robinson D.* Op. cit. P. 302, N 24.

уже во II в. до н. э. во главе военно-административных округов Понтийского царства стояли стратеги, которые подчинялись царской администрации, а сами округа назывались стратегиями, как в некоторых других эллинистических государствах (Египет, Фракия).

Надпись из Инеболи уместно сопоставить с декретом середины I в. до н. э. из Одесса в честь Меногена, сына Асклепиада, назначенного фракийским Одрисским царем Садалом II стратегом соседней с греческим городом территории (*στρατηγὸς ἐπὶ τῇ προοχίρῳ*)²⁵. Из этого декрета следует, что царские земли одриссов, поделенные на округа-стратегии, граничили с хорой Одесса, которая находилась под управлением полисного коллектива²⁶. В надписи из Пафлагонии картина противоположная: власть стратега, наместника Митридата V, распространялась на город, ибо абонутейхиты не имели прав самоуправления и автономии, что ограничивало их самостоятельность в управлении делами полиса. Полисные земли, если таковые имелись, должны были подчиняться стратегу, составляя часть царской стратегии. Но скорее всего в составе царства Понт такие незначительные центры, как Абонутейх, во II в. до н. э. вообще не имели права владеть сельскохозяйственной территорией, поскольку находились в подчинении у наместника царской области. Таким образом, надпись из Абонутейха подводит нас к сложным вопросам социально-экономических отношений в Понтийском царстве.

2. Земельные владения греческих полисов и их соотношение с царским землевладением

Для правильного представления о соотношении царского и полисного землевладения, взаимоотношении царской администрации и греческого полиса большое значение имеет пример Фарнакии, города в Восточном Понте, который был основан на землях халибов путем синойкизма городов Котиоры и Кerasунта. На рубеже V—IV вв. до н. э. и позднее эти города были полноправными греческими полисами со своей хорой (*Xen. Anab. V. 3. 1—3; 5. 3—5; Pseudo-Scymn. 911—916*), но управлялись наместниками-гармостами из Синопы как ее апойкии²⁷. После 183 г. до н. э., когда Синопа была захвачена Фарнаком I, а ее территория присоединена к Понтийскому царству, царь переселил жителей Кerasунта и Котиоры в новооснованный полис Фарнакию. При этом они утратили былое значение, особенно последняя, которая превратилась в обыкновенную деревушку-кому на царской земле (*Arr. PPE. 16, 23*)²⁸. По всей вероятности, Фарнак сократил принадлежащую Синопе землю, а подвластные прежде города превратил в царские владения с последующим делением на административно-территориальные округа — стратегии. Ведь и Абонутейх в Пафлагонии попал под власть Понтийских царей не позднее правления

²⁵ BCH. LV. 1931. P. 43 et suiv. = IGB. I². 43.

²⁶ Михайлов Г. Към вопроса за стратегиете в Тракия // ГСУ. С., 1967. Т. 61. Вып. 2. С. 33; Фол Ф. Още веднъж (и за последен път!) към вопроса за стратегиете в Тракия // Terra Antiqua Balcanica. Sofia, 1985. Vol. II. P. 142—144.

²⁷ Seibert J. Metropolis und Apokie. Diss. Wurzburg, 1963. S. 169—174.

²⁸ Максимова М. И. Указ. соч. С. 72; Ruge W. Kerasus // RE. 1921. Bd. 11. S. 264; Weimert H. Op. cit. S. 99.

Фарнака I, поскольку расположенная к западу Амастрия оказалась в их руках еще в 279 г. до н. э. (*Memn.* 16). За Амастрией остались некоторые привилегии: она выпускала монету, что говорит о полисной самостоятельности²⁹. Однако соседние греческие города Пафлагонии утратили былое значение, например Кромны (*Pseudo-Scymn.* 958—967) или Кинолис (*Pseudo-Scylax.* 90). В периплахе римского времени они фигурируют как комы (деревни), хорионы (местечки) или эмпории, не имевшие полисного статуса (*Anonym. PPE.* 17, 20, *Arr. PPE.* 21; *Marc. Per. Mepir.* 9), хотя до этого они им обладали³⁰. Это можно рассматривать как результат политико-административных мероприятий римлян. Но факт остается фактом — налицо перераспределение земельного фонда вследствие сохранения за крупными городами полисного статуса при том, что мелкие остаются в подчинении у наместников без права владеть хорой. Отсюда можно сделать вывод, что во II в. до н. э. в состав царских владений Митридатом вошли обширные земли с туземным населением, обитавшим в деревнях-комах, и небольшими греческими городами без собственной сельской округи, подчинявшимися царским наместникам-стратегам. За крупными городами были оставлены некоторые права самоуправления и автономии, а значит, и небольшая аграрная территория, поделенная на клеры.

Отличительной особенностью эллинистического полиса было опосредование полисного землевладения царским и, как следствие, ограничение полисной самостоятельности со стороны царских властей. Это означало, что граждане греческих полисов могли владеть собственной землей, но это право в конечном счете зависело от царя как верховного собственника земли в государстве. Поэтому при желании монарх имел право отобрать часть полисной земли или, напротив, приписать ее дополнительно.³¹ Понтийское царство при этом не исключение.

Амасия, древняя столица понтийских царей, являла собой крупный город. Со всех сторон его окружала царская земля, где в непосредственной близости от города возвышались царские укрепления. Одно из них — сильная крепость (*φρούριον ἐν μύκον*) Икизари. Страбон неоднократно упоминает о хоре амасийцев, разросшейся за счет присоединенных к ней Помпеем земель, так как город имел предместья и окрестности. При Митридате VI вместе с другими центрами Понта и Пафлагонии Амасия чеканила монету, что свидетельствует об элементах полисной самостоятельности³². В надписях римского времени упоминается демос Амасии (SP. III. 1. 97—99), что подтверждает существование органов полисного управления (экклесии?)³³. Однако полисная независимость ущемлялась царской властью, стремившейся урезать принадлежавшие городу владения. Страбон сообщает, что «в нашей стране (т. е. в области амасийцев) есть несколько разрушенных укреплений (*ῥῆματα πλείω κατεσκαμμένα*) и покинутой земли вследствие Митридатовой

²⁹ Waddington W., Babelon E., Reinach T. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. 2nd ed. P., 1925. Vol. I. P. 174, N 10—13; P. 204, 205, N 50—57.

³⁰ Об этих мелких городках см.: Weimert H. Op. cit. S. 69, 70, 94—109.

³¹ О взаимоотношениях полисов и царской власти см.: Bikermann E. La cite grecque dans les monarchies hellénistiques // RPh. 1939. Vol. 65. P. 350—355; Свенцицкая И. С. Земельные владения эллинистических полисов в Малой Азии // ВДИ. 1960. № 3. С. 86 и след.

³² Waddington W., Babelon E., Reinach T. Op. cit. Vol. I. Fasc. 1. P. 32, 33.

³³ Weimert H. Op. cit. S. 45 et suiv. Об Амасии вообще см.: SP. III. P. 109, 110.

войны» (*Strab.* XII. 3. 38—39). Здесь *τὸ ἔρμα* означает царское укрепление на царской земле. Ко времени Страбона Амасии подчинялись «долина тысячи деревень», области Диакопена и Пимолисена, вошедшие в состав подвластной ей территории, очевидно, после мероприятий Гнея Помпея. До его реформ эти области входили в разряд царской земли. Но Помпей после разгрома Понта и превращения его в римскую провинцию (сер. I в. до н. э.), желая сделать греков своей опорой и учитывая, что цари ограничивали полисные привилегии, отменил эти ограничения и разрушил многие укрепления, например Пимолису. Подвластные прежде им земли он приписал греческим полисам, которые сам основал или которые до него были сильно ущемлены в отношении земельной собственности³⁴. Отсюда следует, что ранее цари Понта всячески стремились увеличить принадлежавшую им хору за счет полисных земельных владений. Такую же политику в отношении полисов проводили пергамские Атталиды, которые увеличивали царские домены³⁵.

Синопа, столица государства с 183 г. до н. э., также распоряжалась незначительной территорией. После Фарнака I, существенно ограничившего подвластную ей область, у города осталась небольшая полоска земли, прилегавшая к его стенам. Страбон сообщает, что «во внутренней части страны земля плодородна и украшена множеством полей, разделенных под сады, в особенности же предместья города» (*Strab.* XII. 3. 11). Далее он пишет: «В настоящее время Синопе пришлось принять римскую колонию, так что и часть города и городской земли принадлежит колонистам». Из этих свидетельств можно сделать вывод, что к середине I в. до н. э., когда Цезарь основал в Синопе колонию из италиков, город имел власть над территорией, разделенной на участки и простиравшейся до Армении (*Strab.* XII. 3.10; *Plin. Nat. Hist.* VI. 2.6). Очевидно, городская территория, как и в Амасии, увеличилась при Помпее, ибо Страбон неоднократно говорит о Синопской области (*Strab.* XII. 3. 12; 38). Следовательно, и здесь понтийские цари ограничивали хору города.

Амис также имел свою сельскохозяйственную территорию. По сообщению Плутарха (*Plut. Luc.* XIX), когда город был взят войсками Лукулла, римский полководец добавил Амису 120 стадий земли (22 км) по берегу моря. Как отмечала М. И. Максимова, в тексте Плутарха использован глагол *προσορῖω*, что значит «присоединять что-либо к границам (государства)», и это позволяет заключить, что Лукулл как благодеяние добавил к уже существовавшей городской земле новые территории, правда незначительные по размерам³⁶. Действительно, со времени включения Амиса в Понтийское царство при Митридате II город получил ряд полисных привилегий: право чекана монеты, собственные органы управления и, вероятно, незначительную сельскую округу, разделенную на клеры. Поскольку Лукулл увеличил земельные владения граждан, следует думать, что Митридатиды не допускали роста хоры Амиса. И это несмотря на особое

³⁴ Seager R. Pompey: A Political Biography. Oxford, 1979. P. 55; Dreizehnter A. Pompeius als Städtegründer // Chiron. 1975. Bd. V. S. 237, 238.

³⁵ Rostovtzeff M. I. Notes on Economic Policy of Pergamon Kings // Anatolian Studies. P. 376; Allen R. Op. cit. P. 98—100.

³⁶ Максимова М. И. Указ. соч. С. 189.

положение города, что выражалось в сохранении за ним прав самоуправления и политики³⁷.

Этот вывод подтверждается на примере других городов Понта. Кабира на правом берегу р. Лик не являлась полисом в полном смысле слова. Менее чем в 200 стадиях от нее находилось укрепление Кайнон-Хорион (*τὸ Καῖνον Χωρίον*), расположенное, как и другие подобные крепости, на царской земле (*Strab. XII. 3.31*). При Фарнаке I центром территории вокруг Кабиры и находившегося неподалеку храмового городка (*ἡ κασιόπολις*) Америи со святилищем Мена-Фарнака, являлся, очевидно, Кайнон-Хорион. Здесь положение такое же, как и в случае с Абонутейхом. Город, не имевший до Митридата VI Евпатора прав автономии и самоуправления, контролировался царем через наместника (стратега) данной территории. Даже при Митридате VI в общих чертах картина не изменилась: в городе был выстроен дворец царя, водяная мельница, зверинец, а близлежащие угодья стали местом царской охоты. Сам город получил право чеканить медную монету со своим названием³⁸. Последнее должно было несколько расширить его политические права, хотя это не способствовало росту его территории. Если учесть, что полисный статус Кабира обрела только после мероприятий Помпея, то, очевидно, и землю она получила в свое распоряжение именно в это время. Такая парадоксальная ситуация сложилась потому, что, как показано выше, городская территория и окрестные земли при Митридатах рассматривались как царские, и только Помпей изъясил их у бывшей царской канцелярии.

Крупнейший центр Понтийского царства — Комана Понтийская, по описанию Страбона, типичный полис, владевший небольшим количеством земли, находившейся в собственности граждан. Земельные участки граждан были заняты под виноградники. Комана имела священный участок богини Ма-Эннио и хору, подвластную храмово-гражданскому коллективу, хотя на самом деле они принадлежали главному жрецу Команы, который являлся правителем (*ὁ ἱερεὺς*) жителей священного центра и одновременно выступал как царский наместник области Дазимонитиды, в состав которой входила Комана³⁹.

Власть жрецов-диойкетов, санкционированная царем, могла ограничивать полисное землевладение по примеру других наместников в нехрамовых центрах Понтийской Каппадокии. Это означает, что подвластная храмово-гражданскому коллективу земля расценивалась в конечном итоге как царская, хотя и была приписана полису.

Комана при Митридате VI получила ряд ограниченных привилегий: право чекана монеты со своим названием, а также небольшое количество земли. Помпей и Цезарь добавили ей еще 6 схенов (180 стадий), «помимо

³⁷ Там же. С. 186. Ср.: *Hirschfeld G. Amisos* // *RE. 1894. Bd. I, Hbd. 2. S. 1837—1839; Weimert H. Op. cit. S. 114—125; Magie D. Op. cit. Vol. I. P. 185. О монетах Амиса см.: Waddington W., Babelon E., Reinach T. Op. cit. Vol. I. P. 59—72; Malloy A. G. The Coinage of Amisus. N.Y., 1970. P. 7—10.*

³⁸ О монетах Кабиры см.: *Waddington W., Babelon E., Reinach T. Op. cit. Vol. I. P. 117, 118. О положении города см.: Olshausen E., Biller J. Op. cit. S. 44—54; Weimert H. Op. cit. S. 26—30.*

³⁹ *Ramsey W. Social Basis of Roman Power in Asia Minor. Aberdeen, 1941. P. 105, 106; Периханян А. Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М., 1959. С. 160—161.*

священного участка» (*Strab.* XII. 3. 34—35). В разряд этой земли не входили участки-клеры граждан, а также священный участок храма. Ранее эта добавленная римлянами земля принадлежала, как уже говорилось, царскому фиску, а впоследствии — верховному жрецу-правителю, бывшему царскому наместнику. Следовательно, собственно полисная территория могла остаться без изменений, а увеличились только земли, которые до этого находились в ведении жреца-диойкета, что позволяет говорить об ущемлении полисного землевладения. Такое же положение сложилось и в Зеле, другом храмовом центре Понта. За счет своего жреца-диойкета цари сильно урезали прилегавшую к Зеле территорию путем дарений участков земли, которую они считали царской, своим друзьям и вассалам (*Strab.* XII. 3.37). Тем самым Зела вовсе лишилась полисной земли или имела ее в самом минимальном количестве. Отсюда ограничение полисных прав элитов, отсутствие автономного чекана и т. д. подтверждают бедственное положение полисного землевладения в Понте.

При Митридате VI было основано два города — Евпаторий и Митридатий. Первый не имел полисного статуса, не чеканил монету и вообще был не до конца застроен. Только после реформ Помпея он получил землю и полисные привилегии⁴⁰. Помпей, очевидно, увеличил городскую территорию, отведенную под застройку домов. Городской хоры не имел и Митридатий, обозначенный Страбоном (XII. 5.2) как царское укрепление. Так что и он, вероятно, не являлся полисом.

Из сказанного следует, что в Понтийском царстве существовало две категории городов, статус которых определялся волей царя — верховного собственника земли в государстве: небольшие городки (*τὸ πολίχνιον*) вроде Абонутейха, Кабиры, Зелы, Керасунта, которые не имели статуса полиса, не владели сельскохозяйственной хорой и подчинялись царским наместникам (стратегу, диойкету); греческие полисы (Синопа, Амасия, Амастрия, Комана, Фарнакия), получившие от царской власти как «дар» ограниченные права самоуправления и политику для граждан, небольшую аграрную территорию, разделенную на участки вместе с жившими там крестьянами-общинниками (комитами). Но, предоставив эллинам нечто вроде автономии, цари старались и в этом их ограничить, для чего, как показано выше, стали окружать владения полисов своими крепостями. Это являлось отличительной чертой Понтийского царства⁴¹, хотя ограничение полисных свобод было общим признаком эллинистических монархий⁴².

Мы не знаем структуру *γῆ δημοσία* понтийских городов, соотношение земель, прилегавших к полисам, и территорий, им подвластных. Только пример с Команой позволяет приблизительно очертить эти вопросы.

Помимо участков граждан, Комана имела территорию, «подвластную» храму, доходы с которой поступали в храмовую казну, находившуюся в

⁴⁰ О Евпатории см.: *Ruge W.* Eupatoria // *RE.* 1907. Bd. VI. S. 1161; *Magie D.* Op. cit. P. 1211; *Wilson D. R.* Op. cit. P. 234; *Olshausen E., Biller J.* Op. cit. S. 27—44. См. также: *Strab.* XII. 3. 30; *App. Mithr.* 115.

⁴¹ *Санрыкин С. Ю.* Особенности земельных отношений в Понтийском царстве Митридатидов // *Acta Centri Historiae «Terra Antiqua Balcanica».* Sofia, 1986. Vol. I. P. 113—120.

⁴² *Petit P.* La civilisation hellénistique. P., 1965. P. 34—36; *Ehrenberg V.* The Greek State. 2nd ed. L., 1969. P. 191—193. Некоторые исследователи считают греческий полис важнейшим элементом эллинистической монархии. См.: *Welles C.* The Greek City // *Studi in onore di Arestide Calderini e Roberto Paribeni.* Milano, 1959. Vol. I. P. 80—82.

распоряжении жреца, царского наместника. Основной социально-экономической единицей в Понте и Пафлагонии была сельская община (кома), поэтому на «подвластной» Комане земле могли жить сельские общинники-комиты. Но вследствие того, что они платили подать не Комане, а только в храм, находившийся во власти жреца и царя, полис, очевидно, не осуществлял юрисдикции над этими территориями, как и другие полисы Понтийской Каппадокии.

Взаимоотношения полисов и царской власти, регламентацию земельных владений членов гражданского коллектива царем и его наместниками в Восточной Анатолии можно проиллюстрировать декретом из Анисы в честь ее гражданина Аполлония, сына Аббы, оказавшего услуги полису. Аполлоний совместно с другими достойными гражданами на собственные средства совершил поездку в столицу Каппадокийского царства Мазаку Евсевию, где через посредничество архидиойкета и эпистата Мзаки (*ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως*) выхлопотал перед царем для своего родного города выморочный клер одного из умерших граждан Анисы, не оставившего наследника⁴³.

Из надписи следует, что Аниса имела полисный статус, но ее земельные владения, находившиеся в собственности граждан, зависели от царя и царского наместника (очевидно, диойкета, так как перед царем за Аполлония среди прочих хлопотал также архидиойкет — живший в столице первый наместник царя, глава всех диойкетов царства). Как и в описанных выше случаях, в Каппадокии царь одаривал полис землей. В случае смерти полноправного гражданина полиса, не оставившего наследника по мужской линии, его земельный участок должен был перейти не всей гражданской общине, как в автономном и самоуправляющем полисе, а царю, а на деле, вероятно, наместнику. Это правило существенно ограничивало полисные свободы. Аналогичные формы землевладения существовали в Понте и Пафлагонии (см. выше), поскольку Каппадокия некоторое время подчинялась понтийским царям и близка Понту по уровню социально-экономического развития. Однако цари Понта по своему усмотрению имели возможность расширить права граждан царства: согласно специальному закону Митридата VI Евпатора о наследовании в случае смерти владельца участка при отсутствии прямого потомка по мужской линии он переходил не царю или его наместнику, а всей общине граждан в целом. Это расширяло не только права самоуправления гражданского коллектива полиса, но и позволяло ему владеть частью земельного фонда, приписанного к полису из состава царских земель⁴⁴. Закон этот применялся Митридатом VI по отношению к ведущим греческим полисам царства, т. е. в тех местах, где зафиксирована территория, «прилегающая к полису» и находившаяся в собственности граждан.

⁴³ Cumont F. A propos d'un décret d'Anisa en Cappadoce // REA. 1932. Vol. 34, N 2. P. 135, 138; Robert L. Noms indigènes dans l'Asie Mineure gréco-romaine. P., 1963. P. 479—482. Л. Робер датирует надпись второй половиной II в. до н. э. и относит принятие декрета ко времени правления каппадокийского царя Ариарата V. Периханян А. Г. считает, что надпись поставлена при Архелая I. См.: Периханян А. Г. Указ. соч. С. 56, 57.

⁴⁴ Подробнее о законе см.: Сапругиан С. Ю. Сапругиане // СА. 1985. № 2. С. 68; Он же. «Евпаторов закон о наследовании» и его значение в истории Понтийского царства // Die Antike und Europa. Zentrum und Peripherie in der Antiken Welt: Resümee. B., 1986. S. 182, 183.

На вопрос об организации царской земли в Понтийском государстве позволяет ответить текст Страбона. Географ ведет описание по следующим округам: Камисена, Кулупена (у истоков р. Галис), Неаполитида (Фазе-монитида), Хилиокомон, Диакопена, Пимолисена, Ксимена, Зелитида, Даксимонитида, Газакена, Фанароя, Каранитида, Кимнатена, Бабаном, Блаена, Доманитида, Мегалополитида, Амисена, Синопида, Ксимена, Сидена, Газелонитида, Сарамена, Фемискира, Фарнакия, Трапезусия. Как видим, перечень включает и территории, которые подчинялись греческим полисам (Амис, Трепезунд, Фарнакия, Синопа). Надо принять во внимание, что Страбон дает список уже после мероприятий Помпея, Цезаря и Антония, поэтому некоторые округа могли возникнуть после падения Митридатидов⁴⁵. Однако список отражает в своей основе систему территорий, которая существовала в бывшем Понтийском царстве⁴⁶.

Большинство исследователей признает, что это административно-территориальные единицы царства. Одни считают их стратегиями, во главе которых стояли стратеги⁴⁷, другие эпархиями во главе со стратегами⁴⁸ или эпархами⁴⁹, а третьи вообще выражают сомнение, что это административные округа. По их мнению, это названия географических областей, на что указывает термин *χώρα* в тексте древнего географа⁵⁰. Думается, однако, что последняя точка зрения неверна. Во времена Страбона многие области уже не входили в Понтийское царство, поэтому использование в тексте термина *χώρα*, т. е. «страна, область», в географическом смысле без оттенка административного деления понятно, что несколько не исключает их прежнего административно-территориального статуса. Последнее подтверждается этимологией их названий: большинство образовано от названий укреплений, сел и городов — центров каждой округи. (Например, *Σὶθη > ἡνῆ > Σιθωνή; Γαζηλάν > ιτις > Γαζηλωνῖτις; 'Αμισος > ἡνῆ > 'Αμισωνῆ* и т. д.). Суффиксы и окончания топонимов на *-ἡνῆ*, *-ιτις* — доримского происхождения, о чем свидетельствуют названия соседних с Понтом стратегий Великой Каппадокии (Лавиансена, Хаманена, Моримена) или самостоятельных областей (Софена, Кадена и т. п.). Подобная этимология восходит к Ахеменидам⁵¹ и указывает на то, что укрепление как центр округа, давшее ему название, могло контролировать ближайшую территорию и служить его столицей. До нас дошел фрагмент надписи из Кале-Кей (д. Дакопа), который является, по некоторым предположениям,

⁴⁵ О географическом районировании Понтийской Каппадокии см.: *Anderson J. G. A Journey of Exploration in Pontus* // SP. I. P. 53 et suiv.; *Olshausen E. Mithridates VI und Rom* // ANRW. 1972. Bd. I, T. 1. S. 806 ff.; *Idem. Pontos*. S. 437—440; *Wilson D. Op. cit.* P. 10 ff.; *Weimert H. Op. cit.* S. 21 ff.; *Olshausen E., Biller J. Op. cit.* S. 17; *Magie D. Op. cit.* P. 177—188; *Broughton T. Roman Asia*. Baltimore, 1938. Vol. 4. P. 602.

⁴⁶ О мероприятиях Помпея в Понтийской Каппадокии см.: *Wellesley K. The Extent of the Territory Added to Bithynia by Pompey* // RM. 1953. N.F. 96. S. 301 u. folg.; *Olshausen E. Pontos und Rom* (63 v. Chr.—64 n. Chr.) // ANRW. 1980. Bd. II. T. 7, 2. S. 904—908.

⁴⁷ *Reinach T. Mithridates Eupator*... S. 253.

⁴⁸ *Rostovtzeff M. I., Ormerod H. A. Op. cit.* P. 215; *Rostovtzeff M. I. SEHW. Vol. II. P. 576; Jones A. The Cities*... P. 155—157; *Magie D. Op. cit.* P. 1070—1072; *Olshausen E. Pontos*. S. 437.

⁴⁹ *Geyer F. Mithridates* // RE. 1932. Bd. XV. 2. Hbbd. 30. S. 2201, 2202.

⁵⁰ *Ломоури Н. Ю. К истории Понтийского царства*. Тбилиси, 1979. С. 141—143.

⁵¹ *Reinach T. Mithridates Eupator*... S. 252—255; *Jones A. The Cities*... P. 155.

пограничным столбом, отмечавшим границу двух округов⁵². На камне отчетливо читается *Δακοπηνῆς Γα[δ]ῶλων*. Авторы *Studia Pontica* справедливо отмечали, что это соответствует упомянутому у Страбона (XII. 3.39; 3.13) Диакопене и Газелонитиде. Поскольку эти области могли быть административно-территориальными единицами царства, то указанная надпись подтверждает деление царских территорий на самостоятельные округа.

Царских наместников этих округов, думается, справедливо считать стратегами по крайней мере для III—II вв. до н. э., когда в целом сложилась административная система Понтийского царства. На это указывает разобранная выше надпись фратеров из Абонутейха и изложение Полибием условий сдачи Фарнаком I в 179 г. до н. э. захваченной в ходе войны с Пергамом, Каппадокией и Вифинией части Пафлагонии (XXV 2): «Равным образом надлежит ему очистить Пафлагонию, а жителей, которых раньше оттуда выселил, возвратить назад, вместе с ними вооружение, метательные снаряды и прочие военные приспособления». Военные действия здесь велись под командованием стратега Леокрита (*Polyb.* XXIV. 8; *Diod.* XXIX. 23). В сообщении Полибия, несомненно, речь идет о военных поселенцах-ка-тойках, которые были «выселены», т. е., вероятно, использованы в войсках Леокрита, коль скоро их было приказано вернуть и вновь поселить в Пафлагонию вместе с вооружением после окончания военных действий. Следовательно, стратег мог осуществлять управление царскими землями.

Основатель Понтийского царства Митридат I Ктист первоначально укрепился в небольшой крепости Кимиате, по названию которой вся окрестная территория называлась Климиатеной (*Strab.* XII. 3.41; *App. Mithr.* 9). Страбон называет Кимиату *τὸ φρούριον*, а Аппиан *τὸ χωρίον* — «укрепление, крепость, страна, поместье». Особого различия между двумя терминами нет, поскольку оба они относятся к укрепленному поселению. Но последний термин нередко переводится и как «поселок, деревня, село», тогда как первый имеет исключительно военный оттенок (крепость с гарнизоном или стражей). Если сопоставить их, то Кимиату можно считать крепостью, принадлежавшей царю, где был расквартирован гарнизон царских войск. По всей видимости, Страбон имел в виду именно военный аспект означенного укрепления, тогда как Аппиан хотел подчеркнуть его принадлежность царю, царским владениям.

Поскольку большая часть крепостей-эпонимов соответствующих областей Понтийской Каппадокии обозначается Страбоном как *τὰ φρούρια*, есть все основания полагать, что в каждой из них находился гарнизон царских войск во главе с фрурархом, которому подчинялась и прилегавшая к укреплениям территория. А если во главе каждой области стоял стратег или эпарх, то иерархическая структура управления царскими владениями

⁵² *Gregoire H. Rapport sur un voyage d'exploration dans le Pont et en Cappadoce // BCH. 1909. Vol. 33, N 1/2. P. 21, N 7; SP. III. P. 156—159, N 145. X. Грегуар идентифицирует Кале-Кей с Газелоном, а не Дакопой. X. Ваймерт (*Weimert H. Op. cit. S. 54, 126—128*) полагает, что при понтийском владычестве Газелонитида управлялась из Амиса, а не из Газелона. Ср.: *Olshausen E., Biller J. Op. cit. S. 126, 130; Wilson D. R. Op. cit. P. 200*. В них отрицается возможность существования общей границы между Диакопеной и Газелонитидой, что, однако, не снимает вопроса об упоминании в надписи административных округов царства.*

будет выглядеть следующим образом: наместники или командиры гарнизона на местах в крепостях, расположенных по всей территории округа; фрурарх⁵³, командир царского гарнизона в укреплении—эпониме данного округа (*Plut. Luc. 32*); стратег или эпарх, осуществлявший общее управление всей территорией, командующий войсками округа и отвечавший за сбор налогов в царскую казну. Доверенными лицами стратега на местах могли быть эпистаты или епископы (*ὁ ἐπίσκοπος*) на манер других эллинистических государств⁵⁴.

Такая полувойсковая организация управления в Понтийском царстве диктовалась внешней и внутренней необходимостью в начальный период его существования. Митридатам на протяжении III в. до н. э. приходилось вести постоянные войны с соседями, чтобы расширить границы своих владений. К тому же само появление царства стало возможным в результате войн диадохов и противоречий между ними. У Аппиана находим следующее описание действий первого царя Понта: «... много народу пришло к нему, и он захватил не только Каппадокию, но и соседние племена по Понту» (*App. Mithr. 9*). Столь быстрый рост военного могущества понтийских царей, в течение 20 с небольшим лет покоривших соседние племена и получивших доступ к Черному морю, свидетельствует, что их государство обладало внушительным военным потенциалом. Особенности этого заключались, вероятно, в гибкой централизованной военно-административной организации, когда цари привлекали на свою сторону многие местные племена и народы и использовали их в качестве военной силы, давая землю для поселения и вовлекая в занятия сельским хозяйством как полувойсковых поселенцев⁵⁵. В восточной Малой Азии еще с древнейших времен существовало множество укреплений, которые Митридатам оставалось только сделать своей главной опорой и превратить в центры, которые притягивали к себе в экономическом и военном отношении варварское и греческое население, оседавшее на их земле.

Согласно описанию Ксенофонта, племена северо-восточных районов Малой Азии таохи, колхи, дрилы, моссинойки жили в деревнях-комах, укреплениях — *τὰ χωρία* и городах-полисах. Последние не являлись городом в полном смысле слова, а представляли собой укрепленные поселения, которые Ксенофонт обозначил знакомым ему греческим термином. Все они подчинялись одному более крупному укреплению — *χωρίον μὴτρόπολις*, или просто *μὴτρόπολις*. Это был не только важнейший центр обороны для соответствующего племени или союза племен, но и столица округа, так как в таком укреплении находился акрополь и резиденция царя или вождя племени. Все упоминаемые у Ксенофонта укрепления располагались на

⁵³ Максимова М. И. Указ. соч. С. 269.

⁵⁴ Например, в Ольбе наместниками жрецов-правителей Тевкридов на местах являлись эпистаты, которые осуществляли власть над многочисленными крепостями, разбросанными по территории государства (*Heberdey R., Wilhelm A. Reisen in Kilikien-Denkschriften der Akademie in Wien. Wien, 1896. Philos.-hist. Kl. Bd. 44, Abh. 6. S. 53, 88, N 122 u. folg.*). Эпистаты известны в Вифинии из декрета II в. из Прусы-на-Олимпе (*Robert L. Etudes anatoliennes. P., 1937. P. 229—233*), в Амастрии (*IGR. III. 88, 89*), Селевкидском государстве и т. п. См.: *Præaux C. Le monde hellénistique: La Grece et l'Orient (323—146 av. j. e.). P., 1978. Vol. 1. P. 10*. Епископы как царские наместники в городах засвидетельствованы при Митридате Евпаторе в Эфесе. См.: *App. Mithr. 48*.

⁵⁵ *Leonhard K. Paphlagonia. B., 1915. S. 126 ff.*; Максимова М. И. Указ. соч. С. 129—131.

возвышенностях и служили убежищами для жителей деревень на равнинах или местом хранения урожая (*Хер. Анаб.* IV. 7.2; 19; V. 4. 31). Это самое древнее свидетельство об управлении территорией племен на севере Малой Азии. Можно предполагать, что во времена Ахеменидов близкая по характеру административная система была распространена на все сатрапии Персидской державы, в которую входила и Каппадокия. Вот почему ахеменидским сатрапам и понтийским владыкам не составило труда закрепить эту сложившуюся издревле форму контроля за подвластным населением и сделать ее более прочной и гибкой⁵⁶.

Во внутренних областях Понта по крайней мере в эллинистическую эпоху существовал некоторый контингент эллинского населения, о чем свидетельствует надпись из Газиуры, города в верховьях р. Ирис. Это посвящение, датированное не позднее начала II в. до н. э., некоего сына Антифимида, одержавшего победу на агонах в Византии (*SP.* III. 278a)⁵⁷. Чисто греческие имена встречаются и в других надписях из Газиуры (*Ibid.* 278b — *Ὀλίμλιχος*), Тхорума (Эвхаита) (*Ibid.* 194 — *Κάλλωτος*) и т. п.

Организация территории по «полувоенному» принципу, использование древних укреплений в качестве опоры власти на хоре, превращение их в центры (*τὰ φρούρια*) военно-хозяйственных поселений, объединенных по округам, — все это стало залогом успешных действий первых понтийских царей по расширению границ государства. Тогда округа и получили, вероятно, название стратегий. Система эллинистических стратегий усиливала могущество царской власти, укрепляла управление царскими землями и, по выражению Г. Бенгтсона, «сделала возможным строгое, централизованно построенное управление, что способствовало сохранению господства эллинистической монархии по отношению к местному населению», в конечном счете — «сохранению государства» как такового⁵⁸.

Основная часть земельного фонда в Понте и Пафлагонии находилась в руках царя. Это подтверждается свидетельством Цицерона: во второй речи об аграрном законе Рулла оратор говорит, что этот закон «предусматривает продажу земель», которые сделались собственностью римского народа после завоеваний на Востоке. К их числу относятся «царские земли в Вифинии, доходы с которых в настоящее время получают откупщики, земли Аттала в Херсонесе, земли в Македонии, принадлежащие царю Филиппу и Персею», а также «царские земли, которыми Митридат владел в Пафлагонии, Понте и Каппадокии» (*Cic. De leg. agr.* II, 50, 51). Во-вторых, на это указывает и характеристика некоторых укреплений, даваемая античными авторами. Так, укрепление (*ἔρμα ἰδριμενον*) Сагилий Страбон называет «полезным царям во многих отношениях» (*Strab.* XII. 3.38), крепость Пимолису он характеризует как «царскую» (*φρούριον βασιλικόν*) (XII. 3.40). Об укреплении Кимиата как царском владении выше уже была речь. Митридат Евпатор, завладев областями к востоку от Понтийской Каппадокии — Малой Арменией, Сьфеной, Колхидой, страной халдеев и тибаренов, основал там 75 укреплений, превращенных в газофилаксии

⁵⁶ Об организации управления на землях племен севера Малой Азии подробнее см.: Максимова М. И. Указ. соч. С. 129—133.

⁵⁷ Bean J. G. *Op. cit.* P. 171, N 10.

⁵⁸ Bengtson H. *Die Strategie in der Hellenistischen Zeit.* München, 1937. Bd. 1. S. 34—36.

(казнохранилища). Им было основано множество укрепленных казнохранилищ вдоль всей горной цепи Париадра, представлявшего собой сеть превосходных естественных укреплений (*Strab.* XII. 3.28). Аппиан сообщает, что эти крепости (*τὰ φρούρια*) имели огромное значение для царя: он описывает некое укрепление Митридата VI, в подземельях которого хранилось большое количество денег. Оно находилось в ведении одной из жен, Стратоники, которая сдала его Гн. Помпею (*App. Mithr.* 107). Аналогичную роль играло и укрепление Синорега (*Ibid.* 101). Эти факты показывают, что укрепления были расположены на царских землях и являлись центрами, куда поступали налоги с этих земель, взимаемые представителями царской администрации. Такая практика хорошо известна в других эллинистических монархиях, в частности в государстве Селевкидов⁵⁹.

Во время 3-й Митридадовой войны, когда Л. Лукулл нанес решающие поражения Митридату Евпатору и тот вынужден был бежать к своему зятю Тиграну II, начальники гарнизонов Митридата (*οἱ φρούραρχοι τοῦ Μιθριδάτου*) в массовом порядке стали сдаваться римлянам (*Ibid.* 82). Гарнизоны стояли и в городах, пользовавшихся некоторым самоуправлением, например в Амасии, где фрурархом при Фарнаке I был некий Метродор (*OGIS.* 365 = *SP.* III. 94). Есть сведения, что и в Газиуре при Митридате VI находились царские войска, которые располагались на акрополе и подчинялись начальнику цитадели (*ὁ ἀκροφύλαξ*) (*ВСН.* XXXIII. 1909. № 23 = *SP.* III. 278). Гарнизоны известны также в Синопе, Амисе, Геракле Понтийской и др. Назначение военных наместников в греческие полисы царства связано с вхождением их в военно-административную систему управления и подчинением царской канцелярии. Основой такой системы было то положение, что полисная земля была составной частью общего земельного фонда царства, рассматривавшегося как собственность монарха.

3. Система поселений на «царской земле»

Структура управления Понтийским царством, основанная на царских крепостях, требовала соответствующей полувоенно-полуаграрной организации последних. Выше уже говорилось, что такими поселениями на царских землях Понтийской Каппадокии могли быть и катойкии. Само их появление диктовалось необходимостью регулярно пополнять царские войска для ведения постоянных войн с соседями (см. выше). В настоящее время господствующая точка зрения на причины возникновения военно-хозяйственных поселений сводится к тому, что они появляются не в результате предоставления земли отслужившим срок воинам, как считалось ранее, а наоборот, в целях последующего привлечения поселенцев-катойков на военную службу. При этом эллинистические цари преследовали две главные цели: во-первых, они должны были обезопасить наиболее угрожаемые области от вторжений извне, для чего сеть военно-хозяйственных поселений

⁵⁹ Об этом см. гл. 2. См. также: Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. С. 170; Bickerman E. *Institutions des Seleucides*, P., 1938. P. 78—84; Kreissig H. *Wirtschaft und Gesellschaft im Seleucidenreich*. B., 1978. S. 50. О военно-административной системе в Персидской державе и в эллинистических государствах вообще см.: Briant P. *Rois, tributs et paysants*. P., 1982. P. 63.

создавалась близ границ или во вновь присоединенных местах⁶⁰. Все это соответствовало условиям Понтийской Каппадокии, цари которой стремились расширить свое государство за счет соседних территорий и потому испытывали постоянную угрозу внешних вторжений. К тому же в состав Понта входили различные племена и народы. Во-вторых, привлекая различные племена на службу в царские войска, предоставляя им для поселения землю, Митридатиды делали их лояльными центральной власти, заставляли служить в качестве опоры против других племен, которых считали ненадежными. Например, при Митридате VI Евпаторе восточно-понтийские племена тибаренов и халибов стали верными союзниками царя, пополнив его войска в качестве царских воинов (*App. Mithr.* 69; *Plut. Luc.* XIV, XIX). Племена же моссинояков и колхов не подчинились Митридату⁶¹, поэтому были вытеснены к востоку другими народами, которые заняли территорию их прежнего расселения с ведома и согласия царя Понта, ставшего господином всех этих областей (*Strab.* XII. 3, 28). Таким образом и лояльное племя макронов оказалось к юго-западу от Трапезунта, потеснив колхов и моссинояков.

Назначение гарнизонов по этническому принципу в различные греческие города, признававшие власть царя Понта, является доказательством возможности поселения воинов, выходцев из местных этнических групп, и на царских землях Понтийской Каппадокии⁶², тем более что каждая крепость имела гарнизон царских войск. База для создания военно-хозяйственных поселений у понтийских царей, в особенности у Митридата VI, была отменная — в его войсках служили греки, галаты, халибы, тибарены, армяне, киликийцы, скифы, сарматы, тавры, ахейцы, гениохи, левкосиры, колхи, языги, кораллы, фракийцы, бастарны и др.⁶³ Одни были наемниками, другие — союзниками, а третьи, среди которых были коренные жители Каппадокии и Пафлагонии, являлись регулярным контингентом царских войск.

Согласно Аппиану, когда понтийский царь потерпел поражение в Греции от Суллы во время Первой войны с Римом, он решил укрепиться в Галатии. С этой целью он ввел гарнизоны в города, назначил туда сатрапом Евмаха, но оставшиеся в живых тетрархи галатов, собрав войско из сельских

⁶⁰ Bickerman E. *Institutions...* P. 79—83; Kreissig H. *Wirtschaft...* S. 49 (автор считает, что колонии-катоикии состояли из воинов, отслуживших срок службы царю); Bar-Kochva B. *The Seleucid Army*. Cambridge, 1976. P. 24—33; Cohen G. *The Seleucid Colonies: Studies in Founding. Administration and Organization*. Wiesbaden, 1978. P. 3—5. Противоположной точки зрения придерживался П. Левек. См.: Lévêque P. *Le monde hellénistique*. P., 1969. P. 49.

⁶¹ *App. Mithr.* 103; 117.

⁶² Это — гарнизоны киликийцев в Синопе (*Plut. Luc.* XXIII; *Memn.* 53. 1—5; *Oros. Adv. pag.* VI. 3.2), галатов в Гераклею Понтийской (*Memn.* XLII. 5), армянцев из Малой Армении в Ольвии (*IOSPE.* I², 35 = *Klio.* 1933. Bd. 29. S. 50) и Херсонесе Таврическом (*Виноградов Ю. Г., Кадеев В. И.* Армянские лучники на службе Митридата Евпатора // *Второй Все-союзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке: Тезисы*. Ереван, 1984. С. 12).

⁶³ *Plut. Luc.* XIV, XIX, XXIII; *App. Mithr.* 17; 19; 69; *Justin.* XXXVIII. 7. 3. См. также: *Launey M.* *Recherches sur les armées hellénistiques*. P., 1949. Vol. 1. P. 389, 420—423; *Griffith G.* *The Mercenaries of the Hellenistic World*. Cambridge, 1935. P. 189—193; *McGing B. C.* *The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus*. Leiden, 1986. P. 85 ff.

местностей тотчас же изгнали его из Галатии (*App. Mithr.* 46). В ходе Второй войны с Римом в 83—81 гг. до н. э., когда стало очевидно, что Мурена, наместник провинции Азия, развязал военные действия, Митридат VI «приказал Гордию напасть на деревни» по ту сторону Галиса, вследствие чего было захвачено большое количество «вьючного скота, людей, как простых, так и солдат» (*Ibid.* 65). В другом месте (*Ibid.* 69) сказано, что к Митридату на службу пришли «и те, которые живут на землях так называемых амазонок около р. Фермодонт», т. е. жители плодородной равнины Фемискиры, одного из наиболее важных аграрных районов Понтийского царства, которые именуются у Аппиана *οἱ Θέμισκίριοι* (*Ibid.* 78). Они прославились тем, что оказали упорное сопротивление Лукуллу. В ходе Третьей войны с Римом, когда после разгрома, учиненного ему римлянами в Понте, Митридат Евпатор бежал к Тиграну, то в целях дальнейшего ведения военных действий оба царя, «обходя области (очевидно, Армении и части пограничных с нею владений Митридата. — С.С.), собирали другое войско» (*Ibid.* 87). Это можно было сделать только в том случае, если на подвластных землях находилось верное им население, способное пополнить поредевшие царские войска. Естественно, что это в первую очередь были катойки.

Описывая понтийское побережье между Фарнакией и Трапезунтом, Страбон упоминает Зигополь, Исхополь, Керасунт и Гермонассу, которые обозначает как *μέτραι κατοικίαι* (*Strab.* XII. 3.17). Следовательно, организация в этом районе военных колоний с целью удержать в повиновении местное население вполне вероятна, тем более что здесь при Митридатe VI произошли важные изменения, вызванные переселением различных племен (см. выше). Военные колонии-катойки в окрестностях Фарнакии должны были, по расчетам Митридата, стать опорой власти царя на *χώρα βασιλική* в противовес полису Фарнакии, получившему в конце II в. до н. э. некоторые права самоуправления и автономии. Налицо укрепление царской хоры путем организации катойкий, подобно западным районам Понтийской Каппадокии, где в противовес полисам возводились крепости.

Если исходить из названия катойкий (*Ζυγάπολις*, *Ἰσχάπολις*), то вторая часть двухсоставной основы — *πόλις* может как будто указывать на получение этими колониями статуса полиса. Однако они не чеканили монету, их территория, да и население было слишком незначительны для обладания ею, а земельные владения (хора) оставались в собственности царя. Следовательно, названные географические пункты не являлись административно-территориальными центрами округов, а напротив, подчинялись царским наместникам тех территорий, в состав которых входили.

Большое значение для понимания характера земельных отношений в Пафлагонии имеет присяга-клятва жителей этой страны Августу, принятая в 6/5 г. до н. э. после присоединения к Империи (OGIS. II. 532 = SP. III. 66). В преамбуле ее говорится, что «клятва была совершена населяющими Пафлагонию», а в заключительных строках сказано, что «равным образом и Фаземониты, которые населяют ныне так называемый Неаполь, находились все вместе в храме Августа возле алтаря Августа» (Фаземониты — жители одного из округов бывшего Понтийского царства, поименованного от названия *ἡ κίσις* Фаземон, столицы округа.) В контексте надписи термин

κατοικοῦντες не означает исключительно население военных колоний-ка-
тойкий, ибо одно из основных значений его просто «населять, жить». Однако пассаж Страбона усложняет картину. Географ пишет: «После Амисенской области вплоть до р. Галис лежит Фаземонитида, которую Помпей переименовал в Неаполитиду, объявив городом (*τὴν πόλιν*) поселение (*κατοικία*) в деревне Фаземона (*Strab. XII. 3.38*)⁶⁴. Принято считать, что Помпей переименовал в Неаполь и сделал полисом деревню Фаземону⁶⁵, хотя текст Страбона определенно указывает, что он совершил это по отношению к населению (катойкии) близ Фаземоны (*κατὰ Φασημίωνα κώμην*). Предлог *κατὰ* с Асс. означает распространение, направление действия по чему-либо или куда-либо, а также имеет раздельительное значение и означает объект или действие по отношению к другому объекту или действию. Исходя из этого следует, что к селению (*κώμην*) Фаземона, являвшемуся столицей административно-территориального округа (стратегии, епархии?) относилась какая-то *κατοικία*, которую Помпей превратил в полис и назвал Неаполем, а весь округ переименовал в Неаполитиду. Это предполагает превращение бывшей катойкии в столицу округа, а бывшей столицы Фаземоны в кому, второстепенный населенный пункт, подчиненный новой столице. Изложенное выше подтверждается тем, что город Неаполь, основанный Помпеем в 65 г. до н. э., со II в. н. э. стал именоваться Андрапа, что является возвратом к древнему местному названию, которое бытовало еще до Помпея (*SP. III P. 74*). В этой связи совершенно справедливы утверждения, что Неаполь был основан на месте не деревни Фаземоны, а древней Андрапы⁶⁶. Отсюда можно сделать вывод, что Помпей превратил в столицу нового округа не Фаземон, а катойкию Андрапу, ставшую городом Неаполем.

Такая метаморфоза вполне объяснима. Кажется весьма странным, что в Понтийском царстве, где столицами округов являлись *τὰ φρούρια*, в Фаземонитиде, одной из самых значительных областей, центром выступала простая деревушка-кома. По всей вероятности, до преобразований Помпея Фаземона была тоже крепостью, поблизости от которой находилось военно-хозяйственное поселение (катойкия) Андрапа, связанная с Фаземоной экономическими и военно-административными узами. Обе подчинялись царю. После того как Помпей перераспределил царский земельный фонд, разрушил все укрепления в Фаземонитиде, о чем сообщает тот же Страбон (*XII. 3.38*), Фаземона из укрепления превратилась в простую кому, а царская катойкия Андрапа — в полис, центр всей округи.

⁶⁴ Ср. письмо пергамского царя Евмена II о положении кардаков, наемников в его войсках, которые жили на царской земле как военные колонисты (*Cohen G. Op. cit. P. 5; Голубцова Е. С. Сельская община Малой Азии. М., 1972. С. 19—21*). В нем говорится об *οἱ κατοικοῦντες ἐν Καρδάκων κώμῃ* (*Segre M. Inscriptioni di Licia // Clara Rhodos. 1938. Vol. 9. P. 190, 191*). Здесь термин *κατοικοῦντες* означает просто «жить», но статус кардаков как военных колонистов показывает, что они получали от царя участки земли, право беспошлинной торговли, личную свободу, а в качестве защиты могли использовать близлежащие укрепления.

⁶⁵ *Magie D. Op. cit. P. 177, 1066, 1077; SP. III. P. 84; Wellesley K. Op. cit. P. 314; Seager R. Op. cit. P. 53; Dreizehnter A. Op. cit. S. 236; Fletcher W. The Pontic Cities of Pompey the Great // TAPA. 1938. Vol. 70.*

⁶⁶ *Jones A. The Cities... P. 423; Weimert H. Op. cit. S. 80; Anderson G. Journey... P. 83.*

Такое положение и застал Страбон на рубеже н. э., когда, согласно Г. Дессау и Ф. Кюмону, был составлен текст упомянутой присяги. Вот почему в тексте присяги потребовалось уточнить, кто такие жители Неаполя, основанного Помпеем. Поэтому в термине *κατοικοῦντες* присяги мог отразиться первоначальный смысл понятия *κατοικία* — «военная колония, военно-хозяйственное поселение», т. е. тип того поселения, которое существовало на месте Неаполя. А это значит, что на царских землях в Пафлагонии и Понте функционировали военные колонии-катоикии.

Помпей на Востоке, как уже сказано, в целом сохранил эллинистическую систему землевладения. При этом число основанных им городов (наибольшая цифра у Плутарха — 39), как показал А. Драйцетер, завышено; на самом деле Помпей не основывал города, а, используя колонизационную практику эллинистических царей, организовывал во многих городских центрах Понта, Сирии, Вифинии и Каппадокии подобия эллинистическим катоикиям, являвшимся на деле гражданскими колониями (*coloniae civium* = *κατοικίαι πολιτῶν*)⁶⁷.

Организация катоикий предполагала выделение поселенцам в пользование участка земли — клера, который со временем становился собственностью клеруха. Колонист-катоик, по обыкновению, получал место для дома на самом поселении, а также участок земли за его пределами. При этом система наделов (клерухия) катоикии распределялась так, что лучшие участки попадали, как правило, лицам, поселившимся в колонии ранее, а прибывшим позднее доставались земли худшего качества⁶⁸. К сожалению, в нашем распоряжении нет данных о системе клеров в Понте. Можно только привести надпись из окрестностей соседней Великой Каппадокии (совр. д. Дильмуссун), которую датируют, правда, римским временем. Это посвящение Зевсу и еще какому-то божеству, имя которого не сохранилось, неким Аврелием Марком, сыном Дионисия, совершившим обет за клерухию (*Διὶ καὶ ... Αὐρηλιος Μάρκος Διονυσίου ἐξέσμενος ὑπὲρ τῆς κληρουχίας*).

Поскольку, как уже неоднократно отмечалось, система землевладения в римскую эпоху в восточной Малой Азии мало отличалась от той, которая существовала при понтийских и каппадокийских царях, то эту надпись можно использовать для подтверждения деления участков между поселенцами-клерухами и на царской земле. Аврелий Марк, очевидно, молил богов за лучший участок земли. Территория в окрестностях д. Дильмуссун раньше принадлежала домену жрецов Тианы, затем перешла к каппадокийцу Пальматию, а при императоре Валериане стала частью императорской земли⁶⁹.

Таким образом, мы видим, что *φρούρια* и *κατοικίαι* на царских землях Понта служили главной опорой власти монарха на местах. Население катоикий подчинялось командирам гарнизонов в крепостях, а в конечном итоге — наместникам царя, стратегам, диоикетам. Катоикии в Понтийском государстве являлись важным звеном в системе военно-административного управления.

⁶⁷ Dreizehnter A. Op. cit. S. 223. О мероприятиях Помпея в Малой Азии см.: Greenhalgh P. Pompey: The Republican Prince. Columbia, 1982.

⁶⁸ Cohen G. Op. cit. P. 60—62.

⁶⁹ Gregoire H. Op. cit. P. 136—138, N 112; Ramsay W. // JHS. 1887. Vol. 8. P. 485.

Другим термином, встречающимся в лексиконе античных авторов, писавших о Понтийском царстве, его укреплениях, является *τὸ χωρίον*. В свое время Л. Робер проанализировал его значение и установил, что он употребляется в следующих четырех случаях: 1) как общее понятие в смысле «местность, место, местечко, населенный пункт»; 2) крепость, укрепление; 3) владение, недвижимость; 4) деревня⁷⁰. Применительно к античным государствам Малой Азии Страбон противопоставляет его термину *ἡ πόλις* и вкладывает в него, как правило, первые два значения⁷¹. Что касается Понтийского царства, то здесь у Страбона *τὸ χωρίον* выступает исключительно во втором значении. Например, крепость Синория на границах Малой Армении, построенная Митридатом VI в числе 75 укреплений для удержания этого района в своей власти (*Strab.* XII. 3.28); Кайнон-Хорион (*τὸ Καὶνὸν χωρίον*), естественное укрепление близ Кабиры, окруженное стенами, которое служило казнохранилищем, как и Синория (XII. 3.31); Сида, Хабакта и Фабда (*χωρία ἐγγύνα*), из которых первая была столицей округа Сидена (XII. 3.16) (см. выше). Здесь *τὸ χωρίον* тождественно *τὸ φρούριον*, ибо в качестве столицы округа в Понтийском царстве выступал обычно последний. Превращение Сиды из центра округа в рядовое укрепление было связано с разрушением Помпеем или включением в состав территорий полисов царских крепостей. Помпей отдал Амису часть Сидены, поэтому Сида оказалась под властью этого города и ее статус должен был измениться, что отразилось на терминологии Страбона. Отсюда можно сделать вывод, что *τὸ χωρίον* обозначал укрепление, подчиненное какому-либо другому центру, будь то полис (как в случае с Амисом) или *τὸ φρούριον* (центр округа). В последнем случае *τὸ χωρίον* располагался на царской земле. До получения Хабактой при Митридате Евпаторе некоторых незначительных полисных привилегий она вместе с Фабдой входила в систему укреплений административно-территориального округа Сидена и была подчинена наместнику, резиденция которого находилась в Сиде. Вот почему после присоединения этих трех укреплений к Амису и упразднения Сиды как центра округа они стали именоваться *τὰ χωρία*, не отличаясь друг от друга по значению.

О возможности рассматривать *τὰ χωρία* в Понте как часть военно-административной системы, места где размещались гарнизоны царских войск, которые, подобно катойкам, подчинялись фрурархам и стоявшим над ними наместникам областей, свидетельствуют данные источников о царской крепости Кимиае (см. выше). Поскольку *τὸ φρούριον* выступал как центр округа, то входившие в него *τὰ χωρία* вместе с гарнизонами и военачальниками (*ἡγεμῶνες*) должны были, естественно, подчиняться этой столице и властям округа.

Военные поселения в укрепленных военно-хозяйственных поселениях типа *τὸ χωρίον* по своему статусу приравнивались к катойкам и имели право на участок земли поблизости от укрепления (ср. OGIS. 229). С этих участков-клеров взимались налоги в пользу царской казны. Часть доходов хранилась в царских крепостях по всему царству.

⁷⁰ Robert L. *Études épigraphiques et philologiques*. P., 1938. P. 260, 261. Not. 1.

⁷¹ *Ibid.*; Свенцицкая И. С. Земельные владения... С. 92. Примеч. 12.

В военно-административную систему управления Понтийским царством вписывается и четвертый тип укрепленного поселения — $\tau\delta\ \tau\epsilon\acute{\iota}\chi\omicron\varsigma$. Описывая ситуацию в Понтийском царстве после смерти Митридата VI, Дион Кассий указывает, что не все гарнизоны в крепостях ($\tau\epsilon\acute{\iota}\chi\eta$) за пределами Боспора, где скончался царь, тотчас же сдались римлянам (*Dio Cass. XXXVII. 14.3*). В этом контексте $\tau\alpha\ \tau\epsilon\acute{\iota}\chi\eta$ могут означать как «города», так и «укрепления, крепости». Л. Робер, не обошедший вниманием и этот термин, отмечает, что в качестве составной части названий укрепленных поселений $\tau\delta\ \tau\epsilon\acute{\iota}\chi\omicron\varsigma$ встречается обычно там, где греческий элемент как бы внедрился в варварскую периферию. Давая исчерпывающий перечень таких названий, Л. Робер сопоставляет $\tau\alpha\ \tau\epsilon\acute{\iota}\chi\eta$ с $\tau\alpha\ \chi\omega\rho\acute{\iota}\alpha$ и $\tau\alpha\ \phi\rho\omicron\upsilon\rho\acute{\iota}\alpha$, делая при этом заключение, что такие укрепления имели гарнизоны и строились обыкновенно по границам хоры для защиты от врагов. При этом фруархи, командиры гарнизонов в $\tau\alpha\ \tau\epsilon\acute{\iota}\chi\eta$ имели очень большие полномочия и власть⁷².

Из пассажа Диона Кассия следует, что в царских крепостях ($\tau\alpha\ \tau\epsilon\acute{\iota}\chi\eta$) находились гарнизоны воинов, которые охраняли размещенные там казнохранилища, что наводит на мысль об их тождестве с $\tau\alpha\ \phi\rho\omicron\upsilon\rho\acute{\iota}\alpha$ и $\tau\alpha\ \chi\omega\rho\acute{\iota}\alpha$, где, как мы упоминали, также хранились сокровища царя. Но если $\tau\alpha\ \phi\rho\omicron\upsilon\rho\acute{\iota}\alpha$ были главными укреплениями, а $\tau\alpha\ \chi\omega\rho\acute{\iota}\alpha$ в сравнении с ними — второстепенными, то $\tau\alpha\ \tau\epsilon\acute{\iota}\chi\eta$ можно рассматривать как крепости, подвластные в военном, политическом и экономическом отношениях столицам округов-наместничеств ($\tau\alpha\ \phi\rho\omicron\upsilon\rho\acute{\iota}\alpha$). Подобно обитателям $\tau\alpha\ \chi\omega\rho\acute{\iota}\alpha$, воины в $\tau\alpha\ \tau\epsilon\acute{\iota}\chi\eta$ также могли иметь часть земли в собственном владении. А это значит, что они, вероятно, контролировали подвластную им округу.

Последнее подтверждается тем, что в значении «укрепление, крепость, укрепленная усадьба», $\tau\alpha\ \tau\epsilon\acute{\iota}\chi\eta$ засвидетельствованы в Херсонесе Таврическом (IOSPE. I². 352; 401), где они представляли собой большие укрепления и усадьбы. Особенностью их было то, что они являлись административными, военными и хозяйственными центрами для многочисленных неукрепленных поселений и деревенок местных земледельцев. По всей видимости, такая же картина характерна и для эллинистических государств Малой Азии, что доказывает декрет двух деревень Неонтейхос и Киддиукоме в честь властителя топа ($\chi\upsilon\rho\acute{\iota}\omega\iota\ \tau\omicron\nu\ \tau\acute{\omicron}\rho\omicron\nu$) Ахей, его эконома ($\delta\ \omicron\kappa\omicron\nu\omicron\nu\omicron\mu\omicron\omega\iota\ \tau\alpha\ \text{'}\chi\alpha\iota\acute{\omicron}\upsilon$) и эклогиста, принятый в царствование Антиоха I и сына его Селевка в 267 г. до н. э. на экклесии жителей обоих вышеназванных поселений⁷³.

Почетный декрет показывает, что Ахей — крупный землевладелец, которому принадлежал в числе прочих и топ с Неонтейхос, Куддиукоме и Бабакоме. В Селевкидском государстве топами именовались административно-территориальные округа⁷⁴, во главе которых стояли

⁷² Robert L. // *Gnomon*. 1970. Bd. 42, N 6. S. 601, 602.

⁷³ Wörle M. Antiochos I, Achaïos der Ältere und die Galater: Eine neue Inschrift in Denizli // *Chiron*. 1975. Bd. V. S. 59 u folg.; Cohen G. Op. cit. P. 25; *Свенцицкая И. С.* Полис и община: К вопросу о формировании общинного самоуправления в эллинистический период // *Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества*. Л., 1984. С. 72 и след.

⁷⁴ Дьяконов М. М. Указ. соч. С. 170, 171; Букерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 189; Cohen G. Op. cit. P. 26; Robert L. *Hellenica*. 1949. Vol. VII. P. 7, N 11, 22, 27; Bengtson H. Op. cit. Bd. II. S. 10, 22, 211. Cp. OGIS. 699.

царские чиновники-эпимелеты. Неонтейхос, как следует из названия, был укрепленным поселением греческого типа, возникшим вблизи местных деревень-ком на царской земле. Ввиду того что неонтейхиты поставлены в декрете на первое место, они могли являться инициаторами данного постановления (к тому же народное собрание собиралось, очевидно, именно в Неонтейхосе) и могли также пользоваться святилищем в соседней Бабакоме, поэтому их укрепление служило центром небольшой округи, в состав которой входили две деревушки-комы, тяготевшие к укреплению (*τὸ τεῖχος*). Вероятно, что таких укреплений и соответственно округов в топе было несколько и все они подчинялись эпимелету топа и крупному царскому вельможе Ахею.

Все сказанное выше показывает, что военно-административная структура Понтийского царства, основанная на обширных царских земельных владениях, базировалась на системе крепостей и укреплений, приравненных по положению к военным колониям. Данное обстоятельство обуславливалось тем, что еще в Ахеменидской державе, в состав которой входила Понтийская Каппадокия, основные земельные владения находились в царской собственности. У местных племен Понта и Каппадокии вся экономическая и политическая жизнь с VI—V вв. до н. э. концентрировалась в различного рода укреплениях (*τὰ χωρία*), среди которых были своего рода столицы, контролировавшие близлежащую территорию⁷⁵. Сходная ситуация была в Каппадокийском царстве. Описывая область мазакенов, Страбон указывает, что: «город являлся для них в некотором смысле лагерем. В остальных отношениях они находили безопасность как для себя, так и для своих рабов в горных крепостях, которых было много, частью царских, частью принадлежавших „друзьям царя“» (*Strab. XII. 2.9*). Например, возле Мазакки известна деревня Тетрапиргия (*Ptol. V. 6.13*), которая ранее, вероятно, была крепостью с четырьмя башнями.

Исследования Дж. Андерсона и У. Калдера о Галатии, У. Рамсея о Ликаонии обнаружили, что территории этих областей были также покрыты крепостями и укрепленными поселениями. При этом в названиях ряда поздних населенных пунктов сохранились отголоски наименований того времени, когда они входили в состав эллинистических государств. В Галатии имелись укрепления, подобные греческим усадьбам-пиргам. В Ликаонии, как указывает У. Рамсей, в раннее время существовали деревушки или небольшие городки, названия которых — местная эллинизованная форма, связанная с группой слов Перга, Прия, Бриа, Бургас, Бурди, Прейза, обозначающих «крепость», «цитадель». Близкие им греческие термины *тетраπυρῖα* и *πίρυοι* в Галатии и Ионии засвидетельствованы эпиграфически⁷⁶.

Одной из главных причин создания крепостей на *γῆ βασιλική* следует считать сохранение с древнейших времен самоуправления деревенских (сельских) общин-ком в Малой Азии. В противовес ему, в целях удержания

⁷⁵ Briant P. Rois... P. 183; Frye R. N. The Heritage of Persia. L.; N. Y., 1966. P. 167—170.

⁷⁶ Anderson J. G. C. Exploration in Galatia cis Halym // JHS. 1899. Vol. 19; P. 63—65; Ramsay W. Lycania // JOAI. 1904. Bd. 7. Beibl. S. 80; Calder W. Inscriptions of Southern Galatia // AJA. 1932. Vol. 36. P. 457; Hunt D. Feudal Survivals in Ionia // JHS. 1947. Vol. 67. P. 68—72.

общин в повиновении и сбора налогов с них цари, в том числе Митридатиды, создавали царские крепости по всей территории царства. Поэтому военно-административная система в Понте, Каппадокии и Пафлагонии имела прочную политико-экономическую основу.

Одной из составных единиц такой структуры являлись сельские общины (комы). Они имелись и в Пафлагонии (*Strab.* XII. 3.8), и в пределах Понтийской Каппадокии. Как следует из сообщения Аппиана, во время 2-й Митридатовой войны римский полководец Мурена совершил нападение на владения Митридата Евпатора, пройдя по четырехстам деревням (*τετρακοσίας τοῦ Μιθριδάτου κώμας*). В этом можно усмотреть прямое указание на принадлежность деревень *γῆ βασιλική*. В ответ Митридат велел своему полководцу Гордию напасть на комы по ту сторону реки (*App. Mithr.* 65). К северу от Амасии в долине р. Ирис находилась *τὸ Χιλιόκωμον πεδῖον* т. е. «равнина тысячи деревень» (*Strab.* XII. 3.39). В восточных районах Понтийской Каппадокии в отрогах Париадра жили так называемые гептакомиты (*οἱ Ἑπτακωμίται*), которых Страбон (XII. 3.18) относит к моссинойкам. Последние обитали в окрестностях Фарнакии и Трапезунта и прославились тем, что вожди их почти все время проводили в специальных укреплениях — «башнях», откуда отдавали свои распоряжения (*Xen. Anab.* V. 4.26; *Diod.* XIV. 30.7; *Strab.* XII. 3.18; *Pseudo-Scymn.* 900-910). По Ксенофону, соседние с моссинойками колхи также жили в деревнях-комах, сельских общинах, которые являлись основной формой организации земледельческого населения в южных районах Колхиды⁷⁷, Малой Армении и Каппадокии⁷⁸.

На основании данных Страбона о «равнине тысяч деревень» и моссинойках-гептакомитах можно сделать вывод, что земледельческое население восточной Малой Азии объединялось в союзы деревень (*κοινά*) по племенному и религиозному принципу. Такая форма населения вообще характерна для Фригии, Писидии, Каппадокии, Ликаонии, Памфилии и других областей Малой Азии. Союзы деревень нередко были независимы в плане организации и управления, выступали в качестве самостоятельных податных единиц, как, например, *κοινά* карийцев или гиргалеяцев (*Strab.* XIV. 2.25)⁷⁹. О самостоятельности ком в Понте свидетельствуют надписи римской эпохи, но это характерно и для эллинизма, поскольку в первые века н. э. положение в общинном землевладении на востоке Малой Азии существенно не изменилось в сравнении с эпохой Митридатидов. В посвящении элевсинским богиням плодородия из Тхорума (Эвхаита) упоминается судья или законовед общины (*ὁ νομικός*), являвшийся одновременно и жрецом Зевса Эпикарпия (*SP.* III. 189). В другой надписи говорится об экономе (*ὁ οἰκονόμος*) комы Хагонды, следившем за состоянием финансовых дел общины (*Ibid.* 194). Это свидетельства экономической и юридической самостоятельности ряда общин⁸⁰.

⁷⁷ Ломоури Н. Ю. Указ. соч. С. 128 и след. Ср.: Максимова М. И. Указ. соч. С. 122—124.

⁷⁸ Broughton T. R. S. *Roman Asia*. P. 636; Rostowzew M. I. *Kolonates*. S. 253—255; Об общинах в Малой Азии см.: Голубцова Е. С. Сельская община Малой Азии. М., 1972. С. 14 и след.; Dörfer und Dorfgemeinschaften in Achämenidischen und hellenistischen Asien // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*. 1975. Bd. IV. S. 115—133.

⁷⁹ Broughton T. R. S. *Roman Asia*. P. 647.

⁸⁰ Голубцова Е. С. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III вв. М., 1962. С. 148 и след.

Объединенные по этническому принципу автономные союзы ком и племена, жившие на царских землях или отданных царями «в дар» своим приближенным, носили название *ἔθνη* и возглавлялись этнархом, хотя о существовании такой должности в Понтийском царстве у нас имеются только косвенные доказательства. Описывая действия Митридата VI в Галатии, Аппиан говорит, что царь, вероломно уничтожив тетрархов галатов, «поставил над этим племенем (галатов. — С.С.) в качестве сатрапа Евмаха» (App. Mithr. 46). Здесь Евмах, хотя и назван сатрапом, может по положению приравниваться к этнарху, т. е. начальнику или предводителю племени или группы племен, как в Понте. На Боспоре, который в середине I в. до н. э. сохранил в своей структуре много заимствованных из Понта Митридата VI черт в экономике, политике, культуре, сын Евпатора, Фарнак II, отправляясь в поход на римлян в Малую Азию, оставил в качестве наместника в государстве своего доверенного этнарха Асандра.

Этнархи могли следить за своевременным поступлением в казну доходов с деревень и племен. Это нисколько не противоречит военно-административной системе управления в государстве Митридатидов, хотя из сообщений Страбона о племенах в восточной части Понта создается впечатление, что некоторые из них вообще не подпадали под нее. Но возможно, что некоторые племена, не подвергавшиеся значительной эллинизации, признавая понтийских владык царями, жили общинами на царской земле по своим законам и обычаям. А их предводители-этнархи, выполняя в целом те же обязанности, что и наместники областей (стратеги, эпархи, диойкеты) в западных районах царства, считались доверенными лицами царей в «неблагонадежных» районах Каппадокии и Малой Армении. Впрочем, это не исключает возможности организации здесь катойкий.

Практически ничего нельзя сказать о формах зависимости членов сельских общин. Исходя из положения, что основная часть земельного фонда в Понте и Каппадокии принадлежала царю, следует предположить, что земледельцы-общинники в массе являлись царскими, приближавшимися по статусу к *λαοὶ βασιλικοί*. Это можно косвенно подтвердить на примере «равнины тысячи деревень». Во времена Страбона она составляла часть хоры Амасии по распоряжению Помпея, который приписывал к эллинским городам большие порции бывшей царской земли. Следовательно, территория с равниной Хилиокомон стала городской посредством *προσενέγκασθαι*, что было заимствовано римлянами из практики эллинистических царей. Этот акт можно связать по значению с политикой эллинистических царей в отношении Приены и зависимых от нее сельских жителей — педиеев. Отобрав у приенцев земли, обрабатываемые педиеями, Александр Македонский превратил их в царских земледельцев (*λαοί*). В III в. до н. э. земли вновь вернулись к Приене, а педиеи вновь стали паройками (RC. 8. 1—6), которые по юридическому положению приближались к неполноправным гражданам⁸¹. То же, вероятно, происходило с комитами «равнины тысячи деревень»: при понтийских царях они уплачивали форо в царскую казну как царские земледельцы, а после присоединения к хоре амасийцев, вероятно, превратились либо в паройков, либо в катойков, т. е. неполноправных граждан Амасии, либо остались на положении *λαοί*, но подчиненных

⁸¹ Kreissig H. Die Dorfgemeinde im Orient... S. 305—313.

всему коллективу граждан полиса. Отсюда следует, что комиты на *γῆ βασιλική* при понтийских царях могли относиться к категории царских земледельцев, уплачивавших форос в царскую казну. Это достигалось посредством подчинения их крепостям — столицам округов и военным поселениям, которые следили за исправным поступлением налогов и во многом сами существовали за счет эксплуатации местного земледельческого населения.

4. Изменения в структуре землевладения при Митридате VI Евпаторе

Военно-административная система управления в Понтийском царстве, основанная на обширных царских земельных владениях, могла быть реальной и жизнеспособной только потому, что цари, как считалось, были верховными собственниками всей земли в государстве. Даже земельные владения греческих городов в конечном итоге зависели от воли монарха, который мог разрешить коллективу граждан владеть земельными угодьями, а мог и не сделать этого (см. § 1). В годы правления Митридата VI Евпатора в системе отношений полис — царская власть произошли некоторые изменения, вызванные тем, что, с одной стороны, царь укреплял царское землевладение путем строительства новых укреплений на *γῆ βασιλική*, а с другой — стремился поощрять полисное самоуправление, предоставляя основным полисам и превращенным в полисы некоторым царским крепостям права закрепления за собой определенного количества земли в качестве полисных владений.

Такое положение было обусловлено рядом причин. Наличие катойкий и крепостей, контролировавших округу и приравненных по положению к военным колониям, приводило к тому, что сельские общины-комы постепенно втягивались в товарно-денежные отношения и экономически становились зависимыми от столиц округов. Это вызывало процессы социального и имущественного расслоения в среде общинников-комитов. В результате часть их оказывалась в числе жителей разраставшихся укреплений, которые получали от царя земельные участки-клеры и вследствие развития аграрного и ремесленного опроизводства становились экономически более самостоятельными. Со временем такая самостоятельность закреплялась политически и юридически, что выражалось в постепенном превращении бывших военных колоний-катойкий, царских укреплений и незначительных городов (*τὰ πόλινιον*) в полисы, которые получали относительную свободу, автономию и политику, хотя и под царским контролем.

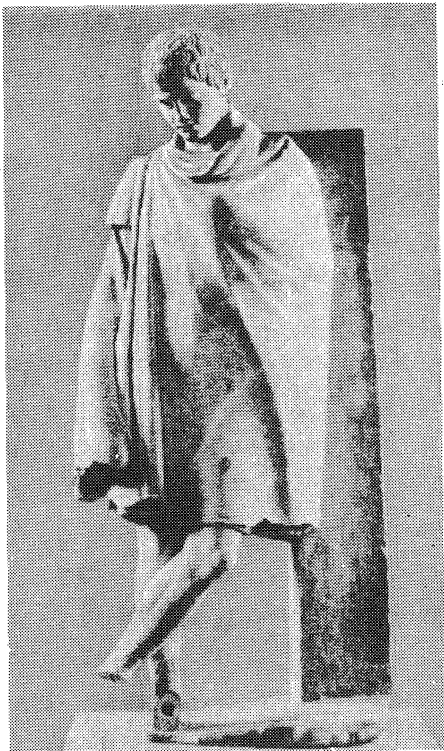
Как правило, эллинистические цари обращали в полисы те катойкии, которые возникали рядом с деревнями. Г. Козн, проанализировавший причины и обстоятельства объединения селевкидских военных колоний в полисы, отмечает, что решающим шагом было объединение колонистов-катойков с туземным населением⁸². Однако при этом греко-македонские колонисты стремились к чистоте эллинского духа и препятствовали широким слоям аборигенов вливаться в состав граждан нового полиса. Впрочем, к

⁸² Cohen G. Op. cit. P. 39.

концу эллинистической эпохи такая практика часто нарушалась⁸³, примером чему может служить созданный Гн. Помпеем в Малой Армении полис Никополь на р. Лик.

Выше уже говорилось, что при основании городов римский полководец прибегал к практике эллинистических царей⁸⁴. Когда в 66 г. до н. э. Помпей отдал город ветеранам и раненым в сражениях воинам, туда с окрестных территорий хлынул поток местных жителей, которые составили костяк населения вновь основанного полиса. Местный этнический компонент сохранялся там до III в. н. э. (*Dio. Cass.* XXXVI. 50.3). О том, что такая ситуация могла иметь место и при Митридате VI, свидетельствуют обстоятельства создания Евпатория (Магнополя). Митридат не успел превратить его в полис, так как к приходу Помпея город, по словам Страбона, был отстроен только наполовину (*Strab.* XII. 3.30). Помпей увеличил его площадь, хору, количество жителей и переименовал в Магнополь, завершив то, что начал Митридат. Таким образом, при этом понтийском царе происходило постепенное перерастание бывших укрепленных поселений в полисы, в состав которых включалась в качестве городской хоры часть территории, которая прежде подчинялась им, центрам округов, в качестве *γῆ βασιλική*. При этом местное население могло влиться в коллектив граждан, либо остаться на клерах как *λαοί*, но уже в зависимости от полисов, либо превратиться в паройков. Последнее, впрочем, мы исключили выше, поскольку имеющиеся данные свидетельствуют только о земельной собственности граждан городов Понта и Пафлагонии из разряда «прилегающих к полису». Очевидно, превращая катойкии в полисы, Митридат VI следовал практике других эллинистических правителей, в частности Пергама. Таким образом, сама военно-административная система управления Понтийской державой являлась главным стимулом превращения ее основных звеньев, ком и крепостей, в полисы.

Этот процесс отвечал политике Митридата VI. В годы его правления в монетном деле Понта произошли важные изменения: с санкции царской

Юноша из Тралл.
III в. до н. э. Мрамор. Стамбул.
Археологический музей

⁸³ Ibid. P. 86—88.

⁸⁴ См. примеч. 65.

власти медные монеты стали чеканить не только старые полисные центры Понтийской Каппадокии и Пафлагонии, такие, как Синопа, Амис, Амастрия, выпускавшие полисную монету и прежде, но даже такие города и укрепления, которые до того вообще не чеканили монету, а многие не имели и полисного статуса (Фарнакия, Абонутейх, Амасия, Кабира, Комана, Лаодикея, Газиура, Хабакта, Талаура, Пимолиза). Это была царская чеканка, но с санкции правящей династии возложенная на города и укрепления государства, на что указывают монетные легенды и монограммы, которые свойственны только определенным типам монет в конкретном городском центре. Данное обстоятельство говорит о том, что в лице Митридата VI царская власть могла санкционировать выпуск монет названными городами и укреплениями, но под контролем царских монетных чиновников. Но это, несомненно, несколько расширяло политические prerogatives полисов в Понтийском государстве, что давало им некоторые права автономии и самоуправления.

В Понтийской Каппадокии Митридат VI также санкционировал право выпуска городской меди, расширил полисные привилегии. Он дал старым греческим центрам право владеть собственной хорой, а некоторым военно-хозяйственным поселениям предоставил статус полисов и возможность иметь некоторое количество земли (*γῆ πολιτικῇ*). Но и тогда земля, хотя и переходила из разряда царской в категорию полисной, в конечном итоге контролировалась царем.

Об изменениях в положении полисов при Митридате свидетельствуют также надписи. Из Зелы происходит фрагмент мраморной плиты с посвящением от имени Совета и Народа этого полиса⁸⁵, который датируется концом II—началом I в до н. э. Из Газиуры, которая при Митридате получила статус полиса, что нашло выражение в помещении на ее медной монете надписи ΓΑΖΙΟΥΡΩΝ, известна надпись того же времени. Она вырезана у подножия акрополя-цитадели и гласит: «Никакому иностранцу (*ξένον μηδένα* без приказа начальника цитадели (*τοῦ ἀκροφύλακος*) не проходить внутрь (цитадели. — С.С.), кто бы он ни был, он будет захвачен. Раб (*ὁ οὐκ ἐτῆς*) будет наказан поркой, свободный же путь пеняет сам на себя»⁸⁶. Из нее следует, что в Газиуре, подобно другим важнейшим центрам Понта, стоял гарнизон войск, расквартированный на акрополе. Среди свободного населения имелись метеки, которые, как и повсюду в эллинском мире, не имели всей полноты гражданских прав. Им без особого разрешения командира гарнизона (акрофилака, фрурарха) запрещалось подниматься на акрополь. Поскольку в надписи проводится четкое разграничение между рабами и свободными, между иностранцами и, вероятно, коренными гражданами, которых пропускали в цитадель без особых препятствий, можно предполагать, что Газиура по положению приравнивалась к полису и могла иметь свои гражданские органы управления. Если это предположение справедливо, то граждане Газиуры, в прошлом одном из царских укреплений, должны были иметь в распоряжении систему наделов-клеров, перешедших из состава *γῆ βασιλικῇ* в *γῆ πολιτικῇ* и ставших частью принадлежавшей полису территории. Так могло обстоять дело и с другими полисными

⁸⁵ REG. XV. 1902. P. 319, N 15 = SP. III. 261.

⁸⁶ SP. III. 278 = REG. 1910. P. 324 = BCH. 1909. Vol. 33. P. 23.

центрами Понта и Пафлагонии, в частности Абонутейхом, который получил в распоряжение часть бывшей царской земли, которая прежде, как отмечалось, подчинялась царскому наместнику. Таким образом, при Митридате Евпаторе происходило некоторое расширение полисных привилегий, особенно тех центров, которые ранее не имели полисного статуса, и выражалось это в увеличении фонда земель *γῆ πολιτική*.

Параллельно с этим Митридат укреплял и царские земельные владения. По сообщению Страбона в областях, прилегающих к Фарнакии, Трапезунту, Малой Армении и Колхиде, Митридат Евпатор построил 75 укреплений, где хранил большую часть сокровищ (*Strab.* XII. 3.28). Такое грандиозное строительство неизбежно должно было вызвать изменения в административном управлении царскими землями. Реформа управления была следствием того, что в годы правления Митридата VI к Понтийской Каппадокии присоединилось много новых территорий. Есть основания полагать, что во второй четверти I в. до н. э. во главе наместников над округами были поставлены диойкеты, которым подчинялись сатрапы и эпархи. Возможно, что сатрапы заменили в иерархической структуре управления прежних стратегов.

Об этом повествует Страбон, когда описывает назначение в Колхиду диойкетов и эпархов при Митридате VI (*Strab.* XI. 2.18). Таким диойкетом был Дорилай Младший, наместник Коман Понтийской. Диойкетами, вероятно, являлись сыновья Митридата VI Акафий, правитель Малой Армении, и Махар, ставший в 80-е годы до н. э. наместником на Боспоре Киммерийском⁸⁷. От наместников-диойкетов зависели сатрапы (*App. Mithr.* 35). Очевидно, что и в Малой Армении сын Митридата правил с помощью сатрапов. У Аппиана находим упоминание о том, что Митридат поставил сатрапов над племенами в покоренных им районах Малой Азии (*Ibid.* 21, 46). В одном из своих посланий он обращается непосредственно к одному из них (*Syll.* II³, 741). Диойкетами-наместниками назначались также лица из числа «друзей» царя и его сыновья.

Такая реорганизация находит подтверждение и в одном эпиграфическом документе из Амасии, древней столицы Понта, в котором говорится: «Властитель Мерион повелел воздвигнуть стелу в память о Фарнабазе за его службу (или подчинение?) властителю (*διὰ τὸ ἐγκολονηκέναι τῷ κυρίῳ*) справедливо и самоотверженно»⁸⁸. Термин *ὁ κύριος* часто встречается в нарративных и эпиграфических памятниках в политическом значении «повелитель», «властитель», «владыка». Не исключено, что его можно отождествить с диойкетом (см. выше).

Таким образом, укрепление царской хоры при Митридате VI потребовало усложнения системы управления землями, находившимися в собственности царя и его ближайшего окружения. Такое мероприятие было ответом на предоставление городам при Евпаторе некоторых полисных привилегий, в частности незначительных земельных владений. Царские крепости на хоре должны были стать его опорой на местах и укрепить власть монарха. Решающая роль в строительстве и управлении ими

⁸⁷ Шелов Д. Б. Махар, правитель Боспора // ВДИ. 1978. № 1. С. 55 и след.; Shelov D. B. // *Journal des Savants*. 1982, Juil.-déc. P. 261—263.

⁸⁸ SP. III. 95a.

отводилась царским ставленникам — диоикетам и сатрапам, призванным одновременно пополнять царское войско контингентами зависимого от них местного населения, а казну — новыми налогами. Военно-административная система при Митридате VI Евпаторе получила, таким образом, новый стимул. Ее основным предназначением было противостоять тенденции к автономии и самостоятельности греческих полисов царства, игнорировать которую не мог в своей политике даже царь.

Подчеркнем еще раз, что система землевладения в Понтийском царстве при Митридатах основывалась на древневосточной, точнее, иранской традиции рассматривать царя как верховного собственника земли. Хотя земли государства подразделялись на несколько категорий (царскую, полисную, храмовую, общинную), тем не менее вся она контролировалась царской властью, ибо монарх мог приписать ее полисам или отдельным лицам по своему усмотрению. Это ограничивало автономию городов, так как гражданский коллектив не получал права собственности над всеми землями, которые при свободном статусе полисов по обыкновению им подчинялись. Иными словами, полисы лишались земли, подпадавшей под понятие «подвластной полису». За царем оставалось право регулировать земельные владения городов. Главной опорой царской власти оставалась «царская земля», дававшая основной доход казне и удерживавшаяся в повиновении с помощью многочисленных укреплений, разбросанных по всей стране. Через систему таких крепостей Митридат VI Евпатор осуществлял контроль за своими владениями, используя их в борьбе с сепаратистскими поползновениями городов и отдельных наместников.

Глава четвертая

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ЕГИПЕТ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭЛЛИНСКИХ И МЕСТНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ЭКОНОМИКЕ СТРАНЫ

При всех различиях в определении сущности эллинизма общей посылкой служит положение о взаимодействии эллинских и местных элементов в развитии культуры, экономики и социально-политической структуры стран Восточного Средиземноморья и Передней Азии в IV—I вв. до н. э.¹ Если вопросы о культурном взаимодействии и возникновении новых смешанных форм политической организации государств, сложившихся после распада державы Александра Македонского, стали предметом изучения историков со времени введения в науку И. Г. Дройзеном самого термина «эллинизм», то проблема взаимодействия в формировании социально-экономической структуры эллинистического общества приобретала научную значимость постепенно, по мере накопления документального материала. Большую роль в ее разработке сыграли труды У. В. Вилькена, М. И. Ростовцева, Кл. Прео. Среди советских античников много внимания этой проблеме уделяли А. Б. Ранович и К. К. Зельин², но, к сожалению, их работы остались почти неизвестными для зарубежной науки.

В исследованиях историков этого поколения преобладали концепции, проникнутые теми или иными социологическими теориями: эллинистическое общество рассматривалось как некая система с полуфеодальными, торгово-денежными (буржуазными), или рабовладельческими отношениями в экономике, этатизмом и ростом городской буржуазии в социально-политической структуре, синкретическими явлениями в религии и культуре; при этом подчеркивалась ведущая роль эллинских элементов в процессах политического, социально-экономического и культурного взаимодействия. В значительной мере эти концепции опирались на исследования имевшегося в распоряжении историков обильного документального материала греческих папирусов Египта. Но по мере накопления источников и исследований истории других регионов — Малой Азии, Сирии, Вавилонии, Парфии, Бактрии и др. эти концепции начали пересматриваться³. В современных

¹ Наиболее отчетливо положение о сочетании и взаимодействии эллинских и местных элементов было сформулировано К. К. Зельным в ст.: Зельин К. К. Основные черты эллинизма // ВДИ. 1953. № 4. С. 147. См. также: Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 3; Lévêque P. Le monde hellénistique. P., 1969. P. 62—104; Kreissig H. Geschichte des Hellenismus. B., 1984. S. 11—14, 206.

² Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950; Зельин К. К. Указ. соч. С. 145—156; Он же. Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I вв. до н. э. М., 1960.

³ Так, например, такой крупнейший специалист, как Клер Прео, во многом пересматривает свои взгляды. См.: Préaux Cl. Le monde hellénistique. La Grèce et l'Orient de la mort

Голова богини из Александрии.
III в. до н. э. Мрамор.
Москва. ГМИИ им. А. С. Пушкина

работах пристальное внимание уделяется роли местного коренного населения, отмечается дуализм эллинистической культуры, в ряде случаев оспаривается вклад греков и македонян в развитие эллинистического мира, ставится под сомнение правомерность самого термина «эллинизм»⁴. Эти тенденции в той или иной степени проявляются и в исследованиях по истории птолемеевского Египта⁵. Поэтому представляется целесообразным еще раз рассмотреть вопрос о формах взаимодействия греков и египтян и роли тех и других в экономическом развитии Египта.

Социально-экономическая структура птолемеевского Египта определялась теми отношениями, которые существовали в долине Нила ко времени греко-македонского завоевания. Но греки принесли с собой некоторые новые черты: товарное производство и денежную форму товарного обращения, более развитые рабовладельческие отношения и полис как

социально-политическую организацию свободных граждан. Образовались две сначала слабо связанные между собой структуры: полисы — Александрия, Птолемаида, Навкратис, воспроизводившие отношения, характерные для эллинского рабовладельческого общества, и египетская хора, традиционные уклады которой завоеватели стремились приспособить и использовать в своих интересах. В процессе их взаимодействия происходила некоторая перестройка экономики Египта, возникали новые правовые нормы, менялась социальная стратификация — одним словом, складывался новый, эллинистический тип государства и общества.

Следы этого процесса сохранились в папирусах времени Птолемея II Филадельфа (285—246 гг. до н. э.): в законодательных актах, административных документах, деловых архивах чиновников и частных лиц, в частной переписке. Среди наиболее важных и интересных папирусов следует назвать: «Податной устав» (P. Rev. L.), «Дикайомата» (P. Hal. 1) —

d'Alexandre à la conquête romaine de la Grèce (323—146 av. J.-C.). P., 1978. T. I—II. P. 5—9, 376, 680—681.

⁴ См.: Kreissig H. Op. cit.; Préaux Cl. Le monde... P. 545—681; Лордкипанидзе О. Д. «Эллинизм», «эллинистический мир», «эллинистическая культура»: (Трудности дефиниции) // Изв. АН СССР. Сер. истории, археологии, этнографии... 1984. № 2. С. 38—57. См. также гл. 1 этого тома, там же литература.

⁵ Bingen J. Le Papyrus Revenue Laws: Tradition grecque et adaptation hellénistique. Opladen, 1978; Orrieux Cl. Zénon de Caunos, parépidèmos, et le destin grec. P., 1985; Литвиненко Ю. Н. Хозяйство дийкега Аполлония: Взаимодействие греческого и восточного начал. Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 1990.

сборник судебных норм, регулировавших преимущественно частноправовые отношения александрийских граждан⁶, царские указы, касающиеся клеруков, регистрации населения и других вопросов⁷, и, наконец, содержащий более полутора тысяч самых различных документов архив Зенона⁸.

Из всей совокупности исследований и дошедших до нас документов вырисовывается достаточно сложная и динамичная картина экономических и общественных отношений этого времени.

Основой экономики Египта продолжало оставаться земледелие. Хотя в Александрии высокого развития достигло ремесленное производство — судостроение, строительство жилых и общественных зданий, изготовление мебели, тканей, керамической и металлической посуды, парфюмерии, предметов роскоши и ювелирных изделий, но оно было рассчитано или на потребление зажиточными слоями самой Александрии или на вывоз, и лишь незначительная доля его продукции проникала в хору. Связь между Александрией и хорой носила в основном односторонний характер: столица потребляла и вывозила продукты, которые производились в стране. Так как Александрия стала важнейшим посредником в торговле Средиземноморья со странами Восточной Африки, Аравии и Индии, доходы от транзитной торговли были сравнительно очень велики, но по удельному весу в экономике птолемеевского Египта они также уступали доходам от земледелия.

Сельское хозяйство при первых Птолемеех переживало заметный подъем. Это обуславливалось прежде всего заботой новых правителей об улучшении и расширении ирригационной системы. Начатые при Птолемеи I Сотере (305—283 гг. до н. э.) мелиоративные работы достигли к середине III в. большого размаха: ремонтировали и строили новые большие каналы и дамбы, перестраивали шлюзы, контролировали состояние всей системы мелких каналов и распределение воды. Папирусы из Фаюмского оазиса дают представление о масштабах и методах организации работ. В Фаюме было построено несколько больших каналов и осушены заболоченные участки. В результате чего почти вдвое увеличилась площадь годных для обработки земель. Всеми работами по строительству и ремонту ирригационной сети, а также добычей камня для шлюзов руководил назначаемый царем «архитектор» эллин, в ведении которого находились несколько помощников египтян («гипоархитекторов») и какое-то число постоянных рабочих. Большие по объему работы архитектор сдавал на откуп подрядчикам. В качестве рабочей силы обычно использовались жители соседних ком, обязанные ежегодно отбывать повинность землеройных работ на ирригационной сети.

Вероятно, аналогичные работы проводились в дельте и в других районах Египта, так как Птолемеи испытывали острую нужду в свободных, годных для обработки землях для наделения ими греческого населения, и прежде всего клеруков.

Помимо заботы об ирригационной системе, Птолемеи проявляли большую заинтересованность в повышении продуктивности сельского хозяйства:

⁶ О его содержании см.: Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э. М., 1969. С. 209—211.

⁷ Lenger M.-Th. Corpus des Ordonnances des Ptolemées. Bruxelles, 1964; 2me ed. Bruxelles, 1980.

⁸ Список изданий см.: Pestman P. W. et al. A Guide to the Zenon Archive // Papyrologica Lugduno-Batava. 1981. Vol. XXI.

поощряли введение греческими переселенцами новых зерновых и садовых культур, новых пород скота, устанавливали льготные условия аренды и обложения налогами участков, первые засаживаемые виноградом или фруктовыми деревьями. В папирусах сохранилось письмо диоикета Аполлония Зенону (P. Cairo Zen. 59155), в котором говорится о распоряжении царя снимать с земель в Фаюме два урожая в год. «Податной устав» и более поздние документы свидетельствуют о том, что весь земледельческий цикл — от орошения земли и посева зерна до обмолота хлеба на току — находился под неусыпным наблюдением чиновников. Такое внимание царской администрации к сельскохозяйственным работам не случайно: большая часть земли в Египте была царской и все доходы с нее поступали в царскую казну.

Земля была главной материальной ценностью в Египте, и земельные отношения составляли важнейший элемент социально-экономических отношений. С точки зрения греческого права вся земля Египта и, следовательно, каждой комы по праву завоевания стала собственностью завоевателя, в данном случае — династии Птолемеев, считавших себя наследниками Александра Македонского. Какая-то часть территории, очевидно, была приписана к полисам, остальная стала царской землей. Препних владельцев греки рассматривали как наследственных арендаторов — «царских земледельцев». Но едва ли Птолемеи внесли какие-либо существенные изменения в реальные, сложившиеся исторически землевладельческие отношения в египетской хоре. Они не могли не считаться с многовековой традицией храмовой собственности на землю: и Сотер и его преемники не только признали это право, но и возвращали храмам земли, отнятые у них персами, делали новые дарения. Кроме того, из фонда «царской земли», а также из вновь осваиваемых земель они стали наделять участками клерухов и «дарить» поместья своим приближенным. Так возникла категория «уступленных земель» — храмовых, дарственных и земель клерухов.

Однако эти акты не следует рассматривать как нововведения, появившиеся лишь после греко-македонского завоевания. Как свидетельствуют исследования папируса Вильбура⁹ и других документов эпохи Рамессидов, в земельных отношениях этого времени прослеживаются и «земли фараона», обрабатываемые «государственными земледельцами», и служилое землепользование, и «дарение» земель храмам и вельможам¹⁰. Из писем Аршама, персидского сатрапа Египта во второй половине V в. до н. э., и иудейских папирусов из Элефантины следует, что Ахемениды также практиковали «дарения» земель высокопоставленным должностным лицам и наделение земель воинов гарнизона¹¹.

В результате наложения греческих правовых норм на традиционные формы землевладения возникла сложная система отношений, по-разному

⁹ Gardiner A. H. The Wilbour Papyrus. Oxford, 1941—1948. Vol. I—III.

¹⁰ Стфчевский И. А. Земледельцы государственного хозяйства древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1982. По его мнению, «если иметь в виду терминологию птолемеевского Египта», то во времена Рамессидов «дарственная земля» наряду с *γῆ ἱερὰ* и *γῆ κληρουχικῆ* еще не обособилась от *γῆ βασιλικῆ* в качестве разряда «уступленной земли» (С. 230).

¹¹ Дьяконов И. М. Рабовладельческие имения персидских вельмож: Обзор документов, изданных Г. Р. Драйвером, и состояние изучения параллельных источников // ВДИ. 1959. № 4. С. 70—92; Harmatta J. Das Problem der Kontinuität im frühhellenistischen Ägypten // Acta antiqua. Budapest, 1963. Bd. XI. Fasc. 3—4. S. 199—213.

отраженная в греческих и демотических папирусах. Если в греческих документах отношение «царских земледельцев» к земле трактуется как аренда, и речь идет о «договорах», по которым земледельцы комы обязаны были уплачивать царской администрации устанавливаемую в них натуральную ренту — «экфорион», то демотические документы фиксируют право земледельцев наследовать и отчуждать обрабатываемые ими участки храмовой и царской земли¹². Очевидно, что связь «царских земледельцев» с их земельными наделами была более прочной, чем арендные отношения.

Царская администрация практиковала также продажу неосвоенных участков земли или сдачу их в эмфитевтическую аренду (т. е. на льготных условиях на длительный срок). Кроме того, картина земельных отношений осложняется большим распространением арендных отношений между частными лицами, в том числе между «царскими земледельцами».

В этой сложной системе владельческих и рентных отношений постепенно все явственнее выступит тенденция образования частной собственности на землю. Однако вплоть до римского завоевания Птолемеи продолжали удерживать в качестве «царской» большую часть земель и сохраняли суверенные права на остальные категории земель¹³.

Монопольное положение царя как землевладельца определяло роль государственного аппарата не только в земледелии, но и в других отраслях экономики Египта: ремесле, торговле, транспорте, денежном хозяйстве. Собственность царя на все находящиеся в земле и на земле природные богатства обуславливала формы организации добывающих и обрабатывающих промыслов. Добыча металла, камня, соли, квасцов, производство папируса, красок, обработка металла — все это полностью находилось под контролем царской администрации¹⁴. Царское хозяйство включало и промыслы, обрабатывающие продукты сельского хозяйства; некоторые отрасли, например, маслоделие, пивоварение, сукновальное, выделка пакли, были царской монополией. В ряде других производств Птолемеи ограничивались контролем над частным производством и организацией государственных мастерских (например, в ткацком, шерстяном производстве, кожевенном и др.)¹⁵.

Среди натуральных и денежных доходов государства важное место занимали налоги и пошлины. Налоговая система Птолемеев пронизывала все формы хозяйственной деятельности и все виды имущественных отношений египетского населения. В папирусах и острака упоминаются земельные налоги, налоги на скот, на голубятни, на ремесла, на продукты потребления (соль, масло, щелочь), на бани, пошлины на торговые сделки, на провоз товаров или продуктов, судебные пошлины и т. д.

Сосредоточивая в своих руках огромную массу сырья и готовых продуктов, Птолемеи получали возможность оказывать влияние на процесс обмена внутри страны. В ряде отраслей торговли фактически монопольное

¹² Р. Ryl.-dem. 10; 11; Р. Hauswaldt. 1, 2, 3, 5, 7, 8, 10. Подробнее см.: Павловская А. И. Формы землевладения и организация земледелия на царских землях Египта в середине III в. до н. э. // ВДИ. 1953. № 1. С. 40—58.

¹³ Зельин К. К. Исследования ... С. 280—347.

¹⁴ Præaux Cl. L'économie royale des Lagides. Bruxelles, 1939. P. 187—196; 243—266.

¹⁵ Ibid. P. 93—116; Пикус Н. Н. Царские земледельцы (непосредственные производители) и ремесленники в Египте III в. до н. э. М., 1972. С. 178—189.

Портрет Клеопатры VII (?).
Камень. Санкт-Петербург. Эрмитаж

положение царя закреплялось законодательным учреждением монополии (например, торговля маслом, папирусом и др.). Внешняя торговля почти полностью была монополизирована.

Денежное хозяйство также находилось в руках Птолемеев: добыча золота, чеканка монеты, разного рода денежные операции были царской монополией, с помощью сети государственных касс (царских трапедз) регулировалось движение денежных средств внутри страны. Все эти отрасли экономики Египта, находившиеся в той или иной мере под контролем государственного аппарата, в научной литературе принято называть царским или государственным хозяйством Птолемеев¹⁶.

Важнейшим источником для изучения его структуры и функционирования служит так называемый «Податной устав» Птолемея Филадельфа (P. Rev. L.)¹⁷. Этот

свиток папируса (сохранилось более 13 м), содержащий копии нормативных документов, был составлен в канцелярии диоикета Аполлония для чиновников Фаюма или группы северных номов. Название папируса «Податной устав» не вполне соответствует его содержанию: *νόμος τελωνικός* т. е. закон, относящийся к взиманию податей, в собственном смысле слова составляет лишь 1/4 часть всего папируса. Помимо его, папирус содержит также законы об апомойре, о масляной и текстильной монополии, о сдаче на откуп трапедз, о сборе десятины. Время составления всего документа в целом исследователи относят к 27 году правления Птолемея Филадельфа (т. е. 259/258 г. до н. э.) на основании указаний в законе об апомойре (кол. 24) и корректорской пометки в законе о масляной монополии (кол. 38).

Первая часть — *νόμος τελωνικός*, охватывающая 22 колонки, содержит регламентацию сдачи налогов на откуп и организации откупа (компания откупщиков во главе с архонтом, поручитель, сборщики налогов), сбора налогов и расчета откупщиков с государством. Даже при ее плохой сохранности очевидно, что это наиболее кодифицированная часть Податного

¹⁶ Исследователи, склонные к модернизации социально-экономических отношений в античном мире, преувеличивали элемент сознательности и целенаправленности в птолемеевских методах организации хозяйства и считали возможным говорить об этатизме Птолемеев (М. Ростовцев, Ж. Тутен, В. Тарн). Эта концепция подверглась критике в работах К. К. Зельина, Н. Ю. Пикуса, в поздних работах Кл. Прео и наиболее обстоятельно — в упоминавшейся монографии Ж. Бингена (см. сн. 5).

¹⁷ Grenfell B. P. Revenue Laws of Ptolemy Philadelphus. Oxford, 1896; Bingen J. Papyrus Revenue Laws... Göttingen, 1952 (=SB. Bh. 1).

устава. По мнению Бингена, в основе птолемеевского закона прослеживается греческая практика откупа пошлин.¹⁸

Вторая часть Податного устава, сохранившаяся значительно лучше, включает текст с 24 по 37 колонки. Весь этот раздел принято называть законом об апомойре (налоге с садов и виноградников). Но собственно закон об апомойре содержит только 12 колонок; в конце к нему приложены две царские «простагмы»¹⁹ о введении апомойры на нужды культа Арсиной Филадельфы, позволяющие проследить действия правительства в ходе передачи апомойры из ведения храмов в ведение царской администрации и процесс формирования хозяйственного законодательства. Первая простагма — это царская инструкция, датированная Диосом 23 года, в форме письма, адресованного всем чиновникам Египта (кол. 37, 1—9), в котором предписывается исполнять приложенный к нему указ относительно внесения апомойры Арсиное Филадельфе. По-видимому, такой же характер носила и простагма пятого Дайсиоса 23 года²⁰, к которой также прилагается указ, обязывающий зарегистрировать на всех категориях земель участки садов и виноградников и урожай с них за 22-й год, и отдать 1/6 продукции на жертвоприношения и возлияния Филадельфе. По-видимому, в ходе регистрации оказались затруднения и злоупотребления, поэтому потребовался новый уточняющий указ.

В содержании закона об апомойре довольно легко проследить две составных части: первая регламентирует отношения между владельцами садов и виноградников, с одной стороны, и откупщиками и государством — с другой; вторая касается отношений между откупщиками и государством, в ней повторяются лишь отдельные положения из закона об откупах, поскольку откуп апомойры имел некоторую специфику. Закон об апомойре по своему содержанию представляет большой интерес как источник по истории царского хозяйства птолемеевского Египта: указы Птолемея Филадельфа характеризуют его экономическую политику и формы земледелия в Египте, положение непосредственных производителей — владельцев виноградников и садов, схему организации царской администрации. Они показывают также методы вмешательства царя в обычаи и хозяйственную жизнь хоры: традиционные и, возможно, прямые взносы с виноградников и садов в храмы египетских божеств заменяются уплатой апомойры Филадельфе через посредство откупщиков, отвечающих за оценку урожая, поставки вина и фруктов и их реализацию.

Третья часть Податного устава представляет собой закон о масляной монополии (*vóμος ἐπὶ τῇ ἐλαϊκῇ*). Это наиболее обширная и хорошо сохранившаяся часть папируса, охватывающая текст с 39-й по 56-ю колонки. Кроме того, к нему приложена диортома (указ об исправлениях закона), повторенная дважды (кол. 57—60), и диáграмма — указ о распределении посевов масличных культур пономам Египта (кол. 60—72). Естественно, что введение монополии сопровождалось разработкой норм, регламентирующих процесс производства, обеспечение сырьем и сбыт продукции.

¹⁸ Bingen J. Papyrus Revenue Laws. P. 13—15.

¹⁹ О значении термина см.: Фихман И. Ф. Введение в документальную папирологию. М., 1987. С. 180.

²⁰ О календаре см.: Там же. С. 108.

Возможно, что вначале, как и в отношении апомойры, также были выпущены какие-то указы, обработанные позднее в виде закона — *vômos*. Однако спустя некоторое время после его издания появилась необходимость определить площадь посевов масличных культур в каждом номе и урегулировать снабжение семенами тех номов, где собственное производство отсутствовало или не покрывало потребности, в результате чего появилась диаграмма о распределении посевов. Кроме того, потребовалось также исправить и уточнить некоторые статьи, поэтому была издана диортома, дополняющая закон о масляной монополии. Такова структура и история закона о масляной монополии. Значение его как исторического источника исключительно велико. Это единственный связный и подробный документ официального характера, отражающий организацию целой отрасли производства в рамках царского хозяйства птолемеевского Египта. Почти все основные сведения о государственных монополиях в эллинистических государствах историография эллинизма почерпнула отсюда.

Последующие разделы Податного устава почти полностью разрушены, исследователям удалось восстановить лишь отдельные фрагменты. Сохранились названия некоторых законов: так, непосредственно за законом о масляной монополии следует *Διάταξις τραπεζῶν* указ о сдаче на откуп трапедз, охватывающий 73—80 колонки. Затем *vômos dekattis* (закон о десятине), полностью фрагментированный. С 87-й колонки до 107-й идет закон о монополии на ткани (*vômos ἐπὶ τῇ ὀδοῦντρα*, как можно предположить его название), от которого сохранились очень незначительные куски.

Анализируя структуру и содержание Податного устава, Ж. Бинген убедительно доказал²¹, что нельзя рассматривать как единый более или менее систематизированный сборник законов: каждая его часть — это отдельный, не связанный с другими законодательный акт; их копии, подклеенные одна с другой, и составляли дошедший до нас документ. По мнению Ж. Бингена, все они носили эмпирический фискальный характер, и за ними отнюдь не стояли некие теоретические концепции формирования государственного хозяйства, в них отражается лишь стремление Птолемеев в чисто фискальных целях использовать энергию и финансовый опыт греков для эксплуатации огромного восточного домена²².

Как известно, издание новых законов порождается или необходимостью реорганизации старых отношений, или потребностью легализовать народившиеся новые явления. Очевидно, собранные в Податном уставе законы о порядке сдачи налогов на откуп, об изменениях в обложении, об учреждении монополий и т. п. отвечали требованиям своего времени. Вполне допуская отсутствие у Птолемеев и их окружения теоретической концепции создания системы государственного хозяйства, не могу согласиться с отрицанием какой-либо организационно-хозяйственной (кроме фискальной) функции государственной власти в эллинистическом Египте. Не говоря уже об организации работ по ремонту и расширению ирригационной сети (функции, унаследованной Птолемеями от фараоновской эпохи), можно полагать, что монополизация той или иной отрасли хозяйства также предполагает включение элементов организации производства. И тот факт, что

²¹ Bingen J. Le Papyrus... P. 6—9.

²² Ibid. P. 19—24.

в Податном уставе регламентируются монополии, касающиеся предметов широкого потребления (масло, ткани), свидетельствует о важности этой фискально-производственной формы организации хозяйства.

Вопрос о монополиях в Птолемеевском Египте неоднократно подвергался рассмотрению. Одним из первых его поставил М. М. Хвостов в своей рецензии на Тебтюнисские папирусы (ЖМНП. 1904. Т. IX). Большое влияние на его разработку оказала в свое время работа К. Рицлера «О финансах и монополии в древней Греции». На основании анализа Псевдо-Аристотелевой «Экономики» Рицлер пришел к выводам, что монополия в государствах древней Греции носила временный характер и в первую очередь была торговой, а не производственной. Своеобразием античности было ее государственное применение, при этом прежде всего преследовались фискальные цели; методы вмешательства государства в хозяйство носили нерегулярный насильственный характер. Государственные монополии, по его мнению, наносили вред хозяйственной жизни полиса²³.

В работе, посвященной текстильному производству в греко-римском Египте, М. М. Хвостов попытался установить экономические предпосылки возникновения монополии²⁴. Отмечая существование в Египте двух форм монополии — производственной и торговой, он считает, что возникновение их было следствием соединения в руках царя огромной массы разнообразных натуральных платежей населения (оброков по его терминологии) и больших хозяйственных ресурсов государства (в силу права собственности на землю и природные богатства). Установление монополии на ту или иную отрасль ремесла определялось, по его мнению, техническими условиями производства.

Статья Хайхельхайма «Монополия»²⁵ в известной мере подытожила результаты изучения этого вопроса к началу 30-х годов XX в. Для описания монополии в античном мире Хайхельхайм берет определение ее из современного политического словаря, но отмечает некоторые ее особенности: античная монополия в основном выступает как государственная, а там, где появляется частная, она преимущественно узурпирует государственные средства принуждения; монополист в античном мире не вытесняет конкурентов, а запрещает конкуренцию вообще. Термин *μονοπώλια* появился впервые в IV в. до н. э. у Гиперида и Аристотеля и обозначал только торговую монополию; позднее главным образом в эллинистический период монополизация распространяется и на производственный процесс. В древности существовали два типа монополий: полная, охватывающая все стадии, начиная от производства или добывания сырья и кончая продажей товаров, и частичная, включающая только монополию на готовый продукт и торговлю. Хайхельхайм подчеркивает, что наибольшее развитие они получили в эллинистическом Египте; не отрицая наличие в фараоновском Египте хозяйственной организации, приближающейся к монополиям, возникновение их он выводит из рационализма греков; систему монополий Птолемея он характеризует как «плановое хозяйство фискального характера». Масляная, являющаяся наиболее ярким выражением полной монополии в сово-

²³ Riezler K. Über Finanzen und Monopolen im alten Griechenland. B., 1907.

²⁴ Хвостов М. М. Текстильная промышленность в греко-римском Египте. Казань, 1914.

²⁵ Heichelheim F. Monopole. P.-W.-C. // RE. 1933. Bd. XVI, H. 1. Sp. 147—199.

купности с банковской и текстильной, позволяет, по его мнению, восстанавить всю хозяйственную структуру государств диадохов.

В последующих работах, касающихся вопроса о птолемеевских монополиях, можно отметить очень незначительные отклонения от концепции Хайхельхайма. Так, например, А. Андреадес несколько сильнее подчеркнул то обстоятельство, что монополии Птолемеев являются дальнейшим развитием хозяйственных форм фараоновского Египта. Причину их распространения в эллинистический период он также видит в сознательно-целенаправленной деятельности Птолемеев в чисто фискальных целях²⁶. М. Ростовцев называл монополии Птолемеев «планированной экономикой в области индустрии»²⁷. По вопросу их возникновения он соглашался с Андреадесом, подчеркивая, что развитие монополий при Птолемеях вызвано соединением в их руках огромного количества сырых материалов и армии рабочих.

В противоположность Ростовцеву и Андреадесу Кл. Прео в своем исследовании государственного хозяйства Птолемеев²⁸ отрицала существование каких-либо непосредственных образцов или предшествующих монополиям хозяйственных форм в доптолемеевском Египте. Она утверждала, что Птолемеи впервые установили тот своеобразный метод контроля над экономикой страны, которому принято давать не вполне соответствующее название монополии. В этой системе не было никакого теоретического принципа; Птолемеи при введении той или иной монополии руководствовались лишь фискальными соображениями, причем юридическая основа введения не была единообразной: в одном случае они опирались на право регалий (рудники, каменоломни, солеварни), в другом — на право суверена (масло), в третьем — на право сильного и т. д. Оценивая значение монополий в хозяйственном развитии Египта, Прео видит в них один из методов внедрения капиталистического производства. Однако в последней своей монографии²⁹ она уже более определенно высказывает сомнение в правомерности использования этого термина, применительно к экономике птолемеевского Египта; по ее мнению в строгой регламентации проявлялась, по существу, лишь фискальная заинтересованность Лагидов, об этом свидетельствует и их невнимание к техническим усовершенствованиям и фактическое отсутствие полной монополии производства и сбыта, даже в такой монополизированной отрасли, как производство масла.

Несколько ранее такую же характеристику масляной монополии дал в своей работе Бинген: *ἐλαική* в его интерпретации — это «организм фискальной природы»³⁰.

Если сопоставить приведенные выше мнения, то можно заметить, что все названные историки в своих суждениях о монополиях Птолемеев отталкивались от представления о современной капиталистической моно-

²⁶ *Andréadès A. De l'origine des monopoles ptolémaïques // Mélanges Maspero. 1935—1937. Vol. II. P. 289—295.*

²⁷ *Rostovtzeff M. The Social and Economic History of Hellenistic World. Oxford, 1941. P. 302. (Далее: Rostovtzeff. СЕННВ.)*

²⁸ *Préaux Cl. L'économie royale des Lagides. Bruxelles, 1939. P. 429—431.*

²⁹ *Préaux Cl. Le monde hellénistique. P. 376.*

³⁰ *Bingen J. Le papyrus... P. 19—30.*

полии, что едва ли целесообразно. Еще Маркс в полемике с Прудоном отмечал необходимость исторического подхода к изучению монополии³¹.

Напомним общеизвестные положения: современная капиталистическая монополия — это монополия частных предпринимателей, предполагающая прежде всего высокий уровень развития крупного промышленного и сельскохозяйственного производства, она порождена конкуренцией и существует рядом с ней. Античная монополия возникла в условиях мелкого ремесленного производства, носит преимущественно государственный характер и в силу этого исключает конкуренцию (это отмечали уже Рицлер и Хайхельхайм). Напомним также, что представление о монополии как о самостоятельном или самовластном присвоении себе положения единственного владельца и торговли каким-либо товаром существовало в Греции уже в IV в. до н. э. Аристотель считал монополию радикальным средством обогащения и для частных лиц, и для государства, находящегося в стесненном финансовом положении (*Arist. Pol. I. 4, 6*).

Любопытен рассказ Аристотеля о способе приобретения богатства философом Фалесом: предвидя (в результате своих астрономических наблюдений) богатый урожай маслин, Фалес еще зимой за небольшой задаток заключил контракты с хозяевами всех маслоделен Хиоса и Милета и, оказавшись к моменту сбора плодов единственным владельцем маслоделен, сдавал их в эксплуатацию на желательных ему условиях (*Arist. Pol. I. 4, 5*).

В какой-то мере Птолемей Филадельф и его советники (которые, очевидно, были знакомы с этой легендой) повторили, но в иной обстановке и масштабах и на иных условиях опыт Фалеса, расширив монополию не только на производство масла, но и на обеспечение сырьем и продажу готового продукта. Можно согласиться с Кл. Прео и Ж. Бингеном, что царь, вводя монополию в той или иной отрасли хозяйства, преследовал прежде всего фискальные цели, т. е. стремился обеспечить поступление доходов в казну. Но нельзя упускать из виду, что в экономической практике, во многом обусловленной древнеегипетскими традициями, фискальный элемент тесно переплетался с функциями организации производственного процесса. Степень монополизации и формы организации отдельных монополий в зависимости от специфики производства отличались одна от другой; это отчетливо прослеживается при сопоставлении наиболее освещенных в источниках видах монополий — масляной, текстильной и монополии на каменоломни. Рассмотрим в качестве примера масляную монополию, так как благодаря относительно хорошо сохранившемуся закону в Податном уставе можно довольно детально проследить ее организацию. К тому же некоторые черты носят общий характер и дают основание судить об общих принципах организации птолемеевских монополий.

Закон о масляной монополии в Податном уставе охватывает весь хозяйственный процесс, начиная от разведения масличных культур и кончая

³¹ В работе «Нищета философии» он пишет: «Теза: феодальная монополия, предшествовавшая конкуренции. Антитеза: Конкуренция. Синтез: Современная монополия, которая, поскольку она предполагает господство конкуренции, представляет собой отрицание феодальной монополии и в то же время, поскольку она является монополией, отрицает конкуренцию. Таким образом, современная буржуазная монополия есть монополия синтетическая, отрицание отрицания и единство противоположностей. Она есть монополия в чистом нормальном рациональном виде». См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 397.

продажей масла. Его можно расчленить на три самостоятельные и резко различающиеся по хозяйственному значению части, а именно: регламентация посевов масличных культур, монополия производства масла и монополия торговли маслом.

Через все статьи Податного устава, регламентирующие разведение масличных культур, проходят два основных требования: обеспечить посев предписанного количества земли и обеспечить поступление всего урожая в царскую казну. Ряд статей (кол. 41, 43, 57, 87) предусматривает меры взысканий с чиновников и земледельцев за невыполнение *διαγραφῇ τοῦ σποροῦ*³² масличных культур на всех землях, за исключением дарственных и земель клеруков. Величина штрафов за нарушение предписаний говорит о незаинтересованности земледельцев в разведении этих культур, вызванной теми жесткими условиями, в которые государство ставило непосредственного производителя. По данным P. Rev. L. 41 и P. Petrie. II. 39 и III. 89, государство выдавало семена масличных культур земледельцам в качестве ссуды по цене, в несколько раз превышающей ту, по которой оно скупало у них при сборе урожая. Весь полученный урожай земледельцы под надзором откупщиков были обязаны сдать государству, причем 1/4 урожая уплачивалась в качестве налога, 1/12 — 1/15 урожая высчитывалась в уплату ссуды на семена, остальное же скупалось государством по монопольно-низкой цене. Земледелец не имел права ни оставить у себя какое-либо количество семян, ни продать его кому-либо, помимо государства. Он получал лишь часть стоимости своего урожая, иными словами, лишь плату за труд, который он затратил на его выращивание.

Итак, принудительный посев культур, принудительная ссуда семян под высокий процент, контроль над сбором урожая и принудительная скупка государством всего продукта, оставшегося за вычетом налогов и ссуды на посев, — таковы основные черты отношений между государством и земледельцами в организации производства монополизированных масличных культур.

Рассмотрим теперь организацию производства масла. Прежде всего текст закона дает представление о характере масляного производства до введения монополии. В колонках 49—51 перечисляются виды маслоделен, на которые распространяется данное постановление. Начало 49-й колонки фрагментировано, поэтому можно лишь предположить, что речь шла о запрещении частным лицам пользоваться и приобретать что-либо из инвентаря для масляного производства. За невыполнение этого предписания налагался весьма высокий штраф: 5 талантов царской казне и возмещение в пятикратном размере ущерба откупщику. Далее говорится: «...относительно тех, у кого было что-либо из этого (т. е. инвентаря. — А. П.) раньше, то пусть они зарегистрируются у надзирателей откупа и представителей эконома и антиграфевса в течение трех дней и покажут ступки и прессы. Откупщики же и представители эконома и антиграфевса пусть перенесут (все это) в царскую маслодельню» (строки 10—16). Затем идет предписание о наказаниях за тайное производство масла частными лицами. На основании

³² О «расписании посевов» см.: Vidal-Naquet P. Le Bordereau d'ensemencement dans l'Egypte ptolémaïque. Bruxelles, 1967; Пукис Н. Н. Царские земледельцы... С. 68—71; Bingen J. Le papyrus... P 25—27.

этого можно сделать вывод, что в Египте до введения монополии существовало мелкое частное производство масла, так как нет упоминания о маслодельнях, а лишь об отдельных инструментах.

В следующей статье программы (кол. 50, строка 20 и след.) предписывается: «маслоделы при храмах, находящиеся в стране, пусть регистрируются у откупщиков и представителей эконома и антиграфевса, какие маслодельни есть в каждом храме и сколько ступок и прессов в каждом эргастерии, и пусть покажут эргастерии и представят ступки и прессы для наложения печатей». Из этого текста ясно, что до введения монополии при храмах было сосредоточено большое число маслоделен. Кроме храмовых и частных маслоделен, существовали также и царские: как мы видели, программа предписывает чиновникам передать инструменты в «царскую маслодельню» (*ἡς τὰ βασιλικὰ ἐλαουργία*)³³. Во второй части закона о масляной монополии добавлено еще запрещение устраивать маслодельни в дарственных комах. Итак, до введения монополии в маслоделии существовали три формы производства: царское, храмовое и частное.

Податной устав дает представление, какими методами Птолемеи вводили монополию. Согласно цитированным выше предписаниям (кол. 49, 50), в отношении частных маслоделов был установлен твердый и короткий срок — три дня для регистрации и предъявления инвентаря маслоделен чиновникам и откупщикам, обязанным передать весь их инвентарь в царскую маслодельню. Таким образом, по отношению к частным владельцам применялась ничем не прикрытая реквизиция без какого-либо вознаграждения. Храмы также обязаны были показать свои маслодельни указанным чиновникам, но нигде нет указания на какую-либо реквизицию храмовых маслоделен или инвентаря из них, иначе говоря храмовые маслодельни не ликвидируются, а лишь ограничиваются масштабы их производства, и весь производственный процесс ставится под контроль чиновников и откупщиков. В законе предписывается: «Когда захотят вырабатывать в храмах сезамовое масло, пусть пригласят откупщика и представителей эконома и антиграфевса и в их присутствии делают масло... Пусть не вырабатывается масло в храмах для продажи» (кол. 51, 11—25). И даже за нарушение этого последнего предписания храмы не лишаются маслоделен или инвентаря, реквизируется только выработанное для продажи масло и взимается штраф с каждого выработанного метрета 100 драхм. Следовательно, нельзя считать, что царская масляная монополия выросла на базе храмового производства. Производственная мощность царских маслоделен увеличивалась только за счет частного маслоделия, которое в основном было мелким и, по всей вероятности, тесно связанным с сельским хозяйством, с разведением масличных культур.

За нарушение частными лицами закона о масляной монополии на них налагается штраф в 3 тыс. драхм. Так как мелкий производитель такой штраф не был в состоянии выплатить, то закон предусматривал какие-то насильственные меры по отношению к его личности. Храмы за нарушение

³³ Следует отметить, что термин «царские маслодельни» встречается в законе о масляной монополии только здесь, во всех остальных случаях называется просто *ἐλαουργία*, так же как и в других папирусах, касающихся маслоделия. Это свидетельствует о том, что с введением монополии отпала необходимость специального обозначения царских маслоделен.

масляной монополии уплачивали штраф в три таланта, никаких других наказаний по отношению к лицам, ведавшим масляным производством в храмах, не устанавливалось.

С первых же статей закона речь идет об эксплуатации маслоделен с помощью откупщиков. В диортоме 27 г. правления Птолемея II (259 г. до н. э.) говорится: «продаем откуп на производство масла внутри страны с месяца Горпияа... египетского Месоре, на 2 года согласно выставленному объявлению» (кол. 57, 3—5). Нигде в Податном уставе нельзя найти указаний на существование маслоделен, эксплуатируемых непосредственно царскими чиновниками. Напротив, откупщики фигурируют всюду, начиная от контроля за посевом предписанного количества арур (кол. 41) и вплоть до заключения договора с мелкими торговцами и разносчиками масла (кол. 47). Но откупщики отнюдь не были самостоятельны в организации масляного производства, рядом с ними и контролируя их действуют ведавшие царским хозяйством в номе чиновники — эконоом и антиграфевс (контролер) или их представители.

Маслодельни устраивались, по-видимому, в более или менее крупных населенных пунктах. Определяющим моментом здесь был район потребления, а не производства. В таблице распределения посевов (кол. 60—72) всюду, где не хватало или не было собственного производства той или иной масличной культуры, указывалось, что из других номов сюда привозится семя, которое должно быть переработано откупщиками данного нома. Обеспечение сырьем маслоделен возлагалось на эконоома и антиграфевса³⁴: «пусть они предоставят (*παράδωσαν* — отложат, приберегут) каждому эргастерии достаточное количество сезама, кротона и кнека» (кол. 44, 5—7). Что речь идет именно о них, подтверждает текст 45-й кол. (строки 13—18), где говорится, что в случае «если маслодельня не устроена согласно предписанию или не предоставлено достаточное количество сырья и из-за этого откуп понесет ущерб, пусть возместят эконоом и антиграфевс случившуюся недостачу, а (также) ущерб откупщикам в двойном размере».

Эконоом и антиграфевс обязаны также обеспечивать маслодельни необходимым инвентарем (кол. 45, 20). Но вмешиваться в производство в ущерб откупу эконоому запрещается. «Если же он не обеспечит (оборудованием. — А. П.) или нанесет ущерб откупу, пусть судит диойкет, и если будет уличен пусть уплатит 2 таланта серебра и возместит ущерб в двойном размере» (кол. 46, 4—7). Эконоом и антиграфевс нома назначают антиграфевса откупа, который был обязан контролировать процесс производства масла и деятельность откупщиков и производить расчет с ними (кол. 54). Откупщики и антиграфевсы откупа, как указывает закон, «ведают (*κυριεύουσιν* — букв. «господствуют») всеми маслоделами в топе, мастерскими и оборудованием, и пусть они запечатывают инвентарь в нерабочее время» (кол. 46, 8—12). Они же обязаны «принуждать» маслоделов работать ежедневно и сами присутствовать во время работы. В законе предусматривается количество сырья, которое ежедневно должно быть переработано в масло; вероятно, даже была установлена норма выхода масла из определенного количества сырья: об этом, например, свидетельствует указание в

³⁴ О снабжении маслоделен сырьем сохранились некоторые другие документы, подтверждающие предписания Податного устава (P. Cairo Zen. 59565; P. Hibeh. 43 и др.).

диортоме: «Если поток масла выйдет больше, излишек принадлежит царской казне».

. Устанавливая режим работы и нормы производства в каждой маслодельне, царская администрация определяла и контингент рабочей силы. Из текста 44-й кол. вытекает, что за каждым номом было закреплено определенное количество маслоделов и что это распределение производилось не экономом, а вышестоящими чиновниками, возможно, в канцелярии диоикета. Перемещение маслоделов внутри нома из одной мастерской в другую разрешалось, но опять-таки, по-видимому, не произвольное, а только по распоряжению эконома. В Податном уставе указаний на это не сохранилось, но из Р. Нibeh. 43 известно, что Калликлес требует от Харимутха прислать из Пелы не только сезам, но и маслоделов для маслоделен в Оксиринхе. Приказ эконома направлен не антиграфевсу откупа или откупщику, а топарху. Податной устав возлагает на топархов лишь ответственность за поставки государству определенного количества семян масличных культур, тогда как в разделе о масляном производстве номархи и топархи не упоминаются. Это можно объяснить только тем, что в области производства масла в законодательстве как экономическая единица рассматривается ном, тогда как в культивировании масляных растений такой единицей считается топархия. И как в одном, так и в другом случае в документах, фиксирующих практическое осуществление предписаний, всегда появляется более мелкая территориальная единица: кома в земледелии, топархия в производстве масла. Упоминание топарха в Р. Нibeh. 43 подтверждает предположение, что маслоделы в действительности находились в распоряжении царской администрации, а не откупщиков.

Итак, если мы подытожим все вышеизложенное относительно организации масляного производства, то можно отметить следующие функции царской администрации: организация мастерских, обеспечение их оборудованием, снабжение сырьем, обеспечение рабочей силой, установление норм выработки.

Какую же роль играли в масляном производстве откупщики? Как можно заключить из текста Податного устава, они имели две основных функции, за исполнение которых они несли материальную ответственность, это сбор поземельного налога на масличные культуры и производство масла из доставляемого им сырья.

Порядок сдачи на откуп масляной монополии, как кажется, должен, скорее, совпадать с продажей (*ἀντή*) в подряд или на откуп производства ирригационных работ или разработки каменоломен, чем с откупом налогов, так как для выработки масла также необходимо вложение некоторых материальных средств. В соглашениях на ирригационные работы и разработку каменоломен царская администрация предоставляла подрядчику (откупщику) необходимые денежные средства, в две выплаты: аванс до начала работ и аванс после выполнения первой половины работы. Расчеты производились по окончании работ. Откуп (подряд) получал тот, кто соглашался произвести весь объем работ при наименьших затратах. В масляной монополии дело обстояло несколько сложнее. Здесь также государство предоставляло откупщикам средства производства, рабочую силу и обязано было обеспечить их необходимым сырьем, но поскольку его, прежде чем доставить на маслодельни, необходимо было собрать с огромной массы

производителей, царская администрация использовала для этой цели в качестве вспомогательного аппарата тех же откупщиков масляного производства, сдав им на откуп сбор налога с масличных культур и обеспечив их заинтересованность в деле разведения этих культур и сборе сырья установлением высоких штрафов в их пользу за нарушения чиновниками или земледельцами предписаний закона о масляной монополии. Эта функция откупщиков в сборе налога затрудняет выяснение вопроса о финансировании масляного производства, тем более что материал Податного устава, касающийся денежных расчетов, весьма фрагментарен.

Чтобы выяснить роль откупщиков в финансировании масляного производства, разберем последовательно, какое участие они принимали в масляной монополии в целом. Откупщик начинает свою деятельность с момента посева масличных культур, контролируя совместно с экономом и антиграфевсом качество посева и количество засеянных акров (кол. 41). Он же становится главным действующим лицом во время сбора урожая: он оценивает урожай и заключает соглашение с земледельцами (кол. 42). Цель этого соглашения — предотвратить возможность утаивания собранного урожая. Сразу же при обмолоте и очистке семян производился расчет с земледельцами: откупщики обязаны были выдать земледельцам расписку о количестве семени, полученного в счет налога и скупленного, и обеспечить доставку собранного в тезавры (зернохранилища) на хранение, а оттуда по указаниям эконома определенное количество его по мере надобности поступало в маслодельню. Из архива Зенона известно, что в тезавре все получаемое семя подвергалось проверке³⁵.

Относительно оплаты за поставляемое семя в Податном уставе имеются, на первый взгляд, как будто противоречивые указания. В начале закона о масляной монополии (кол. 39) указывается, что стоимость семени оплачивает земледельцам откупщик. В добавлении к кол. 53 указывается, что за масло, взятое из номов в Александрию, эконом заранее оплачивает стоимость сырья (*φορτία*), работы (*κάτεργον*) и разные расходы (*ἀνηλύματα*). Из сопоставления данных Податного устава с другими документами (W. Crest. 304; PSI. 372 etc.) можно заключить, что урожай масличных культур непосредственно через откупщиков или под их контролем поступал в тезавр и после проверки по распоряжению откупщиков, предварительно согласованному с экономом, сдатчики получали стоимость сданного семени через трапедзу. На выплату расходовались хранившиеся в трапедзе деньги, или казенные, предоставленные откупщикам масляной монополии в качестве аванса, или внесенные откупщиками при купле-продаже откупа. Только так можно объяснить двойственную систему (эконом и откупщик) в распоряжении выплатами за сданное семя. При сборе семени и расчетах с поставщиками строго учитывалась та часть продукта, которая шла в уплату налога; именно к этому следует отнести предписание Податного устава (кол. 56, строки 15—16) о ежедневном корректировании откупщиками данных о *λογεῖσματα*, т. е. о собранном налоге.

Таковы функции откупщиков в сборе масличных семян, получении налога с этих культур и в расчетах с поставщиками. Следующая область их деятельности — производство масла.

³⁵ P. Cairo Zen. 59670; P. Col. Zen. 40; PSI. 358; W. Chrest. 304.

Как уже говорилось, откупщик вместе с антиграфевсом откупа ведают всеми маслоделами, мастерскими и оборудованием в номе, но их деятельность в значительной степени ограничена регламентациями закона о масляной монополии. По существу, роль откупщиков сводилась лишь к производству и контролю над техникой производства масла и организацией труда рабочих внутри маслодельни. Некоторые сведения о технике и персонале маслоделен содержатся в самом Податном уставе: в кол. 49 указывается реквизируемый инвентарь — ступки и прессы; в кол. 45 предписывается делить прибыль от каждого выработанного сверх установленной нормы метрета масла между маслоделом, дробильщиками и откупщиком. Из этого следует, что производство масла состояло из двух операций: дробления семян и прессования полученной массы, — и что в каждой маслодельне работал по крайней мере один маслодел и несколько дробильщиков. В регламентации масляного производства не предусматривается очистка семян (отделение их от примесей и очистка от шелухи), так как исходным материалом считается семя, приготовленное в ступку. Однако и из частных документов³⁶ известно, что семя сдавалось и в неочищенном виде, можно думать, что очистка производилась в тезаврах и на это расходовались средства, ассигнованные государством откупщику на «прочие расходы» (кол. 55).

Закон обязывает откупщиков лично присутствовать в маслодельне для контроля над процессом работы и маслоделами. Им, как и чиновникам, запрещается вступать в соглашение с маслоделами относительно выхода масла. Но так как контроль над этим было трудно осуществить, правительство пытается заинтересовать откупщиков, определяя долю прибыли откупщиков и маслоделов от масла, полученного сверх установленной нормы (кол. 45). Шло ли производство масла постепенно в течение всего года или лишь периодически, подобно производству сезамового масла в храмовых мастерских, сказать трудно. Некоторые свидетельства (Р. Нібех 43), скорее, заставляют предполагать первое.

Готовое масло откупщики, по-видимому, должны были сдавать в тезавр, так как доставку масла в номы для розничной продажи обеспечивают эконо и антиграфевс (кол. 48). Однако договор с мелкими торговцами на продажу масла царская администрация заключала совместно с откупщиками (кол. 47). Только после поступления денег от продавцов масла заканчиваются функции и ответственность откупщиков масляной монополии, и они могут произвести расчет с государством.

Такой расчет, согласно Податному уставу, производился ежемесячно антиграфевсом откупа в присутствии антиграфевса нома (кол. 54, строка 20 и след.). Первый из них должен записать в счетные книги, «сколько каждого сорта семян взято и сколько переработано и продано... назначенную долю от прибыли маслоделам и надсмотрщикам откупа и (расходы) на доставку (продукции и сырья), какие бы они ни оказались» (кол. 54—55, 2). Целью расчета являлась не калькуляция себестоимости выработанного масла, а количественный учет масляного сырья и продукции, прошедших через руки откупщиков, и расход денежных средств, стоимость же масла фигурирует здесь как твердо установленная величина. И это вполне понятно, поскольку в законе о масляной монополии определяется и стоимость сырья

³⁶ P. Cairo Zen. 59732; PSI. 358; 372.

(кол. 39), и количество семени, необходимое для получения определенного количества масла, иными словами — выход масла (кол. 46), и оплата труда за его выработку (кол. 45), и величина дополнительных расходов (кол. 55). Себестоимость масла как окончательная сумма в расчетах откупщика с государством, выступает в Податном уставе лишь в двух случаях: при передаче его от откупщика ному царским чиновникам для продажи в Александрии и при выходе откупщика из откупа — в обоих этих случаях продажа масла проходит вне поля деятельности откупщика.

Возникает вопрос, на какие средства до реализации масла откупщики организовывали его производство? М. И. Ростовцев, Кл. Прео, Ж. Бинген и другие исследователи³⁷ считают, что для этой цели откупщики вкладывали собственный капитал. Рассмотрим, какие данные для такого решения имеются в материале Податного устава.

Как уже говорилось, оплата доставленного для маслоделен семени производилась через царскую трапедзу на средства откупщика или предоставленного казной аванса. Стоимость труда, затраченного на производство масла, очевидно, оплачивалась государством, в кол. 45 (строки 7—12) на это есть прямое указание: «Если эконоом или его представитель не отдадут маслоделам заработанное или их долю от продажи, пусть уплатят в царскую казну 3000 драм и жалование маслоделам и (возместят) в двойном размере, если будет причинен какой-то ущерб откупу». «Прочие расходы» (*λοιπὸν ἀνηλύματα*), поскольку они регламентируются законом, также, по-видимому, оплачивались государством. По аналогии со сдачей в подряд каменоломен можно сделать предположение, что как на закупку семян, так и на производство масла государство предоставляло откупщикам аванс, который затем постепенно гасился из сумм, поступавших от продажи масла.

Таким образом, организация финансирования всей масляной монополии в целом представляется в следующем виде: при сдаче на откуп царская администрация объявляла сумму, которую казна предоставляет откупщикам в качестве аванса для скупки сырья и организации производства, и сумму, которую она хочет получить от сбора налогов и продажи масла. Откуп получал тот, кто брался провести организацию производства масла за меньшую сумму и дать больший доход государству от сбора налога и продажи масла. Государство предоставляло откупщикам аванс на закупку сырья и оплату производственных расходов на масло. В свою очередь откупщики в качестве гарантии вносили в казну цену откупа, т. е. сумму предполагаемого дохода от откупа, деньги оставались в царских трапедзах, но записывались в счет откупа. Выдача их как поставщикам, так и рабочим маслоделен и, возможно, самим откупщикам на дополнительные расходы производилась только с санкции экономов. Поступления от сбора налогов откупщики должны ежедневно отмечать в счетах в царской трапедзе; сумму денежных поступлений от продажи масла, вносившуюся в трапедзы на счет откупа, откупщики перечисляли государству один раз в месяц, после расчета, производимого антиграфевсом откупа, в срок не позднее середины следующего месяца. Окончательный расчет с откупщиками производился, по-видимому, после окончания срока откупа. И если оказывалось, что

³⁷ *Rostovtzeff. SEHWW. P. 328—331; Préaux Cl. L'économie royale des Lagides. P. 67; Bingen J. Le papyrus... P. 19—24.*

какое-то количество масла (большее, чем разрешалось законом) не продано, то зачислялась в счет откупа его стоимость, а не продажная цена.

Следовательно, едва ли можно считать, что откупщики масляной монополии вкладывали какие-то значительные собственные капиталы в организацию производства масла. Но это отнюдь не значит, что откупщиком мог стать всякий подданный Птолемеев. Откуп предоставлялся лишь тем лицам, кто мог гарантировать поступление доходов в царскую казну своим имуществом и имуществом поручителя (*εγγυός*). Согласно предписанию Податного устава, обязательство поручителя должно быть на 1/20 больше суммы доходов государства с откупа (кол. 56, 14).

Был ли откуп маслоделия выгодным предприятием? Из самого процесса производства масла откупщик едва ли мог извлечь значительный доход, поскольку все операции и расходы строго регламентировались государством. Он получал прибыль лишь от большего, чем предусмотрено нормой, выхода масла, что, конечно, должно было стимулировать его деятельность по контролю за рабочими и принуждению их к работе. Но в этом в известной мере были заинтересованы и рабочие, поскольку они также получали долю прибыли. При сборе налога откупщик, возможно, тоже получал какой-то доход при превышении собранной им суммы над установленной в соглашении об откупе. Но основной доход шел от государства. В Податном уставе записано: «Жалованье (*μισθός*) откупщикам пусть выдается от их доли в прибыли» (кол. 55). Поскольку этому непосредственно предшествует предписание о расчетах за истекший месяц, то можно предположить, что жалованье выдавалось ежемесячно; в добавлении к этой колонке указано, что в Александрии его величина объявлялась при аукционе. Под прибылью, несомненно, подразумевалась разница между продажной ценой и стоимостью масла: стоимость сезамового масла (по первой редакции закона) составляла 2/3 его продажной цены, касторового и сафлорового — около 3/5, тыквенного — 2/5.

Кто же такие откупщики? К сожалению, в папирусах, помимо Податного устава, сохранилось очень мало сведений об откупе масляной монополии. Из архива Зенона нам известны лишь имена некоторых откупщиков или, может быть, служащих откупа. Так, в PSI. 372 упоминается Аполлоний, в P. Cairo Zen. 59223 — Тразимед, W. Chrest. 304 Евфранор. Судя по именам, все они были греки. Из данных Податного устава неясно, сдавался ли откуп масляной монополии, как и откуп налогов, одной компании

Гор-Гарпократ.
Камея. Санкт-Петербург. Эрмитаж

откупщиков во всем номе. Определенно известно только то, что в топархии был не один откупщик (см. кол. 46: распоряжаются маслоделами антиграфевс откупа и откупщики — οἱ τὴν ὠτὴν ἔχοντες), хотя в законе о масляной монополии ὁ ἀρχώνης — глава компании откупщиков нигде не упоминается.

Государство широко использует откупщиков для контроля над деятельностью чиновников, вводя систему штрафов в их пользу за нарушение со стороны местной администрации предписаний закона о масляной монополии, но и их, в свою очередь, ставит под строгий контроль чиновничьего аппарата. В социальной лестнице откупщики стояли ниже эконома и антиграфевса, в значительной мере зависели от действий этих последних, вероятно, также и от номарха, но по отношению к другим чиновникам нома они занимали независимое положение. Из приведенных документов об откупщиках можно заключить, что они принадлежали к средним слоям населения птолемеевского Египта.

И последний вопрос, связанный с организацией масляного производства, это вопрос о рабочей силе, используемой в маслоделии. Главным источником здесь служит Податный устав, так как в других папирусах встречаются лишь беглые упоминания. Как уже говорилось, контингент рабочих маслодельни состоял из одного маслодела (ἐλαιουργός) и нескольких дробильщиков (οἰκοπεῖς) на каждый пресс; рабочие внутри маслодельни находились в полном распоряжении антиграфевса и откупщиков: закон дает им право принуждать (ἐπαναγκάζειν) маслоделов работать ежедневно и обязывает их присутствовать и наблюдать за рабочими, обеспечивая выполнение установленной нормы выработки (кол. 46). Оплата труда (κάτεργον) маслоделов регламентируется законом в соответствии с определенной нормой переработки сырья и выходом масла. Из-за фрагментированности соответствующих строк Податного устава установить ее уровень не удастся. Лучше сохранилось указание о выплате маслоделам доли прибыли от масла, полученного сверх установленной нормы. В этом случае за каждый метрет выплачивалось 2 драхмы 3 обола, из них маслодел и дробильщики получали 1 драхму 4 обола и откупщик, 5 оболов. Как распределялась прибыль между маслоделом и дробильщиками — неясно.

Находясь под бдительным надзором внутри маслодельни, рабочие не были полностью свободны и вне ее. Все маслоделы были закреплены за определенным номом, причем распределение, по-видимому, производилось центральной властью. Эконому и антиграфевсу запрещается принимать или скрывать беглых маслоделов в своем номе, за нарушение этого предписания на них налагается штраф в размере 3 тыс. драхм. Маслоделы, задержанные в том или ином случае, подлежат аресту (кол. 56, строки 19--21). Как уже говорилось, не только из одного нома в другой, но и внутри нома переход маслоделов из одной мастерской в другую регулировался царской администрацией.

Относительно правового положения маслоделов в историографии высказывались прямо противоположные точки зрения. Так, например, М. Ростовцев писал³⁸ о полукрепостном состоянии маслоделов (half-bondage); их юридический статус, по его мнению, неясен, возможно, что это были люди, обученные ремеслу и организованные в своего рода цехи, члены которых должны были заниматься тем же самым трудом по наследству; их положение

³⁸ Rostovtzeff. SEHNW. P. 303—304.

было наследием прошлого времени, когда цехи работали в храмах, городах и деревнях для богов и царя в принадлежащих им мастерских. С введением масляной монополии ранее самостоятельные ремесленники вынуждены были пойти на государственную службу. Кл. Прэо считает, что говорить о крепостной зависимости нет достаточных оснований: неизвестно, было ли их состояние постоянным или наследственным и в какой мере могло быть принудительным занятие этим ремеслом³⁹. По ее мнению, предписания Податного устава напоминают, скорее, договорные отношения. Обязательство оставаться на месте в течение определенного времени встречается во многих контрактах частных работ так же, как и арест за нарушение обязательств. Эти приписанные ремесленники, по ее определению, являются пролетариатом, возникшим из слоя мелких хозяйчиков в результате введения государственной монополии. Доказательство Кл. Прэо видит в узаконении участия рабочих в прибылях. Закрепление рабочих в номе она объясняет недостатком рабочей силы в результате развития царского капиталистического производства.

Как отмечает Бинген⁴⁰, статус маслоделов вызывает самые различные предположения: их считают или остатком египетских ремесленников, ослабленных денежной экономикой, или частью того полупролетариата, который обычно исполняет временные сельскохозяйственные работы, или бродячей артелью, оказавшейся прикрепленной к ному, или мелкими хозяевами со своим персоналом. Но имеющаяся в источниках информация, фиксирующая их фактическое положение, не позволяет, по его мнению, прийти к определенным выводам; бесспорно лишь, что оно традиционно и заимствовано из прошлого.

Соглашаясь с последним утверждением Бингена, следует все же внести некоторую определенность в характеристику статуса маслоделов. Трудно усмотреть в предписании Податного устава договорные отношения: целенаправленность статей, регламентирующих норму выработки и время работы маслоделов, идет по линии принуждения и обеспечения надзора со стороны откупщиков и антиграфевса за их трудом, а не установления договорных условий. Предписание о взыскании штрафа с чиновника, не выдавшего оплату за труд маслоделам или их долю прибыли (кол. 45), свидетельствует опять-таки не о договорных отношениях, а о том, в каком зависимом положении от местной администрации они находились, если потребовалось специально в законодательном порядке ограждать их от произвола чиновников. Об участии маслоделов в прибылях в широком смысле также нельзя говорить: ведь речь идет лишь о выплате им за выработанное масло сверх установленной нормы выхода — вознаграждение, преследовавшее цель наилучшим образом обеспечить интересы государства.

Таким образом, нет оснований отождествлять маслоделов птолемеевского Египта ни со средневековыми ремесленниками, ни с рабочими капиталистического предприятия. Как убедительно показал К. К. Зельин, то своеобразие, которое характерно для положения этой категории работников, было обусловлено спецификой социально-экономической структуры Египта в эллинистическую эпоху⁴¹.

³⁹ *Préaux Cl. L'économie royale... P. 77—80.*

⁴⁰ *Bingen J. Le papyrus... P. 28—29.*

⁴¹ См.: *Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., 1969. С. 86—92.*

Маслоделие — одно из производств, наиболее тесно связанных с сельским хозяйством, благодаря несложности техники оно было доступно рядовому сельскому жителю. Однако уже до Птолемеев в Египте начался постепенный процесс отделения маслоделия от сельского хозяйства в форме возникновения крупных царских и храмовых мастерских. Из кого комплектовался контингент рабочих в этих мастерских, сказать трудно. Птолемеи, вводя монополию на масло из чисто фискальных соображений, тем самым (непроизвольно) насильственно ускорили процесс выделения этого ремесла из сельского хозяйства. Нет оснований рассматривать это мероприятие как процесс превращения мелкого ремесленного производства в крупное, можно говорить лишь о создании относительно больших ремесленных мастерских — *ἐργαστήριον* (этот термин неоднократно упоминается в законе о масляной монополии, например, кол. 44, 5; кол. 45, 20; кол. 46 и т. д.). Но от классического эргастерия маслодельни птолемеевского Египта отличаются тем, что в них используется труд свободных ремесленников, хотя в положении маслоделов ясно выступают черты внеэкономического принуждения: закрепление за определенным местом, арест в случае бегства, принуждение работать, строгий надзор за трудом.

Чтобы закончить рассмотрение масляной монополии и получить полное представление о ее характере, необходимо остановиться на вопросе о торговле маслом. В результате запрещения частного и ограничения храмового производства царская казна стала монопольным владельцем масла, производимого в Египте. Помимо этого, был запрещен ввоз чужеземного масла с целью предотвратить возможную конкуренцию. Податной устав предписывает: «Пусть не ввозится (масло) для продажи в стране ни через Александрию, ни через Пелузий, ни через какой-либо другой пункт. Если же кто-нибудь ввезет какое-либо масло, пусть будет лишен [его], и с него взыщут 100 драхм за каждый метрет, больше или меньше согласно счету» (кол. 52). Разрешалось ввозить лишь для собственного употребления и то в количестве не более трехдневного запаса, причем владельцы масла были обязаны зарегистрироваться в том порту, через который они ввозят, уплатить пошлину в размере 12 драхм с каждого метрета, поставить на сосудах печать и получить разрешение на ввоз вверх по реке (т. е. внутрь страны). Пошлина имела целью уравнивать стоимость чужеземного, более дешевого масла с его ценой в Египте. Последним звеном в цепи мероприятий является контроль государства за потреблением других жиров во избежание подмены ими монопольных продуктов (кол. 50).

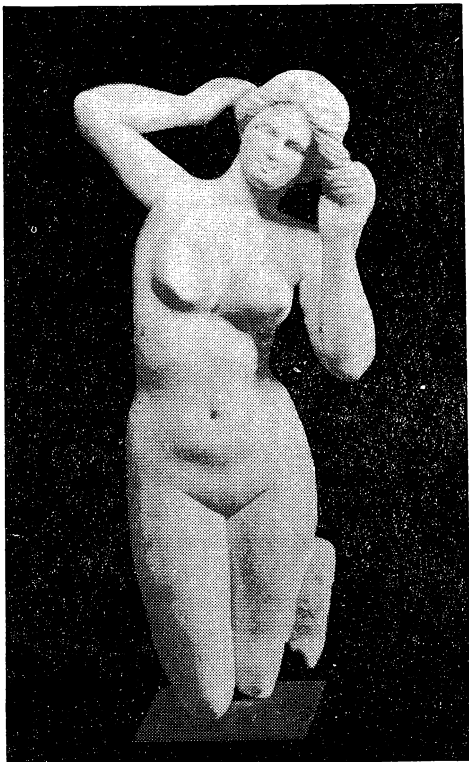
Обеспечив себе таким образом полную монополию, государство произвольно устанавливает продажную цену масла: по первой редакции закона метрет сезамового и сафлорового масла стоил 48 драхм, касторового и тыквенного — 30 драхм (позднее и на эти сорта цена была поднята до 48 драхм). Эти цены превышали себестоимость⁴² масла в полтора — два раза. Если даже допустить, что из прибыли покрывались расходы на транспорт и расчеты с откупщиками, то и в этом случае доля чистой

⁴² Себестоимость масла примерно равнялась той сумме, которую государство выплачивало откупщикам при расчетах за непроданное масло, т. е. по первой редакции за метрет сезамового масла 31 драхму 4 1/4 обола, касторового — 21 драхму 2 обола, сафлорового — 18 драхм 4 обола, тыквенного — 12 драхм.

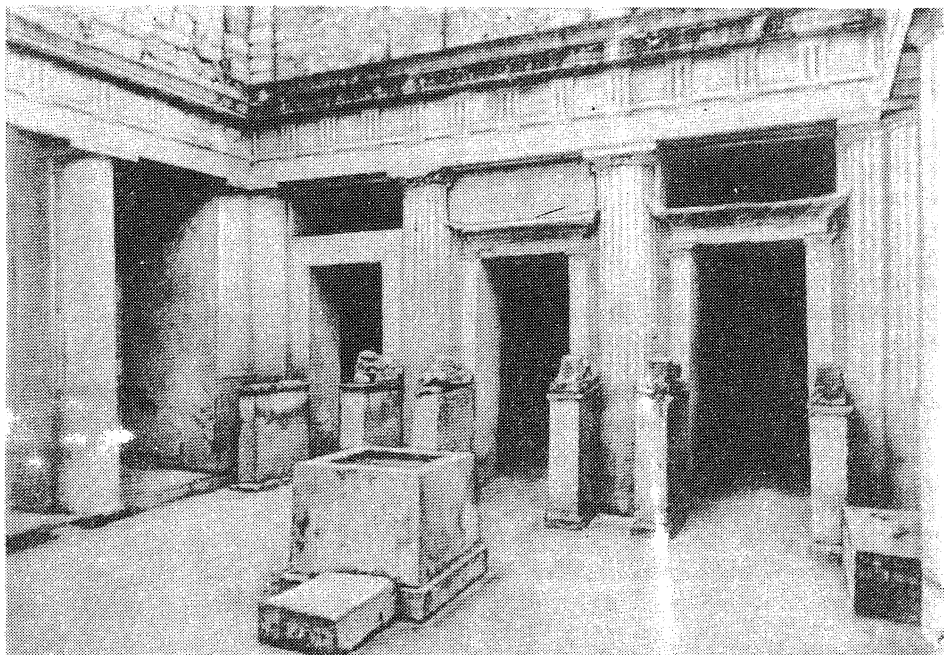
прибыли государства (т. е. разница между себестоимостью и ценой) была весьма значительна.

Торговля маслом также была тщательно регламентирована: в номе ею ведали эконои и антиграфевс, они составляли список мелких торговцев и разносчиков и совместно с откупщиками масляной монополии заключали с ними договор относительно ежедневной продажи масла. На эконома и антиграфевса возлагалась ответственность за доставку в каждое селение необходимого количества масла; торговцам и разносчикам оно выдавалось раз в пять дней, а они в свою очередь обязаны были вносить деньги в трапедзу в счет откупа не позднее чем через пять дней после продажи. Раз в месяц откупщики перечисляли деньги в царскую казну и антиграфевс откупа составлял ежемесячный баланс. Окончательный расчет откупщиков с государством производился по истечении срока соглашения об откупе.

Такова в основных чертах организация масляной монополии. Как было показано, она включала в себя целый комплекс экономических и внеэкономических мероприятий разнопланового характера. Побудительным моментом в создании этого комплекса, вероятно, было стремление царской администрации монополизировать торговлю маслом, но, чтобы стать монопольным владельцем продукта, потребовалось поставить под контроль его производство. Это было осуществлено внеэкономическим способом — путем запрещения частного производства, конфискации инвентаря и создания царских маслоделен; вслед за этим возникла задача обеспечения их сырьем, а отсюда законодательное распределение посевов по нomaм и принудительная скупка семени. Таким образом материальная основа монополии — маслодельни, масличное сырье и готовый продукт — оказалась во владении царской казны, и это определило роль царской администрации в производстве и сбыте масла и в распоряжении рабочей силой; вместе с тем важнейшая роль в ее функционировании отводилась откупщикам, участвовавшим в финансовом и организационном плане во всех операциях по обеспечению сырьем, производству масла и его продаже. Законом предусматривались карательные (штрафные) меры и против чиновников, нарушавших предписания в ущерб откупу, и против откупщиков, не соблюдавших условия откупа и наносивших урон казне,

*Афродита-Анадиомена
из Александрии.
II—I вв. до н. э. Мрамор.
ГМИИ им. А. С. Пушкина*

Некрополь Мустафа-паши в Александрии. III—II вв. до н. э.

те и другие — противоположные по интересам партнеры — были поставлены под взаимный контроль.

И в законе о масляной монополии и в других разделах Податного устава фискальные предписания тесно переплетаются с организационными и производственными, экономические интересы с внеэкономическим принуждением, традиционные для Египта полупринудительные формы ведения царского хозяйства с эллинскими методами организации финансов и извлечения доходов путем откупа или установления монополии. Выше уже говорилось, что монополия практиковалась в полисах Греции, но в условиях преобладания мелких частных хозяйств производственная монополия не получила развития. В государствах древнего Востока скопление в руках правителей огромного количества продуктов и сырья в результате налогов и доходов с царских владений создавало предпосылки для появления государственных и торговых монополий, но реализация этих предпосылок была возможна лишь в условиях относительно развитых товарно-денежных отношений⁴³. В Египте такая ситуация начала складываться после македонского завоевания, и, видимо, в этом следует искать причину возникновения птолемеевских монополий.

⁴³ Заслуживает упоминания сообщение Сыма Цяня о том, что в Китае в связи с финансовыми затруднениями в конце II в. до н. э. были введены монополии на добычу соли и производство железа сходными с птолемеевскими методами — путем запрещения частного производства, конфискации инвентаря, устройства государственных мастерских и сдачи их в аренду. См.: Сыма Цянь. Исторические записки. М., 1986. Т. IV: Пинчжунь-шу. С. 210—211.

Откуп как способ обеспечения денежных поступлений в казну — порождение греческой полисной экономики: привлечение частных лиц — компаний откупщиков — избавляло полис от необходимости содержать специальный административный персонал⁴⁴. Широкое применение откупа в рамках египетской экономики было обусловлено не только интересами фиска — стремлением гарантировать доходы казны и поставить под контроль откупщиков деятельность местной администрации, но и деловой активностью греков, македонян и других переселенцев. Однако в птолемеевском Египте откуп был включен в централизованную административную систему и оказался в значительной мере ей подчиненным и направленным не столько на обогащение откупщиков, сколько на пополнение царской казны⁴⁵.

Вся экономическая политика Птолемеев и их окружения определялась задачей извлечь из хозяйства страны возможно больший доход в денежной или натуральной форме. В ней проявлялся тот дух хрематистики, практицизма и предприимчивости, которым проникнуты экономические сочинения древних авторов IV—III вв. до н. э. (например, «Экономика» Псевдо-Аристотеля), отражающие хозяйственную практику того времени. Но в создании новых для Египта методов хозяйствования участвовали не только греки и македоняне, в их освоение включались и египтяне, причем не только как пассивный элемент, т. е. в качестве налогоплательщиков или работников мастерских, но и как активные сотрудники, исполняя обязанности низших должностных лиц и, возможно, членов откупных компаний. За любым фактом слияния и трансформации экономических методов и социальных институтов просматривается взаимодействие местного и пришлого населения: те и другие что-то перенимали друг у друга, что-то отвергали, создавали нечто смешанное. В результате этого взаимодействия складывалась специфика социально-экономической структуры птолемеевского Египта, отличавшая его от других эллинистических обществ.

⁴⁴ Это отметил еще М. И. Ростовцев. См.: *Ростовцев М. История государственного откупа в Римской империи*. СПб., 1899. С. 9.

⁴⁵ Там же. С. 22—31.

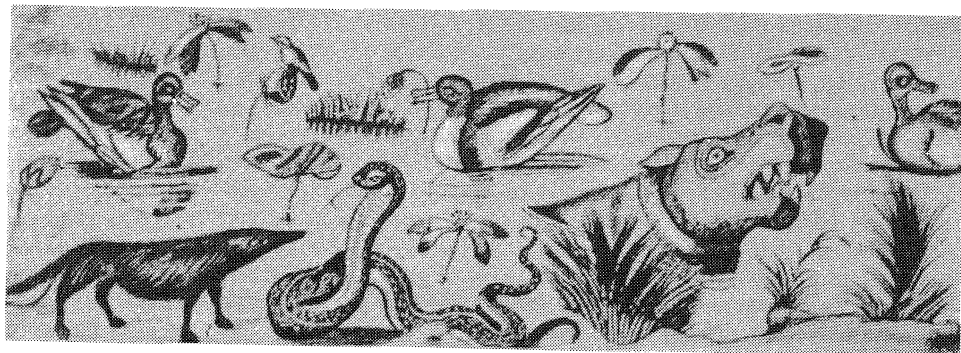
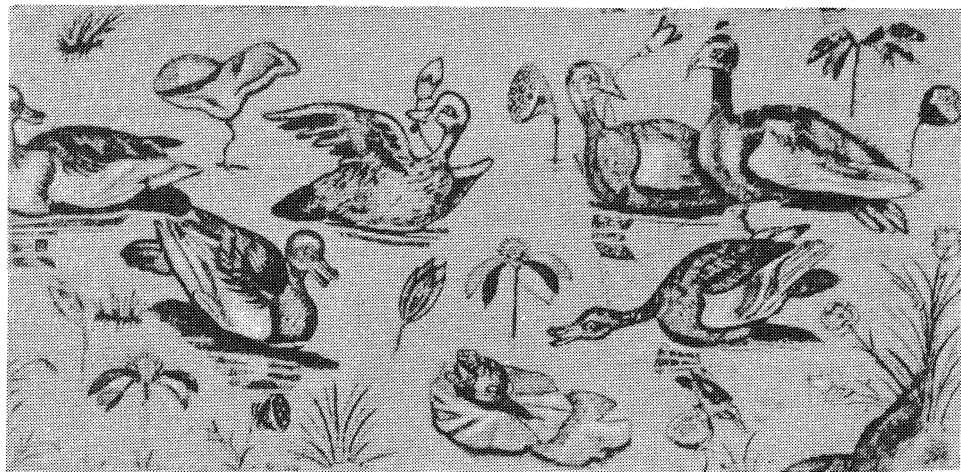
Проблема эллинизма в Риме может рассматриваться с точки зрения сближения Рима в разные периоды его истории с эллинистическими государствами в их основных, базисных характеристиках и с точки зрения взаимодействия эллинистической и римской культур на различных этапах эволюции Рима. Оба аспекта тесно связаны и взаимообусловлены, поскольку более или менее глубокое воздействие одной культуры на другую возможно лишь при сходстве экономических и социальных структур, политического строя, систем ценностей как обществ в целом, так и их классов, социальных слоев, индивидов.

Факторы эти можно рассматривать на фоне исторического развития Рима либо в их взаимосвязи, либо рассмотрев развитие на протяжении веков неких аналогий в базисе Рима и эллинистических царств, перейти к анализу процесса сближения культур. Нам представляется, что второй путь дает возможность более наглядно охарактеризовать соотношение римского и эллинистического элементов в жизни римского государства.

1. Социально-экономический и политический строй эллинистических государств и Рима

Известно, что самое понятие «эллинизм» еще не нашло общепринятой интерпретации. Дать ее тем более трудно, что эллинистические царства и их отдельные области сильно между собою различались. Кроме того, некоторые характерные для них черты были присущи и государствам, формировавшимся до походов Александра, что обусловило возникновение понятия «предэллинизм». На том же основании иногда употребляется и термин «постэллинизм». Все же, видимо, при всех расхождениях исследователей эллинистических государств некоторые черты, так сказать, классических их типов установлены.

К ним относятся: наличие значительных земель царей, принадлежащих им по праву завоевания (вопрос о верховной собственности царей на всю землю государства спорен); передача части земель во владение или в собственность лицам разного статуса с правом на повинности населения; выделение земель полисов с правами на повинности сидевшего на них туземного населения; эксплуатация крестьянства как основного производящего класса в сельском хозяйстве при сравнительно незначительной роли рабов; наличие различных слоев населения, стоявших на разных ступенях зависимости и занимавших промежуточное положение между рабами и

Сцена на Ниле. Мозаика. Помпеи. Дом Фавна

свободными; большая роль сельских общин на землях разных категорий; известная самостоятельность полисов при надзоре со стороны центральной власти; глубинные районы, мало задетые переменами, с землями местной знати и жречества; управление, основанное на сильной, сакрализованной власти царя и развитого управленческого и военного аппарата в центре и на местах, всецело зависимого от царя и наряду с другими связанными с дворцом слоями составлявшего правящий класс, пользовавшийся доходами, извлекаемыми казной за счет многочисленных прямых и косвенных налогов и трудовых повинностей¹.

Некоторые историки считали и считают возможным отнести к числу эллинистических государств и республиканский Рим, без каких-либо тому

¹ Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985; Зельин К. К. Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I вв. до н. э. М., 1960; Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969; Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство в эллинистических государствах III—I вв. до н. э. М., 1969.

доказательств². На деле, однако, республиканский Рим отличался от них по всем показателям. В результате борьбы и побед римского плебса (как и афинского демоса) крестьянство не только не превратилось в эксплуатируемый класс, но, владея землей, участвуя в войнах и народном собрании, считалось основой римского гражданства. Невозможность эксплуатации сограждан обусловила развитие рабства; исчезла категория лиц, стоявших между свободными и рабами; юридически равноправные граждане составляли и армию, и народное собрание как высший законодательный орган; общины (фамилии, паги, села) сохранялись как производственные и культурные ячейки, но не стояли между своими сочленами и гражданской общиной, верховным собственником своей территории; передача власти над ее частью и на повинности населения частному лицу исключалась, как и передача земли храмам, что препятствовало образованию сильного жречества; не было постоянных налогов, кроме ренты за пользование общественной землей; сохранялось экономическое и сословное неравенство, но оно оправдывалось принципом «геометрического равенства», т. е. равенством суммы прав сумме обязанностей «на общее благо»³. Не было сколько-нибудь оформленного бюрократического аппарата, да и все политическое устройство римской республики было прямо противоположно строю эллинистических царств.

Иногда высказывалось предположение, что монархию эллинистического образца намеревался устроить Цезарь⁴. Но, кроме как на распускавшихся его противниками слухах, такое предположение ни на чем не основано. Его полномочия и оказанные ему почести не были чем-то ранее несслыханным⁵. Да и вообще внешнее оформление власти правителя отнюдь не всегда свидетельствует о ее сущности. Социальной опорой Цезаря, многолетнего вождя популяров, были представлявшая плебс армия и муниципальные круги Италии и провинций. И для них и для плебса главным было решение аграрного вопроса: наделение неимущих участками земли и гарантированность прав собственности на имущества, т. е. укрепление мелкого и среднего частного землевладения, а не характерного для эллинистических стран землевладения царей, жаловавших земли приближенным или предоставлявших их при условии выполнения определенных повинностей. По словам Квинтилиана, некоторые люди давали Цезарю негодный совет стать царем, утверждая, что республика не уцелеет, если ею не будет править один (Quintil. III.8.47). Среди плебеев действительно были сильные монархические настроения, и недаром знать обвиняла в стремлении к царской власти всех вождей плебса — от Спурия Кассия до Цезаря. Но в народе были популярны не эллинистические владыки — деспоты, а римские царинародолюбцы Ромул, Сервий Туллий — враги сената. И только таким царем они могли желать видеть Цезаря (ведь и Августу сперва предлагалось имя Ромула). Видеть Цезаря царем могли хотеть и солдаты, всегда под-

² Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 77; Nicolet C. Rome et la conquête du monde méditerranéen. P., 1979. P. 229. Vol. 1: Les structures de l'Italie romaine.

³ Nicolet C. Op. cit. P. 229.

⁴ Так, по мнению В. Тарна, Цезарь представлял себе греко-римское царство по эллинистическому образцу, Антоний такое царство построил, но настоящим наследником эллинистических царей был Август (Тарн В. Указ. соч. С. 88).

⁵ Capogrossi C. Gli onori a Cesare nella tradizione storiografica e nella monete del 44 a. C. // I canali della propaganda nel mondo antico. Milano, 1975. Vol. III. P. 136—156.

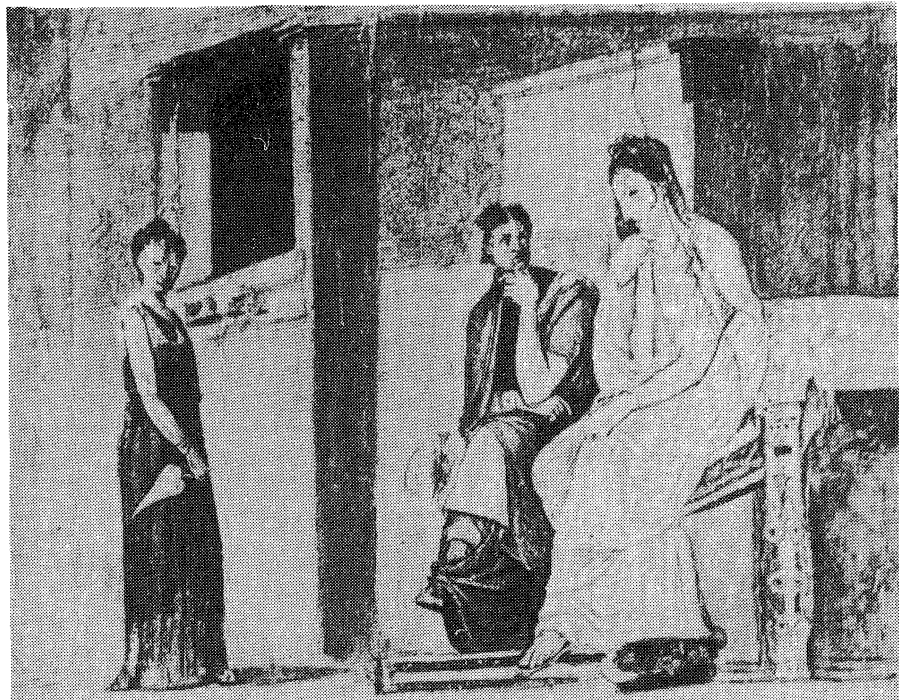
держивавшие своих «харизматических вождей» против сената. Возможно, именно в их среде ходило пророчество, что парфян может победить только царь. Но и армию вряд ли привлекали не раз ею побежденные и в официальной пропаганде всячески чернившиеся эллинистические цари, униженно лъстившие смещавшему или ставившему их Цезарю.

Иным, чем в эллинистических царствах, было в Риме отношение к побежденным. Италики, кроме случаев, когда на них налагалась кара за отпадение от Рима, пользовались во внутренних делах свободой. В их города, за немногими исключениями, не назначались надзиратели из Рима. Их территория и население не передавались во власть отдельных лиц. Они не платили систематических налогов, а итальянские дельцы извлекали немалые выгоды из римских завоеваний на востоке. Положение провинциалов было хуже, но в результате скорее злоупотреблений наместников и публиканов, чем общей направленности римской политики. Как подчеркивается в современной литературе, римляне в основном предоставляли вести местные дела провинциальной знати, туземной администрации. Наместники наблюдали за общим порядком, за выполнением провинциями их обязательств, ведали армией и отнюдь не походили на назначавшихся по прихоти царя эллинистических сатрапов, так как подчинялись сенату и перед ним отвечали⁶.

2. Рим и Греция. Начальные контакты

Первоначально Западная Европа знакомилась с античностью римской. Греческие авторы, в частности игравший в средние века столь большую роль Аристотель, были известны в латинских переводах с арабского. Только после падения Византии переехавшие на Запад ученые греки познакомили своих итальянских коллег с эллинской античностью, всегда жившей в Византии. Все же римские памятники, римская литература были для деятелей Возрождения на первом месте и в величии Рима, его деятелей и его культуры не сомневались. Дело стало меняться по мере лучшего ознакомления с философией, литературой, искусством классической Греции. К XVIII в. в значительной мере под влиянием знаменитого искусствоведа Винкельмана сложилась концепция «греческого чуда» — греческой культуры как уникальной, превосходящей все остальные. Эпоха эллинизма и Рима рассматривалась как время длительного упадка, когда возможно было только более или менее удачное подражание эллинским шедеврам; когда в отличие от мыслителей VI—IV вв. до н. э., стремившихся к всеобъемлющему проникновению в сущность мироздания, стал господствовать узкий прагматизм, наложивший отпечаток на все сферы жизни. На сходных позициях стояли и наиболее выдающиеся культурологи-циклисты — О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин. Рим для них закат эллинского культурного цикла, угасание творческой потенции эллинского духа, время господства рационализма, кризиса, предшествовавшего возникновению нового культурного цикла. Самостоятельность римской культуры они отрицали, признавая ее разве что в развитии техники и

⁶ Rawson E. Intellectual Life in the Late Roman Republic. L., 1986. P. 41.

Сцена в гинекее. Фреска. Помпеи

государственности, тогда как в духовной сфере никакой своей культуры Рим не создал, всецело завися от Греции.

Историки античности в большинстве не отрицают самостоятельность римской культуры, посвящая ей многочисленные труды. В нашей историографии соотношением культуры греческой и римской много занимался С. Л. Утченко, исследуя, как элементы, заимствованные из эллинских и эллинистических теорий, модифицировались в Риме, приспособляясь к исконным римским ценностям, римскому мировоззрению, римской культуре⁷. При рассмотрении этого вопроса следует учитывать и то обстоятельство, что Рим стал знакомиться с греческой культурой в ее эллинистической форме тогда, когда сам от эллинистических царств еще резко отличался, а также и то, что, хотя и Рим, и Греция основывались на строе античной гражданской общины, между ними были и значительные различия, что влияло на различия в идеологии, а следовательно, и в культуре, и на возможности взаимодействия обеих культур.

Можно полагать, что одним из наиболее существенных в этом плане различий был в Риме элемент сознания общинности, не столь значительный или постепенно заглохший у греков. Жизнь римлянина определялась принадлежностью к фамилии, которая, несмотря на абсолютную власть ее «отца»,

⁷ Особенно подробно эти проблемы проанализированы в кн.: Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима. М., 1977.

была своеобразной общиной. Подвластные отцу будущие наследники определялись как латентные совладельцы его, и по обычаю и по закону он был обязан заботиться о приумножении имущества фамилии, которое затем перейдет к этим латентным совладельцам, что характеризует достояние фамилии как общинное, а не как частное. Фамилия имела общий культ, объединявший всех ее членов; вступая в фамилию, они приобщались и к ее культу, и к ее «воде и огню», что издревле означало вхождение в союз той или иной общины. Отец, несмотря на свое полновластие, был ограничен религией, защищавшей его подвластных против злоупотребления властью, и обычаем, требовавшим, чтобы на домашнем суде над членом фамилии присутствовали родственники хозяина, а Катон, судя по Плутарху, в таких случаях созывал и рабов своей фамилии.

Кроме того, римлянин-земледелец (а таких было большинство) входил в не оформленные, правда, юридически, но игравшие большую роль в хозяйственной жизни и культе общины пагов, сел, соседств. Они имели свои общественные земли и другое имущество, выборных магистров, свои культы; по пагам шла предвыборная агитация, кандидаты на должности магистратов старались заручиться поддержкой влиятельных в паге лиц. Связь между членами таких общин, видимо, была очень тесной и обуславливала их взаимопомощь в разных делах.

Наконец, римлянин был гражданином республики, в принципе совладельцем ее территории, верховный контроль над которой принадлежал гражданскому коллективу, народному собранию, что не было фикцией, так как именно оно принимало аграрные законы. Как участник народного ополчения, римлянин был непосредственно заинтересован в международной политике, и по крайней мере, до I в. до н. э. получал непосредственную выгоду от войн в форме наделов на завоеванных землях, участия в дележе добычи и в выгодах от эксплуатации провинций. Как уже упоминалось, система ценза и принцип «геометрического равенства» внушал и уверенность (лишь со временем ставшую обманчивой иллюзией) в том, что каждый гражданин в меру своего богатства, знатности, талантов трудится на общую пользу, не отличную от пользы каждого гражданина, ибо, чем богаче и могущественнее становился Рим, тем более возрастало богатство и престиж его граждан, и, наоборот, чем добросовестнее выполнял свои обязанности гражданин как земледелец, отец фамилии, воин, участник народного собрания, тем богаче и возвышался Рим.

Все эти факторы обуславливали сплоченность граждан и дух общинности, гораздо более сильные, чем у греков. Рим с его землей, богами, предками, институтами, гражданами был высшей ценностью. Тот, кто ему служил, заслуживал почета и благодарности сограждан, почему роды, легендарные или действительные предки которых совершили что-либо особо выдающееся во славу Рима, всегда пользовались уважением и, несмотря на частые конфликты аристократии и народа, его вожди большей частью выходили из знати. Патриотизм был первым долгом римлянина, не вызывавшим у него сомнений. Греческие деятели неоднократно служили персидским царям. Для римлянина даже плен, не говоря уже о переходе на сторону исконного врага, был позором. Известна история Атилия Регула, попавшего в плен к карфагенянам в 1-ю Пуническую войну и посланного в Рим для переговоров об обмене пленных. Когда жена и дети хотели к нему

Пелий и его дочери. Фреска. Помпеи

подойти, он им это запретил, поскольку был опозорен пленом. И в более поздние времена находившийся в плену лишился гражданства, власти отца фамилии, имущества. Продажей в рабство карался гражданин, не явившийся на призыв в армию без оговоренных уважительных причин.

По мере римских побед крепло и самосознание римских граждан, идея изначально предназначенной им богами власти над миром, что еще более сплачивало коллектив граждан и стимулировало их уверенность в особых римских добродетелях, с помощью богов обеспечивавших им выполнение своей исторической миссии.

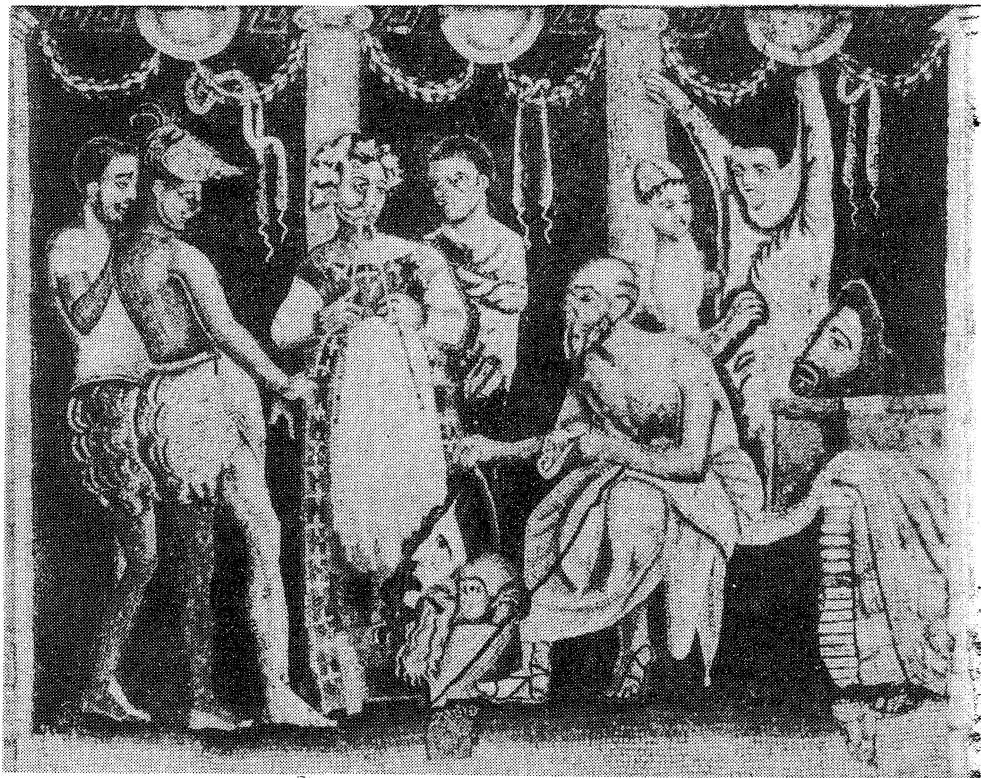
Характерные для «римского мифа» черты были оформлены в известной катоновско-цицероновской концепции отличия истории Рима от истории Греции. Славу Греции, гласила эта концепция, создавали отдельные герои, исполненные честолюбия и тщеславия; величие Рима веками создавал весь его народ, его цари, сенат, магистраты. Они совершали подвиги, не уступавшие подвигу Леонида у Фермопил, но им не нужны были прославление и возвеличивание, им достаточно было сознания, что они исполнили свой долг. Как писал единомышленник Катона Невий, участник 1-й Пунической войны, посвятивший ей поэму, солдаты предпочитали погибнуть, чем со стыдом вернуться к своему народу; и если они покинули наилучших среди мужей, то огромен был бы среди всех племен позор для римского народа (*Naevius*. 50—62)⁸. Катоновско-цицероновская концепция четко формулировала общинную идею Рима (здесь возможна известная аналогия с русским, тоже связанным с общинностью понятием «мир», охватившим и коллектив общинников, их обычаи и нормы поведения как результат вековой мудрости коллективного народного опыта, освященного религией). Это, однако, не значит, что человеческая личность стиралась. Как замечал Г. Альфёльди, в привычной эпиграфической формуле «*singuli et universi*» видно признание того факта, что *universi* состоят из *singuli*⁹. Интересом к психологии отдельных людей, в умении ее передать в портретах, скульптуре, литературе римляне превосходили греков классической поры, идеализировавших своих героев. Римляне изображали людей такими, как они есть, и эти люди со всеми своими достоинствами и недостатками, исполняя различные «роли на мировой сцене» — образ, любимый стоиками, и составляли ту общность, тот римский народ, который, терпя поражения и одерживая победы, находя в критических обстоятельствах нужные решения, создавал величие Рима¹⁰. То было не просто признание приоритета коллективного по сравнению с индивидуальным, предпочтение общего блага своему (*Cic. De offic.* III. 26; *De finib.* III. 64), что дает основание в современной литературе противопоставлять ментальность Рима с его коллективизмом индивидуализму капиталистического общества¹¹. Первичность полиса по отношению к гражданам признавалась и греками

⁸ Ссылки на отрывки из авторов III—II вв. до н. э. даются по изд.: Warmington E. H. *Remains of Old Latin*. L., 1956—1961. Vol. I—IV.

⁹ Alföldy G. *Die Römische Gesellschaft: Ausgewählte Beiträge*. Wiesbaden, 1986. S. 337.

¹⁰ В этой связи стоит отметить исчезновение в Риме, видимо, некогда имевшего там место культа Героев, столь популярного в Греции и вытесненного в Риме культом безличных ларов и манов.

¹¹ Alföldy G. *Op. cit.* S. 335—394.

Приготовления к представлению сатиры. Мозаика. Помпеи

даже в эпоху Римской империи. Наконец, и в буржуазном обществе, как то зафиксировано и в американской конституции, принятой вместе с декларацией независимости, и в декларации прав человека и гражданина, принятой в ходе Великой Французской революции, гражданин был свободен в собственной воле лишь в той мере, в какой она не противоречила интересам других граждан и законам. А поскольку законы всегда считались установленными для блага и пользы всего общества, коллективный момент, по крайней мере теоретически, и здесь преобладал над индивидуальным. И не только в античном, но в любом обществе есть свои нормы и ценности, которыми руководствуется большинство, и люди, против таких норм и ценностей восстающие. Так что не просто превалирование коллективного над индивидуальным, установленных моральных норм над личным суждением было характерной чертой римской ментальности в эпоху классической *civitas*, а органическое, глубинное единство римлянина и Рима, существующее обычно только между общинником и общиной, вне которой он себя вообще не мыслит. И ощущавшееся в этом плане римлянами различие между Грецией и Римом во многом определяло пути и возможности первоначального влияния Греции на Рим.

В противоположность прежним представлениям об изолированности древнейшей Италии, и в частности Лация, от остального Средиземноморья теперь благодаря успехам лингвистики и археологии и преодолению гиперкритического отношения к данным античных авторов, доказано, что доримская Италия, связанная с Микенской Грецией, достигла значительного уровня культуры¹². Достоверным признается предание о поселении на Палатине аркадцев царя Эвандра, принесших некоторые земледельческие навыки, культ аркадского Пана, заложивший основу древнейшего праздника Луперкалий, культ Геркулеса¹³. Гораздо раньше, чем предполагалось, в Италии распространяется предание об Энее и других участниках Троянской войны как основателях некоторых итальянских городов. Так, был найден кратер с изображением Приама и Антенора, относящийся к VII в. до н. э. Антенор же, основатель Падуи, был объектом культа в области венетов. История его странствий, окончившихся у венетов, имела у Софокла.

По всей Адриатике был распространен культ Диомеда; на кратере середины V в. он изображен вместе с Энеем, несущим Анхиза¹⁴. По мнению Катона, венеты происходили от троянцев. Об Энее, вместе с Одиссеем основавшем Рим, писал греческий историк V в. Гелланик. В IV в. от Энея выводили себя некоторые римские роды. Греческим городом считал Рим Аристотель. В Лавинии очень древний культ Индигета в VI в. слился с культом Энея. Его старинная статуя стояла в Альбе Лонге¹⁵. Этруская и итальянская традиция об Энее была воспринята римлянами. Историчной признают и историю покупки Тарквинием Гордым греческих Сивиллиных книг и обращения в Дельфы. Со времени связей Рима с Кампанией появляются консулы с греческими именами, и в IV в. наблюдается известное распространение греческого языка и пифагорейства. Одновременно растет интерес греков к Риму в связи с Троей и странствованиями Одиссея и Энея, а затем предполагаемыми отношениями Рима с Александром Македонским. Греческий историк Диокл первый связал Энея с Ромулом¹⁶. Не подвергается теперь сомнению и подлинность договора Рима с Карфагеном от 509 г., втягивавшего Рим в тогдашние сложные и напряженные отношения между пунами, греками и этрусками.

В начале V в. в Риме был принят культ Диоскуров и Гермеса под именем Меркурия; в 433 г. по предписанию дельфийского оракула — культ Аполлона. Видимо, несмотря на то что, как считают некоторые археологи, после изгнания Тарквиния Гордого в Риме начался экономический кризис и торговые связи с другими странами стали незначительными, культурное взаимодействие с Грецией продолжалось, хотя трудно судить, насколько греческое влияние, например пифагорейства, было глубоким и распростра-

¹² Маяк И. Л. Рим первых царей. М., 1984. Там же литература вопроса.

¹³ Rawson E. Op. cit. P. 19.

¹⁴ Scuderi R. Il tradimento di Antenori: Evoluzione di un mito attraverso la propaganda politica // I canali della propaganda... Milano, 1976. Vol. IV. P. 28—49.

¹⁵ Gabba E. Sulla valorizzazione politica della leggenda delle origini troiane di Roma fra III e II secolo a. C. // I canali della propaganda... Vol. IV. P. 84—101.

¹⁶ Gruen E. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Berckley; Los Angeles; L., 1984. P. 251—253, 317—321.

Уличные музыканты. Мозаика Диоскурида Самосского. Помпеи. Вилла Цицерона

ненным. Во всяком случае, можно полагать, что интерес пифагорейцев к астрономии не повлиял на астрономические познания римлян. Они оставались тогда на примитивном уровне: римляне знали только планету Венеру, созвездия Большой Медведицы, Большого Пса, Ориона и Плеяд и называли их латинскими, а не греческими именами¹⁷. Также и пришедшие в Рим греческие боги утрачивали здесь сложность и многоплановость своего образа, уже присущего им на родине, его связь с философскими идеями и аллегорическими толкованиями. Геркулес, почитавшийся на ага шахита, только обеспечивал прибыль, почему ему жертвовалась десятая часть военной добычи; Гермес, став Меркурием, имя которого производилось от тегх — товар, из всех многочисленных функций сохранил только функцию покровителя торгового обмена; Аполлон почитался исключительно как враче-

¹⁷ Gundel G. De stellarum appellatione et religione Romana. Gissae, 1907. P. 13—51.

ватель. Так, некоторые (возможно, их было больше, но сведений у нас нет) заимствования у греков не усложняли мировоззрения римлян, занятых внешними войнами и внутренними смутами.

По мере продвижения к греческим городам юга Италии римляне больше узнавали о греческих делах. Так, до них доходили известия о походах Александра и о возможных его планах повернуть на запад против Италии и Рима, на каковой случай предполагалось назначить командиром римских войск победителя самнитов Папирия Курсора (*Liv.* IX. 16). Вскоре затем последовали войны с царями Эпира — сперва с Александром Молоссом, потом с Пирром, и наконец, 1-я Пуническая война, в которой союзником Рима был Египет. Рим, так сказать, вышел на широкую международную арену как сила, с которой приходилось считаться, и вплотную столкнулся с эллинистической культурой. В Рим стали массами поступать вывезенные из Сицилии произведения искусства, а также взятые в плен образованные греки, как, например, тарентинец Ливий Андронник, первый автор предназначенных для сцены трагедий и комедий на греческие сюжеты и переводчик «Одиссеи» на латынь, с точки зрения последующих поколений, примитивную и грубую.

Мы слишком мало знаем о первых трех четвертях III в., чтобы судить, насколько более широкое знакомство с образцами эллинистической культуры повлияло на мировоззрение римлян. Но думается, что такое воздействие было очень незначительным, ограничивалось не влиявшим на сущность римской религии отождествлением римских богов с греческими и заимствованием некоторых греческих религиозных ритуалов, что не было особой новостью, поскольку римские и греческие боги сближались уже и раньше, по мере знакомства с последними в городах Великой Греции. Не была открытием и история Энея. С гибелью Трои и странствий Энея начинается своя поэма о 1-й Пунической войне Невий. Спутникам Энея он приписывал основание Рима. Были в его поэме и воспроизведенные затем Вергилием беседа Юпитера с Венерой, которой он обещал возвеличить Рим, и разговор Энея с Сивиллой, и его встреча с царем Латинном, и ауспиции Ромула при основании Рима. Но все это уже давно в разных вариантах было известно римлянам и стало их национальным достоянием, так что греческое влияние мало что значило.

Недаром это время у последующих авторов еще считалось продолжением времени «предков» со всеми их доблестями, обычаями, институтами. К этому же времени, предшествовавшему началу «порчи нравов», относятся и выделявшиеся Полибием качества римлян, которые, по его мнению, обеспечивали им победы и оправдывали их притязания на всемирное господство. Помимо совершенства политического строя римлян, Полибий подчеркивает мудрость их решений, позволявшую им оправляться после поражений (*Polyb.* III. 118. 7—9), способность в войнах и трудах усваивать то, что полезно для равновесия в государстве (VI. 10. 10—13); справедливое распределение наград и наказаний (VI. 14. 7—9); равная выгода для всех граждан от откупов (VI. 18. 4); соблюдение обычаев и законов (VI. 47. 1—4); прославление подвигов предков, воспитывающее в юношах патриотизм и мужество (VI. 53—55); осуждение нечестного обогащения, религия как основа частной и общественной жизни, нерушимая верность клятве (VI. 56. 6—15); жизнь скромная, без роскоши (IX. 10. 1); неподкупность и верность

долгу (XVIII. 35. 1—2). Как наиболее совершенного представителя римских добродетелей Полибий рисует Сципиона Африканского. Он не был баловнем судьбы или сверхъестественным существом, как думают некоторые. Свои славные дела он совершил благодаря дарованиям и рассудительности, умению заранее рассчитать свои действия, а именно такие люди любимы богами. Он умел не только побеждать, но и пользоваться победой. Особое, исключительное величие и благородство души Сципиона, по мнению Полибия, сказались в том, что в любой покоренной им стране он мог бы присвоить царскую власть, но он, хотя при его счастье возгордилось бы даже божество, отказался от этого высшего блага — царской власти — и даже запретил иберам называть его царем, так как выше всего ставил долг перед отечеством (X. 36. 1—2).

Подобная характеристика Сципиона весьма показательна для различия между ментальностью грека, даже столь, так сказать, романизовавшегося, как Полибий, и самих римлян. Полибий разделял точку зрения, высказанную еще Аристотелем в «Политике» (V. 8. 2; 3. 9)¹⁸ и разделявшуюся мыслителями эпохи эллинизма: человек, превосходящий всех остальных людей доблестью, мудростью, заслугами, должен быть признан царем и пользоваться безоговорочным повиновением и почитанием. Тот же Полибий писал, что Филипп V за свои многие достоинства самой природой был предназначен к царской власти (IV. 77. 1—4) и осуждал Демосфена за его противодействие союзу Афин с Филиппом II (XVIII. 15. 2—6). Сципиону же независимо от того, насколько он сам сознавал свою исключительность, а в какой мере ее прокламировали его льстецы, не более могло прийти в голову стать царем, чем изменить Риму. Стремление к царской власти приписывалось вождям плебса — Спурию Кассию, Спурию Меллию, Манлию Капитолийскому, якобы вознесшим себя над сенатом и народом, который осудил их на казнь невзирая на их прошлые подвиги и заслуги. Помимо политических причин, обусловленных перипетиями борьбы плебеев с патрициями (впоследствии сходные причины вызвали обвинения в стремлении к царской власти Тиберия Гракха и Цезаря), действовало и резко отрицательное отношение к возвышению «сильной личности», отношение, видимо, несмотря на монархические симпатии плебеев, разделявшееся и большинством народа, который иначе не санкционировал бы казнь победителя латинов Спурия Кассия и спасителя Капитолия от галлов Манлия¹⁹.

Дальнейшее и все более полное знакомство Рима с эллинистической культурой шло параллельно расширению то военных, то дипломатических соприкосновений его с эллинскими странами. Со 2-й Пунической войны Рим все более втягивается в отношения на востоке и все более привлекает интерес и внимание греков. По словам Полибия, греки в своих делах все более учитывали положение на западе, одни посылали послов в Карфаген, другие в Рим, и вскоре такое же положение наступило и в Азии

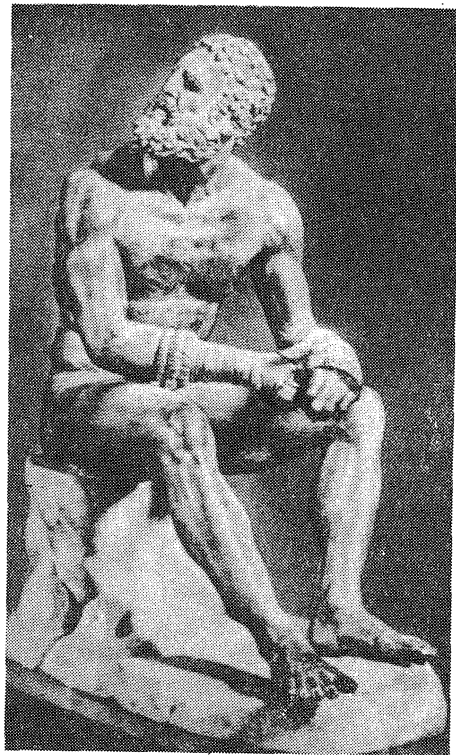
¹⁸ О близости Полибия к Аристотелю см.: Nicolet C. Polybe et la «constitution» de Rome // *Demokratia et Aristokratia* / Sous la direction de Claude Nicolet. P., 1983. P. 16.

¹⁹ Остракизм в Греции V в. тоже был направлен против видных и популярных деятелей, но скорее по причине соперничества различных партий, ссылавшихся на угрозу демократии с их стороны. В эпоху эллинизма подобная практика исчезла вместе с демократией, а возникновение сакрализованной царской власти окончательно утвердило превосходство «героя» над толпой.

(*Polyb.* V. 105. 4—8). Население Греции и Азии раскалывалось на проримские и антиримские партии, боровшиеся между собой и по-разному оценивавшие римлян. Даже Полибий, признавая права римлян на мировое господство, иногда отмечает и их недостатки, особенно в связи с начавшимся «упадком нравов», и неоднократно подчеркивает ненависть к Риму части эллинов, готовых прославлять карфагенян, противопоставляя их римлянам (*Ibid.* I. 53. 4; II. 21. 7—8; IX. 10. 1—13). В Спарте противники союза с Римом против Македонии доказывали, что не подобает потомкам героев Фермопил вступить в союз с варварами, готовыми поработить эллинов (IX. 37. 5; 38. 5). Полибий осуждает эллинов, сочувствовавших Персею, не понимая преимуществ римского господства (XXVII. 10. 2—3), но вместе с тем осуждает сенат, чрезмерно возвышавший в полисах тех, кто льстил римлянам и принижал своих противников (XXIV. 11. 1. 9; 12. 3—5; 11—12).

В Азии оппозиция Риму вызвала к жизни приписывавшиеся Сивиллам оракулы, гласившие, что Рим, четвертая держава (после ассирийцев, персов и македонян), будет побеждена пятой; что Азия отомстит за свое порабощение и обращенные в рабство римляне будут искупать причиненное ими зло; что Сципиона съест волк, оставив только его голову, и она возвестит о гибели Рима, побежденного коалицией царей Азии²⁰. Греки в антиримской агитации старались скомпрометировать раннюю историю Рима и Италии. Подчеркивали жалкое начало Рима, основанного собранным Ромулом сбродом; выдвигали версии, чернившие троянцев, прибывших в Италию. Так, доказывали, что Антенор и Эней были предателями Трои. Эней, якобы обидевшись на лишившего его почестей Париса, сдал Трою ахейцам и перешел на их сторону. Отрицали прибытие Энея в Италию, доказывали необоснованность притязаний римлян на происхождение от спутников Энея и на близость их истории к Греции²¹.

Борьба проримских и антиримских течений в греческой пропаганде стимулировала и в Риме интерес к истории как действенному средству

Аполлоний. Кулачный боец.
I в. до н. э. Бронза.
Рим. Музей Терм

²⁰ Crawford V. H. *Greek Intellectuals and the Roman Aristocracy // Imperialism in the Ancient World* / Ed. by P. D. Q. Garnsey and C. R. Whittaker. Cambridge; N. Y.; Melbourne, 1978. P. 193; Gruen E. *Op. cit.* P. 336—343.

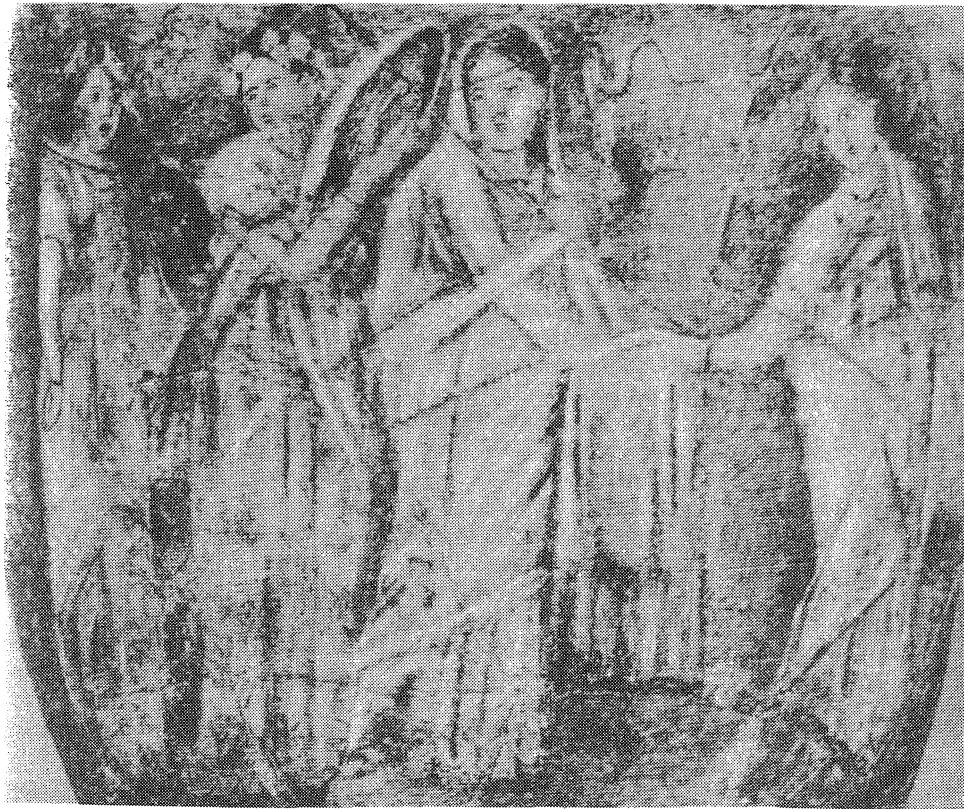
²¹ Scuderi R. *Op. cit.*; Gabba E. *Op. cit.*

Женицина
с зеркалом.
Керамический
сосуд
в технике
«гнафия»
III в. до н. э.
(Апулийский
лекиф)

агитации среди греков, обоснованию своих прав как наследников троянцев на владения в Азии, доказательству, что римляне не варвары, а исконные и равноправные члены эллинского мира. Отсюда истории Рима, написанные римскими аристократами по-гречески и для греков, требование Фабия Пиктора включать историю архаического Рима в историю Греции. Даже считавшийся эллинофобом Катон в своем труде по истории итальянских городов писал, что сабиняне произошли от спартанцев, возглавлявшихся царем Сабом, а ахейцы, слившиеся затем с аборигенами, пришли в Италию еще до Троянской войны. Все эти сочинения должны были ослабить позиции врагов Рима и укрепить положение проримских партий.

С другой стороны, римляне могли лучше познакомиться с греческим образом жизни, с эллинистической культурой, вывозили из покоренных стран книги (например, Эмилий Павел привез библиотеку царя Персея),

Культовая сцена. Керамический сосуд из Чентуриппе (Сицилия). III в. до н. э.

предметы роскоши, произведения искусства, ученых рабов-греков. Практику эту резко осуждал Полибий, считая, что она развращает римлян и усиливает к ним ненависть ограбленных (*Polyb.* IX. 10—13). Существует мнение, что Рим усваивал также методы и терминологию эллинистической дипломатии — практиковавшееся царями провозглашение свободы и автономии греческих полисов без каких-либо конкретных последствий, включение в договоры с полисами пункта о «дружбе», претензии римских полководцев на почести, воздаваемые «эвергетам», что тоже было в обычае эллинистических царей, введение ими же практиковавшегося арбитража между полисами²².

Некоторые историки считают, что проникновение в это время в Рим эллинистической культуры было поверхностно, задевало лишь узкие верхи общества²³. Вряд ли это полностью справедливо. Надо иметь в виду большую роль театра, предназначенного именно для широкой публики. Из комедий и трагедий Плавта, Цецилия, Теренция, Энния, Пакувия, Акция, написанных на основе греческих, зрители знакомились и с греческими мифами,

²² Gruen E. *Op. cit.* P. 27; 68; 129—134; 148—151; 174; 179; 184.

²³ Rawson E. *Op. cit.* P. 48.

и с их интерпретацией у греческих драматургов, и с некоторыми новыми для них мыслями.

Особенно важна была, так сказать, просветительская роль сочинений Энния, написавшего, помимо пьес, «Анналы» — римскую историю в стихах, сатиры, эпиграммы, поэму о Сципионе; кроме того, он перевел поэму о четырех элементах и о природе Эпихарма, «Священную хронику» Евгемера с его учением о богах как некогда живших выдающихся людях, греческие «Правила поведения». Из Эпихарма он заимствовал представление о солнце как огне, воплощающем божественный разум; из пифагорейства — переселение душ (он рассказывал, что во сне Гомер открыл ему, что его душа, раньше обитавшая в павлине, теперь переселилась в Энния) (*Enn. Annal.* 3; 14). Вместе с тем его «Анналы» развивали сюжеты, близкие римлянам: они начинались с родословной Энея, его прибытия в Италию, «страну Сатурна», его обожествления, повествования о Ромуле, по его версии, внуке Энея. По его словам, Троя не погибла, сожженная не сгорела, побежденная не была побеждена, так как не победитель тот, кто победил, если побежденный себя побежденным не признал. Он сформулировал ставшее во все века знаменитым изречение: «древними добродетелями и мужами крепко дело римлян» (*Enn. Annal.* 16—17; 26—31; 39—48; 395—450; 485). И у Энния, и у других драматургов много трагедий было написано на темы троянского цикла как наиболее близкого римским зрителям. Но разрабатывались и другие греческие сюжеты; довольно часто трагедии имели хороший конец — зло каралось, добро награждалось в соответствии с мыслями Аристотеля о нежелательности в пьесах изменить судьбу хороших людей на плохую, а плохих — на счастливую (*Aristot. Poetica.* 8).

Совершенствовались латинский язык и стихосложение. Энний писал, что до него стихи пели фавны и прорицатели, никто не всходил на вершину муз, что, по словам Цицерона, не было с его стороны пустым хвастовством (*Enn. Annal.* 262—8). «Сладкоязычного» оратора М. Корнелия Цетега Энний называл «избранным цветом народа» (*Ibid.* 303—5).

Интерес к литературе, языку, театру возрос настолько, что им посвящались специальные работы по образцу греческих. О театре, флейтистах, актерах писал консул 105 г. до н. э. М. Рутилий Руф, автор написанной по-гречески римской истории и истории Испании (*Plin. Nat. Hist.* VII. 36, 9). Девять книг по истории театра с хронологическим перечнем драматургов и их пьес, знаменитых актеров, об оформлении постановок в Греции и Риме составил Акций (*Aul. Gell.* III. II. 4). Луцилий посвятил одну из своих сатир (*Lucil.* IX. 2) правилам правописания и композиции литературных произведений, призывая прилежно учиться всему этому. Судя по отрывкам сатир Луцилия, литературная полемика со взаимными оскорблениями (сам он нападал на Пакувия и Акция и критиковал даже Еврипида) была очень оживленной, и самому Луцилию приходилось защищаться от разных упреков.

Знакомятся римляне и с греческой наукой. Судя по Полибию, полководец, чтобы рассчитать свои действия, должен был уметь определять время, а для этого знать астрономию, учившую, в какое время ночи какое созвездие восходит, а также геометрию, чтобы на расстоянии уметь определить высоту стен на основании подобия фигур, разбить и измерить лагерь (*Polyb.* IX. 13. 7; 14. 5). В середине II в. до н. э. Г. Сульпиций Галл,

большой знаток греческой литературы, автор истории Рима на греческом языке, опубликовал труд о затмениях и способах их вычисления, а также о расстоянии от земли до луны, от луны до солнца, а от солнца до звезд. Те же темы разрабатывал Кв. Туберон, ученик философа Панетия²⁴. Акции в составленных им «Практических советах» сообщал, что сеять надо, когда луна находится в Овне, Близнецах, Льве, Весах, Водолее (*Plin. Nat. Hist. XVIII. 50, 2*), что свидетельствует о хотя бы элементарном знакомстве с астрономией даже среди земледельцев. Стали появляться трактаты первых римских эпикурейцев по физике и этике, по мнению Цицерона, — неуклюжие переводы с греческого²⁵, но, видимо, находившие читателей. Проникали в Рим и развившиеся среди эллинистических ученых методы: подробная и детальная классификация предметов и понятий, а также диалектика, т. е. способы доказательства выдвигаемых положений на основе логических рассуждений²⁶. Интересы становились довольно разнообразными. Так, живший в Риме родосец Антипатр написал книгу о животных (*XIII. 5; XXX. 53. 2*); Фабию Пиктору, кроме римской истории на греческом языке, принадлежали сочинения о некоторых римских обычаях, о природных вещах, о насекомых и их лечебных свойствах, о превращении человека в волка, о ласточке, посланной осажденными лигурами с привязанной к лапке ниткой, на которой были завязаны узлы, извещавшие, когда следует начать приступ (*X. 34. 2; XIV. 14. 2*).

Трудно судить, насколько глубоко такие начатки греческой науки проникали в массы народа. Во всяком случае, труд Катона по сельскому хозяйству ссылок на греков не содержит, держась римского опыта. В общем же эллинистическая культура в целом, как известно, встречала сопротивление и в народе, и у части сенаторов.

Философов и риторov время от времени высылали из Рима, закрывали риторические школы как не соответствовавшие установлениям «предкам», определивших, что должны знать римские юноши; якобы найденные в гробнице Нумы написанные им пифагорейские книги были сожжены по предписанию сената. Даже грек Полибий, друг Сципиона Эмилиана, его наставник в греческой философии, осуждал чрезмерное эллинофильство (*Polyb. XXXI. 9—13*). О консуле 151 г. Авле Постумии Полибий писал, что он был из знатного рода, но человек пустой и самохвал. Он слишком увлекался эллинским образованием и языком и как человек изнеженный подражал худшему в эллинизме, так что по его вине римляне старшего поколения стали враждебно смотреть на любовь ко всему эллинскому, а Катон считал смешным и глупым его извинения перед греками за несовершенство своего греческого языка в написанных им стихах и истории (*Ibid. XXXIX. 12. 1. 11; Aul. Gell. XI. 2*).

Другой друг Сципиона Эмилиана, прекрасный знаток греческой философии и литературы, сатирик Луцилий высмеивал употреблявших переделанные на латинский лад сложные греческие слова вместо простых латинских и упрекал Тита Альбуция за то, что он хочет быть греком, а не римлянином и не сабинянином, согражданином Понтия и Тритана,

²⁴ Rawson E. Op. cit. P. 84, 102.

²⁵ Ibid. P. 284.

²⁶ Ibid. P. 205.

Женщины за туалетом. Керамический сосуд из Чентуриппе (Сицилия). III в. до н. э.

славнейших мужей. Поэтому Кв. Муций Сцевола, будучи претором в Афинах, куда прибыл Альбуций, вместе со своими ликторами приветствовал его греческим «хайре, Тит», нажив себе за эту насмешку в Альбуции врага, который отомстил, обвинив Сцеволу в вымогательствах в Азии (*Lucil. Sat.* 15—16; 87—93). Эний выступал против излишнего философствования (*Enn. Trag.* 400) и презрительно отзывался о людях, наблюдавших за созвездиями, названными именами животных, и не видящих, что у них под ногами (*Ibid.* 249—251); Пакувий упоминает ненавистных людей с плохими делами и философскими сентенциями (*Pacuv. Trag.* 11). Идеологом антиэллинского движения был, как известно, Катон. Однако, как справедливо замечает Н. Н. Трухина, обычное представление о вражде «филэллинов» и «эллинофобов» как таковых сильно преувеличено. Катон не любил греков, но не был принципиальным противником серьезного греческого образования, а Сципион Эмилиан отрицательно отзывался о риториках и увлечении абстрактными знаниями, отвлекающими людей от государственных дел. И те и другие сходились в римском патриотизме²⁷.

²⁷ Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» римской республики. М., 1986. С. 163—165.

Греческие иди, противоречившие исконным римским, не усваивались, несмотря на знакомство с ними и через литературу и через театр. Так, например, в Греции в народе твердо жила уверенность, что душа — божественного происхождения и бессмертна, получая за гробом награду или наказание за земную жизнь человека. В III в. до н. э. героизация покойных была общераспространена, даже если умерший был простой человек, не говоря уже о царях и выдающихся деятелях, каким считали Арата (*Polyb.* VIII. 14. 7—8). В Риме представление о божественной природе души, ее бессмертии, приобщении к богам после освобождения от уз тела проникает в верхи с середины I в. до н. э., в массы — с I в. н. э. В III—I вв. до н. э. покойные, «предки», согласно исконным верованиям, составляли безличную массу манов, загробная судьба которых никак не была связана с их добродетелями или пороками, с какими-либо представлениями о божественной природе души, дуализме души и тела.

Вообще к грекам относились настороженно. Греческих врачей считали отравителями; раторов — краснобаями, сбивающими с толку судей, которые под влиянием их речей оправдывают виновных и осуждают невинных; философов — людьми бесполезными для республики.

Оппозиция «филэллинам» подогревалась начавшимися конфликтами между знатью и народом. Обычно корень этой возглавлявшейся Катонем оппозиции видят в протесте против «порчи нравов» в среде нобилитета, жажде богатства, роскоши, в надменности аристократов и прочих пороках, пришедших с востока. Но, как уже упоминалось, сам Катон не столь уж враждебно относился к эллинской культуре. В его доме жил ученый грек Хилон, он привез в Рим Энния, хотя потом с ним рассорился из-за близости поэта к Сципиону. И, как мы видели, в своих сочинениях Катон также устанавливал древнейшие связи Италии и Греции. «Порчу нравов» обличали и такие друзья Сципионов, как Полибий и Луцилий, высмеивавший в своих сатирах пороки римского общества в целом и его отдельных представителей в частности, не стесняясь называть их по именам. И у разных авторов мы видим отзвуки начавшегося в обществе конфликта. Невий поплатился тюрьмой и ссылкой за свои нападки на могущественных Метеллов и в эпиграмме на Сципиона сообщил скандальную историю из времен юности героя, когда отец вытащил его полураздетого от некоей гетеры. Из трагедии Энния «Телеф» были заимствованы ставшие пословицей строки: «Для плебея открыто выражать неудовольствие — грех» (*riaculum* — собственно, действие, оскорбляющее богов и нуждающееся в искуплении — *Enn. Trag.* 340). Луцилий говорил о знатных, которые считают, что они могут грешить безнаказанно, поскольку благодаря их благородному происхождению им легко дать отпор тем, кто их осуждает, и что они считают, будто простой народ хочет захватить их богатства и смешаться с ними путем браков (*Lucil.* 270—272). Знатные, писал он, принимают законы, которые ставят народ вне закона (*Ibid.* 1017).

С другой стороны, те же авторы искали покровительства и дружбы влиятельных нобилей и прославляли их так, как было принято прославлять греческих героев и эллинистических царей. Пакувий посвятил пьесу победе Эмилия Павла над Персеем и возводил его род к Юпитеру (*Pacuv. Paul.* 2). Энний писал о Фабии Максиме Кунктаторе, что тот один спас республику и «до наших дней сияет слава великого мужа» (*Enn. Annal.* 360—62).

Зевс.

Камень. Санкт-Петербург. Эрмитаж

величия римского народа, лишь частью которого были отдельные полководцы, политики, наместники провинций. Недаром Цицерон, вспоминая дружбу Энния со Сципионом Африканским, замечает, что Энний, восхваляя его и других победителей, восхвалял имя римского народа. «Он до небес возвеличивал Катона (очевидно, до их разрыва) и тем прибавил большую честь к делам римского народа. Все они, наконец, Максимы, Марцеллы. Фульвии прославились не без восхваления нас всех. И потому того, кто все это делал, человека из Рудий (т. е. Энния), наши предки приняли в число граждан» (*Cic. Pro Archio. 9, 22*). Здесь римский взгляд на соотношение «великого человека» и народа, частью которого он только и мог быть, выражен с предельной ясностью²⁸ и в духе Катона, вероятно рассорившегося с Эннием потому, что все направление творчества этого поэта — прославление знатных патронов, вознесенных им над народом, было чуждо и враждебно Катону, слишком в греческом духе. Заслуги римского гражданина должны были признать его сограждане, а не поэты.

Вместе с тем среди знати появляется презрительное отношение к народному признанию. Высказывается желание получить его лишь от немногих лучших и мудрых (*Lucil. 491—2*). Проповедуется стоическое учение о добродетели как о знании, доступном лучшим, образованным (*Ibid. 1196—*

М. Фульвию Нобилиору он посвятил пьесу «Амбракия» о взятии Нобилиором этого города в войну с этолянами, на которую поэт его сопровождал. Особенно Энний превозносил Сципиона, которого, по его словам, только Гомер мог бы воспеть должным образом, славе которого не может быть равна ни одна посвященная ему народом колонна или статуя, кому никто не равен подвигами, кому единственному открыта дорога на небеса (*Enn. Scipio. 1; 10—11; 12—14; Epigram. 3—4; 5—6*).

Такое возвеличивание «героя» противоречило римскому мировоззрению, и против этого-то и восставали те многочисленные римляне из разных социальных слоев, для которых завещанное от «предков» и подкрепленное всем воспитанием мировоззрение казалось гарантией

²⁸ Противоположная точка зрения греческих софистов на «право сильного» пренебрегать законами, установленными слабыми для самозащиты и считать законным и справедливым то, что полезно ему, подробно изложена в двух первых книгах «Государства» Платона. «Горгий» (483 BC), «Протагоре» (357 C), «Законах» (714 C). Римлянам, ставившим превыше всего закон как силу, объединяющую общину, такая концепция была совершенно чужда и даже не обсуждалась. Конечно, соперничавшие за власть военачальники эпохи гражданских войн с правом и законами не считались, но формально действовали «для пользы республики», «для общей пользы».

1208), а не как об обязательной для всех римских граждан связующей их норме, идущей от «предков», от коллективной мудрости народа, столетиями творившего свою историю. И, несмотря на начавшийся раскол гражданства, такая идеология римской общины была еще достаточно сильна и способна дать отпор чуждым ей эллинским и эллинистическим влияниям. Принималось лишь то, что не могло подорвать основу римских ценностей, разрушить их целостность.

3. Эллинская и эллинистическая культура в Риме

*I в. до н. э. — I в. н. э.*²⁹

Существует мнение, что усилению греческого влияния в Риме способствовал приток туда греческой интеллигенции, бежавшей от бедствий войн с Митридатом³⁰. Но если этот фактор и играл роль, то был он не главным. Гораздо большее значение имело усложнение жизни в Риме в связи с непрерывным расширением его державы, развитием экономики, ростом потребности в комфорте и роскоши, утонченности — *humanitas, urbanitas*³¹. Соответственно росла потребность в квалифицированных ремесленниках, строителях, живописцах, скульпторах, деловых агентах (от управляющих хозяйствами до членов штата наместников провинций), в образованных людях — врачах, секретарях, чтецах, учителях и т. п., составлявших теперь непременную принадлежность богатых домов. За счет римских плебеев эти потребности удовлетворяться еще не могли за отсутствием у них соответствующей выучки. Римские ремесленники обычно были заняты в менее сложных и исконных отраслях — плотничьем, кузнечном, сукновальном деле и т. п. Потому росло значение труда рабов из эллинистических стран. Нередко, получив вольную, они смешивались с римским плебсом, возможно распространяя в его среде некоторые идеи, популярные среди простого народа их родины (например, демократические течения, связанные с действиями тиранов, пристрастия ко всяким пророчествам, версии о рабском происхождении некоторых царей Персии, Македонии, Сицилии, что должно было подтвердить доступность самого высокого положения для родившихся в положении самом низком и т. п.).

Те же возросшие потребности усиливали в разных социальных слоях интерес к науке. Он имел два истока. Во-первых, практические нужды сельского хозяйства, строительства, землемерного дела, мореплавания, медицины, ветеринарии. Прикладное значение науки особенно наглядно видно в трактате Витрувия по архитектуре, использовавшего математику, и особенно геометрию, для расчетов соотношения частей здания, устройства солнечных часов на основании греческих астрономов, водяных часов и водяных органов; механика была ему нужна для сооружения водопроводов,

²⁹ Хотя возникновение принципата было важнейшим рубежом в истории Рима, для проникновения в Рим эллинских и эллинистических влияний эта дата имеет меньше значения, чем рубеж между I в. до н. э. — I в. н. э. и II—III вв. н. э.

³⁰ Rawson E. Op. cit. P. 44.

³¹ Еще в «*Mostellaria*» Плавта человек, продающий дом, говорит покупателю, расхваливая здание, что строил его не «пожиратель бобовой каши», т. е. не римлянин, а греческий мастер.

насосов, грузоподъемных механизмов, осадных машин, стенобитных орудий катапульт; астрономия и метеорология — для выбора наиболее удачного расположения городов и зданий, наименее подверженных действию ветров, летнего жара, зимнего холода. Витрувий не писал о сооружениях введенных римскими строителями куполов, но несомненно, что такие куполы (например, на Пантеоне Агриппы) требовали сложных расчетов.

Во-вторых, наука, особенно физика, охватившая все мироздание и его законы, всегда служила для обоснования тех или иных философских систем, включавших, помимо физики, политику, этику, теологию, диалектику. А все эти темы становились для римлян в эпоху гражданских войн и первых десятилетий принципата не менее актуальными, чем для греков IV в. э. эпохи эллинизма, с их острыми социальными конфликтами, войнами, крушением демократии, установлением монархии. Античная философия всегда ставила себе целью сделать человека счастливее и воспитать в нем хорошего гражданина, что было практическим применением античной философии и обосновавшей ее науки в отличие от науки современной. конечной целью которой чем далее тем более становится производство. Счастья же особенно трудно было достичь во время быстрых катастрофических перемен в судьбах людей, войн, приводивших к гибели городов, к порабощению и разорению целых народов. По словам Цицерона, множество книг посвящалось советам, как сохранить спокойствие духа, когда погиб твой город, а ты сам стал изгнанником или рабом. Философия становилась особенно актуальной, для понимания ее, для выбора школы, импонировавшей тому или иному лицу, необходимо было знакомство с наукой, хотя бы в ее обобщениях, опускавших весь тот сложный путь, каким греческая наука к ним приходила.

Между двумя упомянутыми истоками или направлениями не всегда можно провести четкую грань, поскольку теоретики нередко обращались к практике (так, Архимед был не только великим теоретиком математики и механики, но и создателем ряда механизмов), практики же, например Витрувий, считали обязательным знакомство с философией. Так, стоик Посидоний, оказавший огромное влияние на римлян, писал о расстоянии от земли до туч, туманов, ветров, а от них — до луны и солнца; о размерах земли (между прочим, он считал, что, плывя на запад от Геркулесовых столбов, можно доплыть до Индии), о приливах и действии на них луны, об истории кельтов, о сицилийских восстаниях рабов, осуждая приобретения большого числа рабов и жестокое с ними обращение и т. п. Если раньше римляне считали, что достойным занятием может быть только историография, разработка права гражданского и сакрального и труды по религиозным вопросам, составлявшиеся авгурами и понтификами, то теперь стали появляться сочинения по самым разным вопросам. Так, по географии писал отпущенник Суллы Корнелий Александр, прозванный Полиистром, описавший Индию, Иллирию, Карию, и, кроме того, книги по истории Италии, о замечательных вещах, о ядовитых животных. Требий Нигер описал Бетику и продукты ее моря; Стаций Себез — Индию и ее чудеса; пользовавшийся покровительством Помпея и Цезаря египтянин Тимаген составил перипл в пяти книгах и книгу о древностях Галлии; Корнелий Галл, префект Египта при Августе, описал свою экспедицию в Эфиопию и Аравию. Соратник Августа Агриппа составил

карту империи, долгое время служившую пособием географам, военным, наместникам провинций.

Труды по естествознанию тесно соприкасались с трактатами по сельскому хозяйству. Плиний Старший упоминает книги Эмилия Мацера о птицах, травах и пчелах; Юлия Аттика и Юлия Грецина о виноградниках; Кастриция Цепиона и Цезения о цветах и садоводстве; Валерия Руфа о растениях; Клоатия Руфа о плодовых деревьях; Папирия Фабиана о естественных причинах, животных, дельфинах, черном дереве, сливках, мраморе, влиянии луны на растения, а вина на здоровье, о наибольшей глубине моря; Оппия о лесных деревьях; пифагорец Нигидий Фигул, приверженец оккультных знаний, написал вместе с тем о животных, ветрах, движении звезд; Гигин, помимо множества сочинений по грамматике, литературе, мифологии, посетил также работы земледелия и астрономии; о звездах писал также друг Варрона Л. Таратий. О лекарственных растениях писали Юлий Басс, Апион, а отпущенник Помпея Лена перевел книгу о ядовитых растениях и ядах, написанную не то царем Митридатом, не то его врачом.

Эти и многие другие научные сочинения до нас не дошли и известны по ссылкам других авторов. Та же судьба постигла и множество произведений наиболее ученого и плодovitого автора М. Теренция Варрона, из сочинений которого до нас дошел только труд по сельскому хозяйству и отрывки из других его книг. Интересы его были на редкость разнообразны. Он писал и об установленных греками «свободных искусствах» — геометрии, арифметике, астрономии, музыке, прибавив к ним медицину и архитектуру; о форме и размерах земли, измерении морей, расстояниях между городами; о фигурах и телах (по Эвклиду); об оптической геометрии (отражении в зеркалах и воде); о происхождении звезд, их движении и 9 сферах; о календарях в связи с восходом и заходом солнца и звезд и прогнозами погоды (на его вилле в Касине имелось круглое здание с куполом, представлявшим небо с утренними и вечерними звездами, которые двигались, показывая время); о теории музыки; о знаменитых людях Греции и Рима с приложением 700 портретов; о римском народе, связывая историю Рима с историей Греции и деля время на мифологическое и историческое, причем последнее начинал с первой Олимпиады (VIII в. до н. э.), и перечислял царей греческих полисов, Лаврента, Альбы Лонги, Рима, ссылаясь на хронику Кастора Родосского, который сообщал, что в начале мифологического времени при царе Огигосе планета Венера изменила свой цвет, размер, форму и движение.

Варрон сравнивал хронологию разных государств, высчитывал затмения и промежутки между ними, чтобы установить разные даты, например дату смерти Ромула. Он же высчитал дату основания Рима — 21 апреля 753 г. до н. э., условно принимаемую и теперь ³². Писал Варрон также о театре, сравнивая историю театра в Аттике и Лации (комедию он выводил из сельских праздников, где участники высмеивали разных людей, пока в Риме — об этом писал и Гораций — не было запрещено высмеивать и оскорблять шутками знать); писал и о философях Сократе, Эмпедокле, Демокрите и других, высказывавших 288 точек зрения на цели и задачи человека ³³,

³² Rawson E. Op. cit. P. 244.

³³ Ibid. P. 286.

а также о латинском языке, о римских гражданских установлениях и с религиозных древностях. Сам он склонялся к стоицизму, считал, что для счастья в первую очередь необходима добродетель, но не отрицал и значения материальных благ, рекомендуя сочетать жизнь общественную с созерцательной, признавал преимущество «естественной религии» без пышных храмов, жертвоприношений, изображений богов, которых якобы не было у предков, ближе стоявших к богам, чем современники. Писали о науке и жившие в Риме греки: упоминавшийся уже Посидоний, эпикуреец Филодем, отрывки сочинений которого (наиболее полно сохранился его трактат о ведении домашнего хозяйства, или об экономике) были найдены в Геркулануме, в библиотеке на вилле Л. Пизона (возможно патрона Филодема), содержавшей 1800 книг³⁴.

О соотношении римской и греческой науки более полно, чем по отрывкам из сочинений упомянутых авторов, можно судить по трудам, до нас дошедшим: «О природе вещей» Лукреция, «Астрономии» Манилия, «Географиям» Страбона и Помпония Мелы, «Естественным вопросам» Сенеки и особенно по энциклопедической «Естественной истории» Плиния Старшего. Ссылались в основном на греческих авторов, хотя не обходили и римских, и, как Цицерон в философии, вырабатывали латинскую научную терминологию для греческих понятий. Греческими изобретениями пользовались в астрономии. Так, Лукулл привез с Востока сферу, показывавшую движение луны, солнца, звезд, затмения. Такую же, более усовершенствованную сферу соорудил Посидоний; а на судне, направлявшемся в Рим и затонувшем в Эгейском море около 80 г. до н. э., был найден очень сложный плоский прибор на 30 шестеренках для астрономических и календарных расчетов с египетскими названиями 12 месяцев по 30 дней, по мнению специалистов, равный по сложности приборам XIX в., что заставляет пересмотреть оценку эллинистической техники³⁵.

Но заимствуя те или иные выводы греческой науки, римские авторы опускали тот сложный путь и дискуссии эллинских и эллинистических ученых и философов, благодаря которым они к этим выводам приходили, не говоря уже об их колебаниях, эволюции их воззрений. Так, например, римские авторы оставляли в стороне такие первостепенные для греческих философов вопросы, имевшие непосредственное отношение к теориям мироздания, как споры о вечности мира или его возникновении из хаоса и будущей гибели, как дискуссии о природе движения по кругу и сверху вниз и наоборот, о самодвижении мировой души и душ индивидуальных (Платон) или о результате воздействия неподвижного первого двигателя (Аристотель)³⁶.

Не затрагивался вызывающий, по словам Аристотеля, много споров вопрос о возможности существования бесконечного тела, что было связано с вопросом об ограниченности или бесконечности космоса и о существовании

³⁴ Ibid. P. 273. Вообще число библиотек, принадлежавших богатым людям, было велико, и там содержалось большое количество латинских и греческих книг. Август открыл на Палатине и первую публичную библиотеку, потом основывались и другие.

³⁵ Ibid. P. 163.

³⁶ В связи с изучением движения Аристотель в трактате «О небе» высказывает удивительную догадку о невозможности бесконечной скорости, так как тогда тело достигло бы бесконечной массы, что невозможно.

многих миров; проблема вечности и времени, споры о первичной субстанции, о телах и пустоте, о возможности или невозможности бесконечной делимости тел и многое другое. Исключение составлял в этом плане основывавшийся на теории Эпикура Лукреций, другие авторы во все подобные проблемы не входили. Как данное принималось центральное положение Земли в космосе, без учета разногласий по этому поводу — например, мнения пифагорейцев о некоем центральном огне, вокруг которого вращается Земля и невидимая нам антиземля и другие небесные тела, о гелиоцентрической теории и т. п. Хотя сочинения Аристотеля были известны в Риме по крайней мере с того времени, как Сулла привез его архив, затем приведенный в порядок и изданный, главные темы его философии: соотношение первичной сущности и реально существующего, вечного и преходящего, соединение субстрата, материи и формы, учение о развитии от потенциального к актуальному, о необходимом и случайном, о бытии, его споры со своими предшественниками и современниками, его доказательства выдвинутых им положений — все это как бы проходило мимо римских философов и ученых I в. до н. э. — I в. н. э.

Характерно например, что Плиний Старший, отдавая должное Аристотелю как величайшему уму, ссылается на него только по некоторым вопросам: о ночной радуге (*Plin. Nat. Hist.* II. 60, 4), об островах (IV. 22; V. 37), об андрогинах (VII. 2, 7), о пигмеях (VII. 219), о начале живописи в Греции (VII. 2), о продолжительности беременности слоних (VIII. 10. 1), о гиенах (VIII. 44. 1), о скорпионах (VIII. 84), о китах (IX. 6. 1), о муренах (IX. 39. 1), о воронах (X. 15. 2), о крысах (X. 85. 1), о внешних признаках долгой или краткой жизни (XI. 114), о ветрах (XVIII. 77. 4), о снах (XXVIII. 14. 2). Собственные его краткие рассуждения об устройстве мира, астрономии и тесно связанной с этими темами у греков теологии составляют лишь выжимки из ставших общепринятыми взглядов, без углубления в предмет дискуссий и доказательств. Он признает, что всеохватывающий вечный космос следует считать богом, но не следует искать то, что вне его, так как это уму людей недоступно. Безумие искать протяженность мира, желать выйти за его пределы, утверждать множественность миров (II. 2. 1—2). Достоверно, что космос — шар, совершающий оборот за 24 часа, и что ему присуща наивысшая красота (II. 3. 2—8), что с неба зародыши всегда падают на землю, что мир состоит из четырех элементов, земля висит в середине пространства, планетами и небом правит солнце — жизнь и душа мира, его дух и ум, управитель природы, божество, все видящее и слышащее (II. 3. 4). Очень кратко он останавливается на движении звезд и расположении планет (II. 6. 7—9; 13), на затмениях, созвездиях, круге зодиака, движении солнца и луны (II. 18. 1—2), на расстоянии до луны и солнца (II. 19. 2), на кометах и различных небесных явлениях (II. 21. 1—5; 31. 2) и в конце сетует на то, что, несмотря на наступивший мир, его современники ничего не прибавили к исследованиям древних и даже знают меньше, чем те; наука интересуется их только постольку, поскольку дает прибыль, например, для выгоды плавают по морям, но не понимают, что навигация стала бы надежнее с помощью науки, хотя бы изучающей ветры (II. 45. 3—4).

Сравнительно много внимания Плиний уделяет астрономии в связи с началом различных сельскохозяйственных работ в зависимости от восхода

тех или иных созвездий и приводит на этот счет разные мнения (XVIII. 55. 2; 56. 5; 57. 4; 59. 1—2; 60. 1—2; 64. 1—2; 88). Такие же данные приводит Варрон в своем труде по сельскому хозяйству; содержатся они и в так называемых крестьянских календарях и в календарных таблицах, в которых с помощью переставлявшихся фишек отмечались числа и положение светил. Помимо такого чисто практического применения, астрономия вызывала интерес также по связи с все более распространявшейся астрологией. Манилий значительную часть своего труда посвятил составлению гороскопов и определению характеров людей в зависимости от того, под какими созвездиями и планетами они родились. Составление гороскопов требовало сложных вычислений, так как, помимо влияний созвездий, входивших и не входивших в пояс зодиака, следовало учитывать усиливавшее или ослаблявшее их действие влияние планет, находившихся в той или иной точке неба, и их комбинации. Еще сложнее была астрология в Египте, куда она, как считали, пришла из Вавилона, распространившись затем среди греков. В Риме, судя по Манилию, она была проще, но тоже требовала специальных знаний. Популярностью пользовался более доступный астрономический трактат Арата; его переводили Цицерон и племянник Тиберия Германик. Сочинение по астрономии приписывалось и Юлию Цезарю, но его авторство твердо не установлено. Однако астрономия в Риме не имела того мировоззренческого значения, какое она занимала у греческих ученых и философов, и не достигала таких высот, как у александрийских ученых.

Даже Сенека в своих «Естественных вопросах» несмотря на заявленную в предисловии к ним претензию на освобождающее душу и возвышающее философа над толпой знакомство с недоступными простым людям тайнами природы, материи, вселенной, сущности бога, его отношения к миру и его законам, в тексте обращается к вопросам частным. Он пишет о происхождении различных видимых в небе огней-факелов, шаров, «пылающего неба», о гало вокруг небесных светил, о радуге, метеоритах, зарницах, молниях и их толковании гаруспиками, о землетрясениях, происходящих от движения воздуха в пустотах земли, кометах, океане, реках, вредоносных и целебных водах, разливе Нила, ветрах. Он ссылается на мнения пифагорейцев, Эмпедокла, Демокрита, Аристотеля, Панетия, Посидония и др., но лишь мимоходом упоминает обсуждавшиеся ими общие проблемы, например о природе неба (твердое ли оно или состоит из атомов) и его движении (движется ли оно само или движимо внешней силой), о форме земли и о том, живое ли существо земля, или мертвое тело (*Senec.* II. 1); о дискуссии по поводу того, одушевлен ли космос, тело ли он или душа, от начала ли в нем заложено все, что он должен будет испытать, — движение небесных светил, происхождение животных, всемирный пожар, который произойдет (по вычислениям Бероса) при определенном расположении планет (*Ibid.* III. 29). Приводит Сенека и разные мнения о земле: вращается ли космос вокруг неподвижной земли, или земля — вокруг неподвижного мира, вращение ли неба вызывает восход и закат, или мы сами восходим и заходим (*Ibid.* VII. 2). Но, упоминая такие важнейшие для греческой философии проблемы, Сенека не говорит, какими путями философы и ученые пытались их решить. Он широко использует «Метеорологию» Аристотеля, но не упоминает его другие, основные труды.

*Девушка из Анцио.
III в. до н. э.
Мрамор. Рим. Музей Терм*

Но можно ли считать, что такое отношение к науке объяснялось узким практицизмом римлян и общим смещением интереса от естественных наук к этике? Думается, что такие соображения не исчерпывают вопрос. Этика и политика (Аристотель считал этику наукой политической) у греческих философов всегда связывались с их теориями мироздания, включавшими и теологию, соотношение души и тела, мира интеллигибельного, и мира конкретно существующих материальных объектов, с анализом структуры мировой души и индивидуальных душ (их рациональной и иррациональной частей) и т. п., что служило основой и учений о добродетели как о познании неизменного, необходимого, вечного, первого принципа и, в конце концов, теорий наилучшего, с точки зрения того или иного автора, устройства полиса.

Однако в эпоху эллинизма, с философией которого знакомились римляне, связь физики с этикой и политикой ослабела. Отчасти это объясняется углублением специализации в области точных наук в Александрии, Пергаме, на Родосе и т. п., так что одному философу было не под силу охватить их все в той мере, в какой это было доступно Аристотелю и Платону. Кроме того, возникновение монархии поставило в центр внимания читавшей и слушавшей философов публики проблему монарха, его добродетелей и пороков, так что почти все тогдашние философы писали сочинения о государстве и государях. Даже живший в Италии в I в. до н. э. Филодем написал трактат «О хорошем государе по Гомеру». Что касается римлян, то для них идеальным строем была «республика предков», как бы ни толковали ее идеологи различных «партий», и оправдания ее им незачем было искать в философских доктринах и подкреплявших их учениях о космосе, идеальном и материальном, и др.

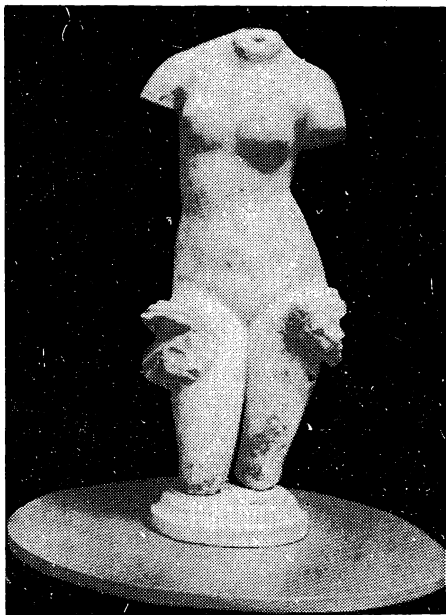
Не нуждались в обоснованиях и служившие эталоном нравы и добродетели «предков». Эллинистические философские теории к этому эталону приспособлялись³⁷. Это было тем более необходимым, что римляне, как уже упоминалось, воспринимали не философию греческого полиса, а философские учения эллинизма, по всему строю тогдашнему Риму чужого. Так, например, греки классической поры, признавая высшим благом добродетель, все же считали, что для счастья необходимы и внешние блага — здоровье, богатство, благородное происхождение, почетное положение в обществе, в делах которого хороший гражданин обязан участвовать, совмещая жизнь практическую и посвященную занятиям теорией. В эллинистических странах, с их бесконечными войнами и переворотами, самовластием царей и их ставленников, материальные блага были или мало доступны, или очень непрочно или доставались путем прислуживания власть имущим. Счастье приходилось искать вне зависимости от их наличия или отсутствия. Отсюда упор главных эллинистических школ на внутреннее, неотъемлемое — на добродетель, вне которой для стоического мудреца ничто не должно иметь значения, на атараксию, апатею эпикурейцев, также не зависящую от внешних обстоятельств. Отсюда же равнодушие стоиков (и в еще большей мере киников) к общепринятой морали, если нарушение ее «не противоречило природе», и призыв эпикурейцев «жить незаметно», предпочитая, как говорил Лукреций, судьбу управляемого судьбе управляющего, ибо по распространенным сентенциям «молния поражает высокие деревья, а не кусты», и «трагедии происходят в домах царей, а не простых людей». Отсюда и доведенный до логического конца скептиками тезис Новой Академии об отсутствии критериев истины, что приводит к воздержанию от суждений о том, что есть добро или зло по природе, и примирению с тем, что существует, и совету вести себя согласно общепринятым в данном обществе законам и обычаям не мудрствуя лукаво.

Для Рима того времени с его несомненными для граждан ценностями, с его активной моралью, долгом служить согражданам, не отделяя свое

³⁷ С. Л. Утченко рассматривает, как эти учения модифицировались и трансформировались под влиянием римских ценностей в таких вопросах, как теории идеального гражданина, идеального правителя, учения о государстве и праве, о наилучшем государственном устройстве, как и в какой мере влияли греческие теории на римскую историографию и на теорию «упадка врагов» См.: Утченко С. Л. Указ. соч.

благо от их, такие положения в их крайнем выражении были неприемлемы. К эпикурейству влекла его мнимая простота, отрицание необходимости сложных наук и некоторая усталость от бурных политических событий; к стоицизму — прославление добродетели, всегда бывшей краеугольным камнем римской идеологии и понимаемой по-римски; Новая Академия могла импонировать тем, кто, как Цицерон, считал, что людям мыслящим и утонченно образованным не подходит многое из того, что проповедуется народу. Все это в сложной аргументации не нуждалось. Она сводилась к нескольким общим положениям Аристотеля, Платона, Зенона, Хрисиппа, Эпикура и др., хорошо известным из сочинений Цицерона, считавшего, что входить в особые подробности незачем, так как философию можно узнать из греческих книг, римляне же или сами дошли до более мудрых решений или улучшили взятое у греков; все римские установления были достигнуты по природе, а не по науке, и они выше, чем у греков, которые не могут сравниваться с римскими «предками» (*Cic. Tusc. I. 1*).

По словам Цицерона, его попытки познакомить все же своих соотечественников, хотя бы кратко, с греческой философией наталкивались на сопротивление, так как многие не любили греческую литературу и философию, а другие считали, что обсуждать все это не пристало римским принципам (*Cic. Acad. I. 12, 2*). Варрон тоже не писал о философии, так как она тщательно изложена в греческой литературе, так что интересующиеся предпочтут читать греков, если же кто чувствует отвращение к искусствам и наукам, то не будет читать книги, которые нельзя понять без греческой эрудиции и понимания греческой терминологии (*Cic. Acad. II. 1, 2*). Цицерон, правда, надеется, что философию будут читать и по-гречески и по-латыни, как читают Энния, Пакувия, Акция, передавших силу греческих поэтов (*Ibid. II. 1, 8*). Но сам он иногда относится к философии скептически. Нет ума, пишет он, способного познать природу вещей, неубедительны теоремы геометрии, исходящие из наличия точки, линии, поверхности. Нет доказательств тому, что Солнце больше Земли. Как можно выбрать одну из доктрин физиков и мнений философов о боге, о первоосновах мира, о его конечности или бесконечности? Никто не может своим гением проникнуть в тайны неба, в глубь земли, узнать, обитаема ли луна, есть ли антиподы на другой стороне земли. Одни считают, что в мире все неподвижно, кроме земли, вращающейся вокруг своей оси, другие — что земля неподвижна. Одни считают верховным богом эфир, другие — солнце. Различны мнения и о высшем благе (*Ibid. I. 2, 36—44*). Цицерон придерживался концепции Новой Академии, считавшей, что свидетельства чувств недостоверны, умозрительные доказательства неубедительны, так как с их помощью можно доказывать вещи прямо противоположные, а потому допустимо высказывать лишь вероятностные, а не претендующие на истину суждения. Стоики выступали против этой концепции, считая свидетельства чувств достоверными, а делаемые на их основе выводы истинными. В Риме речь шла, скорее, не о возможности познания мира и бога, сколько о необходимости надежного критерия истины, чтобы твердо знать, что такое добродетель, каков долг гражданина, почему он обязан жертвовать жизнью за отечество (*Ibid. I. 2. 7—9*). Все же философия вызывала недоверие. По словам Плутарха, вслед Цицерону часто кричали

Афродита
(типа Афродиты Сиракузской).
III в. до н. э.
Римская копия
греческого оригинала.
Мрамор.
Москва. ГМИИ им. А. С. Пушкина

«грек», «философ», что было обычными среди римской черни бранными словами (*Plut. Cicer. 5*).

Даже стоики Сенека и Эпиктет считали, что по философии написано слишком много книг, слишком много неубедительных и не помогающих правильно жить силлогизмов, и призывали философов учить людей не рассуждениями, а примером своей собственной жизни. Видимо, именно такое обилие противоречивших друг другу авторитетов в значительной мере обусловило в Риме упадок интереса к физике как обоснованию философии и этики. Не успев, будучи еще на стадии античной гражданской общины, усвоить и воспринять всю сложность греческой науки как основы философии и не создав свою адекватную, римляне вступили в полосу кризиса *civitas*, а затем перешли к монархии, отличной от монархии эллинистической, но обладавшей рядом черт, присущих всякой единоличной власти, обуславливающей переход «от гражданина к подданному», что приводило людей из разных социальных слоев, которые особенно

тяжело переносили положение «подданных», зависящих от вышестоящих, к попыткам найти опору в боге, стоящем выше земных владык и дававшем силу им противиться хотя бы внутренне.

Иным, чем у греков, которые выводили в конечном счете бытие бога или богов и их место в мире из тех же космических законов, стало у римских мыслителей отношение к божеству. Природа не была элиминирована ими, напротив, стоики видели высшую цель в жизни, согласной природе, законы космоса как пробраз законов государства диктовали для них долг повиновения космической и земной необходимости, добросовестное исполнение своей «роли на мировой сцене», стойкое перенесение бедности, изгнания, унижений. Но все же на первом месте стояло приобщение к богу, как бы этот бог не интерпретировался. Отсюда распространившийся во всех слоях общества интерес к посмертной судьбе души, посмертного воздаяния за земную жизнь. Цицерон в знаменитом «Сне Сципиона», заканчивавшем трактат «О республике», подчеркнул бессмертие, божественность душ тех, кто возвеличил республику. Эней у Вергилия видит в Аиде мучения или блаженство либо особо выдающихся злодеев, либо благодетелей человечества, судьба душ простых людей рисуется суммарно. Но уже в I в. н. э. родные любого покойника в эпитафиях выражают уверенность, что его душа в награду за честную жизнь пребывает в Элизии с богами и

сама становится богом. Для веры же в справедливость богов или, напротив, для столь же распространенной веры в фатум, в фортуна, отрицания божеской справедливости — поскольку плохие люди живут хорошо, а хорошие плохо — особо сложных теорий мироздания не требовалось. Воля богов, господство фатума, случая и т. п. могли согласоваться и с гелиоцентрической, и с геоцентрической системами, с любыми теориями движения, строения материи, соотношения материи и формы, конечного и бесконечного и т. д. Тем более не требовали они освоения достигших при эллинизме высокого развития и специализации точных наук — математики, механики, оптики, астрономии вне ее приложения к астрологии.

Таким образом, судьба науки, вернее, точных наук в Риме объяснялась не какой-то особой ментальностью римлян, а стечением обстоятельств, изменивших роль науки как основы философии с целью сделать людей счастливыми и хорошими.

Напротив, науки, определяемые нами как гуманитарные, процветали. Издавались исторические сочинения, посвященные истории Рима в целом, как труд Тита Ливия, его отдельным периодам, как «Римские древности» Дионисия Галикарнасского, отдельным событиям, как сочинения Саллюстия, мемуары видных деятелей. Росло число филологов, литературоведов, теоретиков и преподавателей ораторского искусства. Все эти отрасли в большей или меньшей степени испытывали влияние эллинистических направлений, идей, методов, сохраняя римскую основу.

Наиболее ярко такое сочетание проявлялось в игравшей при Августе ведущую роль поэзии, и особенно в ставшем любимым произведением римлян «Энеиде» Вергилия. К нему, как и к другим его современникам, прославленным поэтам, относятся знаменитые слова Горация о римской поэзии, освоившей все размеры и ритмы греков и их превзошедшей. Но, достигнув совершенства формы, позаимствовав некоторые философские идеи греков, Вергилий свою поэму основывал на исконно римской катоновско-цицероновской концепции. Она сказалась не только в прославлении Рима и его великой миссии, но и в образе самого Энея. Он, несомненно, особенный человек, выдающийся вождь и борец, подобный Сципиону Африканскому, или даже выше его. Но главная его черта — *pietas* — добродетель чисто римская, не имеющая греческого эквивалента, так как выражает именно глубинную органическую связь римлянина со всем, что свято для граждан Рима, — его землей, его святынями, его народом и вытекающим из этой связи само собой разумеющимся долгом. Уже когда в горящей Трое Энею является во сне Гектор и приказывает ему взять священные пенаты Трои как спутников своей судьбы и искать для них великого убежища, которое он воздвигает после многих странствий (*Vergil. Aen. I. 293—295*), начинается его миссия предка будущих основателей владыки мира — Рима, миссии, которую он исполняет без рассуждений, без ропота на трудности и опасности, нигде и никогда не противопоставляя свою волю, свое суждение долгу, ставшему не только волей богов, но и его внутренним импульсом. В знаменитом месте, где Анхиз в подземном царстве показывает ему будущих царей и полководцев Рима (*Ibid. VI. 745—852*) опять-таки подчеркивается мысль, что судьба Рима «миловать покорных и покорять заносчивых» творится всеми, кто внес свою лепту в его величие, и первый из них Эней, движимый своей *pietas*, не боящийся никаких трудов и опасностей. Энею

противопоставляется Турн, послушавшийся оракула, приказавшего царю Латину выдать Лавинию за Энея, эгоистично начинающий кровопролитную и нечестивую войну. Им владеет честолюбие, злодейское безумие, гнев (Ibid. VII. 461—462). Противостоит Энею и этрусский царь Мезенций, «хулиатель богов», жестокий тиран, претендовавший на божеские почести, но изгнанный своими подданными (Ibid. VIII. 7; 480—495; 569).

Pietas Энея, ставшего богом Индигетом, передается народу, возникшему из союза латинов и троянцев (Ibid. 834—839), как главная добродетель, отличавшая римлян. Напротив, греки, враги троянцев, неоднократно осуждаются Вергилием, особенно Одиссей за его хитрость с деревянным конем: их война с Троей была нечестивой и полной злодейств, за них понесли наказание вожди ахей, возвращаясь из-под Трои (Ibid. XI. 246—295).

С точки зрения противопоставления римской и греческой концепции личности героя характерна оценка, дававшаяся римлянами того времени Александру Македонскому. В современной литературе выделяются греческая тенденция возвеличивания Александра, между прочим в связи с пропарфянскими и антиримскими настроениями, и римская, которая, с одной стороны, подчеркивала, что Александр завоевал только Восток, тогда как Цезарь и Август покорили также Запад, но, с другой стороны, видела в империи Александра предшественницу римской мировой державы³⁸. Разбирается отношение различных римских авторов к Александру — смешанное у Диодора, отрицательное у Помпея Трога, опиравшегося на Клитарха, который подчеркивал тиранические черты Александра, его склонность к восточным нравам, несправедливые казни, притязания на божественность; столь же отрицательно отношение к нему Курция Руфа, особенно интересовавшегося развращающим воздействием самодержавной власти на душу и психику монарха³⁹.

Исследователи подчеркивали, что интерес к Александру возрастал по мере того, как римская держава перенимала его наследие. Ему подражали некоторые ведущие римские деятели, от Сципиона до Августа, хотя последний в своей пропаганде особого внимания Александру не уделял, поскольку с ним себя связывал Антоний. Затем его образ использовался для создания образа монарха, тирана или, наоборот, завоевателя и устроителя мира⁴⁰. Есть также мнение, что политику Александра на востоке продолжал Цезарь, желавший обеспечить безопасность эллинистическому миру, что ему следовал Антоний, тогда как Август себя Александру противопоставлял, хотя при всех отличиях его государства от эллинистических царств их сближали некоторые методы управления, особенно в области экономики⁴¹. Однако возможно, что в отношении римлян того времени к Александру играли роль и упоминавшиеся уже более глубокие факторы.

Конечно, личность и деятельность Александра не могли не произвести огромного впечатления на современников и потомков (в этом плане его иногда сравнивают с Наполеоном), в частности и на философию стоиков

³⁸ Braccasi L. Livio e la tematica d'Alessandro in età Augustea // I canali della propaganda nel mondo antico. Milano, 1976. Vol. IV. P. 179—199.

³⁹ Hammond N. G. L. Three Historians of Alexander the Great. Cambridge, 1985.

⁴⁰ Wirth G. Alexander und Rom // Alexandre le Grand: Image et Réalité. Genève, 1975. P. 183—214.

⁴¹ Levi M. A. Augusto e il suo tempo. Milano, 1986. P. 180, 204, 366, 490—496.

и их космополитические планы мирового государства⁴². В Риме он был уже хорошо известен в эпоху республики, хотя у нас нет данных о тогдашнем к нему отношении. Полибий ставил завоевания римлян выше завоеваний Александра (*Polyb.* I. 2. 4—8), но осуждал антимакедонские выступления Демосфена, хвалил Александра за уважение к богам и военные таланты (*Ibid.* V. 9, 9—10; VIII. 19, 1—2; XVIII. 14, 10—14), но в общем особого интереса к нему не проявлял. Вероятно, прав Э. Бэдиан, сомневавшийся в «подражании Александру» Суллы, Мария, Цезаря⁴³. Действительно, никаких фактов, которые бы убедительно подтверждали такое предположение, нет. Очень кратко как человека великого, но не умевшего пользоваться своими победами упоминает Александра Цицерон (*Cic. Tuscul.* II. 12).

Первое более развернутое высказывание об Александре мы находим у Ливия, задумавшегося над вопросом, мог ли бы Александр победить Рим? На вопрос этот он отвечает отрицательно, перечисляя преимущества римлян в доблести, военном деле, подчеркивая резкое отличие римлян как противников от изнеженных, женоподобных персов и индов, победить которых не стоило особого труда (*Liv.* IX. 17—19). Но главное здесь не в этом. Ливий признает, что Александр был гениальным полководцем, но замечает, что слава его обуславливалась его уникальностью среди македонян и греков. Ливий перечисляет римских консулов и диктаторов, с которыми бы пришлось воевать Александру, если бы он вторгся в Италию. Они были не менее доблестными, чем он, и командовали воинами не менее доблестными, чем они сами, а возглавлял их сенат «подобный собранию царей». Александр был велик, но то было величие одного человека, его счастье, длившееся десять лет, а если бы он прожил дольше, пороки, в которых он погряз, не вынеся своей удачи, возросли бы, и неизвестно, каков бы был исход. Деяния одного человека нельзя сравнивать с деяниями римлян, воюющих 800 лет. Фортуна им иногда изменяла, хотя многим внесенным в фасты вождям она не изменяла никогда, и они не вызывали неудовольствия римского народа ни своей судьбой, ни своим мужеством. Македоняне имели одного Александра, в Риме же было много вождей, подобных ему по славе и величию дел. Нигде не было и нет воинов, равных римским по способности переносить трудности и оправляться после тяжелых поражений, которые сломали бы Александра.

В рассуждениях Ливия ярко отразилась все та же катоновско-цицероновская концепция: в Греции были отдельные герои, величие Рима творил весь народ в течение многих веков. Концепция эта сохраняла свою силу и при Августе, несмотря на занятое им исключительное положение, восхваление его поэтами и прижизненное обожествление. По официальной версии, продержавшейся всю империю, народ перенес «свою власть и величество» на принцепса, так что его воспеваемые подвиги и заслуги были славой и римского народа. Как мы видели, так же оценивал Цицерон прославление Энием Сципиона Африканского и других тогдашних «принципов республики». И не случайно Август в своих «Деяниях» подчеркивал, что от своих коллег по магистратурам он не отличался ничем,

⁴² Errington R. M. Alexander in the Hellenistic World // Alexander le Grand... P. 145—184.

⁴³ См. выступление Э. Бэдиана по статье Г. Вирта в том же сборнике.

кроме авторитета⁴⁴. Чрезвычайно отрицательно, как зазнавшегося, жестокого, своевольного тирана характеризует Александра современник Ливий Помпей Трог (Fragm. 81, 101^b, 108^b).

В I в. н. э. оценка Александра не изменилась. Образцом его избрал «тиран» Калигула (*Dio Cass.* 59. 17. 3—6). Сенека считал недостойным философа приписывать «разбои» Александра и Филиппа, причинивших людям не менее бед, чем потопаы и пожары (*Senec. Quest. Nat.* III Proem), и настойчиво повторял, что все подвиги Александра не могут искупить убийства Каллисфена (*Ibid.* VII Proem).

Младший современник Сенеки Курций Руф в специально посвященном Александру сочинении одобрял его, пока он вел простой суровый образ жизни солдата, был милостив и верен слову (*Curc.* 3. 1—19; 4. 1—28; 6. 19; IV. 7—11). Но, победив все народы, он не победил в себе заносчивости и гневливости (III. 18—20). Его солдаты стали распущенными и жадными (III. 11—22; IV. 17—21); войны с ничем не спровоцировавшими его противниками были несправедливы (IV. 10. 29). Требуя божеских почестей, он показал себя недостойным славы и свободолюбивых македонян (IV. 6. 29—32). После смерти Дария он погряз в пьянстве и разврате, предался низменным обычаям, стал суеверен, с соратниками обращался, как с рабами (VI. 2. 1; 6, 1—11; VII. 7. 8). Его развращали греки, поэты из подонков греческих городов со «своиственными их народу порочными нравами», уверяя царя в его божественности и исключительности. Именно греки, со своим пристрастием к ничем не связанным «сильным личностям», по мнению Курция Руфа, сделали тирана из Александра, при всей неограниченности его власти, по существу, человека слабого, не способного в счастии сохранять стойкость и величие духа, в отличие от истинного римлянина, не изменяющего себе ни в исключительном счастии (как оба Сципиона), ни при крушении всех надежд и пред лицом смерти (как идеал всех врагов тиранов Катон Утический).

Оценка Александра у тогдашних авторов характеризует их общее отношение не только к «тиранам», но и к грекам, к эллинистической традиции, все еще в основе своей неприемлемой для большинства римлян, несмотря на распространение эллинской образованности.

Характерны в этом плане некоторые высказывания Квинтилиана, рассчитанные на средние социальные слои. Так, хотя он разделяет модное в то время восхищение Сократом и Катоном Утическим, который предпочел смерть несвободе (*Quintil.* XII. 7), он против увлечения «видимостью свободы», которое приводит к дерзости, может повредить и будет сочтено глупым (XII. 9, 13). Для него актуальна тема «тиранов» и «тираноубийц», но к тиранам он в отличие от идеологов сенатской оппозиции не относит Домициана, высоко ценя его «заботу о всех землях» (*Ibid.* III. 7. 9; X. 1. 91—92). Не осуждает он лиц, выступавших обвинителями в судах, бывших чрезвычайно одиозными фигурами для Тацита и Плиния Младшего. По словам Квинтилиана, обвинения ради награды близки к разбою, но хороший

⁴⁴ Характерно, что такие не менее, чем Александр, «сильные личности», как Марий, Сулла, Помпей, Цезарь, не повлияли на признание римлянами роли в истории «героя», хотя победы Помпея на востоке, а Цезаря в Галлии и гражданских войнах, несомненно, произвели сильное впечатление.

и честный муж, исполняя частный или общественный долг, не должен бояться «имени обвинителя», отказываться от того, чтобы призвать кого-нибудь дать отчет в своей жизни для наказания злодеев, заговоров против республики. Надо знать намерения врагов императора, и изгонять «такую чуму» — это все равно, что сражаться за родину (Ibid. XII. 1. 35; 41. 7. 1—6). Видимо, имея в виду некоторых представителей сенатской оппозиции, Квинтилиан говорит, что есть люди, сами по себе хорошие, но по условиям времени не полезные для республики.

Квинтилиан отражает и отношение средних слоев к эллинистической культуре. Он не одобряет философов, особенно киников и Эпикура, хотя Лукреция наряду с Варроном признает латинским учителем мудрости (Ibid. I. 44; II. 17. 15; VIII. 5. 3; XII. 2. 24; 3. 12). Вообще римские примеры он ставит выше греческих. О бесчисленных примерах заслуг римлян, «самых выдающихся во всех областях людях на земле», говорит и Плиний Старший, но вместе с тем хвалит их за то, что они уважают и заслуги иноземцев, и сам многих из них называет (Plin. Nat. Hist. VII. 28—41; 47. 1—15; X. 2—4). Квинтилиан также считает, что следует знать таких философов, как Сократ, Платон, Аристотель, и их продолжателей, много и остро говоривших о добродетели, честном, полезном, справедливом, добром (Quintil. X. 1, 36—37; XII. 1. 9; 11; 2. 5.), а на эти темы, как и о природных причинах, теперь рассуждают все, даже сельчане (Ibid. I. 16; II. 4. 37; 19. 12; III. 5. 41; 8. 32). Самыми популярными темами выступлений ораторов, замечает он, были рассуждения о добродетели, о республике, происхождении душ, дружбе, истинном благе, способах побеждать страх, жадность, стойкость, справедливость, умеренность, презрение к страданиям — примеры чему давали мужи Рима (XII. 2—30). Как на общеизвестное доказательство бессмертия мировой души и душ индивидуальных, Квинтилиан ссылается на их самодвижение, а в доказательство того, что миром правит мудрость, ссылается на столь же общеизвестный силлогизм: то, чем правит мудрость, лучше, чем управляемое без нее, но нет ничего прекраснее мира, значит, им правит мудрость (V. 14. 9—12). Все это достаточно примитивно и, видимо, предназначено для людей, мало сведущих. Оратор же, по мнению Квинтилиана, должен знать математику, геометрию, астрономию, музыку, труды историков, драматургов, поэтов, художников, скульпторов, как греческих, так и римских, он дает длинный список авторов, которые должны быть прочитаны образованным человеком. Основа образования — изучение Вергилия и Гомера, и нет такого самого невежественного человека, который не имел бы у себя Гомера (X. 1. 48). Греков надо знать, но стремление подражать им происходит от того, что римляне, имевшие многих выдающихся деятелей, неправильно о себе судят (VIII. 3. 33; 3. 36). У греков надо учиться, но не подражать им, ибо ленив ум того, кто довольствуется изобретенным другими, и если бы было иначе, не было бы никакого прогресса (X. 2. 4—8)⁴⁵.

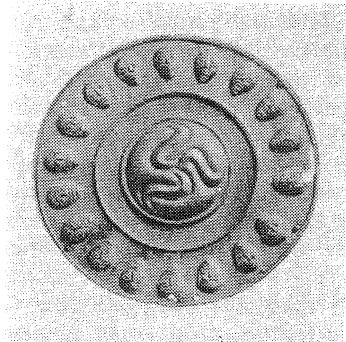
Квинтилиан и его слушатели, преданные императорам и одобрявшие их антилатифундистскую политику, с отвращением относились к «демаго-

⁴⁵ В этой вере в прогресс Квинтилиан сходится с Манилием (I. 66) и Сенекой (Quest. nat. VII. 31). Видимо, в то время вера в науку и ее возможности была достаточно распространена, что так же, как расцвет литературы, говорит о популярности в широких кругах нового императорского режима и возлагавшихся на него надежды.

гам», предлагавшим аграрные законы и переделы земли, а также к киникам, отвергавшим все традиционные ценности (*Quintil.* 4. 37; 16. 5, 7; III. 7. 20, 21; IV. 11. 6; 13. 21; XI. 1. 12; XII. 1. 17), что отразилось также в Псевдоквинтилиановых «Декламациях» (262; 283). Отвращение у них вызывала царская власть и тирания, отнюдь для них не отождествлявшиеся с властью принцепсов. О приверженности к римским традициям говорит уважение к знатности рода (*Quintil.* III. 7. 12—195; VI. 1. 21). В речах постоянно обличаются богачи, но не аристократы, хотя Квинтилиан осуждал тех из них, которые презирали и угнетали низших и считал одинаково недопустимым защищать могущественных против маленьких людей, а тех возмущать против знатных (IV. 11. 19; VI. 1. 21).

При всем уважении к грекам, в этих кругах господствующими оставались римские ценности. Они еще верили, что римские добродетели, римские деятели превыше всех других, что римская культура не уступает греческой, а кое в чем ее превосходит, что римские императоры не цари, ставящие себя над республикой и ее законами, над общиной граждан, а хранители общего блага и что все граждане обязаны им помогать трудиться на пользу республики. Разрыв с традицией осуждался. По словам Квинтилиана, люди, так сказать, солидные, старозаветные, очень отрицательно относились к сочинениям Сенеки, тогда как у молодежи они всегда были в руках. Скорее всего, Сенека, как и другие стоики, отталкивал «истинных римлян» космополитизмом, индивидуализмом (стоический мудрец должен был служить обществу согласно своей «роли на мировой сцене», но превыше всего ставил свои личные суждения, свое личное совершенствование, не считаясь с мудростью и законами «предков»), своим отношением к власти, которой следовало внешне повиноваться при сохранении полной внутренней свободы собственного мнения, своей проповедью презрения ко всему, что испокон века чтилось гражданином римской общины — знатности, высокому положению, приобретенному благодаря заслугам перед республикой, богатству, которое было целью всякого хорошего отца фамилии, хорошего земледельца, прилежно трудившегося ради благосостояния и пользы своей фамилии, что совпадало с общей пользой. Стоический эллинистический идеал, за которым было будущее, так как Рим развивался в сторону уподобления эллинистическим царствам, теперь уже не модифицировался приспособлением к идеалу римскому и был чужд общинной психологии большинства римлян, особенно из средних классов, наиболее приверженных традиции. Чужд и враждебен ей был еще образ необузданной «сильной личности» Александра, и чужд был образ внешне покорного обстоятельствам, необходимости, но внутренне также ничем, кроме своего суждения о природе, долге, добродетели, не связанного стоического мудреца. Отсюда протест против эллинизма в Риме со стороны тех, кто особенно остро этот кризис ощущал. В Риме к ним отчасти принадлежал и сам Август, если не по личным вкусам, то учитывая настроения широких слоев своих сторонников — отсюда его попытки реставрировать римские традиции и ценности, его высокая оценка «Энеиды» и окончательно оформившей «римский миф» «Истории» Тита Ливия. На той же позиции стояло впоследствии большинство императоров I в.

ГРЕЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ И КУЛЬТУРА ЮГА ГАЛЛИИ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

Изучение так называемых «контактных зон» (понимаемых не только в чисто географическом аспекте) имело и будет иметь исключительное значение для исследования кельтских обществ. Наиболее ранние памятники собственно кельтского искусства многим обязаны формообразующим импульсам, шедшим от средиземноморских культур, так что стало возможным говорить, что искусство это «вышло из средиземноморской культуры»¹. О том, что путь, которым пошло его развитие после перехода от гальштатта к латену в середине первого тысячелетия до нашей эры оказался глубоко своеобразным и вел в ином направлении, чем шли традиции античного юга, написано уже немало.

Своего рода контактной зоной, как географически, так и хронологически, был процесс романизации Галлии после завоевания ее Римом. На территории романизирующихся провинций античный художественный опыт оказал влияние на местную традицию, пробудив встречное движение, выразившееся, в частности, в явлениях, до того кельтскому искусству не свойственных, например в каменной скульптуре и архитектуре. Перед нами опять феномен заимствования не свойственных культуре средств выражения, однако так и не слившихся на этот раз в целостный и внутренне оправданный способ постижения мира. Причины здесь прежде всего более общего свойства — деформации социально-экономической и культурной традиций.

Не вызванные насильственным подчинением, а связанные с долгими контактами и взаимовлиянием явления можно наблюдать и еще в одном, совершенно особом контексте. Речь идет о значительных территориях юга Галлии, которые в течение ряда веков испытывали значительное воздействие античных центров Средиземноморского побережья Галлии, главным из которых была Массалия.

Однако прежде всего проследим этапы развития галльского общества. Приблизительно с начала III в. до н. э. весь юго-запад Галлии испытывает усиливающееся культурное, а затем и прямое влияние кельтских племен. Знаменитые находки торквесов из Ласгрэсса, Монтана, Фенуйе и браслетов из Тарна, Ласгрэсса и Орияка, которые зачастую не имеют прямых аналогий в кельтском мире², демонстрируют тем не менее непосред-

¹ Kruta V. Les Celtes. P., 1979. P. 84.

² Mohen J.-P. La présence celtique dans le Sud-Ouest de l'Europe: Indices archéologiques // Les monuments celtiques du V au I s. av. n. é. / Ed. P.-M. Duval, V. Kruta. P., 1979. P. 32 sq.; Fig. 5—8.

венную зависимость от кельтской технологии и художественного стиля. Эти необыкновенно пышные и дорогие предметы иногда связывались с легендарными богатствами кельтского народа вольков, когда-то соседей бойев в Центральной Европе, части которого оказались потом в Малой Азии и на крайнем юго-западе Европы³. О сокровищах этого племени, принесенных в дар богам недалеко от современной Тулузы и в 106 г. до н. э. разграбленных римлянами сообщает со слов Посидония Страбон (Strab. IV. 1. 13). Неясно, можно ли связывать все перемены, постигшие области к западу от Роны только с исторически зафиксированным вторжением этого народа⁴, но остается фактом, что они прослеживаются на очень широком материале, который был выделен и проанализирован еще Ж. Дешелеттом⁵.

В описываемое время отмечается не только количественный рост памятников латенской культуры, но и важные качественные сдвиги. Ж. Жаннорэ, анализируя историю оппидума Энсерун, отметил следующую закономерность. Если в V—IV вв. до н. э. латенские памятники локализуются в основном в некрополях, а на территории поселения встречаются лишь отдельные экземпляры и подражания, то во второй половине III в. происходят значительные перемены в устройстве самого оппидума⁶. Сохраняя свои отличительные черты (устройство домов и планы основных улиц), он сильно расширяется и перестраивается, причем в слоях этого времени найдено большое количество украшений, орудий труда и керамики, непосредственно связанных с ремесленными традициями центра Галлии. Местное производство керамики, ориентация которого на северные образцы заметна уже в конце IV в. до н. э., практически целиком трансформируется в этом направлении. При сохранении в то же время очень многих местных традиций речь не может идти о резком насильственном перевороте в образе жизни поселения — перед нами, скорее, итог усиливающегося проникновения все более крупных военных отрядов, устанавливающих военное господство, а затем постепенно смешивающихся с коренным населением, вызывая существенные культурные сдвиги⁷.

Так было, однако, не везде и существует немало примеров поселений, разрушение которых приходится именно на это время, но чья последующая история (если она продолжалась) демонстрирует те же закономерности, что и в Энсеруне. Подтверждение этого положения мы получаем несколько позже, со II в. до н. э., когда здесь начинается чеканка монеты, позволяющей узнать имена кельтских правителей местных племенных объединений⁸. На то же самое и даже для еще более раннего времени указывают и сведения авторов — Полибия (III. 37. 9), Тита Ливия (XXI. 26. 6), повествующих о народах, встреченных Ганнибалом во время своего продвижения

³ Powell T. G. E. *The Celts*. L., 1967. P. 147.

⁴ Barruol G. *Les civilisations de l'âge du Fer en Languedoc // Préhistoire Française*. P., 1976. P. 683.

⁵ Déchelette J. *Manuel d'Archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine*. P., 1914. Vol. II. P. 1055.

⁶ Jannoray J. *Enserune: Contribution à l'étude des civilisations préromaines de la Gaule meridionale*. P., 1955. P. 403 sq.

⁷ Mohen J.-P. *La présence...* P. 41.

⁸ Colbert de Baulieux J.-B. *Traité de numismatique celtique*. P., 1973. Vol. 1; Deroc A. *Monnaies gauloises d'argent de la vallée du Rhône*. P., 1983.

в Италию. Более поздние источники согласно говорят о двух ведущих объединениях правобережья Роны — вольках арекомиках с центром в современном Ниме и вольках тектосагах, чьей столицей (условно говоря) была Тулуза. Надо думать, что внутри этих племенных объединений существовали и более мелкие племена, названий которых мы не знаем. Влияние их на культуру местного населения возрастает в прогрессии вплоть до римского времени и основания на юге страны римской провинции. Попытки вольков отстоять свою самостоятельность были пресечены римлянами в 106 и 76—74 гг. до н. э., после чего их история вступает уже в новый этап.

В восточных районах южной Галлии также можно отметить разнообразные типы поселений, которые развивались с конца бронзового века и, возможно, соответствовали различным этническим группам. В V в. до н. э., как и на правобережье, здесь получают большое распространение укрепления на естественных возвышенностях, при этом продолжают существовать и некоторые поселения в долинах⁹.

Подавляющее их большинство, как, впрочем, и в других районах юга, было весьма скромных размеров — около 1 га, редко 3—5 га. Иногда довольно трудно понять, почему иные из них оказываются в определенное время покинутыми: знаменитый пример пяти поселений, располагавшихся в департаменте Вар на возвышенности вокруг долины, каждое из которых существовало не более 35—40 лет в течение V—IV вв. до н. э., — лишь один из наиболее типичных. Разнообразие их на юге вообще столь мало сводимо к каким-то закономерностям, что побудило очень авторитетных историков утверждать, что термин «культура оппидумов» не продуктивен для анализа социального, культурного, экономического или политического развития этих поселений, которые были связаны лишь с устремлениями «определенной человеческой группы подчеркнуть свою монолитность, возводя укрепления и тем самым заявляя о себе как о целом и владельце некоторой территории»¹⁰. Вряд ли дело обстоит именно так, и некоторые соображения по этому поводу мы выскажем ниже.

Данные топонимики¹¹ рисуют исчерпывающую картину абортгенности местного населения в районе к востоку от Роны, но отражают и общий с западными регионами процесс проникновения сюда кельтов. Разница лишь в том, что на востоке он совершался, по всей видимости, с большей интенсивностью. Существуют разные мнения насчет того, на какое время пришелся его основной этап. Если искать исходящие из кельтского мира внутренние импульсы, то можно выделить в этом отношении две эпохи: V—IV вв. и конец III—начало II в. до н. э. Первая из них — это время активных перемен начала латенского периода, приведших к обширным и зафиксированным массой источников миграциям кельтов в южном и юго-восточном направлениях. Вторая — свидетельница начала обратного процесса (наступление дако-гетов на востоке, поражение сенонов и бойев в

⁹ Py M. *Evolution des rapports sociaux de la fin de l'âge de Bronze à la conquête romaine en Languedoc oriental // Archéologie et rapports sociaux en Gaule* / Ed. A. Daubigney. P., 1982. P. 174—175.

¹⁰ Goudin Ch., Kruta V. *Histoire de la France urbaine* / Ed. G. Duby. P., 1980. Vol. 1. P. 143—195.

¹¹ Atlas Historique / Éd. E. Baratier, G. Duby, E. Hildesheimer. P., 1969. Cart 11, 15.

Кельто-
лигурийская
скульптура
«Тараск из Нов».
III в. до н. э.

Северной Италии и т. д.), который привел постепенно к необратимому уменьшению территории кельтского мира и миграциям населения в обратном направлении — с востока на запад (белги). По нашему мнению, более верна вторая датировка, относительно которой существуют важные как косвенные, так и прямые подтверждения. Так, на рубеже III—II вв. южная «культура оппидумов» переживает серьезные испытания. Многие из поселений этого типа разрушаются (Тет-Негр, Нотр-Дам-де-Питье, Бонра, Ла-Бори-дю-Лу и многие иные), другие покидают жители, в третьих отчетливо заметна смена состава населения или его увеличение, вряд ли объяснимое естественными процессами. Итог этих перемен в целом исключительно положительный: в последующее время появляются новые оппидумы (часто большего размера, чем в предшествующую эпоху), многие из них перестраиваются (Сен-Марсель, Сен-Пьер), а другие расширяются

(Пьерредон, Энтремон?)¹². Весьма интересно, что в это же время заметно ускоряется развитие центра эллинского влияния самой Массалии. Как бы то ни было, речь может идти только об основном этапе движения кельтов на юг, ибо процесс «кельтизации» территории современного Прованса, как и районов Лангедока, совершался постепенно и медленно, а начало его установить практически невозможно.

Еще в ранние времена древние употребляли выражение «кельто-лигуры» (*Strab.* IV. 6, 3), которое вряд ли имело точное этническое значение и отражало лишь сам факт наложения в районах юга двух этнических слоев. Все данные говорят о том, что кельтский элемент играл здесь ведущую роль (конечно, с определенного времени). Территорию левобережья Роны населяло до семидесяти племен кельтского происхождения, причем далеко не все из них, естественно, имели полную самостоятельность. Наиболее заметными из них были кавары, обитавшие вдоль долины Роны, саллювии — вдоль побережья и в непосредственной близости от Массалии, а также воконтии, проживавшие несколько севернее. Данные нумизматики позволяют очертить приблизительные границы занимаемых ими территорий. В этом контексте стоит упомянуть и сильное племя аллоброгов, располагавшееся еще севернее.

Насколько можно установить¹³, племенной союз каваров включал мелкие племена меминов (деп. Воклюз), трикастинов (деп. Дром) и сеговелавнов (деп. Дром), которые имели владения частично и на правом берегу Роны. Воконтиям в некоторой степени подчинялись авантики и вертамокории, а саллювиям — либиции, аватики, анатилии, дексиваты. Конгломерат этих и многих других народов к зафиксированному в письменных источниках времени находился под своего рода протекторатом одного из самых могущественных племен Галлии, арвернов, главным поселением которых был знаменитый оппидум Герговия на правобережье Роны. Арверны, располагавшие внушительными военными резервами, по свидетельству Страбона (IV. 2. 3), распространили свою власть до границ владений массалиотов, «до океана, до Рейна». Хотя эти сведения относятся к более позднему времени и, несомненно, преувеличены, объективные данные показывают, что экономическое влияние этого племени на соседей было действительно очень велико, а для многих из них (кадурки, рутены) означало полное подчинение¹⁴. Когда зародилась военная и экономическая «империя» арвернов, сказать трудно, но в III в. до н. э. она была уже свершившимся фактом, ибо к 207 г. до н. э. арверны упоминаются как оказавшие военную помощь войскам карфагенян (*Liv.* XXI. 26; XXVII. 39). Она сохранялась вплоть до 121 г., когда попытка предоставить помощь племени аллоброгов кончилась для них сокрушительным поражением. Таким образом, и на левобережье Роны налицо два фактора, имевших долговременное и постоянное значение: кельтизация юга, т. е. проникновение сюда все в большем количестве кельтских этнических групп, и вовлечение юга в сферу политической и экономической активности крупных кельтских

¹² Goudinau Ch., Kruta V. Op. cit. P. 143—195; Arcelin P. Evolution des rapports sociaux dans la basse vallée du Rhône. P. 190—191.

¹³ Barruol G. Les peuples... P. 200 sq.; Deroc A. Op. cit. P. 28.

¹⁴ Colbert de Baulieux J.-B. Op. cit. P. 202.

племен, располагавшихся севернее, прежде всего арвернов. Оба эти фактора имели, как мы увидим, большое значение для взаимодействия эллинистических центров юга (особенно Массалии) с внутренними районами Галлии.

Появление укрепленных центров галлов на юге происходит в то время, когда в центральных районах кельтского мира исчезают старые галштаттские укрепленные поселения («княжеские центры»), а новые появляются самое раннее в III в. до н. э. Разнообразие типов поселений может быть проиллюстрировано примерами оппидумов в Тарадо (деп. Вар) и Энсерун. Общим для них является лишь сам тип укреплений из сложенных сухим способом камней и наличие прямоугольных или квадратных в плане жилищ. Распределение же последних внутри поселений совершенно различно: в первом случае жилые помещения располагаются вдоль стен оппидума, оставляя в центре значительное незастроенное пространство, во втором же вся площадь поселения застроена равномерно, причем, как мы писали выше, в определенный момент из-за недостаточности площади появилась необходимость в расширении пространства и перепланировке улиц и строений. Это имело место, однако, уже в более позднее время.

В раннюю эпоху распространилось сооружение башен, которое прошло определенную эволюцию. В раннее время (иногда с VI в. до н. э.) чаще всего строились квадратные башни, а после IV в. обычными становятся круглые, что прямо противоположно эволюции подобных сооружений в Массалии. Употребление камня для строительства жилищ также распространяется на юге Галлии значительно раньше, чем в центре (VI в., Сен-Блэз), причем сначала доминируют вполне однотипные постройки площадью около 15 кв. м и лишь с IV—II вв. до н. э. наблюдаются многокомнатные постройки в два-три раза большего размера. Обычными они становятся, однако, лишь со II в., и тогда же внутри них можно обнаружить следы широко дифференцированной и развитой хозяйственной деятельности (это относится главным образом к левобережью Роны). Для объяснения феномена «протоурбанизма» выдвигались и продолжают выдвигаться различные гипотезы. Хотя, как было сказано выше, анализ социального развития обществ юга становится в последнее время все более тонким, он дает сейчас гораздо меньше ответов, чем ставит вопросов¹⁵.

Прежде всего не удается выделить отчетливую «местную составляющую» описанных явлений. Рубеж нового железного века на юге не приносит отчетливых хозяйственных сдвигов, нарастания неблагоприятных демографических явлений или обострений социальных противоречий, какие можно проследить или предположить для кельтских обществ центральной зоны¹⁶. Все данные говорят о том, что экономическая система не претерпела существенных изменений. Внутренняя структура жилых помещений также не свидетельствует о какой-либо хозяйственной специализации и, по существу, является транзитивной в новом виде предшествующих форм жизни, характерных для неукрепленных поселений с неупорядоченным расположением достаточно примитивных по конструкции хижин. Насколько можно

¹⁵ Arcelin P. Op. cit. P. 194—195.

¹⁶ Kruta V. Les Celtes. P. 65 et suiv.

заклЮчить по археологическим данным¹⁷, основой экономики оставалось сельское хозяйство, дополняемое побочными занятиями охотой и собирательством. Ни виды возделываемых продуктов питания, ни костные остатки домашних животных не говорят о каких-либо сдвигах в этом отношении.

Следы ремесленной деятельности в оппидумах юга (особенно правобережья Роны, где ситуация и в целом более стабильна, чем на другом берегу) однообразны и количественно очень невелики. Хотя мы имеем данные о металлургическом и гончарном производстве, ткачестве и т. д., но все они базируются на материале, настолько количественно небольшом и разбросанном, что, по словам М. Пи, до эпохи римского завоевания он не видит оснований «говорить на базе имеющихся данных о подлинном местном ремесленном производстве»¹⁸. Хотя это утверждение и слишком категорично, в основном оно соответствует истине. Так, материалы раскопок оппидума Энсерун (повторяем, практически единственного, изученного досконально) содержат очень мало металлических изделий раннего времени (несколько украшений), очень грубую керамику, изготовленную без применения гончарного круга из весьма грубого теста и, что очень характерно, несколько орудий из кремня, прямо восходящих к неолитическим образцам и типичных для слабо развитых сельскохозяйственных обществ. Подобные орудия сохранялись в таком культурном контексте, в котором возможно было бы ожидать эквивалентных им металлических изделий¹⁹. Эта ситуация, по общему мнению, характерна для большинства местных поселений по обоим берегам Роны.

Выше уже говорилось, что феномен «протоурбанизации» по крайней мере до более углубленного изучения материала из низинных некрополей нельзя объяснить ранними кельтскими нашествиями с севера, ибо проникновение типично латенской культуры на юг на раннем ее этапе было делом постепенным и не свидетельствующим о перемещении крупных людских масс. В этом положении само напрашивается предположение, что описанные явления должны были стимулироваться каким-нибудь третьим фактором, а именно влиянием греческой цивилизации юга: вспомним слова Юстина о том, что именно массалиоты научили галлов устройству каменных стен. Одно наблюдение как будто подтверждает такой взгляд на вещи. При всей относительности многих хронологических выкладок есть основания думать, что первые укрепленные поселения возникали ближе к морскому побережью (на правом берегу: Латт, Эпейран и др.) в первые десятилетия VI в., а затем уже в более отдаленных областях, причем независимо от того, укреплялись ли старые поселения или основывались новые²⁰.

Совершенно очевидными являются контакты этих поселений с самого раннего времени с греческими центрами, прежде всего с Массалией. Пример Энсеруна здесь опять же показателен. Как и практически везде вдоль побережья отношения с античными центрами для первой половины второго железного века (VI—III вв. до н. э.) документируются здесь почти исключительно керамикой. Наиболее ранние ее образцы восходят к VI в.

¹⁷ Py M. *Agriculture et artisanat: éssort économique du III s. au I s.* / *Dossiers de l'Archéologie*. 1979. Vol. 35. P. 90 et suiv.

¹⁸ Py M. *Agriculture...* P. 180.

¹⁹ Jannoray J. *Op. cit.* P. 99—102.

²⁰ Py M. *Agriculture...* P. 180.

до н. э. и представлены несколькими фрагментами ионийской керамики, которые свидетельствуют о том, что эти места уже в раннее время посещались греками из Массалии или Эмпориона, которые поддерживали связи со своими исконными центрами²¹. Со второй половины VI в. растёт количество керамики, подтверждающей непосредственные и преимущественные связи оппидума с Массалией, речь идет о керамике местного производства, притом что ионийская и аттическая керамика, обычные в Массалии и Эмпорионе, здесь отсутствуют практически совершенно. Ж. Жаннорэ, исследовавший описываемый материал, справедливо замечает, что речь может идти для этого времени лишь о сосудах, не имеющих сами по себе никакой ценности и служивших лишь для транспортировки вина или масла. Забегая вперед, скажем, что это прямо противоположная ситуация, наблюдаемой для этого же времени в центральных областях латенской культуры.

В самом начале IV в. до н. э. картина меняется, и с этого времени серии керамики, импортированной из различных средиземноморских центров и произведенной в Массалии, практически уравниваются. Первые серии достаточно верно отражают смену художественных стилей и экономико-политических влияний в Средиземноморье, однако, и это важно, практически ничего не говорят о каких-либо качественных этапах взаимоотношений Массалии и местного населения оппидума²².

Это наблюдение верно не только для этого поселения, которое словно отражает, но не вбирает в себя влияния связанных с ними соседей. Нужно отметить и следующее обстоятельство. За редким исключением (поселение Пег, к примеру, о котором будет сказано ниже), почти нигде не видно местных подражаний импортной керамике, как, например, в Испании. Причины подобного положения видели, среди прочего, в том, что влияние Массалии в противоположность Эмпориону в это время не ослабевало, а, напротив, вступало в период расцвета. Возможны и более простые объяснения, как, например, отсутствие в этих местах производства оливкового масла и вина вплоть до римского времени и, следовательно, необходимости производства некоторых типов сосудов, но и они не могут быть универсальными. Трудно подкрепить фактами и предположения о более враждебных, чем в Испании, отношениях греков с варварами²³. В то же время многие данные подтверждают мнение древних, что река Эро была своего рода границей (*Avien. 611—614*), с местным населением к западу от которой у массалиотов установились отношения более дружественные, чем к востоку. в частности в дельте Роны и в непосредственной близости от полиса²⁴.

Это пытались объяснить большей отсталостью населения восточных районов и, как следствие ее, большей воинственностью и непокорностью. Трудно представить, однако, чтобы такое положение (которое, кстати, очень трудно подтвердить фактами) сохранялось бы долгое время и прилегающие к колонии территории в конце концов не оказались бы наиболее тесно втянутыми в ее политическую и экономическую сферу. Более разумно, как

²¹ Jannoray J. Op. cit. P. 303 et suiv.

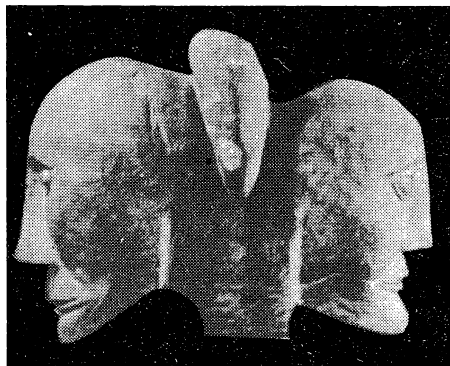
²² Ibid. P. 311 et suiv.

²³ Ibid.

²⁴ Jannoray J. Op. cit. P. 337.

нам кажется, попытаться объяснить это с точки зрения возможной разницы подхода греков к отношениям с племенами западной и восточной зон, которая определялась их экономическими интересами, разной направленностью их торговой политики. Об этом мы и хотим сейчас сказать, но сначала еще несколько замечаний.

Керамические остатки являются наиболее очевидным, но и практически единственным следом греко-варварских отношений этого времени. Не говоря об Агде²⁵, поселении в этом смысле уникальном, нигде мы не встречаем следов постоянного пребывания на территории оппидумов греческого населения, а также прямого введения ими элементов эллинской культуры или опосредованного заимствования их местным населением. Некоторым исключением может явиться только погребальный обряд, вернее, некоторые его черты, связанные, возможно, с дионисийским культом. Некрополи ряда оппидумов содержат намеренно разбитые и обожженные сосуды для вина, служившие, скорее всего, при погребальном обряде²⁶ и захороненные вместе с оружием и украшениями покойного. Подобные памятники встречаются с начала IV в. до н. э., а с его конца и в первой половине III в. появляются захоронения, где в качестве урны для праха используются греческие сосуды. Ж. Жаннорэ предполагал, что и само потребление вина, широко распространившееся по этим территориям с раннего времени, было неотделимо от греческой культовой практики и не сводилось к «коммерческому явлению»²⁷. Этот вывод нельзя считать бесспорным, а само явление типичным, ибо во многих районах Галлии безусловно и широко засвидетельствованное потребление вина не дает оснований думать о какой-то его всеобщей культовой роли²⁸. К сожалению, плохое знание верований и обрядов местного населения юга препятствует лучшему пониманию описанных явлений. Бесспорно, во всяком случае, что та или иная степень религиозного синкретизма имела место, как об этом свидетельствуют древние авторы. О распространении центрального для Массалии культа Артемиды, а также Афродиты и Геракла говорит Страбон (IV. 1.3; IV. 1.5), причем имеются в виду опять же территории к западу от Роны, тяготеющие к иберийскому миру, и сам этот мир²⁹. Однако нам неизвестны местные составляющие этого явления и оценить его глубину практически невозможно.

Так называемый
Кельтский Янус из Рокпертюза.
III—II в. до н. э.

²⁵ Villard F. La céramique grecque de Marseille. P., 1960. P. 75—76.

²⁶ Jannoray J. Op. cit. S. 338—339.

²⁷ Ibid.

²⁸ Это не значит, что такая практика неизвестна, см.: Dechelette J. Op. cit. Vol. IV. S. 547—552.

²⁹ Clavel-Lévêque M. Das griechische Marseille // Hellenische Poleis. B., 1974. Bd. 2. S. 927 u. folg.

Из сказанного можно сделать вывод, что, хотя отношения варварской периферии с греческими центрами, и прежде всего Массалией, были постоянным фактором жизни южной Галлии с VI в. и материальных следов этих отношений сохранилось немало, употреблять термин «эллинизация» в этом контексте было бы неоправданно. Мы не имеем никаких оснований думать, что греческое присутствие оказало серьезное влияние на культурную и социально-экономическую жизнь местного лигурийско-иберийского населения. Доминантой для него в первые два с небольшим века контактов остается развитие по тем линиям, которые выкристаллизовались в предыдущую эпоху, хотя развитие экономических отношений с греками безусловно внесло в них некоторые коррективы.

Некоторые исследователи резонно замечают, что между наблюдаемыми явлениями много на данный момент неустрашимых противоречий³⁰. Так, пока трудно установить, почему раскопки одних поселений дают много импортной и высококачественной местной керамики, а других, подчас соседних, существенно меньше. Свидетельствующая о развитом обмене керамика из ряда населенных мест (Арль, Латт) иногда почти не связана с явлениями упомянутого нами «протоурбанизма». Так, поселение Пег. уникальное по количеству импортной керамики и ориентированного на нее местного производства, наименее развито в этом смысле. Нет однозначных заключений и о влиянии греков на внутреннее социальное развитие коренного населения оппидумов. Один из наиболее ярких примеров хозяйственного развития, отразившегося в структуре жилищ (дома из трех и четырех помещений с многочисленными следами активной хозяйственной деятельности), оппидум Наж, дает совсем мало свидетельств торговых связей с греками. Подобное перечисление можно было бы продолжить. Верно ли делать отсюда вывод, что «в теперешнем состоянии наших знаний досье влияний Массалии на местное население является безнадежно запутанным», как пишут К. Гудино и В. Крута?³¹ Мы так не думаем, но, во всяком случае, следует отказаться от многих напрашивающихся, но предвзятых построений³².

Нам кажется, что торговые отношения Массалии с ближней и дальней периферией были изначально не только географически, но и качественно разнородными. Отношения народов центральной зоны расселения кельтских племен со средиземноморскими центрами хорошо засвидетельствованы археологическими и письменными источниками. Переломным в судьбе кельтских обществ был VI в. до н. э., последнее столетие раннего железного века. Для него была характерна резкая социальная стратификация, подтверждаемая раскопками крупных укреплений «княжеских центров» и пышных погребений знати. Именно в них были найдены следы активных контактов кельтского мира со средиземноморскими центрами, особенно многочисленные в южной Германии и по среднему течению Рейна. Первыми посредниками между югом и центром Европы были, без сомнения, этруски. Еще ко второй половине VII в. относятся три этруских бронзовых сосуда,

³⁰ Goudinau Ch., Kruta V. Histoire de la France urbaine. Vol. 1. P. 180.

³¹ Ibid. P. 184.

³² Как, например, тезиса Бордмана о расширяющихся кругах греческого влияния на местное население. См.: Boardman. The Greeks Overseas. 1973. P. 264.

найденных в Арренвире, Вильзингене и Каппеле, а с начала следующего столетия в довольно большом количестве наряду с металлическими сосудами появляется и импортная керамика греческого происхождения³³. В ее числе нойонские чернолаковые сосуды и амфоры из раскопок на Мон-Лассуа, Мантош и т. д. Во второй половине VI в. большое количество импортных изделий сосредоточено на территории Бургундии, причем среди них уже встречается керамика производства Массалии. К той же эпохе относится единственный бронзовый сосуд, знаменитый кратер из оппидума Вика (Мон-Лассуа)³⁴. Керамика представлена как предметами очень высокого качества (Викс, Камп-да-Сален, знаменитый оппидум Гейнебург в верховьях Дуная, где был открыт фрагмент стены, который предполагал либо хорошее знакомство с греческими образцами, либо прямое участие в постройке мастеров с юга, и т. д.), так и массовой продукцией — амфорами для вина, остатки которых найдены и по пути их следования на север, в долине Роны.

На рубеже V в. до н. э. в кельтские области проникают бронзовые сосуды этрусского происхождения. Они концентрируются в долинах Дуная и Рейна, в меньшей мере в Шампани³⁵. Количество керамики, напротив, заметно уменьшается и постепенно сходит на нет (известно всего пять аттических сосудов и несколько фрагментов), а вскоре сокращается и приток других импортных предметов, совершенно исчезающих в IV в. Следы торговой деятельности греков возобновляются только с III в. до н. э. и количество их постепенно нарастает, знаменуя начало наиболее активной фазы развития отношений кельтов и эллинов. Существует несколько мнений о значении двух основных путей, шедших к кельтам из средиземноморских центров: от Массалии по Роне и через альпийские перевалы. Нам, в данном случае, важно лишь то, что существование первого из них хорошо засвидетельствовано источниками и может быть исследовано по периодам.

Нет никаких сомнений касательно основного интереса греков в торговле с внутренними кельтскими областями, каковым являлось получение олова³⁶. Как писал Геродот (*Herod.* III. 115), этот металл попадал грекам «из самых далеких стран», с островов Касситеридов, в существование которых он, впрочем, не особенно верит. Плиний, ссылаясь на Тимея, говорит об острове Иктис, находящемся в шести днях плавания от Британии, где добывалось олово (*Plin. Nat. Hist.* IV. 30). Страбон, упоминая об островах Касситеридах, прямо называет Массалию конечным пунктом, куда попадало тамошнее олово. Более подробно сообщает о том же и Диодор, рассказывая об острове Иктис, где олово покупалось у местных жителей и затем перевозилось через всю Галлию до устья Роны (*Diod.* V. 22). Таким образом, торговцы греческой колонии держали в своих руках конечные точки путей из Иберии и Британии. По сведениям того же Страбона, последний из них шел естественным путем по Роне, Соне и Сене.

Само их количество упоминаний³⁷ только подтверждает важность этой торговли для древней экономики, ибо потребности в олове для изготовления

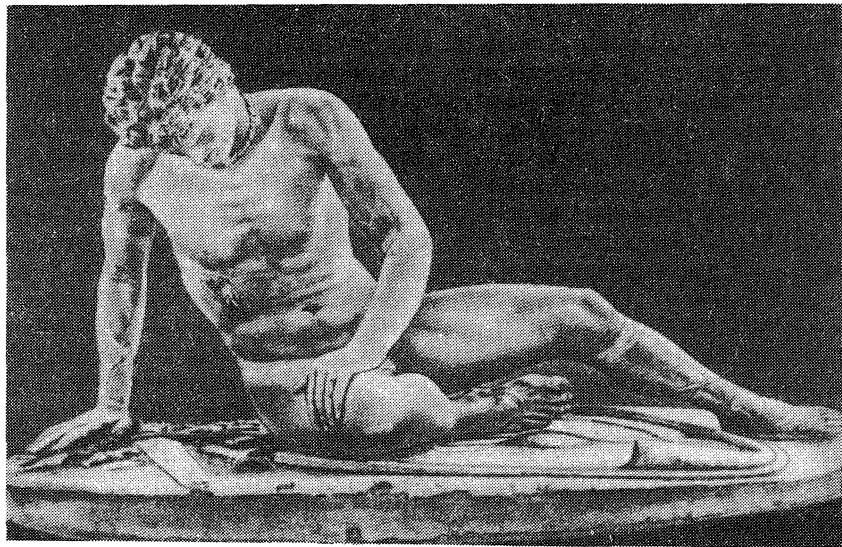
³³ Dechelette J. Op. cit. Vol. III. P. 270.

³⁴ Joffroy R. Le Trésor de Vix. P., 1954.

³⁵ Kruta V. Les Celtes des Gaules d'après l'archéologie // Geschichte und Kultur der Kelten / Hrsg. K.-H. Schmidt. Heidelberg, 1986. S. 33 sq.

³⁶ Villard F. Op. cit. P. 140 sq.

³⁷ Ibid. P. 143—148.

бронзовых изделий постоянно оставались на высоком уровне. Между тем месторождения этого металла в Испании, Арморике и Корнуолле оставались во все рассматриваемое время единственными источниками его добычи, причем более легкие разработки на поверхности велись исключительно на севере.

Достаточно сложно определить время, когда перевозка олова стала проходить по суше, независимо от того, начиналась ли она в устье Сены или Лауры. Давно известно, что наиболее ранним способом транспортировки были каботажные плавания вдоль западного побережья Галлии, известные с позднебронзового и гальштаттского времен³⁸. Морские пути никогда не были в руках греков; так, Страбон (III. 5. 11) прямо говорит, что финикийцы одни посещали Касситериды и скрывали от всех пути своих плаваний. Важным шагом в разрушении их монополии явилось плавание на север массалиота Пифея (конец IV в. до н. э.). Организованное, естественно, не без поддержки города, оно могло иметь целью исследование богатых ценным металлом районов и установление прямых контактов с местным населением. Ф. Вийар справедливо задается вопросом, какой смысл был бы в такой рекогносцировке, если бы эти контакты существовали издавна и поддерживались без перерыва³⁹. Однако он выступает только против двух крайних точек зрения, согласно которым торговля оловом по сухопутному пути существовала либо все время с VI по I в. до н. э., либо началась лишь с III в. Сам же Вийар высказывает предположение, к которому мы считаем нужным присоединиться: сухопутная торговля оловом действительно велась в VI в., но была прервана в V и IV вв., прежде всего в связи с событиями, совершавшимися внутри Кельтского мира (внутренние конфликты и миграции начальной и второй фазы латенского времени).

³⁸ Dechelette J. Op. cit. Vol. II. P. 94—98.

³⁹ Villard F. Op. cit. P. 137—159.

Умирающий галл.
Статуя из «Даров Аттала»
в Афинах.
II в. до н. э. Мрамор

Голова галла.
Мрамор

Как мы говорили, торговля массалиотов с центрами позднегальштаттского времени хорошо засвидетельствована. С другой стороны, не вызывает сомнений, что влияние самих этих центров в значительной мере зиждилось на контроле над торговыми путями, по которым перевозили главным образом металлы и соль. Такие крупные поселения на узловых путях торговли должны были привлекать греческих торговцев. Сосредоточение греческой керамики на Мон-Лассуа в слоях именно этого времени достаточно красноречиво. Не менее понятно и то, что пределом ее поступления туда было самое начало V в. до н. э. Многочисленные предметы роскоши и вино (единственные вообще предметы экспорта Массалии) попадали в центральные районы кельтского мира, стоявшего тогда на грани больших перемен, скорее всего, именно в обмен на олово. В какой-то момент, а именно во второй половине VI в. торговля эта сделалась, по всей видимости, основой экономической жизни Массалии, после того как она была сильно ограничена в действиях на море.

Классическая эпоха — наименее документированный и изученный период в истории города. Археологические данные говорят о несомненном упадке экономической жизни колонии в это время. Единственный сохранившийся о нем у Юстина (XIII. 5) рассказ посвящен нападению на город местного вождя с галльским именем Катумандус, которое совпало со взятием Рима кельтами в начале IV в. до н. э. По легенде, он увидел во сне накануне битвы богиню Афину и, пораженный ужасом, вошел затем в город, чтобы не разорить его, а поклониться богине. Как бы не интерпретировать этот эпизод (вполне возможно, бывший на самом деле поражением греков⁴⁰), подчеркнем, что это все-таки именно эпизод, не имевший длительного влияния на жизнь Массалии⁴¹. Даже если и до нее докатилась волна

⁴⁰ Ibid. P. 92.

⁴¹ См.: Clavel-Lévêque M. Op. cit. S. 911.

поднимавшихся в кельтском мире миграций, то столкновение с кельтами не сильно повлияло на жизнь города, уже в середине века вполне оправившись и стоявшего на пороге нового расцвета. В любом случае говорить о широком продвижении на юг кельтского этноса для IV в. до н. э., по нашему мнению, еще рано.

Упадок Массалии мог бы объясняться, по крайней мере частично, какими-то внутренними причинами, однако при отсутствии письменных и эпиграфических источников об этом сказать трудно — единственной опорой может служить лишь взаимоотношение города со своей хорой и определение сравнительных размеров последней. По сообщениям древних, освоение окружающих Массалию территорий происходило в войнах с туземными племенами (*Just.* XIII. 5), а Страбон особенно подчеркивает, что это произошло не сразу, ибо массалиоты вначале заботились прежде всего о морской торговле (*Strab.* IV. 1. 5). Опираясь на эти и другие сведения, об очень небольшой хоре Массалии писали Жюльен, Каркопино и многие другие ⁴². Археологические исследования не подтверждают эту крайнюю позицию, ибо раскопки ближайших к Массалии поселений (Сен-Марсель, Ла-Туретт, Шато-Гомбер и др.), хотя и говорят об устойчивом присутствии здесь греков иногда с очень раннего времени ⁴³, не дают свидетельств сколь угодно широкой хозяйственной деятельности последних. Эти поселения являлись, скорее всего, сторожевыми пунктами на подступах к колонии ⁴⁴. Две вещи можно сказать с уверенностью — хора Массалии в архаическую и классическую эпохи была несравненно меньше той, которой город располагал в эллинистическое время, и, кроме того, даже следы присутствия греков в укрепленных пунктах побережья и несколько севернее не позволяют видеть в них собственно греческие поселения или говорить о той или иной степени их эллинизации вплоть до конца IV — начала III в. до н. э. В этом смысле вполне характерна ошибка Бордмана ⁴⁵, который в числе основанных Массалией колоний безосновательно упоминает и описанный нами выше Энсерун.

Необходимо подвести некоторые предварительные итоги. В настоящее время не вызывает сомнения общая направленность экономической деятельности Массалии доэллинистической эпохи, ее ускорения и замедления, хорошо подтверждающиеся археологическим материалом. Понятно, что «динамика торгового империализма» колонии (выражение М. Клавель-Левек) в значительной, если не в определяющей степени зависела от отношений с внутренними областями Галлии и более северными ее районами, что, конечно, не исключает роли иберийских и этрусских областей. Между тем важными аргументами при изучении активности греков остаются ее следы в местной среде южных областей Галлии, причем речь идет не только об их количественном балансе, но и о феноменах, называемых по-разному: «ассимиляцией», либо «аккультурацией», а проще традиционно — эллинизацией населения, в контакте с которым постоянно находилась Массалия.

⁴² Jullian C. Op. cit. P. 389; Carcopino J. Promenades historiques au pays de la dame de Vix. P., 1957. P. 18.

⁴³ Gallia. P., 1954. Vol. XIII. P. 430.

⁴⁴ Villard F. Op. cit. S. 110 et suiv.

⁴⁵ Boardman. Op. cit. P. 219.

При оценке этой эллинизации выдвигались разные точки зрения, среди которых наиболее резкой является упоминавшаяся выше позиция Ш. Гудино и В. Круты. Эта и другие точки зрения страдают, по нашему мнению, одной слабостью, а именно рассматривают местное население как нечто единое и постепенно эволюционирующее. Только в этом случае несомненное экономическое влияние Массалии удастся согласовать с эллинизацией культурной. Между тем, как мы говорили выше, следов последней нельзя обнаружить ни на одном памятнике: ранее рубежа IV—III в. до н. э. По всей видимости, говоря пока в самой общей форме, местное население не было способно в силу уровня своего социально-экономического развития к восприятию культурного влияния греков. После же упомянутого рубежа, напротив, эллинское воздействие становится несомненным в довольно широком регионе, к которому теперь с полным правом можно применить выражение *Gallia Graeca*.

Рубеж IV—III вв. до н. э. знаменует еще и начало нового экономического подъема колонии, а также значительное расширение ее прямого влияния на окружающие территории. Все эти феномены, если и не могут быть объяснены исходя из одного-единственного фактора, все же связаны, на наш взгляд, опять же с процессами, совершавшимися в глубинных зонах кельтского мира и на этот раз непосредственно облизившими его со средиземноморской зоной Галлии. Процессы эти были растянуты во времени вплоть до конца III в. до н. э., который еще далеко не достаточно исследованный и понятый⁴⁶, был во всех отношениях поворотным в судьбе кельтского мира.

Большие перемены происходили в социальном строе общества, в IV — начале III в. до н. э. характеризовавшегося относительно однородной общественной структурой (конечно, прежде всего по отношению к предыдущему времени с его «княжескими центрами» и т. д.⁴⁷), отсутствием крупных поселений, преимущественным упором на сельскохозяйственную (и конечно, военную) деятельность, рассредоточенностью жилищ и некрополей. Перемены эти привели к складыванию совершенно нового общества, строившегося на заметном социальном расслоении и власти аристократии над массами в той или иной мере зависимого населения, появлением больших поселений-оппидумов, имевших отчетливые общеплеменные и хозяйственные функции. Появление монетного обращения, создание племенных союзов, связанных отношениями наподобие клиентских, и многое другое не возникли, естественно, случайно, и только плохая осведомленность об их предыстории могла давать основания говорить иногда о чисто оборонительном характере новых типов поселений, возникших якобы с возрастанием во II в. до н. э. внешней угрозы кельтскому миру. Все данные, известные к настоящему времени, говорят об их двойственной роли, повторяем, несомненно подготовленной предыдущим ходом развития как центров, во-первых, достаточно протяженных торговых путей и, во-вторых, средоточия хозяйственной деятельности иногда весьма обширной округи. Второе существенно отличает их от «княжеских центров» первого железного века⁴⁸.

⁴⁶ Kruta V. *Les Celtes*. P. 110 et suiv.

⁴⁷ Duval A. *Economies et sociétés en Gaule non-méditerranéenne, III—I s. // Archéologie et rapports...* P. 55—69.

⁴⁸ Kruta V. *Les Celtes*. P. 103 et suiv.

Местная аристократия на новом этапе опять оживила торговые контакты центральных областей с южными, что имело важные последствия как для кельтской культуры, так и для жизни греческой Массалии. Следует отметить, что с течением времени сферы влияния двух этих областей сближаются и чисто территориально, ибо процесс инфильтрации кельтского населения на юг постоянно приобретает все более массовый характер⁴⁹. Именно в этом сближении надо видеть корни социально-экономического развития последующей эпохи и поэтому трудно согласиться с мнением М. Клавель-Левек, которая как один из результатов влияния Массалии на местное население называет превращение «оппидумов-убежищ» в «оппидумы-рынки»⁵⁰. Скорее можно говорить о том, что главную роль сыграли здесь именно импульсы, идущие с севера, или, точнее, новая и очень активная форма столкновения их с южными. Изменения социально-экономической жизни центральных кельтских областей влияли и на перемены в самом характере торговли. Поставки продукции с юга все больше ориентируются не только на высший узкий слой населения «княжеских центров», но и на гораздо более широкие круги, приобретая все более массовый характер. С какой бы осторожностью не подходить к проблеме расширения массалиотской хоры⁵¹, оно, как нам кажется, тоже связано с этим процессом. Товарный характер хоры, который она, несомненно, имела и раньше, приобретает для колонии все большее значение и в этом смысле можно говорить, что кельтскому проникновению с севера противостоит встречное движение с юга.

Владения колонии в этот период вышли далеко за пределы тех «нескольких долин», о которых говорит Страбон (IV. 1. 5). Следует признать, что в любом случае действия колонии никак не могли основываться на применении силы, ибо военный потенциал Массалии, вынужденной привлекать иногда и наемников из местного населения, никогда не был особенно значителен (*Polyb.* III. 41. 9).

На территориях, попавших в описываемое время под непосредственное влияние Массалии, происходят и важные социальные перемены. Отметим, что они совершались параллельно тем явлениям, которые имели место на кельтских территориях севернее. Королевская власть, бывшая до того универсальным институтом на землях юга, постепенно уступала свое место разным формам аристократического правления, хотя у некоторых племен (у салювиев, а возможно и у других) она сохраняется. Большинство ученых согласно с тем, что начиная с III в. до н. э. здесь происходят процессы перегруппировки населения⁵², причем отмечаются два параллельных процесса: некоторого увеличения размеров и населенности оппидумов за счет небольших неукрепленных поселений и перестройки взаимоотношений между оппидумами, насколько об этом можно судить по темпам ускорения развития некоторых из них.

Есть все основания говорить об увеличивающейся плотности заселения южных районов, однако объясняется ли это только притоком населения с

⁴⁹ Kruta V. *Les Celtes des Gaules...* P. 44.

⁵⁰ Clavel-Lèvéque M. *Op. cit.* S. 920 u. folg.

⁵¹ Jannoray J. *Op. cit.* P. 301; Arcelin P. *Evolution des rapports...* P. 192—193.

⁵² Arcelin P. *Op. cit.* P. 186.

севера, как полагает М. Клавель-Левек⁵³, или упомянутой перегруппировкой поселений — также судить трудно. Во всяком случае, неверно говорить применительно к этим явлениям лишь об увеличивающемся влиянии Массалии⁵⁴, ибо вне меняющихся взаимоотношений колонии с северными кельтскими землями оно и само по себе необъяснимо. Р. Арселен⁵⁵ высказывает в принципе верную мысль о том, что влияние Массалии могло проявиться в некоторый момент в качественно новой форме потому, что местное население подошло к своеобразному «рубежу восприятия» и смогло адекватно преобразовать идущие с юга импульсы, однако ни он, ни другие сторонники этой, повторяем, теоретически бесспорной мысли не в состоянии указать на подтверждаемые материалом следы ускорения внутреннего независимого развития южных племен именно в это время. Напротив, предположение о том, что, перестав быть своего рода буферной зоной, южные земли с III в. превратились в непосредственное поле соприкосновения и активных экономических контактов двух крупных культурных ареалов, вполне способно объяснить это явление.

Конечно, анализируя его, надо быть очень осторожным и не забывать, что традиционный социальный уклад племен юга продолжал существовать и теперь в виде своеобразной подпочвы, а в перспективе определил судьбы этого района. Так, если в глубинных территориях Галлии контакты со средиземноморским миром, по общему мнению, предопределили быстроту и степень последующей романизации, то как раз южные территории практически не смогли эволюционно включиться в новые общественные структуры, привнесенные сюда Римом⁵⁶.

Романизация была с самого начала и оставалась впоследствии итогом политического подчинения галльских земель и коренной перестройки социально-экономического уклада жизни населения (там, где перестройка была менее резкой или вообще мало чувствительной, например в сельских местностях, следов романизации меньше, а подчас они и вовсе незаметны), а также оснований его духовной культуры в итоге уничтожения сословия друидов. Эллинизация юга Галлии характеризовалась прямо противоположным.

Традиционное кельтское общество имело специфические культурные традиции, исключавшие две коренные для средиземноморского мира черты — письменность и, условно говоря, реалистическое искусство, ставящее в центр жанровое или нормативное воплощение реального явления в пространстве. Эти традиции были лишь своеобразием, но не ущербностью культуры, богатство которой в других областях сейчас становится все более очевидным⁵⁷. Как и должно быть, корни их лежали в религиозно-магической сфере, контроль над которой в конечном счете воплощали друиды. Однако тип сакральной и культурной организации, воплощавшийся друидизмом, встречал на определенном хронологическом этапе внутреннее сопротивление части общества, чей социальный динамизм она сдерживала. Этой частью

⁵³ Clavel-Lévêque M. Op. cit. S. 922.

⁵⁴ Arcelin P. Op. cit. P. 191.

⁵⁵ Ibid. P. 213 et suiv.

⁵⁶ Ibid. P. 216.

⁵⁷ Duval P.-M. Les Celtes. P., 1977.

была прежде всего военная аристократия, в некоторых районах кельтского мира тесно связанная и с торговыми операциями. Внутренний ход развития кельтского общества неизбежно и практически повсюду приводил к той точке, когда растущий потенциал этой рослойки переставал укладываться в рамки отведенной ей социальной ниши. Очевидна роль, сыгранная ею в эпоху романизации, менее известна, но все же бесспорна ее поддержка христианизации Ирландии. Таково же, надо полагать, ее значение в периферийном для огромного кельтского мира, но весьма своеобразном процессе эллинизации юга Галлии. Своеобразие придавал этой зоне тот факт, что в отличие от романизирующей Галлии средиземноморские культурные традиции впитывало целостное общество, иначе говоря, воспринимавшее их в той мере, в которой оно само деформировалось, но все же не уничтожалось как набор неких составных структур, многие из которых просто исчезли после завоевания Галлии римлянами.

Сказанное можно проиллюстрировать достаточно очевидными примерами. Хотя в эллинизированных землях юга греческое культурное влияние, как и римское, проявило и воплотило элементы местных традиций, произошло это в совершенно несходных формах. Так, если основной призмой преломления традиций в римское время сделались классические божества, впитавшие многие элементы местной символики и иконографии, то на юге Галлии этого не произошло. Несмотря на то что греческие божества были несомненно известны за пределами собственно греческих центров, они нигде не были предметом изображения или почитания в определенных местах культа. Напротив, сами святилища кельтского типа известны нам именно здесь, при том что романизированная позже провинция не дала ничего подобного по степени независимости от античного влияния. Трудно согласиться с мнением Ф. Бенуа, писавшего, что искусство юга Галлии находилось, помимо художественных, под влиянием и религиозных традиций средиземноморских культур⁵⁸. Напротив, как нам кажется, запечатлевшийся в южных памятниках круг религиозных представлений целиком местный, притом еще и ориентированный специально на некоторые стороны, связанные с возвеличиванием военного, героического начала. Эллинское влияние выразилось здесь прежде всего в том, что сами эти памятники появились на свет.

Наиболее интересные и типичные памятники культуры эллинизированного юга происходят из Гланума, одного из наиболее эллинизированных центров прилегающих к Роне земель⁵⁹. Судя по результатам раскопок А. Роллана, его развитие вполне совпадает с очерченными выше параметрами. Находившийся в Глануме источник был, по-видимому, древним местом поклонения, следы же античной культуры встречаются здесь с начала VI в. до н. э. в виде этрусской и массалиотской керамики, а также монет Массалии конца VI—начала V в. До IV в. связи с греческими центрами Гланума ограничивались торговым обменом, однако с начала III в. картина постепенно меняется. В это время поселение переживает активный период строительства, во многом смоделированного по греческим

⁵⁸ Benoit F. *L'art primitif méditerranéen de la vallée du Rhône*. Aix. 1955. P. 10.

⁵⁹ Rolland H. *Fouilles de Glanum*. P., 1946; *Idem*. *Fouilles de Glanum // Gallia*. Suppl. 11. P., 1958.

образцам. Не только ансамбль святилища, но и некоторые частные дома возводятся из прекрасно обтесанных прямоугольных блоков камня, а их планировка, иногда с искажениями, следует за греческой традицией. В это время, как можно предполагать, здесь уже постоянно жило какое-то количество греков-торговцев, а другие приходили поклониться священному источнику, связанному с хтоническим культом⁶⁰.

Между тем сам этот культ явно представлял собой сплав античных и местных традиций, причем вторые различимы наиболее отчетливо. Среди них — почитание отрезанных голов, повсеместно распространенное в кельтском мире. Как известно из островных кельтских литератур, чудесная голова была одним из вариантов представления о владыке потустороннего мира⁶¹. С другой стороны, голова считалась средоточием жизненных сил организма и, в частности, воинской доблести. Античные авторы отмечали кельтский обычай отрезать головы побежденных врагов и прибавать их над входами в свои жилища. Однако только на памятниках юга Галлии мы можем проследить, какую роль играли изображения голов или человеческие черепа в культовой практике. Практически ни одно святилище этих мест не обходится без этого элемента. В Глануме характерные выемки для помещения отрезанных голов или черепов находятся у краев поперечного блока портика святилища — по две у краев длинной стороны и по одной с торцов. По всей видимости, к этому же сооружению относятся использованные в других постройках два вертикальных блока с одной выемкой в каждом⁶², внутри которых находится вытесанный выступ для закрепления черепа.

Подобные конструкции встречаются на юге Галлии в самых разных комбинациях, из сочетания которых можно уловить символику подобных святилищ. Хтонический характер их несомненен, что подтверждается, в частности, посвящением в римское время комплекса в Глануме Геркулесу. Из часто встречающихся в кельтской религии хтонических символов в постройках подобного типа фигурируют изображения змей (святилище в Энтремоне). Важным их компонентом были также изображения голов,

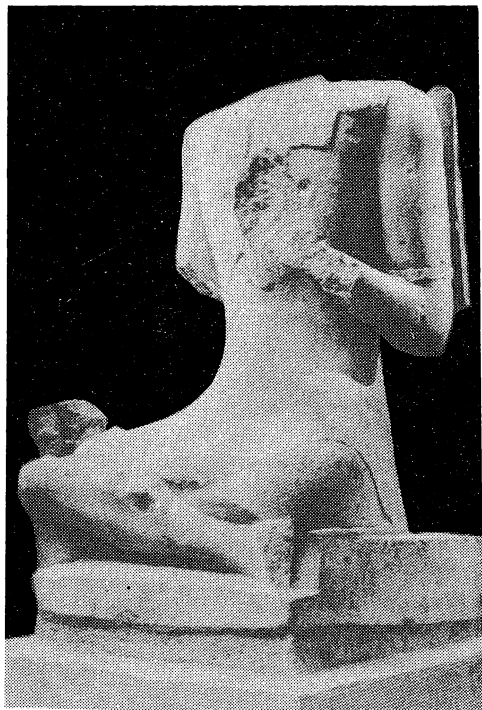

*Изображение голов из святилища
в Энтремоне.
III—II вв. до н. э.*

⁶⁰ Rolland H. Fouilles de Glanum. 1946. P. 22.

⁶¹ См.: Кельтская мифология // Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1.

⁶² Benoit F. Op. cit. Pl. XXV.

Фигура в «буддийской позе»
из святилища в Рокпертюзе.
III—II вв. до н. э.

заменивших человеческие черепа или символизировавших почитаемое божество, например рельефы из Нима, Энтремона, в числе последних есть известный столб с изображениями двенадцати голов⁶³. Насколько глубоко подобные памятники связаны с кельтской культовой практикой и религиозными представлениями, показывают совершенно аналогичные по стилю изображения голов над порталами некоторых средневековых ирландских храмов, где они также располагались над входом, символизировавшим потусторонний мир и были, по всей видимости, связаны с почитанием мертвых.

Культовые комплексы южных городов и до некоторой степени их эволюцию можно лучше всего представить себе на примерах Энтремона и Рокпертюз. Первое располагалось на поселении, бывшем главным центром племени салювиев, в той или иной мере господствовавшего над кельтским населением территории современного Прованса. Энтремон был разрушен римлянами в 123 г. до н. э., и все интересующие нас

памятники относятся к более раннему времени, хотя сам оппидум продолжал существовать и позже. Ни одно поселение юга Галлии не дало такого количества скульптурных изображений, какое найдено здесь в слоях, судя по всему немногим более ранних, чем постройки святилища. Среди большого количества фрагментов статуй, по всей видимости, нет божественных персонажей — это воины или герои, которым поклонялись обитатели города. Они изображены с типичным кельтским оружием и торквесами, иногда в позе, которую называют «буддийской». Интересны изображения коней, а также всадника на лошади который держит копье и везет на шее лошади отрезанную голову.

Можно согласиться с Ф. Бенуа, что многие скульптуры, прежде всего некоторые головы несохранившихся статуй могут быть расценены как «высокое искусство»⁶⁴, однако вряд ли по тем мотивам, которые он приводит, говоря о проникнутости этих традиций средиземноморским художественным опытом. Действительно, найти им прямые прототипы в более раннем кельтском искусстве невозможно (чего, кстати, не скажешь об изображениях

⁶³ Reinach A. Les têtes coupées et les trophées en Gaule // Revue celtique. 1913.

⁶⁴ Benoît F. Op. cit. P. 41.

отрезанных голов и некоторых других, о которых будет речь ниже), но из этого вовсе не вытекает слабость шедшего от него импульса. «Высоким» это искусство может быть названо только в той мере, в которой оно преобразует и деформирует античные прототипы, уходя от всякой индивидуализации к эстетике иератических поз и выражений, стремлению упростить образ и свести его к комбинации пластических символов — черте, общей для искусства кельтского, но в ином варианте и иберийского, чье влияние здесь несомненно чувствуется. Что же касается того, что это искусство возникает как бы из ничего, то не так ли случилось и с представленным гораздо ббльшим числом памятников искусством галло-римским, которое в одной из своих составных частей тоже питалось традициями, отрицавшими то, с чем ему пришлось вступить в соприкосновение, но от этого не менее устойчивыми и прослеживаемыми в памятниках мелкой пластики и отдельных сохранившихся культовых изображениях. Памятники Энтремона — это как бы разные степени преобразования античной художественной культуры, которые интересны, по нашему мнению, тем более, чем более это преобразование было активным.

От места, где было найдено большинство фрагментов скульптур, своего рода «форума» Энтремона, шел так называемый «священный путь» к святилищу, посвященному описанному выше культу. По сторонам его открыты углубления-оссуарии, где, возможно, хранились останки почитаемых героев, культ которых (или которого, героизированного предка?) был центральным для всего святилища. Главным его сооружением был монументальный портик, многие части которого в Энтремоне затем использовались вторично, так что установить их точное первоначальное расположение невозможно.

Напротив, святилище в Рокпертюз, не связанное с определенным поселением, позволяет сделать это достаточно надежно⁶⁵. Расположенное к северо-западу от озера Барр, оно находилось в склоне холма и было устроено на двух уровнях, к которым вели ступени. Здесь также был расположен портик из трех больших прямоугольных каменных блоков с лежащим поперек четвертым (поврежденным), который был увенчан изображением приготовившейся к полету птицы, в чем-то сходной с изображением птицы на одном из кельтских шлемов, найденных в Румынии. Впереди портика, хотя и неизвестно точно как, были расположены две знаменитые статуи в «буддийской» позе, почти аналогичные изображению из Энтремона, но выполненные в более условной манере и лишенные элементов вооружения и украшений. Головы их не сохранились, а положение рук не совсем ясное — возможно, что они имели какие-то атрибуты. На груди и спине статуй сохранились геометрические рисунки, имевшие, скорее всего, неясный нам магический смысл. В этих изображениях, многократно описанных и анализированных, также искали сплав различных художественных и религиозных традиций. Взвешивать их компоненты сейчас не время. В какие бы генетические ряды они не входили, единственно во что они не вписываются — это в представление об итоге медленной и прогрессивной эллинизации южных территорий. Сам факт их возникновения, и об этом красноречиво говорит контекст, в котором они существовали,

⁶⁵ Ibid. Pl. XXVII.

обусловлен прямым соприкосновением греческой и кельтской культур. влияние первой из которых проявило часть потенциала второй, а вместе с ним и многие вторичные для этого искусства черты, свойственные местной культуре южных областей Галлии.

Тот же ход рассуждений подтверждают и ставшие знаменитыми памятники — бюсты воинов из Сент-Анастаза и Грезана, предместья Нима. Найденный на территории вольфов арекомиков бюст из Грезана — один из сравнительно редких скульптурных памятников правобережья Роны. Он изображает прикрытого нагрудником воина в шлеме из кожи, защищающем обе стороны лица и затылок. На шее у воина типичный кельтский торквес позднего латена. Несмотря на некоторые детали украшений, которые сближаются с иберийскими образцами, воин из Грезан (название вполне условно — возможно, что это божество), опять же не имеющий прямых континентальных кельтских прототипов, восходит к традиции этого искусства трактовкой лица и позы персонажа. Еще в большей мере это можно сказать о скульптуре из Сент-Анастази, совсем лишенной индивидуальных черт и близкой к многочисленным кельтским памятникам южных и центральных областей Галлии⁶⁶. Находясь на перекрестке торговых путей, районы юга, конечно, могли воспринять разные художественные влияния. в том числе и этрусские⁶⁷, но доминанта порожденного ими в эллинистическое время искусства, повторяем, от этого не меняется.

По всей видимости, наибольшее влияние античных, притом не только греческих, но и североиталийских прототипов, чувствуется в изображениях зверей и чудовищ, встречающихся как в культовом контексте, так и вне его. Скульптуры львов из Гланума, Савой-ан-Рейаннете, Мурьеса и др. совершенно справедливо сопоставлялись с изображениями из Вульчи, Генуи и Болоньи⁶⁸. Это же касается и знаменитого «Тараска» — чудовища, глотающего человеческую руку и опирающегося лапами на две отрезанные головы, хотя трактовка лиц здесь опять же выдает близость к кельтским образцам. Сам этот иконографический тип не имеет аналогий в искусстве северных областей.

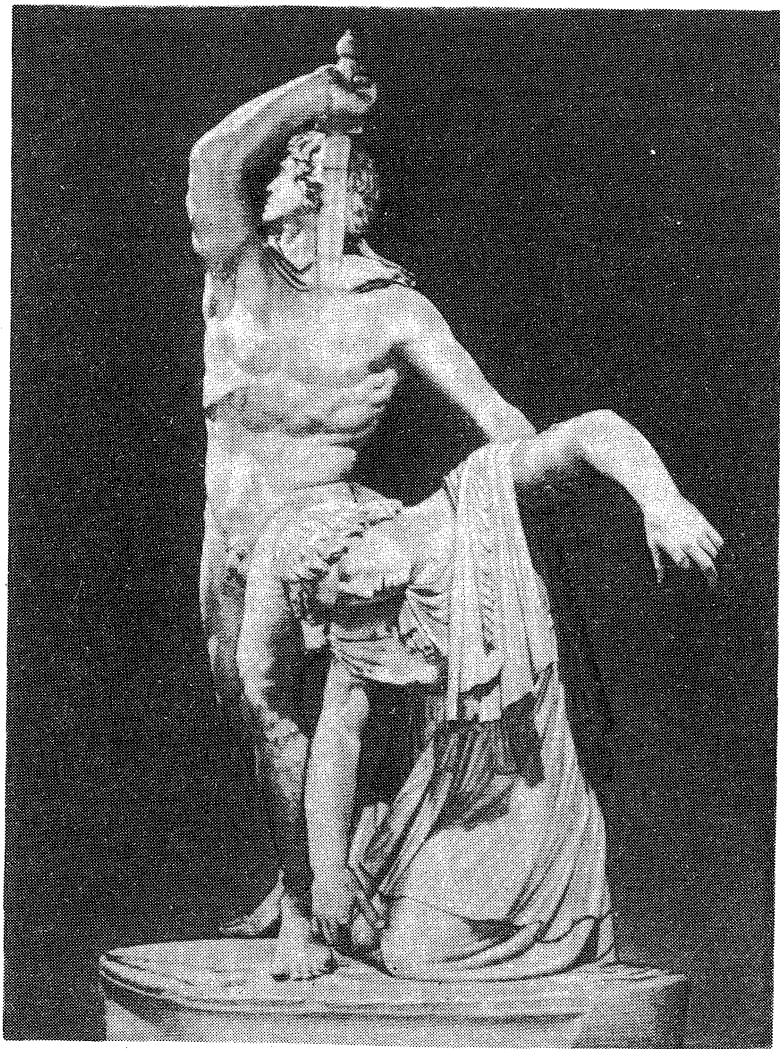
Высказанные соображения отлично иллюстрируются и нумизматическим материалом⁶⁹. В рассматриваемое нами время монетное производство юго-востока Галлии (весьма характерно, что правобережье Роны не знало собственных эмиссий) в экономическом и художественном отношении находилось под влиянием двух центров: Массалии, чьи монеты циркулировали здесь с архаической эпохи, но до определенного времени не вызвали местных подражаний, и племени арвернов, чьи мастерские были продуктивны с III в. до н. э. Эмиссии монет неравномерно распределяются по территориям расселения разных народов, что дополнительно подтверждает разную экономическую и политическую ситуации племенных союзов юга. Так, первыми втянулись в денежное обращение племена, объединенные в федерацию каваров, чьи земли располагались вдоль левобережья Роны и включали многие рано эллинизированные поселения (Гла-

⁶⁶ Ibid. Pl. XXX.

⁶⁷ Ibid. P. 15 et suiv.

⁶⁸ Ibid. P. 34 et suiv.

⁶⁹ Deroc A. Op. cit.; Colbert de Beaulieu J.-B. Op. cit.; Langyel L. L'art gaulois dans les médailles. P., 1954.

*Галл, закалывающий свою жену и себя.
II в. до н. э. Мрамор*

нум, Кабеллио и др.). Напротив, воконтии вообще не имели собственной монеты, используя, впрочем, как и другие народы юга, исключительно массалиотские драхмы и оболы. Многие поселения, находившиеся в прямой зависимости от Массалии (Авенио, Гланум, Кабеллио), чеканили собственную монету, в точности подражая массалиотским образцам или прибегая к помощи мастеров из колонии.

Поскольку экономическая сторона вопроса нас в данном случае не интересует, остановимся на художественных достоинствах монет. В этом смысле они интересны прежде всего тем, что являются практически

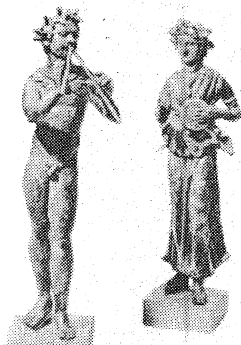
единственными памятниками, распространение которых не ограничивается прямой зоной контакта между кельтской и греческой культурами, ибо в короткие сроки монетная чеканка распространилась на большей части территории Галлии. Связано это было, без сомнения, с теми переменами в общественном строе и экономике, о которых мы говорили выше. Образцами монет для всей Галлии были античные прототипы — статеры Филиппа Македонского, монеты Роды и Массалии. Нам уже приходилось писать, какую эволюцию претерпели они соответственно удалению центров чеканки от Средиземноморского побережья и степени экономической контактности того или иного района⁷⁰. На этой шкале монеты юга занимают свое точно определенное место, прежде всего по степени деформации прототипа. Широко известно, что эта деформация не была в оценочном смысле «варваризацией» и что кельтов нельзя делить на «умных» и «глупых» варваров, умеющих или неумеющих сохранить верность прототипу, который при таком ходе мысли принимается за эстетический эталон. В действительности варваризация имеет место только тогда, когда присутствует стремление к сознательному копированию образца, что происходит очень редко. В большинстве случаев мы наблюдаем перевод изображения в другой эстетический код, обладающий своими приемами и традициями и преобразующий изображение в соответствии с ними. Логика кельтского искусства вела ремесленника к постепенному «демонтажу» изображения, расчленению его на символические элементы, игнорирующие всякое природное сходство. Не хотелось бы впадать в другую крайность и говорить (как это нередко делается в последнее время) об исключительности кельтского взгляда на мир — его своеобычность заметна при первом взгляде на памятники этого искусства.

Дело заключается в том, что особенности стилистики и степень близости к античному прототипу вовсе не зависят у монет юга Галлии от степени эллинизации той или иной области (если понимать под эллинизацией однонаправленный процесс). Так, многие менее эллинизированные области (например, горные районы), хотя и знавшие денежное обращение, не имели собственной монетной чеканки. Напротив, область федерации каваров, о которой говорилось выше, где располагались некоторые прямо зависевшие от Массалии поселения, обладала ею с достаточно давних времен. Казалось бы, и степень эллинизации типов монет должна была здесь быть выше в некоторой прямой пропорции, но это не так. Некоторые центры здесь действительно чеканили прямые подражания греческим монетам, но, с другой стороны, нигде на юге мы не имеем столь своеобразных монет кельтского типа с классическими для этого искусства изображениями лошади⁷¹. Примеры такого рода можно было бы умножить, но и этого достаточно, чтобы показать, что эллинизация юга не была лишь следствием «цивилизующего» влияния Массалии, а проявлялась тогда, когда этому влиянию соответствовал встречный импульс, идущий от общества, достаточно развитого и самостоятельного, чтобы обеспечить вторую составляющую этого процесса.

⁷⁰ Шкунаев С. В. Культура Галлии и романизация // Культура Древнего Рима. М., 1985. Т. II.

⁷¹ Deroc A. Op. cit. Pl. VIII.

ЧЕЛОВЕК И МИР В ВОСПРИЯТИИ ГРЕКОВ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

1. Жизнь в эллинистических полисах

Духовная жизнь в странах Восточного Средиземноморья в III—I вв. до н. э. определялась теми изменениями, которые произошли в общественно-политической структуре и социальной психологии после походов Александра под влиянием сложного взаимодействия разных культур, хозяйственных укладов, социальных отношений. Хотя в отдельных областях сохранялись некоторые особенности в религиозных верованиях, литературе, искусстве, все-таки можно выделить основные черты мировосприятия греков эллинистической эпохи, отразившиеся как в трудах философов и художественных произведениях, так и во вкусах, поведении, обстановке обыденной жизни. Следует сразу заметить, что, говоря о греках применительно к этой эпохе, мы имеем в виду не столько этническое понятие, сколько социокультурное, относящееся к основной массе жителей эллинистических полисов, как старых, так и вновь основанных, к людям, считавшим себя причастными к эллинскому образу жизни, образованности, говорившим на греческом языке «койне».

Широкая, хотя и не всегда достаточно глубокая эллинизация городского населения в областях, завоеванных Александром, была связана с целым комплексом причин, прежде всего со значительными масштабами греко-македонской колонизации Востока. Среди переселенцев, как справедливо отмечает Г. А. Кошеленко, были «вчерашние крестьяне и ремесленники», а также представители античной интеллигенции, носители эллинских культурных традиций¹. Греческий язык был официальным языком администрации эллинистических монархов; в большинстве основанных в восточных областях городов общественная жизнь строилась по греческому образцу (органы управления, гимнасии — центры эллинской образованности, театры); как правило, в таких городах функционировало народное собрание, буле, выборные должностные лица, которые могли по-разному называться, но функции которых были примерно одними и теми же. Городское население, прежде всего граждане, противостояли массе людей, живших в сельской местности, — «царским земледельцам» Египта, «царским людям» державы Селевкидов, жителям деревень на территории полисов, не пользовавшимся политическими правами. Большая часть горожан носила греческую одежду, греческие и македонские имена (назависимо от происхождения²), под-

¹ Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 172—179.

² Например, в одной делосской надписи (Syll.³, 663) упомянут жрец египтянин, носивший имя Аполлоний; его сын и внук также носили греческие имена (надпись сделана внуком около 200 г. до н. э.).

черкивая тем самым свою принадлежность к «эллинству» — эллинской образованности, культуре, гражданской жизни. Такое восприятие понятия «эллин» сложилось постепенно, на протяжении III—I вв. до н. э., но к позднеэллинистическому периоду оно стало нормой и перешло в римскую эпоху: так, например, в Евангелии от Марка об одном из персонажей говорится: «Женщина же была эллинка (в синодальном переводе — язычница), родом сиропфиникиянка» (Марк. 7. 26). Эта деталь никакой особой смысловой нагрузки не несет, для автора важно лишь то, что она иноплеменница, он говорит об ее эллинстве между прочим: по-видимому, ситуация была вполне естественной и для него, и для его читателей. Древние греческие центры «признали» эллинизированных жителей восточных городов: они были допущены к Олимпийским играм³.

Правда, не везде эллиназация проходила с одинаковой интенсивностью: гражданско-храмовые общины Вавилонии сохраняли свой язык, почитали своих древних аккадских богов, пользовались собственной правовой системой и обычаями; иудеи также стремились сохранить свои обычаи, культ, отгораживаясь от чужаков различными запретами: смешанных браков, запрещением поклонения чужеземным богам. Но и в эти общества проникали греческие язык, философия, литература, общеэллинистические виды одежды (прежде всего в среде мужского населения; женщины Ближнего Востока дольше сохраняли свои традиционные одежды⁴) и архитектурные формы. В Иерусалиме во II в. до н. э. по ходатайству эллинизированных иудеев был основан гимнасий, в Вавилоне были выстроены гимнасий и театр; в Египте появляются гробницы знати из египтян, возведенные в греко-египетском стиле (гробница Петосируса и членов его семьи в Гермополе); вавилонянин Беросс и египетский жрец Манефон писали на греческом языке; местные жители Урука, находившиеся на царской службе, прибавляли к своему имени еще греческое⁵.

В свою очередь и греки испытывали на себе восточное влияние, первоначально те, кто переселился в новые города, а затем и жители коренных областей Эллады. Наиболее наглядно оно оказалось в религиозных верованиях (см. ниже), но его можно проследить и на уровне повседневной жизни: под египетским влиянием распространяется разведение небольших садов на крышах (они упоминаются в новоаттической комедии)⁶, начинают встречаться имена с восточными элементами (например, образованные от имен египетских божеств — последние можно найти в списке дельфийских проксенов II в. до н. э. См.: Syll.³, 585). Во II в. до н. э. в Афинах, где классические традиции сохранялись дольше всего, встречаются имена, в которые включены элементы имен восточных, прежде всего египетских, богов⁷. В столь распространенный по всему эллинистическому миру коринфский архитектурный ордер иногда вводятся восточные элементы: египетские — в Башне ветров в Афинах, персидские — в портике на Делосе,

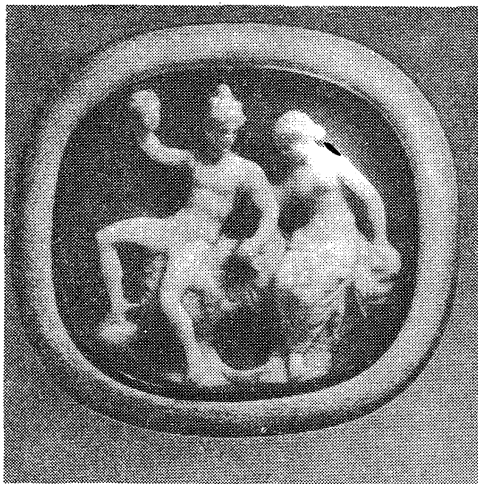
³ Кошеленко Г. А. Указ. соч. С. 176.

⁴ Vardiman E. E. Die grosse Zeitwende. Wien; Düsseldorf, 1978. S. 195 ff.

⁵ О греческих именах в Уруке см.: Sarkisian G. K. Greek Personal Names In Uruk and Graeco-Babyloniaca Problem. Erevan, 1973; Funck B. Uruk zur Seleukiden Zeit. B., 1984. S. 300.

⁶ Schneider C. Die Welt des Hellenismus. München, 1975. S. 110.

⁷ Ferguson W. S. Hellenistic Athens. L., 1911. P. 424.

*Персей и Андромеда.
Камень*

*Ника.
Камень. I в. до н. э.*

в коринфские капители в Элевсине — крылатые грифоны с туловищем льва. Влияние ближневосточной мысли ощущается в произведениях грекоязычной литературы и философии. Так, на протяжении III—I вв. до н. э. начала складываться единая эллинистическая культура, которая в первые века нашей эры под эгидой Рима распространится по всему Средиземноморью и которую вслед за Х. Крейсигом⁸ можно назвать культурой, основанной на городской жизни.

Но единство этой культуры отнюдь не было единообразием; она развивалась динамично и противоречиво, причем противоречия эти были присущи самому мировосприятию эллинов того времени, хотя проявлялись они по-разному в зависимости от времени, места и социального слоя, для которого создавались культурные ценности. К эллинистическому периоду относятся выдающиеся достижения науки и техники — и все возрастающее увлечение магией и астрологией; раболепное восхваление царей — и мечты о социальном равенстве; стремление сохранить полисно-общинные традиции — и постоянное их разрушение; проповедь бездействия — и призывы к активному исполнению долга... Противоречия крылись уже в повседневной жизни горожан, для которой было характерно нарушение традиционных связей, изменение традиционного быта.

Основания новых городов, столь активно проводимые преемниками Александра, перестройка и расширение старых городков и поселений были связаны с массовыми переселениями людей из разных областей: так в Антиохии Сирийской жили афиняне, македоняне (переселенные туда Селевком из Антигонии), критяне, киприоты, аргивяне, ветераны Селевка, в том числе и иудеи, а также местное население. По сообщению Страбона, в Антиохии было два района — европейцев и сирийцев (*Strab.* XVII. 2, 4),

⁸ *Kreissig H. Geschichte des Hellenismus. B., 1982. S. 133—134.*

но между ними не было разделительной стены, во всяком случае, ее следов не обнаружено⁹.

Переселение шло не только в крупные центры, как Антиохия или Александрия, но и в города, расположенные на окраинах эллинистического мира. В Ай-Хануме была найдена надпись — посвящение Гермесу и Гераклу, сделанное Стратоном и Трибеллом; последнее имя, как отмечает Робер, фракийское, оно встречается в виде отчества и в птолемеевском Египте. По-видимому, это были потомки колонистов, некогда служивших в войске Александра¹⁰. В другой надписи из темена Киней (вероятно, ктиста города) сказано, что Клеарх переписал изречения древних мудрецов, которые были записаны в Дельфах (возможно, это был философ Клеарх из Сол)¹¹. Клеарх, принесший с собой копии дельфийских речений, по всей вероятности, добровольно отправился на край ойкумены, чтобы и там распространять эллинскую мудрость. Но переселения могли быть и насильственные, особенно в период борьбы диадохов: Антигон планировал перевести жителей Лебедоса в Теос, а Лисимах — жителей тех же городов в Эфес. Эти попытки не удались, но целый ряд синойкизмов по царской воле был осуществлен¹².

Переселения неизбежно вели к разрыву традиций, нарушению семейно-родственных связей. Люди получали не только новых соседей, новый участок, где не было могил их предков, их не только окружала новая природная среда — они и назывались по-новому — антиохийцами, апамейцами, стратоникейцами; они становились гражданами городов, чье название не было сакрализировано, не восходило к седой древности, а было образовано от имен царей и цариц, их современников. Но и эти названия были непрочными; если город переходил под власть другого царя, он мог получить новое имя: Александрия Трояда и вифинская Никея первоначально назывались Антигониями. Переименовывались и некоторые древние центры: Келены во Фригии стали Апамеей, Алабанда в Карии — Антиохией, Траллы — Селевкией; Селевк IV назвал Берит Лаодикийей Финикийской; даже греческий Лебедос стал на время Птолемаидой, хотя сами греки с трудом привыкали к этому названию (как сказано в одной из надписей, «птолемаисты, которые раньше назывались лебедосцами». — Syll.³, 557). Переименования были внешним выражением ломки традиций, и, хотя далеко не все новые названия прижились, не оказать влияния на социальную психологию и мировосприятие жителей городов этот процесс не мог.

Эллинистические города строились и перестраивались по единому градостроительному плану; центром города был, как правило, уже не акрополь, а комплекс площадей, застроенных общественными зданиями и храмами, украшенными статуями, которые носили в основном декоративный характер. В каждом городе возводились театры, стадионы, гимнасии. Единство градостроительного плана прослеживается и в больших и в малых городах. В Ай-Хануме раскрыта большая улица, пересекающая город (влияние милетской архитектурной школы, как пишет П. Бернар); коринфская колоннада

⁹ Dewney G. A. History of Antioch in Syria from Seleucus to Arabian Conquest. Princeton, 1961. P. 78 ff.

¹⁰ Bernard P. Fouilles d'Aï Khanoum. P., 1985. P. 208—209.

¹¹ Ibid. P. 211 ff.

¹² О переименованиях и переселениях см.: Jones A. H. M. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940. Ch. 1.

напоминает дома с продомосом в Приене, только более монументальна; декоративные украшения также сделаны в греческих традициях (аналогичны настенному декору домов Делоса и Приены¹³): фонтан украшен скульптурными изображениями, в том числе комической маской¹⁴. Однако при сохранении греческих традиций новые города стремились превзойти классические полисы пышностью и размером общественных зданий, многочисленностью статуй, городским благоустройством; повсеместно были устроены водопроводы, во многих городах имелась канализация, в богатых домах были ванны. В крупных городах разбивались парки: таков был знаменитый парковый ансамбль Дафны возле Антиохии, Мусейон и роща Дикастерион в Александрии. В садах и парках разводили растения, привезенные из самых отдаленных мест, создавали искусственные ландшафты, гроты, насыпные холмы, что отражало тягу горожан той эпохи ко всему необычному и экзотическому¹⁵, тягу, которая сосуществовала со стремлением к сохранению эллинских архитектурных традиций.

Монументальность и величественность зданий была характерна не только для столиц: эти черты прослеживаются и на раскрытом архитектурном комплексе в Ай-Ханум: как пишет П. Бернар, они были, вероятно, навеяны живым впечатлением от грандиозных строений персидских царей; отражалась в них и идеология эллинизма, связанная с царской властью («архитектурой престижа» называет он подобные здания)¹⁶.

Афродита Мелосская.
I в. до н. э.
Мрамор. Париж. Лувр

¹³ Bernard P. Fouilles... P. 47—48, 115.

¹⁴ Chamoux F. La civilisation hellénistique. P., 1981. P. 361.

¹⁵ Schneider C. Op. cit. S. 91—92; 109.

¹⁶ Bernard-P. Fouilles... P. 117. П. Бернар отмечает, что святилище Киней, построенное в начальный период существования города, представляло собой типичный небольшой греческий храм; он как бы иллюстрировал неуверенность первых колонистов, но затем, когда город

Грандиозность, декоративность, сложность технических решений при возведении огромных сооружений поражали воображение современников, формировали их вкусы (и в свою очередь отвечали им). Характерно, что именно в период эллинизма появляются первые списки «чудес света», составленные, вероятно, на основе ходячих представлений; только одно собственно классическое произведение было включено туда: статуя Зевса, созданная Фидием, которая восхищала не только своим искусством, но и размерами. Чудом света был назван храм Артемиды Эфесской, отстроенный уже после пожара: он повторял план старого храма, но был еще более грандиозным: основание храма подняли на несколько ступеней выше, количество колонн увеличили, нижние части их были украшены рельефами с мифологическими сценами. Часть статуй и других даров Артемиды помещалась вне храма в специальном портике, открытом для обозрения: это был своего рода музей, демонстрировавший популярность эфесского храма.

То же преклонение перед грандиозностью, необычностью для греков сказывается и в причислении к чудесам света вавилонских сооружений (стен или садов), пирамид, Мавзолея в Галикарнассе. Во всех реконструкциях Мавзолей выглядит несколько тяжеловесным, лишенным той легкости и простоты, которую связывают с классической греческой архитектурой. Но зато он отвечал вкусам не только его создателей, но и людей эллинистического времени: в нем сочетались элементы малоазийской, греческой, египетской и иранской архитектур¹⁷. Новые храмы, превосходящие классические сооружения по размерам и богатству декора, возводятся и в старых греческих полисах: так, Афины строили храм Зевса Олимпийского с огромными коринфскими колоннами, но окончили его уже в римскую эпоху.

Не только общественные, но и частные здания меняют свои размеры и убранство. В этом отношении интересны дома богатых людей, раскопанные на Делосе и в Приене, которые показывают, что новые веяния проникают и в старые греческие полисы и дают представление об общеэллинистическом типе дома (мы уже упоминали о его влиянии на здания и декор в Ай-Хануме)¹⁸.

По-прежнему в городах греческого типа кварталы были небольшие, они застраивались отдельными хозяевами; дома людей среднего достатка в Приене были глинобитными на каменном фундаменте, нижние этажи часто отдавались под лавки и мастерские; богатые дома (и в Приене, и на Делосе, и, вероятно, в Александрии) строились целиком из камня и подчас занимали половину или даже весь квартал (с балконами, террасами, растениями на

окреп, под влиянием архитектуры эллинистических дворцов был возведен монументальный административный комплекс.

¹⁷ Подробнее описание Артемисиона см. в кн.: *Milther W. Ephesos*. Wien, 1958. Реконструкций Мавзолея очень много; наиболее полно разобраны различные влияния на его архитектуру в ст.: *Neuburg N. Greek and Roman Pyramids // Archeology*. 1969. Vol. 22, N 2; см. также: *The Mausoleion at Halicarnassos*. Aarhus, 1986.

¹⁸ *Fyfe Th. The Hellenistic Architecture*. Cambridge, 1936; *Krieses A. Ancient Greek Town Building*. Kopenhagen, 1958; *Vallois R. Architecture hellenique et hellenistique a Delos*. P., 1944. Vol. 1; *Chamoux F. Op. cit.* P. 329 ff (Приена). Некоторое представление о домах в Александрии дают богатые склепы, построенные по образцу дома. См.: *Михайловский К. Александрия*. Варшава, 1970. (На рус. яз.) Ил. 15, 18. В Селевкии на Тигре также раскопаны дома эллинистического типа, который затем эволюционировал к типу восточному. См.: *Mesopotamia*. II. 1967. P. 135 ff.

Фрагмент росписи Казанлыкского склепа в Болгарии. III в. до н. э.

крышах, как можно судить по изображениям); появляется декор на фасаде — богатство стало выставляться напоказ. Особое внимание уделялось украшению перистильных дворигов с фонтанами и статуями. Внутренние помещения богато украшались мозаиками, росписями, дорогой мебелью¹⁹. Характерно, что при сохранении в основном традиционных форм мебели широко использовались и варьировались различные орнаментальные и скульптурные накладки (бронзовые головы животных, сатиров и т. п.); изменения происходили не столько в функциональном назначении вещей, сколько в их декоре. Внимание к интерьеру было связано с новой ориентацией образа жизни, в которой пребывание в общественных местах занимало все меньше времени; реальное положение человека определялось не выступлением в народном собрании, а системой связей с такими же богатыми людьми из своего и чужих городов, с «друзьями царя», с теми людьми, которых данный богатый человек облагодетельствовал. В роскошно убранном помещении можно было принять прибывшего в город царского посланца, собрать круг друзей, туда можно было пригласить просителя, ошеломленного могуществом своего покровителя.

Пределом роскоши, недостижимым образцом был царский дворец и образ жизни эллинистических царей. Дворцы Птолемеев в Александрии занимали огромную площадь; как писал Страбон, общественный темен и дворцы занимали четверть или даже треть всей территории города; каждый царь стремился построить новые помещения в добавление к уже существующим (Strab. XVII. 1, 8). Дворцы Селевкидов были возведены в нескольких городах: в Антиохии, Сардах, Селевкии на Тигре и др. Влияние дворцовой

¹⁹ Chamoux F. Op. cit. P. 217, 377 (ill.).

Фрагмент росписи Казанлыкского склепа в Болгарии. III в. до н. э.

архитектуры Селевкидов и Птолемеев проявилось, по мнению П. Бернара. и в Ай-Хануме²⁰. Дворец в Пергаме по своим размерам был более скромнен: он как бы разросся из большого частного дома с перистилем, но внутреннее убранство его славилось роскошью и художественным мастерством. Именно там находилась знаменитая мозаика в столовой, изображавшая разбросанный на полу мусор²¹. Пергамские цари коллекционировали произведения живописи, за которые уплачивали колоссальные суммы: известна история, переданная Плинием Старшим, о том, как Аттал II заплатил такую огромную сумму за картину «Дионис» при продаже римской добычи после разгрома Коринфа, что римский военачальник потребовал ее обратно, решив, что продавать такую дорогую вещь нельзя (*Plin. Nat. Hist. XXXV, 111*).

Роскошь Селевкидов вызывала насмешки афинских комедиографов, стремившихся сохранить старые полисные традиции гражданского равенства, и зависть простых людей; известен анекдот, как в бане один из моющихся сказал Антиоху IV, любившему мыться в общественных банях: «Сколь блажен ты, царь, источающий такие благовония» (*Athen. 438e*). Во время некоторых празднеств во дворец допускали не только приближенных или просителей, но всех, кто мог пробиться туда через толпу. У Феокрита в XVII Идиллии описан такой праздник в честь Адониса, на который отправляются две александрийские женщины, родом из Сиракуз: они с трудом пробиваются через толпу, проникают во дворец и — с оттенком зависти — восхищаются представленным там богатством, особенно необыкновенным

²⁰ Bernard P. Fouilles... P. 114.

²¹ Swindler W. *Ancien Pointing*. New Haven, 1929. Fig. 488.

Фрагменты росписи Казанлыкского склепа в Болгарии. III в. до н. э.

ковром с изображением Адониса. Те же тенденции можно проследить на терракотовых статуэтках, происходящих из Смирны: они воспроизводили произведения классической скульптуры и золотились — терракотовая фигурка имитировала изделие из золоченой бронзы²².

Ориентация на жизнь верхов сказывалась и в распространении «царских» имен — появляются многочисленные Птолемеи, причем не только среди гражданства Александрии, но и в небольших городах Малой Азии: они упомянуты наряду с Птолемеями александрийцами в списке дельфийских проксенов (Syll.³, 585), Антиохи, Селевки (например, знаменитый астроном II в. до н. э. Селевк Халдеянин), Атталы.

Однако эта ориентация была только одной из многих, составлявших социально-психологический климат эллинистического полиса. Наряду с интересом к жизни высших слоев, со стремлением имитировать их роскошь, ввести в повседневный обиход хотя бы в маленьких терракотовых копиях великие произведения искусства, появляется насмешливое отношение к этим произведениям, к парадности и торжественности многих памятников. Терракоты из мастерских Мирины и Смирны посвящены изображению «уличных типов», сцен из обывденной жизни, причем эти типы показаны не только с насмешкой, но и с симпатией, особенно в изображениях молодых женщин и детей. Таким образом, многие жители эллинистических городов старались сосредоточиться на повседневности, в ней найти и прекрасное и смешное²³.

²² Об эллинистической терракоте см.: Бритова Н. Н. Греческая терракота. М., 1969. Гл. 4.

²³ Н. Н. Бритова полагает, что гротескные изображения эллинистического времени не носили характера «отвратителя зла» в отличие от более древних изображений (С. 114).

Определенные изменения произошли и в одежде горожан. Для нее характерна пестрота, как и для убранства дома. Сохранялся основной тип греческой одежды — льняные хитоны, шерстяные гиматии, но окрашены они в самые разнообразные цвета, насколько можно судить по остаткам раскраски на терракотах и находкам фрагментов тканей при раскопках: светло-голубые, розовые, желтые, зеленые; модной была одежда с вышитыми пестрыми орнаментами, пурпуровой каймой. Из Египта пришла мода нашивать на гиматии бахрому. Золототканые платья назывались «одеждами Аттала», богатые женщины носили пурпурные одеяния, шитые золотом²⁴. В раннеэллинистических Афинах в соответствии с консервативно-полисной установкой большинства граждан были изданы законы против роскоши, особенно женской: им запрещалось носить пурпурные с золотом одежды и ездить в повозках во время празднеств²⁵. Запрещение это говорит само за себя. Женщины вообще много внимания уделяли одежде и украшениям. В той же идиллии Феокрита сиракузянки, прежде чем отправиться на царский праздник, обсуждают свои туалеты, качество купленной материи и шитья (уже собственного). Во время давки на улицах они очень заботятся о том, чтобы не повредить своей новой одежды. Феокрит, разумеется, высмеивает своих болтушек-героинь, его произведение по жанру близко к миму, но материал для добродушного своего смеха он черпал из жизни.

Наряду с яркой одеждой горожан на улицах эллинистических городов мелькали бедные плащи и короткие хитоны крестьян, шаржированные изображения которых сохранились в терракоте, рванные плащи бродячих философов. Появлялись люди в совсем непривычных одеяниях — то ли рабы, то ли варвары: одна эллинистическая терракотовая статуэтка изображает карикатурную фигуру раба (или чужеземца) в нелепой длинной рубашке, мало похожей на хитон, из-под которой торчат короткие широкие штаны²⁶.

Иным по сравнению с классическим периодом становился облик не только собственно города, но и его пригородов; наряду с бедными окраинами появляются пригороды с садами и парками, разбитыми около частных усадеб и украшенными фонтанами, декоративной садовой скульптурой, не имеющей уже ни гражданского, ни религиозного смысла. Зажиточные люди, все больше и больше теряющие чувство гражданской солидарности, стремятся уйти хотя бы на время от городской суеты и тесноты: «Самой настоящей безопасностью бывает благодаря тихой жизни и удалению от толпы», — писал Эпикур (IV. 24).

Многие богатые граждане стремились освободиться от обязанностей в отношении полиса. Так, например, купившие жреческую должность в Приене (характерен и сам факт продажи общественной должности) освобождались от целого ряда налогов (IvPriene. 3; 13, 26, 82, 83, 108 etc.); в одной из надписей сказано, что если покупатель заплатит шесть тысяч драхм, то он будет освобожден от устройства состязаний, гимнасиархии, содержания лошадей, лампадархии и др., если же он заплатит двенадцать тысяч драхм, то, помимо перечисленного, он освобождается также от

²⁴ Schneider C. Op. cit. S. 137 ff.; Vardiman E. E. Op. cit. S. 195 ff.

²⁵ Ferguson W. S. Hellenistic Athens. P. 45 ff.

²⁶ Chamoux F. Op. cit. III. 226.

триерархии, выполнения обязанностей эконома, неопея. Таким образом, чем богаче был человек, тем больше шансов у него было избавиться от обременительных повинностей.

Богатству на одном полюсе противостояла бедность на другом. Денежные отношения проникали во все сферы экономической жизни. Жизнь в городе была дорогой. Ремесленники, изготавливавшие не только предметы роскоши, но и обыденные вещи, стремились получить богатого покупателя, заламывали большие цены, стремясь убедить клиентов в особом качестве своих изделий: в одном из мимов Геронда покупательница торгуется с сапожником, но так и уходит ни с чем; сюжет отражает, вероятно, обычную ситуацию, где смех могли вызвать и модница, и набивающий цену сапожник (впрочем, за стремлением набить цену, может быть стояла и дороговизна производства для самого ремесленника...). Состав бедного населения города был разнообразен: мелкие ремесленники, многочисленные наемные работники (сохранились надписи о строительстве на Делосе, в Дельфах, Дидимах, где упоминаются наемные работники, трудившиеся часто вместе с рабами). Такие работники получали поденную плату в зависимости от квалификации примерно от 2 до 4 оболов в день по данным III—II вв. Были и наемные рабочие, которые получали плату ежемесячно (в целом она была ниже поденной). Два обола, по подсчетам Тарна²⁷, были прожиточным минимумом для одного человека при цене 5 драхм за медимн пшеницы, но цены на нее на частном рынке непрерывно колебались, доходя до 10 драхм. В городах было много разносчиков, бродячих торговцев и торговков, фокусников, гадалщиков, прихлебателей — типажи, отраженные в мимах, комедиях, терракотовых статуэтках. Характерно распространение паразитов-прихлебателей, ставших одной из популярных масок новой комедии. Словом «параситос» первоначально называли граждан, за особые заслуги питавшихся за общественный счет, но затем так стали называть людей, пытающихся поесть на дармовщинку. Парасит появился в комедии еще в конце V в., но со времени Александра он стал одним из главных объектов насмешек. Параситы выполняли любые сомнительные поручения. Во фрагменте комедии Тимокла (конец IV в. до н. э.) сказано:

В любви — он твой наперсник безответнейший,
В делах — пособник всюду, где придет нужда;
Что ты, кормилец, хвалишь — то и он готов,
А самого тебя хвалить — тем более.

(пер. М. Гаспарова)²⁸

Далеко не всем обедневшим людям удавалось найти занятие или покровителей. Существование во многих городах прямого налогового обложения, штрафы, налагаемые на работников, приводили к задолженности в городскую (или царскую) казну, а должники городу лишались гражданских прав, могли быть проданы в рабство или заключены в тюрьму (декрет Эфеса I в. до н. э. — Syll.³, 742). Поэт Посидипп писал, что смертным только и остается на выбор: «Иль не плодиться совсем, или скорей умереть...»²⁹

²⁷ Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 125.

²⁸ Менандр. Комедии: Фрагменты. М., 1982. С. 371.

²⁹ Греческие эпиграммы. М., 1935. С. 57.

Усиление социальных и имущественных контрастов ослабляло связи граждан со своим родным городом, что сказывалось на многочисленных миграциях из города в город, особенно в резиденции эллинистических правителей, где переселенцы надеялись выгодно устроиться. Но переселение происходило не только в крупные, экономически ведущие города. В Приене, например, далеко не самом значительном городе Восточного Средиземноморья, жили выходцы из Афин, Фив, Родоса, Милета, Магнесии, Самоса, Эфеса, Тралл (IvPriene. 113). Самые влиятельные из переселенцев, как об этом можно судить по декретам о даровании гражданства, получали все права, вплоть до владения землей и домом (особенно интенсивно давались такие права македонским офицерам, «друзьям царя» и т. п.).

Насколько можно судить по биографическим данным, наибольший процент переселявшихся был внутри слоя культурной элиты: поэты, философы, ученые, живописцы³⁰ редко оставались в своих родных местах (исключение составляет Архимед, почти всю свою жизнь связавший с Сиракузами). Знаменитая александрийская школа в науке и поэзии была создана уроженцами других городов, что неудивительно, поскольку Птолеми стремились привлечь отовсюду выдающихся людей. Складывались новые художественные центры (Пергам и Родос), которые приглашали к себе людей из разных районов и городов, естественно, что связь этих мастеров с родным полисом ослабевала достаточно быстро.

К сожалению, проследить миграцию средних и бедных слоев значительно труднее, чем людей богатых и влиятельных, чьи привилегии, полученные при переселении, фиксировались в надписях. Однако кое-какие сведения все-таки имеются. Так, в споре Самоса с Приеной из-за пограничных территорий сказано, что если какой самосец и жил на спорной земле, то в качестве поселенца, платившего подать Приене (IvPriene. 37). В надгробии из карийского городка Ясоса перечислены пятнадцать человек, все выходцы из разных уголков «населенного мира»: из Антиохии, Галатии, Мидии, Скифии, Киликии, Тиры, Бизона, Синопа, Сидона³¹. Совместное погребение, по-видимому, указывает на то, что эти люди были наемниками, сражавшимися за Ясос во время военных кампаний Филиппа V или Антиоха III.

Хотя в период эллинизма деревенские связи, характерные для всего восточного ареала, были очень сильными, тем не менее шел приток местного населения в город, особенно из деревень, расположенных на территории, подчиненной тому или иному полису. Эти переселенцы составляли различные группы негражданского населения города. Страбон приводит характеристику жителей Александрии, данную Полибием (XVII. 1, 12): последний писал, что в Александрии живут три рода людей: египтяне, не склонные к полисной жизни, наемники, которые приучены «скорее править, чем подчиняться правлению», и александрийцы; хотя они также не слишком склонны к общественной жизни, все же лучше двух других, так как, хотя и перемешанные (по крови), они эллинского происхождения и соблюдают эллинские обычаи.

³⁰ Чубова А. П., Конькова Г. И., Давыдова Л. И. Античные мастера скульптуры и живописи. Л., 1986. № 12, 13, 72, 100, 174, 176, 207, 395, 396 и др.

³¹ Bean G. E., Cook J. M. The Carian Cost III // BSA. 1954. 59. P. 105—106.

Возможность смешанных браков была провозглашена Александром, заставившим жениться своих офицеров на персидских женщинах. И хотя большинство этих браков распалось, пример Селевка I, сохранившего свою жену Агаму и сделавшего своего сына от нее наследником престола, мог создать и подражателей. Впрочем, в высших слоях политические мотивы при заключении браков были сильнее каких бы то ни было традиций: незаконное происхождение дочери Птолемея I от знаменитой гетеры Таис не помешало правителю Кипра, находившемуся в зависимости от египетского царя, жениться на этой девушке, а сын Таис и Птолемея был допущен к общеэллинским играм и вошел в список победителей в гонках колесниц (он не был гражданином какого-либо полиса — после его имени стоит «македонянин» — Syll.³, 314). Смешанные браки были, вероятно, широко распространены в разных районах эллинистического мира. Даже в Афинах во II в. до н. э. были разрешены смешанные браки³², что было связано с усилившимся притоком чужаков: Полибий осуждал афинян, которые «делают свою страну достоянием всех, кто хочет» (*Polyb.* XXX. 20).

Итак, социальные контрасты, смешение населения, его мобильность, распающиеся связи между гражданами были характерны для жизни эллинистического города. Но это было только одной стороной жизни, а другой — было стремление сохранить межличностные связи, семейные, общественные, утвердить принадлежность к эллинству и гражданству. Наряду с переселением, уходом в частную жизнь, освобождением от общественных обязанностей мы видим множество примеров частной благотворительности богатых граждан, но не направленной на отдельных нуждающихся, а выражавшейся в завещании или дарении значительных сумм городу для организации празднеств, раздач, устройства школ и т. п. под контролем города. В честь такого человека ставились почетные декреты, его имя становилось широко известным. Разумеется, такие дары увеличивали влияние дарителя и его семьи в городе, но кто может определить, какие побуждения были сильнее — получить прямую выгоду или увековечить свое имя в родном городе, ибо для большинства людей античного мира существовать вне общности — гражданской, религиозной, дружественной — было невозможно.

С этой особенностью мировосприятия людей древнего мира связано и появление в эллинистических полисах значительного количества частных сообществ, большей частью культовых, иногда товарищеских. В такие союзы могли вступать люди разного социального статуса, различной этнической принадлежности: так, в один из союзов, существовавших в Книде, входили греки, фригийцы, фракийцы, финикийцы, писидийцы, ливийцы (SGDI. 3510). Из карийского города Кавна дошла надпись союза, объединявшего и граждан и неграждан³³; на эллинистическом Делосе иамниты, выходцы из Палестины, поставили посвящение «за себя, братьев, родных и присоединяющихся граждан»³⁴; в Филадельфии в I в. до н. э. существовал союз, куда входили и свободные, и рабы. Создание подобных ассоциаций отражало

³² О смешанных браках см.: *Haarhoff T. G. The Stranger at the Gate. Oxford, 1948. P. 86 ff.*

³³ *Bean G. E. Inscriptions from Caunos // JHS. 1953. Vol. LXXIII. P. 25.*

³⁴ *Sokolowski F. Lois sacrées de cités grecques. P., 1969. N 57.*

изменения в фактическом положении граждан и неграждан, которые опережали правовые и политические установления. Но и сам полис привлекал негражданское население к различным формам общественной жизни: неграждане получают свою долю в раздачах и общественных пирах, участвовавших во время празднеств. В многочисленных надписях, происходящих из малоазийских городов, упоминаются различные группы постоянных или временно проживающих неграждан, принимавших участие вместе с гражданами в религиозных празднествах (Илиум, Стратоникея, Приена, города Ликии, Панамара, родосская Перея).

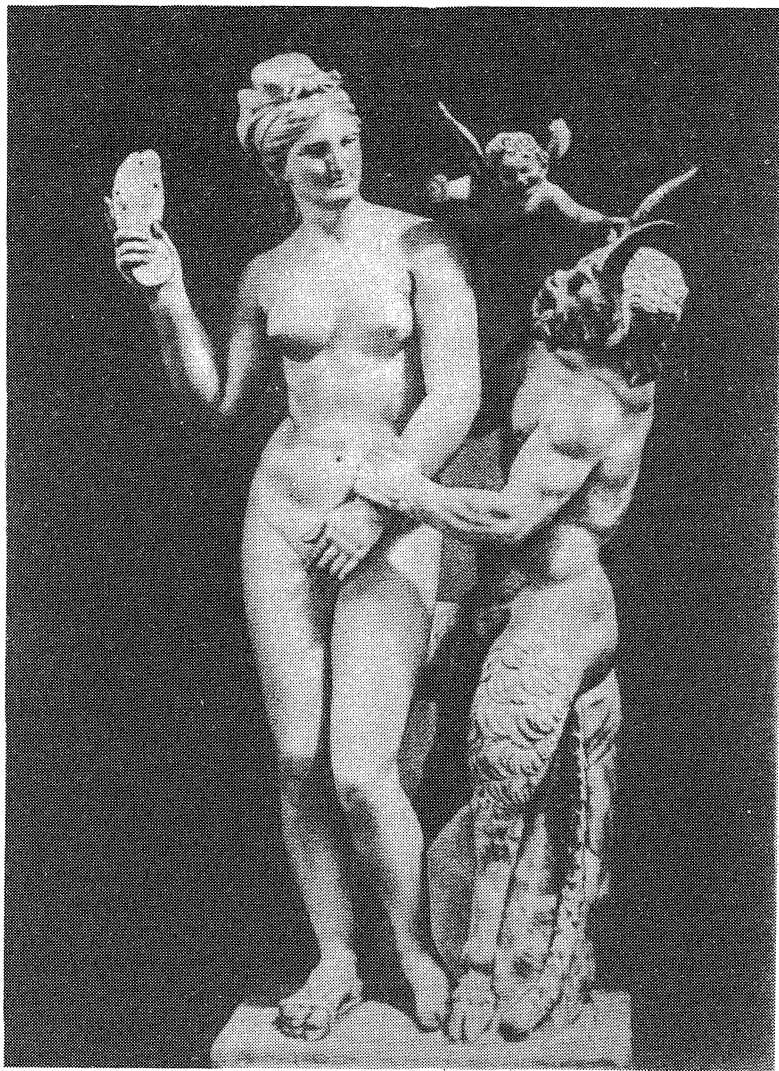
Сохраняя привилегии граждан, полис стремился объединить всю массу городского населения, создать внутри него ощущение некоей общности. Имела значение, вероятно, и политика эллинистических правителей, открывавших во время празднеств свой дворец для всех желающих, появлявшихся на больших празднествах, на которых они, естественно, хотели видеть массу своих подданных. Все население города привлекали торжественные шествия во время главных религиозных празднеств, общественные обеды после жертвоприношений, спортивные состязания, которые стали теперь проводить во многих городах³⁵, в том числе и во вновь основанных. театральные представления. Характерной особенностью последних было явное преобладание комедии, древние трагедии ставились, как правило, без хора, а оркестра использовалась для постановки мимов — небольших сценок с бытовым сюжетом, рассчитанных на непритязательный вкус массы городского населения, где действующими лицами были выходцы из их среды.

Не только приобщение к общеполисным торжествам и развлечениям всего свободного населения города, независимо от статуса, было характерно для эллинистического полиса, но и существование совместного обучения детей граждан и неграждан. В постановлениях Милета и Теоса II в. до н. э. о школах (Syll.³, 577, 578), организованных на частные пожертвования, говорится, что обучаться будут «свободные дети», т. е. все, кроме рабов: никаких привилегий гражданам не оговорено. Обучение проходило под контролем городских властей.

Получить образование было престижно: оно создавало ту общеэллинистическую общность, которая отделяла городское население от массы сельских жителей, особенно на эллинистическом Востоке. Но оно было и средством пробиться в жизни: в огромных эллинистических монархиях с их развитым аппаратом управления (особенно в Египте) небогатому, но образованному, да еще при этом владеющему каллиграфией человеку можно было надеяться получить какое-нибудь место в этом аппарате. Массовое отношение к школьному образованию великолепно отражено в известном мимиямбе Геронда (III в. до н. э.), в котором мать приводит нерадивого сына к учителю и просит того выпороть лентяя. Мать жалуется, что даже его бабка или первый попавшийся раб могут читать лучше него.

В эллинистических школах учились не только мальчики, но и девочки: об этом прямо сказано в декрете Теоса. В Смирне были специальные

³⁵ Особенно много было игр в честь царей: Атталей, Евмени и т. п. Союз островитян установил игры в честь Птолемея Филадельфа и его отца, которые приравнялись к Олимпийским (Syll.³, 396).

Афродита, Эрот и Пан. Афины

должностные лица, следящие за «благовоспитанностью» (*εὐκοσμία*) девушек (SGDI. 3181), скорее всего, сюда входило и образование. Число образованных женщин, вероятно, существенно возрастало и в целом менялось их положение, они становились более независимыми, играли все большую роль в семье в связи с повышением престижа семейной жизни и постепенной деградацией жизни общественной. Экономически это сказывалось в том, что женщины распоряжались своим имуществом, дарили, завещали, сдавали земли в аренду; дарения городу богатыми женщинами приводили к тому,

что эллинистические полисы издавали в их честь декреты, фактически они вмешивались и в городские дела. В позднеэллинистическое время появляются частные религиозные объединения, куда женщины входят наравне с мужчинами (Филадельфия, I в. до н. э.); богатые женщины из неграждан оказывают покровительство союзам метеков и получают от них почетное звание «благотетельниц» (Родос, I в. до н. э. — IG. XII. 1, 127). По-видимому, включение женщин в союзы, которые были, как правило, мужскими, началось с предоставления привилегий женам почетных членов (пример — постановление союза дионисиастов на Фере, который чествует приближенного египетского царя и принимает его, его потомков и жену в союз³⁶).

Психологически на изменение отношения к женщине не могли не подействовать примеры эллинистических цариц, игравших реальную роль в политике, которым воздавались божественные почести и возводились святилища, о них складывались легенды. Легенды, впрочем, складывались не только о царицах, но и о гетерах, число которых было достаточно велико, особенно в кругах, связанных с придворной жизнью. Можно вспомнить знаменитую Таис, любовницу Птолемея I, именем которой были названы комедии Менандра и Гиппарха; возлюбленную Менандра Гликеру. Самые известные гетеры выделялись своим богатством и образованностью. Так, в одной комедии в уста Таис вкладывалась цитата из Еврипида, в другой речь шла о необычайно дорогой чаше (оба отрывка приведены у Афиней — XIII. 585, d-e и XI. 484d).

Появляются женщины-философы, порвавшие со своей средой, — как Гиппархия, вышедшая замуж против воли родителей за философа-киника Кратета и проповедовавшая вместе с ним. Такие поступки, правда, не вызывали одобрения в массовом сознании, по-прежнему ориентированном на святость семейного очага, на уважение, которое должны были испытывать дети к родителям. Любопытен в этом отношении маленький фрагмент из все тех же «Сиракузянок» Феокрита: подруги, собираясь на праздник, обсуждают своих мужей, ругая их за полную бесхозяйственность (их даже на рынок нельзя послать); при этом разговоре присутствует маленький сын одной из них: вторая подруга, заметив это, пытается внушить мальчику, что мать говорит не об отце, а о другом человеке, но мать, нимало не смущаясь, продолжает свое. За этой маленькой сценкой скрывались понятная читателям и зрителям потеря авторитета главой семьи и в то же время полусекретное, полулицемерное стремление сохранить видимости прежних норм уважения к нему. Характерно, что и в миме Геронда «Учитель» главой семьи явно выступает женщина: она говорит о своем решении отдать сына учиться, она платит деньги, соседи говорят про мальчика: «сын Меротимы»; отец упомянут в монологе матери только один раз, он назван полуглухим старцем — в этой семье он вряд ли играл какую-нибудь роль, что было понятно зрителям.

Характерно, что в эллинистический период, как заметил Э. Потье, терракотовые статуэтки изящными и благородными изображали молодых женщин, а большинство статуэток мужчин показывает их в смешном виде³⁷. В III—I вв. до н. э. снова появляется много поэтесс: они пишут о любви,

³⁶ Nilsson M. P. The Dionysiac Mystery of Hellenistic and Roman Age. Lund, 1957. P. 9.

³⁷ Pottier E. Les statuettes de terre cuite dans l'antiquité. P., 1890. P. 171.

о дружбе, о природе, но были и такие, которые прославляли проявление гражданской доблести не в прошлом, а в настоящем (что редко встречалось в мужской поэзии), как, например, знаменитая Анита, написавшая эпитафии воинам, погибшим «за отчизну свою», и трем милетским девушкам, покончившим с собой при нашествии галатов в 278 г. до н. э. («Мы, три гражданки твои, три девицы, которых заставил/Эту судьбу разделить кельтов жестокий Арей...»³⁸).

В источниках упоминаются и известные женщины-живописцы, в том числе и писавшие картины на батальные сюжеты, как Елена из Александрии, создавшая картину «Битва при Иссе»³⁹.

Все охарактеризованные выше процессы и явления относятся прежде всего к городской жизни. Мы очень мало знаем о повседневной жизни сельского населения, за исключением, может быть, птолемеевского Египта. В сельской местности гораздо дольше сохранялись древние обычаи и правовые нормы. В хоре Родоса и Колофона (вероятно, и в других местах тоже) с приходом весны справляли древние народные праздники: дети несли ласточку или ворону, пели песни, ходили от дома к дому и получали подношения. Правда, в период эллинизма городская культура коснулась и этого обычая, у Афиней сохранено свидетельство, что один из эллинистических поэтов написал текст для такой песни (*Athen.* VIII. 359—360).

В египетской хоре вплоть до римского времени пользовались правовыми установлениями, созданными в Позднем царстве, как об этом свидетельствует фрагмент демотического правового свода из Гермополя, переписанный в III в. до н. э., но составленный значительно раньше. Обнаружен и греческий перевод этого свода II в. до н. э. Продолжали существовать и местные культы, сохранялись свои языки и имена. Деревенская жизнь не подверглась такой унификации, как городская, разумеется, аттический крестьянин, земледелец из окрестностей вновь основанного эллинистического полиса в державе Селевкидов и житель египетской комы принадлежали во многом к разным мирам; сходным был тяжелый сельский труд, налоговый гнет и разъедающее традиционный быт влияние товарно-денежных отношений и городского образа жизни.

В «Брюзге» Менандра высмеивается крестьянская замкнутость, недоверие к людям. Но это взгляд горожанина. Собственно деревенских надписей в эллинистический период немного. О влиянии полиса на внутреннюю жизнь сельских поселений на Востоке свидетельствует надпись из Малой Азии (из царских владений Селевкидов): эта надпись поставлена от имени двух деревень — Неонтейхос и Киддиокоме⁴⁰; в ней чествуются служащие правителя местного округа, которые способствовали возвращению из плена у галатов жителей деревень. Благодарения правителя Ахея и его слуг должны быть записаны на стеле, в их честь ежегодно будут приноситься жертвы, им и их потомкам даровалась прозория (право сидеть в первых рядах — типично полисная привилегия) на общественных празднествах.

³⁸ Греческие эпиграммы... С. 79.

³⁹ Чубова А. П., Конькова Г. И., Давыдова Л. И. Указ. соч. Каталог имен живописцев, № 102, 104, 110.

⁴⁰ Wörle M. Antiochos I, Achaïos und die Galater // Chiron. Bd. 1975. S. 59 ff.

В деревнях развивалась частная благотворительность и существовала имущественная дифференциация (что было неизбежным при жесткой налоговой системе и развитии денежного хозяйства: земледelec, идущий на рынок, был обычным сюжетом для терракотовых статуэток).

Разорение части земледельцев также приводило к переселениям: они уходили из деревень в город, просто бежали, куда только возможно. В надписи о продаже земли Антиохом II своей бывшей жене Лаодике отмечено, что часть людей, живших на проданной земле, ушла (RC. 18). Переселения, особенно характерные для Малой Азии, способствовали постепенному этническому смешению племен, которое отмечал Страбон, писавший, что трудно различить фригийские, карийские, мисийские и лидийские земли, до такой степени перепутано их население (*Strab.* XII. 4, 5). Вероятно, можно говорить об известной эллинизации деревенских жителей вблизи полисов: эта эллинизация сказывалась в проникновении греческого языка и письменности (возможно, появились и деревенские учителя), элементов городского образа жизни — водопроводов, бань, греческих имен. При определении границ земли, проданной Лаодике, свидетелями выступают жители местных деревень — двое из них носят греческие имена и отчества, один — местное; греческое имя носил диойкет фракийской деревни, расположенной около Кизика. Текла ли в этих людях какая-то часть греческой крови, или это была дань эллинизации, сказать с определенностью трудно, но в любом случае такие люди являлись проводниками греческого (городского) влияния в деревне. Но в целом сельская жизнь весьма отличалась от городской, что вызывало отдельные выступления местных жителей против господствующего над их территорией города, доходившие до убийств граждан, как это было, например, в Приене⁴¹.

Таким образом, жизнь в деревнях, особенно расположенных вблизи городов, также определялась различными противоречивыми тенденциями, порождавшими подражание и протест, смешение населения и стремление сохранить свои обычаи, свою племенную принадлежность (характерно, что деревни сохраняли свои древние названия). И отношение жителей города к деревне было столь же противоречиво: с одной стороны, можно говорить об идеализации сельской жизни, особенно пастушеской, которая проявлялась в буколической поэзии, с другой — презрительно-недоброжелательное отношение к приходящим в город земледельцам, что так ясно видно в карикатурных терракотовых статуэтках эллинистического периода.

Итак, эллинизм был временем, когда нарушались старые связи, когда люди в своей повседневной жизни постоянно сталкивались с социальными и имущественными контрастами, новыми нравами и обычаями. Разумеется, все перечисленные выше тенденции раскрывались постепенно на протяжении всех трех столетий существования эллинистических держав, видоизменяя систему ценностей их жителей, но первоначальный перелом — крушение Персидской державы, перекраивание территорий, основание новых городов, переселение и потеря прежней родины — происходил в пределах одного поколения; все эти события дали резкий толчок для духовных поисков, поставили новые вопросы о месте человека в этом изменяющемся мире.

⁴¹ Об этих выступлениях см.: Голубцова Е. С. Сельская община Малой Азии. М., 1972. С. 56 и след.

И хотя многие особенности социальной психологии человека эллинистического времени уходят своими корнями в эллинское или древневосточное прошлое, все же различие между мировосприятием гражданина полиса V и III вв. до н. э. более значительно, чем между мировосприятием горожанина III и I вв. до н. э.

2. Верования и культы

С падением значения независимого полиса культы полисных божеств перестали удовлетворять духовные потребности народных масс. Греческие боги не были ни всемогущи, ни милосердны; они не спасли покровительствуемые ими полисы от разгромов и унижений во время войн приемников Александра; не обещали они и индивидуального спасения: олимпийцам не было дела до страстей и бедствий человеческих. Восточные культы оказались более притягательными не только для коренного населения эллинистических держав, но и для переселившихся туда греков: они стремились найти богов более могущественных и заручиться их покровительством.

Одной из особенностей духовной жизни этого периода было объединение культов различных божеств, то, что принято называть религиозным синкретизмом. Были случаи, когда эллинистические цари объединяли культы греческие и местные, чтобы создать идеологическую опору в разных слоях населения. Ярким примером искусственно созданного синкретического культа является культ Сараписа, оформленный в Египте при Птолемах с участием жреца и историка Манефона. Это божество объединяло в себе черты Осириса-Аписа и греческих богов — Зевса, Аида, Асклепия. В Египте культ Сараписа находился под царским покровительством, но он не мог вытеснить культы традиционных божеств; а за пределами Египта этот культ получил очень широкое распространение в греческих и восточных областях именно благодаря множественности функций: владыка неба и царства мертвых Сарапис мог — как верили его почитатели — спасти их и в этой жизни, и после смерти.

Селевкиды наряду с греческими покровительствовали и восточным культам: так, известно, например, что Селевк II построил храм Исиды в Антиохии; Антиох I отпраздновал вместе со своей армией священный персидский праздник. Такая политика была связана с традиционной веротерпимостью, восходившей к политике Ахеменидов, с одной стороны, и со стремлением к объединению разноплеменного населения державы путем признания наиболее популярных культов — с другой. Однако в большинстве случаев объединение греческих и восточных культов происходило без вмешательства центральной власти; образы местных и греческих богов отождествлялись друг с другом, причем иногда одно и то же местное божество могло называться именами разных греческих божеств, а одно и то же божество греческое отождествлялось с разными местными богами. Во фригийском Гиераполе Аполлон стал называться Аполлоном Лирбением (фригийский эпитет Аттиса), а ликийский бог-всадник отождествлялся то с Плутоном, то с Гераклом, то с Аполлоном. Отождествление не означало полного слияния образов; функционально близкие божества могли читься греками как свое, а местными жителями — как локальное божество. Часто такое божество носило греческое имя и локальную эпиклему: уже упомянутый

Аполлон Либрений, Зевс Лабраундий и т. п. Святилище в Гиераполе (Ка-
стабале) было древним святилищем Кибелы и месопотамского Адада, но
орел на монетах города греками воспринимался как символ Зевса, в то
время как для жителей Сирии и ряда районов Малой Азии он был символом
Адада (впоследствии образы этих божеств слились); из района Гиераполя
от начала нашей эры дошло посвящение Зевсу, Ададу и Аполлону⁴².

Процесс объединения культов начался на Востоке еще в рамках огромной
этнически пестрой Персидской державы (так, известен праздник брака
иранской богини «Маздаяспийская Вера» и вавилонского Бела); от периода
правления Гекатомнидов в Кари и Ликии дошла надпись об установлении
культа божества Кавна (покровителя одноименного карийского города) в
Ликии. Объединялись и греческие культы с местными; процесс этот можно
проследить на примере таких популярных богинь, как Артемиды и Кибелы
(Кубабе) в Сардах. Кибела была одним из наиболее почитаемых божеств
в Лидии и, в частности, в Сардах. Этот же культ лежал в основе культа
Артемиды Эфесской (известно, что на месте знаменитого храма находилось
догреческое святилище). Во время ионийского восстания греки сожгли храм
Кибелы в Сардах; какое-то время спустя эфесяне построили там своего
рода филиал Артемисиона — храм Артемиды (он упоминается в надписях
IV в. до н. э.), но в нем наряду с Артемидой почиталась и Кубабе; был
обнаружен рельеф из этого храма, где рядом были изображены Артемиды
и Кубабе (последняя несколько меньше размером): таким образом, произош-
ло «примирение» греческой и местной традиции. К концу IV в. до н. э.
атрибуты Кибелы (Кубабе) были приданы Артемиде, она стала изображаться
со львами; интересно, что посвящения Артемиде с атрибутами Кибелы
ставили не только греки, есть посвятельные надписи ей на арамейском
языке⁴³. В этом случае процесс отождествления шел постепенно, но без
объединения культа Артемиды с культом главного божества-пок-
ровительницы города первый культ не смог бы упрочиться.

Объединение культов не было только результатом эллинизации местного
населения; в нем были заинтересованы и переселяющиеся в восточные
области греки. Связь божества и места ощущалась очень сильно в древних
религиозных верованиях: недаром персидский полководец Мардоний перед
битвой при Платеях приносил жертвы, как пишет Геродот, согласно
эллиническому обычаю (IX. 37). В то же время божество можно было
«переселить»; Ксеркс, чтобы наказать Милет, перевел из Дидим оракул
Аполлона к берегам Каспийского моря; хотя в V в. храм продолжал
существовать, по-прежнему устраивались торжественные празднества, ора-
кул не действовал; только во время походов Александра милетяне объявили,
что бог снова стал давать прорицания: Аполлон как бы вернулся. Даже
отдельные лица могли возводить святилища и объявлять священным уча-
сток, прилегающий к нему: это святилище считалось местом жительства

⁴² Проблему соотношения греческих и местных культов разбирает Э. Бикерман. См.: Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 216. Примеч. 182. Об анатолийских божествах см.: Robert L. Divinites d'Anatolie // Hellenica. 1949. VII.

⁴³ О надписи из Ксанфа на трех языках (греческом, арамейском и ликийском) см.: Fouilles de Xanthos. T. 6. P. 1979 (учреждение культа Кавна). О слиянии образов Артемиды и Кибелы см.: Hanfmann G. M. A., Waldbaum J. S. Two Anatolian Goddesses at Sardes // Archeology. 1969. Vol. 22, N 4.

божества. В этом отношении показательно, что Ксенофонт, будучи в изгнании, как он рассказывает об этом в Анабасисе (*Хел. Анаб.* V. III. 7—11), купил небольшой участок земли, где построил святилище Артемиды и устраивал празднества в ее честь. Правда, он оговаривает, что совершил это по указанию богини; святилище в миниатюре копировало храм Артемиды Эфесской, а статуя Артемиды походила на ее же статую в Эфесе: т. е. это не было самостоятельным святилищем, а как бы филиалом Артемисиона, привычным для богини «жилищем», только уменьшенных размеров.

В эллинистический период при массовых переселениях стремление к основанию святилищ в новых местах, чтобы сохранить покровительство «отеческих богов» в незнакомой стране, было очень сильным, но в то же время нельзя было оскорбить непочитанием и местных божеств-покровителей: именно это ощущение связи с отеческими богами, с одной стороны, и желание заручиться поддержкой локального божества — с другой, приводило к объединению культов. В постановлении деревень Неонтейхос и Киддиокоме говорится, что жертвоприношения в честь благодетелей должны производиться в святилище Аполлона в Киддиокоме и в святилище Зевса, но не в Неонтейхос, а в местной деревне Бабакоме. Неонтейхос, судя по названию, был новым укрепленным поселением, оно примыкало к Бабакоме и еще не имело собственного святилища. Фразеология надписи, подражание полисным декретам позволяют предположить, что среди жителей деревень, а скорее всего, нового укрепления (вероятно, построенного против галатов) были люди греческого происхождения или сильно эллинизированные местные обитатели, они объединились с жителями Бабакоме и почитали их святилище, назвав местное божество греческим именем Зевса.

Когда вновь основанный город оказывался рядом с древним святилищем, он принимал покровительство местных божеств: так, божеством-покровительницей Стратоникеи Карийской стало грозное хтоническое божество Геката из святилища в Лагине, а затем, когда были подчинены соседние Панамары, стратоникейцы стали почитать Зевса Панамарейского; Стратоникея вошла и в древний союз карийских поселений вокруг храма Зевса Хрисаорейского, хотя ее граждане не были карийцами по происхождению, но город владел деревнями, входившими в этот союз, и очень скоро стал занимать там ведущее положение. Инкорпорирование местных святилищ в полисы носило и религиозный и политический характер, поскольку ставило под контроль полиса население, жившее в округе местного храма. Оно не всегда шло мирным путем: мы знаем случаи, когда древние святилища упорно сопротивлялись объединению с полисом: яркий пример тому — длительный спор малоазийского города Миласы с очень древним святилищем местного божества в Лабраунде, которого греки называли Зевсом. Жрец святилища обращался за помощью к разным эллинистическим правителям (к ним же обращалась в свою очередь и Миласа). В конце концов с помощью извне Миласа включила Лабраунду и храм в свою территорию⁴⁴.

⁴⁴ *Crampa J. Labraunda: Swedish Excavations and Researches. Lund, 1969. Vol. III: The Greek Inscriptions. N 13 ff.*

*Статуэтка сидящей женщины с бубном. Танагра. Около 300 г. до н. э.
Терракота. Москва. ГМИИ им. А. С. Пушкина*

Для эллинистического периода характерно не только отождествление разных богов — греческих и местных, инкорпорирование древних святилищ в греческие полисы, но и множественность культов, сосредоточенных в одном каком-либо наиболее почитаемом святилище: так, в милетском Дидимейоне почитались также Осирис и Агате Тюхе, последняя также и в святилище Зевса Панамария. Культ Тюхе в эпоху эллинизма распространился прежде всего как культ Судьбы-покровительницы полиса; в

надписях упоминается почитание Тюхе различных городов; наибольшую популярность Тюхе получила в Сирии, где ее образ слился с древним западносемитским божеством счастья — Гадде (или Гад — о нем упоминается в Ветхом завете, в Исходе): синкретическое божество стало, таким образом, божеством-покровителем, приносящим удачу.

Слияние образов различных богов было связано не только со стремлением заручиться покровительством местных божеств, не отказываясь от почитания своих, но и с выраженной тенденцией (особенно ясно проявлявшейся в философских системах) к универсализации божества, к абстрагизации представления о нем (именно этим, вероятно, объяснялась популярность Сараписа); различные образы и различные имена близких по функциям богов воспринимались лишь как ипостаси единой, всемогущей божественной силы. Широкое распространение получили культы древнего женского божества — Великой Матери (как начала всего сущего), которая отождествлялась с Артемидой, Кибелой, Астартой, Исидой, Гекатой, Афродитой Уранией и с другими женскими божествами (или почиталась как их ипостась), присутствовавшими во всех религиозных верованиях того времени. Культы Великой Матери объединяли людей самого разного происхождения, а богини-покровительницы городов становились при этом и универсальными божествами.

Для религиозной политики полисов эллинистического времени вообще было свойственно преодолевать локальную замкнутость культов — многие города стремились сделать празднества в честь своих богов-покровителей международными, признанными официально другими городами, которые посылали на них специальные посольства: характерным примером могут служить торжества в честь Артемиды Леукофрены в Магнесии на Меандре, на которые собирались представители множества городов, приглашалось большое количество людей всех статусов (официальная формула приглашения — «полисам и народам»). Разумеется, это было связано и с желанием усилить свое влияние, поднять свой престиж среди городов-соседей, но при этом менялось и восприятие самого божества. К расширению почитания своих местных божеств стремились и небольшие поселения: так, от II в. до н. э. дошло постановление Панамар, в котором они чествуют жреца Леона-стратоникейца, даруют ему гражданство, увенчивают его за распространение культа Зевса Панамария. Универсальность божества сказывалась и в том, что к его празднествам допускались все жители и приглашенные, причем если в III—II вв. до н. э. в надписях перечисляются категории, допущенные к праздникам (достаточно широко — вплоть до рабов), то на рубеже нашей эры обычно просто говорится — все граждане, ксены и рабы; а в надписи из Панамар I в. н. э. принимать участие в празднествах приглашаются все граждане, ксены, рабы, женщины и «все люди ойкумены»⁴⁵. Это последнее выражение раскрывает ощущение общности всех жителей населенного мира, которое складывалось на протяжении эллинистического периода, и представление об универсальности даже такого локального божества, как Зевс Панамарий, оказывающего покровительство и принимавшего почести от всех людей ойкумены.

⁴⁵ О культе Зевса Панамария см.: *Laumonier A. Les cultes indigènes en Carie. P., 1958. P. 237, 359.*

Развитие представлений об универсальности божества в позднеэллинистический период вызвало интерес к иудаизму. По преданию, перевод Библии на греческий был сделан по инициативе Деметрия Фалерского, но замкнутость иудаизма, трудность в отождествлении своих богов и Яхве замедлили процесс распространения иудейских верований. Однако Страбон уже с симпатией пишет о Моисее и его учении об едином божестве (τὸ θεῖον), передавая иудейскую критику обычаев почитать изображения богов в виде людей и животных (как в Египте); неприемлемые для Страбона иудейские обычаи, такие, как обрезание, он связывает с деятельностью тех преемников Моисея, которые были суеверными людьми, а потом и просто тиранами (*Strab.* XVI. 235—37). В первом веке нашей эры в городах восточных провинций вокруг синагог начинают группироваться «чтящие бога», как они называются в Новом завете, и иудаизм проникает даже в Рим.

Особое место в религиозной жизни эллинистических государств занимает культ царей; об истоках и характере этого культа в научной литературе написано очень много, но ученые далеки от единодушия. Обожествление правителей рассматривалось и как чисто политический акт, и как проявление сервилитета со стороны городов, и как почитание мощи и удачи полководца, вера в его харизму, и как простое выражение благодарности, наконец, как своеобразное смешение религии и политики. Истоки царского культа видели в обожествлении египетских фараонов, в представлении о божественной природе «царственности» в Передней Азии, в греческом культе героев, в первобытном преклонении перед маной вождей⁴⁶. Можно прибавить и древние малоазийские традиции почитания умерших царей, выраженные в строительстве огромных священных могильных сооружений — от могилы Алиатта, отца Креза, до усыпальницы Мавсола в Галикарнассе. Влияние восточных традиций бесспорно, но при рассмотрении царских культов необходимо учитывать ту специфическую социально-психологическую атмосферу, которая существовала в эллинистических полисах и способствовала восприятию именно этого влияния.

В доалександровскую эпоху в Греции оказание божеских почестей живым людям было достаточно редким явлением. Плутарх пишет, что Лисандр был первым человеком, которому стали ставить алтари и приносить жертвы как богу (*Plut. Lys.* 18).

В период завоеваний Александра и борьбы диадохов, в это трудное время войн, жестокостей, падений и возвышений царств преклонение перед личной удачей полководца выступает на первый план. Древнее почитание вождей, свойственное как грекам, так и восточным народам, традиции культа героев, желание сохранить покровительство вождя — все это в специфической социально-психологической обстановке выразилось в преклонении перед удачливыми полководцами. Это было время, когда обожествление, идущее снизу, переплеталось с самообожествлением. Провозглашению Александра сыном Амона предшествовали различные фантастические слухи об особом благорасположении к нему богов; говорили, что море

⁴⁶ Различные точки зрения на культ царей представлены в сб.: *Römische Kaiserkult.* Darmstadt, 1978; *Taeger F. Charisma: Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes.* Stuttgart, 1958. Bd. I; *Habicht Chr. Gottmenschentum und griechische Städte.* B., 1970.

отступило перед Александром, когда он шел по малоазийскому побережью; Каллисфен, по словам Плутарха, рассказывал, что во время похода через пустыню к храму Амона птицы показывали путь: они быстро летели впереди, когда люди шли за ними следом и поджидали отстающих (*Plut. Alex.* 27). Уже при жизни Александр изображался в виде Геракла. После смерти царя македонские полководцы следовали его примеру.

Разумеется, среди греков были люди, которые не признавали божественности правителей и относились к возникновению их культа скептически: Плутарх приводит отрывок из одной комедии Менандра, где тот высмеивает фантастические рассказы о чудесах, сопровождавших поход Александра: «Все, совсем как Александру, удастся мне... Если надо мне за море, я и по морю пройду» (*Plut. Alex.* 17). Афинский комедиограф Филиппид резко выступил против Стратокла, одного из инициаторов оказания Деметрию Полиоркету божеских почестей: «Воздал он смертным людям почести богов. Вот кто народ сгубил» (*Demetr.* XII). Правда, протесты эти не могли остановить распространения царских культов.

Однако при всей торжественности почестей, оказываемых в городах полководцам, сохранялся полисный характер этого обожествления. Деметрий был божеством и Сотером в Афинах, а на Родосе аналогичные почести воздавали Птолемею, который помог городу в борьбе с тем же Деметрием: каждый полис, исходя из обстоятельств, выбирал своего полководца-покровителя. Поклоняясь обожествленным правителям, греки стремились связать их культ с почитанием традиционных божеств: Деметрий назывался не только сыном Посейдона⁴⁷, но и братом Афины; родосцы обратились за помощью к Птолемею и воздали ему почести якобы тоже по указанию Афины.

В III—I вв. до н. э. для эллинистического мира характерны две тенденции в развитии царского культа: создание культов династических, которые оправдали бы легитимность династий, и полисных, выражавшихся в обожествлении отдельных царей в тех или иных городах. Если для первых диадохов основную роль играло их личное обожествление, что являлось основой их претензии на обладание царственностью, то в условиях закрепления власти за определенными династиями божественность царя стала следствием его царственности. В этом подходе сказался пример Египта и других древневосточных монархий, а также традиции древних аристократических родов, возводивших свое происхождение к легендарным предкам. Династические культы устанавливались сверху, для них было характерно возведение династии к божественному прародителю и обожествлению царей — одного за другим из данной династии. Птолемеи были преемниками фараонов — и по одному этому считались богами для египтян; они называли себя родственниками Александра, но этого было мало: они стремились стать богами и в глазах своих греко-македонских подданных. Тем самым царственность Птолемеев получила божественное оформление независимо от их связи с Александром, хотя его культ продолжал сохраняться.

То же самое происходило и с культом Селевкидов: с одной стороны, в III в. до н. э. они объявили, что происходят по материнской линии от Александра, а с другой — провозгласили себя потомками Аполлона и особое

⁴⁷ Erenberg V. Polis und Imperium. Zürich, 1965. S. 508.

покровительство оказывали его храму в Дидимах. Цари стремились создавать специальные храмы династического культа, назначали жрецов. В Пергамском царстве стремление к установлению династического культа выразилось в посмертном апофеозе царей из дома Атталидов (на его форму повлияло, вероятно, традиционное почитание умерших царей, издревле существовавшее в Малой Азии). При таком апофеозе каждый живой царь становился сыном бога. Кроме того, Атталиды возводили свой род к Дионису Катомену.

С насаждением династических культов можно связать и судьбу культа Александра. Легенда об Александре играла огромную роль в претензиях эллинистических правителей, о нем спорили философы, создавались фантастические романы, но сведений о святилищах царя от эллинистического периода дошло очень мало. Культ Александра с особым жречеством, жертвоприношениями сохранился там, где он стал общеполисным культом. Например, в Эритах, но эллинистические цари предпочитали устанавливать свои, особые, независимые от Александра культы. Чеканя монеты по образцу александровых, они придавали изображениям свои индивидуальные черты и наделяли их божественными атрибутами⁴⁸.

Наряду с культами династическими в полисах существовали локальные культы различных царей. Современные исследователи согласны с тем, что установление культа в городах не было обязательным предписанием: происходило по решению народных собраний и было проявлением личной связи царя и полиса: полис обожествлял его, как правило, в знак благодарности — сначала искренней, с течением времени — традиционно-формальной. Наиболее характерными эпитетами для обожествленных царей были Сотер, Евергет, Ктист, несколько реже — Боэотос. Все эти эпитеты отражают отношение царя к обожествившему его полису: Спаситель, Благодаритель, Основатель, Помощник полиса (в надписях обычно при эпитете указывается или название города, или «спаситель полиса»). Царские культы в полисе регулировались городскими органами власти, должность жреца была муниципальной и замещалась согласно правилам данного города⁴⁹.

Особенность почитания царя заключалась в том, что, получив обожествление, он не воспринимался богом в точном смысле слова, он оставался человеком. В некоторых надписях по отношению к царю употребляется выражение «равный богу» (*ἰσῶδες*. — OGIS. 332), т. е. царь как бы приравнивается к богу, но не становится им; словосочетание «Бог Антиох». «Богиня Аполлониды» были вполне нормальны⁵⁰, но вряд ли кто-либо говорил «Бог Зевс», уже само имя подлинного божества было сакральным. При установлении культа царя ему приносились жертвы, но жертвы и моления могли совершаться в том же городе «за царя» настоящему божеству. Например, в Илионе, где был обожествлен Селевк Никатор, ему был воздвигнут алтарь и установлены сроки обязательного жертвоприношения: но в той же надписи предписывалось приносить жертвы Афине «за царя».

⁴⁸ Heuss A. Alexander der Grosse und die politische Ideologie // Ideologie und Herrschaft in der Antike. Darmstadt, 1980.

⁴⁹ О культе Селевкидов см.: Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. Гл. VII; Funck B. Die Wurzeln der hellenistischen Euergetes Religion im Staat und in den Städten des Seleukos Nikator // Hellenische Poleis. B., 1974. III.

⁵⁰ Robert L. Etudes anatoliennes. P., 1970. P. 9.

(OGIS. 212). Цари почитались часто вместе с полисными божествами, что придавало их культу дополнительный авторитет, с одной стороны, и усиливало муниципальный характер царского культа — с другой. Например, в Теосе был установлен культ Антиоха III совместно с Дионисом и царицей за то, что царь освободил город от налогов. Антиох получил эпитет «Великий», во время праздников в его честь совершались жертвоприношения. В письме Теосу Антиох принимает с благодарностью оказанные почести и обещает новые благодеяния⁵¹. Таким образом при обожествлении царя создавалась своеобразная ситуация: демос приносил жертвы царю как богу, но богом его объявлял демос. И параллельно с царским в эллинистический период встречается культ Демоса (на Йосе — вместе с культом Антигона, на Родосе и в родосских владениях — вместе с местными божествами; в Афинах существовал темен Демоса и Харит). Гражданская община тем самым приравнивала свои полномочия к полномочиям царя, провозглашала себя державным демосом; в одних случаях, компенсируя вполне реальную зависимость от царской власти, в других — подражая методам эллинистических монархов для укрепления своей власти над подчиненными территориями (как это было в малоазийских владениях Родоса).

Своеобразное восприятие культа царей как людей, которым оказывают божеские почести за заслуги перед общиной, отразилось в появлении подобных обрядов в отношении обычных людей. Мы уже упоминали о надписи двух деревень из Малой Азии, в которой правитель области назван Сотером (как владыка всего царства Антиох I — в Баргилиях), а ему и его слугам (даже им!) должны приноситься жертвы в святилищах. Вряд ли неонтейхиты и киддиокометы всерьез считали Ахея и его служащих богами, но воздать им почести, подобные тем, какие города оказывали царям, они считали возможным: таково было массовое восприятие сущности обожествления царей.

Сами цари стремились сделать свой культ выходящим за рамки отдельных полисов, придать ему по возможности всеобщий характер: Птолемеи в Египте называли «правителями населенного мира», Антиох IV официально называл себя Эпифаном — явленным божеством, он был Сотером не только отдельных городов, но «Сстером Азии» (OGIS. 253). Но цари не сумели (или не успели) сделать свой культ всеобщим; почитание эллинистических царей прекратилось вместе с падением их монархий; со временем вместе с локальными полисными божествами стали почитаться римские императоры; однако в отдельных небольших поселениях традиция обоготворения царя сохранилась: к III в. н. э. относится посвящение, сделанное в небольшом лидийском городе «македонян-гирканцев» Матери Богов и Зевсу Селевкию (Hellinica. VI. 1948. P. 24—25); за несколько веков существования в рамках римской державы культ Селевка окончательно слился с культом Зевса, а имя его превратилось в эпитет бога — покровителя города.

Все культы, о которых говорилось выше, были общественными: полисными, общинными, государственными. Но характерной особенностью духовной жизни эпохи эллинизма были поиски индивидуальной связи человека и божества. Широкое распространение получает магия: различные заклинания, талисманы, поклонение духам-демонам, посвящения которым встречаются рядом с посвящениями божествам (особенно часты они не в

⁵¹ Hermann P. Antiochos der Grosse und Teos // Anadolou. 1965. IX. S. 29 ff.

официальных надписях, а на стенах, черепках и т. п.). Специальные магические формулы должны были принести излечение от болезни, успех в любви. Под влиянием восточной, прежде всего вавилонской, астрологии во всех социальных слоях укрепляется вера во влияние небесных светил на человеческие судьбы, недаром даже Селевк перед основанием Селевкии на Тигре советовался с астрологами. По свидетельству Цицерона, философ и ученый I в. до н. э. Посидоний верил в гадания и писал о них; он верил также в то, что во сне людям являются сверхъестественные существа и разговаривают с ними (*Cic. De div. I. 6; 64*). Магия была переплетена с астрологией — с помощью магических действий старались избежать этого влияния. Магические заклинания были обращены к подземным божествам, к различным демонам, подчинить которых люди надеялись с помощью заклинаний. Характерно, что слово «богобоязненность» (*θεοφοβία*), которое в классическое время употреблялось в положительном смысле (например, у Ксенофонта), начиная с периода эллинизма означает суеверие (с оттенком порицания) у Феофраста, Полибия, Страбона и в более поздних текстах, например у Луккиана.

Но магические заклинания касались, как правило, отдельных эпизодов повседневной жизни; люди же стремились найти себе таких богов-спасителей, которые могли бы избавить своих избранных от страданий и даже смерти. Такими чертами наделялись прежде всего умирающие и воскресающие божества — Осирис-Сарапис, фригийский Аттис, Дионис, образ которого в эллинистическое время трансформировался. Главным содержанием мифа о Дионисе становятся рассказы о его смерти и воскрешении его Зевсом. Согласно учению почитателей Диониса — орфиков, Дионис, сначала был рожден Персефой под именем Загрея; Загрей погиб, растерзанный титанами. Но затем он воскрес уже как Дионис — сын Зевса и Семелы. Древние орфические таинства привлекали в III—I вв. до н. э. все новых и новых поклонников.

В основе почитания Аттиса также лежала вера в его воскресение. Содержание мифов о нем передал Павсаний (VII. 17, 9—12); согласно им (существовало несколько вариантов), Аттис, обезумев, оскотил себя и умер (по одной из версий Кибела наказала его за нарушение целомудрия). Но потом, по просьбе богини (Агдитис или Кибелы), его тело остается нетленным, он воскресает к новой жизни. В культе Аттиса сочетались оргиастические обряды с элементами нравственного поиска, стремление к целомудрию⁵². Почитатели Аттиса во время своих мистериальных действий представляли сцены смерти и воскресения божества. Они верили, что сами становились сопричастны божеству и тем самым обретали бессмертие. Жрец провозглашал спасение почитателям бога: подобно тому как спасен Аттис, спасутся и они. Во время отправления мистерий в состоянии экстаза жрецы оскотили сами себя. Чтобы быть допущенным к мистериям, нужно было пройти многочисленные испытания, «очиститься»; мистериальные культы объединяли только избранных.

Потребность в неформальных микросообществах, в покровительстве божества была очень велика: культовые сообщества компенсировали распад традиционных общественных и родственных связей, давали возможность

⁵² *Diakonoff I. M. On Cybele and Attis in Phrigia and Lydia // Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. XXV. F. 1—4. P. 340.*

обрести личных богов-покровителей. Для эллинистического времени можно выделить две тенденции в формировании этих сообществ: одна выражалась в возрождении и закреплении связей родственных и этнических, другая — в попытке найти новые формы общности, объединить людей разного происхождения и социального статуса. Примером проявления первой тенденции могут служить религиозные объединения, созданные по принципу землячества: на Делосе выходцы из сирийского Гиераполя почитали Атаргатис и Адада; купцы из Берита образовали ассоциацию почитателей Посейдона; там же существовал религиозный союз переселенцев из Тира. Были случаи образования семейно-родовых союзов вокруг культа умершего родственника, иногда объединенного с культом других, наиболее почитаемых богов. Так, галикарнасец Посидоний основал святилище Зевса Патрея, Аполлона, Мойр, Матери Богов и Благого демона своих родителей. Следить за отправлением культа и за священным участком должен был старший в роде учредителя⁵³. На Косе был создан семейный культ некоего Диомедона совместно с Гераклом; его жрецом тоже был старший в роде. Жительница Феры Эпиктета воздвигла святилище своему покойному мужу и Музам: обслуживало этот культ собрание родственников⁵⁴. Семейно-родовые культы были связаны с выраженной в тот период ориентацией на семью (что отражено и в изображениях на саркофагах, где часто представлены сцены пира в кругу семьи), с героизацией выдающихся людей и после смерти, и при жизни (один из упомянутых выше учредителей — Диомедон учреждает свой культ при жизни). Героизация одного из членов семьи, установление культа его, совместного с другими богами, выделение священного участка, постройка святилища должны были закрепить родственные связи, обеспечить почитание могил, которое было естественным образом ослаблено из-за переездов и переселений, ухода в наемники и т. п.

Наряду с подобными культовыми сообществами создавались союзы, объединявшие людей разных статусов — граждан и неграждан, свободных и рабов. Большинство культов в этих союзах-фиасах было восточным: Исида, Сарапис, различные ипостаси Матери Богов. Они были известны в материковой Греции давно: так, Великая Мать в Афинах еще перед греко-персидскими войнами была отождествлена с Деметрой; существовал и культ Сабазия (о нем говорит Демосфен)⁵⁵, но чужеземные боги в целом общественным мнением воспринимались неодобрительно (достаточно вспомнить варварского бога Трибалла из «Птиц» Аристофана). В эллинистический период ситуация меняется; египетским, малоазийским, сирийским богествам поклонялись повсеместно, в том числе и граждане старых полисов, дольше других сохранявшие древние греческие традиции: так, например, в Афинах почитали Астарту и Мать Богов, имевших общий темен⁵⁶; а некий Архелай из Марафона посвятил Исиде на Делосе статую, сделанную афинским мастером (конец II в. до н. э.)⁵⁷.

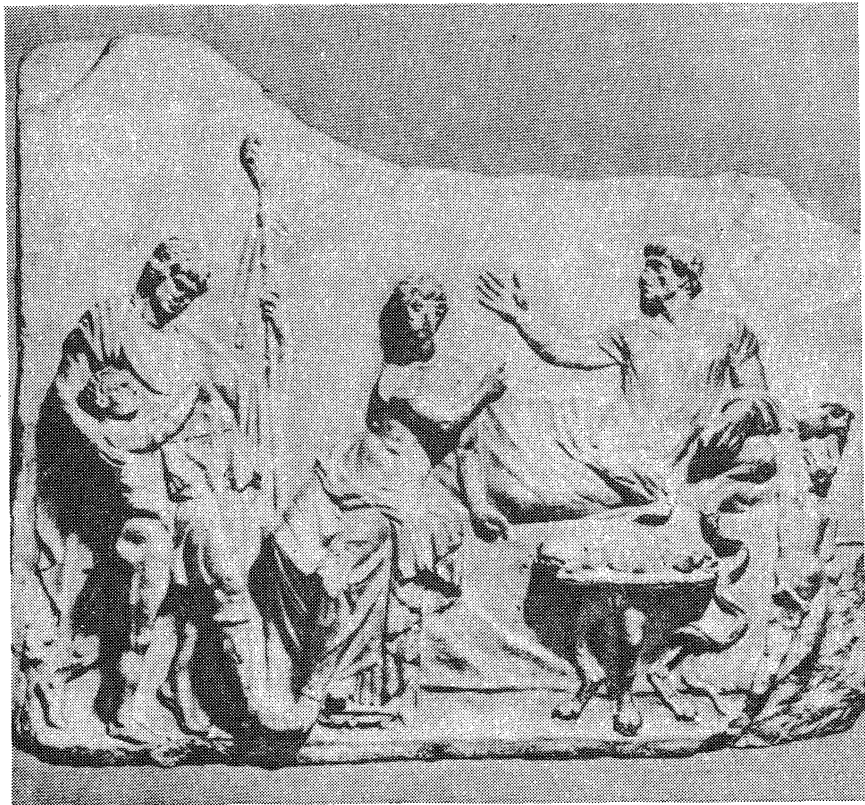
⁵³ Robert L. *Études anatoliennes*. P. 468.

⁵⁴ Sokolowski F. *Lois sacrées d'Asie Mineure*. P., 1954. N 72; *Idem*. *Lois sacrées de cités grecques*. P., 1969. N 135.

⁵⁵ Nilsson M. P. *Greek Popular Religion*. N. Y., 1940. P. 91 ff.

⁵⁶ Poland F. *Geschichte des griechische Vereinwesens*. Leipzig, 1911. S. 478.

⁵⁷ См. каталог имен скульпторов в кн.: Чубова А. П., Конькова Г. И., Давыдова Л. И. Указ. соч. С. 110.

Посещение Дионисом поэта. Рельеф из Пароса. II в. до н. э. Париж. Лувр

Из олимпийских божеств частные религиозные объединения больше всего чтили Диониса, наименее связанного (из греческих богов) с функцией божества — покровителя города; Зевс, почитаемый *фиасами*, обычно объединяется с другими богами или наделяется специфическим эпитетом («Дружеский», различные локальные эпитеты, например Лабрандий, — древнее карийское божество, чьи почитатели были даже в эллинистической Аттике). Историк античной религии М. П. Нильсон отмечает, что среди божеств ассоциаций не встречается Гефест, редка Афина, довольно часты Аполлон, Гермес и Посейдон (последние два — в союзах купцов и моряков), Асклепий⁵⁸. Широко представлен Геракл, на востоке отождествлявшийся с Мелькартом.

В культовых союзах можно проследить тот же синкретизм, который существовал и в полисных культах; члены их часто поклонялись сразу нескольким богам, близким по функциям, или мужской и женской ипостасям небесного божества (например, на Делосе — союз почитателей Сараписа, названного Великим богом, Исиды и Зевса Касия, засвидетельствованного также в сирийской Антиохии; там же — союз вокруг культа Зевса Урия,

⁵⁸ Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. München, 1950. Bd. II. S. 111—115.

Астарты и Афродиты Урании⁵⁹; в Халкедоне существовало объединение, почитавшее двенадцать богов. Среди частных союзов известно несколько в честь царей: египетские воины на Кипре создали союз почитателей царя; существовал фиас атталистов, центром которого был Пергам и который был связан с объединением артистов Диониса; были случаи посвящений членами религиозных объединений за царя: так, почитатели Анубиса в Смирне совершили приношение за царицу Стратонику; сарапиасты в Иране сделали посвящение за царя⁶⁰, однако в этих случаях вряд ли можно определенно говорить о существовании царского культа внутри союзов; по-видимому, для них ни полисные, ни династические царские культы не имели притягательности, члены их не хотели быть связанными с какой-либо государственной макроструктурой.

Те частные культы, которые оказывались наиболее популярными в данном городе, гражданская община со временем делала общественными, брала под свой контроль. В Магнесии на Меандре культ Сараписа был основан первоначально частным лицом, но затем город издал постановление, устанавливавшее уже полисный культ этого божества: местоположение алтаря, характер празднеств, обязанности и права жреца. Декретом Пергама полисным был сделан культ Асклепия, причем должность жреца оставалась в роде его основателя⁶¹. На Делосе культ Сараписа также первоначально был частным⁶². Аналогичные процессы происходили в Афинах, Фессалониках, Танагре и других городах. Но тем не менее число частных культов постоянно увеличивалось.

Вступление в частные культовые ассоциации означало для гражданина эллинистического полиса известную эмансипацию от унаследованных форм жизни и верований: он проявлял свою индивидуальность, выбирая себе божество или божества, устанавливал через обряды своего фиаса личную связь с ним, и в то же время оказывался включенным в сообщество, продолжал сохранять коллективизм быта, без которого человек античного мира существовать не мог. Члены союзов собирались для общих празднеств, устраивали трапезы, часто союзы выступали и как похоронные товарищества. Степень «открытости» этих фиасов была различна: в некоторых разрешалось на празднествах присутствовать родственникам, другие в свои уставы вносили ряд ограничений: так, в постановлении упомянутого союза вокруг культа восточных богов запрещалось приходить на его праздник женщинам. Фиасы выбирали должностных лиц, создавали свои уставы, большинство которых регулировало организацию празднеств, функции жрецов, право на захоронение. Однако создавались и такие союзы, в которых к их членам предъявлялись определенные нравственные требования. Так, члены союза, объединенные вокруг культа Астарты (Делос), требовали от ее почитателей чистоты (по-видимому, физической и нравственной).

Следует обратить внимание, что связь с замужней рабыней считалась столь же предосудительной, как и с замужней свободной. Женщина в любом случае должна была хранить верность своему мужу («свободная

⁵⁹ Sokolowski F. Lois sacrées de cités grecques. P., 1962. N 56, 55.

⁶⁰ Hellenica. XI—XII. 1960. P. 85.

⁶¹ Sokolowski F. Lois sacrées d'Asie Mineure. N 13, 34.

⁶² См. также Syll.³, 663 и комментарий издателя.

женщина должна быть чиста и не знать никакого другого мужчины, кроме своего (мужа), ни на ложе, ни в собрании»). Сохранность семьи, продолжение рода было одним из важных нравственных требований, сформулированных религиозным союзом из Филадельфии I в. до н. э. Похожие установки содержатся в гимне Исиде: в нем богиня провозглашает, что она соединила жену и мужа, изобрела брачный контракт, установила, что женщины должны рожать детей, а дети любить своих родителей (Иос; Sull.³, 1267). Частные союзы, объединенные вокруг культов восточных божеств (прежде всего женских — покровительниц семьи, плодородия), таким образом вырабатывали этические нормы, исполнение которых входило в круг религиозных обязанностей их членов. Эти нормы касались личной жизни, были направлены на создание индивидуальной, а не коллективной морали. Но это было только начало; дальнейшее развитие нравственных требований в рамках религиозных учений, как, впрочем, и других тенденций, существовавших в эллинизме (вера в магию и астрологию, колдовство, обожествление живых людей), происходило уже в рамках римской средиземноморской державы.

3. Представления о человеке, о йкумене, государстве

Выявление того, как представляли себе жители полисов III—I вв. до н. э. место человека в окружающем мире, какова была их политическая идеология, представляет определенную трудность, поскольку не всегда возможно оценить соотношение философских концепций, художественных образов, «общих мест» в письменных памятниках и массовой социальной психологии. И все-таки кажется вероятным, что все эти учения, образы, сам выбор «общих мест» отражали главным образом умонастроения людей, живших в эллинистическом городе, и питались ими.

Уже при анализе религиозных верований ясно выступило стремление человека эллинистического времени обрести личные связи с божеством, защиту в неустойчивом, меняющемся мире, выработать, хотя бы в микро-сообществах нормы поведения по отношению к другим людям. По существу, те же проблемы решала и философия III—I вв. до н. э. Ее важнейшими задачами стали определение места индивида в окружающем мире, включение его в систему связей, объединяющих весь космос, создание морального руководства поступками отдельных людей (взамен традиционного общинного руководства). Наиболее значительными философскими школами были школы эпикурейцев и стоиков, среди народных масс пользовались определенным влиянием киники; на основе Академии сложилась скептическая школа; последователи Аристотеля все меньше занимались общими проблемами, все больше — конкретными науками.

В центре ведущих учений стояли вопросы о путях достижения счастья (*eὐδαιμονία*) человеком, о свободе выбора и предопределенности судьбы и, хотя разные школы отвечали по-разному на эти вопросы, все они отражали определенные духовные потребности людей, вызванные изменениями в системе связей, определявшей положение индивида в обществе и государстве. «Пусты слова того философа, которыми не врачуетсa никакое страдание человека. Как от медицины нет никакой пользы, если она не изгоняет

болезни из тела, так и от философии, если она не изгоняет болезни души», — сказано в одном фрагменте Эпикура⁶³.

Эпикур родился на Самосе в 341 г. до н. э. Он не получил основательного философского образования, но в возрасте 32 лет стал учить самостоятельно в Колофоне, Митилене на Лесбосе, в Лампсаке, откуда переехал в Афины и там основал свою знаменитую школу в «садах Эпикура». В области физики Эпикур продолжал атомизм Демокрита. Он учил, что бесчисленное множество атомов движется в бесконечной пустоте; он ввел понятие веса атомов. Эпикур считал, что вселенная (*τὸ πᾶν*) бесконечна, через нее двигаются атомы с одинаковой быстротой и, отклоняясь, сплетаются друг с другом. Физика и этика Эпикура были тесно связаны друг с другом: утверждая наличие свободы воли у человека, Эпикур наделял такой свободой и атомы, которые могут произвольно отклоняться от направления движения, причем это отклонение ничем не обусловлено (как об этом пишет Лукреций, никаким «положенным сроком», II. 292—293). Свобода воли для Эпикура была основой его этического учения: человек мог без вмешательства божественного провидения достичь счастья в жизни. Эпикур резко выступал против учения о предопределенности, свойственного стоической школе, которая видела в судьбе «владычицу всего». Одни события, с его точки зрения, происходят по необходимости, другие — по случаю, а иные зависят от нас... Эпикур особо подчеркивал, что в отличие от большинства мудрец не видит в случае ни бога, «потому что богом ничто не делается беспорядочно», ни причины всего (К Менекию, 133—135). Каково же то счастье, которое может избрать себе человек? Этика Эпикура индивидуалистична, счастье для него удовольствие, которое порождается отсутствием страдания. Ключевое понятие счастья — атараксия — невозмутимость, покой; именно это приводит к здоровью тела и безмятежности души — главному состоянию, доставляющему удовольствие. Эпикур разъяснял, что он разумеет не «удовольствия распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении, как думают некоторые, не знающие или не соглашающиеся, или неправильно понимающие, но мы разумеем свободу от телесных страданий и душевных тревог» (Ibid. 132). Итак, счастье характеризуется не столько наличием позитивных эмоций, сколько отсутствием отрицательных. Эпикур призывал не бояться смерти, так как «смерть не имеет никакого отношения к нам: ибо то, что разложилось, не чувствует, а то, что не чувствует, не имеет никакого отношения к нам». По существу, свой идеал жизни мудреца Эпикур выразил в описании богов: с его точки зрения, боги существуют, но они не вмешиваются в жизнь людей, а ведут безмятежное существование в пространстве между различными мирами (которых во вселенной, по учению Эпикура, было множество). Итак, свобода выбора должна была проявляться в отказе от всякой деятельности, в уединении.

Но абсолютное одиночество не могло быть идеалом человека античного мира. Так же как в эллинистических полисах заброшенные туда из разных

⁶³ От Эпикура дошли три письма — к Геродоту, к Пифоклу, к Менекию, собрание изречений «Главные мысли» и различные фрагменты. Цитаты из Эпикура приведены в пер. С. И. Соболевского по изд.: *Лукреций Кар. О природе вещей*. М., 1947. Т. II.

мест переселенцы стремились найти себе подобных и объединиться с ними, так и сторонники Эпикура провозгласили важнейшим условием достижения счастья дружбу, которая «танцует по ойкумене», призывая к прославлению счастливой жизни (Sent. Vatic. 52). Но дружба как и истинное понимание удовольствия доступна только мудрецам: во многих местах у Эпикура проводится прямое противопоставление мнений мудреца мнению большинства, толпы, которая связана странами, желаниями, предрассудками.

Этика Эпикура элитарна, и это отражает определенные изменения в социальной психологии и восприятии культуры в эллинистический период. Распространение культурных достижений разных народов, с одной стороны, появление философов и ученых, живших за счет царских милостей достаточно изолированно от большинства, как это было в александрийском Мусейоне (недаром один из эллинистических поэтов иронически назвал Мусейон «птичником муз»), — с другой, приводило к известному разрыву между образованной элитой и остальным населением, хотя, конечно, в условиях сохранения античных полисных традиций полной изоляции быть не могло. Реально последователями Эпикура могли быть представители образованной, обеспеченной части общества, которые не желали принимать участия в бюрократизированной политической жизни.

Идеал невозмутимости был своего рода реакцией на динамичную, полную борьбы, страстей и унижений жизнь рубежа IV—III вв. Недеятельность Эпикура прямо противостоит гражданскому идеалу классического времени, выраженному у Геродота в рассказе Солона: последний говорит Крезу, что самый счастливый человек, с его точки зрения, афинянин Телл, который жил в цветущее время родного города, у него были прекрасные и благородные сыновья, ему довелось увидеть, как у них родились и остались в живых дети, он был по афинским понятиям зажиточный человек; ему была суждена славная кончина: он погиб в битве с врагами доблестной смертью и удостоился погребения на государственный счет (*Herod. I. 30*). В этом рассказе ясно видно, что представление о счастье отдельного человека было тесно связано с представлением о счастье полиса, а гибель на поле боя за свой город считалась высшей добродетелью.

Ничего похожего нет у Эпикура, в центре его учения — изолированный человек или изолированная группа связанных дружбой людей. Разумеется, Эпикур не мог полностью отвлечься от того, что люди живут в постоянном общении с другими, причем эти другие не всегда единомышленники. Поэтому он разрабатывал вопрос о межличностных отношениях в обществе и государстве, вводя понятие справедливости, которая не является абсолютом, но есть «некоторый договор о том, чтобы не вредить и не терпеть вреда» (Главные мысли. 23). В основе понятий «вред» и «справедливость» лежат естественные представления (т. е. связанные с самой природой человека), но тем не менее они могут различаться в разных странах. Таким образом, представление о справедливости у Эпикура — отсутствие вреда, как представление о счастье — отсутствие страданий. По существу, позитивных идеалов эпикуреизм не выдвигает. Подлинными последователями Эпикура в эллинистической действительности были только люди, находящиеся в особо благоприятных условиях (или это учение неизбежно должно было подвергнуться вульгаризации, которая, судя по протестам самого Эпикура, началась уже при его жизни).

Одной из самых популярных школ в период эллинизма был стоицизм⁶⁴. В отличие от эпикуреизма, который корнями своими уходил в эллинскую философию, истоки стоицизма были более сложными: как заметил один из исследователей⁶⁵, это была философия эллинистическая, но не эллинская, я бы сказала, не вполне эллинская. И не только потому, что крупнейшие представители этой школы III—I вв. до н. э. происходили из восточных районов (Зенон, основатель школы, был уроженцем Кития на Кипре, некогда финикийской колонии, Клеанф — малоазийского Асса, Хрисипп — Киликии), но и потому, что стоицизм воспринял некоторые особенности древневосточного мировоззрения (в частности, веру в астрологию) и продолжал искать ответы на вопросы, поставленные в древневосточной литературе мудрости. Из эллинских философских школ стоики были наиболее тесно связаны своими корнями с киниками, а их физика восходит к Гераклиту. Как полагает Лонг, именно кинизм в лице Диогена подготовил популярность стоиков (как, впрочем, и эпикурейцев): Диоген начал выступать против основных понятий классической греческой гражданской жизни залого до Александра, выдвинув в качестве главного принципа требование «жить согласно природе» (*κατὰ φύσιν*)⁶⁶.

На рубеже IV и III вв. Зенон начал самостоятельно учить в Афинах в Пестром портике («Стоа пойкилле») — отсюда и название школы; его выдающимися последователями были Клеанф и Хрисипп; во II—I вв. до н. э. среди философов-стоиков ведущее положение занимали Панетий и Посидоний (Средняя Стоя), оказавшие большое влияние на римскую философию.

Как и для Эпикура, для стоиков основным вопросом был вопрос о счастье отдельного человека, однако они не уходили от важнейшей проблемы, которая стояла перед любым, сколько-нибудь думающим индивидом того времени, — проблемы связи его с окружающим обществом, государством, а для философов и более широко — космосом. Цель стоиков — восстановить утраченное ощущение единства человека и мира, которое существовало в традиционных обществах, когда поведение и оценки его были заданы вековым коллективным разумом. Поэтому космология стоиков тесно связана с их этикой. Для стоиков характерен свойственный античным учениям гилозоизм; космос был для них живым организмом, находящимся в состоянии постоянных изменений. В основе физики стоиков лежали представления о четырех элементах: земле, воде, воздухе и огне, причем первые два были пассивны, а вторые — активны; смешиваясь, они образовывали одушевлявшую все пневму. Космос — замкнутая система, находящаяся в пустоте, но внутри его пустота отсутствует; креационизм — творение мира из «ничего» был чужд стоицизму, как и античной философии вообще. Все в космосе взаимосвязано друг с другом, он управляется «сообразно разумом и провидением» (DL. VII. 137).

В замкнутой системе, где созидательные начала (*σπερματικοί λόγοι*) делают материю творчески активной, а сотворенное разрушается и созида-

⁶⁴ Произведения стоиков периода эллинизма не дошли до нас, известны только фрагменты или пересказы, наиболее подробно в VII книге Диогена Лаэртского; встречаются ссылки на греческих стоиков у Плутарха, римских и христианских авторов.

⁶⁵ Barker E. From Alexander to Constantin. Oxford, 1956. P. 100.

⁶⁶ Long A. A. Hellenistic Philosophy. N. Y., 1974. P. 3 ff.

ется вновь, нет места представлениям о бесконечном развитии в линейном времени. Процессы в космосе происходят циклично: одни и те же явления и формы возникают в другом времени и другом месте. По свидетельству Лактанция, Хрисипп говорил, что нет ничего невозможного в том, что после нашей смерти, по прошествии определенного времени, мы вновь примем тот же облик, что и теперь (Inst. div. VII. 23). Представление о циклическом времени и замкнутости космоса создавало ощущение упорядоченности, неизбежности всего совершившегося, противостояло в сознании последователей стоического учения распадающемуся привычному миру полисов рубежа IV—III вв. до н. э., создавало иллюзию порядка, возможности выхода из хаоса войн и разрушений, сопровождавших борьбу диадохов. Все процессы в космосе определены по учению стоиков разумной причинно-следственной связью; случай для них — это неоткрытая причина. В отличие от Эпикура, провозглашавшего свободу воли даже для атомов, стоики выступали как детерминисты. Для них огромную роль играло понятие Судьбы; Зенон говорил, что Судьба приводит в движение материю, она не отличается от провидения, он называл Судьбу также природой⁶⁷, а Хрисипп определял ее как цепь связанных между собой причин. По свидетельству Диогена Лаэртского, Божество, Разум, Судьба, Зевс есть одно, как утверждали стоики (Diog. Laert. VII. 131). Человек — часть космоса, часть природы и, вместе с ней обладает способностью к разуму; его душа — частица мировой души, прирожденная человеку пневма; человек включен в систему связей космоса — на этом исходном положении строится вся этика стоиков, которая составляет основную часть их учения; в отличие от Эпикура стоики стремились создать такую моральную систему, которая дала бы возможность включиться человеку в существующее общество, действовать в нем.

Поскольку все события определяются цепью неизбежных причинно-следственных связей, личная судьба человека также predetermined, как и все явления в космосе, как и жизнь самих богов, которых стоики, как и эпикурейцы, не отрицали, придавая им материальную природу. Детерминизм стоиков, отрицая свободу воли, тем самым как бы снимал стимулы для борьбы за власть, за обогащение и т. д. Но детерминизм снимает и стимулы к борьбе за благо, ибо, казалось бы, добро должно быть так же predetermined, как и зло. Стоики выходили из этого противоречия учением о жизни сообразно природе, которая и будет соответствовать необходимости: «висящая цель — жить в согласии с природой» (Diog. Laert. VII. 87), а это значит — жить добродетельно. Стоики разработали учение о добродетелях, о зле и о благе. Так, согласно Хрисиппу, добродетель есть благо; благом является рассудительность, справедливость, умеренность, мужество; зло — все противоположное, т. е. нерассудительность, несправедливость и т. д. Но в мире существует еще и неблаго и незло — богатство, здоровье, знатность, а также противоположное — бедность, болезнь... Все это может использоваться и во благо и во зло, потому не является ни тем, ни другим (правда, философы Средней Стои, Панетий и Посидоний, здоровье причисляли к благу). От человека не зависят ни богатство, ни

⁶⁷ «Природа» (*φύσις*), внутренне присущая космосу творящая сила, она отождествляется и с Разумом; она также целесообразное устройство космоса. См.: Edelstein L. The Meaning of Stoicism. Cambridge, 1966. P. 19 ff.

бедность, а только отношение к ним. Итак, идеал человека — мудрец, обладающий добродетелями: жить согласно велениям Разума означает жить согласно Судьбе, тем самым мудрец свободно выбирает жизненный путь, диктуемый природной необходимостью.

Идея Разума и гармонии в космосе неизбежно должна была поставить перед стоиками вопрос о месте зла в мире, вопрос, который настойчиво поднимала древневосточная литература мудрости от вавилонского «Невинного страдальца» до «Книги Иова». Стоики, в частности Хрисипп, высказали мысль о полезности «зла» для существования блага, ибо добродетель в преодолении побуждений, ведущих к несправедливым действиям; терпеливым можно стать, только испытывая трудности, справедливым — устраняя несправедливости. Само по себе зло не абсолютно, оно лишь результат неразумности, незнания, т. е. зло определялось стоиками отрицательными характеристиками.

Стоики ввели понятие долга, исполнение которого и есть жизнь согласно природе. Поскольку каждый человек — часть космоса, то естественно (согласно природе) ставить общее благо выше своего. Долг, по определению стоиков (*Diog. Laert.* VII. 107—109), — это то, что оправдано разумом и внушено им: почитание родителей, братьев, родины, уступки друзьям. Мудрец по велению разума должен отдать жизнь за родину и друзей, даже если он подвергается жестоким испытаниям. Мудрец должен принимать участие в общественных делах, поощряя добродетель и отвращая от зла. Добродетель сама по себе способна дать счастье, мудрец не должен испытывать страсти, ибо страсть — это чрезмерное или искаженное движение души, апатия (бесстрастие) — важнейшее свойство мудреца. Как и у эпикурейцев, у стоиков важную роль играло понятие атараксии и койнонии — объединения с себе подобными; истинная дружба, по их учению, была доступна только мудрецам. Но если идеалом эпикурейцев был мудрец, включенный из общества, то стоики пытались сочетать бесстрастие и невозмутимость с активной деятельностью в человеческом объединении, тем самым они сохраняли важнейшие ценности, присущие античному полису. Но, проповедуя общественную деятельность, они неизбежно должны были поставить вопрос не только об индивидуе, но и о формах объединения людей. Поскольку люди — частица единого космоса, то отсюда следовало неизбежное признание естественного равенства людей, признание, для которого уже появились некоторые основания в реальной жизни эллинистического мира. Наиболее четко это выражено во фрагменте «Политики» Зенона, приведенном Плутархом: согласно этому фрагменту, главное заключается не в том, что люди живут, разделенные по городам и областям, и пользуются своими особыми законами, а в том, что «мы рассматриваем людей как своих сограждан, что жизнь одна, подобно тому как мироздание (космос) одно»⁶⁸. Отечеством для всех Зенон называет ойкумену и подчеркивает идею о том, что эллины и варвары отличаются друг от друга не по рождению, не по одежде, не по обычаям, а по обладанию добродетелями (т. е. добродетельных людей можно назвать эллинами, недобродетельных — варварами).

Идеи космополитизма восходили к киникам (недаром Диоген Лаэртский приводит высказывание о том, что Зенон написал свою Политику на «хвосте

⁶⁸ Антология мировой философии. М., 1969. Т. I, ч. 1. С. 503.

собаки», — намек на созвучие названия «киники» и слова «собачий» — *Diog. Laert.* VII. 7); представление о космополисе и естественном равенстве людей было у стоиков достаточно абстрактным: на деле, в практической этике они признавали существование неравенства: по словам Хрисиппа, одни места в театре неизбежно лучше других. Но признание неравенства (славы, знатности, богатства) не благом и не злом выводило это понятие за пределы моральных категорий и позволяло надеяться человеку любого состояния достичь счастья, обретя добродетель, что, правда, доступно было только для мудреца. «Царственность», т. е. умение управлять другими также доступно только мудрецу (т. е. настоящий правитель обязательно должен быть мудрецом). Представители Ранней Стои не выступали против монархии, но считали, что идеальное государство должно управляться человеком, обладающим добродетелями; Средняя Стоя, вероятно, под влиянием Рима, выдвинула в качестве идеала смешанную форму правления — монархии, аристократии и демократии (*Diog. Laert.* VII. 122). Итак, у стоиков, как и у эпикурейцев, идеал человека был элитарным, но не социально (что отчасти отражало нестабильность этого слоя в эллинистических монархиях и общегреческое, еще полисное, недоверие к людям, выделяющимся богатством и честолюбием), а духовно. Практическая этика наряду с единым отечеством, ойкуменой, признавала долг перед своей родиной, что давало возможность стоику выполнять то, что он почитал долгом и у себя в полисе и в любом другом месте: недаром среди советников реформаторов были философы-стоики, как, например, сподвижник спартанского царя Клемена Сфер из Борисфена.

Стоицизм подвергался резкой критике со стороны еще одной философской школы эллинизма — скептиков, школы, выросшей на основе Новой Академии. Целью скептиков, как и всех философских школ, было найти способ сделать людей счастливыми. Путем к достижению счастья был для скептиков отказ от определенных суждений, уравнивание всех идей, теорий и различных мнений отдельных людей: греков, варваров, свободных, рабов и даже сумасшедших. Распад коллективных, традиционных норм привел к обесцениванию того, что скептики называли «догмами», т. е. позитивными суждениями. Скептики говорили, что всякому суждению можно противопоставить другое, равное ему (принцип изостении); вследствие этого они считали необходимым воздерживаться от любого утверждения; такая позиция должна была привести, с их точки зрения, к невозмутимости духа. Скептики, особенно Карнеад, много сил отдавали критике идеи providения и божества, всеблагого и разумного, выдвинутых стоицизмом. Секст Эмпирик, передавая критику Карнеада, утверждает, что если Бог — совершенное существо, то он должен обладать всеми добродетелями, но это невозможно, так как терпеливым можно назвать только того, кто остается сильным, когда его терзают; бог не может обладать душевным величием, так как для этого нужно преодолевать несчастья, для божества же нет ничего неприятного (*Diog. Laert.* IX. 151). Таким образом, доведенный до логического предела, античный рационализм выступил против идеи единого всемогущего божества, обрести которое стремились народные массы Восточного Средиземноморья. Но до иррационального восприятия божества, до религии откровения в античном мире путь был еще далек. Скептики не противопоставляли своих мудрецов остальным людям, большинству; наоборот, они

призывали жить, как соседи, исполняя все обряды, свойственные полису. Скептицизм, таким образом, был формой духовного конформизма разочарованного в религии и философии образованного человека, которому равноценность всех суждений помогала существовать в любом обществе, следуя его нормам. Но именно поэтому скептицизм, много сделавший для критики увлечения магией, мантикой и т. п., не мог стать сколько-нибудь популярным учением и соперничать со стоицизмом.

Проблему счастья отдельного человека, отношения человека и природы пытались решать и киники, чье учение продолжало распространяться в III—I вв. до н. э. Они высмеивали такие понятия, как знатность, слава, полис, называя их украшениями испорченности (высказывания киников и анекдоты о них собраны в VI книге Диогена Лаэртского). В период эллинизма начинают складываться легенды о киниках, наподобие знаменитого рассказа о том, как Диоген сказал Александру, чтобы тот отошел и не заслонял ему солнце. Киники не просто проповедовали свое учение, они эпатировали общественное мнение своим поведением, своей одеждой, нарочитой грубостью своих речей. В III в. до н. э. философов-киников можно было видеть во всех полисах эллинистического мира, они переходили из города в город, демонстрируя свое неприятие государства, богатства, общепринятых норм жизни. Их учение привлекало к себе выходцев и из народных масс, и из образованных слоев общества, постоянно ощущавших социальные и имущественные контрасты и стремившихся отойти от элитарности других философских школ. Ориентированные на широкий круг последователей, киники в своих речах и произведениях использовали образы народного фольклора, гротеск, подчас грубый, сатиру. Кинизм, по существу, вышел за рамки философского учения; эта школа оказала влияние на целый ряд художественных произведений как в литературе, так и в изобразительном искусстве (особенно в небольших терракотовых изделиях, рассчитанных на массовый спрос). Подобные произведения позволяют проследить определенные черты массовой психологии того времени, увидеть, какие именно идеи и представления о человеке и мире были распространены за пределами собственно философских школ.

Одним из кинических писателей был знаменитый Менипп, раб, затем выбившийся в люди, снова обедневший и, по преданию, кончивший жизнь самоубийством. Страбон, называя выдающихся уроженцев палестинской Гадары, говорит о нем — «серьезносмешающий» (*Strab.* XVI. 2, 29). Менипп использовал традиционные народные мотивы, делая свои острые шутки доступными самым разным людям. Про другого киника, Биона, говорили, что он одел философию в пестрое платье гетеры. В мелиамбах Керкида из Мегалополя утверждается бренность всех мирских благ⁶⁹:

Как изысканные блюда обжор и чревоутодников,
Так и похлебка, не заслуживающая даже
Названия еды, которую бедняки черпают из одного котелка, —
Все отправляется в конечном счете в отхожее место...

Ему вторят анонимные холиямбы, дошедшие на папирусе: «...сколько ни ешь, все отправляется в живую пучину...» В этом фрагменте содержатся

⁶⁹ Отрывки из кинических произведений см.: Антология кинизма. М., 1984.

резкие выпады против стяжательства; автор формулирует свое представление о настоящем человеке: «... я предпочел бы иметь только самое необходимое и считаться честным человеком»; а несколькими строками выше он утверждает, что удовольствие может доставить только свершение полезного и справедливого. В этом идеале можно видеть и влияние стоиков; конкретные люди под впечатлением различных учений вырабатывали свое представление о счастье, и между разными течениями не было четких границ, поскольку все они пытались дать моральную опору индивиду. В то же время у поэтов, связанных со стоиками, могли проскальзывать мотивы отказа от активной общественной жизни, как, например, у Посидиппа, возможно учившегося у Зенона и Клеанфа: «В жизни какую избрать нам дорогу? В общественном месте — тяжбы да спор о делах...»⁷⁰

Интересен еще один папирусный фрагмент, также считающийся близким кинизму:

Нет никого, кто, изучая повадки наших
Современников, не взглянул бы на них без проклятий
и ненависти...
Справедливость ушла и никогда больше не вернется.
Прощает неверие, а вера покинула землю.
Бесстыдство стало сильнее Зевса.
Святость клятв умерла, и боги терпят все это.
Низость буйствует повсюду среди людей...

(пер. И. М. Нахова)

В этом фрагменте также осуждается стяжательство, отказ от традиционных духовных ценностей. Обращает на себя внимание сходство причитаний с жалобами в древнеегипетском произведении «Спор разочарованного со своей душой»: «...Алчны сердца, На чужое зарится каждый... Нет справедливости, Земля отдана криводушным...»⁷¹ и т. п. Осуждение стяжательства — достаточно распространенный мотив в древневосточной литературе мудрости⁷², как и жалобы на пренебрежение волей богов — «Дорогой успеха идут те, кто не ищет бога, Ослабили и захирели молившиеся богине», — сказано в «Вавилонской теодицее» (VII. 70). Греческие авторы могли знать эту литературу в пересказах и переводах. Каллимах, например, написал «Спор оливы с лавром», явно подражая вавилонскому спору тамариска с финиковой пальмой; а Гораций в «Памятнике» использовал образы египетского «Восхваления писцов» («Они не строили себе пирамид из меди...»), вероятно известного ему из грекоязычной литературы. Так что и приведенные выше отрывки не представляли чисто киническую литературу; авторы их воспользовались древневосточными образцами. Но сам выбор жанра, именно этих, а не других «общих мест» литературы мудрости, позволяет думать, что они были близки многим людям эллинистического мира, отражали их восприятие окружающей действительности. Характерно, что авторы папирусных фрагментов далеки от невозмутимости идеального мудреца, их обличения проникнуты страстью и

⁷⁰ Греческие эпиграммы. С. 56 и след.

⁷¹ Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. С. 98—99.

⁷² Об отношении к несправедливому богатству на древнем Ближнем Востоке см.: Вейнберг И. П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986. Гл. VIII.

пафосом, которые были свойственны многим произведениям эллинистического искусства⁷³ (можно вспомнить хотя бы изображение борьбы богов и гигантов на Пергамском алтаре). Восхищение силой и борьбой встречается даже у автора идиллий Феокрита (XXII), в эпиграммах на изображение Александра (например, у Посидиппа: «...Подлинно мечет огнем Медь, из которой ты образ отлил Александра...»). Так что идеал мудреца, созданный философами, был скорее реакцией на преклонение перед индивидуальной силой, мощью, славой, которое основывалось на успехах реальных полководцев, поддерживалось официальной пропагандой; этот идеал отражал только один из аспектов умонастроения человека эллинистического мира.

Реакцией на трудную, шумную, многолюдную жизнь большого города было восприятие пастушеского быта, призыв, звучащий и у философов и у поэтов, к соединению с природой. Буколическая поэзия становится одним из ведущих жанров поэзии эпохи эллинизма, создается образ идеального певца-пастуха.

Тоска по жизни в единении с природой была вызвана не только суетой городских будней, но и изживанием мифологического восприятия природы, неразрывно связанной с человеком⁷⁴, внутренним отчуждением его от мира лесов, рек, полей; Пан и нимфы становятся всего лишь литературными образами; ощущение этого разрыва вызывает желание преодолеть его: отсюда интерес к пейзажу, к изображениям животных, птиц, детей, играющих с ними. В буколической поэзии звучали настойчивые призывы всмотреться в природу, обрести покой в общении с ней. Как сказано у Аниты: «Странник, под этой скалой дай отдых усталому телу; Сладко в зеленых ветвях легкий шумит ветерок...»⁷⁵ Характерен сам образ путника, находящегося в постоянном движении, который может отдохнуть в тени ветвей. Но при этом сами авторы продолжали жить в городах и наряду с мирной жизнью пастухов и пастушек воспевали, как это делал Феокрит, царей и цариц... А терракотовые статуэтки, отражая массовые вкусы, изображают земледельцев грубыми, уродливыми, как, например, в терракотовой группе крестьянина, собирающегося зарезать кабана размером с самого крестьянина.

Как пишет Г. Шнейдер, *Menschbild* эллинистического времени включала разные и противоречивые элементы: с одной стороны, представление о гражданине мира, с другой — психология маленького человека; вседозволенность сверхчеловека — и этика среднего слоя; наряду с преклонением перед силой почитание таких добродетелей, как человеколюбие и благо-расположение; стремление жить любой ценой — и разочарование в активной жизни; индивидуализм — и желание общения⁷⁶. Противоречивость в восприятии и оценке человеческой личности, которые выделил Шнейдер, связаны прежде всего с кризисом полисных норм жизни, с тем, что полисная и общинная психология не могли сочетаться с новыми условиями сущест-

⁷³ См.: Webster T. B. L. *Hellenistic Poetry and Art*. N. Y., 1973. P. 190 ff. Автор замечает, что для людей эллинистического периода было свойственно получать удовольствие от вида физической силы и боли.

⁷⁴ Отношение к природе как «я—ты» охарактеризовано в упомянутой книге Вейнберга (гл. III).

⁷⁵ Греческие эпиграммы. С. 77.

⁷⁶ Schneider C. *Op. cit.* S. 25—29.

Ника на дельфине. Мирина. II в. до н. э. Терракота. Москва. ГМИИ им. А. С. Пушкина

воваания в рамках огромных держав; эллинизм был временем поисков такого сочетания, которое в известной степени и на известный период было осуществлено только в Ранней римской империи. По существу, то противоречие, с которого начал Шнейдер, и было ведущим.

На воззрения о человеке оказало существенное влияние и изменение представления об ойкумене и людях, ее населяющих, которое можно было проследить в учениях философов всех направлений, но которое формировалось и за пределами этих учений.

Завоевания Александра раздвинули границы известного мира и изменили восприятие ойкумены не только у ученых, но и у рядовых людей. Самым главным в этих изменениях было представление о протяженности и множественности обитаемых миров, интерес к новым землям и народам. Прежде всего это сказалось в развитии географических знаний; Аристотель, признавая существование двух обитаемых зон, считал, что они могут быть расположены только в умеренных поясах, одна на севере, другая на юге (*Arist. Meteorol. II. 5, 362a*); эллинистические географы говорили о четырех ойкуменах. Эпикур уже считал, что вселенная бесконечна и в ней существует бесчисленное множество обитаемых миров. Эратосфеном были заложены основы науки о земле с учетом ее шарообразности (идея, предложенная еще Евдоксом). Уточнялись представления не только о карте земного шара, но и о сферах ее обитания: в частности, Гиппарх высказал мысль об обитаемости экваториального пояса, Пифей — об обитаемости стран северных. Начинает осознаться и то, что, кроме известных обитаемых областей,

существуют и другие, еще неизвестные (эта идея, в частности, высказана Полибием в его полемике с Тимеем, который считал, что вся земля делится только на три части — Европа, Азия и Ливия): обитаемое пространство раздвигалось и раздвигалось⁷⁷. Но не только эволюционировало представление о протяженности ойкумены, менялась оценка отдаленных ее частей. Для грека классического периода, имевшего представление о существовании других, прежде всего восточных стран, центром мира, лучшей его частью оставалась привычная для него среда — Эллада. Это ясно выражено у Геродота: он пишет, что окраины ойкумены щедро наделены редчайшими и драгоценными дарами природы, но зато Эллада имеет самый благодатный климат (*Herod.* III. 106). Такова же была позиция и Гиппократ, который лучшие условия для жизни связывал с западным побережьем Малой Азии (недаром он сам родился на Косе). У скифов, по его мнению, слишком холодно, а у египтян — слишком жарко (18). В эллинистический период стали возникать представления о благоприятном климате и условиях жизни именно на окраинах, причем эта идея проникает и в художественную литературу (на солнечных островах, лежащих у экватора, климат умеренный, день равен ночи, плоды созревают круглый год — *Diod.* II. 56—58). Чужая природа вызывает интерес, растения привозятся из разных мест и пересаживаются в сады и парки, причем как из восточных стран — в Грецию, так и греческие — в восточные области.

Интерес к чужим странам, их географии и истории проявлялся в путешествиях, прежде всего организованных по инициативе эллинистических царей: Красное море и восточная окраина Африки были исследованы по указанию Птолемея; Селевкиды отправляли путешественников в Индию. Некий грек по имени Симонид пять лет прожил в Мероэ⁷⁸. Греки интересовались и прошлым восточных стран, в которых они жили: Гекатей Теосский описал Египет, утверждая, что именно эта страна была колыбелью цивилизации; Менаандр из Эфеса создал историю Тира⁷⁹. Интерес к чужим землям, постоянное общение с представителями разных народов изменило восприятие варваров среди достаточно широкого круга образованных людей. Происходит даже известная идеализация негреков, причем не только представителей первобытных племен. (Последнее характерно для самых ранних этапов складывания классового общества; в нем сказалась своего рода тоска по исчезающему племенному равенству.)

Страбон приводит слова Эратосфена, резко возражавшего против деления на эллинов и варваров; Эратосфен, как и Зенон в «Политике», предлагал делить людей согласно их качествам, ибо многие из эллинов плохи, а из варваров же культурны, например индийцы, арии, римляне и карфагеняне (*Strab.* I. 4, 9). Идея равенства всех народов прекрасно выражена в знаменитой автоэпитафии Мелеагра, уроженца палестинской Гадары, выросшего в Тире и многие годы проживающего на Косе. Мелеагр прямо называет себя сирийцем: «Если сириец я, что же? Одна ведь у всех отчизна — /

⁷⁷ Подробно географические воззрения античных освещены в кн.: Дитмар А. Б. География в античное время. М., 1980 (в ней обширная библиография); *Geschichte des wissenschaftlichen Denkens im Altertum*. В., 1982. S. 432—440.

⁷⁸ Об исследованиях Мероэ в эллинистическую эпоху см.: Кацнельсон И. С. Античные писатели о Нубии // Палестинский сб. 1962. Вып. 7.

⁷⁹ *Sarton G. Hellenistic Science and Culture* // Harv. 1959. P. 206 ff.

Мир, и Хаосом одним смертные мы рождены...» А вторую эпитафию он кончает обращением к путнику проходящему мимо его могилы: «Если сириец ты, молви „салам“, коль рожден финикийцем, / Произнеси „аудонис“, „хайре“ скажи, если грек»⁸⁰.

Автоэпитафии Мелаэгра (он жил в начале I в. до н. э.) показывают степень развития идей естественного равенства разных народов, которой эти идеи достигли в период позднего эллинизма и которые, как указывалось выше, проявились и в некоторых религиозных союзах того же времени.

Однако в реальной действительности равенства не существовало, местное сельское население находилось в зависимости от царя, от вельмож, от города. В этих условиях мыслители, говорившие об естественном равенстве людей, неизбежно должны были поставить вопрос о происхождении неравенства общественного. В эллинистический период получает развитие восходящая к Эфору теория договора между победителями и побежденными, между сильными и слабыми. Эта теория разрабатывалась на примерах древних форм зависимости этносоциальных групп (илотов, мариандинов, пенестов), которая устанавливалась на основе взаимных соглашений. Отзвуки теории договора можно встретить у Страбона, когда он пишет о том, что мариандинов не продавали за границу, «таковы были условия договора» (*Strab.* XII. 3, 4); или в его словах о покорении спартамцами Гелоса (*Strab.* VIII. 5, 4). Архимах (конец III в. до н. э.) писал, что беотийцы сами себя предоставили в рабство фессалийцам «по договору, согласно которому их не вывезут из страны и не станут убивать, а сами они, обрабатывая землю для фессалийцев, будут уплачивать подать» (*Athen.* VI. 264b). Здесь уже высказана идея добровольного подчинения. Наиболее четко идея договора, на основе которого создается общественное неравенство, выражена у Посидония: «Многие из них (речь идет о мариандинах на земле Гераклеи Понтийской), будучи не в состоянии управлять собой вследствие бессилия разума, передают себя в услужение более разумным, чтобы, получая от них постоянную заботу о необходимом, сами в свою очередь платили бы им всем тем, в чем они способны обслуживать их...» (*Athen.* VI. 263d). У Посидония также на первый план выступает не насилие (о котором в отношении тех же мариандинов пишет Страбон: их «принудили илотствовать»), а добровольное соглашение, вызванное различием людей по степени разумности.

Мы не будем касаться вопроса о том, насколько все эти свидетельства отражают реальное положение зависимых групп населения, подчеркнем только, все существовавшие ограничения в распоряжении подвластными людьми объясняются взаимной договоренностью, которая у ряда авторов трактуется как вполне добровольная. Теория договора не только объясняла происхождение неравенства, важным компонентом этой теории было утверждение о взаимных обязанностях и управляемых и управляющих по отношению друг к другу. И хотя различие в разумности природное, такой подход существенно отличается от подхода Аристотеля, для которого варвары — рабы по природе, они не похожи на свободных и физическим сложением (их тело приспособлено для выполнения физического труда), таким людям быть рабами «и полезно и справедливо» (*Arist. Polit.* 1252a—1254b). У Посидония более разумные не просто имеют право «властвовать

⁸⁰ Греческие эпиграммы. С. 129.

и господствовать», как считает Аристотель, но и должны проявлять неустанную заботу о тех, кто добровольно им подчинился. Политическая мысль эпохи эллинизма выступала тем самым против произвола, за соблюдение права и закона. Те же представления о взаимных обязательствах, о праве и законе выражались и в отношении к царю и царской власти.

В эллинистический период, когда царская власть стала политической реальностью, греческие философы вели дискуссии о сущности этой власти, о смысле «служения» царя, о соотношении его воли и закона. Е. Р. Гудену проанализировал фрагменты сочинений философов, которые рассматривали вопрос о необходимости подчинения со стороны царя писаным законам. В то же время он отметил популярность стоической доктрины о том, что царем должен быть только мудрец, который независим от писаных законов, ибо он ориентируется на Разум, на нормы, установленные природой⁸¹. В основе стоического учения о царской власти лежало представление о праве человека, превосходящего остальных добродетелью, управлять ими (это же представление отразилось и в теории договора Посидония). Единая мировая монархия, управляемая согласно Разуму и Природе, была для стоиков земной моделью космоса. На воззрения стоиков повлияли и древневосточные концепции о царе как носителе законности и справедливости. Философские дискуссии, каковы бы ни были их корни, отражали сложность отношений эллинистических царей и полисов, входивших в эллинистические державы или союзных с ними.

Терминология официальных надписей, исходящих как от царя, так и от городов, позволяет проследить концепцию отношений правителя и подданных, которая была принята обеими сторонами, хотя, разумеется, далеко не всегда соблюдалась в реальной действительности. Как замечает Ф. Шамо, полисы пытались сохранить свои традиции, но отстоять автономию им было очень трудно⁸².

Сам царь, как личность, должен был обладать определенными качествами, которые оправдывали бы почести, ему воздаваемые. Почетные надписи дают возможность выделить свойства царя, считавшиеся обязательными для правителя; на них была ориентирована официальная пропаганда. В число добродетелей царя входило «мужество» (*ἀνδραγαθία*) (Syll.³, 606; OGIS. 332); традиционная черта героев и полководцев; «человеколюбие» (OGIS. 229); «доблесть и благородство» вообще (*ἀρετή*), встречается во многих надписях, например, Syll.³, 606, 575, 628, 670 etc.), причем часто это слово употребляется в значении активных благородных поступков по отношению к городу, гражданам; иногда «арете» сочетается с «эвергесией» (благодеянием — Syll.³, 670, 632). Перечень качеств идеального царя содержится в постановлении Дельф об учреждении праздника «Атталеи» в честь Аттала II (Syll.³, 672). В надписи сказано, что царь был другом Дельф, был к нему благорасположен (*εἶναι*), был благочестив в отношении богов. Аттал пожертвовал Дельфам большую сумму денег, но для получения почестей нужно было, кроме этого весьма существенного деяния, обладать набором качеств, соответствующих представлению о добродетельном

⁸¹ См.: Goodenough E. R. Die politische Philosophie des hellenistischen Königtum // Ideologie und Herrschaft in der Antike. S. 28—29.

⁸² Chamoux F. La civilisation Hellénistique. P. 22.

правителе, и декрет эти качества перечисляет: Схожий набор содержится в делосской надписи в честь жены Персея, дочери Селевка IV Лаодики («арете», благочестие, благорасположение — Syll.³, 639). Не только автономные полисы, но и зависимые от царя люди воздавали ему почести за проявление благородных качеств (Syll.³, 596, воины Евмена II).

Основной характеристикой отношения царя и его подчиненных было «благорасположение», так, например, Антиох II отмечает благорасположение, которое Эритры проявляли к Селевкидам («к нашему дому» — RC. 15). О благорасположении к царю говорится и в декрете Смирны (OGIS. 229), и во многих других надписях. Но благорасположение, как это видно из вышеупомянутой дельфийской надписи, оказывал и царь; *εὐνοία* наряду с другими добродетелями царя упоминается в ряде почетных надписей (например, Syll.³, 606, 629, 639). «Благорасположение» не было только характеристикой отношений царя и полисов: постановление какого-то союза на Делосе (Диттенбергер восстанавливает «союз македонцев» на основании сохранившейся буквы «М» — Syll.³, 575) чествует Филиппа V за «арете» и благорасположение. В известной клятве Евмена I и наемников обе стороны клянутся быть благорасположенными друг к другу. В. Шубарт расценивает это выражение в данной надписи как заверение в верности⁸³, но, по-видимому, это слово имело более широкий смысл, означавший и преданность (со стороны подчиненной стороны), и определенные действия, направленные на благополучие того, к кому проявлялось «благорасположение», причем применение этого термина и царями, и городом, и частными товариществами по отношению друг к другу создавало представление об обоюдности и добровольности тех отношений и обязательств, которые проистекали из «благорасположения».

Идея о царственности как сосредоточении добродетелей не была чисто греческой: в надписи Дария I из Накши-Рустами к достоинствам царя отнесены разум, доблесть, справедливость, выдающиеся качества военачальника и воина. Но между царем и подданным лежит пропасть. Для персидского царя хороший подданный — тот, который «выполняет или приносит в меру своих сил» (пер. В. И. Аббаева). Политическая концепция эллинизма, разработанная философами и впитавшая в себя умонастроения граждан полисов, ввела понятие взаимного «благорасположения», не только доблести, но и человеколюбия. Мало кто (если вообще кто-либо) из эллинистических царей отвечал этим требованиям, но таков был идеал, проникший в официальную фразеологию и поддерживавший у жителей эллинистических полисов чувство — пусть в достаточной степени иллюзорное — уважения к полисным традициям, к своему статусу гражданина. Несоответствие идеалу давало возможность резко критиковать конкретных царей, как это делал Полибий в отношении Филиппа V, Антиохов III и особенно IV, и оправдывало выступления против тех или иных правителей. Как пишет В. Шубарт, царь, который разрешал называть себя благодетелем и должен был бы им быть, мог оказаться тираном, и тогда «благодарные» подданные поднимали мятежи⁸⁴. Представления о власти, как они

⁸³ Schubart W. Das hellinistische Königsideal nach Inschriften und Papyri // *Ideologie und Herrschaft*... S. 100—101.

⁸⁴ Ibid. S. 91.

отразились в эпиграфических источниках, были тесно связаны с теми поисками этических ценностей, которые можно проследить и в религиозных союзах, и в учениях философов; то, что эти поиски оказали влияние на политическую терминологию, показывает их глубину и интенсивность. Но эллинистический период был только началом этих поисков, сложных, противоречивых; новые учения, этические, политические, религиозные, выкристаллизовались уже в Римской мировой державе.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ УТОПИИ (ЯМБУЛ И ЕВГЕМЕР)

Есть в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского два рассказа, которые не только способны привлечь современного читателя своей занимательностью и прелестью изложения, но также неизменно возбуждают весьма разносторонний интерес исследователей. Это восходящее к Ямбулу и Евгемеру повествование о Солнечном острове и об островах Панхайа. Тексты служат материалом для обсуждения таких тем, как происхождение греческого романа, история утопий, идейные истоки восстания Аристоники, социалистические и коммунистические учения древности, строй Птолемеевского Египта, географические и этнографические знания в античности и т. д.

Нас эти тексты интересуют как уникальные источники по теме «эллинистические утопии». В других случаях мы или недостаточно осведомлены (например, об утопических повествованиях Гекатея Абдерского или Феопомпа сохранились лишь беглые упоминания), или речь может идти не об утопиях, а только о налете утопичности, как в описаниях некоторых далеких варварских племен или в идеальных проектах, отразившихся в публицистике и деятельности социальных реформаторов. Хотя о повествованиях Ямбула и Евгемера мы знаем из пересказов у Диодора, все же открываются довольно цельные картины, располагающие к их анализу и гипотезам.

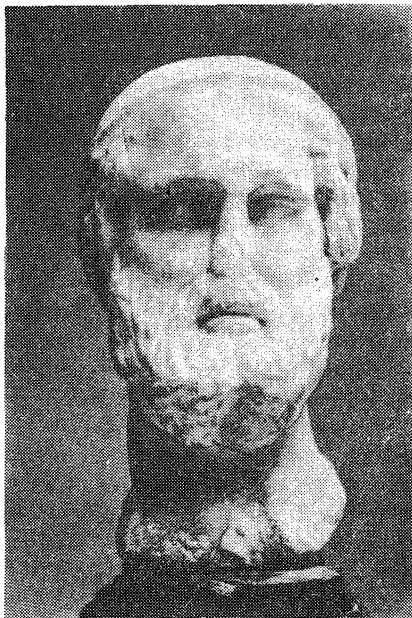
Тексты Диодора, связанные с Ямбулом и Евгемером, будут рассмотрены по отдельности, так как каждый рассказ позволяет поставить свои проблемы. Что касается нашего подхода, он един для обоих источников. Изучив разнообразную специальную литературу, мы пришли к заключению, что всего больше в исследованиях недостает широкого взгляда на источники, внимания к многообразным внутренним связям, которые сообщают цельность повествованиям и помогают точнее определить их суть. Многие из тех, кто занимался этими источниками, в увлечении своими задачами и концепциями видели в них только то, что их прямо интересовало: Пельман сравнил рассказ Ямбула с Готской программой, Тарн признавал в Евгемере и Ямбуле творцов «подлинных современных утопий», Г. М. Пригоровский подчеркивал связь рассказа Ямбула с Птолемеевским Египтом и т. д. Отношение же утопий к самим произведениям Ямбула и Евгемера слабо принималось в расчет. В тени оставалась связь повествований с «Исторической библиотекой», в составе которой они дошли. Наконец, изъятые из рассказа отдельные сведения об общественном устройстве, положении женщин, воспитании детей и т. д. изучались вне контекста, без понимания

идейных, композиционных и стилистических особенностей текстов в их цельности. Поэтому свою цель мы видим в том, чтобы как-то восполнить эти пробелы.

Переходим к утопии Ямбула. Когда и где он жил, не удастся точно определить. Все, что известно нам о нем, извлечено из его же сочинения, лишь частично пересказанного Диодором. Время его жизни падает на период от царствования Александра Македонского до эпохи Августа, когда писал Диодор. По имени пытались определить, откуда Ямбул родом. Кроме Диодора, о Ямбуле (хотя это под вопросом) упомянул Лукиан: «Ямбул также написал много удивительного о живущих в великом море: всем было известно, что все это — созданный вымысел, но тем не менее выдумка его была не без приятности». Даже в краткой передаче Диодора рассказ Ямбула позволяет составить представление не только о его художественных достоинствах, но и о многослойности текста. Структурным особенностям текста (*Diod. II. 55—60*) уделялось меньше внимания, чем отдельным элементам: данным о жизни обитателей Солнечного острова, их укладе и нравах. Но эта сторона также важна, поэтому следует к ней присмотреться.

Диодор предваряет рассказ об острове сведениями о том, как и откуда узнал о нем Ямбул, который описал его, и чей рассказ, в свою очередь, использовал сам автор «Исторической библиотеки».

После смерти отца, бывшего торговцем, Ямбул, движимый жаждой знаний, отправился в Аравию и в «страну пряностей». Вместе со спутниками он попал в плен к разбойникам, затем оказался в руках эфиопов. Те решили принести захваченных ими чужестранцев в качестве искупительной жертвы (*εἰς καθάρισιν*) богам за страну. С давних времен бытовал обычай (*νόμιμον*) каждые двадцать поколений, т. е. раз в 600 лет, отправлять в море двоих людей. Для них строили корабль, их снабжали необходимой едой. Обреченные на плавание должны были держать курс на юг. Через шесть месяцев блуждения по морю им надлежало пристать к счастливому острову (*εἰς νῆσον εὐδαίμονα*) с добродетельными людьми (*ἐπιεικεῖς ἀνδράποιν*), среди которых они вели бы блаженную жизнь (*μακαρίως ζῆν*). Если отправившиеся благополучно достигали острова, то стране на 600 лет даровались мир и счастливая жизнь (*βίον ... εὐδαίμονος*). Провожая тех, на кого падал выбор, эфиопы устраивали празднество, приносили богатые жертвы богам, увенчивали своих избранников цветами. Если же устрешенные безбрежным пространством моря люди поворачивали

Голова
бородатого пожилого мужчины.
III в. до н. э.
Мрамор. Москва. ГМИИ
им. А. С. Пушкина

назад, их как нечестивцев, оскорбивших народ, ожидала тяжкая кара. Испытания выпали на долю Ямбула и его спутника. Пленников поместили на суденышко и приказали им двигаться на юг. Через четыре месяца они приплыли к острову, жители которого приветливо встретили чужестранцев.

Далее идет описание острова, одного из семи, начинающееся словами, что обитатели его своими физическими особенностями и поведением резко отличаются от жителей «нашей земли» (*κατὰ τὴν φύσιν αὐτοῦ*). Речь течет свободно: тут и повествование о некоторых обычаях, и сведения о растительном и животном мире, о родниках, о культуре и нравах островитян. Переходы от одной темы к другой не нарушают связности рассказа. Природа и люди представлены в единстве.

По окончании рассказа говорится, что через семь лет Ямбул и его спутник были изгнаны с острова как «творящие зло и возвращенные с навыками к дурному». Затем следуют немногие подробности о новых приключениях Ямбула, его посещении индийского царя Палиботры и возвращении через Персию в Грецию.

Обратим внимание на вводную часть отрывка, поскольку она всего более дает основание обнаружить в нем наличие первого слоя — легенду с путешествии и жертве (даре) обладателям блага с целью получить его для воздающих жертву (дар). На то, что рассказанному напрашивается параллель с библейским «козлом отпущения», обратил внимание еще изучивший текст Г. И. Кацаров. Мы со своей стороны предложили бы сравнение с типологически близкими шаманскими верованиями о путешествиях камлающих шаманов в благоую часть мироздания. Согласно преданиям, их целью было заручиться поддержкой ее обитателей к тем, кто отправлял шаманов, которые при этом играли роль посредников и жертв. Не пытаюсь отыскать следы какой-то одной легенды, которая была бы воспроизведена в тексте, хотелось бы подчеркнуть, что структура легенды, ее компоненты — указание на обычай, жертву, путь на юг для достижения благой страны, благих существ, некоей точки в мироздании, связываемой с добром, от чего ожидается в ответ на жертву (дар) благополучие пославшим, — эти и некоторые другие особенности позволяют не только различать названный слой в отрывке, но и подчеркнуть, что у создателей подобных космологических легенд была установка на их достоверность.

Отношение к рассказываемому как к достоверному присуще и Ямбулу, который воспользовался данным фольклорным материалом и воспроизвел легенду с точки зрения посредника — жертвы. Разумеется, Ямбул далеко отстоит от творцов легенды, но она продолжает жить в его исполнении. Это второй слой текста. Ямбул наделяет Солнечный остров гео- и этнографическими чертами. Он детально прописывает природу острова и общественный строй жителей. Отдельные легко узнававшиеся читателям детали сообщали правдоподобие рассказу (вспомним принцип мимесиса, подражания действительности, сформулированный Аристотелем для поэтического творчества). К тому же Ямбул не только от своего имени говорит о путешествии на Солнечный остров, но ставит это путешествие в один ряд с другими — в Аравию, Индию, Персию.

Вероятно, тот философский дух, который свойствен отрывку (влияние стоиков отметил еще Роде), восходит к Ямбулу. Но под обаянием стоического

Марсий перед казнью». II в. до н. э. Мрамор

взгляда на мир был и Диодор, с которым можно связать третий слой рассматриваемого текста.

Каково отношение Диодора к этому отрывку, в чем могла сказаться его роль интерпретатора рассказа Ямбула? В поисках ответа на этот вопрос стоит сравнить отрывок с введением к «Исторической библиотеке», где историк говорит о своем замысле в целом, вводит читателей в круг мыслей, существенных для понимания всего его труда. Представление об общности как соответствии, упорядоченности занимает важное место в рассуждениях Диодора. Всеобщая соразмерность (*εἰς κοινὴν ἀναλογίαν*) простирается до

крайних пределов звезд и людей. Введение пронизано убеждением, что нет противоположностей, которые не предполагали бы единства в более общем смысле, не знали бы целостности, их собирающей.

По своей настроенности отрывок близок введению. Уловим единый ритм в повествовании о жизни островитян, их обычаях, климате, бытии моря, неба, растений. Отдельные части отрывка — о природных циклах, смене занятий, общности и проч., прочитанные в связи друг с другом, в их последовательности и совокупности с введением, обретают другое звучание, чем когда их изымают из контекста.

Ненавязчиво, но достаточно внятно сказано в тексте о связи благодатной природы, дарующей телесное здоровье людям, и таких проявлений духовной жизни, как астрология и письменность: «Есть также обильные источники воды: горячий — полезные для купания и снятия слабости, холодной — отличающиеся приятностью и способные содействовать здоровью. Сверх того, обитатели острова заботятся о просвещении всякого рода, особенно об астрологии; и они пользуются письменными знаками, которые могут передать 28 значений; по начертанию же знаков — семь, из которых каждый при преобразовании имеет четыре вида. Пишут они, располагая строки не по горизонтали, как мы, но сверху вниз по вертикали» (II. 57. 3—4).

Темы неизменно переплетаются. Рассказ о редком здоровье островитян сопровождают упоминания о их обычаях: «Люди долговечны необыкновенно, доживая вплоть до ста пятидесяти лет и большей частью не ведая болезней. Искалеченного и потерпевшего какой-то телесный ущерб понуждают в соответствии с крутым законом уйти из жизни. Есть у них также обычай жить до определенных лет, и, исполнив этот срок, они добровольно умирают странной смертью: ибо произрастает у них особая трава, на которую когда кто возляжет, то, незаметно и сладостно погрузившись в сон, умрет» (II. 57. 4—5).

Картина полного подчинения индивидуальных интересов человека той общности, к которой он отнесен, упорядоченности его существования, течения жизни, не нарушаемого борьбой и страстями, размеренного, есть уже здесь. Благая природа, все дающая людям, снимающая боль расставания с жизнью, отвечает самоотрешенности людей. В цитированном тексте нетрудно уловить сходство с введением к «Исторической библиотеке», где оттеняется мысль о преимуществах целого над частями (I. 3, 8).

В духе беспрекословного следования общему порядку и отказа от личных интересов во имя согласия, чуждого зависти и борьбе, повествуется и дальше о нравах островитян: «Они не женятся, но владеют женами сообща и, вскармливая родившихся детей как общих, любят равно; так как это дети кормящих (матерей), последние часто меняют младенцев, дабы сами (кормящие) матери не могли узнать своих собственных (детей). Таким образом, поскольку у них нет соперничества, они не раздраемы междоусобиями и живут всего более заботясь о согласии» (II. 58. 1).

Присмотримся и к той части отрывка, где говорится о смене предводителей в группах, скрепленных родственными и общественными связями. «Тот, кто старше в каждом общественном объединении, всегда предводительствует наподобие царя, и все послушны ему; когда же первый, завершив сто пятьдесят лет, согласно закону, покинет свою жизнь, следующий самый старший наследует предводительство. Море у острова, отличающееся

сильным прибоем, с большими отливами и приливами, на вкус приятно. Звезд же, тех, что есть у нас (Большой и Малой Медведицы), и многих других, совсем не видно. Этих островов семь, они подобны по величине, расположены друг от друга на равном расстоянии и на всех них следуют одним и тем же обычаям и законам» (II. 58. 6—7).

Ритм, будь то жизнь людей или моря, объединяет внутренне эти куски текста, хотя каждый из них посвящен своей теме. Повторяются судьбы предводителей, приливы и отливы следуют один за другим, на равном расстоянии высятся в море острова, похожие друг на друга, и люди живут по одним и тем же законам, и обычаи у всех них те же.

В следующей главе особенности, свойственные всему рассказу, проявляются наиболее отчетливо. И эту главу можно понять, читая поначалу текст в целом, не дробя его на отдельные темы, не отвлекаясь на подробности, сколь бы важными они не казались. Это чтение на одном дыхании позволяет уловить ритм, присущий повествованию, то затухающий и как бы совсем исчезающий, то проступающий вновь. Он увлекает в одно целое не только людей с их обычаями, но всю природу.

Глава начинается с замечания об изобилии всякой жизни на островах. Но жители, чуждые неумеренности, довольствуются только необходимым, потребности их просты. Одно соответствует другому: природа, все дарующая людям, и люди, только удовлетворяющие свои естественные нужды, чуждые излишеств.

А дальше как рефрен, сопровождающий рассказ о согласной жизни природы и людей, звучат слова: «Поклоняются же они, как богам, тому, что все объемлет, и солнцу, и в целом всему небесному» (II. 59. 2).

Следуют новые подробности о растительном и животном мире. С пятого параграфа акценты чуть меняются: речь о том, что дает с такой щедростью природа людям, уступает место другой — как сами люди этим распоряжаются. Описываются их обычаи в еде: «Все, касающееся образа жизни, имеет у них предписанный порядок (*ἑρριμένην ... τάξιν*), так как они принимают пищу не все вместе и не одну и ту же; положено по некоторым определенным дням (*ἐπὶ τινὰς ἑρριμένας ἡμέρας*) есть то рыбу, то птицу, то мясо животных, что обитают на земле, иногда же маслины и самые простые кушанья» (II. 59. 5). Обратим внимание на строгую очередность в еде: все совершается, согласно «предписанному порядку», по «предписанным дням».

Обычай, описанный в седьмом параграфе, также следует очередности. Повествуется о том, как сменяют друг друга островитяне в исполнении своих обязанностей: «Попеременно они служат друг другу, некоторые уйдут, некоторые заняты иными полезными делами, некоторые чередуясь по кругу, выполняют общественные работы, исключая тех, кто достиг уже преклонного возраста» (II. 59. 6).

И снова речь идет о почитании богов, особенно солнца, от которого жители называют и остров и себя. При чтении текста подряд нетрудно уловить связь между ритмом, которому подчинена жизнь островитян, и их сознанием близости к солнцу с его круговоротами. Тот же ритм природы, который господствует в жизни и смерти островитян, звучит и далее: «Они совершают похоронный обряд, зарывая умерших в песок во время отлива, чтобы с приливом было еще насыпано на этом месте» (II. 59. 8). В последний

Кратер Боргезе

раз биение ритма слышится в словах о тростнике, наливающимся и поникающем в соответствии с фазами луны.

Таким образом, читая текст подряд, нельзя не заметить, что очередность в еде и занятиях жителей Солнечного острова поддержана круговоротами в природе, она не противоречит всему ритму повествования. Картина, несомненно, цельная, где жизнь природы и людей представлена во вращательном движении, где пульсация ощутима во всем.

Не суживаем ли мы наши исследовательские возможности, когда, пренебрегая столь очевидно направляющим все содержание отрывка ритмом,

готовы вырвать из контекста фразу об очередности в выполнении работ на острове, чтобы рассматривать ее единственно в плане наилучшей организации труда в античности и современности? Думается, что замечание приложимо и к прочим примерам. Ведь в пределах всей картины подробности имеют иной смысл, чем тот, который они приобретают, если брать их вне целого, коему они принадлежат.

Что же касается общего замысла «Исторической библиотеки», то ритм отрывка близок ему. Вспомним введение, в котором Диодор уподобляет труд сочинителей всеобщей истории деятельности Провидения, которое «придавая соразмерность порядку видимых звезд и природе людей, постоянно кружит всю вечность (*κυκλεί συνεχῆς ἅπαντα τὸν αἰῶνα*), отмеряя каждому выпадающее от судьбы...» (I. 1. 3).

Соответствие рассказа Ямбула установкам Диодора ощутимо по разным линиям. Та необычность всего уклада людей, их облика и природы, в которой они живут, с чем столкнулся Ямбул и его спутник на острове, может быть истолкована по-разному. Прежде всего в плане многообразия, которое увлекало историка и давало знать о себе в его описаниях, изобиловавших диковинными подробностями, египтян, ассирийцев, эфиопов и т. д. В этих рассказах Диодор подчеркивал самобытность каждого типа. Речь шла не об идеализации какого-то образа жизни, скорее сказывалось желание понять и описать разные типы человеческих обществ и природного окружения в их неповторимой внутренней цельности.

Но есть и другая возможность увязать отрывок с замыслом Диодора: не смотреть на рассказ как на образец земле- и народоописания, не искать в нем и чисто политической утопии, но видеть выражение стоических принципов согласия, упорядоченности, логоса, охватывающего и небесное и земное, приводящего все в гармонию. Ведь изображение общественного уклада на Солнечном острове, послужившее основанием ряду исследователей писать о сугубо политической утопии, «государственном романе», дано не само по себе, а как жизнь мироздания, в единстве человеческого и природного. Детали строя и обычаев жителей, будучи выключенными из текста, сопоставлялись с политическими программами древности и нового времени, оценивались как ультракрайние по своим уравнивательным тенденциям. В отрывке же в целом, а тем более читаемом с учетом введения к «Исторической библиотеке», те же детали обнаруживают иной смысл.

Хотя картина Солнечного острова может быть воспринята как образное выражение стоического мировосприятия, это не лишало ее, видимо, в глазах Диодора своеобразной исторической правдивости. Некоторые мысли, высказанные Диодором во введении о судном пафосе истории, ее положении «родины философии», высоком назначении передать смысл событий, не позволяют зачеркнуть возможную историческую значимость для него этого рассказа. То, что современный читатель легко связывает с понятием «утопия», видимо, не казалось Диодору плодом свободной фантазии и не было целенаправленным размышлением на тему о наилучшем государственном устройстве. Это вписывалось в стоическое раздумье о мире в целом, которому, по самой сути, было чуждо противопоставление человеческого общества природе. Текст философичен, сохраняя космический масштаб легенды, необычность излагаемого, подчеркивается и прямо и косвенно, но, с точки зрения Диодора, он по-своему достоверен. Тут все полно

«Чаша Фарнезе». Камень. III в. до н. э. Неаполь. Археологический музей

смысла — и само название островитян по имени Солнца, и их интерес к астрологии, и даже такая их физическая особенность, как раздвоенный на конце язык, не только позволяющий воспроизводить разные звуки, но и говорить одновременно с двумя собеседниками, и, наконец, соразмерность, господствующая всюду. Все это своего рода история, поданная на уровне стонических смыслов.

Второй текст, который мы намерены рассмотреть в связи с нашей темой, восходит к Евгемеру. Если о Ямбуле ничего не известно, кроме того, что сказано у Диодора, то о Евгемере, авторе «Священной хроники», жившем около 340—260 гг. до н. э., упоминают многие античные и византийские писатели. Однако то, что именуют утопией Евгемера, иначе говоря, описание острова Панхайа из «Священной хроники», сохранилось лишь в передаче Диодора.

Составитель «Исторической библиотеки», не отказав этому описанию в достоверности, включил его в свой труд. В глазах многих современных исследователей рассказ Евгемера приобрел качество полной законченности. Неважно, что тот же Диодор писал о произведении Евгемера как таковом

*Строительство кораблей. Большой алтарь Зевса в Пергаме.
Фриз Гелефа. Мрамор. Берлин. Гос. музей*

и цитировал другие отрывки из него. Картина стала жить обособленной жизнью, ее анализируют как некое вполне самостоятельное повествование, нередко даже не затрудняя себя оговоркой, что обращаются только к части большого целого. Однако вопрос, о каком целом и какой его части может идти речь, далеко не безразличен для осмысления рассказа. Как впервые заметил еще Ф.Якоби, так называемая утопия Евгемера была обрамлением философского или теологического произведения.

Что представляло собой это произведение, если судить по сведениям, которыми мы располагаем? О его содержании во фрагменте 1,3 книги VI «Исторической библиотеки» сказано так: «О богах земных историками и мифографами написаны и передаются многие разнообразные речи. Из историков Евгемер, составивший „Священную хронику“, специально написал о них...» Мысль, которая пронизала этот труд, была хорошо усвоена в древности: «...те, кто почитался богами, были теми или другими могущественными людьми» (*Sext. Empir. IX. 17, 51*).

Обрамляющий рассказ придавал основному содержанию «Священной хроники» особую достоверность, ибо возводил его к авторитету надписи, составленной самим Зевсом. Собственно обрамление «Священной хроники» известно лучше всего: его пересказывает Диодор в V книге, о нем узнаем также из фрагментов книги VI. Повествование об острове Панхайя составляло существенную часть обрамления. Повествованию, видимо, предшествовали предварительные замечания Евгемера о тех обстоятельствах, при которых он познакомился с Панхайей. По поручению царя Кассандра, который был его другом, он совершил далекое путешествие. Отправившись

из Счастливой Аравии, проплутав по морю много дней, он был выброшен на один из группы островов. Тут и произошло его знакомство с Панхайей, островом, который посвящен богам. Есть на нём святилище Зевса — над его сооружением трудился сам Зевс. Там хранится золотая стела, на которой Зевс написал о деяниях Урана, Кроноса и своих собственных. Гермес присоединил к этому описание деяний Артемиды и Аполлона.

Рассказ о Панхайе в передаче Диодора изобилует сведениями о природе, обычаях обитателей острова, строе их жизни, архитектуре. Явно преобладает, если можно так выразиться, религиозно-жреческий поворот темы. Так, например, еще не перейдя к описанию Панхайи, одного из трех островов, расположенных напротив самой удаленной части Аравии, Диодор упоминает о Священном острове, который не производит ничего, кроме ладана, но зато «в таком количестве, что его достаточно для всей обитаемой земли, дабы славить богов» (V. 41. 4).

С главы 42-й идет повествование о Панхайе. Снова появляется упоминание о торговле панхайев с материком ладаном и миром и о распространении этих товаров через аравийских и иных купцов по всей обитаемой земле (V. 42. 2). Читатели узнают и о разделе земли и плодов, и о размерах островов, и о местоположении одного из них относительно Индии. Сказано о населении Панхайи, коренном, панхайях, и о переселившихся туда отовсюду — океанитах, индийцах, скифах, критянах. Назван цветущий город Панара, жители которого именуются «просителями Зевса Трифилийского». Следуют подробности о их укладе. Снова рождается тема, связанная с религиозным культом, тема жречества. Описанием святилища Зевса Трифилийского заканчивается глава. Следующая, гл. 43 посвящена рассказу о природе, богатство и красота которой побуждают автора заметить: «...из-за божественного величия внешнего облика место кажется достойным тамошних богов» (V. 43. 2).

Вся 44-я глава отдана сюжетам, касающимся культа и жречества. Описываются храм, украшения, план всего сооружения, источники, возле которых храм выстроен, речь идет о верховьях реки, называемой Водой Солнца. Затем взгляд как бы перемещается с ограды источника на равнину, посвященную богам, а за ней — на гору, также им посвященную, которую именуют Троном Урана или Трифилийским Олимпом. В главу 44 трижды вкраплены упоминания о жрецах и жертвоприношениях.

Глава 45 особенно привлекает внимание тех, кто смотрит на Евгемера как на социального утописта. Начав с подробностей о разнообразном животном мире Панхайи, автор переходит к общественному строю, который зиждется на трехчастном делении всего населения. В первой группе — жрецы и примыкающие к ним ремесленники, вторую составляют земледельцы, третью — воины, к которым присоединены пастухи. Сообщаются сведения о распределении произведенного, мерах поощрения, о формах собственности. Повествование лишено сколько-нибудь четкого плана. Подробности, касающиеся одежды (V. 45. 6), прерываются в начале следующей главы данными об образе жизни воинов и земледельцев, после чего возникает снова тема одежды — на сей раз жрецов. Начатая ранее жреческая тема продолжается и дальше. Описываются занятия жрецов и, наконец, идет легенда, которую передают жрецы, о том, что боги происходят с Крита и были приведены в Панхайю Зевсом, властвовавшим над ойкуменой

(V. 46. 3). Здесь и рассказывается о святилище и письменах, выполненных, по словам жрецов, Зевсом. Но о том, что содержали эти письмена, говорится после небольшого отступления о богатстве недр Панхайи и запретах вывозить с острова добытое в рудниках, а жрецам покидать посвященную богам землю. Вслед за тем описываются двери храма, выполненные из драгоценных металлов, слоновой кости и туи, ложе и стол бога, сделанные из золота. В середине ложа, как сказано в конце повествования о Панхайе, была золотая стела, на которой иероглифами были записаны деяния Урана и Зевса, после же Гермесом добавлены деяния Артемиды и Аполлона (V. 46. '7).

Эта достопримечательность острова — стела с записью подвигов богов — объясняет религиозно-жреческий колорит рассказа и его связь с главной темой «Священной хроники» — повествованием о земных богах. Обусловленность рассказа о Панхайе и замыслом произведения приходится иметь в виду, интерпретируя рассказ и его части.

Следуя принципу изучать утопии в контексте тех произведений, в которых они дошли, рассмотрим отношение рассказа о Панхайе к общему замыслу «Исторической библиотеки».

Иоанн Малала, византийский хронист, сохранивший фрагменты книги VI этого труда, пишет, что Диодор одобряет теологию Евгемера (*Diod. VI. 1.1*). И далее Малала пересказывает Диодора, который передает мнение Евгемера о богах — одних, вечных и бессмертных, и других — смертных. Последние «вследствие благодеяния по отношению к людям удостоились бессмертной почести и славы» (VI. 1.2). В этой связи и упомянут «из историков Евгемер» как автор «Священной хроники», писавший о «земных богах» (VI. 2.3; VI. 1.11 и VI. 2).

Примечательно, что Евгемер по сравнению с мифологами Гомером, Гесиодом и Орфеем назван историком. Его труд посвящен «земным богам» — Урану, Кроносу, Зевсу. Это есть та, написанная историком теология, которую принимал Диодор. Определение богов *ἐπίγειοι* — «земные», «смертные» — само по себе подразумевает возможность смотреть на их деяния как на историю.

Выше говорилось, что введение к «Исторической библиотеке» позволяет судить о некоторых установках Диодора, заимствованных им, видимо, у стоика Посидония. Одно из первых мест отведено понятиям «общая жизнь», «соразмерность», приложимым к мирозданию в целом, бытию природы, людей и богов в их совокупности. Связующим началом общности названо слово историка, обеспечивающее добродетели бессмертия. Смертны тела. Только деяния тех, кто своей добродетелью достиг славы, вечно поминаются, «воспеваемые наибожественнейшими устами истории» (I. 2.3). Диодор ссылается на пример Геракла: «Признано, что Геракл все время, бывшее у него, когда он был среди людей, потратил на великие и непрерывные труды и опасности, чтобы, благодетельствуя роду человеческому, обрести бессмертия; что же касается других добродетельных людей, одни заслуживали геройские почести, другие — равные божественным, и все удостоились великих похвал, причем история делает бессмертной их добродетель» (I. 2.4).

В том же духе, хотя и на более конкретном уровне выдержан у Диодора следующий за введением рассказ о древнейшей истории Египта, вернее сказать, о его героях, за свои доблести удостоенных бессмертия. И тут

понятие «общая жизнь» является ведущим, при чем в качестве особой заслуги отмечается деятельность законодателей, с помощью которых люди переходили от неупорядоченной дикости к новому состоянию, постигали основы «общей жизни». Здесь у Диодора это понятие поистине ключевое (ср. введение, I. 2.1: «безопасность общей жизни»).

А теперь приглядимся к теологии Евгемера, которую Диодор «одобряет». О ней пишет сам Диодор, но тут порой проступают несколько иные акценты, чем во введении к «Исторической библиотеке».

Хотя в части, посвященной Панхайе, этот остров и два других названы «заслуживающим исторического описания» (V. 41.4; 42.4), не суд истории, но осознание лицом собственной миссии выдвигается на первый план, когда речь заходит о природе обожествления. Святилище Зевса Трифилийского расположено у высокой вершины, «выше обычной». Оно создано Зевсом, «когда он властвовал над всей ойкуменой, будучи еще среди людей» (VI. 1.6.). Там есть золотая стела с письменами о деяниях Урана, Кроноса, Зевса (V. 46.7; VI. 1.7). Надписи, которые жрецы имеют обыкновение и поныне показывать, выполнены Зевсом «в то время, когда он, будучи среди людей, соорудил святилище» (V. 46.3). Попутно замечено, что и жрецов привел с собою в Панхайю Зевс «в то время, когда будучи среди людей, он царствовал над ойкуменой» (Ibid.).

Выражение «будучи среди людей» (*κατ' ἀνθρώπους*) настойчиво повторяется. Зевс не назван прямо ни человеком, ни богом. Мы улавливаем в этой неопределенности намек на будущее, из коего как бы описан тот, кто еще был среди людей, но чьи деяния привели его, в конце концов, к богам.

Однако, как ни существенно, по Евгемеру, в акте обожествления самосознание обожествляемого (он сам созидает святилище для своего культа) есть и другая сторона — люди, воздающие ему почести. И тут на первый план выдвигается его благая деятельность для них, за которую он получает имя бессмертного: «...людьми родились боги, которых назвали бессмертными из-за их благодеяний» (VI.2; ср. VI. 1, 10). Это в отрывках из Евгемера уже прямо перекликается с введением к «Исторической библиотеке», мыслями о памяти, дарующей бессмертие, о слове и т. д.

Есть еще одна особенность в отношении «Диодор—Евгемер». Представление об «общей жизни», столь важное для начальных частей «Исторической библиотеки», при передаче «Священной хроники» уступает место понятию «ойкумена». Здесь оно столь же основополагающе, как «общая жизнь» там, но тяготеет к несколько иной сфере значений. Тут речь идет не о мироздании в целом. Тема конкретнее: ойкумена, круг известных земель, их единство и способы его осуществления. На первый план выдвигаются завоевание и культ (фрагменты VI.2; VI. 1, 10).

Понятие «ойкумена» сохраняет свое направляющее значение на протяжении всего рассказа о Панхайи. Остров назван поставщиком ладана для всей ойкумены (V. 41.4). Население смешанное. Она как бы в миниатюре повторяет этническое разнообразие мира (V. 42.4). Дважды подчеркнуто, что Зевс правил всей ойкуменой (VI. 1, 6; V. 46.3). Наконец, последнее. Панхайя, по характеру описания, не исключена из знакомого читателям реального мира, она наделена чертами, присущими той или другой части ойкумены. Весь стиль повествования, располагающей к доверию, под-

черкивает связь рассказываемого с действительностью. Это сделано так умело, что и поныне находятся желающие отыскать описанную Евгемером страну на карте древности.

Но об ойкумене говорилось и во введении к «Исторической библиотеке», однако в ином контексте. Там происходящее в ойкумене рассматривается как частный случай сравнительно с жизнью мироздания. Там единство ойкумены обеспечено всеобщим родством людей, осуществляется же оно в слове, всеобщей истории, являющей единый порядок (I. 1, 3). В отрывке же из Евгемера, единство ойкумены обеспечивается прежде всего не словом, а действиями: завоеванием и утверждаемым повсеместно культом. На первом плане не всеобщее родство людей как условие единства в ойкумене, а потенция того, кто «среди людей», но кто осознает в себе божество, своими действиями утверждает это, вынуждая окружающих чтить себя. Тема почитания снова возвращает нас к введению. Таким образом, сравнивая с этим последним отрывок из Евгемера, можно проследить развитие мысли о единстве в двух ракурсах: мироздания и ойкумены.

Утверждение, что Ямбул и Евгемер были провозвестниками утопий нового времени не раз повторялось в специальной литературе. Нарисованные ими картины, помимо прочего, действительно содержат многочисленные подробности, касающиеся общественного уклада островитян. Эти черты сравнивают друг с другом, привлекают для сопоставлений более древние тексты, прежде всего Платона, а также утопии Томаса Мора, Кампанеллы и др., социальные программы современности, обсуждается степень эгалитарности строя, особенности отношения к собственности, женщинам и т. д. При этом, идет ли речь о подобиях или, наоборот, о несходстве, на первый план выдвигается, так сказать, родовая принадлежность текстов Ямбула и Евгемера утопиям. Но присматриваясь к картинам в целом, их связям с произведениями этих авторов, с «Исторической библиотекой», в которой они дошли, мы все больше убеждаемся в их оригинальности. И то обстоятельство, что тексты Ямбула и Евгемера были известны утопистам XVI—XVII вв., что они могли в чем-то подражать им, не сделало их, образно выражаясь, утопиями нового времени.

Картина Ямбула жила в пределах философской мысли — религиозного переживания Стои, обращенных на мироздание в целом. Жизнь вселенной, отражение великого в малом — вот, что такое рассказ Ямбула о Солнечном острове.

А Евгемер? Его описание Панхайи не понять вне связи с идейным содержанием «Священной хроники» и временем, когда это произведение создавалось. Еще свежа память о головокружительных победах Александра, перекроившего мир, этого «сына Зевса», о его апофеозе. Тема обожествления властителя не могла миновать среды греческих писателей. Сочинение Евгемера так или иначе вписывалось в обсуждение ее. Картина Панхайи, видимо, была задумана не как образное воплощение идеального строя, но как живой фон для развития мысли о богах, рожденных людьми, и людях, ставших богами. Упоминаемое в рассказе о Панхайе прижизненное обожествление Зевса, обязанное его собственной активности, наводит на параллель не только с апофеозом Александра. По наблюдениям многих специалистов в области религиозных верований, переломные эпохи (а время Александра было, несомненно, таковой) заставляли людей не только менять

взгляд на свое место в реальной жизни, но мыслить о себе в рамках мифа. Возможно, «Священная хроника» отразила уверенность победителей в их исключительности, простирающейся до сферы сакрального, и веру подданных в избранность их владык.

Но вернемся к теме «эллинистические утопии». Анализируя тексты Ямбула и Евгемера, причисляемые многими историками к этому разряду, мы хотели внести ясность в вопрос о том, с какими собственно источниками нам приходится иметь дело. Если у Томаса Мора само название страны — Утопия, Нигдея, подчеркивая необычность описываемого, стало, по словам В. И. Даля, синонимом мечтательного, грез о счастье, — к островам Ямбула и Евгемера это приложимо не без существенных оговорок. Не только множество штрихов, которыми отмечены повествования этих авторов, ведут нас к реальной жизни (это есть в разной мере и в утопиях Мора и др.), но и собственное отношение авторов к описанному ими с трудом укладывается в представление о несбыточном. Для них рассказанное не лишено своеобразной достоверности.

Было замечено, что утопии предполагают критику существующего строя и альтернативу ему. В картинах Ямбула и Евгемера представлен интерес к удивительному, порой достойному одобрения, но нет того целенаправленного разбора и порицания определенного социально-политического организма, которые легко вычитать у того же Мора. Едва ли можно согласиться с признанием однотипности его произведения и рассмотренных текстов. Есть лишь внешнее сходство при совсем разных установках. «Весьма полезная, а также занимательная, поистине золотая книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия мужа известнейшего и красноречивейшего Томаса Мора, гражданина и шерифа славного города Лондона», как значится на титульном листе базельского издания (1518 г.) памятника, родилась из горестных раздумий автора над судьбой Английского королевства, где, по крылатому выражению Мора, овцы съели людей. Книга принадлежит человеку нового времени с ориентацией на противопоставление идеального общественного строя критикуемой действительности. Это отсутствует как в фольклорном прототипе рассказа о Солнечном острове, так и в переработке его сначала Ямбулом, а затем Диодором. Социальное и космологическое друг от друга не отделены в принципе. Что касается Евгемера, религиозно-жреческая акцентировка, заметная в его описании острова Панхайя, также не свидетельствует о социальной утопии. Она вызвана замыслом «Священной хроники», трактующей вопросы сакрального.

Наконец, «общая жизнь», понятие, которое, действительно, играет большую роль в тексте Ямбула, тяготеет не к уравнильным утопиям средневековья и нового времени, но к тому же стоическому развороту космической темы.

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ НА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ ВОСТОКЕ

В сферу влияния эллинизма, распространившегося в восточном мире, втягивались народы различной этнокультурной принадлежности, которые различались по своему социально-экономическому укладу, политическому строю, языку, культам и верованиям. В то же время как одни из них — жители Египта — были представителями древнейшей мировой цивилизации, другие, например население горных областей Малой Азии, находились на стадии натурального хозяйства и выше этого уровня никогда не поднимались. Естественно поэтому, что отношения греческой культуры и языка с языками и культурами местного населения должны были строиться по-разному в зависимости от конкретных исторических условий.

Языковая ситуация в самой Греции классического периода была достаточно сложной. Каждая область, каждый крупный городской центр страны имели собственный диалект, на котором составлялись общественные и частные документы¹. Факторы, способствующие формированию общенационального языка в Греции, были многочисленны и разнообразны². Таким языком становится койнэ, которое в с IV в. до н. э. не только выступает в качестве основного средства общения в Греции, но и выходит далеко за ее пределы: игравшее первостепенную роль в сохранении единства эллинистического мира койнэ было языком эллинизации, носителем греческой, а затем и эллинистической культуры.

Проблема, которой посвящена настоящая глава, имеет несколько аспектов: 1) отношения греческого койнэ (ниже, для простоты, мы будем чаще пользоваться термином «греческий язык») с языками местного населения на эллинистическом Востоке; 2) государственная политика в области языка в различных частях эллинистического мира; 3) обусловленные эллинизацией этнокультурные процессы и сдвиги (то, что в специальных исследованиях обозначается термином «аккультурация»). Поскольку именно

¹ Прослеживается определенная взаимосвязь между греческими диалектами и отдельными видами и направлениями литературы: так, диалект Аттики стал языком великих трагиков; ионийские и эолийские говоры наложили отпечаток на язык гомеровских поэм; с диалектом острова Лесбос связана поэзия Сафо и Алкея; дорийские наречия лежат в основе технической традиции хоровой поэзии; на основе говоров Беотии сложилась поэзия Коринны. См.: *Schwyzler E. Griechische Grammatik. München, 1934. Bd. I. S. 108; Lejeune M. Traité de phonétique grecque. P., 1955. P. 7.*

² Их рассмотрение выходит за рамки этой статьи. См. подробнее: *Buck C. D. The Greek Dialects. Chicago, 1955.*

язык является основным критерием аккультурации, имеет смысл кратко остановиться на некоторых общих вопросах языковых контактов и на характеристике источников.

Некоторые вопросы теории языковых контактов. При распространении языка на новые территории нередко создаются ситуации, в которые вовлечены как распространяющийся язык, так и другие языки, вступающие с ним в контакт. Даже в тех случаях, когда происходит заселение ранее необитаемых земель, обычно новая среда и образ жизни влияют на развитие речи жителей данного района, а косвенно — и на язык в целом. Как правило, распространение языка в условиях контакта проходит через ситуацию двуязычия (билингвизма), которая независимо от того, выживает ли каждый из контактирующих языков или же один из них исчезает, всегда оказывает весьма значительное влияние на данный язык³. Поэтому необходимо выяснить, в какой мере две контактирующие языковые структуры сохраняют свой первоначальный вид и в какой степени они влияют друг на друга? Их обоюдная целостность, как установлено в теории языковых контактов, имеет больше шансов сохраниться, если оба языка (и обе культуры их носителей) обладают равным или сопоставимым престижем⁴, эта ситуация часто имеет место в случаях индивидуального двуязычия или многоязычия. Однако нас интересует в первую очередь коллективное двуязычие как результат распространения нового языка на весь коллектив.

При распространении билингвизма необходимо учитывать различные экстралингвистические факторы, которые относятся к области социальных явлений и определяют тип и степень взаимовлияния между контактирующими языками. Процесс взаимодействия бывает постепенным, и вначале структура нового языка обычно сильно страдает. Однако через несколько поколений ситуация, как правило, меняется не в пользу местного языка. А. Мартине (со ссылкой на Ж. Буассье) приводит весьма характерный пример. Когда в 10 г. до н. э. африканский город Гурза просил о назначении римского префекта, латынь этой петиции изобиловала неточностями и погрешностями, обусловленными сильным влиянием местного пунического диалекта; при этом подписавшие этот документ носили карфагенские имена. Спустя 70 лет подобная ситуация повторилась. Однако на этот раз местные чиновники, доставившие прошение в Рим, носили имена *Herennius Maximus* и *Sempronius Quartus*, и латынь документа была безупречной⁵. Автор, несомненно, прав, отмечая, что, хотя у нас нет данных о структуре местного пунического диалекта того времени, но то, что обычно происходит в аналогичных ситуациях, заставляет думать, что его исходная семитская структура значительно изменилась⁶.

Существенно, что престиж каждого из контактирующих языков бывает различным в зависимости от области его применения. Например, в эллинистическом Египте сохранению высокого статуса египетского языка

³ Weinreich U. Languages in Contact. Wien, 1953. S. 14.

⁴ Martinet A. Diffusion of Language and Structural Linguistics // Roman Philology. 1952. N 6. P. 8—9.

⁵ Мартине А. Распространение языка и структурная лингвистика // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. VI: Языковые контакты. С. 85; Boissier G. L'Afrique Romaine. P., 1985. P. 291.

⁶ Мартине А. Распространение языка... С. 85.

(особенно в его письменной форме) в сфере религии у местного населения способствовали древняя культура Египта и ранняя письменная традиция. В общественной же и политической жизни греческий, будучи языком официального общения, занимал бесспорно ведущее положение⁷.

В процессе контактирования языков немаловажное значение имеют и такого рода факторы, как отношение в данном языковом коллективе к смешению языков и языковым неправильностям⁸; легкость выражения и способность различать (не смешивать) два языка⁹; личное отношение к тому или иному языку¹⁰. Отметим также отношение в данной культуре к самому факту владения другим языком. Так, в латыни встречающееся у же у Плавта определение *bilinguis* имело и у более поздних авторов (Горация, Федра и др.) отчетливо негативные коннотации («двуличный, лицемерный; коварный») ¹¹. Например, греческое *δύλωστος* полностью лишено эмоционально-оценочных характеристик и используется применительно к человеку, владеющему греческим и одним или несколькими «варварскими» языками. Тот факт, что этот термин не обозначал греко-латинское двуязычие или аналогичные отношения, сложившиеся между двумя «варварскими» языками, позволил М. Дюбуиссону отнести его к сфере греческой лексики аккультурации¹². Функционирование этого термина в греческом отражает восприятие контакта языков с точки зрения эллиоцентризма.

Учет перечисленных факторов при рассмотрении этноязыковой ситуации помогает понять сущность процессов и явлений, которые на первый взгляд кажутся противоречивыми и труднообъяснимыми.

Исследование этноязыковой ситуации на эллинистическом Востоке строится на трех группах источников, различающихся по своему удельному весу и степени достоверности. Это эпиграфический материал; ономастика и свидетельства античных авторов.

Письменные памятники на греческом, арамейском и местных языках (аккадском, египетском, фригийском и др.) являются наиболее ценным

⁷ Египетский язык (демотика) изредка использовался администрацией (особенно при введении законов, указов и т. п.), чтобы облегчить общение с местным населением.

⁸ Так, греческое *койнэ*, судя по частным папирусам из Египта, было более терпимым, чем египетский язык; к языковым погрешностям (с другой стороны, действовала и противоположная тенденция — контроль над правильностью языка посредством гимнасиев). См.: *Theodorsson S. The Phonology of Ptolemaic Koine*. Göteborg, 1977. P. 19.

⁹ Успеху распространения греческого языка способствовал среди прочих и тот факт, что грамматическая структура *койнэ* была для местного населения сравнительно более легкой, чем, например, структура арамейского языка — предшественника греческого в ряде областей Передней Азии. Что касается способности не смешивать контактирующие языки, то здесь, видимо, действует общее правило — чем менее близки соответствующие языки, тем меньшему воздействию подвергается структура языка местного населения, и наоборот. Именно этим объясняется достаточно большое количество грецизмов в грамматике и лексике новофригийского языка, связанного с греческим генетическим родством, тогда как структура языков типа египетского не меняется несравненно меньше (в таких случаях население просто переходит на другой язык).

¹⁰ Ниже это будет проиллюстрировано различными судьбами греческого и местных языков на юге Малой Азии — в Киликии Аспера и Киликии Кампестрис.

¹¹ Предполагается, что в основе такого восприятия лежит ассоциация со змеей, обладающей раздвоенным языком. См.: *Pocetti P. Lat. bilinguis // AION*. 1986. Vol. 8. P. 200 s.

¹² См.: *Dubuisson M. Remarques sur le vocabulaire grec de l'acculturation // RBPh*. 1982. N 60. P. 5 et suiv.

источником по рассматриваемой проблеме. Это непосредственные свидетельства как изменений, происходящих в контактирующих языках, так и явлений экстралингвистических (социальных, психологических и т. д.) — функционального распределения языков, уровня и направленности образования и просвещения в различных слоях общества, отношения к конкретному языку в данном коллективе и др.

Сохранилось большое количество текстов эллинистического времени из Вавилонии, входившей в состав державы Селевкидов. Это разнообразные документы (исторические, научные, литературные, ритуальные тексты, словари и учебные пособия и т. п.) главным образом на аккадском, но также на шумерском, арамейском и греческом языках¹³. Основной эпиграфический материал из Египта — это папирусы. Большая их часть относится к римскому времени; документы эллинистической эпохи сравнительно немногочисленны, но тем более ценны¹⁴. Что касается малоазиатской эпиграфики, то это различного рода надписи (административные, юридические, votivные, надгробные и т. д.) на стелах, рельефах, архитектурных сооружениях. Подавляющее большинство эпиграфических памятников III—I вв. до н. э. из Малой Азии написано на греческом языке¹⁵. Особый интерес представляют памятники этого периода на местных языках. Они исчисляются единицами, но сам факт их существования поразителен и нуждается в объяснении¹⁶.

Второй по важности источник, характеризующий этноязыковую ситуацию, — это ономастика. Значение ее несомненно: она бывает единственным свидетельством этноязыковых процессов в тех случаях, когда другие эпиграфические памятники отсутствуют, но может также использоваться и наряду с ними. Ономастика достаточно объективно отражает степень эллинизации той или иной области.

Еще одна группа источников — свидетельства античных и более поздних авторов, у которых нередко содержатся указания на то, какой язык использовался в той или иной области. Мы не знаем, на каких языках говорили в Пафлагонии, Ликаонии, Понте и до какого времени они сохранились, так как местная эпиграфическая традиция отсутствует. Но, например, в схолиях к Аристофану (Equ. V. 2) о жителях Пафлагонии сообщается, что «из-за того, что [они] отличаются по языку, [поэтому] [надо] говорить по-пафлагонски». В «Деяниях апостолов» (in Lystra) встречается обозначение

¹³ См. их описание и исчерпывающую библиографию в кн.: *Oelsner J. Materialien zur Babylonischen Gesellschaft und Kultur in Hellenistischer Zeit*. Budapest, 1986.

¹⁴ См.: *Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten*. Strassburg et al., 1915—1973. Bd. I—XI (Далее: SB); *Grundzüge und Chrestomatie der Papyruskunde* / Hrsg. Von L. Mitteis, U. Wilcken. Leipzig, 1912. Bd. II: *Chrestomatie von U. Wilcken*. (Далее: WChr.).

¹⁵ Два основных корпуса этих надписей см.: *MAMA*. T. I—VIII; *Tituli Asiae Minoris* T. I—II. (Далее: TAM).

¹⁶ Так, рубежом I в. до н. э.—I в. н. э. предположительно датируется недавно найденная новофригийская надпись из Гезлер-Кейю (см.: *Brixhe C., Neumann G. Découverte du plus long texte péo-phrygien: L'inscription de Gezler Köyü // Kadmos*. 1985. Bd. XXIV, N. 2. S. 161 ff.) при том, что все остальные известные нам новофригийские надписи относятся ко II—III вв. н. э. Этот памятник, по определению В. П. Яйленко, соединяет в себе классические и раннеримские черты. Языковые особенности позволяют отнести памятник к переходному типу от старо- к новофригийскому. Эту находку можно считать уникальной для данного региона.

языка ликаонийцев: «И народ, увидев, что сделал Павел, возвысил свой голос, говоря по-ликаонийски» (Acta Apost. 14. 11).

Такого рода указания можно рассматривать как *terminus ante quem* для определения относительно нижней хронологической границы существования языка. Необходимо, однако, учитывать специфику этих источников. Мы можем наблюдать, как в некоторых случаях этноязыковая характеристика населения смешивается с географической. Например, у Страбона и других античных авторов выражение «*καππαδοκῶν φωνή*» обозначает не особый язык, а тот, на котором говорят в Каппадокии; иногда имеется в виду местный вариант греческого языка. Например, Диоскорид замечает: *Πολεμίων οἱ δὲ Φιλεταίριον, καππαδοκῆς δὲ χιλιόβιναμον καλοῦσι* («одни называют (словом) Π. любящего друзей, а каппадокийцы — очень сильного» (Dioskorid. IV. 8)). В других случаях эта характеристика еще менее определена; так, из патристической литературы мы узнаем, что местные языки мисийцев и исаврийцев использовались как разговорные еще в VI в. до н. э., а в Ликаонии и Каппадокии — в IV в. н. э. Но, к сожалению, единственным основанием для такого заключения является упоминание христианских авторов о том, что в этих областях говорили на *βαρβάρῳ διαλέκτῳ*¹⁷. Что под этим подразумевалось — местный ли язык или деградировавший греческий, установить невозможно. Тем не менее свидетельства античных и христианских авторов могут оказаться полезными с поправкой на формулировку и исторический фон.

Насколько полно будет освещена этноязыковая ситуация в различных частях эллинистического Востока, зависит, с одной стороны, от наличия и характера источников. Некоторые области, в частности, Пергам, Понт, по объективным причинам полностью выпадают из рассмотрения¹⁸. (Мы по возможности старались избежать выводов *ex silentio*, хотя не исключено, что некоторые явления носят достаточно общий характер, выходя за пределы узко ограниченного ареала.) С другой стороны, представляется возможным свести множество конкретных проявлений языкового и культурного взаимодействия в эпоху эллинизма к нескольким типам. Наиболее показательны в этом отношении эллинистический Египет и та часть Передней Азии, которая охватывает юг Анатолии, Фригию и Вавилонию.

Эллинистический Египет

Еще до Александра Македонского небольшие группы греков жили в Египте. Греческие, главным образом ионийские, купцы селились в Навкратисе, Мемфисе и других городах уже в VII в. до н. э. После завоевания Египта в 332 г. до н. э., когда к власти пришли эллинистические правители, для греческих переселенцев были основаны два города — Александрия на севере и Птолемаида на юге. Многие же греки (балканские и малоазийские) и македоняне, разойдясь по стране осели либо среди местного населения, либо в новых городах, созданных по старому образцу. Хотя с точки зрения социально-политического развития различные этнические группы в пто-

¹⁷ Holl K. Das Fortleben der Volkssprachen in Kleinasien in nachchristlicher Zeit // Hermes. 1908. N 43. S. 240 ff.

¹⁸ Например, диссертация Э. Швейцера, посвященная греческому языку Пергама (Schweizer E. Grammatik der pergamenischen Inschriften. D., 1898), практически недоступна.

лемеевском Египте (как, впрочем, и в других эллинистических государствах) никак не выделялись, не имели особого *status civitatis*, цари противодействовали ассимиляции и интеграции греков с местным населением, принимая для этого специальные меры¹⁹. Одной из них стал запрет на смешанные браки, который был законодательно оформлен в Навкратисе и, вероятно, в Александрии²⁰. Подобного рода запреты поддерживались не только их юридической фиксацией, но и в первую очередь выработкой определенных морально-этических норм, формирующих общественное сознание. Так, у Гермесианакса из Колофона (*Leont. II*) рассказывается, что дочь саламинского царя Никокреонта (возможно, союзника Птолемея в его борьбе с Антигоном) полюбила богатого финикийца по имени Акреофонт и собралась за него замуж. Но ее отец воспротивился, сочтя такой брак постыдным²¹.

О постепенном смягчении запретов на смешанные браки свидетельствует ономастика. В III в. до н. э. личное имя однозначно определяло этническую принадлежность его носителя. Позднее, когда, очевидно, смешанные браки стали частыми, дети получали двойное имя — одно египетское, одно греческое. В. Перманс, исследовавший просопографию птолемеевского времени, отмечает, что в III в. до н. э. по папирусам засвидетельствовано 14 случаев рождения детей от смешанных браков, а во II и I вв. — 119²². Очевидно, что эти цифры не носят абсолютного характера, но в то же время показывают степень интенсивности этнической ассимиляции в III и последующих веках.

Другой, значительно более эффективной и универсальной мерой, позволяющей сохранить этническое и культурное единство самых различных групп греков, была сознательная ориентация системы образования на обучение молодежи по классическим греческим образцам. Центром такого образования стали гимнасии, которые открывались не только в крупных, но и в небольших городах, а также в сельской местности²³. Гимнасии были объединяющими центрами интеллектуальной жизни, досуга, по определению Ростовцева, чем-то вроде «клуба»²⁴, куда местное население в массе своей было лишено доступа. В многочисленных надписях упоминаются «οἱ ἐκ τοῦ γυμνασίου» (SEG. VIII. 504, 531, 641, 694 etc.), выступающие коллегially и выделяющие себя из всего коллектива.

В птолемеевском (как и в римском) Египте образование не носило обязательного характера, поэтому неграмотность, по крайней мере, среди

¹⁹ См. об этом уже: Wilcken U. Grundzüge und Chrestomatie der Papyrskunde. B., 1912. S. 19 f.

²⁰ The Gnomon of the Idios Logos. Arts. 45—51. Неизвестно, правда, были ли такие ограничения в более отдаленных районах — в Птолемаиде и в мелких населенных пунктах в хоре. См.: Montevicchi O. Ricerche di sociologia // Aegypt. 1936. Vol. XVI. P. 32.

²¹ Ant. Lib. Met. 39: Νικοκρέη δ' οἶκ' ὑπὸ δέχεται τὸν ὕβιον κατ' ἀκροφῶντος ἃι αὐτῷ πατέρες ἦσαν Φοίνικες.

²² См.: Peremans W. Sur l'identification des Egyptiens et des étrangers dans l'Egypte des Lagides // Ancient Society. 1970. N 1. P. 25 et suiv.; Idem. Über die Zweisprachigkeit im ptolemäischen Ägypten // Studien zur papyrologie und antiken Wirtschaftsgeschichte F. Oertel zum 80. Geburtstag gewidmet. Bonn, 1964. S. 49 ff.

²³ Præaux C. Lettres privées grecques d'Egypte relatives à l'éducation // Revue belge de Philologie et d'Histoire. 1929. Vol. VIII. P. 757 ff.

²⁴ Rostovtzeff M. I. SEHW. P. 1056.

местных, была обычным явлением²⁵. Как уже отмечалось, преподавание в гимназиях, да и в начальных школах имело ярко выраженную классическую греческую ориентацию: изучались Гомер, классические философы, лирики и т. п. В целом система образования препятствовала контакту греков с местными этническими группами²⁶. Уже на примере эллинистического Египта прослеживается та тенденция, что греческая культура была лишена «миссионерского» подхода в отношении к завоеванным народам в отличие, например, от современной европейской культуры или арабской периода халифата.

Язык как средство коммуникации в эллинистическом Египте. Часть населения эллинистического Египта более или менее активно владела греческим и египетским языками, но большинством — только одним из них (хотя многие, возможно, могли понимать и неродной язык)²⁷. Документы, предназначенные для широких кругов, составлялись в двух вариантах — на греческом и египетском (в демотике)²⁸. Греки и македоняне, принадлежавшие к правящим кругам, знали, судя по всему, только родной язык. Это относится и к членам царской семьи (*Plut. Ant.* 27. 4—5; *Polyb.* V. 83). Самый замечательный пример билингвизма уже в начале птолемеевской эпохи мы находим в лице египетского жреца Манефона, написавшего историю Египта на греческом языке. Хотя были и другие египтяне, писавшие по-гречески в прозе и стихах, уровня Манефона не достиг никто.

Лица, хорошо знающие два языка, встречались главным образом среди местной администрации, которая в хоре состояла в основном из египтян. В папирусах III в. до н. э. не обнаружен ни один комарх с греческим или эллинизированным именем; из 19 писцов (*κωμοῦρακιατῆς*) только два были греками, а из 28 *βασιλικῶν γραμματέων* — лишь три. В последующие два века в этих должностях начинают встречаться и греки, однако египтяне по-прежнему преобладают²⁹.

Не вызывает удивления тот факт, что представители местной администрации были двуязычны, так как им приходилось осуществлять контакт между греческой администрацией и местным населением, причем они должны были владеть и устной, и письменной формами языка. Это требование распространялось не только на писцов, но и на комархов. Г. Мисслер провел обследование папирусов птолемеевского времени и не

²⁵ Во многих папирусах обнаруживается формула «ἔγραφα ὑπὲρ αὐτοῦ γραμματὰ μὴ ἑδότης», «я написал для него [, который] грамоты не знает». См.: Meyer-Leonard E. 'Αρχαίαιτοι in Aegyptio: Qui litteras sciverint qui nesciverint ex papyris Graecis quantum fieri potest exploratur. Francofurti, 1913. P. 4 s.

²⁶ Все это менее типично для Александрии, где царила иная культурная атмосфера, чуждая традиционности и консерватизма. См.: Roberts C. H. Literature and Society in the Papyri // Museum Helveticum. 1953. N 10. P. 267 ff. Но основной принцип системы образования, выделявший греков в привилегированную категорию, оставался неизменным.

²⁷ Это предположение подтверждается наблюдениями психологов, которые, исследовав различие между активным и пассивным владением языком, отмечают, что способность декодировать сообщения первична и в принципе не зависит от способности кодировать их. См.: Вайнрайх И. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М., 1978. Вып. 6. С. 31.

²⁸ См.: Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten. Strassburg, 1938. Bd. IV. 7337. S. 4 ff. Интересно, что в римский период «βασιλικῶν γραμματέων» обычно носили греческие имена (См.: Tait J. G. The Strategi and Royal Scribes in the Roman Period // JEA. 1922. N 8. P 167 f.), что отражает завершившуюся эллинизацию страны.

обнаружил ни одного случая, чтобы документ, исходящий от комарха, не был бы написан им самим (такие случаи обычно отмечались специальной заключительной формулой)³⁰. Возможно, эти люди выросли в смешанных семьях и с детства были двуязычны, однако для III в. до н. э. это маловероятно. По-видимому, существовало специальное обучение другому языку, судя по всему у частных лиц (о школах такого рода ничего не известно).

После изучения греческого языка (знание его было, вероятно, обязательным условием для занятия официального поста) кандидат на должность мог проходить что-то вроде практики, скорее всего, в столице нома, где и совершенствовал его. Писцы, несомненно, приобретали и хорошее литературное образование, сходное с тем, которое получали греческие юноши в гимназиях. Язык официальных папирусов свидетельствует о том, что писцы свободно владели стандартизованным греческим, типичным для образованных слоев общества.

В Египте III—I вв. до н. э. отмечаются две разнонаправленные тенденции этноязыковой политики. С одной стороны, правители стремились к полной эллинизации (по языку, образованию, образу жизни) той части местного населения, которую составляли новые правящие слои. С другой стороны, в их планы не входил подрыв экономической системы, которая основывалась на тщательно контролируемом труде местных жителей, поэтому основная масса населения не была поглощена греческой цивилизацией и сохраняла свой жизненный уклад, религию, отчасти законодательство. Греки и эллинизированные египтяне отличались от местного населения не только по своему месту в обществе, но и по степени близости к культуре, сосредоточенной в городах, тогда как неэллинизированные египтяне жили в деревнях, вокруг храмов — в хоре.

Южные области Малой Азии (Ликия, Памфилия, Киликия) в эллинистический период

Некоторые историко-географические сведения. На юге Малой Азии горная цепь (Тавр) отделяет внутренние районы страны от побережья, создавая естественный барьер для контактов внутренних областей с внешним миром, и тянется в Памфилию и Киликию Капестрис, а в Ликии и Киликии Аспера она приближается к берегу. Географические условия способствовали сохранению этноязыковой непрерывности по крайней мере в части этого региона. Горы защищали долины Памфилии и Киликии Капестрис от набегов с севера, и вплоть до эллинистического времени в наиболее изолированных районах продолжало существовать лувийское население, как показал А. Гетце, исследовавший местную ономастику по греческим надписям того времени³¹. Благодаря географической изоляции Ликия и Киликия Аспера достаточно долго сохраняли свою независимость. Жители этих мест были известны свободолубием, которое отмечал, в

³⁰ См.: Missler H. E. L. Der Komarch: Ein Beitrag zur Dorfverwaltung im ptolemäischen, römischen und byzantinischen Ägypten: Diss. Marburg, 1970. S. 5 f.

³¹ Goetze A. The Linguistic Continuity of Anatolia as Shown by its Proper Names // JCS. 1954. Vol. 8. P. 74 ff.

частности, Исократ (*Isocr. Paneg.* 161): «Никто из Персов никогда не подчинил Ликию»³².

Эллинизация Ликии. Ликия испытала на себе влияние греческой культуры задолго до собственно эллинистического периода. Греческий алфавит о-ва Родос, как установлено³³, лег в основу ликийского. Раскопки французских археологов в Ксанфе выявили большое количество древних ионийских изделий ремесла и более поздней черной аттической и краснофигурной керамики³⁴. Ликийские монеты с середины V в. до н. э. по стилю близки греческим. Один из ликийских правителей V в. носил греческое имя *Tēnegure* = *Ἀδηνάγυρας*. Есть и другие свидетельства того, что процесс эллинизации был активен в конце V—IV в. до н. э. В известной надписи исторического содержания из Ксанфа (середина IV в. до н. э.: TL. 44) между двумя ее частями, составленными на ликийском А и милийском — двух диалектах или близко родственных языках местного населения, помещена греческая эпиграмма; там же присутствуют греческие имена в ликийской передаче: (H)erikle = *Ἡρακλῆς*, Nacla(za) = *Ἀχιλλεύς*, Zusi/Zeusi = *Ζεύς*. С конца V в. до н. э. на многих надгробиях рядом с ликийской эпитафией помещают греческую; это объясняется не только данью уважения к греческому языку, но и тем, что, судя по именам собственным на этих памятниках, их владельцы происходили из смешанных семей. Хотя процесс эллинизации в этот период не носил поступательного характера³⁵, он тем не менее зашел так далеко, что в IV в. до н. э. многие видные ликийские деятели имели греческие имена (например, Lusāñtra = *Λύσανδρος*, TL. 103), но при этом, что также весьма показательно, их надгробные надписи составлены по-ликийски.

Основной источник по завоеванию Ликии Александром — это Арриан (*Arr. Anab.* I. 24). С 295 г. Ликия, попав под власть Птолемея, принадлежала Египту, а с 197 г., при Антиохе III Великом, была включена в состав державы Селевкидов³⁶. Героическое сопротивление местных жителей не могло сдержать быстрого продвижения Антиоха III, который действовал когда силой, а когда дипломатическим путем: если город не удавалось захватить, с ним заключался договор, по которому тот посвящался богам³⁷.

³² Мы знаем, что Ксанф был завоеван Гарпагом (*Herod.* I. 176) и Ликия вошла в состав Персидской державы. Однако у греков, судя по всему, бытовало представление о том, что ликийцы удерживали внутреннюю автономию при формальном персидском господстве. Геродот сообщает о героическом сопротивлении жителей Ксанфа Гарпагу; аналогичное сопротивление было оказано позднее Антиоху III (*TAM.* II. № 266) и Бруту.

³³ *Kalinka E. Tituli Asiae Minoris.* I. Wien, 1902. S. 5 f.

³⁴ *CRAI.* 1956. P. 157 et suiv.

³⁵ Так, в ликийско-греческой билингве конца V в. из Лимиры (Восточная Ликия. — TL. 117) называется имя владельца памятника — грека по происхождению (*Siderija Parmēnah* = *Σιδέριος Παρμηνῆος*); сын же его носил местное имя *Pubieleje*.

³⁶ Интересно, что Ликия (как и соседняя с ней Кария) долгое время находилась под властью Птолемея, а Киликия Капестрис — Селевкидов. Политика этих двух эллинистических держав имела глубокие корни. Так, Египет с давних времен проявлял интерес к юго-западу Малой Азии, об этом свидетельствуют два письма из переписки с правителем Арцавы XIV—XIII вв. до н. э. из архива в Эль-Амарне, а также письмо Рамсеса II царю Миры (КВо. I. 24). Селевкиды же продолжили старую политику месопотамских держав, которые всегда придавали большое значение Киликийской равнине. В течение долгого времени граница между двумя державами проходила по Селевкие.

³⁷ См.: *Treuber W. Geschichte der Lykier.* Stuttgart, 1887. S. 155 ff. Из самых новых работ см.: *Bryce T. R., Zahle J. The Lycians.* Copenhagen, 1988. Vol. I; Copenhagen, 1990. Vol. II.

Этноязыковые отношения в Ликии эллинистического времени. Эпиграфические памятники на ликийском языке и синхронные им, а с III в. до н. э. сменившие их греческие, а также более ранние арамейские свидетельствуют о том, что языковые отношения в Ликии прошли несколько этапов — от ликийского монолингвизма к греческому через различные стадии двуязычия и многоязычия. Как уже отмечалось, греческие имена у местного населения появляются на рубеже V—IV вв. до н. э.; к этому же времени относится и большинство ликийско-греческих билингв, которые обнаружены во всех районах страны — от Ксанфа на юго-западе до Лимиры на востоке. Существенно, что не только ликийцы более или менее свободно владели греческим языком, но и греки — ликийским. Вероятно, греческий был родным (или, по крайней мере, основным) языком составителей некоторых билингв; на это указывает не только абсолютная грамматическая правильность греческих текстов, но и то, что в отдельных случаях составитель, хотя и владеющий ликийским, воспроизводил его устную форму. необычным образом отмечая особенности ликийской фонетики³⁸. Об активном греческо-лийском языковом взаимодействии уже в V в. до н. э. говорят некоторые косвенные факты, например передача начального звонкого согласного в ономастике посредством сочетания назализованного сонанта с глухим согласным (лик. *ñtarieuse* = *Δαρεῖος*), что впоследствии стало широко распространенным способом обозначения звонкости согласных в греческом, а в столь ранний период могло существовать лишь в виде тенденции, совершенно чуждой ликийскому языку, но воспринятой им.

Наряду с ликийским и греческим языками в Ликии (как и во всей Передней Азии) до середины IV в. до н. э. был распространен арамейский. Часть населения, главным образом представители администрации, могла активно владеть этим языком, который выполнял роль «административного койнэ» в этом регионе. Однако от жителей Ликии (как, вероятно, и других областей Малой Азии) не требовалось его специального знания — документы на арамейском сопровождалась, как правило, переводом на языки, заведомо более распространенные. Например, известный «Декрет Пиксодара» (середина IV в. до н. э.) содержал в центральной части арамейский текст, а справа и слева от него — ликийскую и греческую версии.

На этноязыковой ситуации в Ликии IV в. до н. э. не могло не сказаться ее временное и отчасти формальное подчинение Карию. Кариийское влияние затронуло в основном правящий класс Ликии. Мы находим карийские личные имена в ликийских монетных легендах, надгробных надписях, (ср. *hñprāma* = *Ἐμπερομος*), *xudrehila* — один из военачальников Перикла, обозначенный традиционным выражением «*ēñē periklehe xñtawata*» (Восточная Ликия, 380—362 гг.)³⁹. Хотя карийские эпиграфические памятники на территории Ликии не обнаружены, этот язык, очевидно, был известен части местных жителей, особенно в пограничных с Карией районах.

³⁸ Например, интерпункция внутри ликийской глагольной формы *kutseze: itī*, «они очищаются» в билингве из Исинды (V—IV вв. до н. э. — TL. 65) использована для передачи некоторого разделительного звука (типа [h] или [j]), появляющегося в речи между двумя гласными на месте морфемного шва.

³⁹ Ср. *Strab.* XIV. 663, где упоминается *Κυδρῆλος*, сын Кодруса и основатель г. Миусы в Карию.

Наибольшая этноязыковая пестрота характеризует Ликию IV в. до н. э.; начиная с III в. ситуация постепенно стабилизируется; главенствующее положение приобретает греческий язык, а памятники на ликийском языке уже в конце III в. до н. э. бесследно исчезают. Хотя предполагается, что местное население сохраняло свой язык до середины I тыс. н. э.⁴⁰, прямых подтверждений этому нет.

Отсутствуют данные и относительно системы образования и в целом этноязыковой политики в эллинистической Ликии. Вероятно, и там существовали учебные заведения типа гимнасиев, но никаких сведений о дискриминации местного населения (будь то запрет на обучение в гимнасиях или на смешанные браки) до нас не дошло. Не исключено, что ограничений, подобных тем, что имели место в птолемеевском Египте, в Ликии вообще не было. Судя по письменным свидетельствам, ликийцы и греки достаточно мирно уживались, проявляя взаимную терпимость в общественной жизни, сфере культа и т. д. В надписях спокойно сосуществуют местные и греческие институты, анатолийские и греческие божества⁴¹; ликийцы и греки совместно совершали обряды, ставили памятники, надгробия, посвятельные надписи. С IV в. до н. э. греческие имена в ликийских надписях начинают появляться регулярно у представителей младшего поколения, ср. в надписи из Лимиры (TL 116): *terzzixle ... rixt'mah tideimi* «Т., сын П.» (при греч. *Τερψικλῆς* (*Θερσικλῆς*), лик. *Πιρῶμας*). И хотя в мелких населенных пунктах местные традиции были более устойчивыми⁴², тем не менее появление смешанных сельских семей приводило к возникновению двуязычной среды, благоприятной для смены языка.

Киликия в эллинистическое время. Согласно Геродоту (I. 74), Киликия включала не только Киликийскую равнину, но и область на севере, вплоть до р. Галис. В ассирийских источниках Западная Киликия (Аспера) известна под именем *Nilakku*. Там же неоднократно упоминаются греки (*ἰαῖα*, т. е. ионийцы), которые уже во времена Саргона II стали развивать активность в этом районе. С 542 по 401 г. Киликия была вассалом Персидской державы, а с 401 по 333 г. в ней постоянно пребывали персидские сатрапы⁴³. Внутренняя часть Киликии Аспера находилась в совершенно особом положении и по своему развитию, и по отношению к другим культурам и народам резко отличалась от прибрежной области. Это были дикие, изолированные от внешнего мира районы, население которых не подчинялось даже своим правителям. Ксенофонт (*Хер. Анаб.* I. 2, 20, 25) рассказывает, что Кир вызвал из Икония военачальника Менона, чтобы сопроводить киликийскую царицу Эпиаксу в ее страну кратчайшим путем. Во время перехода на Киликийскую равнину два подразделения армии Менона бес-

⁴⁰ Нойман Г. Ликийский язык // Древние языки Малой Азии. М., 1980. С. 146 и след.

⁴¹ Подобная широта взглядов в области религии в целом характерна для анатолийских народов (в отличие, скажем, от фригийцев, пришедших с Балкан) и имеет глубокие корни. Так, еще хетты в первой половине II тыс. до н. э. охотно включали в свой пантеон местные божества, а в обращенные к ним ритуалы — молитвы на соответствующих языках.

⁴² Это находит отражение и в ономастике. Ср. надпись из Дювера (TL 27), где посвяtitель, сын ликийца, носит греческое имя *mexistēnē* (греч. *Μευσίτην*) *sxxulijah tideimi*, а сын его назван тем же ликийским именем (*sxxulije*), что и дед.

⁴³ См. подробно: *Erzen A. Kilikien bis zum Ende der Perserherrschaft.* Leipzig, 1940. S. 88 f.

следно пропали в Киликии Аспера. В Тарсе ходили разные слухи об их исчезновении, но истина так и осталась неизвестной.

Что же касается побережья, то оно издавна принадлежало к цивилизованному миру. Там были греческие города — Нагид, Афродисиада, Холми. Хотя такие поселения, как Келендерис, считались негреческими, не исключено, что, в частности, Исократ имел в виду и их тоже, когда писал: «многие киликийские города управляются их (=Афин) сторонниками, другие же не трудно подчинить» (*Isocr. Paneg.*, 161).

На примере киликийской ономастики наглядно прослеживается связь между фактами языка и историческими событиями. В конце прошлого века был опубликован список жрецов киликийского города Корики⁴⁴. В первой части списка, охватывающей период примерно с 235 по 180 г. до н. э., идут исключительно греческие имена, которые сменяются большим массивом лувийских. Если вслед за Ф. Хоуинком, исследовавшим эти списки⁴⁵, предположить, что средний возраст жреца при вступлении в должность 40 лет, то из этого следует, что будущие жрецы, получавшие при рождении греческие имена, появлялись на свет начиная с первых десятилетий III в. до н. э., а лица с лувийскими именами — с конца III в. Затем количество греческих имен вновь начинает постепенно увеличиваться; через 100 лет лувийские имена собственные встречаются только у отцов, а еще через 30 лет (одно поколение) исчезают полностью. Если мы обратимся к историческим фактам, то увидим, что, действительно, во второй половине III в. до н. э. Селевкиды ослабили свое господство в этих областях; оно временно восстанавливается при Антиохе III (в 197 г. до н. э.). «Возрождение» эллинизма в первой половине II в. до н. э. находит отражение в вытеснении лувийских имен греческими у лиц, связанных со сферой культа, где обычно, насколько это возможно, предпочтение отдается древним и местным традициям.

Сходная с Кориком картина обнаруживается и по надписям Ольбы, где хорошо представлена местная ономастика: *Ερμῆας, Σανδός, Ταρκνάρης* и др. Это нередко имена жрецов Зевса⁴⁶, которые, вероятно, были и верховными правителями; Страбон, в частности, сообщает, что жрец Зевса был *δυνάστης τῆς Τραχυνίδος* (*Strab. XIV. 672*). Такая ситуация сложилась после 3-й Сирийской войны (246—241 гг.), когда Ольба, как и соседние области, вышла из-под власти Селевкидов.

Этноязыковая ситуация в южных областях Малой Азии в эллинистический период. Несмотря на раннюю и основательную эллинизацию, местное население Ликии сохранило в значительной степени свою автономию вплоть до римского времени.

В Памфилии расселяются новые группы населения. Местный эпиграфический материал представлен очень скудно. С III в. до н. э. здесь широко распространяется греческий язык, который в последующие

⁴⁴ См.: *Hicks E. L. Inscriptions from Western Cilicia // JHS. 1891. Vol. XII. S. 243 ff.* Ср. улучшенный вариант: *Heberdey R., Wilhelm A. Reisen in Kilikien // Denkschr. d. Kais. Ak. d. Wiss. Wien. Philos.-hist. Kl., 1896. Bd. 44, Abh. 6.*

⁴⁵ *Houwinkten Cate Ph. H. J. The Luwian Population Groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic Period. Leiden, 1961. P. 205.*

⁴⁶ Ср. надпись конца III в. до н. э.: *Ταρκνάρης Ταρκνάριος τοῦ Νάσαν ἱερὸς Διὸς* (MAMA. III. 69); во II в. до н. э. обычным титулом жрецов Ольбы был *Ἀρχιερεὺς ὕβρας*.

Мальчик-наездник. I в. до н. э. Бронза. Афины. Национальный музей

века остается основным средством общения во всех сферах жизни⁴⁷. Относительно меньшие замкнутость, культурная и политическая обособленность обусловили раннюю смену языка и более быструю эллинизацию Памфилии по сравнению с ее западными и восточными соседями — Ликией и Киликией.

Что касается Киликийской равнины, то с конца VIII в. до н. э. она постоянно находилась под властью месопотамских правителей. Это вполне объяснимо с географической точки зрения, так как Киликийская равнина легко доступна из Северной Сирии и, напротив, отгорожена от остальной части Малой Азии Тавром. Кроме того, эти области представляли большое стратегическое значение для месопотамских держав как их форпост в Малой Азии.

Единственное сохранившееся свидетельство этноязыковых процессов в южных районах Малой Азии эллинистического времени — это ономастика. Личные имена лувийского происхождения найдены в тех областях, где эллинизация, с одной стороны, зашла настолько далеко, что население использовало греческий язык в его устной, а главное, в письменной форме, а с другой — еще не настолько, чтобы не осталось никаких следов местного населения в ономастике.

⁴⁷ См.: Brixhe C. Le dialecte grec de Pamphlie. P., 1976; *Idem*. Langue comme critère d'acculturation: le dialecte grec de Pamphlie // Hethitica. Louvain, 1987. Vol. VIII; Канзанский Н. Н. Греческий диалект Памфилии: Автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1978.

Лувийская ономастика юга Малой Азии неоднородна по своему характеру. В городских центрах Ликии в IV—III в. до н. э. распространены составные имена типа *Αρσαλῖς*, *Ερμενδαδῖς*, *Περπεντῖς*; в глубинных районах до римского времени — простые имена *Πύραμις*, *Τρεβήμις* и т. п. Сходная ситуация наблюдается в Киликии, где в Ольбе, Корице, Хамаксии представлены составные имена *Αρμαρωνέας*, *Ορβαλασητας*, *Τροκουβιυρεμις* и т. д.; внутри страны имена, как правило, простые — *Αρβασις*, *Μοντας*, *Ρωνδας* и др.⁴⁸

Исследование фонетических особенностей «эллинистической лувийской» ономастики позволяет сделать вывод о том, что различия между Ликией и Киликией в передаче местных лувийских имен собственных минимальны и соответствуют правилам позднелатвийской фонетики. Расхождения касаются в большей степени «популярности» того или иного имени, например *Τεδι-* в Ликии (лув. *Tati-*, «Бог-отец») и *Τροку(ν)-*, *Ταρку-* (хет.-лув. Бог грозы *Tarḫu(nt)-*) у киликийцев, что в любом случае не противоречит допущению об однородности этноязыкового состава населения в обеих областях от хеттского времени до рубежа новой эры. Исторические судьбы обеих южных областей также сходны: местное население постепенно утрачивает этническую самобытность; в I в. до н. э. ономастика, особенно городского населения, практически не отличается от греческой.

Центральные районы Малой Азии: Фригия

Более трех веков Фригия входила в состав державы Ахеменидов, сохраняя при этом свой язык, обычаи, верования. Со времени Александра во Фригии, ее языке и культуре, стал преобладать греческий элемент. С III в. до н. э. прерывается местная эпиграфическая традиция — исчезают памятники старофригийского языка. Устные формы фригийского языка продолжают существовать, вероятно, до конца римского периода, и время от времени наблюдаются более или менее интенсивные «всплески языкового патриотизма», сопровождающиеся появлением новфригийских письменных памятников начиная с I в. н. э. (или несколько ранее)⁴⁹, но особенно активно во II—III в. н. э., т. е. уже за пределами собственно эллинистического периода.

Вплоть до III в. н. э. западные границы распространения новфригийского языка проходят по Аполлонии, Синнаде, Аппии, Эзани, из более западных районов фригийский язык был вытеснен греческим⁵⁰. Многие греческие надписи Восточной Фригии, языческие и христианские, демонстрируют влияние фригийской фонетики до III в. н. э. (ср. *αδελφοί* вместо *-φοι* и т. п.)⁵¹.

⁴⁸ *Houwinkten Cate Ph. Op. cit. P. 124 f.*

⁴⁹ О самом раннем новфригийском тексте, датируемом не позднее I в. н. э. (возможна и более ранняя датировка) см. выше, сн. 16.

⁵⁰ Важно подчеркнуть, что западная граница фригийского языка в отличие от восточной не соответствует этническому разграничению, но отделяет фригийское население, сохранившее свой язык (наряду с употреблением греческого), от населения, полностью эллинизированного.

⁵¹ Ср.: MAMA. I. (Phrygo-Lycaonian Borderland). L., 1928. P. 312 f.

Новофригийский язык, известный по фригийско-греческим билингвам начала н. э., испытал достаточно сильное воздействие со стороны греческого языка, которое затронуло все его уровни — от фонетики до лексики. Греческие способы передачи звучания новофригийских слов совпадают с греческими (например, *новофриг. πορ* = *греч. πῶρ*; ср. в хронологически близкой греческой надписи Διονυσίου, где -οι- = -υ-) ⁵²; наряду с лексическими заимствованиями из греческого можно наблюдать появление под воздействием греческой морфологии грамматических категорий, отсутствовавших в старофригийском, например, медиальных форм. Новофригийские памятники III в. н. э. демонстрируют очевидный языковой сдвиг, который, несомненно, имел место и в других областях эллинистического мира, но документально засвидетельствован только во Фригии.

Со времени вторжения кельтских племен галатов в Анатолию в 232 г. до н. э. определенную роль во Фригии по крайней мере в ее северо-восточной части («*cis Halym*») стал играть кельтский компонент. Свидетельств кельто-фригийского двуязычия населения нет; вероятно, языком общения между пришельцами и местными жителями был греческий, при этом родной язык сохранялся еще длительное время ⁵³.

Восточные районы Селевкидской державы. Политическим центром восточных областей, как и центром иррадиации греческой культуры, сохранившейся здесь до I в. н. э. ⁵⁴, была Селевкия-на-Тигре. Смешанный характер имело население и других месопотамских городов — Антиохии Каллироэ (Эдессы) ⁵⁵, Антиохии в Мигдонии (Низибиса), Никефориона, а за пределами Месопотамии — Мидии, Элимаиды, Гиркании, Бактрии и др. ⁵⁶ Своеобразный тип этноязыковых отношений складывался в Вавилонии, где на всем протяжении эллинистического периода местная культура продолжала играть существенную роль; сохранялись древние вавилонские институты, могущественные местные божества почитались среди различных этнических групп. Так, клинописная табличка из Тель-Имара (225—224 гг. до н. э.) содержит посвящение богу Нергалу; составитель ее — грек, вероятно владевший аккадским языком.

Степень приобщенности греков к местной и письменной традиции хорошо прослеживается по оформлению клинописных текстов; наряду с билингвами, предназначенными для лиц, владевших только родным языком, встречаются аккадские и шумерокие тексты, содержащие колофон (т. е. краткое описание содержания таблички) на греческом языке — вероятно, для тех, кто, заинтересовавшись содержанием, сможет самостоятельно либо с посторонней помощью разобраться в основном тексте; часть же текстов содержит наряду с клинописным оригиналом (но чаще — вместо него) его греческую транскрипцию — для лиц, владеющих лишь устной формой аккадского язы-

⁵² Ibid. P. 313.

⁵³ Так, по сообщениям путешественников, в конце IV в. н. э. в Галатии можно было слышать наряду с греческим и кельтский диалект. См.: Neumann G. Untersuchungen zum Weiterleben hethitisches und luwisches Sprachgutes im hellenistischen und römischen Zeit. Heidelberg, 1961. S. 84.

⁵⁴ См.: McDowell R. H. Stamped and Inscribed Objects from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935. P. 12 f.

⁵⁵ Малала упоминает Ἀντιόχεια τῇ μετ'εὐαγγελίᾳ (Malal. VII. 418).

⁵⁶ См. подробно: Кошленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

ка, но не клинописью⁵⁷. Интересно, что обратной ситуации, когда основной текст был бы составлен по-гречески, а пояснения или транскрипция — по-аккадски, во всей Месопотамии не обнаружено⁵⁸. Вероятно, билингвизм в Вавилонии был распространен среди греков в большей степени, чем в других частях эллинистического мира. Местное население даже в таких центрах древней культуры, как Урук и Вавилон, не противодействовало эллинизации; напротив, многие, и в первую очередь высокопоставленные лица, присоединяли к своему имени еще одно — греческое⁵⁹; например, надпись на глиняном цилиндре из Урука 68 г. селевкидской эры (244 г. до н. э.) повествует о возведении святилища богу Решу Ануубаллитом, правителем Урука, греческое имя которого — Никархос (YOS. I. N 52).

Г. Х. Саркисян, исследовавший греческую ономастику эллинистического Урука⁶⁰, установил, что греческие имена характерны для той части местного населения, которая была связана с политико-административной сферой. Выводы, к которым приводит сопоставительный анализ греческих и вавилонских личных имен, хорошо соотносятся с заключениями о специфике проникновения греческой культуры в вавилонское общество, полученными на другом материале (в частности, сведениями об использовании того или иного языка различными слоями населения): можно говорить об определенной степени включения самих греков в устоявшуюся в течение тысячелетий вавилонскую цивилизацию; в Уруке, например, «не гражданско-храмовая община была преобразована в эллинистический полис — явление, наблюдаемое во многих частях Селевкидской державы, не обладающих столь высокой степенью сопротивляемости, — а, напротив, греческая колония была растворена в Урукской общине»⁶¹.

* * *

Распространение греческого языка на Востоке сопровождалось, как видно из этого краткого обзора, разнообразием конкретных исторических ситуаций и формированием различных типов отношений, которые сводимы к трем основным: 1) искусственно поддерживаемое разделение функций и сфер применения греческого и местных языков, для основной массы населения (хотя это и не обязательно) совпадающее с противопоставлением «город» — «хора» (Египет); 2) сосуществование греческого и местных языков;

⁵⁷ По мнению М. М. Дандамаевой, эта транскрипция была необходима самим носителям аккадского языка, для которых основную трудность при чтении клинописных текстов представляли расхождения между традиционным написанием и произношением. См.: *Дандамаева М. М.* Письмо из селевкидского Урука: (К вопросу о «смерти» аккадского языка // ВДИ. 1987. № 2.

⁵⁸ См.: *Oelsner J.* Materialien zur Babylonischen gesellschaft und Kultur... S. 239 ff.

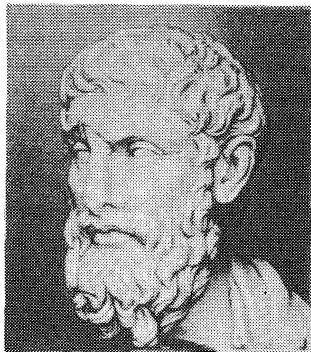
⁵⁹ Это одно из возможных объяснений двойных имен, принимаемое Г. А. Кошеленко (*Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. С. 106); не исключено (по крайней мере, для II—I вв. до н. э.), что часть этих лиц могла происходить из смешанных семей (ср. раздел о Птолемеевском Египте).

⁶⁰ *Саркисян Г. Х.* Греческая ономастика в Уруке и проблема Graeco-Babyloniaca // Древний Восток. Ереван, 1976. Вып. 2. С. 191 и след.

⁶¹ Там же. С. 214. И. Эльснер, рассмотрев все доступные ему документы (включая и неопубликованные) из Вавилонии эллинистического времени, пришел к сходному выводу: эллинизация местного населения в древних городах Вавилонии была весьма незначительной (*Oelsner J.* Op. cit. S. 265).

билингвизм местного населения с последующим вытеснением местных языков греческим⁶² (Малая Азия, большая часть Селевкидской империи; отдельные примеры временного возрождения местной эпиграфической традиции, свидетельствующие о латентном существовании соответствующего языка, как, например, во Фригии в первые века н. э., не меняют общей картины); 3) сосуществование греческого и местных языков, когда греческий этноязыковой компонент образует отдельные вкрапления в массив местных этнокультурных традиций и отчасти растворяется в них (Вавилония). Очевидно, что эта типологическая схема, как и любая другая, несколько упрощает реальную картину за счет ее оттенков, однако вполне применима для описания различных типов взаимоотношений, складывающихся между языками завоевателей и местного населения в разные исторические периоды, и может быть использована для построения типологии этноязыковых универсалий — раздела этнологии, значение которого еще в полной мере не оценено.

⁶² В отличие от латыни, незнание которой в различных частях Римской империи (вплоть до позднеримского времени) грозило определенными санкциями (например, человек, не говорящий на латыни, лишался права голоса в суде), греческий язык внедрялся во все сферы жизни местного населения достаточно мирно благодаря интенсивному процессу аккультурации последнего.

Парадоксальным образом благодаря XII книге «Всеобщей истории» Полибия, содержащей резкую критику исторических сочинений Тимея, сохранилась большая часть фрагментов этого автора, жившего на рубеже IV—III вв. до н. э. Сущность различия их позиций, более того — противостояния во взглядах на задачи и способы изображения исторических событий определялась не личными пристрастиями или вкусами этих историков, а принадлежностью к диаметрально противоположным направлениям эллинистической историографии, обусловленным социально-политическим развитием греческого общества на более чем вековом временном отрезке. Поэтому рассмотрение, казалось бы, частного вопроса о своеобразии позиций Тимея и Полибия как историков на фоне общей картины состояния эллинистической историографии III—II вв. до н. э. способствовало бы решению более общей проблемы, связанной с эволюцией общественного сознания и касающейся вопроса о смене традиционных полисных форм мышления антиполисными.

В греческой историографии IV в. до н. э. господствовала риторика, подчинявшая своим требованиям результаты других областей знания — философии и естествознания. Такие приверженцы этого направления, как Феопомп, Эфор (но не Филист или анонимный автор «Греческой истории»), видели свою задачу в том, чтобы занимательно изложить и риторически «расцветить» события, принятые ранее исторической традицией: с этой же целью эмоционального и назидательного воздействия на читателя использовались ими риторические отступления, о которых много позже писал Плутарх: «Вставные экскурсы и отступления в исторических трудах служат для изложения мифов и объяснения старинных обычаев, а кроме того, для восхваления действующих лиц» (*Plut. De Herod. malig.* 855 D). Естественно, что авторы этого направления, среди которых был и Тимей из Тавромения (около 350—около 260 гг. до н. э.), сын Андромаха, основателя этого города, не могли претендовать на достоверное изложение исторической правды.

Состояние дошедших до нас фрагментов «Истории» в 38 книгах Тимея (в другом варианте — «История Сицилии») не позволяет составить цельного представления о его труде, написанного в Афинах, где Тимей, изгнанный в 316/315 г. до н. э. из Тавромения сиракузским тираном Агафоклом, провел более 50 лет (*Polyb. XII. 25*) в качестве политического изгнанника¹.

¹ Согласно Полибию, Тимей написал историю Италии, Сицилии, Ливии (XXXIX. 19. 14), т. е. Западного Средиземноморья. Дионисий Галикарнасский называет Тимея первым

По всей видимости деятельность Тимея, как историка, была своего рода компенсацией нереализованной им политической карьеры, на которую он вполне мог рассчитывать в иной ситуации, учитывая, что его отец был весьма влиятельной фигурой в Тавромении (и, между прочим, в 344 г. до н. э. принимал у себя в доме коринфянина Тимолеонта).

Именно в Афинах Тимей воспринял риторическую манеру изложения исторических событий, впоследствии восхищавшую Цицерона. Тимей наследовал традиции «исократовцев» (по его словам, своим учителем он считал Филиска Милетского, обучавшегося риторике у Исократа) и одновременно усвоил круг философских и научных идей, получивших распространение в IV в. до н. э. Основное его достоинство последующее поколение греческих историков видело в добросовестном изложении им фактов, многие из которых уникальны. Судя по дошедшим до нас фрагментам, Тимей намеревался дать развернутое описание исторических и легендарных событий Западного Средиземноморья, и прежде всего Сицилии, с древнейших времен и вплоть до 272 г. до н. э. (смерть Пирра) или 264 г. до н. э. (начало 1-й Пунической войны)².

Ему же принадлежало сочинение «Олимпионики», от которого к сожалению, ничего не сохранилось и которое было задумано, по-видимому, в качестве предупреждения к его основному труду. Несмотря на то что списки олимпийских победителей составлялись и до него (софистом Гиппием из Элиды, Филохором), Тимей, однако, был первым, кто предложил вместо принятого использования датировок по правлению должностных лиц ввести единую хронологию на основе летосчисления по олимпиадам. Это была попытка создать общегреческую хронологическую модель, к которой можно было бы «привязать» исторические события³. Однако трудно утверждать определенно, считал ли сам Тимей избранную им дату первой олимпиады (776 г. до н. э.) своего рода рубежом между легендарным прошлым и историческим периодом. Во всяком случае, это было существенным нововведением, которым воспользовались и последующие поколения греческих историков⁴. Хронологическая система, принятая до Тимея и основанная

греком, писавшим о римских древностях, если не считать Гиеронима из Кардии, автора «Истории диадохов и эпигонов» (*Dion. Hal.* I. 6. 1); сочинение последнего сохранилось во фрагментах и охватывало, по-видимому, период от смерти Александра Македонского до гибели Пирра (272 г. до н. э.). Свой труд Гиероним из Кардии создал будучи уже в преклонном возрасте, и степень его влияния на освещение традицией периода правления преемников Александра Македонского оказалась столь значительной, что ни один из поздних историков, касавшихся его, не в состоянии был пренебречь его сочинениями (в основе кн. 18—20 «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского лежат, как известно, свидетельства Гиеронима из Кардии).

² Западному Средиземноморью посвятил свои сочинения и Лик из Регия, живший при дворе Птолемея I Сотера в Александрии, политический противник Деметрия Фалерского; сохранились фрагменты его сочинений «О Сицилии» и «Истории Ливии». Кроме того, до Тимея о Сицилии писали Гиппий из Регия, Антиох Сиракузский (которого Дионисий Галикарнасский называл «древним историком» (*Dion. Hal.* I. 12. 3), Дурид Самосский, ставший, возможно, источником Тимея по Ливии (а именно за недостоверность сведений по Ливии Полибий позже критиковал Тимея), Каллий Сиракузский, Антадр Сиракузский (брат Агафокла) и, наконец, Филист Сиракузский, в противоположность Тимею оправдывающий политику Дионисия Старшего.

³ Ср.: Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э. Л., 1985. С. 100.

⁴ Судя по отрывку из «Хронографии» (FGrH. 241 F 1), Эратосфен, также составивший список олимпийских победителей, принял и впоследствии усовершенствовал хронологию

на списках правления должностных лиц (архонтов-эпонимов и т. п.), была весьма несовершенной и в любом случае предполагала наличие полного списка; гораздо удобнее стало использовать хронологию, основанную на упорядоченных списках олимпийских победителей, поскольку она оперировала числами.

Полибий, крайне критически настроенный по отношению к Тимею, пишет: «Тот самый человек (т. е. Тимей), который составил восходящие в глубокую древность сравнительные списки эфоров и аргивских жриц с именами олимпийских победителей и изобличает погрешности городов в государственных документах, хотя бы речь шла всего о трех месяцах разницы, — тот же Тимей открыл плиты (стелы) в задних притворах храмов и постановления о государственном гостеприимстве (проксении) на дверных косяках в храмах» (*Polyb.* XII. 11. 1—3). В данном случае замечание Полибия не только обнаруживает особенное пристрастие Тимея к абсолютной хронологии и датировкам (на основе синхронистических списков и таблиц, восходящих к олимпиадам), но и свидетельствует о том, что он отнюдь не был «книжным червем», использующим в качестве своих источников исключительно литературные записки и т. п., он широко привлек документальные свидетельства, в частности надписи, и, возможно, выезжал в Аргос, Спарту, Локры Эпизефирские для ознакомления с материалами местных архивов, на острова Керкиру и Левкады (FGrH. 566 F 79, 80). Во всяком случае, «Олимпионики» подтверждают заинтересованность Тимея в достоверных свидетельствах и точной хронологии.

В период кризиса традиционной полисной структуры для приверженцев риторической историографии с присущей ей морализаторской направленностью стала обычной идеализация «естественного» образа жизни далеких или малоизвестных народов, который в изображении этих историков обладал рядом преимуществ по сравнению с «цивилизованным» образом жизни. В качестве примера можно сослаться на отмеченный киническими чертами рассказ Онесикрита, автора труда «Об Александре» (около 305 г. до н. э.), о беседе с индийскими гимнасофистами, излагающими расхожие догмы кинической морали: «для мира будет в высшей степени хорошо, когда власть имущие поймут, как следует образумить податливых людей доводами и пробуждать в них самопознание, а строптивых — принуждать к этому». Далее мудрец-гимнасофист прославляет Александра за то, что тот, будучи правителем могущественной державы, стремится к мудрости, и за то, что Александр «философ с оружием в руках» (FGrH. 134 F 17a).

Но в среде перипатетиков проявилась и иная тенденция — переносить аристотелевское учение о закономерностях развития органического мира на общественную жизнь. Интерес перипатетиков к проблеме зарождения не только биологических, но и политических организмов «спровоцировал» теоретическое объяснение закономерной эволюции общества от варварского состояния до стадии полиса посредством преобразований (запись обычного права, издание писаных законов, упорядочение моральных норм *ēdos*), короче говоря, путем практического использования накопленных открытий (*εὑρίσματα*) и знаний. Таким образом, в интерпретации перипатетиков

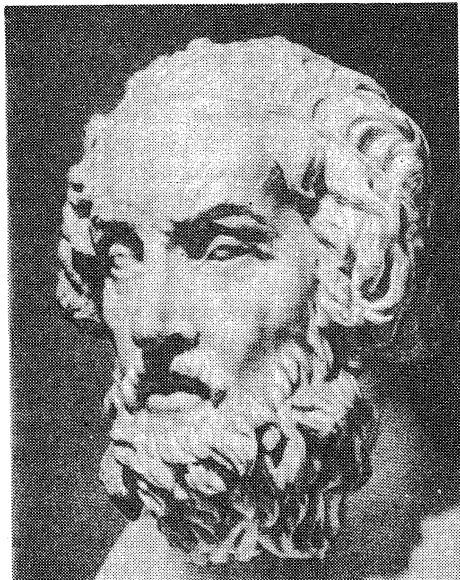
Тимея по олимпиадам, ставшую общепринятой для греческих историков; Эратосфен заимствовал также у Тимея установленную им дату падения Трои (1184 г. до н. э.).

степень достижений духовной культуры ставилась в теснейшую связь с уровнем развития общества, и в этом контексте сочинение перипатетика Дикеарха из Мессины «Жизнь Эллады» (III в. до н. э.), посвященное истории культуры, должно было иметь важное значение. Видимо, нельзя рассматривать фрагменты «Истории» Тимея из Тавромения и говорить о его позиции историка без учета всего изложенного выше.

Установка Тимея на изложение самых достоверных и очевидных свидетельств не исключала существующей мифологической традиции. Со старательностью педанта корректировал он местные названия, культы, наименования общественных учреждений, следуя в качестве нормы архаичному образцу. Этот пересмотр свидетельств легендарного прошлого допускал, что в основе мифической

традиции лежат достоверные свидетельства, но с точки зрения историка искаженные. В данном случае Тимей не был первооткрывателем: включение в исторические произведения материала *ἀρχαιολογία* («объяснение древних обычаев», по словам Плутарха) было обычным делом для авторов IV в. до н. э. и генетически восходило к распространенной еще во времена Гелланика литературе об основании полисов. Раннеэллинистические историки в полном согласии с традицией систематизировали свидетельства в рамках *ἀρχαιολογία* относительно интересовавшего их полиса или государства, его географического положения, непривычных обычаев общественного строя и религиозных верований, не пренебрегая при этом и данными мифологии. Образование этой модели описания впервые обнаруживается у Гекатея Абдерского, а позже выработанному им образцу следуют Мегасфен (IV в. до н. э.), Беросс и Манефон (оба III в. до н. э.), у которых отсутствовало строгое противопоставление «истории» и «вымысла», т. е. расчленение на прошлое и рассказ о нем. Использование экскурсов преследовало сугубо риторические цели и, собственно, было естественным развитием приемов, к которым прибегал еще Геродот. В контексте политической истории место *ἀρχαιολογία* было более ограниченным, чем в сугубо этнографических или географических сочинениях.

Обращение к тематике легендарного прошлого Афин в период кризиса традиционной полисной системы было распространено, и представляется естественным, что Тимей, современник «взрыва» наук (математики, астрономии, географии), обратился к пересмотру на рациональной основе (в его понимании) старинных обычаев и установлений, стремился локализовать подвиги мифических героев или в целях достоверного объяснения традиции привлекал документальные свидетельства.

Портрет Гомера
I в. до н. э. Мрамор

Тимей, как и многие его современники, не избежал увлечения документальными свидетельствами. Каллисфен, например, в своем изложении Мессенской войны (FGrH. Callisth. 124 F 23) привел надпись мессенян на столбе у жертвенника Зевса Ликейского; Аристотель утверждал, что именно Ликург был учредителем олимпийского перемирия и ссылался в качестве доказательства на надпись на олимпийском диске (*Plut. Lys. I. 1*); аттидограф Филохор составил сборник «Надписи Аттики»; даже Евгемер (FGrH. 63 F 2) ссылался на свидетельства надписей. Полибий, критиковавший позже Тимея за излишнюю приверженность к устной традиции и «книжному знанию» (*Polyb. XII, 27. 4—7*), вынужден был признать, что Тимей действительно затратил много усилий на сбор исторического материала (*Ibid. 28a, 3*) и пользуется доверием как историк (*Ibid. 10, 4*).

Тимей намечает историческую перспективу, соединяя мифическое предание и собственно историю, которая, по его мнению, протекает согласно воле божественного провидения (воля оракула). Одновременно можно допустить, что Тимею присущи элементы учения о естественном падении нравов, подтверждением чему служит рассказ о событиях на одном из Липарских островов, Эолии, в следующей последовательности: необитаемый остров заселяется колонистами, прибывает Эол, положивший начало правлению нескольких поколений Эолидов, затем наступает период междоусобиц и гражданских смут, завершающийся тем, что остров вновь становится необитаемым. Новый исторический период знаменует прибытие греческих колонистов из Книды и Родоса. В другом фрагменте Тимея (FGrH. 566 F 77) говорится об основании одним из Гераклидов, Гиллом, греческой колонии, которая постепенно варваризуется под влиянием примитивного образа жизни соседних народов.⁵

Тимей использовал традиционные темы, сюжетно связанные с возвращением ахейских героев из-под Трои, предпочитая версии, объясняющие причины западногреческой колонизации. В качестве примера сошлемся на фрагмент, в котором говорится о том, что Диомед, вернувшись домой, вынужден был из-за измены жены Эгиалы бежать на корабле из Аргоса в Италию, где после долгих скитаний окончил свои дни (FGrH. 566 F 53)⁶. Существовало несколько версий мифа о пути аргонавтов из Колхиды, а поскольку детали не были стандартизованы, каждый историк III в. до н. э. мог использовать версию об их возвращении окружным путем, лишь бы он в глазах читателей выглядел диковинным и, стало быть, вполне героическим⁷. К этому же побуждали сочинения старшего современника Тимея, Пифея из Массалии, давшего описание северных областей Европы и самой крайней ее точки — острова Туле.

⁵ Ср.: Brown T. S. *Timaeus of Tauromenium*. Los Angeles, 1958. P. 92.

⁶ Страбон излагает четыре версии мифа о Диомеде, но трудно сказать, следует ли он в какой-то из них Тимею (*Strab. VI. 3. 9* etc.); наиболее близка та, где говорится, что «герой (Диомед) оставался здесь (в Италии) до конца своей жизни».

⁷ Так, анонимный автор сочинения III в. до н. э. «Рассказы о диковинах» приписываемого Аристотелю, говоря о возвратном пути аргонавтов, исходит из ходячего представления, что «один рукав Истра впадает в Понт, а другой — в Адриатическое море... Ведь Ясон, как рассказывают, входил в Понт у Кианейских скал, а возвратный путь проделал через Истр» (*Pseudo-Arist. Auct. mir. 105*). Его поддерживал «исократовец» Феопомп — автор «Истории Филиппа» (*Strab. VII. 5. 9*).

По версии Тимея (FGrH. 566 F 85), аргонавтам не удалось выйти на кораблях из Понта, и тогда они совершили нечто «дикивинное и достойное упоминания», поднялись по руслу Танаиса к истокам, перетащили корабли волоком в реку, впадающую во Внешний Океан. Затем, плывя с севера на юг и имея по левую руку землю, они достигли Гадир и вошли в Средиземное море с запада. Как видим, Тимей полностью исключил гипотезу о бифуркации Истра, соответственно и локализация пребывания Ясона в Западном Средиземноморье у Тимея иная, чем у Псевдо-Аристотеля: служба Диоскуров, Кастора и Полидевка, участников похода аргонавтов, у кельтов; гавань Аргоон, названная по имени корабля Арго, на острове Эфалия, архаическая надпись на бронзовом треножнике, свадьба Ясона и Медеи на Керкире — все эти события служат историческими свидетельствами пребывания аргонавтов в Западном Средиземноморье, что позволяет сделать вывод о том, что Тимей подчеркивал преемственность Западом историко-культурных традиций материковой Греции.

Тимей, разумеется, не мог предвидеть роста грядущего мирового господства Рима, ставшего очевидным для Полибия, который связал всеобщую историю с римской завоевательной политикой; и тем не менее, судя по дошедшим фрагментам, Тимея всерьез интересовала история Рима. «Тимей в своей „Истории“, в которой он описал деяния римского народа, и Марк Варрон в своих „Человеческих древностях“ говорят, что название Италии происходит от греческого слова *ἵταλοι*, что означает „рогатый скот“. В Италии его было великое множество, и пастбища в этой земле были способны рождать и прокармливать множество рогатого скота» (FGrH. F42=Gell. XI. 1, 1). На основании этого свидетельства, почерпнутого Авлом Геллием, скорее всего, из Варрона, можно предположить, что большая часть произведения Тимея об италийских древностях посвящена была древнейшему периоду истории Рима. Это не исключает, однако, того, что Тимей мог писать и о других италийских городах, например о Локрах Эпизефирских; излагая собственную этимологию слова «Италия» и «стремясь поколебать общепринятое предание» по выражению Полибия (Polyb. XII. 25, 4), Тимей пересматривает мифическую версию о том, что страна была названа по имени быка Итала, перевезшего Геракла из Сицилии в Италию (Varr. De re rust. II. 5. 3).

Тимей полагал, что Карфаген и Рим были основаны в один и тот же год, а именно за 38 лет до первой олимпиады (т. е. в 814/813 г. до н. э.) (FGrH. F 60). Это утверждение исключает более позднюю версию о пребывании Энея у стен Карфагена, получившую окончательную обработку у Вергилия (Verg. Aen. I. 305 etc.), и, вполне вероятно, восходит к финикийскому источнику — по свидетельству Полибия, Тимей занимался «сбором исторических сочинений финикийцев» (FGrH. 566 F7-Polyb. XII. 28a. 3). Возможно, он пытался «привязать» свидетельства финикийских исторических хроник к хронологии по олимпиадам.

Версию о колонизации Запада троянскими греками Тимей подкрепляет свидетельством о керамике из Трои, которую он якобы видел в одном из храмов Лавиния (FGrH. 566 F 59), а в другом месте своей «Истории» «утверждает, будто римляне и теперь еще в память падения Трои закалывают в определенный день боевую лошадь на так называемом Марсовом

поле» (FGrH. 566 F 36=*Polyb.* XII. 48) ⁸. Полибий по-своему истолковывает этот обычай, но сообщения Тимея не опровергает.

В связи с основанием Локр Эпизефирских в Италии Тимей полемизирует с Аристотелем, который полагал, что эта колония была основана рабами (*Polyb.* XII. 8. 3). Тимей опровергает это утверждение как ложное на тех основаниях, что «сам побывал у локров в Элладе (в метрополии) и добыл точные сведения об их колонии» (*Polyb.* XII. 9. 2). Там же Тимей ознакомился с текстом договора, заключенного между метрополией и колонистами и начинающегося словами «как у родителей к детям», что, по мнению Тимея, опровергало домыслы Аристотеля. Тимей упоминает и проксении, согласно которой жители метрополии и колонисты пользовались взаимным правом гражданства. Вернувшись в Локры Эпизефирские, Тимей «нашел у них законы и обычаи, приличествующие не сброду распутных рабов, но колонии свободных людей» (*Polyb.* XII. 9. 5). Основным аргументом Тимея против Аристотеля было утверждение, что в древности греков не было обычая приобретать рабов (*Polyb.* XII. 5. 7) и соответственно колонисты не могли быть рабского происхождения. Его точка зрения изложена, судя по Полибию, достаточно убедительно и основывается на свидетельствах надписей и тексте проксении (*Polyb.* XII. 11. 2—3) ⁹.

Самое общее представление о политических пристрастиях Тимея позволяют составить его моральные характеристики исторических личностей, рассмотренные на фоне различных идейных направлений. Так или иначе философские и политические теории IV в. до н. э. отвечали социальной потребности различных слоев в переустройстве традиционной общественной структуры, и в частности касались вопроса о единоличной власти, призванной стабилизировать положение. Теоретическим обоснованием права «сильной личности» на власть служило сложившееся еще в среде софистов и Сократа представление об относительности социального по сравнению с природным ¹⁰. В теориях IV в. до н. э. политические изменения оценивались с различных точек зрения: общественным идеалом Платона (в «Государстве») была традиционная полисная автономия и полисные органы власти, ему следовал Аристотель (в «Политике»). Естественно, что факты образования иных политических структур трактовались ими как отступление от норм традиционной полисной организации. Тем более знаменательно, что Аристотель в «Политике» подробно излагает два способа сохранения тирании (*Arist. Pol.* V. 1313a 34 e seq.). Исократ (речи «Евагор», «Филипп» и др.)

⁸ По словам Дионисия Галикарнасского, Тимей писал, что обладал «сведениями от жителей тех мест» (*Dion. Hal.* I. 67. 7). Однако трудно сказать, сам ли Тимей наблюдал упоминаемый им обычай или же передает «мифическое предание» наподобие других его сообщений, вроде «сказания» об источнике Аретусе на о-ве Ортигия в Сиракузах, питающемся водами реки, текущей под морем, или рассказа о медном быке, в котором акрагантский тиранин Фаларид сжигал своих врагов.

⁹ Представляется вполне допустимым, что нападки Тимея на Аристотеля — отзыв о нем как «презренном софисте», который только что закрыл торговлю аптекарскими товарами, лакомке, чревоугоднике, втирающемся во все дворы и палатки военачальников, думающем повсюду о своем чреве (*Polyb.* XII. 8, 4—5), а также обвинение Аристотеля в том, что после смерти жены он сожительствова с одной из служанок (FGrH. 566 F 156—157), — все это отражало распространенное в этот период в Афинах недоброжелательство к личности Аристотеля.

¹⁰ Ср.: Фролов Э. Д. Младшая тирания // Античная Греция. М., 1983. Т. 2. С. 123.

не порывая окончательно с полисными традициями, вполне допускал возможность использования «сильной личности», будь то Дионисий Старший в Сиракузах, Ясон в Фессалии или Филипп в Македонии, с целью нормализации общественно-политической ситуации. Подобно Исократу, Ксенофонт, используя форму исторического романа, изображает в «Киропедии» идеального правителя, стоящего во главе государства, сочетающего элементы полисной организации и монархии. Один из предшественников Тимея, Филист Сиракузский, сторонник тирании Дионисия Старшего в своей «Истории Сицилии» (от которой практически ничего не сохранилось), по всей видимости, оправдывал мотивы действий Дионисия, изображая его в качестве своего рода «сильной личности», чем вызвал у Тимея безудержную критику в свой адрес (*Plut. Dion.* 36). Но примечательно и другое — историк IV в. до н. э., «исократовец», с похвалой отзываясь о Филисте (*Ibid.*).

Скорее всего, приверженность Тимея традиционным полисным формам власти определяло и его отношение к Дионисиям (отцу и сыну), которых он рассматривал с точки зрения морали и изображал, судя по дошедшим фрагментам, тенденциозно; его симпатия к Диону обусловлена не приближенностью Диона к Платону, учителю и другу, а фактом защиты Дионом республиканского строя Сиракуз от тирании Дионисия Младшего¹¹. Возможно, этим же нужно объяснить восторженный отзыв Тимея о Тимолеонте, убежденном стороннике полисных принципов и высокоморальном в глазах Тимея человеке¹². Естественно предположить, что и в моральном осуждении тирана Агафокла, изгнавшего Тимея, обнаружили себя политические пристрастия историка (помимо личных, как отмечает Диодор — XXI. 16): Агафокл изображен злодейским и порочным типом, на что обратил внимание Полибий.

Моральные оценки Тимеем Дионисия Младшего, побуждающие читателя к осуждению, отмечены более художественными средствами (иронией и т. п.), чем, к примеру, грубая манера Феопомпа в «Истории Филиппа», обличающего пороки дворцовой жизни македонян и попутно вводящего в греческую историографию преувеличение роли личности. (См.: *Polyb.* XII. 25; XVI. 12. 7). Есть основания предполагать, что Тимей, рисуя характеры своих персонажей, следовал научным (в его понимании) воззрениям¹³.

События, связанные с сицилийской экспедицией афинян, Тимей излагал вопреки версии Фукидида и его последователя — Филиста, очевидца этих событий, что вызвало справедливое замечание Плутарха, который увидел в амбициях Тимея стремление «затмить Фукидида выразительностью,

¹¹ Возможно и другое предположение: Тимей излагал версию событий в противовес Филисту, противнику Диона.

¹² По словам Полибия, Тимей опорочил и жестоко осудил этого редкого человека. См.: *Polyb.* XII. 15.

¹³ Так, в одном из фрагментов Тимея (FGrH. 566 F 29) рассказывается о женщине из Гимеры, которой во сне явился рыжеволосый человек и на вопрос — кто это? — она услышала, что это демон Сицилии и Италии, который, захватив власть, разорит эти земли. Позднее она повстречала Дионисия и признала в нем явившегося во сне человека. Та же история рассказана современником Тимея, Гераклидом Понтийским (F 133) (*Wehrli H. Die Schule des Aristoteles. Basel, 1953. S. 99 u. folg.*). Научному толкованию физиогномических примет, призванных выявить (в терминологии перипатетиков) взаимосвязь цвета волос, глаз, формы головы с врожденным характером человека, был посвящен специальный трактат «Физиогномика» (III в. до н. э.), приписываемый Аристотелю.

Филиста же выставить полным невеждой и неучем» (*Plut. Nic.* 1): хотя версия Фукидида—Филиста и была «проафинской», она вполне, казалось бы, оставалась приемлемой и для сиракузян. По мнению Плутарха, риторические претензии Тимея «состязаться в слог» с Филистом, а также его манера обуславливать ход исторических событий произвольными этимологиями или намеками на мифологические предания не выдерживают никакой критики (*Ibid.* 1. 5). И в самом деле, странным по меньшей мере предстает стремление историка видеть чудесное предзнаменование в том, что Никий, носящий имя победы отговаривал афинян от похода и отказался взять на себя командование; и схожим образом — в факте осквернения герм — видеть божественное знамение, указывающее на страдания, которые афинянам принесет Гермократ, сын Гермона. Или рассказ историка о том, как Геракл, разгневанный на афинян из-за их поддержки эгестийцев (потомков выходцев из Трои, некогда разрушенной Гераклом), оказал поддержку сиракузянам ради Коры (богини-хранительницы Сиракуз), помогшей ему похитить трехголового пса Кербера (*Ibid.* 1). Как видим, исторические события причинно обусловлены у Тимея или божественным знамением, или мифическим преданием, что свидетельствует об особой, совершенно отличной от Фукидида и его последователей логике объяснения, характерной, однако, для риторической историографии IV—III вв. до н. э.

В противовес Фукидиду и Филисту Тимей сообщает, что Демосфен и Никий не были казнены по приказу сиракузян, но, предупрежденные Гермократом, покончили с собой (*Ibid.* 28). Также Тимей заметно принижает в сицилийских событиях роль Гилиппа, которому Фукидид и Филист отводили главное место¹⁴. При этом, что необъяснимо, Тимей с симпатией отзывался об Алкивиаде (*FGrH.* 566 F 99).

Критикуя практические с точки зрения формальной логики основанные на заблуждениях (*ψεῦδος*) свидетельства Тимея, Полибий ссылается в качестве примера на приводимую у историка речь Гермократа на переговорах о замирении, полную рассуждений о различиях войны и мира, мифологических аллюзий и т. п. (*Polyb.* 26. 9). Риторические правила вымышленных речей исторических персонажей, согласно Аристотелю, включали пять обязательных пунктов: финансы, война и мир, защита страны, ввоз и вывоз продуктов, законодательство (*Arist. Rhet.* I. 4. 7). В соответствии с ними построена и вымышленная речь Гермократа, которой у Тимея придан исторический характер¹⁵.

Интерес Тимея к разного рода природным катаклизмам (землетрясения, извержения вулканов и др.), к естественной истории, рассматриваемой в теснейшей связи с социальной, был характерен для греческой историографии IV—III вв. до н. э. в целом. Географические описания в качестве элементов

¹⁴ Ср.: «Тимей передает, что и сицилийцы не уважали Гилиппа» (*Plut. Nic.* 19); или «как сказано у Тимея, ему (Гилиппу) ставили в вину скупость и алчность, эту наследственную болезнь, из-за которой его отец Клеандрид, бравший взятки, принужден был покинуть отечество» (*Ibid.* 28).

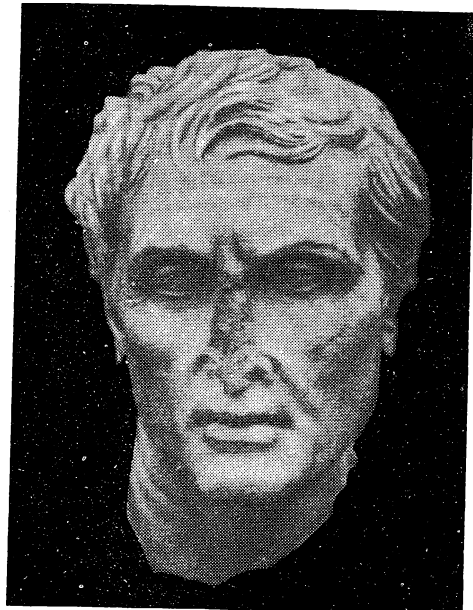
¹⁵ Дополнительным примером может служить речь Тимолеонта, посвященная разработке темы «Тимолеонт возбуждает греков на бой с карфагенянами» (*Polyb.* XII. 26a. 1—*Tim.* F 31). Ср.: «Тимей не только не обладал государственным дарованием, он был не в силах даже составить удовлетворительно школьное упражнение» (*Polyb.* XII. 25k. 8). Полибий отмечал, что речи у Тимея таковы, «словно сочинили их в школе» (XII. 25a. 5).

научного знания представляли собой составную часть историографии, подчинявшейся задачам моральной философии с изрядной долей назидательности. Попавшие в поле внимания ряда историков реально существовавшие острова стали служить в эллинистический период своего рода моделью, обусловившей связь между мифическим преданием и философской теорией. Среди них можно назвать и упоминаемые Тимеем сообщения о государстве на Липарских островах (*Diod. V. 9—10*), об образе жизни населения Корсики (*Ibid. 14*), о жителях Сардинии, отличающихся свободолюбием, а также об обитателях Балеарских островов, полностью отказавшихся от использования золота и серебра (*Ibid. 17—18*). Нельзя не упомянуть о другом, близком Тимее авторе сочинения III в. до н. э. «Рассказы о диковинах» (приписываемых Аристотелю), который в своих многочисленных сообщениях о реально существовавших островах акцентировал внимание читателей на «удивительном» и «необычном».

Распространение островных утопий в сочетании с различными элементами социально-философских учений было ответной реакцией на общественно-политический и социальный кризис IV в. до н. э. И вполне естественно представления, восходящие к мифическим преданиям о золотом веке, связывались в эллинистических утопиях с островами, население которых вело изолированную жизнь, избегало контактов и тем самым «падения нравов», — идеальное общественное устройство определялось, как видим, природными факторами. Эллинистические утопии Евгемера (начало III в. до н. э.) и Ямбула (середина III в. до н. э.) (подробнее см. гл. 8). Диодор упоминает также утопию Гекатея Абдерского (IV в. до н. э.) о гипербореяцах, живущих на далеком северном острове (*Diod. II. 47*; ср.: *Aelian. Nat. An. II. 1*) и ведущих блаженную жизнь. С этой утопией следует, видимо, связывать роман Амомета (III в. до н. э.) о фантастическом народе аттакоров, параллель распространенным представлениям о гипербореяцах (*Plin. Nat. Hist. VI. 17, 55*), или роман Тимокла о блаженным народе «пожирателей змей». Примерно в II в. до н. э. мифограф Дионисий Скитобрахин, последователь Платона и Евгемера, в своем мифологическом романе об аргонавтах дал описание двух островных утопий — одной, Гесперии в Западном Средиземноморье, по ту сторону Геракловых Столпов (куда буря отнесла корабль аргонавтов), населяемой и управляемой амазонками; другой — расположенной на острове, где, по преданию, родился Дионис (FGrH. 32 F 7 = *Diod. III. 53. 4—6*) и (FGrH. 32 F 8 = *Diod. III. 68. 5—69. 4*).

Повышенный интерес к идеальным государственным устройствам обуславливался распространением в эллинистический период социальной философии, и прежде всего стоицизма; вместе с тем социальные утопии эллинизма отвечали традиционно полисным стереотипам, с установкой на автаркичность, наподобие изолированных островов (ср. *Pseudo-Xen. II. 14—16*).

Традиционная замкнутость гражданских коллективов греческих полисов, характерная в целом для классического периода их социально-экономического развития, к IV в. до н. э. дала первые трещины — обнаружившийся кризис полисных отношений объективно способствовал утверждению в общественно-политической мысли греков идеи общезеллинского единства, что нашло свое отражение и в историографии этого времени. Большинство историков, сохранявших «генетические» связи с родными полисами, тем

Портрет Менандра.
III в. до н. э.
Мрамор. Санкт-Петербург. Эрмитаж

не менее оказались невольно вовлеченными в бурный процесс перемен, происходящих в мире греческих полисов (возникновение эллинистических держав, таких, как сиракузская держава Дионисия и его преемников Агафокла и Гиерона II, держава Александра Македонского, затем образование эллинистических царств в Египте, Азии и Македонии). Различные элементы исторического повествования, заключенные в широкие рамки «всеобщей истории», служили, по сути, выражению различных концепций исторического процесса, определяли различное его понимание и в конечном счете отражали общественные противоречия, характерные для таких греческих историков, как Дурид Самосский и Гиероним из Кардии. Дуриду и близким ему авторам, ориентирующимся на занимательность рассказа, была присуща тенденция изображать сильные личности в свете скандальных и анекдотических исто-

рий, вызывающих большой интерес, но вряд ли могущих претендовать на достоверность. Эта тенденция вызывалась чувствами отчасти местного полисного патриотизма, отчасти протеста против прижизненного обожествления новоявленных полководцев и царей («жертвами» анекдотов стали Евмен, Деметрий, Антигон и др.). Причем подобный подход к обрисовке исторических персонажей, в котором при внимательном рассмотрении можно подметить определенную политическую тенденцию, подкреплялся широко распространенной в период эллинизма историко-философской концепцией о всемогущем господстве судьбы, Тюхе, олицетворявшей силу внешних обстоятельств, игру случая. Напротив, свидетельства дошедших фрагментов Гиеронима из Кардии вызывают тем большее доверие, что он, следуя концепции «всеобщей истории», исходил при изучении явлений по возможности из целого, не ограничиваясь частичным исследованием предмета¹⁶. Он сознавал необходимость не только достоверного описания политических событий, носящих общеисторический для греческого мира характер, но и раскрывал их причинно-следственные связи. Оба этих историка — Дурид Самосский и Гиероним из Кардии — выражали две противоположные точки зрения на военно-политическую историю периода правления преемников Александра Македонского.

Рост научных достижений в самых разных областях знания в период эллинизма, связь между естествознанием и историей предъявляли новые

¹⁶ Подробнее см.: *Hornblower J. Hieronymus of Cardia*. Oxford, 1981.

требования и к историографии, что нашло отражение в наиболее завершенной форме во взглядах Полибия на цели и задачи истории (III. 58. 2; 59. 3; II. 37. 4; IV. 40. 2). Во вступлении к IX книге, говоря о разновидностях исторических сочинений — генеалогической и мифической истории, повествованиях о колониях, о родстве племен и об основании городов, Полибий достаточно определенно очерчивает круг тем, которые, по его мнению, должны составлять содержание исторического труда, согласно его концепции прагматической истории (IX. 1. 3). По его убеждению, действительный отклик у читателя находит историческое сочинение, основанное на личном опыте автора и наблюдении (XII. 25. 6); в крайнем случае, историку следует опираться на компетентную критику источников¹⁷. Изучение истории на теоретическом уровне знания совершенно неприемлемо для Полибия, рассматривавшего эту дисциплину (как, впрочем, и все другие отрасли знания) исключительно в прикладном плане¹⁸. Полибий употребляет выражение *τὰ πράγματα* попеременно то в смысле «государственные дела», то «политическая история». Свою прагматическую историю он в первую очередь предназначал для пользы дела политических деятелей и военачальников¹⁹, словоупотребления *πραγματικὸς* и *πολιτικὸς* для Полибия, по существу, равнозначны, следовательно, прагматическая история в узком смысле слова может означать «политическую историю» или изложение современных деяний народов, городов и правителей в противовес ставшему традиционным изложению легендарной истории²⁰; свой труд Полибий чаще называл *ἡ πραγματεία* и гораздо реже — *ἡ ἱστορία*.

Но не только направленностью своего адресата, «прагматика», продиктован интерес Полибия к передаче «точного знания» (*ἐπιτερία μεθόδου*) (I. 84. 6; IX. 14. 1), сведений по географии, астрономии, геометрии и т. п., но прежде всего новым осознанием истории как отрасли знания, принципиально отличающейся от традиционной греческой историографии. И не случайно Полибий требует, чтобы историческое сочинение предпо-

¹⁷ Полибий говорит о сходстве политической истории с медицинской наукой (структура этого сравнения носит, с одной стороны, риторический характер, с другой — в духе научной эмпирии). Медицина делится, по словам Полибия, на три вида: «книжный», «диетический», «хирургический и фармацевтический» с присущими каждому виду признаками, причем третий «сообщает подлинную пригодность всякому занятию» (*Polyb.* XII. 25). Этим видам соответствуют три вида политической истории: один состоит в старательном ознакомлении с историческими сочинениями и в накоплении извлекаемого из них содержания; другой — в обозрении городов, стран, рек, гаваней, вообще достопримечательностей и расстояний на суше и на море; третий — в изучении государственных событий (XII. 25е. 1—2), и его-то Полибий считает наиболее предпочтительным. Однако некоторые, рассуждает он ниже, подходят к делу наподобие врачей-книжников, ограничиваясь источниками книгохранилищ, в то время как следует основываться по преимуществу на личном опыте и наблюдениях (XII. 25е. 4).

¹⁸ Ср. III. 4, 8: «...никто не усваивает себе наук и искусств только из любви к знанию». См. также: IX. 20. 6.

¹⁹ Полибий (III. 21. 9 е seg.) разделяет читателей на две группы: людей, для которых важно и необходимо точное знание настоящего предмета (*πολιτευόμενοι, практиκοί, πραγματικοί*), и любознательных читателей (*φιλομαθοῦντες*).

²⁰ Ср.: Pèdech P. *La Méthode historique de Polybe*. P., 1964. P. 32; Немировский А. И. Полибий как историк // ВИ. 1974. С. 90; Мищенко Ф. Г. Примечания к I книге // Полибий. Всеобщая история. М., 1890. Т. 1. С. 116.

лагало изложение, подкрепленное доказательствами (*ἀποδείξις*)²¹, и делает замечания о прогрессирующем развитии научного знания.

Уже Аристотель противопоставил историю и поэзию, отметив, что историк рассказывает о действительно случившемся, а поэт — о том, что могло бы случиться; поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо больше говорит об общем, а история — о единичном (*Arist. Poet. 9. 1451b, 5—7*). В отличие от Аристотеля Полибий обратил внимание на научную (познавательную) ценность истории, что находило ответную поддержку у представителей Средней Стои, в частности у его младшего современника и друга Панеция (правда, с одной существенной оговоркой, что историческая повседневность подчиняется воздействию целесообразной закономерности). В свете этого стоического положения Полибий стремился не только запечатлеть многообразие единичных событий и выявить причинные связи между ними, но и обосновать подчинение их единой цели — установлению римского мирового господства (по его словам, «завершенности целого», *οὐκονομία τῶν ὅλων*, воспринимаемой в качестве *καλλίωτον θάμα*). Если с точки зрения аристотелевской школы перипатетиков предметом рассмотрения исторических сочинений было единичное, то стоическая направленность труда Полибия ориентирована на целое, в котором единичное сохраняет некоторое значение лишь в качестве второстепенных, опосредованных членов. В противном случае, ограничившись изображением единичного, Полибий — и он сознает это — был бы принужден подчинить события воле случая (*τύχη*) или традиционно-му вмешательству богов²².

Трудно сказать, в какой степени влиянием стоиков обусловлены задачи, которые Полибий ставил перед историческим трудом: не фиксировать отдельные конкретные факты, но показать развитие цепи событий, обусловленных рядом причин и выявить сами причины (II. 38. 5; III. 7. 4; 32. 6); ведь все существующее, по его словам в том числе и государственные формы правления, обусловлено и подчинено необоримой силе природы (*φύσεως ἀνάγκη*) (VI. 57. 57. 1)²³. Иными словами, природные способности или глупость, трезвый расчет или игру случайности и т. п. Полибий считал проявлениями господствующих в мире высших целей и закономерностей,

²¹ Ср. II. 37. 3: *ἀποδεικτικὴ ἱστορία*; III. 1. 3: *μετ' ἀποδείξεως*; IV. 40. 1: «необходимо подкреплять рассказ наш доказательствами, дабы у любознательных читателей не возникло никаких недоразумений относительно описываемых предметов. Такого рода изыскания составляют преимущество нашего времени, когда все моря и земли сделались доступными, и потому не подобает более ссылаться на поэтов и мифографов как на свидетелей неведомого. Так обыкновенно поступали наши предшественники, которые, говоря словами Гераклита, приводили ненадежных свидетелей в подтверждение сомнительных известий» (*пер. Ф. Г. Мищенко*).

²² Что касается отношения Полибия к богам, то он, отказывая им в праве существования, вполне допускал аллегорическое толкование мифов, следуя в данном случае Евгемеру или его последователю — стоику Персею Китийскому (XXXIV. 2, 4; ср. *Strab. I. 23*: «Полибий... догадывается о заблуждениях»). Тем не менее он оправдывает сохранение традиционных культов у римлян постольку, поскольку, по его словам, религия, благотворно воздействуя на толпу, служит укреплению государственных устоев (VI. 56. 6—12).

²³ *Φύσεως ἀνάγκη* означает в понимании Полибия естественную необходимость, действующую согласно законам механики. Употребленное им в другом месте (VI. 9. 10) выражение *φύσεως οὐκονομία* («порядок природы») означает фатальное и равномерное кругообращение всех природных форм, в том числе и государственных форм правления.

действующих по аналогии с законами механики²⁴. Полибий не использовал основополагающего понятия стоиков «божественный промысел» (*πρῶτοια*) в его специфическом смысле, по возможности заменяя его синонимичным выражением *τύχη*, которое он употреблял, как правило, для обозначения игры случая.

Исходя из вышеприведенных соображений, Полибий выдвигает задачу создания всеобщей истории, вскрывающей причинные связи между событиями и существенно отличающейся от историй отдельных народов и государств, которые описывали его предшественники — греческие историки IV—III вв. до н. э.²⁵ Главную задачу Полибий видит в том, чтобы составить историю разных народов и государств на протяжении более чем полувекового периода с 220 г. до 167 г. до н. э., завершившегося с наступлением мирового господства Римской державы стадией всеобщей истории (VIII. 4. 2—4; IX. 21. 14)²⁶, которую впоследствии, вопреки первоначальному замыслу (см. III. 4. 1—4), он доводит в книгах 30—39 до событий 144 г. до н. э.

Полибий неоднократно отмечает, насколько важно выяснить, «каким образом, когда и почему все известные части земли подпали под власть римлян» (III. 1. 4; ср. также: I. 1. 5)²⁷. Каузальное толкование событий в греческой историографии позднеклассического и эллинистического периодов не имело того значения, которое оно принимает у Полибия. Единственным из его предшественников-историков, кто придавал какое-то значение причинной связи при изложении событий Пелопоннесской войны, был Фукидид. В своих отступлениях Полибий уделяет много внимания анализу причин войн (III. 6. 1 — о 2-й Пунической войне; XXII. 8. 6 — о начале 3-й Македонской войны). Однако в отличие от Фукидида, который фактически не осознавал различия между *αἰτία* и *ἀλληλοτάτη πρόφασις*, «причиной» и «истинным поводом» (Thuc. I. 23. 6), он предлагает более систематизированную и четкую цепочку причин: *αρχή* — *αἰτία* — *πρόφασις*, т. е. «начало», «причина», «повод» (III. 6. 6. ср. XXII. 8. 8), при этом термины *αἰτία* и *πρόφασις* носят у Полибия медицинский (т. е. научный) характер.

Основным намерением Полибия было объяснить, каким образом государственному устройству римлян, пережившему поражения при Требии и

²⁴ В научной литературе не раз отмечалось, что проблемы, связанные с рассмотрением исторических и этических вопросов, уподоблялись у перипатетиков действию механических законов. В не меньшей мере этот недостаток был присущ и стоической телеологии.

²⁵ Ср. II. 37. 4: «Мы вознамерились написать историю не отдельного какого-нибудь народа, например эллинов или персов, как писали предшественники наши, но обнять в повествовании события всех известных частей земли, ибо обстоятельства нашего времени благоприятствуют выполнению такой задачи». Подробное обоснование Полибием невозможности составить общее представление о целом из отдельных историй см. I. 4. 7.

²⁶ О необходимости универсально-исторического подхода и преимущества всеобщей истории по сравнению с отдельными историями см. III. 32. 10; I. 3. 3: «Раньше события на земле совершались как бы разрозненно... Начиная же с этого времени история становится как бы одним целым, события Италии и Ливии переплетаются с азиатскими и эллинскими, и все сводится к одному концу».

²⁷ Ср. III. 31. 12: «Если изъять из истории объяснение того, почему, каким образом, ради чего совершено что-либо, достигнута ли была предполагаемая цель, то от нее останется одна забава (*αἰγισμός*), лишенная поучительности (*μάθησις*); такая история доставит скоротечное удовольствие, но для будущего окажется совершенно бесполезной».

Каннах, все же удалось выстоять, а затем, одержав победу над Ганнибалом и другими врагами, создать величайшую в мире державу. Поэтому не случайно историк нарушает изложение, и обращается к подробному рассмотрению преимуществ государственного устройства Рима в VI книге, и в связи с этим прилагает встречающееся у Аристотеля и других греческих авторов учение о смешанной форме правления к римской конституции²⁸. По словам Полибия, естественный круговорот государственных форм (*ἀνακύκλις*) обусловлен их фатальной склонностью к вырождению: единоличная власть сменяется тиранией, аристократия — олигархией, демократия — вновь единоличной властью. Совершенное государственное устройство включает в себя преимущества различных форм правления, наподобие спартанской конституции Ликурга (VI. 3—4). В отличие от нее политическая система Рима складывалась на протяжении долгого периода и представляла собой, по мысли Полибия, смещение разных государственных форм — элементов монархии (консулы), аристократии (сенат), демократии (комиции) (VI. 11), хотя из текста Полибия затруднительно извлечь какие-либо подробности и детали относительно исторической эволюции римского государственного устройства.

В своем сочинении Полибий активно использует документальные свидетельства. Так, он приводит текст договора между римлянами и карфагенянами после 1-й Пунической войны; зафиксированный на медных досках и хранившийся возле храма Юпитера Капитолийского в табулярии курульных эдилов (III. 26—28); торговые договоры между Римом и Карфагеном до Пунических войн (III. 22—25), мирные договоры византийцев с родосцами и царем Вифинии Прусием (IV. 52); использует записи родосского наварха о битве при Ладе, которые хранились в родосском пританее, для опровержения выводов историков Зенона и Антисфена с Родоса. Оба они, по словам Полибия, были современниками описываемых событий и писали историю по долгу государственных людей (XVI. 14. 3); тем не менее на основании документальных свидетельств он опровергает ошибочный вывод историков о победе родосцев, пишет Зенону и получает от него благодарный ответ (XVI. 20. 5). Таким образом, Полибий, привлекая документальные свидетельства, реализует провозглашенное им же принципиальное различие между правдивым и недостоверным изложением истории. «Задача историка состоит не в том, чтобы рассказом о чудесных предметах наводить ужас на читателей, не в том, чтобы изобретать правдоподобные рассказы и в изображаемых событиях отмечать все побочные обстоятельства, как поступают писатели трагедий, но в том, чтобы точно сообщить только то, что было сделано или сказано в действительности, как бы обыкновенно оно ни было. Цели истории и трагедии не одинаковы, скорее противоположны. В одном случае требуется вызвать в слушателях с помощью правдоподобнейших речей удивление и восхищение на данный момент; от истории требуется дать людям любознательным непреходящие уроки и наставления правдивой записью деяний и речей. Тогда как для писателей трагедии главное — ввести зрителя в заблуждение посредством правдоподобного, хотя бы и вымышленного изображения; для историков главное — принести

²⁸ Подробнее см.: Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 97—100.

пользу любознательным читателям правдою повествования» (II. 56. 10—11; см. также VII. 7. 1 etc.: XV. 36).

Критическому обзору сочинений Филина, Эфора, Тимея, Филарха, Зенона Родосского и др. посвящено в труде Полибия много места (см. выше). В большей или меньшей степени авторы риторического направления ориентировались на мнение широкой аудитории, весьма восприимчивой к развлекательной беллетристике, посвященной разнообразным частным историям. Одним из их просчетов Полибий называет отсутствие у них практического государственного или военного опыта и как следствие этого — небрежение принципами правдивого и научного (в его понимании) изложения событий²⁹. Для большинства его предшественников взаимосвязь исторических событий и их последствий всецело зависела от власти случая (*τύχη*), что характерно для современников эллинистических монархий, возлагающих ответственность за ход событий на отдельные личности.

Полибий сохраняет определенную дистанцию по отношению к взглядам на историю Феопомпа, Тимея, Каллисфена, Филарха, Зенона, Эфора из Кум. Для последнего он делает небольшое исключение и с похвалой отзывается о всеобщей истории Эфора (IV. 20. 5). Справедливости ради отметим, что Полибий не отвергает целиком их свидетельства: например, Филарха и Каллисфена (IV. 33. 2, IV. 45. 1), даже Тимея (VIII. 8. 12), не говоря уже о Филине, Фабии Пикторе, Зеноне и Антисфене; Силен — единственный финикийский источник, используемый им для 2-й Пунической войны (Сосил и Херей отвергнуты); кроме того, он черпает сведения у Птолемея из Мегалополя, Птолемея Фискон и др.

Основное содержание XII книги Полибия выходит за рамки историко-географической тематики и посвящено принципиальным вопросам о назна-

Голова молодого сатира
из Фанагории.
III в. до н. э. Терракота.
Москва. ГМИИ им. А. С. Пушкина

²⁹ Изложение должно быть «понятно и правдиво» (*εὐταρακλῆνδον καὶ σαφές*) (V. 31. 4). «История, [потеряв правдивость], превращается в бесполезное разглагольствование, как живое существо делается ненужным, если его лишат зрения» (I. 14. 6). См. также XII. 7. 4, VIII. 10. 3—7; X. 21. 8; XII. 15. 9; XIII. 5. 4—6; II. 57; III. 58. 1e seg.; III. 59. 5e seg. Полибий разграничивал историю как часть научного знания и риторическую историю, преследующую развлекательные цели (*τερλύν*); приверженцы риторической историографии, по словам Полибия, полагали, подобно Эфору и Тимею, что для хвалебного красноречия больше, чем для истории, требуется природного дарования и старательной подготовки (XII. 28. 8).

чении и методах историографии. Резко выступая против Тимея (см. выше), Полибий подвергает критике риторическую направленность эллинистической историографии, для которой авторитет Тимея как историка и его принципы отбора материала (этнографические и «археологические» отступления) продолжали сохранять значение и во II в. до н. э. (см., к примеру, показательный фрагмент сочинения Агафархида из Книда «О Красном море» (De mari Erythr. 64).

Сохранившееся вплоть до периода империи представление о труде Тимея как *historiae de rebus populi Romani* (Gell. XI. 1. 1) связывало его исключительно с мифологической традицией, относящейся к древнейшему периоду истории Рима. В действительности же «История» Тимея касалась не только отдаленной по времени и полулегендарной эпохи, но и современных событий; Тимей был прямым предшественником Полибия. В связи с этим отношение Полибия к «Истории» Тимея может показаться предвзятым, если упустить из виду, что критические замечания Полибия — будь то предпочитаемые Тимеем повествования о колониях, основании городов и родстве племен (XII. 26) или мнение, что «политическая часть Тимеевой истории представляет собой сбор всевозможных ошибок» (XII. 27a 2), или другие замечания, касающиеся «мелочной точности» Тимея, адресовались не столько Тимею или его последователям, сколько служили Полибию для выражения взглядов на методы и задачи историографии. Полибий последовательно разграничивал области правдивой истории и художественной беллетристики, два взгляда на предмет истории и два способа работы над историческими сочинениями³⁰

Не у всех современников Полибия нашла отклик его критика эллинистической риторики, но были и последователи прагматического метода. Судя по дошедшим до нас фрагментам римских историков П. Рутилия Руфа и Семпрония Азеллиона (I в. до н. э.), они вслед за Полибием уделяли внимание анализу внутренних связей и причин событий³¹. Напротив, их современник, римский историк Целий Антипатр полагал, как и другие младшие анналисты (Валерий Анциат, Клавдий Квадригий и др.), что цель исторического сочинения состоит в том, чтобы вызвать у читателя эффектное впечатление, которого анналисты добивались риторическим смешением исторических фактов с легендами.

Таким образом, многолетняя работа Полибия над «Всеобщей историей» служила не только обоснованию неотвратимости и прославлению всемирно-

³⁰ Характер отношения Полибия не только к тимеевой разновидности истории, но и к риторической историографии в целом проясняет следующее место (XII. 26): «Изысканный и притязательный в своих суждениях, Тимей обольщает толпу своими сочинениями: располагает ее к себе мнимой любовью к истине, а иных увлекает убедительными на вид доводами... Кто начитается его всенародных речей и иных пространных ораторских упражнений, тот обратится в наивного школьника и утратит понимание истины».

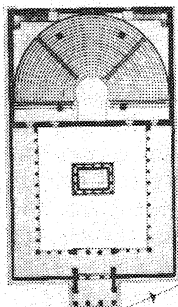
³¹ Семпроний Азеллион, писавший о различии между летописью и историей, отмечал: «Мне кажется недостаточно только рассказать о происшедшем, но надо показать, какова цель события и причина его» (Фр. 1 — Gell. V. 18. 8—9). Фр. 2: «Летопись (*annales*) не в состоянии ни побудить кого-либо к более горячей защите отечества, ни удержать от совершения дурных поступков. Писать, при каком консуле началась война и при каком окончилась, кто справил триумф и что случилось на войне, не упоминая между тем ни о постановлениях сената, ни о внесенных законопроектах, ни о целях, руководивших этими событиями, — это значит рассказывать детям сказки, а не историю писать» (*id fabulas pueris est narrare, non historias scribere*).

исторической роли Рима; впервые в позднеэллинистической историографии в труде Полибия обнаружила себя тенденция осознать историю как научную дисциплину.

Тимей, как видно из его фрагментов, касался ранней истории Рима, однако маловероятно, чтобы в его «Истории» (FGtH. 566 F 36, 59—61) могла быть представлена политическая история Рима во всей ее последовательности и систематическом изложении³². Установка Тимея, пересматривавшего свидетельства мифолого-исторической традиции в риторическом духе не позволяла ему освещать события с точки зрения всеобщей связи исторических явлений; вместе с тем, что касается введения общегреческой хронологии по олимпиадам, попыток выйти за рамки истории отдельных государств и народов, Тимея можно считать подлинным предшественником Полибия, у которого идея всеобщей истории получает наиболее полное выражение.

³² Ср.: *Timpe D. Fabius Pictor und die Anfänge der römischen Historiographie // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. B., 1972. Bd. I. 2. S. 959.*

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ МУСЕЙОН (АЛЕКСАНДРИЯ, ПЕРГАМ, АНТИОХИЯ)

В III—II вв. до н. э. Александрия, Пергам,

Антиохия и другие города эллинистического мира один за другим становились крупными культурными центрами. Местные монархи из престижных соображений по примеру Александра, всячески подчеркивавшего, что он был учеником самого Аристотеля, приглашают к себе наиболее выдающихся писателей, художников и ученых, с другой стороны, в новых городах, где скопилось огромное население, съехавшееся сюда отовсюду, кипит жизнь, формируется новое общественное сознание, и общество остро нуждается в его выразителях.

Вот почему созданный в Александрии¹ Мусейон не стал царской библиотекой, где пылились драгоценные, но никому не нужные свитки, а превратился в реальный интеллектуальный центр, запрограммировавший развитие мировой культуры по меньшей мере на целое тысячелетие. Мусейон был задуман Птолемеем Сотером по образцу того комплекса вокруг святилища Муз, который Теофраст создал в Афинах при школе Аристотеля (в него входили портики и какие-то другие постройки), расширив ее еще за счет специально для этого купленных садов. Птолемей пытался пригласить в Египет самого Теофраста, но тот послал сюда вместо себя своего ученика Стратона из Лампсака. Он вместе с буколическим поэтом Филетом с Коса стал воспитателем Птолемея II Филадельфа. Стратон, в античной традиции обычно именуемый Физиком, известен прежде всего тем, что сблизил аристотелевскую философию с атомизмом; он полностью отрицал факт вмешательства богов в ход природных процессов («все, что существует, создано самой природой») и много занимался естественными науками. В Александрии Страбон пробыл недолго² и в 286 г. после смерти Теофраста вернулся в Афины, где возглавил школу Аристотеля. В Египте остался другой ученик Теофраста — Деметрий Фалерский, появившийся здесь после 297 г. Деметрий занимается Мусейоном в течение примерно 10 лет. Затем в 283 г. после смерти Птолемея Сотера он попал в немилость, так как был сторонником Керавна, и умер в ссылке.

¹ Борухович В. Г. В мире античных свитков. Саратов, 1976. С. 143—170; Боннар А. Греческая цивилизация. М., 1962. Т. 3. С. 234—248; Parsons E. A. The Alexandrian Library. L., 1952; Westermann W. L. The Library of Ancient Alexandria. Alexandria, 1954.

² В Александрии учениками Стратона были знаменитый астроном Аристарх Самосский и, возможно, Герофил и Эрасистрат; первый известен как создатель анатомии, а второй — физиологии человека. См.: Sarton G. A History of Science: Hellenistic Science and Culture in the Last Three Centures B. C. Cambridge, 1959. P. 32—34, 101, 129—134 etc.

В отличие от Стратона, извлекавшего материал из собственных наблюдений над живой природой, Деметрия интересовали тексты, он был образованным оратором и великолепным стилистом (о чем много говорит Цицерон), серьезным знатоком древних авторов, как об этом свидетельствует Плутарх. Именно с его помощью Феофраст организовал Мусейон в Афинах, поэтому можно предположить, что под его руководством начинают создаваться Мусейон и библиотека в Александрии. Деметрий, бесспорно, играл какую-то роль и в упрочении культа Сараписа, со святилищем которого будет в дальнейшем связана жизнь Мусейна. Диоген Лаэртский сообщает, что, уже находясь в Александрии, он якобы ослеп, а затем вновь стал зрячим по воле Сараписа и поэтому сочинил в его честь те самые пеаны, которые исполнялись в святилище вплоть до III в. н. э.

Интерес к Аристотелю и его школе характерен для Мусейона и в эпоху Птолемея II Филадельфа. Согласно сообщению Афиней (*Athen.* I. 3B), Филадельфу удалось купить всю библиотеку Аристотеля. Библиотеки у греков были и раньше: Ксенофонт упоминает о библиотеке афинянина Евтидема, а Диоген Лаэртский рассказывает, что когда Платон решил было сжечь все сочинения Демокрита, его друзья, пифагорейцы Амикл и Критий, отговорили его от этого шага, указав на то, что свитки с текстами Демокрита есть у многих. Однако только теперь собрание книг приобрело такие масштабы. Это объяснялось как тем, что, в Египте папирус гораздо дешевле, чем в Греции, так и тем, что, покинув полисы, где греки жили, как им казалось, с тех самых времен, о которых рассказывает мифология, они поняли, что «времена, когда Эллада рождала героев», как скажет потом Павсаний, ушли в безвозвратное прошлое. Без сомнения, в эпоху Геродота, Фукидида и Эфора греки хорошо знали историю минувших эпох, но при этом кульминационной точкой исторического процесса им всегда представлялся сегодняшний день: Фукидид подчеркивает, что начал свой труд, «предвидя, что война эта будет важной и наиболее достопримечательной из всех, бывших дотоле», а Перикл в его изложении говорит: «На нас с удивлением будут взирать потомки» (*Thuc.* II. 41. 4). О далеком прошлом автор, живший в V—IV вв. до н. э., заговаривает лишь в тех случаях, когда обращение к истории может быть полезно для объяснения сути какого-либо явления, имеющего место в настоящем. По мнению Эфора (фр. 2), доверия заслуживает лишь тот историк, который подробно говорит о событиях, совершавшихся при нем, а прошлого касается вкратце. Тех, кто много рассуждает о древности, следует считать в высшей мере ненадежными авторами. В эллинистическую эпоху взгляд на историю меняется — прошлое начинает волновать писателя само по себе, вне его связи с настоящим. Прежде всего это объясняется тем, что осевшие в Александрии, Пергаме и других городах Востока греки стремились сохранить обычаи родины. Так в «Причинах» у Каллимаха изображен некто Поллид, давно уже живущий в Александрии, но тщательно соблюдавший при этом обычаи, праздники и ритуалы, воспоминание о которых он привез из Афин. Сохранять эти обычаи в родном полисе, где местные жители «обитали всегда, передавая их в наследие от поколения к поколению» (*Thuc.* II. 36. 1), было довольно просто: о них напоминали стоящие вокруг храмы, статуи и стелы, сама местность с ее реками, рельефом и ландшафтом — каждый миф был здесь теснейшим образом связан с местом.

Здесь, как писал Ф. Энгельс, «...каждая река требует своих нимф, каждая роща — своих дриад»³.

Другое дело — Египет; тут мифология, чтобы не быть забытой, должна была стать объектом изучения, причем изучения тщательного, а поэтому ученость становится обязательным и чуть ли не основным элементом культуры. Главным достоинством грека всегда считалась оригинальность: самое поразительное в Сократе, как утверждает Платон (Symp. 221 d), — это то, что он не похож ни на кого из людей. Теперь, в III в. до н. э., все меняется: именно ученость, та самая *πολυμάθεια*, которую так резко осуждали Гераклит Эфесский (FGrH. 22, В 40) и Демокрит (Лурье, № СХI—СХII), и начитанность, свидетельствовавшая, как в свое время казалось Аристофану (*Aristoph. Ran.* 943), о полном ничтожестве Еврипида, выступает как главное достоинство в характеристиках, которые даются Филету Косскому, Каллимаху, Евфориону или Полемону Перизгету современниками. Как известно, Деметрий Фалерский (об этом говорят и Цицерон и Диоген Лаэртский) не был оригинальным философом, выделялся же он и среди философов-перипатетиков, и между ораторов своей эпохи образованностью как *eruditissimus horum omnium* (*Cic. Brut.* 37). Поэт Каллимах (около 310—240 гг. до н. э.), который встал во главе Мусейона после Деметрия, как замечал Страбон, «был ученым больше, чем кто-либо другой» (*Strab.* VIII. P. 438). Сочинения Каллимаха сохранились плохо. До нас дошли 64 эпиграммы, шесть гимнов, частично эпиллий «Гекала» (так называемые Венские отрывки — пятьдесят строк, написанных на деревянной табличке, найденной в Египте в конце прошлого века), где разрабатывается малоизвестный сюжет из мифа о Тесее. В виде цитат из античных авторов, к которым теперь прибавилось довольно много папирусных фрагментов, сохранились отрывки из «Ямбов», написанных в подражание Гиппонакту, из большой поэмы «Причины» (*Αἰτίαι*), где в элегических дистихах излагались этиологические (т. е. объясняющие) причины, по которым возник тот или иной обычай или обряд) мифы. Так, например, поэт описывает здесь свою встречу с неким (точнее, неизвестным) Феогеном с Икоса, у которого он спрашивает, почему на его острове почитается отец Ахилла Пелей (*Call. Fr.* 178). В другом месте (*Ibid.* 3) выясняется, почему на Паросе праздник в честь Харит совершается без флейт и венков. Оказывается, дело в том, что учредил этот праздник Минос, причем в то же самое время, когда он справлялся, Миносу сообщили о смерти сына, и тот велел замолчать флейтам и снял с головы венок, но жертвоприношения не прервал. Рассказ об аргонавтах (*Ibid.* 7—21) начинается с аналогичного вопроса:

Музы, как мне объяснить, почему это с грубой бранью
Фебу на Анафе жертвы приносят, а Лидя
Чествует ею Геракла...

Далее (фр. 43) поэт спрашивает:

День Феодесий в земле у Кадма, а не на Крите
Чтит почему Галиарт, что у Киссулы стоит.

Разумеется, за каждым *καὶ τίς* (почему) следует пространный ответ. Читатель должен уяснить себе, что представляет собой праздник Феодесий,

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 41. С. 74.

почему в древности он праздновался именно на Крите, где находится беотийский городок Галиарт и почему он носит это название, что за источник Киссуса и т. п. Это только комментарий к вопросу, ответ на него еще впереди; и он тоже будет составлен из редких слов и выражений, необычных эпитетов богов, свидетельств о фактах, неизвестных даже в высшей степени искушенному читателю, и, конечно, цитат из самых разных авторов. Так, трогательная история об Аконтии и Кидиппе вводится в текст «Причин» под тем предлогом, что поэт должен упомянуть о Ксеномеде с Кеоса, «древнем» (он жил в V в. до н. э.) писателе, данные которого поражают автора «Причин» своею точностью.

Повествуя о событиях далекого прошлого, поэт не может не черпать материал из книг, и поэтому ему не раз приходится говорить о том, что было изложено кем-то из его предшественников. При этом, однако, Каллимах не ограничивается тем, что пересказывает в стихах какого-то одного историка — он становится историком сам. В каждой своей строчке поэт демонстрирует эрудицию поистине удивительную, и тем не менее нет никаких оснований утверждать, как это делает А. Боннар, что именно она заменила ему лиризм. Ученость — это основная особенность эллинистической культуры. Каллимах — сын своего века, и поэтому его поэзия не могла не быть ученой, личная же его заслуга заключается прежде всего в осознании того, что настоящий поэт должен в искусстве искать пути новые, именно об этом говорится в словах: «Не хочу дорогой идти проторенной». Поиски нового приводят его к поэзии малых форм: «Всего несколько капель, зато чистейшей воды» — вот что, по Каллимаху, должен привнести в поэзию художник. Большая поэма потому и кажется ему большим злом, что в ней поэт вынужден повторять тех, кто писал до него. Известно, что Каллимах дал резкую оценку «Фиваиде» Антимаха из Колофона, который, по сообщению Помпония Порфириона (Ad Hor. Ant. Pal. 146), до того растянул свой рассказ, что наполнил им двадцать четыре книги, но так и не довел до Фив семерых вождей. Аполлоний Родосский, начинавший как ученик Каллимаха, автор знаменитых «Аргонавтик», тоже вызвал к себе резко отрицательное отношение со стороны своего учителя, и, вероятно, именно по той причине, что создал произведение большое по объему, и вместо того, чтобы коснуться отдельных деталей мифа, изложил его от начала до конца.

Аполлоний воспринял критику болезненно и ответил на нее резкой эпиграммой (Ant. Pal. XI. 275) «Каллимах — дрянь». Сторонники Аполлония называют Каллимаха и поэтов его круга «высокоучеными червями», цель деятельности которых заключается в том, чтобы разузнать, были ли у киклопа Полифема собаки (Ant. Pal. XI. 321), и выяснять в своих стихах другие подобные этому вопросы, другими словами, они высмеивают ученый характер александрийской поэзии. Все это слабо освещает позицию Аполлония в споре с писателями из Мусейона, ибо сам он, вводя в свою поэму целое море сведений по географии и этнологии, что особенно сближает его с автором «Причин», не в меньшей степени, чем Каллимах, выступает как ученый поэт. Отшлифовывает свои стихи Аполлоний опять-таки столь же тщательно, как и Каллимах: по свидетельству схолиаста, работу над «Аргонавтиками» он продолжал до конца жизни. Создается впечатление,

что Аполлоний так и не понял, за что на него обрушился Каллимах. Для нас же представление о том, в чем именно заключались нападки Каллимаха и его сторонников на Аполлония, может быть составлено благодаря Феокриту (VII. 45—48), который говорит об авторе «Аргонавтик» следующим образом:

Мне тот строитель противен, что лезет из кожи с натугой,
Думая выстроить дом вышиною с огромную гору.
Жалки мне птенчики Муз, что, за старцем хиосским гоняясь,
Тщетно стараются петь, а выходит одно кукованье.

(пер. М. Е. Грабарь-Пассек)

Выходит, что подражать Гомеру недопустимо, а не подражать Гомеру нельзя — ведь мифы уже нашли отражение в эпической поэзии, поэтому даже сам Каллимах иной раз бывает вынужден вводить в повествование гомеровские образы. Однако при этом поэт не повторяет Гомера, а как бы отталкивается от него. Так, например, формулу (*Homer. II. XI. 1; Od. V. 1*): «Эос, покинувши рано Тифона прекрасного ложе / На небо вышла...» (пер. В. А. Жуковского), — Каллимах («Причины», фр. 21) передает следующим образом:

Вот уже встала ярмо на волов возложить Титанида
Из объятий того, чей отец Лаомедонт.

Гомеровская Эос, поскольку она дочь титана Гипериона, становится здесь Титанидой, ее супруг Тифон по отцу называется Лаомедонтовым сыном, ложе заменяется на объятия, а глагол *ἔγειραι* (вставать) — на близкий по значению *ἐνέβραι*, т. о. от Гомера не остается ни слова, и вместе с тем созданный у Гомера образ сохраняется. От необходимости повторить всем известную строчку Каллимаха спасает эрудиция, при этом для читателя она ни в какой мере не является обременительной (тот факт, что Тифон был сыном Лаомедонта, без сомнения, известен любому современнику поэта!). С другой стороны, в интерпретации Каллимаха гомеровская картина зари теряет эпический характер. Упоминание о том, как Эос освобождается от объятий Тифона, обращает на себя внимание не только тем, что оно вносит оттенок игривости, вообще чрезвычайно характерный для эллинистической эпохи, прежде всего оно интересно тем, что здесь, как и в эпиграмме (Посидипп, Гедил, Асклепиад), видно стремление зафиксировать ситуацию, длящуюся не более одного мгновения, не изобразить явление, а запечатлеть момент. У поэта появляется еще одна новая задача, заключающаяся в том, чтобы в стихах передать то, что можно увидеть только глазами. Именно так Каллимах «рисует» Латону в момент перед самым рождением Аполлона в гимне, обращенном к острову Делос (*Call. 209—211*):

Пояс расторгла она, а плечи свои прислонила
К дереву пальмы, вконец ослабев от натиска жгучих
Болей, и холодный пот по коже ее заструился.

(пер. С. С. Аверинцева)

Прямым продолжателем Каллимаха в этом отношении выступает Аполлоний Родосский. Вот как описывается в «Аргонавтиках» похищение Гилас нимфами (I. 1234—1239):

Но когда Гил погрузил сосуд в светлоструйный источник,
На бок склонившись, и стала вода в изобилии с шумом
В звонкий медный кувшин наливаться, закинула нимфа
Левую руку свою за шею Гилу, желая
С уст его нежных сорвать поцелуй, а в правой за локоть
Вдруг потянула его к себе, упал он в пучину.

(пер. Г. Ф. Церетели)

Зачастую такого рода описания были навеяны произведениями живописи. Мозаика II в. до н. э., хранящаяся в Государственном Эрмитаже, где изображен Гилас у самого источника с кувшином, по-видимому, представляет собой реплику с той картины, которую имел в виду Аполлоний. Можно привести и другие примеры того, насколько тщательно воспроизводились в поэзии живописные образы. Полемон (*Polem. Fr. 63*) дает описание хранившейся в его время в Афинах картины художника Гиппея «Свадьба Пирифоя»: «Гиппей изобразил ойнохою и каменную чашу, края у них выложены золотом; тут же лежа из пинии, украшенные пестрыми тканями, глиняные канфары для вина, а под потолком светильник из такой же глины, в котором поблескивает пламя». Поэтическое «повторение» этой картины содержится в «Метаморфозах» Овидия (*Ovid. Metamorph. XII. 210—530*):

... и вот, začínая сраженье,

Хрупкие чаши летят, и кривые лебеты, и кубки —
Презняя утварь пиров — орудья войны и убийства.
Первый Амик Офионов дерзнул с домашней святыни
Нагло ограбить дары; решился он первым алтарный
Тяжкий светильник схватить, где блистал огонь многоцветный.

Все те предметы, о которых упоминал Полемон, присутствуют у Овидия. Римский поэт, считавший себя, как и его старший товарищ Проперций, учеником Каллимаха, мог дать описание битвы кентавров с лапифами по картине Гиппея (во II в. н. э. ее видел в Афинах Павсаний) или по одной из копий с нее, но, возможно, он опирался и на текст какого-то эллинистического поэта, Каллимаха или одного из его подражателей. Важно другое: Овидий, подобно любому из эллинистических авторов, блестяще владеет теми приемами «искусствоведческого» языка, который выработала александрийская и пергамская наука. Становится ясно, что широкое использование зрительных образов в поэзии Каллимаха и его школы, это одно из проявлений ее учености.

Особые требования предъявлял Каллимах и к стилю своих произведений. Вспомним, что огромное значение проблемам языка и стиля, как указывают Страбон, Диоген Лаэртский и Цицерон, придавал Теофраст, сладчайший, по словам Цицерона, из всех философов (*quis Theophrasto dulcior?*) (*Cic. Brut. 121*); он специально занимался просодией прозаической речи, а само имя Теофраст («богоречивый») получил от Аристотеля, отметившего таким образом его интерес к красоте слова (первоначальное имя философа было Тиртам): Деметрий в трактате «О стиле» говорит о его интересе к красивым словам, которые радуют слух. Столь же большое значение придавали стилю перипатетик Ликон, которого многие называли Гликоном, т. е. «Сладким», красивый и изящный Аристон (*concinus et elegans*), наконец, первый руководитель александрийского Мусейона Деметрий Фалерский, слышавший обладателем самого гладкого слова (*omnium istorum politissimus*).

Подобно интересу к накоплению и систематизации фактов, обостренное внимание к языку и стилю как и специальному вопросу, столь типичное для Каллимаха, своими корнями уходит в перипатетическую доктрину. Важно отметить и то, что краткость (*συνομία*) является основой основ в поэтике Каллимаха — здесь тоже разумно видеть влияние Теофраста, для которого краткость была одним из четырех главных достоинств речи.

Учениками Каллимаха (традиция называет их *Καλλιμαχεῖοι*, т. е. «Каллимаховцы») были Филостефан из Кирены, Гермипп Смирнский, Истр и Эратосфен.

Филостефан запомнился позднейшим авторам преимущественно своей парадоксографией, т. е. описанием чудесных явлений. Собиратель редких мифов и необычных фактов главным образом естественнонаучного характера, он рассказывает о поющих рыбах-пеструшках, чей голос напоминает дрозда; о реке, которая не впадает в море, потому что ее вода впитывается в землю, об источниках с водой синего, красного и белого цветов и т. д. Попутно сообщаются сведения топонимического характера: река Арета получила название по имени жены царя Алкиноя, мимо чьей могилы она протекает; понтийский город Синопа — по имени дочери Асопа, похищенной Аполлоном и родившей от него Сира и т. п. Здесь же даются описания малоизвестных святилищ и обычаев в духе «Причин» Каллимаха и делаются попытки объяснить чудеса, о которых рассказывается в мифах. Так, миф о Пигмалионе и ожившей статуе интерпретируется следующим образом: живой она не стала, просто царь разделял ложе с нагой статуей, причем не просто девушки, а богини Афродиты (см. *Clem. Al. Protr. IV. 57. 3*), культ которой, как известно, играл на Кипре особую роль. В отличие от Овидия, который говорил, что Пигмалион сам сделал эту статую (*Ovid. Metamorph. X. 243 sq*), Филостефан (см. *Arnob. VI. 22*) подчеркивает, что она у местных жителей древнейших времен считалась священной и пользовалась особым почитанием. В настоящее время установлено⁴, что в основе этого мифа лежат отголоски ритуала священного брака царя с Афродитой или, вернее, с Астартой. Таким образом становится ясно, что Филостефан не просто пытался дать рационализированный вариант мифа, как это нередко делал Павсаний, но опирался при этом на какие-то источники, четко отражавшие древнюю традицию.

Гермипп в своих «Жизнеописаниях философов» сообщает следующие факты: Платон, будучи на Сицилии, купил свиток с текстом пифагорейца Филолая и списал оттуда своего «Тимея». Ксенократ без каких бы то ни было оснований занял место схоларха в Академии, когда Аристотель, стоявший во главе школы Платона, временно уехал из Афин в составе отправленного к Филиппу посольства. Гераклит Понтийский, воспользовавшись тем, что в Гераклее начался голод и жители отправили послов в Дельфы, подкупил пифию, и она сообщила, что голод кончится, если жители увенчают Гераклита золотым венком, а после смерти соорудят ему Гироон. Менипп из Гадары занимался ремеслом ростовщика; Аркесилий слишком много пил неразбавленного вина, от этого лишился рассудка и

⁴ Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь. М., 1986. С. 314—315.

умер. Сильпон, Хрисипп и Эпикур тоже умерли в состоянии опьянения. Менедем украл золотые сосуды из храма Амфиарая в Оропе и т. д.

Гермипп собирает о философах главным образом порочащие их сведения, но при этом концентрирует в своем труде огромный материал и использует надежные источники. В противовес представителям всех философских школ и направлений перипатетики в неприглядном свете у него не выставляются, напротив, подчеркивается их трудолюбие и ученость. Если признать, что труд Гермиппа был одним из основных источников жившей во времена Нерона александрийской писательницы Памфила, становится ясно, что пафос труда Гермиппа направлен на то, чтобы противопоставить философскому умозрению конкретное знание, накопление, анализ и систематизацию фактов, в первую очередь труда Аристотеля о животных и Теофраста — о растениях.

Истр, бывший вначале рабом и, скорее всего, личным секретарем Каллимаха, стал автором «Аттиды», написанной в качестве комментария к труду Андротиона. Это был действительно верный последователь своего учителя. Судя по фрагментам, он пытался на основании бытовавших в Аттике пословиц, присловий и идиоматических выражений реконструировать обычаи, ритуалы и мифы, восходящие к глубокой древности, представление о которых в дальнейшем было утрачено. Так, он рассказывал о древнем культе Титанов и особенно Титения, того единственного титана, который не выступил против богов и почитался где-то близ Марафона, об обычае класть копьё в могилу человека, погибшего от руки убийцы.

Самым известным ученым в ряду «каллимаховцев» был, конечно, Эратосфен (около 278—194 гг. до н. э.). В Александрии он сформировался как интерпретатор стихов древних авторов и поэт. Именно поэтому Эратосфен называл себя «Филологом». В дальнейшем он совершенствовался в философии в Афинах, где слушал стоиков Зенона и Аристона, а также главу Средней Академии Аркесилая. Эратосфен прошел серьезную философскую подготовку, сам оставил несколько сочинений философского характера, которые, однако, заслужили лишь снисходительное отношение у античных философов ввиду чрезмерного изящества их слога. Иного от Эратосфена ожидать было бы нелепо: как ученик Каллимаха он, разумеется, не был способен на стилистическую небрежность. После смерти учителя, т. е. в 280 г., Птолемей Эвергет вернул его в Александрию и поставил во главе Мусейона. Здесь Эратосфен переходит к занятиям математикой, затем историей, а последний период своей жизни посвящает

*Камень Гонзага.
III в. до н. э.
Санкт-Петербург. Эрмитаж*

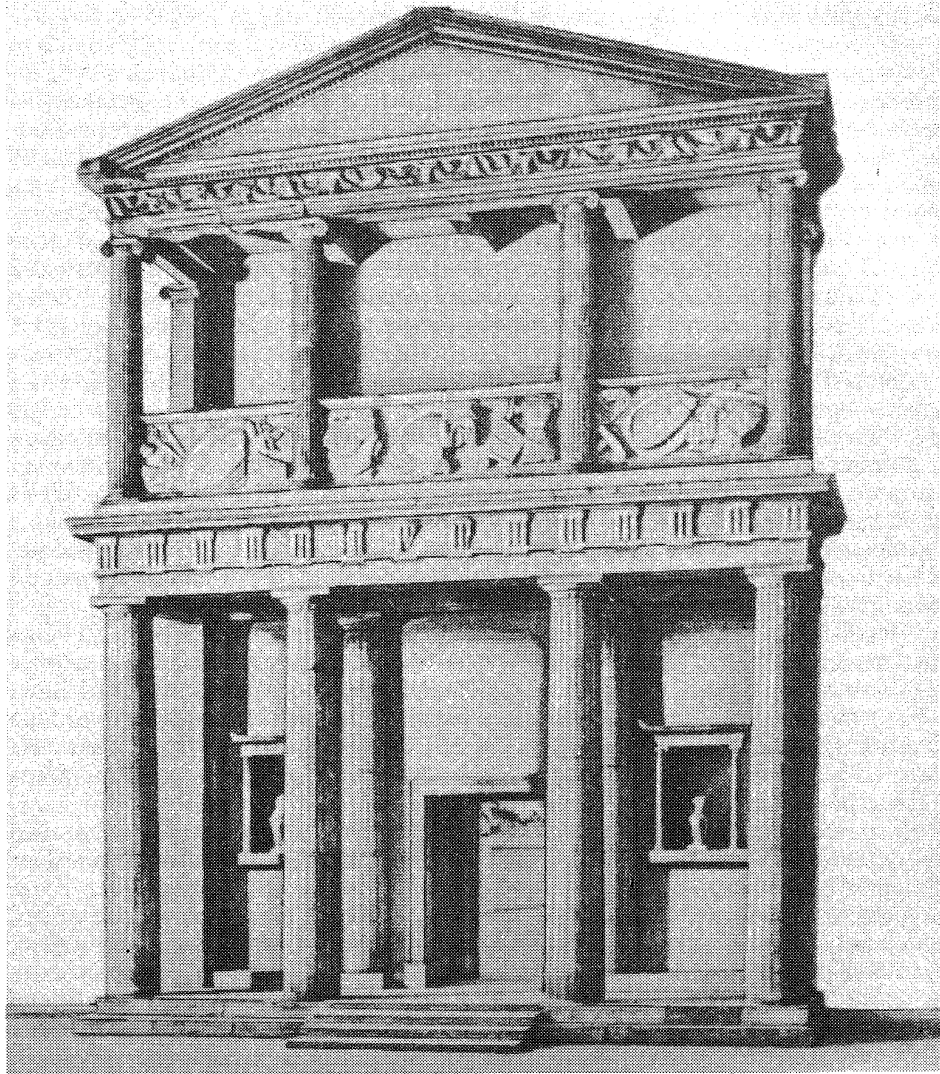
географии. Современная наука чрезвычайно высоко оценила его как географа⁵, античные же авторы, с одной стороны, считали его «пятиборцем», т. е. полагали, что вклад Эратосфена во все области знания одинаково велик, с другой — многие называли его «бэтой», т. е. второй буквой алфавита, подчеркивая тем самым, что, несмотря на свой энциклопедизм, во всех науках он занимал второе место. Следует иметь в виду, что это прозвище вовсе не указывает на заурядность писателя, оно лишь подчеркивает позицию Эратосфена как представителя александрийской науки: ученый должен собирать и систематизировать факты, извлекать из небытия то, что было известно древним авторам, а затем забыто, и, наконец, исправлять ошибки своих предшественников в надежде на то, что в дальнейшем кто-то исправит его самого.

Для греческой историографии начиная с Гекатея Милетского, который превратил мифического Кербера в ядовитую змею, жившую на Тенаре, и Гелланика, представившего нисхождение Тесея и Пирифоя в Аид как поход против царя молоссов Аидонея, типичен метод рационализации мифа, из которого извлекается таким образом историческое зерно. Эфор и Тимей, излагая историю мифологического времени, придерживались подобных принципов: берется миф, от него отсекается все чудесное и после этого он осмысливается как исторический факт. В дальнейшем сторонником такого подхода к мифологии выступает Страбон (I. 27), не чужд ему будет и Павсаний.

В начале III в. до н. э. первым, кто попытался заменить этот подход к источникам чем-то новым, был, как мы показали выше, Каллимах: вместо метода рационализации мифа он предложил свою теорию реконструкции древнейшего прошлого по ритуалам, сохранившимся доньше в реальной жизни. Следующий шаг сделал Эратосфен. Он противопоставил историческую правду поэтическому вымыслу. Поэтами руководит их воображение, а поэтому Гомер, достаточно точно рассказывавший о тех областях, населенных эллинами, заставил Одиссея странствовать в вымышленных морях, поскольку рассказывал он совсем не о дальних странах, а об Одиссее; как и другие поэты, Гомер имел право передавать вымыслы, так как писал не для того, чтобы научить чему-то, а с целью развлечь слушателя. Реальные факты, а именно ими должен пользоваться историк или географ, ничего общего с тем, что зачастую рассказывают поэты, не имеют. Это, однако, не есть свидетельство того, что все поэты лжецы, как полагает ученик Эратосфена аттидограф Филохор, который, цитируя в начале своей «Аттиды» знаменитую строчку (обычно она приписывается Солону) «много лжи измышляют аэды», осознает свою задачу в противопоставлении лжи поэтов собственной «проверенной» информации. Позиция Эратосфена сложнее: поэт занимает не остров, а герой, попадающий на этот остров, не то, что там находится, а то, что увидел там его герой и т. д., а поэтому не следует интерпретировать поэмы Гомера с точки зрения географии.

Особое место в истории александрийской науки занимают грамматик Зенодот, бывший старшим современником Каллимаха, Аристофан Византийский (250—180 гг. до н. э.) и Аристарх из Самофракии (217—145 гг. до н. э.). Зенодот был учеником Филета, занимался он исключительно

⁵ Дитмар А. Б. Рубежи ойкумены. М., 1973. С. 71—82; Sarton G. Op. cit. P. 99—114.

Портик святилища Афины в Пергаме. II в. до н. э. (реконструкция)

но Гомером и подготовил так называемую «диортозу», т. е. критическое издание поэм, в котором на основании сопоставления различных рукописей были исправлены испорченные места, исключены отдельные стихи, попавшие в текст, как представлялось Геродоту, в позднее время. Кроме того, Зенодот, а также продолжившие его работу в области диортозы Аристофан и Аристарх занимались «экзегезой», т. е. комментированием

Гомера, успешно изучали они и особенности языка античных авторов. При сопоставлении свидетельств об их деятельности становится видно, насколько быстро развивалась в Александрии филология как наука⁶.

Птолеми, как было показано выше, старались поддерживать отношения с перипатетиками (Теофрастом, Деметрием Фалерским, Стратоном); пергамские цари занимали иную позицию. Они четко ориентировались на платоновскую Академию. Евмен I (263—241 гг. до н. э.) покровительствовал основателю Средней Академии Аркесилаю, причем философ весьма дорожил этой дружбой. По словам Диогена Лаэртского, свои книги из всех царей он посвящал одному только Евмену (IV. 38) и всячески уклонялся от встреч с Антигоном Гонатом. После смерти Аркесилая во главе Академии встал Лакид из Кирены. Аттал устроил для него при Академии новый сад и приглашал переехать в Пергам, от чего, правда, Лакид отказался. Связи Атталидов с Академией сохранялись и в более позднее время, так в середине II в. до н. э. одним из схолархов был специально приехавший из Пергама в Афины Гегесин. Трудно сказать, с чьим именно именем связаны первые шаги в истории Пергамской библиотеки, но при Аттале I (241—197 г. до н. э.) здесь уже работали такие серьезные писатели и ученые, как Антигон из Кариста, Полемон и Неанф, геометр Аполлоний Пергский, сочинения которого частично сохранились на греческом языке и частью в арабском переводе, математик Эвдем (о нем упоминает Аполлоний) и др.⁷ С каким рвением относились к созданию библиотеки Атталиды, мы знаем от Страбона (XIII. Р. 609); пергамские цари не только скупали, но и силой отнимали библиотеки у частных лиц.

Первым по времени из известных авторов пергамской школы был Антигон из Кариста. Сам скульптор⁸, он пишет главным образом о скульптурах и художниках, собирает тексты надписей. Как доказали Ф. Мюнцер и Э. Селлерс⁹, именно его сочинения были одним из основных источников Плиния Старшего (для кн. XXXIII—XXXVI). Другим трудом Антигона были «Жизнеописания философов», о которых нам известно по упоминаниям у Диогена Лаэртского.

Перипатетик Ликон, Пиррон, которого Антигон представляет не только как философа, но и как живописца, Тимон Силлограф, академик Полемон, Монедем из Эретрии, возможно, Стильпон и Бион Борисфенит, т. е. философы первой половины III в. до н. э., которых Антигон, скорее всего, знал лично, — вот фигуры, чья деятельность нашла отражение в его книге. Судя по фрагментам, Антигон не ограничивался сообщением биографических сведений о том или ином философе, он стремился привлечь внимание читателя на характерные, по его мнению, черты в философских воззрениях каждого. Причем задачу эту он реализовывал как скульптор: Ликона, который, как известно, прекрасно излагал свои взгляды в устной форме, но очень плохо писал, Антигон сравнивает с атлетом, у которого уши

⁶ Фрейберг Л. А. Литературная критика в эпоху Александрийской образованности // Древнегреческая литературная критика. М., 1975. С. 185—216.

⁷ Hansen E. V. The Attalids of Pergamon. N. Y., 1947. P. 353—394.

⁸ Одной из работ Антигона считается группа, изображающая Мелая с телом Патрокла, так называемая группа Паскино. См.: Hansen E. V. Op. cit. P. 288—289.

⁹ Münzer F. Zur Kunstgeschichte der Plinius // Hermes. 1895. Bd. XXX. S. 499—547, 519—537; Ilex-Blake K., Sellers E. The Elder Pliny's Chapters on the History of Art. L., 1895.

прибиты, а кожа намаслена, рассказывая о Полемоне, он подчеркивает, что тот никогда не изменялся в лице; относительно Менедема замечает, что его натуру хорошо отражает статуя, поставленная ему в Эретрии на старом стадионе. В отличие от Гермиппа Антигон убежден в том, что философия нужна обществу: Полемон, пока не стал учеником Ксенократа, был на редкость распушенным и дурным человеком, философия же привела к тому, что он полностью переродился и нрав его обрел удивительную твердость.

Антигону обычно приписывается сборник удивительных историй, главным образом о животных и растениях. Книги такого рода, действительно, писали современники Антигона из Кариста, прежде всего Каллимах и Филостефан, однако нам представляется заслуживающей внимания точка зрения Р. Неберта¹⁰, который ввиду того обстоятельства, что «Каристским» парадоксограф Антигон назван только у Стефана Византийского, идентифицировал автора этой книги с упоминанием у Дионисия Галикарнасского, Плутарха и Феста историком Антигоном, автором истории Рима. Это тем более правдоподобно, что он демонстрирует серьезное знакомство с Сицилией, Италией и Иллирией, чего вряд ли можно ожидать от Антигона из Пергама. Кроме того, по стилю текст Антигона Парадоксографа никаких общих черт с фрагментами Антигона из Кариста не имеет.

Продолжателем Антигона был Неанф из Кизика. Он создал жизнеописание мудрецов и философов (Периандра, Тимона Мизантропа, Эмпедокла, Гераклида Эфесского, Платона и др.) и целый ряд других сочинений. В них говорилось о том, что мудрец Периандр это не известный, по Геродоту, тиран, а его тезка, сообщалось, что тригон изобретен Ивиком, а барбитон — Анакреонтом, давались описания могил Тимона и Эмпедокла, храма Афродиты (т. е. египетской богини Нейт) в Абидосе, рассказываются местные малоизвестные мифы и т. д. Подобно Филостефану, Неанф разрабатывает критический метод в подходе к мифам: «Удивительно, — восклицает он в одном месте, — до чего доходит легкое верие эллинов, ведь нет такой выдумки, у которой не нашлось бы свидетеля» (см.: *Plin. Nat. Hist.* VIII. 34). Использувавший это место Неанфа Павсаний (*Paus.* VIII. 2, б) замечает, что люди зачастую примешивают всякие выдумки к рассказам, заслуживающим доверия и таким образом портят последние. Становится ясно, что своей задачей Неанф считает поиск достоверных материалов о прошлом, прежде всего надписей.

Такова была и позиция Полемона, крупнейшего, бесспорно, ученого в пергамском Мусейоне. Им были созданы подробнейшие описания Афин, Спарты, Сикиона, Троады и многих других городов и областей Греции. Периэгезы (от глагола *περιτρέπειν* — отводить), т. е. «дорожники» Полемона, построены по топографическому принципу: указывается место, где находится тот или иной памятник, дается описание его внешнего вида, затем текст имеющейся на этом памятнике надписи и, наконец, излагается связанный с данной статуей, стелой или храмом доксографический материал. За исключительный интерес к надписям в Пергаме Полемона называли «Стеклокоп», т. е. «пожирателем стел», чрезвычайно высокого мнения о нем

¹⁰ *Nebert R. Studien zu Antigonos von Karystos // Neue Zeitschr. für Classische Philologie.* 1895. N 151. S. 363—375; 1896. N 153. S. 773—780.

был Плутарх (*Plut. Quaest. Conv.* 675 В). От Полемона дошло довольно много фрагментов, что дает возможность выявить те основные установки, которыми он руководствовался в своем творчестве. Во-первых, Полемон считает, что о событиях можно говорить как о действительно имевшем место только в том случае, если о нем сохранились такие свидетельства, как сооружения, вещи и надписи или особые ритуалы. Сообщениям своих предшественников при этом Полемон, по-видимому, не доверяет. Во-вторых, что вообще в высшей степени типично для историографии эпохи III—II вв. до н. э., он не видит разницы между фактами важными и второстепенными, задача историка, по его мнению, заключается в том, чтобы точно зафиксировать все обнаруженное¹¹.

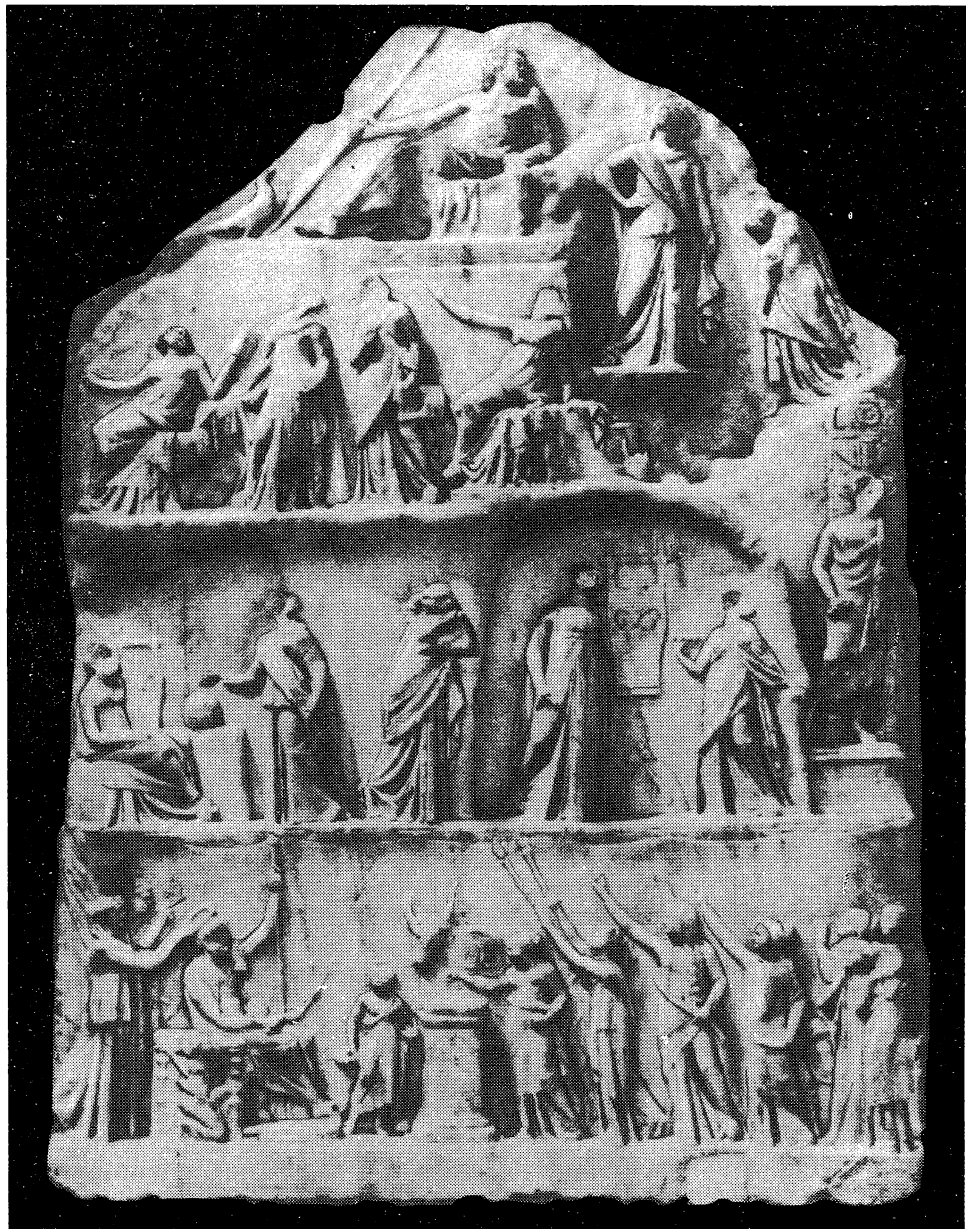
В первой четверти II в. во главе пергамского Мусейона становится Кратет из Маллоса. Философ-стоик, он начинал, вероятно, как ученик Диогена из Вавилона, бывшего одно время схолархом в Древней Стое. Основные сведения о Кратете и его взглядах содержатся у Секста Эмпирика, в «Гомеровских аллегориях» Гераклита¹², у Страбона и в трактате Филодема «О стихах», известном по тексту папируса из Геркуланума, прочитанного в начале XX в. Христианом Иенсенем, вслед за Хрисиппом и Диогеном, для которых диалектика заключалась в учении о языке.

Как и Аристарх Самофракийский, Кратет занимается главным образом Гомером. За Аристархом с древности закрепилась слава ученого, отличавшегося вдумчивым и добросовестным подходом к тексту. Само его имя стало почти нарицательным для обозначения таких качеств филолога, как честность, трезвость суждений и добросовестность, в то же самое время Кратета нередко характеризуют исключительно через призму его отношений к Аристарху как его противника и антипода, доходившего в своей вражде к последнему почти до безумия. Считается, что в качестве «аномалиста» в области грамматики он пытался доказать отсутствие каких бы то ни было правил в склонении существительных и законов словообразования. Это не вполне верно: именно Кратет, критикуя Аристарха, считавшего, что существительные, имеющие одинаковую форму в номинативе, склоняются по одним и тем же законам, впервые указал на черты, отличающие 3-е скл. существительных от 1-го.

Противопоставляя себя и свои теории александрийским филологам, Кратет называет себя «критиком» и подчеркивает, что критик именно тем отличается от грамматиков (т. е. от александрийских ученых, и прежде всего от Аристарха), что он должен быть сведущим в философии, тогда как грамматiku достаточно уметь толковать глоссы и разбираться в просодии (*Sext. Emp. Adv. gramm.* I. 79). В противовес глоссографическому и метрическому анализу гомеровских текстов, которыми, по мнению Кратета, ограничивается александрийская наука, он считал необходимым давать комментарий, полностью разъясняющий содержание гомеровского текста, но при этом находил у Гомера сведения по географии, математике, астрономии и т. п., вполне соответствующие как современным для II в. до н. э. представлениям об этих дисциплинах, так и стоической доктрине. Так, например, в описании щита Агамемнона в «Илиаде» (*Homer. XI.*

¹¹ Тексты Полемона см. ВДИ. 1983. № 3. С. 207—221.

¹² *Heraclite. Allegories d'Homère / Texte établi et trad. par E. Buffière. P., 1962.*

Рельеф. «Апофеоз Гомера». I в. до н. э.

32—35) Кратет видел своего рода модель вселенной (*τὸ κόσμον μίμησις*). В десяти медных ободах на этом щите он узнавал 10 кругов мироздания, а изображенный в Одиссее (*Homer. Odys. XII. 1—2*) рукав Океана он понимал как море, которое тянется от тропика Козерога к Южному полюсу и т. п. Для того чтобы показать, по какому пути Менелай возвращался из под Трои, он сконструировал глобус, на котором изобразил, как крестообразный Океан разделяет землю на четыре равные части. Европа и Ливия занимают на нем 1/4, остальные три континента населяют перизки, антиподы и антеки. Теория четырех частей света у Кратета основывается, без сомнения, не на известных к его времени географических фактах, а на сугубо логических построениях, при этом, однако, размеры Земли, из которых он исходит, и место занимаемое на ней Европой, Азией, исключая Китай и Дальний Восток, и Африкой (приблизительно до истоков Нила) близки к реальным.

Тип мышления, отличающий Кратета, в высшей степени характерен для эллинистической эпохи: он излагает свою собственную географическую концепцию, сформировавшуюся на основе новейших географических открытий и достижений математики, но при этом ищет факты, подтверждающие ее истинность, в текстах далекого прошлого, прежде всего у Гомера, авторитетность мнения которого сомнений ни у кого вызвать не может. Занимаясь анализом поэтических произведений, Кратет, бесспорно, не ограничивался изложением своих космологических и географических теорий, но именно последние произвели максимальное впечатление на большинство античных авторов, писавших о Кратете. Поэтому его поэтика, которую он, как сказано выше, называл критикой, в дальнейшем просто-напросто перестала связываться с его именем. Вместе с тем и она не-безынтересна.

Критика разделяется у него на три части: логическую, практическую и историческую. «Логическая касается речи и грамматических тропов, практическая — диалектов и различий в фигурах и образах, историческая же — исследования беспорядочных сведений» (*Sext. Emp. Adv. gramm. I. 14. 249*). Опираясь на труды Неанфа и Полемона, Кратет дополняет стоическую грамматику тем, что, собирая разнообразные и, конечно, противоречащие друг другу версии о каком-либо мифологическом факте, «находя материал у тех, кто сам по частям собирал его», сравнивает эти версии между собой.

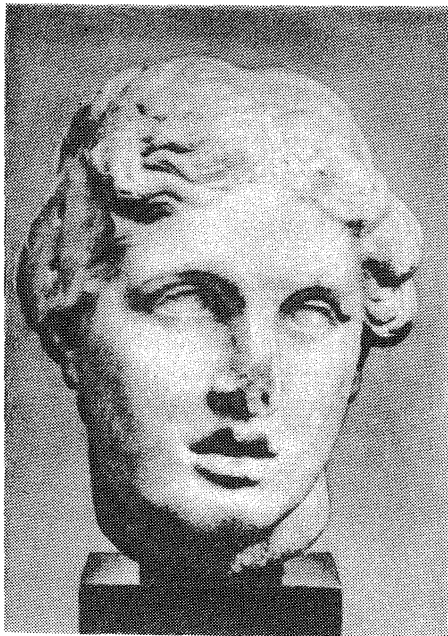
О пергамской науке после Кратета сведений у нас мало, известно, правда, что его ученики назывались «Кратетовцами». В I в. до н. э. пергамский Мусейон был, возможно, частично разграблен по приказанию Антония, который двести тысяч свитков, вывезенных оттуда, подарил Клеопатре. Плутарх, правда, рассказывая об этом со ссылкой на Гая Кальвизия Сабина (*Plut. Ant. 58*), отмечает возможность вымысла тем этого и других фактов. С уверенностью можно сказать, что даже если Пергамская библиотека пострадала при Антонию, она не погибла; ибо в II в. до н. э. здесь жили Гален и, по-видимому, Павсаний.

В Антиохии-на-Оронте расцвет культуры связан с эпохой Антиоха III Великого (223—187). С Евбеи сюда по приглашению царя приезжает поэт Евфорион. Он и встал во главе антиохийского Мусейона (по свидетельству Иоанна Малалы, библиотека здесь, действительно, на-

ходила при храме Муз)¹³. «Друзьями» (φίλοι) царя были Гегесианакт из Троады, типичный представитель эллинистической учености, поэт, историк и грамматик (автор книг о языке Демокрита и поэтов). При Селевке IV (187—175) в Антиохии учил эпикуреец Филонид, а несколько позднее здесь работали историки Павсаний (его не следует путать с автором «Описания Эллады») и Протагорид. Известно, что антиохийский Мусейон сильно пострадал во время пожара в 23/22 г. до н. э., но во времена Цицерона здесь еще «было множество учнейших людей и процветали благороднейшие науки» (*Cic. Pro Arch. poeta.* 4). Вероятно, именно в эти годы здесь жили Мелеагр, Филодем и Антипатр из Сидона, крупнейшие греческие поэты-эпиграмматографы I в. до н. э.

Евфорион (род. в 276 г. до н. э.) известен прежде всего как автор эпиллиев на мифологические темы: о дочери Океана Мопсопии, Дионисе, Инахе, Гиакинфе, Гесиоде и т. п.

Поскольку от текстов Евфориона дошли лишь незначительные фрагменты, характеристика его поэзии основывается обычно на двух весьма резких высказываниях Цицерона, который, подчеркивая простоту слога древних римских авторов, называл молодых поэтов своего времени (один из них, безусловно, был Корнелий Галл, переведший Евфориона на латинский язык и, главное, подражавший его стилю в собственной поэзии) «подголосками Евфориона» (*Cic. Tusc. III. 19, 45*), а в другом месте заметил, что Евфорион был поэтом чрезмерно темным (*nimis obscurus*) (*Cic. Div. II. 64, 132*). Разумеется, сложные места у него, как и у Каллимаха, Аполлония или любого другого ученого поэта, есть; это усугубляется и тем обстоятельством, что интерпретация многих текстов затруднительна ввиду их отрывочности, но главная черта поэта Евфориона заключается, конечно, не в намеренной темноте его стихов, а в типичном для эпохи эллинизма единстве учености и простоты. Так, например, в эпиллии о последнем подвиге Геракла (текст сохранился в папирусном фрагменте¹⁴) о том, как Кербер появился на поверхности земли, он повествует следующим образом:

*Афродита Пергамская.
II в. до н. э.
Мрамор. Берлин. Гос. музей*

¹³ Downey G. A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton; New Jersey, 1961. P. 132—133.

¹⁴ Selected Papyri in four Volumes. L., 1970. Vol. III: Literary Papyri. Poetry / Texts, translations and notes by D. L. Page. P. 492.

Если же сзади взглянуть на пса, то под брюхом косматым
 Змѣи (таков его хвост!) шевелят языками у ребер,
 А из горящих очей искры сыплотся, напоминая,
 Как в мастерской кузнеца или где-нибудь на Мелигунде
 Это бывает, когда молотки стучат о железо,
 С легкостью к небу влетая, и гул издает наковальня,
 Или же Этну, где дым указывает на дом Астеропа.
 Так приведен был в Тиринф к отвратительному Эврисфею
 Он из Аида живой (вот последний двенадцатый подвиг!),
 Чтoб на крещенье дорог на него взирали в Мидее
 Женщины, малых детей к себе прижимая со страхом.

(пер. Г. П. Чистякова)

В тексте ученого эпиллия, насыщенного собственными именами из редкостных мифов и грамматическими формами из Гомера и Гесиода, неожиданно вводится весьма яркая картина, изображающая кузнечную мастерскую. Заканчивается эпиллий живым описанием держащих на руках детей женщин, которые, собравшись у перекрестков, в ужасе смотрят на Кербера. Создается впечатление, что Геракл проводит пса не по какой-то мифологической Мидее, а по современной поэту Антиохии. Напомним, что именно так реагирует читатель на описание пробуждающихся Афин в «Гекале» Каллимаха, без труда узнавая в этой картине утро в Александрии. Другой текст (он сохранен у Стобея) показывает, что, подобно Аполлонию, Евфорион мастерски владеет искусством создания средствами слова чисто зрительных образов. В эпиллии, посвященном Филоктету, речь шла о гибели пастуха Фимарха, известного тем, что на Лемносе он ухаживал за раненым Филоктетом:

Все же море его поглотило, хотя уповал он
 Выхить: Взметнулись не раз над волнами простертые длани.
 Силился выплыть, но все безуспешно, Долопиона
 Сын злополучный; въздымал из воды еще руки он к небу,
 А оскаленный рот уже скрыла соленая влага.

(пер. Г. П. Чистякова)

Т. Б. Вебстер¹⁵ считает, что уяснить, в чем именно заключалось своеобразие поэзии Евфориона, невозможно. Здесь указывается лишь на то, что его стихи были учеными и сложными по языку и часто касались «темных» мифов. Все это можно сказать о любом эллинистическом поэте, что же касается Евфориона, то его оригинальность заключалась, по-видимому, в том, что в отличие от ироничного Каллимаха, привыкшего обращаться к умному читателю, он в большей степени ориентировался на чувственное восприятие и стремился «воспламенить» воображение своей аудитории.

Оставил Евфорион и сочинения в прозе, первое место среди которых занимали «Исторические записки». Среди прочего автор сообщал, что простую сиригу из одной дудочки изобрел Гермес, хотя многие называют ее изобретателями Сета и Ронака, а цевницу, состоящую из ряда дудочек, соединенных воском — силѣн Марсий (*Athen.* IV. 184 A). Он напоминал, что такие инструменты, как барбитон, тригон и самбука, уже были в ходу во времена Сапфо и Анакреонта (*Athen.* IV. 182 E) и дал описание паникадила, подаренного тарентинцам Дионисием Младшим для их Прита-

¹⁵ Webster T. B. L. *Hellenistic Poetry and Art*. N. Y., 1964. P. 223—224.

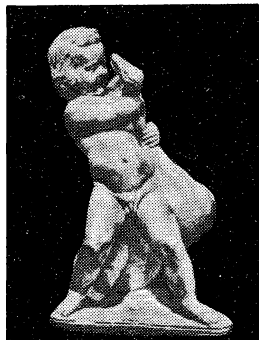
нея: в нем можно было зажечь ровно столько светильников, сколько дней в году.

Анализ текстов Филостефана, Непана, Полемона, Евфориона и других авторов показывает, что в центре внимания у эллинистического историка-поэта оказываются вещи (посуда, музыкальные инструменты, светильники, одежда и т. п.), самые разные бытовые реалии прошлого, как мифологического, так и сравнительно недавнего. В результате повествование развертывается на выписанном в деталях фоне обстановки, соответствующей, по мнению эллинистического писателя, исторической действительности. Миф благодаря всему этому обрывает зримой плотью конкретной бытийности (ярче всего это видно на примере «Гекалы» Каллимаха). Поэт, отталкиваясь от такого понимания мифа, не пересказывает его сюжет, а воспроизводит из него лишь отдельные моменты, причем привлекают его здесь не столько действия героев (о них читатель и без него давно уже осведомлен!), сколько их психология, отдельные мысли и, главное, порывы, выхваченные из их жизни мгновения.

С другой стороны, проблема того порыва, который в состоянии отразить весь внутренний мир человека, больше всего занимает как художников (Лаокоон!), так и философов этой эпохи.

*Муза Полигимния.
I в. до н. э. Мрамор.
Рим. Капитолийский музей*

Искусство эллинизма явилось резуль-

татом новых отношений человека ко всему, что его окружало, и в первую очередь к самому себе. Сейчас даже трудно представить, насколько необычной была та эпоха, после которой воцарились на долгие столетия римская империя и средневековье. Эллинистическая наука доказала, что земля — шар, определила ее размеры и вращение вокруг солнца; ученые вычислили время лунных и солнечных затмений; морские и сухопутные путешествия знакомили людей с самыми отдаленными странами; а корабли греков добирались до норвежских фиордов¹. Счетчики на двигавшихся по дорогам колесницах отмечали число оставшихся позади стадий. В небо уходили громадные, превышавшие сотню метров сооружения, высились грандиозные статуи-колоссы. На пустынных равнинах возникали города с пересекавшимися под прямыми углами четкими сетками кварталов и улиц.

В эту эпоху дерзновенных устремлений человека, в годы великих достижений точных наук, философии, религии, литературы, образы искусства были исполнены особой патетики, отвечавшей героическим свершениям людей. В то же время в художественных памятниках эллинизма появлялось огромное количество трагических сюжетов, драматических ситуаций, кровавых сцен, уродливых персонажей — карликов, горбунов, пьяниц, гермафродитов. Прекрасное и безобразное, возвышенное и низменное переплетались самым причудливым образом, будто для того, чтобы человек понял свою натуру во всех ее ужасных и чудесных проявлениях².

В изобразительном искусстве эллинизма менялись соответственно специфике жизни художественные формы. Трансформация эта вызывалась новыми отношениями людей к таким понятиям, как пространство и время. Уже в позднеклассических произведениях Скопаса и протоэллинистических — Лисиппа пластический образ завоевывал трехмерное пространство, после двухмерного плоскостного классического, лучшим образом которого был Дискобол Мирона. Время, не существовавшее для Дорифора Поликлета, стало в памятниках протоэллинизма так же ощутимо, как в реальной жизни. Чувство быстротечного времени предопределяло распад внешне будто прочной и устойчивой, пирамидально построенной группы

¹ Фирсов Л. В. Об эратосфеновом исчислении окружности Земли и длине эллинистической стадии // ВДИ. 1972. № 3. С. 154—174.

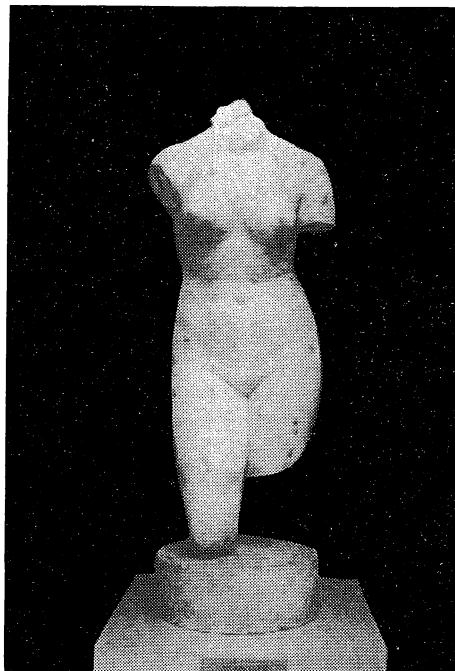
² О новых аспектах эллинистического мировоззрения см.: Тахо-Годи А. А. Классические и эллинистические представления о красоте в действительности и искусстве // Эстетика и искусство. М., 1966. С. 15—46.

лисипповского борющегося со львом Геракла. Да и самого могучего героя, некогда воплощавшего неустанную энергию, присущую человеку, теперь могли изображать отдыхающим, расслабившимся. Фактор беспощадного времени все сильнее чувствовался в памятниках искусства.

Три периода эллинизма — ранний, высокий, и поздний, длившиеся каждый около столетия, соответствуют началу, расцвету и кризису в развитии художественных основ этой сложной эпохи. Ранний эллинизм, если считать его начало с года смерти Александра Македонского, когда диадохами еще руководила идея создания единой монархии, был временем небывалого рывка вперед науки, подъема зодчества, развития техники: создавались грандиозные памятники — Фаросский маяк, колосс Родосский, строились огромные города³. В произведениях высокого эллинизма начинали проявляться элементы нарастающего индивидуализма, усиливались стремления художников к патетическому выражению чувств и гипертрофированной эмоциональности в архитектурных и пластических формах.

Характер искусства позднего эллинизма определился после середины II в. до н. э., когда экспансия Рима на восток приняла особенно решительный характер, и эллинистические монархии подверглись серьезному испытанию, приведшему к кризису в социально-политической, хозяйственной и идеологической сферах жизни⁴.

Художники эллинизма уже не тяготели, как классические, преимущественно к Афинам⁵. В различных областях ойкумены возникали крупные центры новой культуры, создавались поражавшие своеобразием форм самостоятельные художественные школы — пергамская, родосская, александрийская. Средоточием наук и искусств явилась Александрия — вновь построенная столица Птолемеев с великолепной библиотекой и крупным научным центром «Мусейоном». Она привлекла огромное количество ученых, писателей, художников, ваятелей. Прославленные скульптуры, выдающиеся архитектурные сооружения, мозаики, произведения живописи и коропластики были созданы в этом кипящем жизнью городе.

*Торс Афродиты.
Римская копия
с греческого оригинала III в. до н. э.
Мрамор.
Москва. ГМИИ им. А. С. Пушкина*

³ Wycherley R. E. *How the Greeks Built Cities*. L., 1962.

⁴ Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. Н. Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э. М., 1969; Свенцицкая И. С. Социально-экономические особенности эллинистических государств. М., 1963.

⁵ Лосев А. Ф. История античной эстетики: Ранний эллинизм. М., 1979.

Спящий Фавн. II в. до н. э. Мрамор

Большое значение в истории эллинизма имели Родос и Пергам. Крупные творческие силы были сосредоточены в городах империи Селевкидов — Антиохии-на-Оронте, Селевкий, Лаодикее, Апамее и в таких отдаленных районах, как Бактрия и Парфия.

Продолжали играть, но уже не ведущую роль культурные очаги в Аттике и Македонии. В их искусстве сохранились традиции классики, они являлись источниками классических идей. Своеобразные памятники со следами слияния греческой и варварской культур возникали на далекой периферии эллинистического мира в северопричерноморских городах Боспорского царства, Ольвии, Херсонесе...

Искусство всех малых и крупных центров развивалось в пределах одного большого русла общего исторического течения, каким был эллинизм, но произведения каждого из районов имели свою специфику. В этом состояла особенность эллинизма, придававшего греческим формам черты, поражавшие необычным новым взглядом их создателей на мир.

На русском языке не существует обобщающей работы по искусству эллинизма: материал обычно освещается только в трудах общего характера⁶, причем без определения различий между искусством раннего, высокого или позднего эллинизма⁷. Это заставило обратить внимание прежде всего на эволюцию художественного процесса, на специфику развития художественных форм в этой едва ли не самой бурной переходной эпохе в истории древнего мира.

1. Искусство раннего эллинизма

Громадные, возникшие после смерти Александра Македонского государства изобиловали монументальными архитектурными и скульптурными памятниками, воплощавшими силу и могущество диадохов. Особенно внушительными были оборонительные сооружения, воздвигнутые в годы бурных событий и жестоких битв, захвативших тогда все районы Средиземноморья.

В характере крепостных сооружений эллинистических центров от Дура-Европос до Сиракуз, дающих представление о заботах и настроениях горожан той беспокойной эпохи⁸, можно заметить слияние эллинских принципов строительства с местными⁹.

Расцвет градостроительства в годы раннего эллинизма сопровождался созданием огромных морских портов с мощными волнорезами, высокими маяками в крупных торговых гаванях. Прославленный памятник того времени — маяк на острове Фарос — соединялся с берегом молом так, чтобы в Александрии образовывались две удобные глубокие гавани.

Фаросский маяк, необходимый для оживленной морской торговли, в то же время превосходил размерами все остальные подобные сооружения и способствовал славе города и его правителя. Эллинистические зодчие обычно умело сочетали утилитарность с художественной формой крепостных укреплений, маяков, скульптурных колоссов. Строил Фаросский маяк, как сообщала высеченная на мраморной его стене и первоначально скрытая

⁶ Шлюмберже Д. Эллинизированный Восток: Греческое искусство и его наследники в средиземноморской Азии. М., 1985.

⁷ Webster T. B. L. Hellenistic Art. L., 1967; Hevelock C. M. Hellenistic Art. L.; Greenwich; Conn., 1970.

⁸ Кошеленко Г. А. Парфянская фортификация // СА. 1963. № 2. С. 65; Winter F. Greek Fortifications. L.; Toronto, 1971.

⁹ План крепости Евриало см.: Margaret G. Syracuse. L., 1958.

под слоем штукатурки надпись, зодчий «Сострат Книдский, сын Дексифана, богам-спасителям, на благо мореплавателям». Высота (около 130—140 м) Фаросского маяка — одного из «чудес света», самых эффектных сооружений эллинизма — позволяла увидеть его свет с очень большого расстояния. Зодчие воплотили здесь такие дерзновенные замыслы, о которых не могли и мечтать греки классического периода. Поэт Посидипп писал о маяке Сострата Книдского в своем стихотворении:

Башню на Фаросе, грекам спасенье, Сострат Дексифанов,
Зодчий из Книда, воздвиг, о, повелитель Протей!
Нет никаких островных сторожей на утесах в Египте,
Но от земли проведен мол для стоянки судов,
И высоко, рассекая эфир, поднимается башня,
Всюду за множество верст видная путнику днем,
Ночью же издали видят плывущие морем все время
Свет от большого огня в самом верху маяка,
И хоть от Таврова Рога готовы идти они, зная,
Что покровитель им есть, гостеприимный Протей¹⁰.

Изображение маяка помещали на александрийских монетах: в круге показана возносящаяся из волн башня, справа от нее — корабль с парусами на высоких мачтах. Постройка Фаросского маяка стоила 800 талантов, писал Плиний¹¹. Нижний его ярус — квадратную в плане башню со стороной 30,5 м ориентировали по сторонам света. Восемь граней более узкой, нежели нижняя, башни второго яруса соответствовали направлениям основных ветров. Третий ярус — помещение для фонаря — имел вид цилиндра, завершенного куполом с семиметровой статуей бога морей Посейдона.

Топливо для поддержания огня подавалось, очевидно, на подъемнике по центральной шахте, окруженной лестницей для восхождения к фонарю. Свет маяка усиливался сложной системой зеркал. Восьмигранная башня несла на себе бронзовые статуи, по некоторым древним источникам, подвижные, служившие не только флюгерами, но и для других практических целей. Эти статуи имели сложные механизмы, типа автоматов Герона Александрийского, и одна из них показывала, медленно поворачиваясь, рукой на Солнце при его движении по небу, а другая служила указателем времени, отмечая ударами каждый час суток. Водопровод с материка шел к бассейну с питьевой водой у подножия маяка. Все в этом замечательном памятнике свидетельствовало о больших достижениях александрийских ученых.

Широкое развитие получило также дворцовое и храмовое зодчество. В его характере произошли большие по сравнению с классикой перемены. Значение храма в архитектуре эллинизма еще было велико, но все чаще внимание художников привлекали потребности богатого человека, для которого сооружались огромные дворцы с роскошными перистильными дворами и колоннадами¹², с искусно распланированными вокруг декоративными садами, изобиловавшими скульптурными памятниками. От дворца, построенного на родине Александра Македонского в Пелле, сохранились остатки

¹⁰ *Посидипп. На Фаросский маяк* // Греческая эпиграмма. М., 1960.

¹¹ *Plin. Nat. Hist. VI. 18.*

¹² *Свобода К. Перистильные дворы и виллы эллинизма* // Алпатов М. В., Аркин Д. Е., Брунов Н. И. История архитектуры в избранных отрывках. М., 1935. С. 113—119.

обрамлявших перистильный двор канеллированных ионических колонн — их стройные и изысканные архитектурные формы особенно выразительны¹³. Полы дворцовых помещений украшали мозаики с геометрическими и шабечными орнаментами или сценами охоты на диких зверей.

Памятники раннего эллинизма найдены, хотя и в руинах, во многих малоазиатских городах, в частности в Приене, расположенной на скалистом склоне, спускающемся к Меандру. С улиц Приены открывался вид на просторы широкой долины стремившейся к морю реки и на уходящие в небо высокие скалы акрополя. В центре города находились гимнасий, рыночная площадь, театр.

Многие театры раннего эллинизма (Приена, Ороп) представляли собой небольшие сценические постройки; камерность их определялась изменением характера драматических произведений, в частности развитием комедии нравов и мимиямбов, для постановки которых более подходили помещения, отвечавшие домашней обстановке. Одновременно возникали и зрелищные комплексы, подобные колоссальному театру в Эфесе, вмещавшему около 28 тысяч зрителей и имевшему величественный трехъярусный театр. Всем своим архитектурным обликом этот театр призван был отвечать другим запросам общества — необходимости обращения к огромным массам народа и раскрытия в сценических действиях иных по своей сущности, нежели в камерном театре Приены, проблем. Надо думать, и драматические сочинения, предназначавшиеся для постановки в театре Эфеса, сильно отличались от шедших в театрах Приены или Оропа. Эффектным расположением славился театр на Делосе (300—260 гг. до н. э.): с его скамей открывался вид на постройки делосских святынь, зеленые пальмовые рощи, морской залив¹⁴. В таких светских памятниках раннего эллинизма — крепостях, маяках, дворцах, гимнасиях, театрах — находили развитие новые тенденции, отличающиеся от классических и ведущие к произведениям позднээллинистической и римской архитектуры.

Новые черты проявились и в культовом зодчестве — святилищах, храмах, алтарях. Если в гражданских сооружениях изменения пропорций, композиционных принципов архитектурных форм были связаны с жизненной реальностью — взаимоотношениями людей, их воззрениями на мир, природу, то в культовой архитектуре новизна нередко зависела от изменений, которые тогда претерпевала религия. Храмовое строительство на материке в годы раннего эллинизма не было интенсивным. Преобладали небольшие здания типа пелопоннесского храма Артемиды Лафрии в Мессене — храма в антах, размерами 10,5×17,2 м, с высотой ордера в 6 м.

Более оживленным было культовое строительство на островах Эгейского моря (Самофракии, Родосе, Делосе), в эллинистических городах Малой Азии (Приене, Пергаме), а также в Сицилии (Сиракузах и Агригенте). На Самофракии, в красивой гористой местности, был сооружен храм кабирам и воздвигнут в честь «великих богов» Арсинойон. В характере этого памятника можно заметить новизну строительных приемов, почувствовать свойственную эллинизму эффектность архитектурных форм, ощутить глубокую связь их с величественными пейзажами: над Самофракией господ-

¹³ Всеобщая история архитектуры. М., 1973. С. 327, рис. 30. (Далее: ВИА).

¹⁴ ВИА. М., 1949. Табл. 97.

ствует вершина Фенгари, откуда, по Гомеру, Посейдон наблюдал за битвой у стен Трои (*Hom. II. XIII. 12*).

В раннеэллинистический период получил развитие тип парадного предхрамового алтаря: архитектурный облик жертвенника в святилище Афины Полиады в Приене повторили в дальнейшем алтари святилища Артемиды в Магнесии-на-Меандре и Зевса в Пергаме¹⁵. Алтарь Афины Полиады в Приене представлял собой прямоугольную, окаймленную с трех сторон стенами высокую платформу, на которую вела широкая лестница. Боковые стены алтаря украшались ионическими колоннами со статуями в интерколумниях, а их торцы — рельефами, занимавшими лишь центральные поля, а не всю поверхность.

Характерные для эллинизма контрасты в зодчестве сказывались нередко в противопоставлении соорудившихся рядом зданий: около небольших храмов воздвигались колоссальные. После разрушения древней милетской святыни персами строители Пэоний из Эфеса и Дафнис из Милета начали новый храм — огромный ионический диптер Аполлона в Дидимах. Размеры его (109,4×51,2 м), высота колонн (20 м) — все было призвано поразить человека. Грандиозность открытого небу главного помещения — наоса, с уровнем пола на 6 м ниже поверхности стилобата, подчеркивалась стоявшей в нем эдикулой — маленьким (8,5×14,5 м) по сравнению с основным сооружением ионическим храмом Аполлона — четырехколонным простилом со статуей бога¹⁶.

Из погребальных построек раннего эллинизма весьма примечателен хорошо сохранившийся Казанлыкский склеп 295 г. до н. э. Своеобразие фракийскому мавзолею придают купольное покрытие круглой в плане камеры, живописное оформление архитектуры фресками на стенах, использование в строительной технике кирпича — все это свидетельствует о принципиально новых местных чертах периферийной, в частности фракийской, архитектуры эллинизма¹⁷.

Новый смысл получили украшения зданий, сильнее декорировались теперь детали сооружения. Наряднее и изысканнее становились базы колонн, капители, усложнялась орнаментика фризовых узоров. Все реже вводились рельефы повествовательного характера: возрастала отвлеченность художественного образа. Зодчий, отказываясь от сюжетной пластики, стремился выразить нужные ему идеи преимущественно архитектурно-декоративными средствами.

Нередко довольно высокие базы ионических колонн раннего эллинизма сильно профилировались, порой их покрывали орнаментальные узоры, реже сюжетные композиции¹⁸. В Дидимах нижняя часть базы колонн храма Аполлона сделана в виде уплощенного многогранника с пальметтами и фигурными изображениями по сторонам. Над многогранным цоколем лежит плотная масса базы, выше которой начинаются каннелюры ствола¹⁹.

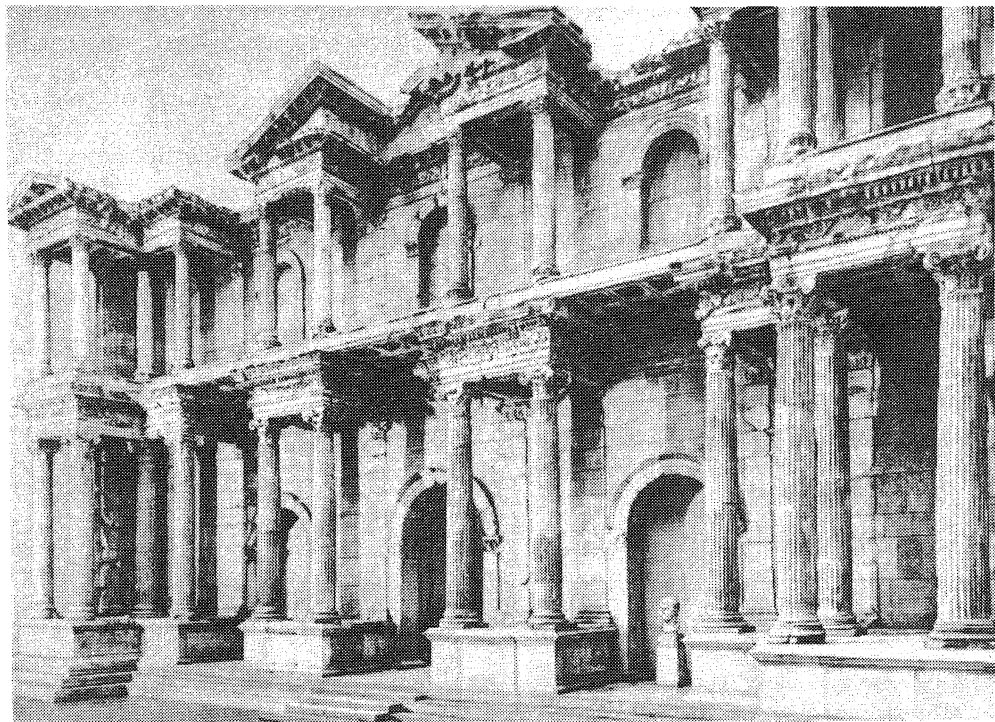
¹⁵ О памятниках эллинистического Пергама см.: *Rohde E. Pergamon, Burgberg und Altar. B., 1966.*

¹⁶ *Кобылина М. М. Милет. М., 1965. С. 184—197.*

¹⁷ *Василиев А. Казанлыкская гробница. София, 1958.*

¹⁸ *Кобылина М. М. Милет. С. 184 и след.*

¹⁹ *ВИА. М., 1949. Табл. 138 (2).*

Южная агора в Милете.

В зданиях раннего эллинизма, кроме повышенной декоративности их элементов, обнаруживается тенденция погружения орнаментальных форм в массу стены. Архитектура этим утверждала свое значение и лишь в пределах своих границ допускала существование подчиненного и не отделенного от нее декора. Та же тенденция сказывалась и в архитектуре малых форм. На стенах мраморного, хранящегося в Стамбуле саркофага Александра Македонского (конец IV—начало III в.), где изображены бой с персами и царская охота на диких зверей, мастерски выполнены фигуры, а сохранившаяся на камне полихромия — розовые и голубые краски — до сих пор поражает нежностью тонов²⁰.

В годы раннего эллинизма заметны сильные изменения в области ваяния. Теперь на первый план выступило ощущение трехмерности круглой скульптуры. Этому способствовало развившееся у мастеров конца IV в. до н. э. пространственное художественное мышление, особенно проявившееся в дальнейшем.

В круглой скульптуре раннего эллинизма, полно воплотившей развитие пластических форм в пространстве, создавались как огромные нередко из бронзы монументы²¹, так и изящные статуэтки. В них находили выражение

²⁰ Schefold K. Der Alexandersarkophag // Gnomon. 1971. Bd. 43.

²¹ Kluge K., Lehmann-Hartleben K. Die antiken Großbronzen. B.; Leipzig, 1927. Bd. 2.

и мощь молодых государств, и интимные чувства греков того времени. Искусство ваяния получило тогда еще большее, нежели в классике, распространение в различных районах античного мира. Продолжали работать мастерские Балканского полуострова и островов Эгейского моря, активизировались малоазийские центры, формировали свой пластический опыт скульпторы городов Северной Африки, в частности относящиеся к александрийской школе.

В искусстве III в. еще преобладали возвышенные мотивы. В собрании Эрмитажа можно видеть статуи кормящей змею Гигиен, Афродиты, присевшей на корточках с Амуром за спиной, девушки с раковиной в руках, наклонившейся вперед и олицетворяющей чистоту и целомудрие, Ганимеда около орла. Однако уже тогда стали звучать и иные, далекие от идеалов классики ноты: они проступают в эрмитажной статуе старого пастуха с птицами в сумке и с собакой у ног. От подобных образов возьмут начало гротескные терракотовые статуэтки и александрийская скульптура II—I вв. до н. э. Позднее особенно развился интерес к трагическим сценам. Например, раненый Патрокл (Эрмитаж), представленный страдающим, но еще могучим и полным сил.

О стремлении мастеров того периода к необычным, поражающим человека формам свидетельствовала воздвигнутая жителями острова Родоса статуя бога солнца Гелиоса, считавшаяся одним из семи чудес света. Римский сатирик Лукиан пишет, что родосцы могли бы на эти средства создать шестнадцать золотых изваяний богов, но они пожелали воздвигнуть Гелиосу грандиозный памятник, на изготовление которого ушло 12 лет тяжелого труда. Колосс высотой около 36 метров стоял на огромном мраморном постаменте. Создатель его, скульптор Харес из Линда²², учился изготовлению статуй из бронзы у великого скульптора IV в., прославленного Лисиппа. Однако здесь Харес отказался от техники литья из соображений прочности и, по-видимому, с целью экономии металла, воспользовался накладными бронзовыми листами, укрепленными на каркасе из каменных столбов и железных прутьев с ободами. Эта техника напоминала принципы изготовления огромных классических хризозефантинных статуй с пластинами золота и слоновой кости, покрывавшими деревянные остоны.

Несмотря на расчет мастера, колосс Родосский простоял недолго: в 227 г., через 56 лет после его создания, землетрясение разрушило статую. Плиний Старший в I в. н. э. еще видел его остатки, долго продолжавшие поражать приезжавших на Родос людей.

Постановка 36-метрового колосса в годы раннего эллинизма не случайна. Новые эмоции требовали грандиозных монументальных воплощений. Изменения начались в IV в. Уже в открытой Скопасом повышенной эмоциональности обнаруживалась утрата естественности и человечности; образы стали приобретать характер либо гипертрофированно величественный, либо предельно интимный. И если в искусстве высокой классики личные чувства часто сливались с общим, великим по своему охвату ощущением больших мировых проблем, то в эллинизме наметилось как бы расщепление ранее целостного пластического образа.

²² Страбон. География / Пер. Г. А. Стратановского. М., 1964. С. 610.

Заметно изменились по сравнению с V—IV вв. до н. э. и культовые изваяния. Из пантеона олимпийцев предпочтение оказывалось теперь Деметре, Дионису, Афродите, а также богиням судьбы и справедливости. Ученик Лисиппа, известный скульптор Евтихид из Сикиона, создал в начале III в. для города Антиохии-на-Оронте бронзовую статую богини судьбы Тюхе²³. Голову ее украшает корона в виде крепостной башни, правой, прижатой к груди рукой она держит пучок колосьев. Изваяние юноши у ее ног персонифицирует реку Оронт. В лучшей, хранящейся в Ватикане римской копии фигура Тюхе задрапирована в плащ, стекающие с плеч складки которого закрывают тело. Судьба скрытна, будто хотел сказать этим скульптор. Лицо Тюхе кажется загадочным: привлекательное своими чертами, оно неумолимо и безжалостно. Мастеру удалось передать в нем сущность судьбы — понятия далеко не безразличного для человека в те беспокойные и тревожные годы.

У ваятелей раннего эллинизма диапазон композиционных вариаций был значительно более широким, нежели у скульпторов классики. Они выражали свои чувства в фигурах, представленных в различных, порой сложных, порой намеренно простых позах²⁴. Так, насколько сложна композиция Тюхе Евтихида, настолько сдержанна и проста поза статуи, объявлявшей людям предсказания и веления Зевса, — богини правосудия Фемиды из святилища Немезиды в Рамнунте. Если в изваянии Тюхе мастер воплотил внутреннюю динамику и изменчивость образа, то в произведении скульптора Херестрата из Афин, сына Хередема из Рамнунта, подчеркнуты уверенность, спокойствие богини²⁵.

Художники раннего эллинизма стремились к передаче самых разнообразных человеческих переживаний. Хранящаяся в Римском музее Терм статуя тех лет, называемая «Девушка из Анцио», свидетельствует об интересе скульпторов к сложному сочетанию эмоций²⁶. В этом образе нет нарочито классифицированных форм Фемиды из Рамнунта. Но несприятельно прост он лишь внешне. Одни считают, что мастер показал всматривающуюся в письма пророчицу, другие видят в ней жрицу со священными таблицами, третьи — поэтессу²⁷. В статуе действительно много загадочного²⁸. Характер одежды, поза, короткая стрижка волос, черты лица, лишенного девической мягкости и красоты, вызвали даже предположение — не изображен ли здесь юноша. Существуют сомнения — оригинал это или совершенно исполненная римская копия. Сложность пластической выразительности памятника характеризует переходный период от позднеклассических форм к эллинистическим²⁹.

Малоазийские мастера реже, нежели аттические и пелопоннесские, придерживались старых традиций в пластических композициях. В частом

²³ *Dickins G.* Hellenistic Sculpture. Oxford, 1920; *Dohrn T.* Die Tyche von Antiocheia. В., 1960.

²⁴ *Брумова Н. Н.* Искусство Афин в эллинистическую эпоху // Тр. ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 1960. С. 32—42.

²⁵ *Alscher L.* Griechische Plastik. В., 1957. Т. IV. Taf. 5.

²⁶ *Kenner H.* Das Mädchen von Antium. Graz, 1971.

²⁷ *Alscher L.* Op. cit. Taf. 11 a, b.

²⁸ *Казапов Е. Г.* Девушка из Анцио // Филол. зап. Воронеж, 1911. № 4. С. 533—548; № 5. С. 694—701.

²⁹ *Lauter H.* Neues zum Mädchen von Antium // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Institut. Athenische Abteilung 86. 1971.

использовании смелых ракурсов и сложных поворотов сказывалась их меньшая зависимость от принципов классической скульптуры, а также влияние более бурных темпов развития общества в малоазийских областях.

Особенно ярко эти тенденции проявились в прославленном произведении вифинского скульптора Дойдалоса — известной статуе богини Афродиты, опустившейся на корточки перед зеркалом, которое держит Эрот³⁰. Трудно сказать, как современники Никомеда оценивали работу Дойдалоса; бесспорно лишь то, что если в Афродите Праксителя воплотилась чувственная тональность поздней классики, то статуя Дойдалоса всем своим существом отвечала эмоциям раннего эллинизма. Образ Афродиты Праксителя сохранил, несмотря на реалистичность выраженных в нем чувств, прежде всего ее божественную величавость. Дойдалос же в своей статуе изобразил занимающуюся туалетом хорошо сложенную женщину и этим низвел ранее возвышенный образ до уровня обычной житейской сценки. Если бы не фигура Эрота, можно было бы принять Афродиту за красивую гречанку. Необходимый для отличия божества от прекрасной, но смертной женщины Эрот выполнял здесь роль поясняющего сюжет атрибута.

Изображение отдыхающей или исполненной усталости фигуры, появившееся еще в изваянии раненой амазонки Поликлета и частое в скульптуре IV в., стало обычным в эпоху раннего эллинизма. Этот мотив нашел свое выражение в статуе юноши из Тралл неизвестного малоазийского мастера³¹. У опорного столба стоит, прислонившись спиной, юноша, закутанный в короткую, обнажающую колена хламиду. Печаль его, смягченная легкой задумчивостью, созвучна настроениям образов Праксителя с их просветленной скорбью и поэтической элегичностью.

В раннеэллинистических статуях александрийской школы, как и в работах других скульпторов того периода, человек и божество понимались по-новому, сравнительно с классикой: чаще изображались не боги, символизировавшие величие, разум мира или его героину — Зевс, Гера, Афина, предпочитавшиеся скульпторами архаики и классики, но связанные с чувственными сторонами жизни Афродита, Дионис и близкие им сатиры, силены, нимфы, музы. Эти боги и божества возобладали в сознании человека, вдруг ощутившего привлекательность, богатство многообразных личных, индивидуальных чувств, сменивших доминировавшие в эпоху расцвета города-полиса общественные, гражданские, преимущественно героические настроения³².

Александрийскими скульпторами были исполнены торсы Афродиты (ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве), а также статуэтка Афродиты Анадиомены и две головки Афродиты того же собрания³³. Изящным движением рук выжимает Афродита Анадиомена³⁴ волосы после купания; гибкостью тела, легким наклоном головы мастер создает прихотливо-изы-

³⁰ Lullies R. Die kauernde Aphrodite. 1954; Linfert A. Der Meister der «Kauernden Aphrodite» // Athenische Mitteilungen. 1969. 84. S. 158—164.

³¹ Scheubert H. von. Der Knabe von Tralles // Istanbul Mitteilungen. 1972. 22.

³² Bieber M. Die Söhne des Praxiteles // Jahrb. des Deutschen Archäolog. Instituts. 1923—1924. Bd. 38—39. S. 271—272; Idem. The Sculpture of the Hellenistic Age. N. Y., 1955.

³³ Щербаков Н. А. Античные подлинники ГМИИ // Памятники Гос. музея изящных искусств. 1926. Вып. 5. С. 26—30; Мальберг В. К. Женская головка из собрания В. С. Голенищева № 4387 // Там же. 1912. Вып. 1/2. С. 45—48.

³⁴ Щербаков Н. А. Указ., соч. С. 26—30.

Агасий. Боргезский боец. I в. до н. э. Мрамор. Париж. Лувр

сканный, исполненный мелодичной динамики асимметричный контур. Если ранее в статуях богини красоты и любви на первый план выступала возвышенность Киприды, то теперь — нежность, грациозность, порой кокетливость. Индивидуальные особенности реальных женских типов придавали изваяниям Афродиты не свойственную классике жизненность. Строгие формы прекрасного лица, возвышенное спокойствие черт, смягченное легким наклоном головы, сближает памятник с образцами V—IV вв.

Тяготение к экспрессивной выразительности чувств проступает и в пластике раннеэллинистических мастеров из западных районов Средиземноморья, в частности в бронзовой статуе так называемого молящегося мальчика. В эмоциональности, с которой он воздевает руки и устремляет к небу глаза, ощущается воздействие этрусского искусства; памятник близок

этрусским и своей небольшой высотой (1,28 м). Фигура мальчика живет в пространстве всеми своими формами, тянется ввысь и, кажется, чем выше, тем становится легче. Скульптору удается преодолеть тяжесть материала, победить его весомость, сообщив формам духовную устремленность³⁵⁻³⁶.

Основы нового отношения к облику человека закладывались уже в искусстве позднеклассических портретов, к созданию которых часто обращался Лисипп, любивший показывать личности исключительные, с настроениями, далекими от равновесия и покоя. Он изображал экспрессивного, тревожного Александра Македонского с патетически запрокинутой головой, полуоткрытыми губами и властным взором. В личности Сократа — мастера протоэллинизма Лисиппа привлекало единство негармоничной внешности и глубинной внутренней гармонии — сочетание, не типичное для классики, всегда требовавшей строгого соответствия одного другому. Чувственность в классическом искусстве обычно проступала в грубом, низменном обличье силенов, величие, спокойствие и глубокий ум человека воплощались в гармонических формах идеализированных портретов, как у Кресилая в герме Перикла. Лисиппа же интересовало выражение внутренних достоинств во внешне негармоничной форме: художник искал красоту духовную, не связанную с внешностью. Он обращал внимание зрителя на те черты философа, о которых писали древние авторы: вздернутый нос, маленькие, близко посаженные к переносице глаза, большой высокий лоб и широкую, окладистую бороду.

Впервые в эллинистическом искусстве Лисипп, сознательно акцентируя внешне дисгармоничные пластические формы, наделил их возвышенным содержанием, соединил в одном образе качества, ранее казавшиеся несовместимыми, выразил высокую духовность во внешне некрасивом облике. Мастера эллинизма, даже придерживавшиеся классических традиций, в своих портретных образах нередко начали исходить от впервые открытых Лисиппом принципов, этому будут следовать и художники всех последующих эпох, особенно в послеантичном искусстве. Поиски позднейших художников и скульпторов, стремившихся художественно воспроизвести физическое изнеможение, усталость, страдание, также берут свое начало в протоэллинистических образах Лисиппа и мастеров его круга — напомним лишь статую отдыхающего, тяжело опирающегося на палицу Геракла.

И в портретах, и в других памятниках мастерам раннего эллинизма приходилось воплощать в пластических формах более сложные, нежели в IV в., чувства и переживания человека³⁷. Позднеклассическая статуя Софокла воспринимается как художественное выражение эллинского совершенства в период последнего расцвета древнегреческой культуры. В образе Демосфена, возникшем в годы суровых потрясений, пластически воплотились испытания Эллады, тревожные сомнения и глубокая подавленность греков, осознавших гибельные последствия македонской экспансии.

Скульптор Полиевкт, исполнивший статую Демосфена около 280 г. до н. э., когда в Афинах вновь вспыхнуло сопротивление македонянам,

³⁵⁻³⁶ Rohde E. Griechische und römische Kunst in der Staatlichen Museen zu Berlin. В., 1968. Taf. 67.

³⁷ Шмит Ф. И. О некоторых ранних эллинистических портретах // Античный портрет. Л., 1929. С. 23—30.

откликнулся на волновавшую греков тему. Сюжетная основа портрета оратора выходит за пределы личного, индивидуального, отвечая общим для эллинов патриотическим чувствам. Не случайно изваяние, созданное спустя много лет после смерти выдающегося деятеля, воспринималось как своеобразный символ непрекращавшейся борьбы греков против македонян.

Эмоциональную глубину духовного мира скульпторы эллинизма воплощали прежде всего в выражении лица, чем объясняется развитие портрета в те годы.

Эти новые принципы портретного искусства особенно ярко выступают в чертах Менаандра. Лицо поэта в римских копиях из Петербурга³⁸ и Копенгагена³⁹ исполнено нервозности, это лицо импульсивного, раздражительного человека. Асимметрия черт вызывает ощущение динамической экспрессии, как и гибкие, будто трепещущие, созвучные смятенности человека пряди волос. Выразительный изгиб губ, испещренный морщинами лоб, тревожный взгляд — все раскрывает мир чувств, далекий от покоя и величия, незнакомый мастерам классики. Если в классическом портрете Перикла (герма Кресилая) при компактности объемов центростремительные силы не допускали открытость форм, то в пластике портрета Менаандра все изменилось: при нарастании эксцентрических центробежных сил строй образа начал тяготеть к замкнутости и индивидуальности.

Другой тип портретов раннего эллинизма — бюсты Филетера⁴⁰ и Эпикура⁴¹ отличаются большим сохранением мастерами классических идеалов⁴². В портрете Филетера объемы трактованы мощными весомыми массами, скульптор предпочитает работать широкими поверхностями. Стремясь смягчить напряженность образа, он показывает спокойные плоскости широких щек, крупный подбородок, чистый лоб. Однако даже этим он не может скрыть надломленности натуры. Пластический образ Эпикура исполнен иначе: тревожен он и внешне; мастер, решая его в богатой светотеневыми контрастами манере, использует для этого вибрирующие повторы локонов, гибких прядей бороды, извивов длинных усов. Поверхности щек и лба моделированы с намерением нарушить ощущение статики и покоя; глубокие морщины, выступающие скулы, чуть впалые щеки — все в портрете динамично и встревожено, но, вопреки этому предавшийся возвышенному созерцанию, великий философ кажется умудренным и огражденным от мирской суеты.

В бронзовом мужском портрете из Антикиферы⁴³ массивность нижней челюсти усилена густыми прядями бороды, глаза кажутся маленькими, но смотрят они дерзко и весело, воспринимая бурные события времени без трагической обреченности, звучавшей во многих других образах.

Широко распространенные в раннем эллинизме портреты на монетах точно передают индивидуальные черты правителей и их жен, а также

³⁸ Вальдгауер О. Ф. Античная скульптура. Пг., 1923. № 492. Рис. 44.

³⁹ Alscher L. Op. cit. Taf. 2.

⁴⁰ Ibid. Taf. 68.

⁴¹ Ibid. Taf. 67.

⁴² О своеобразии портретов эллинизма см.: Вальдгауер О. Ф. Идеализм и реализм в греческой портретной скульптуре эпохи разложения античного города-государства // Искусство. М., 1935. № 5. С. 35—40.

⁴³ Alscher L. Op. cit. Taf. 70.

важных государственных персон⁴⁴. Не исключено, что эти монетные чеканы делались с существовавших тогда скульптурных изваяний, большей частью не сохранившихся.

Новшества эпохи эллинизма, на которые монументалисты не всегда реагировали откликаться, быстрее подхватывались мастерами мелкой пластики. При всем отличии техники терракоты от ваяния, в ней, даже полнее, чем в мраморе, получили развитие стиливые черты раннеэллинистической скульптуры⁴⁵. Мягкая глина легче позволяла разнообразить пластический строй, нежели мрамор статуй, мастера которых к тому же сильнее были связаны традициями. Коропласты чаще обращались к жанровым мотивам, к далеким от возвышенности мраморных скульптур бытовым сценкам⁴⁶. В терракоте сильнее, чем в мраморе, прозвучал гротеск. В пластическом отношении терракота эллинизма не только следовала стилю времени, но во многом опережала его. Динамизму эпохи обязаны своим появлением статуэтки со свободными, энергичными жестами. Богаче и живее, чем в мраморной скульптуре, моделировались в терракотах поверхности лица и тела, особенно при изображении персонажей старческого возраста.

Пропорции Лисиппа оказали на танагрских мастеров большое влияние. Часто терракоты III в. до н. э. изображают женщин, полных достоинства, горделивых, величавых. Вьющиеся локоны их иногда оживлялись золотой краской, голову украшала диадема или венки; встречаются статуэтки с наброшенным на волосы покрывалом. Мастера Танагры хорошо воплощали в своих образах различные стороны женского характера — уверенность или умеренную, сдержанную кокетливость девушек, их печальную задумчивость или легкую радость. В позах, жестах, в грации этих фигурок можно почувствовать грусть или страдание от неразделенной любви, порой горделивость юной кокетки, любующейся в зеркало прелестью своего лица, или игривую серьезность молоденькой гречанки, забавляющейся с уподобленным ребенку амуром.

Коропласты Танагры в пластике небольших фигурок умели передать чувства тонкие, едва уловимые. Легкие наклоны головок, робкие повороты плеч, нежные движения рук — все было важно в их искусстве, и незначительные на первый взгляд детали образа оказывались необходимыми, как звуки, составляющие в целом изящную музыкальную миниатюру. Продуманным соотношением жестов рук и положением головок мастера выражали растерянность и недоумение, порой учтивое внимание, чаще печальное созерцание и задумчивость⁴⁷.

В искусстве инталий и камей раннего эллинизма наряду с развитием стиливых приемов глиптики IV в. появляются новые черты, связанные с общими изменениями художественного процесса. Крупнейшим центром изготовления резных камней была Александрия, где существовало искусство обработки драгоценных и полудрагоценных минералов. Прославленным ма-

⁴⁴ *Казаманова Л.* Введение в античную нумизматику, М., 1969. Табл. XV, рис. 1, 2.

⁴⁵ *Thomsen B. D.* Three Centuries of Hellenistic Terracottes // *Hesperia*. 1952. N 2; 1954. N 1; 1957. N 2; 1959. N 2.

⁴⁶ *Белов Г. Д.* Терракоты Танагры. Л., 1968; *Брицова Н. Н.* Греческая терракота. М., 1969; *Thomsen B. D.* The Terracotta Figurines of the Hellenistic Period. Princeton, 1962.

⁴⁷ К подобной изысканности форм позднее, в XVIII в., приблизился в своих рисунках французский художник Ватто.

стером глиптики, портретистом Александра Македонского, был резчик Пирготель, в III в. работал Агенион. Эллинистические инталии, в частности, стали несколько крупнее, чем ранее. Возможно, в этом сказались не только тяготение к роскоши, но и некоторая утрата свойственного классике чувства соотнесения размера произведения искусства его назначению.

Боги греческого пантеона, воины и мифологические персонажи, а также животные и птицы изображались в годы раннего эллинизма с такой же тщательностью, как и ранее. Однако теперь резчики чаще предпочитали вертикальную композицию, а не горизонтальную, как в классике. Мастера любили использовать сильно вытянутый овал, напоминающий контуры ягоды кизила, реже прямоугольник со скругленными углами. Греческие резчики и в этом проявляли новое отношение к образу, делая его то более величественным, то изнеженно-манерным или беспокойным: действительно, вертикальный овал кажется менее статичным, в нем больше напряженности, чем в спокойно лежащем, горизонтальном.

Камни выбирали преимущественно теплого цвета: красноватые, коричневато-оранжевые, реже бледно-желтые. Преобладали сверкающие кристальной чистотой оранжево-прозрачные гиацинты, коричневато-матовые на просвет сардониксы, красновато-оранжевые сердолики, бледно-фиолетовые аметисты, закатно-пламенеющие сардеры. Чаще стали оправлять инталии в драгоценные металлы. На одной из сердоликовых инталий конца IV—III в. собрания Государственного Эрмитажа изображена менада с тирсом на плече⁴⁸. Как и раньше, мастера намечали под ногами персонажей небольшую полосу почвы, на которой те стояли.

Признаки стилизации обнаружились и в некоторых инталиях раннего эллинизма, в частности, в изображении на резном халцедоне обнаженного Аполлона, держащего в опущенной левой руке лук, а в правой, согнутой и вытянутой вперед, очевидно, птицу⁴⁹. Фигура бога в характерной для позднеархаических и раннеклассических статуй спокойной позе, с чуть выдвинутой левой ногой, обнаруживает ориентацию мастера инталии на искусство прошлого, и все же строй произведения проникнут новым эллинистическим духом.

Хотя в резных камнях того периода портрет еще не получил, как позднее, широкого распространения, изображения Александра Македонского на инталиях уже не были редкостью⁵⁰. На сердоликовом камешке, где полководец показан в виде Зевса — обнаженным, с пучком молний в одной и с эгидой в другой руке, мастер расположил щит и орла, взирающего на своего повелителя.

В эпоху раннего эллинизма возник новый вид искусства резного камня — камея⁵¹. Появление этого вида украшений можно объяснить не только более глубоким, нежели ранее, знакомством резчиков с восточными слоистыми минералами, но и стремлением к памятникам роскошным, эффектным, к использованию разнообразных оттенков красивых, чаще всего

⁴⁸ Невзоров О. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976. Рис. 52.

⁴⁹ Там же. Рис. 54.

⁵⁰ Там же. Рис. 53.

⁵¹ Ваулина М. П. Классические и раннеклассические элементы в античных камнях Государственного Эрмитажа // Тр. Гос. Эрмитажа. 1962. Т. 7. С. 232—246.

многоцветных камней. Именно этим временем датируется шедевр античной глиптики — знаменитая «Чаша Фарнезе» Неаполитанского музея. Чаще всего для камей применялся многослойный сардоникс. Белый средний слой использовался для лица, верхний коричневый или черный — для волос или одежд, нижний, также темный, образовывал фон. Кроме трехслойных, существовали и многослойные сардониксы с различными оттенками: художники умело сопоставляли цвета для необходимых красочных эффектов.

Для портретной камеи Антиоха I мастер раннего эллинизма выбрал камень, напоминающий очертаниями не совсем правильный, слегка вытянутый вверх овал⁵², и обозначил на темном слое фона белый профиль царя. Прежде чем начать создавать камею с портретным изображением, резчики обычно подыскивали многослойный камень с необходимыми тонами; если волосы были рыжие или каштановые, брался один сардоникс, если темные — другой. В исполнении лица Антиоха заметны скорее типизация и стремление к классическим, правильным пропорциям, нежели попытка передать неповторимый портретный образ.

Не превзойден по своим качествам памятник камнерезного мастерства — «Камея Гонзага»⁵³. На темном фоне массивного минерала вырисовывается чуть прозрачный, цвета снятого молока, профиль Арсинои и более плотное, матовое лицо ее мужа и брата Птолемея II. Волосы царицы изображены светлыми, и на них лежит лавровый венок. В мужском лице больше строгости, уверенности, в женском — сильнее одухотворенность. Цвет прозрачного, будто подтаивающего камня способствует несколько отрешенному виду царицы. Царь же — воплощенная властность, материальная суровая сила. На голове его темно-коричневый шлем.

Резчик тонко нюансировал портреты Арсинои и Птолемея II. Обработка камня безупречна не только в лицах, но и в изображении деталей. В композиции камей, в устремленности вперед взглядов обоих персонажей воплощена по-эллинистически динамичная эмоциональность.

Событием последнего десятилетия в археологической науке явилась находка в Македонии гробницы с множеством высококачественных произведений фресковой живописи, скульптуры и значительных в художественном отношении памятников торевтики — золотых и серебряных изделий — шкатулок, сосудов, браслетов, предметов вооружения (золотая обивка футляра для лука) и в особенности миниатюрных трехсантиметровых костяных портретных головок⁵⁴. Этот протоэллинистический, относящийся ко второй половине IV в. до н. э. материал уникален и предшествует по времени не менее замечательному комплексу произведений торевтики, найденному в 1949 г. на территории Болгарии — Панагюриштенскому кладу первой половины III в. до н. э.⁵⁵

В период раннего эллинизма в искусстве древней Греции заметно усиливался интерес к живописи, шире распространялись настенные росписи и станковые картины. Живописцы использовали энкаустiku, темпера, акварель. Обогащалась шкала цветов, довольно ограниченная ранее в палитре

⁵² Неверов О. Античные камеи. Л., 1971. Рис. 3.

⁵³ Там же. Рис. 1.

⁵⁴ Manolis Andronikos. The Finds from the Royal Tomb at Vergina // Treasures of Ancient Macedonia. Thessalonike. 2.

⁵⁵ Венедиков Ив. Панагюриштенский клад. С., 1961.

Полигнота. Разнообразные оттенки одного цвета способствовали красочным эффектам. В связи с возросшим значением интерьера уже в начале III в. до н. э. стены домов в Афинах и Александрии украшались живописными росписями так называемого инкрустационного стиля.

Продолжая развивать и углублять методы художников предшествующего периода, во второй половине IV в. в греческих городах творили такие крупные мастера, как Апеллес, Никомах, Аэтион, Протоген, Антифил, Филоксен⁵⁶. После смерти Александра Македонского они перешли на службу к его преемникам. Мастера часто меняли покровителей и работали в различных областях эллинистического мира. Необходимо отметить, что о картинах древнегреческих художников известно преимущественно лишь по описаниям древних авторов или по копиям римского времени.

Об эллинской живописи дают представление росписи стен погребальных сооружений. Сложная композиция обнаружена в небольшом Казанлыкском склепе на территории современной Болгарии⁵⁷. Украшались стены усыпальниц и в античных городах Северного Причерноморья, особенно часто в пределах Боспорского царства. Ко второй половине IV в. до н. э. относится роспись склепа кургана Большой Близницы на Таманском п-ве, а к первой половине III в. — гробницы в таманском кургане Васюриной горы⁵⁸. В ту же эпоху были созданы и росписи македонских гробниц со сценами сражений, где фигуры показывались на светлом фоне. Художники открыли много новых возможностей живописного отображения действительности; в своих произведениях они наметили то, что развили в дальнейшем мастера зрелого и позднего эллинизма.

Мозаика, появившаяся в конце IV в. на македонском севере Греции, в Олинфе, сначала в виде галечных узоров, постепенно завоевала признание в декоре интерьеров III в. Распространение получили в те годы напольные мозаики как в роскошных дворцах правителей, так и в покоях богатых и состоятельных граждан. При раскопках македонского города Пеллы обнаружены ярко-красочные композиции, украшавшие эллинистические дома и наряду со скульптурными изваяниями оживлявшие их перистильные дворы. Гальку постепенно заменяли кусочки камня, мрамора или стеклянной пасты, укладывавшиеся в различных системах — *opus tessellatum* или *opus vericulatum*.

В мозаиках находила выражение любовь людей той эпохи к ярким красочным композициям, часто экспрессивного характера, особенно к сценам охоты. В мозаике из Пеллы «Охота на льва»⁵⁹ мастер расположил охотников по обе стороны от припавшего на передние лапы свирепого хищника. В красочных мозаиках решительные движения, экспрессивные контурные линии, драматические ситуации — все отвечает тревожным настроениям раннего эллинизма. В мозаике «Охота на лань» мозаичист, повторив фигуры и движения охотников, усложнил композицию и усилил напряженность сцены.

Расписная керамика, широко распространявшаяся в греческих городах архаики и классики, испытывала в годы эллинизма жестокий кризис. К

⁵⁶ Чубова А. П., Иванова А. П. Античная живопись. М., 1966.

⁵⁷ Мавродинов Никола. Живопись античной гробницы в Казанлыке // ДИ. 1954. № 2. С. 152—173; Отличные ил. см. в альбоме: Живкова Л. Казанлыкская гробница. М., 1976.

⁵⁸ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.

⁵⁹ Чубова А. П., Иванова А. П. Античная живопись. Рис. 48.

этому привели проявившиеся еще в V в. до н. э. попытки вазописцев соперничать в сложности композиций и сюжетов с художниками-монументалистами, не только не давшие желаемых результатов, но и более того, определившие утрату вазописью ее декоративных достоинств⁶⁰. Однако успех настенной и неудача керамической живописной системы объясняются не только борьбой вкусов, но и изменением общих эстетических принципов: у вазописцев объемной была поверхность фона, а образы — плоскостными. В монументальной настенной живописи изменялся основной принцип восприятия — поверхность фона стены оставалась плоской, а в изображавшихся фигурах все более начинала господствовать объемно-пространственная их трактовка. Новое, возникшее в годы эллинизма живописное понимание и отражение человека мира стояло в тесной связи с подобными же изменениями во всех остальных видах искусства. Действительно, в скульптуре обозначился переход от замкнутости художественного образа к его пространственной открытости и от плоскостной фасадности к объемности. Архитекторы после постройки Эрехфейона все чаще обращались к решению необычных динамически сложных задач, возникали новые художественно-сюжетные принципы создания литературных образов, намечались коренные изменения театрального действия.

В сицилийском городе Чентурипе в III в. изготавливались крупные по размерам и расписанные яркими красками вазы⁶¹, иногда с предельно упрощенными контурами, отчего они кажутся выточенными из дерева. В некоторых же случаях формы сосудов из Чентурипе необычно сложны для керамики, даже вычурны. Цветовая палитра, которую использовали мастера из Чентурипе, следуя вазописцам роскошного стиля и художникам IV в., чрезвычайно богата. Нежные тона розовой, голубой, желтоватой красок придаю росписям нарядность и изысканность, тем более что сюжетика композиций чаще всего связана с изображением Афродиты и амуров или девушек и женщин в гинекее.

Уже в керамике IV в. наметилась тенденция совмещать росписи с покрытыми краской рельефными украшениями. В период эллинизма в связи со стремлением к объемности форм введение рельефного декора в архитектуру керамического сосуда стало повсеместным.

В эллинистических городах во второй половине IV — первой половине III в. широко пользовались сосудами типа гнафия, названными так по имени апулийского городка, где впервые обнаружили их образцы⁶². Эти вазы находят во время раскопок эллинистических слоев во многих районах Средиземноморья — от Испании до египетской Александрии. На темную чернолаковую поверхность сосудов гнафия узоры обычно наносились белой, желтоватой, пурпуровой краской. Огромные плоские блюда или стройные кувшины покрывали изображения гирлянд, листьев плюща, цветов, а также дельфинов, птиц, зайцев.

В греческих городах Южной Италии в III в. довольно широко использовались сосуды с крупными рельефными прилепами на поверхности стенок

⁶⁰ Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М., 1953.

⁶¹ Wintermeyer U. Die polychrome Relief-Keramik aus Centuripe. Diss. München, 1972.

⁶² Winckelmann St. Späte Gnathia-Vasen // Jahresh. des Österreichischen Archäologischen Instituts in Wien. 1972/1973. Bd. 50. S. 150—165.

в виде мифологических и реальных образов масок Горгоны Медузы, женских головок, протом (передних частей) лошадей и других фигурных изображений. Такие сосуды, изготовлявшиеся преимущественно в городе Канузии, представляют собой своеобразное соединение керамики со скульптурой⁶³.

В художественной жизни раннего эллинизма, изобиловавшей многими противоречиями, классическим традициям Афин резко противостояли новшества, ввопившиеся мастерами Александрии и Малой Азии, получившие популярность во всем эллинистическом мире. В то же время сглаживались различия между греческими и македонскими элементами культуры, несмотря на продолжавшуюся политическую борьбу. Возникшее в поздней классике пристальное внимание к человеческой личности и индивидуальным переживаниям в раннем эллинизме получило особенно сильное развитие.

Произведения различных видов искусства, созданные в годы раннего эллинизма, убеждают, что уже тогда получило яркое выражение новое эстетическое видение, только наметившееся в период поздней классики. Во всех областях творческой деятельности греков — архитектуре, ваянии, скульптурном портрете, живописи — происходила решительная ломка принятых норм, всюду обнаруживалось поразительное по бескомпромиссности изменение художественных взглядов на мир. Естественно, продолжали существовать и мастера, придерживавшиеся старых традиций, но последнее слово оказывалось уже не за ними. Все активнее становились творческие поиски художников, неизбежно утрачивавших многое из того, что было ценным в классическом искусстве, но и находивших красоту в новых сюжетах и формах.

2. Искусство высокого эллинизма

В годы высокого эллинизма художники стремились следовать общему ритму жизни и уровню культуры, хотя порой и утрачивали ценные качества образов прошлого. Основную особенность искусства высокого эллинизма, в котором нашли отражение достижения науки и литературы того периода, составляет многообразие форм. В градостроительстве и архитектуре это выразилось в широком применении гипподамовой системы и трапезиевидных планов, террасной планировки и смешении в одной постройке разных ордеров. Годы некоторой стабильности в жизни новообразованных и обычно враждовавших монархий позволили добиться в архитектуре относительного подъема. Во многих городах разбивались жилые кварталы, воздвигались святилища и храмы, создавались вместительные театры.

Расцвет науки, в частности медицины, способствовал интенсивному строительству святилищ Асклепия. Одно из самых прославленных мест поклонения этому богу находилось на Косе, где родился «отец медицины» Гиппократ. Лежащий у берегов Малой Азии, напротив Галикарнасса, остров, известный своей красивой природой и обширными виноградниками, славился уже в древности прежде всего здоровым климатом: даже в знойные дни легкий ветерок здесь сгонял жару и приносил прохладу. Тех же, кто нуждался в лечении, влекли туда железистые и серные источники.

⁶³ Maes K. F. von Wonerghem. Une forme particulière de ceramique à l'époque hellénistique à Canosa // L'Antiquité Classique. 1972. Bd. 42.

Асклепийон на Косе отличается новыми эллинистическими принципами композиции культовых и служебных зданий⁶⁴. Сооружения его занимали пологие склоны трех горных террас. С вершины открывался вид на лежавшие внизу город и порт и омывающее остров море. На нижней террасе находились колоннады стои, жилые дома, бани, целебные источники.

В композиции нашел выражение характер церемониала, который, очевидно, в строгой последовательности соблюдали приезжавшие сюда для исцеления. На нижней террасе они лечились и могли издали созерцать храм божества; на средней приносили жертвы богу, врачевателю душевных и физических недугов, и лишь избавившись от болезней, получали возможность приблизиться к божеству, подняться к храму Асклепия. Постепенность восхождения к совершенству божества символизировала композиция ансамбля.

Имен эллинистических архитекторов сохранилось немного. О зодчем II в. до н. э. Гермогене позднее писал Витрувий⁶⁵, который полагал, что именно Гермоген работал в Магнесии-на-Меандре, создав ансамбль с агорой в центре города, улицы которого пересекались под прямыми углами, храм Артемиды Левкофрены с крупным предхрамовым алтарем, стоявший на агоре храм Зевса Сосиполия, а также театр и стадион⁶⁶.

Культовая архитектура высокого эллинизма продолжила ранее намечившиеся тенденции: возникали роскошно украшенные постройки, такие, как храм Артемиды в Магнесии, огромный диптер Зевса Олимпийского в Афинах, изящные по пропорциям и убранству культовые памятники камерного характера. Возможно, Гермоген строил теосский храм Диониса на трапезиевидной, расширявшейся в своей тыльной части площадке теменоса⁶⁷. Примечательно, что агора в Магнесии-на-Меандре также имела подобную трапезиевидную форму⁶⁸. Не исключено, что строители эпохи эллинизма такими планами стремились как бы исправить перспективный оптический эффект уменьшения дальних отрезков и объемов.

Большое значение в святилищах отводилось торжественным воротам — пропилеям, просторным перистильным дворам, широким лестницам, ведущим на верхние террасы. В таком обрамлении сама храмовая постройка уступала окружению по эффектности, и основное произведение ансамбля казалось порой менее величественным, чем стройные колоннады, ступени, тенистые портики.

Великолепие пропилей храмовых комплексов высокого эллинизма можно почувствовать в ансамбле крупного города Линда, игравшего важную роль в жизни Родоса благодаря своему огромному торговому порту, обеспечивавшему связь со многими центрами мира. Как и в ансамбле косского Асклепийона, здесь использована террасная планировка: колонные пропилеи и широкая (20 м) лестница вели к стоявшему наверху храму.

Особенную роль в украшении святилищ играли величественные многоколонные портики. В пергамском святилище Афины Никефоры («Несущей победу») центральную, вытянутую с востока на запад площадь обрамляли

⁶⁴ ВИА. М., 1949. Рис. 375, 376; С. 329.

⁶⁵ Витрувий. Десять книг об архитектуре Пер. Ф. А. Петровского. М., 1936. С. 82.

⁶⁶ ВИА. М., 1949. Рис. 306; С. 304.

⁶⁷ Там же. Рис. 331.

⁶⁸ Там же. Рис. 306.

с трех сторон, оставляя ее с запада открытой, двухэтажные портики беломраморных колонн, выстроенные около 235 г. до н. э.⁶⁹ Подобная архитектура создавала торжественное настроение. Этому способствовали красивые колоннады, рельефные украшения баллюстрад, многочисленные статуи. Смещение ордеров, введение восточных растительных мотивов в капителих и изображений быков определяло порой необычный вид эллинистического архитектурного комплекса, лишало его той строгой гармоничности и продуманности деталей, какая была свойственна классике⁷⁰.

В годы высокого эллинизма дальнейшее развитие получила определившаяся еще в приенском храме Афины архитектура большого алтаря: чаще всего жертвенники воздвигались на территории Малой Азии — в Приене, Магнесии, Пергаме, но возникали и на западе Средиземноморья, в сицилийских греческих городах. Сиракузским тираном Гиероном II был построен величественный алтарь. Его вытянутая почти на 200 метров, вырубленная в скале, а с южной стороны частично сложенная из огромных каменных блоков площадь предназначалась для массовых жертвоприношений 450 быков одновременно.

На акрополе Пергама, где располагалось множество великолепных построек, одной из самых грандиозных был алтарь Зевса. Планировка зданий акрополя из-за сложности рельефа на разных уровнях пергамского холма, несомненно, являлась одной из самых серьезных проблем для строителей. Сооружения Пергама — гимнасий, театр, алтарь, храмы, дворцы — воздвигались на разных уровнях, на различных по высоте террасах. Самостоятельность каждого монумента, казалось бы, могла внести в ансамбль ощущение разлада. Зодчие, однако, избежали этого: при анализе плана пергамского акрополя создается впечатление, что для объединения построек архитектуры выбрали несколько условных центров, лежащих на запад от холма, и ориентировали на них входы основных зданий — дворцов, алтаря Зевса.

Его не случайно причисляли к чудесам света еще в древности⁷¹. Повод давали величие форм и размеры: стилобат — 36 × 34 м, ширина лестницы около 26 м, высота основного жертвенника достигала 3—4 м, так что на него вели дополнительные ступени. Особенно поражал богатый пластический декор. Не только передние, как ранее, торцы боковых стен ограды, но весь цоколь алтаря Зевса заполнили рельефы с изображением битвы богов и гигантов. Над их подвижной, дышащей колоссальным напрядением поверхностью вырастала стройная ионическая колоннада, демонстрируя необычное для классики расположение фриза под колоннами, а не над ними.

Второй век был периодом наивысшего расцвета искусства эллинизма, когда воздвигались особенно грандиозные памятники. Примерно в эти годы строился и храм Зевса Олимпийского в Афинах (175—174 гг. до н. э.). Величина его объяснялась, очевидно, желанием города, начинавшего утрачивать бывшее значение, напомнить о своей роли в истории, художественной деятельности, культовых церемониях. Строители добились цели,

⁶⁹ Там же. Рис. 281.

⁷⁰ Там же. Рис. 344.

⁷¹ Rohde E. Pergamon...

сооружение, вызывающее восхищение в древности, даже в руинах производит неизгладимое впечатление.

Формы погребальной архитектуры высокого эллинизма в различных областях Средиземноморья сильнее, чем какие-либо другие, свидетельствуют о воздействии провинциальных стилевых черт и слиянии эллинских принципов зодчества с местными. В гробнице, обнаруженной в окрестностях малоазиатского города Эфеса — Белеви (середина III в.)⁷², как и в созданном значительно раньше Галикарнасском мавзолее, можно видеть применение не только эллинских, но и восточных строительных приемов. Слияние греческих и египетских принципов наглядно проявилось в погребальной эллинистической архитектуре Александрии. Использование подземных, вырезанных в скале склепов восходило к восточным традициям; украшения капителей колонн и пилястров также вызывают в памяти древнеегипетские растительные мотивы.

Гражданская, или светская, архитектура чаще, чем культовая, занимала зодчих высокого эллинизма. Они воздвигали дворцы для правителей, крупных чиновников, богатых торговцев и рабовладельцев, разбивали жилые кварталы. В больших городах возникала потребность в значительно превосходящих классически огромных, красиво оформленных рыночных площадях, театрах, гимнасиях, палестрах, роскошных многоколонных стоях.

Планировка жилых кварталов, как правило, была регулярной, особенно в городах, где позволял рельеф⁷³. Шедшие параллельно магистрали пересекались другими под прямыми углами. В условиях холмистой местности на склонах применялась террасная планировка, при которой улицы, поднимавшиеся в гору, превращались в лестницы. Крупный жилой район середины III в. до н. э. открыт недавно в сицилийском городе Агригенте, расположенном на двух естественных террасах, полого спускающихся к берегу моря⁷⁴.

Успехам и новшествам гражданской архитектуры, проявившимся при строительстве жилых домов, способствовали, несомненно, большие финансовые возможности богатейших городских слоев. Широкое распространение получили окруженные крытыми портиками перистильные дворы. Применявшиеся в парадной городской и культовой архитектуре, они нашли место и в композиции жилого эллинистического дома. Хорошо сохранившиеся перистильные дворы в найденных на острове Делосе жилых домах конца III—II в.⁷⁵, свидетельствуют о расцвете светского гражданского строительства в те годы. В квадратных по плану перистильях использовались дорические или ионические колонны, по четыре на каждой стороне, окаймлявшие расположенный в центре двора неглубокий бассейн. Крупные дома Делоса занимали иногда чуть ли не весь квартал и имели два перистильных двора. Дома в то время росли не только в ширину, но и в высоту: нередко строились двухэтажные, а порой и трехэтажные здания. В комнатах второго этажа, куда вели обычно трехмаршевые лестницы, находились покои женщин⁷⁶.

⁷² Kasper S. Tumulus von Belevi // *Archäologische Anzeiger*. 1975. S. 223—232.

⁷³ Козина Т. Н. Некоторые вопросы градостроительства эллинизма // *Вопр. всеобщей истории архитектуры*. М., 1961. Сб. 1. С. 5—74.

⁷⁴ Marconi Pirro. Agrigento: Topografia ed arte. Firenze, 1929; Pietro Griffo. Agrigento: Guida ai monumenti e agli scavi. Agrigento, 1955.

⁷⁵ ВИА. М., 1949. С. 326. Рис. 348—350.

⁷⁶ Vallois R. L'architecture hellénique et hellénistique à Délos: P., 1944.

Эллинистический дом представлял собой замкнутый архитектурный комплекс: вход с улицы был преимущественно один, внешние стены не имели окон, свет в основные помещения поступал через открытый, без крыши, дворик и внутренние дверные проемы. Полы нередко делались мозаичными, стены расписывались фресками, перистильные дворики украшали мраморные статуи, а в нишах стен ставилась скульптура. Дома такого типа строили на Делосе, Родосе, Косе, в Приене, Пергаме. Этот тип перистильного дома, украшенного мозаиками и статуями, постепенно распространился во всех областях эллинистического мира. Из двух стоявших рядом дворцов пергамских царей ранний уступал позднему не только размерами. Вместо деревянных опор старого в новом использовались каменные; яркие напольные мозаики мастера Сосия также усиливали великолепие новых, более вместительных и роскошных апартаментов пергамского владыки ⁷⁷.

Монументальный памятник высокого эллинизма — стоя в Афинах — (150 г. до н. э.) воздвиг в дар великому городу и в память о годах своего учения там пергамский царь Аттал II ⁷⁸. Она открывалась к афинской агоре дорическим портиком нижнего этажа и ионическим верхнего. По центру стои шел ряд ионических колонн, а в глубине виднелись двери примыкавших к ней служебных помещений. Широта строительного размаха отвечала богатству пергамского царя и соответствовала великолепию древних Афин. От других колоннад агоры (а их там было несколько) стоя Аттала отличалась большими размерами (длина ее 142 м, ширина 19,5 м), красотой и чисто практическими достоинствами, обеспечивавшими посетителям отдых от палящего солнца, а торговцам размещение своих лавок в глубине портиков.

Памятником эпохи высокого эллинизма был зал заседаний совета (160 г. до н. э.) — милетский Булевтерион, сооруженный между северной и южной рыночными площадями города. Он имел просторный (25 × 25 м) квадратный двор, обнесенный дорической колоннадой с трех сторон, а с четвертой замкнутой фасадом самого здания ⁷⁹. Места для 1500 человек образовывали полукруглую подкову театрона, разделенного четырьмя лестничными проходами на верхние ряды.

Распространилось и строительство театров. В связи с изменениями, происходящими в сценическом искусстве, они нередко реконструировались. Широко раскинувшийся на пологом склоне огромного холма театр в Сиракузах (250 г. до н. э.) обращен в сторону городских кварталов и синеегого за ними моря ⁸⁰. До сих пор видны остатки фундаментов сцены. Полукруглая орхестра охвачена подковой зрительных мест, разделенных на 9 секторов поднимающимися вверх проходами-лестницами. Сохранились высеченные на камнях парапета надписи — посвящения центрального сектора Зевсу Олимпийскому, соседствующего с ним западного — царю Гиерону, а восточного — жене его, царице Филистиде.

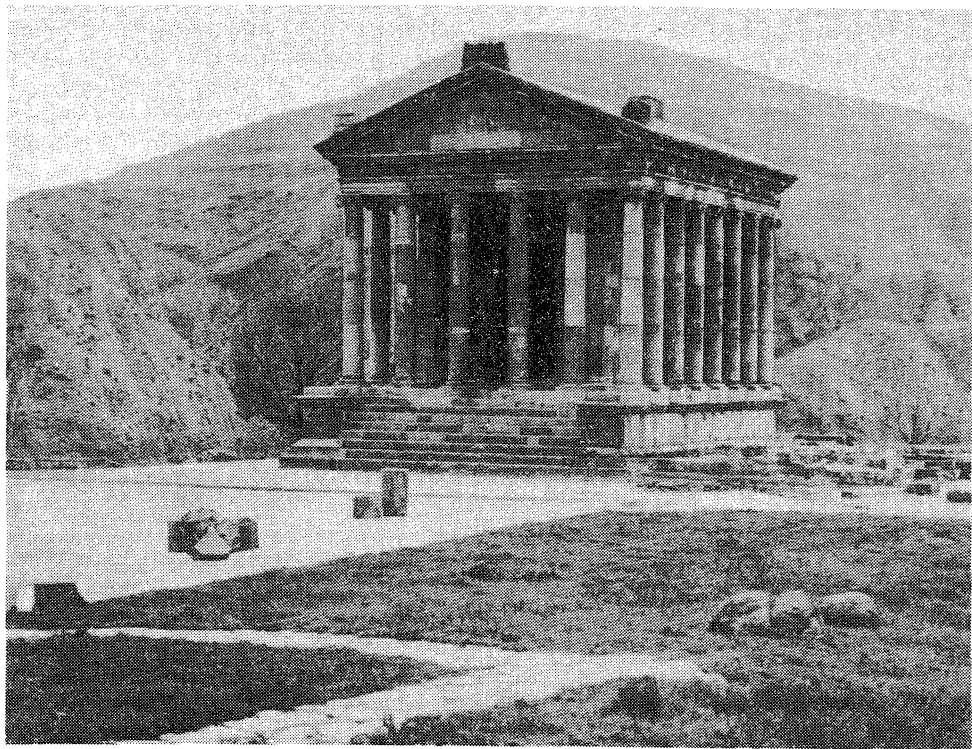
В конструкции искусно вписанного в пейзаж театра в Сегесте (195 г. до н. э.), как и в архитектуре более раннего храма Сегесты, много гар-

⁷⁷ ВИА. М., 1949. С. 289. Рис. 279; *Свобода К.* Перистильные дворы и виллы эллинизма. С. 113.

⁷⁸ ВИА. М., 1949. С. 329. Рис. 351, 352; ВИА. М., 1973. С. 317. Рис. 17, 18.

⁷⁹ ВИА. М., 1949. С. 297. Рис. 288—293.

⁸⁰ *Bernabo Brea L.* Studi sul teatro greco di Siracusa // *Palladio*. 1967. N 5, 17. P. 97—154.

Храм в Гарни (Армения) после реконструкции

моничной сдержанности⁸¹. Он ближе классическим образцам, хотя пропорции его выдержаны в эллинистическом духе. С рядов высеченного в скалистом грунте театрона (63 м в диаметре) открывается вид на лежащую глубоко внизу зеленую долину и синеющий морской залив Кастелламаре.

Ощущение пейзажа возрастало в сознании эллинистического художника, казалось, он только теперь увидел неповторимую прелесть природы и решил отразить ее в своих образах. Эллинистическая архитектура как культовых зданий, так и построек светского назначения, особенно театров, все больше оказывается связанной с окружающей местностью, появляются роскошные сады и парки. Пергамский царь Аттал I разбил парк при Академии в Афинах, так называемой Лакейдеон, в знак почтения и любви к великому городу⁸².

Мастера эллинизма в то же время начинали утрачивать свойственное классике чувство органического единства архитектуры и ее пластического декора. Чаше, чем сюжетные изображения, использовались предметно-орнаментальные: показывались военные доспехи, оружие, только напоминавшие о битвах и победах; подобные украшения можно видеть на баллюстраде

⁸¹ *Cochiara G. Sicilia. Milano, 1961. P. 131.*

⁸² *ВИА. М., 1949. С. 329.*

второго яруса в портике святилища Афины в Пергаме⁸³, где в невысоком рельефе высечены поножи и копья, груды щитов, панцирей, мечей и другие доспехи⁸⁴. Созерцание этих предметов, по-видимому, должно было вызывать в зрителе те же чувства, что в классике рельефы с батальными сценами. Яркий пример сюжетного архитектурного рельефа, в глубоко поэтической, одновременно конкретной и отвлеченной образной системе которого отразились эллинистические идеи, — рельефный фриз алтаря Зевса в Пергаме.

В этом памятнике (180 г. до н. э.) греческой пластики изображена борьба богов со змееногими чудовищами, порождениями матери Земли — гигантами. На длинном 120-метровом фризе скульпторы развернули картину яростной битвы: высота плит (2,30 м) усиливала впечатление грандиозности сражения, придавала ему космогонический характер. Это одно из последних проявлений глубокой многослойной метафоричности эллинских образов; смысл фриза можно понимать в житейском, историческом, поэтическом планах. Несомненно, что в выборе сюжета, в победе над чудовищами нашла выражение гордость пергамцев, отбивших нападение галлов⁸⁵.

В сюжете фриза использован тот же миф, что и в архаическом декоре дельфийской сокровищницы сифносцев⁸⁶. Но время определило различия в художественном воплощении образов. Энергия битвы богов и гигантов, сосредоточенная в пластических пределах небольшого, около полуметра высотой, фриза VI в., не вырывалась наружу. В пергамском рельефе не только большие размеры его, но и характер усиливали ощущение колоссальной энергии и эксцентричности всех динамических сил.

В архаическом рельефе битва показана жестокой, безмолвной, в ней не было места проявлениям человеческих чувств. Лица гибнущих гигантов закрывали шлемы; движения и действия их воспринимались как воплощение нечеловеческих природных сил. В пергамском фризе лица богов и особенно гигантов окрашены земными эмоциями — болью, отчаянием, мольбой, радостью. Пластика лиц и фигур настолько выразительна, что сцены гигантомахии кажутся трагической феерией, разыгранной вдохновенными актерами античного театра. Даже в низком размещении рельефов угадывается прежде всего расчет на зрителя — человека, его размеры и рост, а не на божество, для которого, казалось, украшались скульптурой храмы прошлого. Сравнительно небольшая (1,80 м) высота постамента под фризом способствовала хорошему восприятию рельефов алтаря Зевса при обходе сооружения⁸⁷.

Рельефы высекали мастера, работавшие в несходных манерах. Есть плиты, где фигуры показаны с необыкновенной силой экспрессии и повышенной эмоциональностью. В некоторых заметно тяготение скульптора к спокойной трактовке образов, в иных выступает увлечение художника изображением деталей. Но, несмотря на участие в исполнении фриза многих ваятелей, вся композиция пронизана одной идеей, одним чувством.

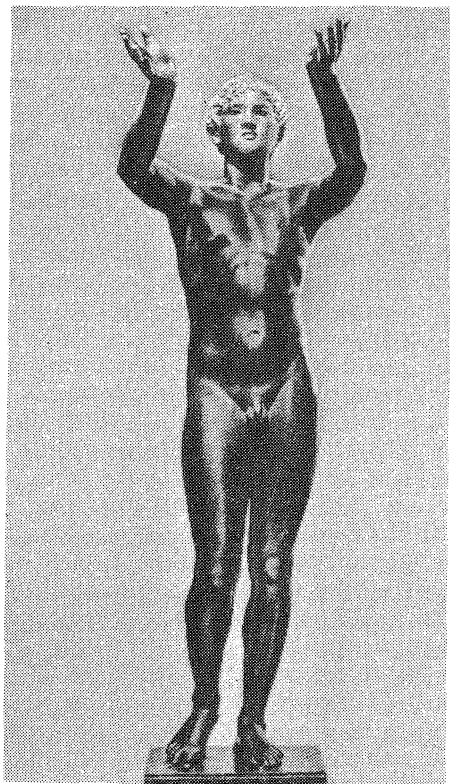
⁸³ Там же. Табл. 129 (4).

⁸⁴ Schmidt E. Der große Altar zu Pergam. Leipzig, 1961.

⁸⁵ Riepe R. Der Pergamonaltar. Leipzig, 1961.

⁸⁶ Соколов Г. И. Дельфы. М., 1972.

⁸⁷ См.: Белов Г. Д. Алтарь Зевса в Пергаме. Л., 1958.

Статуя юноши
с поднятыми руками.
Бронза. Берлин

На внутренней стороне стен второго яруса алтаря помещались возвышавшиеся над широкой (26 м) лестницей рельефы малого фриза, посвященные местному герою Пергама, сыну Геракла Телефу⁸⁸. В композиционном и смысловом отношении малый фриз отличается от большого. После бурных сцен большого фриза малый, действие которого происходит на фоне пейзажа, с деревьями, холмами, скалами, кажется спокойным. Непосредственная близость к основной святыне, жертвеннику, определяла умиротворенность содержания и композиции малого фриза. И все же и в нем есть глубинное, скрытое напряжение: изображен Геракл, встретивший после долгих лет разлуки своего сына Телефа. Исцеление Телефа ржавчиной от копья Ахилла, которым он был ранен, нахождение сына Гераклом, спасение матери Телефа Авги и счастливая их встреча — все в сюжетах малого фриза исключительно, необычайно; но чудесное и случайное для простого смертного на самом деле predeterminedo заранее — в этом скрытый смысл композиции. Для эллинистического мирозерцания характерно тяготение к чудесному: эпизоды неожиданного узнавания,

радостных встреч часто лежали в основе романов того времени. Богиню судьбы Тюхе, которой усердно поклонялись в годы раннего эллинизма, не забыли и в эпоху его расцвета.

Скульптура высокого эллинизма по сравнению с предшествовавшей динамичнее: пластика многих изваяний исполнена бурного движения, а персонажи — дерзновенных порывов духа, соответствовавших изображаемым событиям. Образы внутренние горделивы, величавы. Наибольшее развитие эти тенденции пластики нашли в культовой скульптуре. Возрастает степень динамичности всех деталей образов — позы фигур, движения рук, положение ног, складок одежд и прядей волос в статуях того периода, как и эксцентризм пластических форм.

Одно из самых выдающихся произведений родосской школы эпохи высокого эллинизма — статуя Ники Самофракийской из паросского мрамора, воздвигнутая по случаю победы греческого флота над египетским⁸⁹. Огромная фигура

⁸⁸ Heres V., Littrow H. Untersuchungen zur Reliefigestaltung des Telephosfrieses // Forsch. und Ber. der Staatlichen Museen zu Berlin. 1970. Bd. 12. S. 103—121.

⁸⁹ Jacquet-Champoiseau G. et A. La Victoire de Samothrace. P., 1969.

Ники (2,75 м), поставленная на постамент из родосского мрамора, уподобленный греческому военному судну, показана будто спустившейся с неба и широко шагнувшей по палубе корабля⁹⁰. Применением фигурного постамента мастер конкретизировал сюжетное действие, намекая на событие, связанное с памятником: морскую победу одной эллинистической державы над другой.

Скульптор изваял статую могучей богини с такими проступающими сквозь одежды, несмотря на плотность ткани, напряженными формами, какие впоследствии удавались художественно только Микеланджело. Создав фигуру сильной энергичной женщины, мастер преодолел традиционную трактовку образа отвлеченного, неземного возвышенности Победы, как в Нике Пэония⁹¹.

Движение Ники составлено из нескольких элементов: она не только спускается на крыльях, касаясь палубы ногой, фигура ее бурно устремляется вперед, в страстном ликовании победы⁹². В эллинистических изваяниях, подобных Нике, находил выражение выход поэтической идеи из замкнутого художественного объема, решительно ломались старые эстетические представления, фантазия творца стремилась к реальности, преодолевая некий невидимый, но ощутимый чувствами барьер.

Мастер в то же время компенсировал чрезмерную конкретность введением нарочито нереальных элементов: прекрасная женская фигура наделена крыльями. Этой условностью образ как бы защищался от полного слияния с земными прототипами. В поэтической метафоре произведения чувствуется и сопротивление все чаще заявлявшим о себе холодным аллегориям, и их неумолимое продвижение вперед.

К произведениям монументального, ансамблевого звучания относятся и статуи пергамской школы, изваянные после победы города над галлами. Изображая гибнувших галльских воинов мужественными противниками, скульпторы преодолевали чувство пренебрежения к побежденным варварам, в то же время подчеркивая превосходящую силу эллинского духа. В одном из таких памятников — умирающем галле — ваятель Эпигон показал поверженного на землю и теряющего последние силы воина⁹³. Галл, опираясь на слабеющую руку, умирает на щите, рядом с оружием. Это, очевидно, вождь, судя по шейному украшению — гривне, которую носили знатные представители варварских народов.

Пергамский акрополь после победы Атталидов украшала и статуя окруженного врагами галльского вождя, убившего жену и закалывающегося мечом⁹⁴. Скульптор создал ощущение реальной, соответствующей сюжету обстановки, вызывая в воображении зрителя противников воина, на глазах у которых он героически погибает. Сильнее, чем в других изваяниях, здесь выступили характерные для пластики эллинизма патетика и трагедийность события. Громадная, еще не рухнувшая на землю фигура галла возвышается

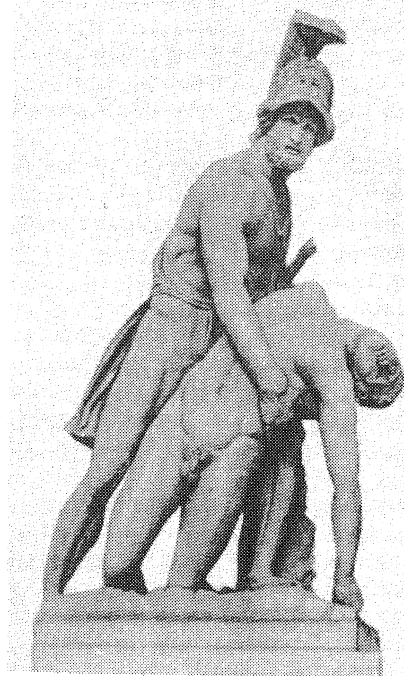
⁹⁰ Рейнак С. «Победа» с Самофракии // Куньи Г. Античное искусство. М., 1898. С. 161—169; Миронов А. М. Изображение богини Победы в греческой пластике // Уч. зап. Казан. ун-та. 1911. Кн. I—IV. С. 1—253.

⁹¹ Соколов Г. И. Олимпия. М., 1980. С. 149—151.

⁹² Об эллинистических памятниках см. в кн.: Колпинский Ю. Д. Искусство Древней Греции. М., 1961. С. 64—74; Соколов Г. И. Искусство Древней Греции. М., 1980.

⁹³ Блаватский В. Д. Греческая скульптура. М.; Л., 1939. Рис. 156.

⁹⁴ Там же. Рис. 157.

*Антигон из Кариста (?).
Менелай с Телом Патрокла.
Флоренция*

но гармоничным. В отличие от этого мощная мускулатура галла показана непропорциональной: в художественной форме, пластикой выражена варварская сущность образа. Это внутренне и внешне дисгармоничное и грубое тело погибает под напором не изображенных, но ощутимых в пространстве вокруг галла с женой мощных победителей — эллинов. Гармония и здесь, даже будучи невидимой, господствовала над зримым хаосом.

Сопоставление противоположных по характеру движений и по чувствам образов привлекло и ваятеля скульптурной группы Менелая с телом Патрокла, где выбрана та же тема, но представленная в иной ситуации, прославлявшей воинскую доблесть, необходимость спасения и погребения убитого друга ⁹⁵.

Обращаясь к сюжетам, не только волнующим зрителя, но и вызывающим в нем эмоции, близкие к аффекту, скульпторы высокого эллинизма стремились поразить, ударить по нервам человека, вызвать художественный шок. Не постепенное глубокое и проникновенное раскрытие трагической сущности образа, как в классике, а неожиданный и ошеломляющий, рассчитанный на мгновенность восприятия взрыв выраженных пластикой эмоций — основа воздействия эллинистического искусства.

величественным памятником храбрости и отчаянию, яростному порыву чувства.

Композиция монумента усложнена изображением жены, тело которой медленно ниспадает к ногам галла. В сопоставлении различных мотивов — мощи и бессилия, жизни и смерти — смысл памятника. Контраст разнонаправленных движений, выраженный общими контурами фигур, повторяется с меньшей определенностью и в деталях: рука воина с мечом взметнулась вверх, у жены она скорбно поникла вниз.

Особенно отчетлив здесь временной характер действия: галл оборачивается назад и, будто видя надвигающихся врагов, спешит покончить с собой.

Скульпторы научились с большим мастерством, пластически, трактовкой тела воплощать сущность персонажей. Телосложение эллинских юношей, воспитывавшихся на стадионах и в гимназиях под присмотром умелых и знавших свое дело учителей, было сильным,

⁹⁵ Alscher L. Op. cit. Taf. 16 a, b, c, d.

Скульптор, обратившийся к мифу об Афине и Марсии, не случайно выбрал из сюжетной канвы легенды момент, когда ослушавшийся и поднявший флейты Афины Марсий уже после состязания с Аполлоном, готовый к казни, висел на дереве, а у ног его точил нож раб⁹⁶. В созданной Мироном в V в. группе Афины и Марсия тема мифа представлена зрителю в классической кульминации, еще далекой от изображения наказания самонадеянного силена. Каждый грек, видевший это произведение, прекрасно сознавал, чем кончится для того ослушание божества, но классический скульптор лишь намекал на жестокость расплаты. Сила воздействия классического памятника в этом отношении несоизмерима с эллинистическим, более резким, эффективным, острым в обрисовке ситуации, но поверхностным по метафоричности образов. Классическое изваяние спокойнее, но глубина его беспредельна.

Аполлон здесь не изображен, как и те гармонические силы, которые побеждали могучего галла. Казнь силена вершит грубый, низменный обличьем палач — раб. В лице его нет ни жестокости, ни сожаления. Обращение в искусстве к теме страдания предвосхищало пафос средневековых художественных памятников. Эллинизм намечал разработку проблем будущего европейского искусства, многих ранее скрытых сюжетных, пластических и в немалой степени этико-моральных концепций.

В изваяниях эллинизма звучала не только возвышенная тема воинской доблести и долга, но воспевалась и дружба веселых сотрапезников в группе шествующих Диониса и сатира (Флоренция, галерея Уффици). Бог вина, положив руку на плечо низенькому спутнику, смотрит на него сверху вниз, с улыбкой старшего друга и встречает взгляд немого обожания⁹⁷. Походка опьяненного, но всемогущего Диониса с рассыпавшимися по плечам кудрями, увенчанного венком из виноградных листьев, нетверда.

Близка этому памятнику и группа (Неаполь, Национальный музей), изображающая молодого сатира с маленьким Дионисом на плечах⁹⁸, резко повернувшего голову, чтобы увидеть оседлавшего его божка. В таких статуях мастера продолжали разработку бытовой, почти жанровой темы, используя для этого образы Диониса, сатиров, нимф. В более ранних статуях, например в позднеархаическом Мосхофоре, где разрабатывался, хотя и иной сюжетно, но близкий пластический мотив, все массы концентрировались в единый объем; здесь все раздроблено и подвижно, каждый элемент группы стремится к самостоятельности и собственной динамике форм.

Идеи декоративной садово-парковой скульптуры находили наиболее полное воплощение именно в таких статуях, надо думать, в огромном количестве создававшихся по заказу богатых владельцев обширных парков. Особенно много их изготавливалось в александрийских мастерских, однако им не уступали и ваятели малоазиатских центров, в частности пергамские.

Все в античном мире в эпоху эллинизма видоизменялось, приобретало формы и сущности, прямо противоположные классическим, как бы подготавливаясь к резкому, коренному перелому мировоззрения в последующий период перехода от язычества к христианству. Мастер Боэф изобразил тогда же мальчика, борющегося с гусем; обхватив ручонками птицу за длинную и

⁹⁶ Блаватский В. Д. Греческая скульптура. Рис. 167.

⁹⁷ Müller W. Op. cit. S. 352.

⁹⁸ Ibid. S. 353.

гибкую шею, ребенок с улыбкой тянет ее на себя, стараясь повалить⁹⁹. Его широко расставленные ножки и вцепившиеся в землю лапы сильной птицы создают прочную площадку для общей пирамидальной композиции, как в статуе Лисиппа — Геракл, борющийся со львом. Однако мастер, возможно, пародирующий здесь изваяние Лисиппа, обращает внимание зрителя прежде всего на толстенький животик мальчика, его крупную головку, пухлые ножки и придает группе гротескно-комический смысл. Ранее возвышенная тема мужественной борьбы приобрела теперь характер шутки, забавной сценки. Ноты гротеска заметны и в распространенных тогда статуэтках, изображающих пана, вытаскивающего занозу из ноги сатира (Петербург, Эрмитаж).

Особенно привлекали внимание художников эллинизма новые возможности изображения человеческого тела. В мюнхенской статуе спящего, так называемого Барберийского фавна, изображено охваченное глубоким сном лесное человекоподобное существо¹⁰⁰. Тело, которое в классике было эталоном гармонии и красоты, здесь представлено грубым и дисгармоничным. Мастер представил фавна не бодрствующим, но спящим, иначе даже эллинистическому скульптору не удалось бы создать достаточно художественный образ¹⁰¹. От статуи спящего фавна трудно оторвать взгляд, хотя вид его малопривлекателен; внимание удерживает мастерство исполнения. Внешняя красота образа в эллинизме теперь отделяется от его этической сущности. Эти новые эстетические соотношения будут восприняты и развиты римлянами и другими европейскими народами последующих веков: основой прекрасного художественного произведения сможет служить отныне безобразная натура. Ваятели, обратившиеся к теме дисгармоничного, воплотили ее и в других вульгаризированных по формам произведениях, в частности в статуе Пьяной старухи (из Мюнхенской глиптотеки)¹⁰². Скульпторов высокого эллинизма заметно интересовало выражение в пластике таких состояний, как уход из сознательной деятельности в сон, опьянение, а вместе с тем потеря управления телом и разумом, погружение в бесконтрольные сферы или подчинение природным инстинктам.

Резкое обострение в эпоху высокого эллинизма интереса к детализации, ко всему необычному, отклоняющемуся от правила, проявлялось повсюду. Нормативность классики вызывала в то время если не откровенное осуждение, то равнодушие или пренебрежение.

Не выношу я поэмы киклической, скучно дорогой
Той мне идти, где снуют в разные стороны люди;
Ласк, расточаемых всем, избегаю я, брезгую воду
Пить из колодца: претит общедоступное мне¹⁰³

— писал эллинистический поэт.

Внимание обращалось на все из ряда вон выходящее, необычное, порой болезненное. В распространившихся тогда изваяниях Гермафродита его показывали спящим, используя своего рода художественную метафору,

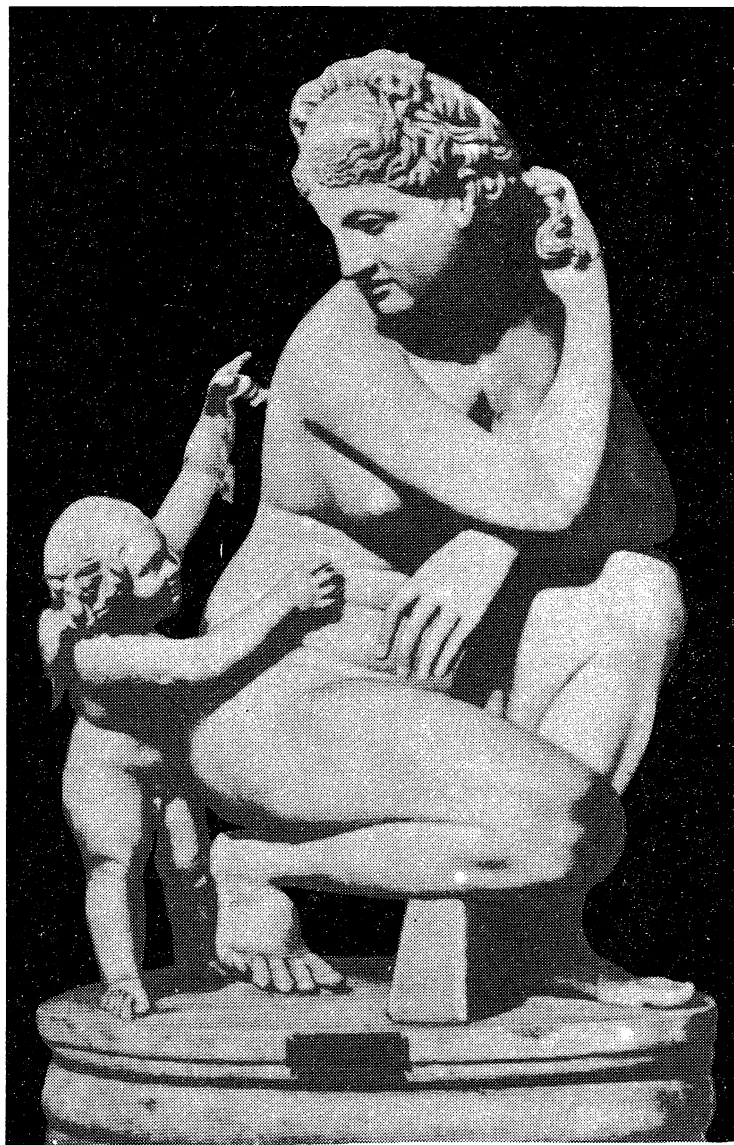
⁹⁹ Rumpf A. Boethoi // Österreichische Jahreshefte. 1952. T. XXXIX.

¹⁰⁰ Alscher L. Op. cit. Taf. 14 a-d.

¹⁰¹ Через две тысячи лет в рубенсовской «Вакханалии» (Москва, ГМИИ), да и то в живописи, а не скульптуре природа во время своих буйных жизненных действий получит воплощение в человеческом облике.

¹⁰² Alscher L. Op. cit. Taf. 44 a-d.

¹⁰³ Каллимах / Пер. Л. Блуменау // Греческая эпиграмма. С. 100.

Афродита на корточках. III в. до н. э. Мрамор

намекающую на то, что именно во сне, когда скован разум, в сознании возникают отклонения от порядка — образы дисгармоничной природы.

В годы высокого эллинизма ваятелей часто привлекали развлекательные сюжеты: мастерам заказывали мраморные группы Афродиты, Эроса

и Пана¹⁰⁴, ласкающихся Амура и Психеи¹⁰⁵, Сатира, приглашающего к танцу Нимфу¹⁰⁶. Из мрамора высекались призванные радовать богатых владельцев статуи Афродиты, их располагали в садах и парках, около зелени, близ фонтанов, по обочинам дорожек. В сущности этих образов, весьма отличных от распространенных тогда как возвышенно-патетических, так и дисгармоничных, находила выражение третья — гедонистическая линия развития эллинистической пластики.

Скульпторы мастерски изображали пышные прически Афродит, имея богатую натуру в лице нарядных модниц эллинистических городов. Ваятели с большим совершенством моделировали мрамор, передавая прекрасные формы богини, нежность ее кожи, волнистость пушистых волос, стекающих свободными прядями, гибкость длинных красивых пальцев, чуткость покатых плеч. С особенной эмоциональностью мастер пергамской Афродиты показал чувственный рот богини, влажный взгляд в страстной истоме обращенных вверх глаз, гибкие, трепещущие будто не от порыва ветра, а от всколыхнувших богиню эмоций волосы. Порой кажется, что художник имел в виду уже не богиню, а человека со всеми его земными переживаниями. Может быть, поэтому статую Киприды нередко сопровождал Эрот на дельфине, чтобы зрителю становилось понятно, что он созерцает не прекрасную, гармонично сложенную гречанку, а богиню красоты и любви.

Портрет в годы высокого эллинизма особенное развитие получил на территории Балканского полуострова, в городах Птолемеевского Египта и несколько меньше в малоазийских центрах, в том числе в Пергаме, где предпочтением пользовались монументальная пластика и рельеф. Можно проследить эволюцию скульптурного портрета от сдержанно-сосредоточенных образов к патетико-возвышенным. В изваяниях неизвестного лица из Дельф¹⁰⁷ и Антиоха III Сирийского¹⁰⁸ наблюдается еще свойственная раннему эллинизму пластическая компактность форм. Меньшая степень концентрации объемов в портретах Пирра¹⁰⁹ и Александра из Олимпии¹¹⁰, а в изваяниях псевдо-Сенеки¹¹¹ и Александра из Стамбула¹¹² формы уже подчиняются новому принципу эксцентризма.

Это новое воздействие на материал и смысл образа проявляется в портретах Александра Македонского, созданных уже после смерти полководца. Александр в стамбульском портрете показан с широко раскрытыми, устремленными вдаль глазами, взволнованно разметавшимися гибкими прядями волос, подвижными, будто в тяжелом дыхании губами. Чувствуется напряженная пульсация жизни, многообразие оттенков настроений. Уже в композиции портрета выражена глубокая сложность характера человека. Бравурность пластических масс этого яркого, принадлежащего талантливому ваятелю портрета, окрашена некоторой ущербностью. Скульптор, обыграв

¹⁰⁴ Charbonneaux J., Martin R., Villard F. Hellenistic Art. N. Y., 1973. Tab. 387.

¹⁰⁵ Ibid. Taf. 347.

¹⁰⁶ Ibid. Taf. 352.

¹⁰⁷ Михайловский. Дельфы. 1977. Рис. 84.

¹⁰⁸ Вальдгауер О. Ф. Этюды. Ч. II. Рис. 68—69.

¹⁰⁹ Там же. Рис. 67; Alscher L. Op. cit. Taf. 71.

¹¹⁰ Alscher L. Op. cit. Tab. 72.

¹¹¹ Ibid. Taf. 73.

¹¹² Ibid. Taf. 74.

такую частную деталь, как наклон головы имевшего природный дефект Александра, придал пластическому образу почти трагическую окраску, усиленную глубокими морщинами на лбу, очертаниями приоткрытого рта, тревожным взглядом. Этот пластический образ далеко выходит за пределы просто портретного изваяния. В нем ощущается дыхание эпохи — забвение некогда цельных и совершенных классических принципов.

Нумизматические портреты диадохов и эпигонов, как и ранее, то облагораживали натуру, то предельно точно воспроизводили индивидуальный облик. На македонских монетах идеализация черт встречается чаще, чем в чеканах государств, удаленных от Греции, она заметна в образах Антигона Гоната, Филиппа¹¹³. Лишь на тетрадрахмах Персея запечатлено его неповторимое своеобразие¹¹⁴. Особенно же выразительны лица на монетах Египта и Бактрии. Правда, в образе Береники египетского чекана еще можно заметить стремление к идеализации¹¹⁵, но на бактрийских монетах характерные черты правителей, особенно резкий профиль Евкратиды на серебряной тетрадрахме¹¹⁶, отлиты с такой точностью и откровенностью, какая не встречалась до того в портретном искусстве.

Заметно усложнялись по мере развития короластики и сюжетные композиции в терракотах Танагры. В годы зрелого эллинизма исполнялись требовавшие большого мастерства статуэтки сидящих и склонявшихся друг к другу девушек — кокетливо-задорных и строго-осмотрительных, как бы обменивающихся сердечными тайнами¹¹⁷. В танагрских терракотах этого периода чаще использовалась позолота, ярче становились краски. Однако изящество статуэток все меньше отвечало вкусам и настроениям заказчиков. Предпочтение любители терракот оказывали патетическим или нарочито красивым внешне образам. Получала успех продукция короластов малоазийских центров — Мирины¹¹⁸, Смирны, а также Александрии и городов Великой Греции.

Заметно особенное развитие терракот гротескного типа¹¹⁹. Чаще, чем раньше, создавались фигурки уродливых курносых силенов с деформированными телами и лицами, с вывернутыми губами, морщинистыми лбами и длинными ушами. Мастера любили изображать их смеющимися, с открытым ртом, обнажающим крупные крепкие зубы.

Немало нового привнес высокий эллинизм и в искусство инталий, резчики которых получали все больше драгоценных и полудрагоценных камней из восточных областей Средиземноморья. Форма инталий менялась, вертикальные овалы становились более заостренными к краям, а не плавно закругленными, как ранее; пропорции фигур на резных камнях заметно удлинялись. От поворотов в три четверти мастера чаще обращались теперь к фронтальности. Так представлена в доспехах, шлеме, с копьем в руке Афина на гиацинтовой гемме Государственного Эрмитажа¹²⁰. Ее изящная

¹¹³ Казаманова Л. Введение в античную нумизматику. Табл. XV. Рис. 3, 6, 8.

¹¹⁴ Там же. Рис. 9.

¹¹⁵ Там же. Табл. XVI. Рис. 2, 4-а.

¹¹⁶ Там же. Рис. 7.

¹¹⁷ Beccatti G. L'arte dell'età classica. Firenze, 1971. P. 309.

¹¹⁸ Burr D. Terracotas from Mirina. Boston, 1934.

¹¹⁹ Бритома Н. Н. Указ. соч. Рис. 116, 122, 124.

¹²⁰ Невгеров О. Античные инталии... Рис. 67.

поза и кокетливо выдвинутое бедро, правда, больше бы подходили Афродите, которую в эллинизме показывали чаще, чем богиню-воительницу. Резчик зрелого эллинизма развернул фигуру на зрителя и в изображении Фортуны с рогом изобилия, поставившей левую ногу на скалистое возвышение¹²¹ и позой похожую на мраморную статуетку Афродиты с Таманского полуострова¹²².

Чаще появлялись на геммах и редкие в раннем эллинизме портреты. На инталиях из сардоникса, сердолика, гиацинта, граната и аметиста вырезаны лица Птолемеев, Береники II, Арсинои III и других царей и цариц. Мастера стремились теперь максимально заполнить поверхность инталии, черты показывали крупными, как бы обыгрывая в подражание скульптуре, эффект объемных пластических масс. И действительно, не исключено, что многие эти портреты повторяли несохранившиеся мраморные. Индивидуальным чертам Птолемея III Эвергета, воспроизведенного на инталии в профиль¹²³, свойственна высокомерность. На другой гемме он изображен с патетически приподнятым лицом и разметававшимися кудрями¹²⁴.

Внешняя поверхность инталии все чаще делалась не плоской, но выпуклой, и при оттиске отпечаток смотрелся как бы в глубокой нише, что отвечало развитой тогда пространственности в скульптуре. В то время любили крупные золотые и бронзовые печати — перстни, как цельнометаллические с портретами, вырезанными на щитках, так и составные, с вставленными в гнезда нежно-фиолетовыми аметистами, цвета морской воды голубовато-зеленоватыми аквамаринами, изумрудной плазмой. Нередко на вертикально-овальных или восьмиугольных с плоской поверхностью инталиях изображалась нимфа Галена.

В портретах на камнях в эпоху высокого эллинизма нашли отражение и четкие индивидуализированные образы, и классицистически идеализированные. В портрете Птолемея III резчик не скрывал массивности нижней части его лица, которая в инталиях не выступала заметно, что, казалось, оправдывалось патетичностью запрокинувшего назад голову правителя¹²⁵. Портрет на камне более спокоен и объективен; фиксируя облик Птолемея, резчик не поэтизировал его. Сильнее, чем на инталиях, выступали индивидуальные черты и в женских портретах. В лице Береники II — Исиды с завитыми локонами, спускающимися на плечи, нет и следа поэтичности ее облика на инталиях; в нем выражена скорее непреклонная решительность, даже жестокость¹²⁶. Резчик и здесь, пытаясь сопоставить плоскостность и объемность, не забывал одновременно и древнеегипетские каноны, показывая лицо строго в профиль.

В годы высокого эллинизма продолжают интенсивную работу ювелирные мастерские многих средиземноморских городов. Особенно много памятников торевики, преимущественно серебряных сосудов, предметов конской сбруи,

¹²¹ Там же. Рис. 68.

¹²² Сокольский Н. И. Святилище Афродиты в Кепях // СА. 1964. № 4. С. 101; Соколов Г. И. Античное Причерноморье. Л., 1978. Рис. 95—96.

¹²³ Неверов О. Античные инталии... Рис. 55.

¹²⁴ Там же. Рис. 56.

¹²⁵ Неверов О. Античные камеи. Рис. 2.

¹²⁶ Там же. Рис. 6.

Ваза из Ольвии с изображением суда Париса. I в. н. э.

мужских и женских украшений, поступает из малоазийских центров в города Фракии и Северного Причерноморья. Рельефные изображения Гелиоса в колеснице, голова Медузы-горгоны, Афины, борющейся с Алкиноом, и другие сюжеты покрывают поверхности изделий торевтики этого времени.

Художники высокого эллинизма обращались и к сатирическим темам, выставляя в карикатурном виде конкурента или недругов своих заказчиков. Так, борьба между сторонниками новых методов в искусстве и традиционалистами, происходившая среди поэтов и скульпторов, находила выражение и в живописи.

Процветала тогда живописная школа Пергама. Мастера Калас, Гаудот и другие, от которых сохранились имена, а не картины, исполняли, как сообщают эпиграфические источники из Дельф, копии с работ Полигнота

Ваза из Ольвии с изображением суда Париса. I в. н. э. Обратная сторона.

для пергамских царей. Скульпторы и художники пергамской школы предпочитали возвышенно-драматические эпизоды из мифологических сказаний. По всей вероятности, некоторые помпеянские и геркуланумские росписи являются копиями с картин пергамских мастеров высокого эллинизма.

Стремление к оригинальным композициям, необычным образам и сюжетам проявлялось и в мозаиках высокого эллинизма, сохранившихся лучше, нежели живопись. Художники обычно искусно подбирали многоцветные мраморные кусочки, порой такие мелкие, что пропадало ощущение граней камешков, и мозаики казались живописными произведениями. Диоскурид с Самоса в своих композициях тяготел к жанровым мотивам: в сохранившейся помпеянской мозаике, где изображены «Уличные музыканты», потряхивающий бубном, приплясывающий и улыбающийся юноша будто приглашает к танцу, пожилой музыкант, постукивающий кроталами,

также явно ждет реакции на зазывные ритмы, за его спиной выводит мелодию молодая флейтистка ¹²⁷.

Мозаики в годы эллинизма создавались также в различных городах Северного Причерноморья. В херсонесской мозаике II в., выложенной из цветной гальки на полу бани, изображена Афродита в золотом плаще и золотистый голубь, летящий от нее к обнаженной женщине, стоящей у большого сосуда — лутерия ¹²⁸. Подобно Сосию, мозаичист далекой окраины античного мира показал и голубя, сидящего на его краю.

Живописцы высокого эллинизма часто выполняли заказы городских властей и владельцев домов, расписывая стены общественных зданий и жилых помещений. Сохранились остатки декоративных фресок, имитировавших цветом облицовку разноцветного мрамора в домах малоазийской Приены, на острове Делосе, в причерноморском Пантикапее. Цветная штукатурка, украшавшая стены, нередко покрывалась процарапанными рисунками различного содержания. В одном из помещений боспорского города Нимфея в 1982 г. найдено изображение огромного плывущего по морю корабля. Многие мастера того же периода покрывали красочными композициями известняковые или мраморные надгробные плиты ¹²⁹. Такого типа стелы сохранились в Фессалии, Пагасе, в городах Северного Причерноморья. Живописные надгробия III в. были найдены в кладке херсонесской оборонительной башни Зенона.

В керамике при общей тенденции к монументализму форм нарастало тяготение к рельефным украшениям сосудов, усиливалась и монохромность изделий. Многокрасочные, характерные для ваз Чентурипе росписи в этот период встречались реже. Чернолаковые покрытия утрачивали прочность, качество и красоту — черный лак терял густоту, обретал серебристый металлический блеск; часто использовался коричневый лак ¹³⁰.

Расписная керамика не исчезала, но оказывалась под сильным влиянием ретроспективных течений, проявлявших себя в ту эпоху во всех областях художественной деятельности. Получили распространение сосуды типа Гадра — гидрии с чернофигурными композициями на стенках, впервые найденные в некрополе восточной Александрии ¹³¹. Нередко такие кувшины использовались для хранения пепла после кремации и служили погребальными урнами. Сосуды, названные по месту находки в одном из городов Кампании каленскими, — чернолаковые килики, фиалы, аски, блюда — украшались круглыми медальонами со сложными или, напротив, простыми рельефными композициями. Для высокого эллинизма характерно изготовление керамической продукции в больших количествах, вызванное включением в границы эллинистических государств огромного круга потребителей из восточных областей Средиземноморья. Расширение рынков сбыта, увеличение числа заказчиков требовало от керамических мастерских изго-

¹²⁷ Чубова А. П., Иванова А. П. Античная живопись. Рис. 55.

¹²⁸ Белов Г. Д. Эллинистическая мозаика // МИА. 1953. № 34. С. 279; Соколов Г. И. Античное Причерноморье. М., 1972. С. 33. Рис. 141.

¹²⁹ Ростовцев М. И. Расписная керамика из Александрии из собрания В. С. Голенищева // Памятники Гос. Музея изящных искусств. 1912. Вып. 1/2. С. 69—72.

¹³⁰ Штерн Э. Р. К вопросу об эллинистической керамике // Зап. Одесского об-ва ист. древностей. 1910. Т. XXVIII. С. 158—198.

¹³¹ Cook R. M. Greek Painted Pottery. L., 1960.

товления новых по формам сосудов, часто более дешевых, обеспечивавших быстроту производства.

Итак, в эпоху высокого эллинизма заметно развились все особенности послеклассического греческого искусства. В эти же годы начался и жестокий кризис, вызванный экспансией римлян, безжалостно разрушавших города, святилища, уничтожавших эллинскую культуру. Эта экспансия совпала с сильным воздействием на греческие города восточных элементов, оживлялись восточного происхождения религиозные воззрения, расцветали мистериальные культы, возрастал интерес к поступающим с Востока магическим теориям. Эллины выдерживали этот двусторонний упорный натиск — и военный и идеологический: не случайно именно греческий язык оставался основой для общения людей на огромнейшей территории эллинистической ойкумены.

В эти годы суровых испытаний, из которых греческие города будут стремиться выйти в эпоху позднего эллинизма, пытаясь отразить военное и идеологическое давление на них с востока и запада, изобразительное искусство выявило типичные для эпохи сложные, порой трагические жизненные ситуации, ярко воплотило драматические темы, напряженные сюжетные коллизии.

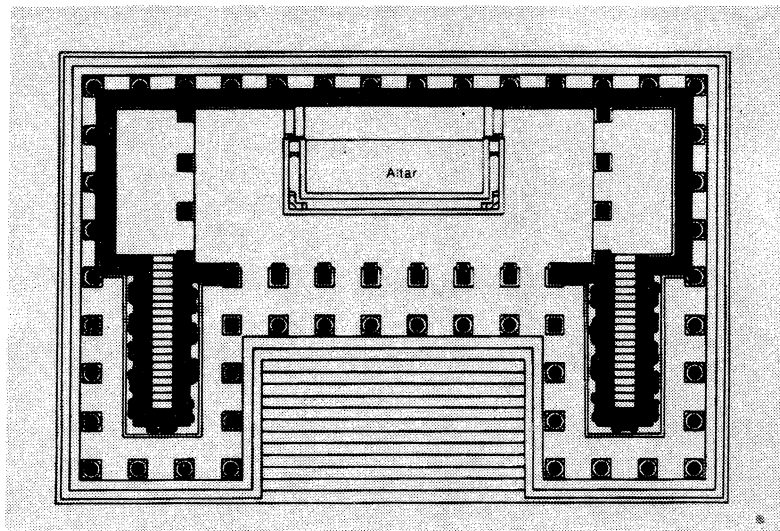
3. Искусство позднего эллинизма

Культовое и гражданское строительство в годы позднего эллинизма замерло; римляне не поощряли храмового зодчества в покоренных землях, мало средств у греков того времени было и на создание светских сооружений; хотя не вызывавшие, подобно культовым, патриотических чувств эллинов, они не запрещались завоевателями. Национальное же достоинство побежденных было уязвлено: в руинах лежали многие святилища; покорители мирились с существованием только особо прославленных, остальные подвергались разграблению и уничтожению. Лишь когда положение завоеванных областей, превращенных в провинции, более или менее стабилизировалось, некоторые греческие святилища начали оживать.

Первым веком до н. э. датируются два небольших храма у мыса Тенар в Пелопоннесе¹³². В облике этих храмов нашли выражение наметившиеся тенденции архитектуры позднего эллинизма. Одна, связанная с предельным упрощением форм и пропорций, их засушиванием и практически духовным омертвлением, проявилась в антовом храме; другая, определявшаяся изысканностью форм, повышенной декоративностью, тяготением к манерности и изощренности, дала о себе знать в пропорциях и планах периптера. Вторая тенденция проявила себя и в архитектурных деталях декора Малых пропилей Элевсинского святилища Деметры, построенных в 50 г. до н. э.

Особенно тяжелым для греческих городов было столетие со времени завоевания Коринфа римлянами в 146 г. до середины I в. до н. э., когда несколько оживилось строительство, хотя, естественно, уже не в прежних масштабах. Велись реставрационные работы в афинском театре Диониса: известно, в частности, о постановке для почетных зрителей передних кресел,

¹³² ВИА. 1949. Табл. 153 (3), 153 (1, 2).

План и реконструкция алтаря Артемиды в Магнезии-на-Меандре

где, возможно, сидели управлявшие греческой провинцией римские чиновники.

Практическая по назначению, восьмигранная в плане Башня Ветров была установлена в середине I в. до н. э. на территории афинской агоры¹³³. В центре башни помещались водяные часы — клепсидра, показывавшие время в непогоду и ночью, а снаружи — солнечные. Грани постройки соотносились с преобладавшими в городе ветрами. Флюгер в виде тритона указывал направление ветров, символические изображения которых были высечены на верхних частях восьми граней башни¹³⁴, образуя скульптурный фриз — одно из немногих пластических произведений позднего эллинизма.

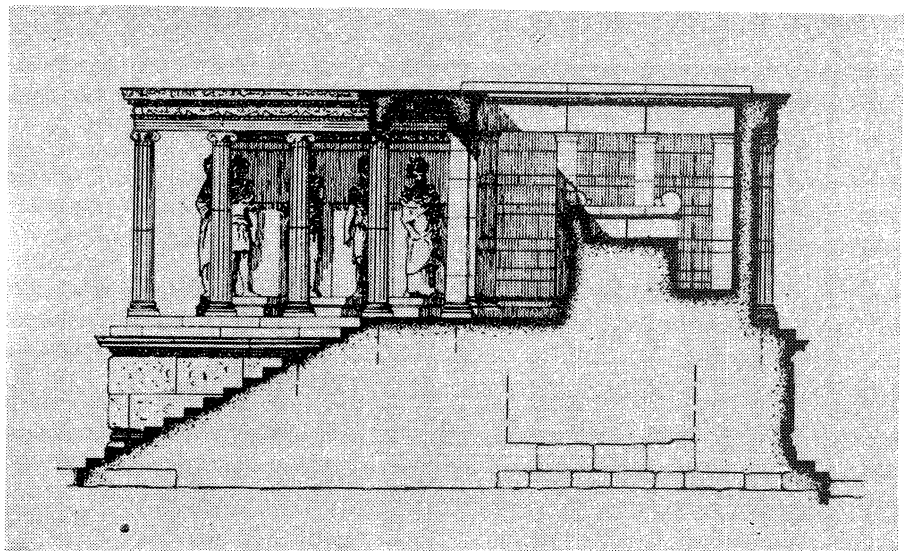
Сдержанными по декору стали и гробницы, не претендовавшие на внешний эффект. В западной части Средиземноморья, на окраине сицилийского города Агригента, в I в. до н. э. была сооружена усыпальница Ферона. Высокий ее подий, сложенный из больших каменных квадратов, несет погребальную камеру, углы которой отмечены ионическими, слегка склоненными внутрь полуколоннами, а стены — ложными дверьми с четырех сторон. Спокойный, сдержанный по своей выразительности облик гробницы Ферона отвечает духу позднеэллинистической архитектуры, утратившей мажорную звучность форм, пронизывающую как гражданские, так и культовые постройки высокого эллинизма.

Редкие архитектурные памятники позднего периода украшались рельефами. Кроме указанной выше и особенно примечательной в этом отношении Башни Ветров в Афинах¹³⁵, богатой орнаментикой отличались

¹³³ Соболев П. Н. Башня ветров // Академия Архитектуры. 1935. № 5. С. 37—41; Оленев М. Ф., Шеведнев Ю. Н. Башня ветров // Там же. С. 41—44.

¹³⁴ ВИА. М., 1949. Табл. 151—152.

¹³⁵ ВИА. М., 1973. С. 319.

План и реконструкция алтаря Артемиды в Магнесии-на-Меандре. Вид сбоку

капители элевсинских Пропилей ¹³⁶. Скульптурный декор имели и поверхности крупных сосудов типа Боргезской вазы ¹³⁷. Сюжетными композициями покрывались фризы храмов, в том числе Гекатеума в Лагине, фрагменты которого хранятся в Археологическом музее Стамбула ¹³⁸. Создавались и посвятельные рельефы, подобные малоазийскому «Апофеозу Гомера» ¹³⁹.

В некоторых поздних эллинистических композициях, украшавших декоративные плиты для алтарей, святилищ, треножников, налицо стремление к архаизации образов. В фигурах богов и нимф на рельефах так называемого архаизирующего или архаистического стиля проступает общая манерность движений и поз ¹⁴⁰, в складках и драпировках тканей нередко изображение «ласточкинго хвоста», а в движении персонажей особая легкость, вызванная постановкой ног на носки. В близкой к архаистическому стилю манере исполнена уже упомянутая, найденная на Аппиевой дороге, близ Рима, плита из Британского музея, относящаяся к концу II в. до н. э. с изображением Гомера и муз (скульптор Архелай из Приены) ¹⁴¹.

Для посвятельных и декоративных рельефов того времени выбирались разнообразные сюжеты. На одной из плит Менандр демонстрирует маски своих комедий ¹⁴², на другой — дорожный экипаж с путешественниками на

¹³⁶ Там же. С. 347.

¹³⁷ Charbonneau J., Martin R., Villard F. Op. cit. Tab. 334.

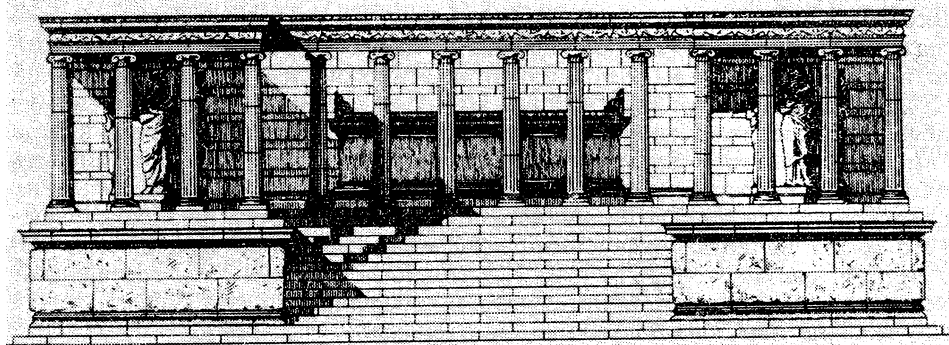
¹³⁸ Там же. Т. 307.

¹³⁹ Блататский В. Д. Греческая скульптура. С. 188.

¹⁴⁰ Соколов Г. И. Архаистические рельефы с Таманского полуострова // ВДИ. 1975. № 3. С. 80.

¹⁴¹ Pinkwart D. Das Relief des Archelaos von Priene und die «musen des Philiskos» // AJA. 1969. N 73.

¹⁴² Müller W. Op. cit. S. 416; Schreiber T. Die Hellenistischen Reliefbilder. Leipzig, 1894.

План и реконструкция алтаря Артемиды в Магнезии-на-Меандре

фоне пейзажа с большим деревом и статуей божества на высоком, увитом гирляндой постаменте ¹⁴³.

В культовой скульптуре неоклассические мотивы использовались тогда чаще, нежели в садово-парковой, декоративной. Последняя была более свободна от традиционных влияний, сильнее связана с жизнью эпохи. Вернуться к воплощению идеи возвышенной любви пластическими средствами классики стремился мастер Афродиты Мелосской ¹⁴⁴. Изваявший этот памятник скульптор Александр, а может быть, Агесандр (несколько букв на найденной рядом плите оказались сбитыми) отошел от распространенной в его годы чувственной трактовки обнаженного тела. Но в композиции проявилась эллинистическая напряженность, свойственная и другим статуям того времени. Мраморная статуя казалась наделена колоссальной, но скрытой энергией. В этом сказались не только эллинистическая сущность памятника, но и близость его в пластическом отношении к напряженности и одновременно гармонии раннеклассических произведений. Внутренние потенциальные силы сблизил разделенные несколькими веками образы. В классических статуях художественно воплощалась идея прекрасного слияния физических и духовных возможностей человека, всегда полного энергии, вечно гармоничного (Дискобол Мирона). Во многих пластических памятниках эллинизма внимание чаще акцентируется на духовно-чувственных сторонах человеческой сущности. Мастер же Афродиты Мелосской утверждает в строгих, сдержанных формах пластического образа возвышенность духовных эмоций, над которыми властвует богиня. В мраморе Афродиты Мелосской нашла выражение возвышенная, всеобъемлющая любовь, ставшая основой мировоззрения многих последующих веков. Но воплотилась она здесь всецело в античных формах, без слияния с неизбежным для образов христианского искусства страданием.

¹⁴³ Müller W. Op. cit. S. 416.

¹⁴⁴ Рейнак С. Венера Мелосская // Куньи Гастон: Античное искусство. М., 1898. С. 175—185.

Для культовых целей нередко исполнялись в ту эпоху также статуи Посейдона ¹⁴⁵, Исида (памятник с Делоса) ¹⁴⁶, Аполлона Кифарета (из Тралл) ¹⁴⁷. Поздний эллинизм — время не только утраты былых достоинств, но и жадных поисков новых путей и возможностей в художественной передаче действительности. К тому же периоду относятся изваяния муз (подобных изображенным в рельефе «Апофеоз Гомера»), связываемых иногда с именем скульптора Филиска, годы жизни которого не удается установить точно. В этих произведениях, очевидно, родосской школы видят (в одних больше, в других меньше) влияние классики. Муза статуи из Археологического музея Венеции, охваченная радостным волнением, вдохновенно декламирует стихи ¹⁴⁸. Другая — из Капитолийского музея ¹⁴⁹ — отрешена от суетности земных забот и переживаний: опершись о ствол дерева, почти полулежа на нем, она задумчиво смотрит вдаль.

В позднем эллинизме иногда обозначались имена скульпторов на мраморных или бронзовых статуях. Афинский ваятель, живший и работавший в I в. до н. э., Аполлоний, сын Нестора, «подписался» на бойцовой перчатке бронзового кулачного бойца из Музея Терм ¹⁵⁰ и на не менее прославленном мраморном Бельведерском торсе из Ватикана ¹⁵¹. Широко распространенная в эпоху архаики манера помещать имя автора на статуе возрождалась в художественных кругах позднего эллинизма: здесь также находило проявление тяготение мастеров к прошлому, подражание ему даже в деталях, вызванное неудовлетворенностью своим временем. Наряду с этим скульпторы позднего эллинизма, в частности Аполлоний, сын Нестора, достигали большой изощренности, порой виртуозности в технике исполнения статуй: они могли и в бронзе и в мраморе передавать натуру, то с исключительной достоверностью деталей, то обобщенно, в духе классицизма.

Разрушавшие пластичность образа эксцентрические тенденции, наметившиеся уже в годы раннего эллинизма, теперь достигли своего предела, свидетельствуя о завершении эллинских принципов пластического воплощения действительности в искусстве. Последующее развитие ваяния в греческих и римских городах пойдет иным путем: сущность скульптурных образов начнет основываться во многом на точном изображении деталей. Результатом этого явятся римский исторический рельеф и достоверный индивидуальный портрет, но никогда уже в скульптуре не будут созданы произведения, подобные лучшим эллинским образцам.

Окружавшая позднеэллинистического грека действительность теряла в его сознании ту цельность, какую имела в годы полисного благополучия. Распадавшийся на отдельные области эллинистический мир казался хаотическим, кипящим в столкновениях громадных держав. Рим свяжет разрозненные части в единую огромную империю, но объединение это, державшееся на основе устрашения военной мощью римских легионов, не будет

¹⁴⁵ Charbonneau F., Martin R., Villard F. Op. cit. Tab. 325.

¹⁴⁶ Ibid. Tab. 5.

¹⁴⁷ Ibid. Tab. 331.

¹⁴⁸ Alscher L. Op. cit. Taf. 50.

¹⁴⁹ Pietrangeli C. Museo Capitolini. Roma, 1974. Tab. XV.

¹⁵⁰ Блаватский В. Д. Греческая скульптура. Рис. 173.

¹⁵¹ Там же. Рис. 172.

естественным и органичным. На многие памятники ляжет отпечаток холодной официальности. Попытка ее преодоления приведет к подражанию формам прошлого, и в различные периоды римской империи мастера, не удовлетворенные возможностями своего времени, будут много раз обращаться к эллинским образцам (например, Боргезский боец мастера Агасия (Лувр) ¹⁵² и мальчик-жокей с мыса Артемисион).

Стремительность движения с исключительным даже для второй половины II в. эксцентризмом передана мастером бронзовой статуи с мыса Артемисион (Афины). В сохранившемся обломке статуи запечатлен будто полет по воздуху быстрого скакуна, несущего мальчика-жокея ¹⁵³. Удлиненная голова лошади, плотно прижатые уши, выброшенное вперед копыто обрисованы выразительными линиями контура с эмоциональностью, свойственной эллинистическому восприятию мира. Рядом с таким памятником бронзовые кони классического периода кажутся застывшими. Полон энергии и азарта скачки всадник.

Необходимость изобразить фигуру человека в быстром движении нередко вставала и перед классическими мастерами. Гениально решил эту проблему Мирон, включив конечности Дискобола в границы кругового пространства статуи, которое не только само было активным, но приобретало материальную насыщенность и действительность. У Мирона напряженность уживалась с естественностью, почти расслабленностью, выражая вечную энергию и силу великого и гармоничного бытия; в образах эллинизма все тревожно, все экспрессивно.

Черты Боргезского бойца исполнены отчаянного порыва человека, оказавшегося наедине с врагом, одинокого и понимающего грозящую ему смертельную опасность ¹⁵⁴. Чувство страха и близкой гибели в позднеэллинистическом произведении получает резко индивидуальное выражение. В эпоху бурных катаклизмов сущность памятников искусства отвечала драматизму индивидуального порядка, отличающемуся от более обобщенных, типизированных проявлений тех же эмоций в творчестве мастеров IV в. до н. э. (см. лица раненых воинов и других героев Скопаса на фронтоне храма Афины Алеи в Тегее).

В годы позднего эллинизма необычайно возрос интерес художников к крайностям, контрастным, часто уродливым отклонениям; выбирались сюжеты, к каким никогда бы не обратились мастера классики, исключая коропластов, создававших гротескового характера терракоты. В довольно крупной бронзовой статуэтке танцующей карлицы скульптор показал ее непропорциональную крупную голову, укороченные конечности, дал ясно почувствовать деформацию натуры ¹⁵⁵. И в то же время силой своего таланта он сумел наделить это маленькое существо таким искренним весельем, что внешняя дисгармония телесных пропорций оказалась побежденной чувством радости.

В небольшой бронзовой статуэтке истощенного, почти превратившегося в скелет горбуна, просящего милостыню, тело несчастного изображено с

¹⁵² Там же. Рис. 163.

¹⁵³ Alscher L. Op. cit. Taf. 53 a, b; Taf. 54.

¹⁵⁴ Ibid. Taf. 52 c.

¹⁵⁵ Müller W. Op. cit. S. 392.

такой отталкивающей детальностью, на какую способны были лишь эллинистические мастера ¹⁵⁶. В лице же его, напротив, выявлены качества, вызывающие симпатию, — мужественность нищего, стойко переживающего свое состояние.

Страшные следы старости запечатлены в мраморной женской голове Дрезденского собрания — беззубый раскрытый рот, дряблая морщинистая кожа, пронизывающая образ покорность судьбе ¹⁵⁷. Только прищуром хитроватых глаз и слегка нарочито поучительным наклоном головы мастер, очевидно, пытался выразить силу духа, противодействующую разрушительному времени. Так, в античности возникало новое, по существу, раскрытие подобных явлений в искусстве: отклонения от норм в человеческом облике начинали трактоваться с гуманистических позиций ¹⁵⁸.

Детализация форм особенно распространена была, как отмечалось, в садово-парковой скульптуре александрийской школы; в аттических и малоазийских мастерских дольше держалось традиционное, с элементами обобщения и типизации отношение к образам. В скульптурной группе позднего эллинизма показана сценка любовной борьбы: молодой, сидящий на земле сатир пытается, обхватив за талию нимфу, повалить ее на себя (Рим, Национальный музей) ¹⁵⁹. В манере сопротивления нимфы, в движении ее правой руки, схватившей сатира за волосы, нетрудно заметить общее с борьбой гречанки с западного фронтона храма Зевса в Олимпии, также отталкивающей кентавра. Эллинистический скульптор окрасил некогда возвышенно-героический в классической трактовке сюжет эротическими чувственными тонами, сделал его предметом шутки.

Ваятели, обращавшиеся теперь с материалом значительно свободнее, чем их предшественники, добивались исключительной выразительности объемов и контуров. В бронзовой статуэтке нубийского мальчика-певца пластические формы обретают звучание протяжной мелодии ¹⁶⁰. Гибко изогнутое тельце ребенка, запрокинутая назад и склоненная набок головка, плавные движения рук — все в этом памятнике вводит зрителя, созерцающего изваяние, в мир звуковых образов.

В особенно ярких сохранившихся памятниках родосской школы — Фарнезском быке, Лаокооне, а также в исключительных по силе выразительности найденных в гроте итальянского городка Сперлонга статуях, изображающих Одиссея и его спутников, встретившихся с чудовищным Полифемом или страшной Сциллой, нетрудно заметить тяготение к древнейшим греческим мифам и эпосу.

Агесандр, Афинодор и Полидор обратились в своем изваянии к трагическому сюжету древних сказаний — наказанию богами троянского жреца Лаокоона. ¹⁶¹. В пластическом отношении они следовали классическим

¹⁵⁶ Rohde E. Griechische und römische Kunst in der staatlichen Museen zu Berlin. B., 1968. Abb. 91.

¹⁵⁷ Alschér L. Op. cit. Taf. 61 a, b.

¹⁵⁸ Нетрудно заметить здесь предвосхищение того, что через много столетий художественно воплотят в своем творчестве Веласкес (серия шутов), Рибейра («Хромоножка») и другие мастера.

¹⁵⁹ Zinserling G. Abriß der Griechischen und Römischen Kunst. Leipzig, 1972. Tab. 149.

¹⁶⁰ Alschér L. Op. cit. Taf. 60 a, b.

¹⁶¹ Ельницкий Л. А. К находке фрагментов скульптурной группы Лаокоона // ВДИ. 1958. № 3. С. 209.

принципам: не пространственно разворачивали композицию, как мастера «Фарнезского быка», а проектировали фигуры Лаокоона и двух его сыновей на плоскость фона. Несмотря на объемность каждого изваяния в отдельности и всего памятника в целом, группа рассчитана на восприятие только с одной стороны ¹⁶². Причем именно расположение трех фигур почти на одной линии привело к утрате композицией связи с пространством и усилению плоскостности, при которой группа смотрится преимущественно спереди, откуда особенно заметно резкое движение Лаокоона влево. В группе Лаокоона нет ни одной спокойно стоящей фигуры: все в движении, все в трагических порывах физической и духовной борьбы.

Античные ваятели всегда воплощали в пластике человеческого тела накал эмоций своего времени. Греческая скульптура, развиваясь от медлительно-тяжеловесных форм архаических Аполлонов и затем естественно-гармонических пропорций и чувств Дорифора Поликлета к тревожной пульсации мускулатуры Апоксиомена Лисиппа и далее к резким мятущимся формам Лаокоона, всегда была созвучна чувственному тону эпохи. Человеческие тела в эллинистической пластике трепещут, извиваются, страдают. Впрочем, их взволнованность уступит вскоре место официальному покою древнеримских памятников.

Скульпторы Лаокоона показали мускулатуру жреца с достоверностью, на какую были способны только эллинистические мастера, в совершенстве знавшие анатомическую структуру человеческого тела. Проступающие сквозь кожу ребра, мышцы груди и живота, великолепные в своей красоте бицепсы рук и бедер — все исполнено с безупречной точностью.

Соприкосновение греческого мира с идеологией завоевателей-римлян сильнее всего отразилось в скульптурных портретах позднего эллинизма. Человека начали изображать уверенным и собранным, преобладали сдержанные формы, лаконичные средства, отчасти маскировавшие тревожную настроенность людей. Идеи и чувства, господствовавшие в сознании эллинов той поры, ярко проявились в бронзовой портретной статуе Диодоха из Национального Музея Терм в Риме ¹⁶³. Хотя он представлен с копьем и обнаженным, подобно классическим атлетам, в его образе не осталось ничего от прошлого. Все изменилось, приобрело эллинистическую утрированность: Дорифор Поликлета легко держал копье на плече, Диодох со слегка нарочитым расслаблением на него опирается, как бы утверждая свою власть. Поликлет создавал идеальный пластический образ гражданина полиса, равного остальным по общему гармоническому развитию. Эллинистический мастер прославляет достигшего высшей власти монарха той эпохи, своего рода идеал нового общества с его развившимся индивидуализмом и тягой к власти и богатству.

Эллинистические портретисты нередко использовали инкрустацию глаз, сохранившуюся особенно хорошо в мужском бронзовом портрете с острова Делоса ¹⁶⁴. Как и в статуе из Музея Терм, черты делосца трактованы мягкими объемами. В легком обращении лица вверх и поднятых к небу

¹⁶² Alscher L. Op. cit. Taf. 64 a-e.

¹⁶³ Müller W. Op. cit. S. 378.

¹⁶⁴ Alscher L. Op. cit. Taf. 76.

глазах звучат свойственные образам диадочов или эпигонов возвышенно-драматические настроения.

Широкое распространение получили дошедшие во многих римских копиях бюсты Гомера. Положение головы эпического поэта чаще всего показывали строго фронтальным, порой портрет представлял собой тип гермы¹⁶⁵. Обращение к великому прошлому Эллады вызывалось, как отмечено, ретроспективными течениями того периода, сильными не только в литературе, но и в изобразительном искусстве. Скульпторы позднего эллинизма иногда настолько точны в трактовке глазного яблока незрячего поэта, что современные окулисты допускают привлечение ими слепых натурщиков.

Коропласты конца II—I в. до н. э. продолжали не только пребывать в плену губительных для пластики тенденций, наметившихся в искусстве зрелого эллинизма, но и развивать их. Все сильнее распространялась жанровая трактовка образов, дальнейшее развитие в объемах и композициях получали центробежные динамические силы, все больше мастера тяготели к гротескно-сатирическим темам. Некоторые свойственные скульптуре IV в. принципы, известные по работам Скопаса или Лисиппа, использовались все чаще. Воздействие монументальной пластики на терракоту проступает в головке юноши, сделанной, очевидно, в Смирне и хранящейся в Эрмитаже¹⁶⁶. Однако, естественно, классические тенденции в терракоте не проявили себя так ярко, как в мраморных рельефах или статуях.

Сложность композиции найденной в Керчи статуетки сидящей у гермы Приапа Афродиты¹⁶⁷ (II в. до н. э.) убеждает, что коропласты шли тогда в ногу с монументалистами в мраморной скульптуре. Использование ими таких пластических деталей, как герма, а также рельефных изображений эротов на дельфинах было вполне в духе позднего эллинизма. В своеобразных, не встречавшихся ранее сложных терракотовых группах, как семья за столом¹⁶⁸, проступало характерное для того времени тяготение к пространственности: около круглого столика с трудно определяемыми предметами на нем, очевидно кушаньями, стоят мужчина и женщина, а позади стола еще одна фигурка. Подобного типа пространственное мышление, находившее проявление и в монументальных, подобных Фарнезскому быку, памятниках, было немыслимо в классические века. Новшеством, воплощавшим стремление коропластов к невозможной в мраморной скульптуре подвижности своих образов, явились и распространившиеся в те годы фигурки мимов, марионеток, кукол с подвесными руками и ногами¹⁶⁹.

Новшества захватили и мастеров инталий позднего эллинизма: лицо они стали вырезать порой не в профиль, но анфас, хотя и не сразу освоили этот принцип фронтальности. На сердоликовой инталии лицо понтийского царя Митридата VI Евпатора в образе Диониса, слегка повернувшего влево голову и смотрящего чуть вверх, представлено в трехчетвертном повороте¹⁷⁰.

¹⁶⁵ Müller W. Op. cit. Tab. 388.

¹⁶⁶ Античная коропластика: Каталог ГЭ. Л., 1976. № 217.

¹⁶⁷ Силантьева П. Ф. Терракота. Пантикапея // Археология СССР. 1974. Табл. 26. С. 12.

¹⁶⁸ Там же. Табл. 36. ¹⁶⁹ Там же. Табл. 53. ¹⁷⁰ Неверов О. Я. Античные инталии... Рис. 62.

На камнях часто изображались популярные в те годы божества смешанных эллинских и египетских культов. На одной показано анфас лицо богини Гатор, на другой — сидящий на троне из цветков лотоса Гор-Гарпократ. Богиню Луны Селену резчик одной небольшой камени уподобил широколицей девочке с наивными, удивленными глазами ¹⁷¹. Как бы для большей конкретности и убедительности в духе эллинизма за плечами богини помещен серпик месяца, выступающий острыми, подобными крыльшкам, краями.

Среди немногих литературных свидетельств о живописцах позднего эллинизма сохранилось имя жившего в малоазийском городе Кизике художника Тимомаха, работы которого славились настолько, что их покупали большие ценители искусства и богатые римляне, в частности Юлий Цезарь. Древние авторы упоминают его картины, посвященные трагическим сценам греческой мифологии, с изображением Медеи, намеревающейся убить детей, героя троянской войны Аянта, собирающегося покончить с собой, а также Ифигении в Тавриде, узнавшей в жертвенном пленнике брата Ореста.

Художники все чаще обращались в своих драматических картинах к пейзажу, стараясь, очевидно, идиллическим характером природы смягчить представленные ими жестокие страдания героев. Живописные и мозаичные композиции усложнялись, размеры картин и мозаик увеличивались, росло число действующих в них лиц, изображались все более трагические ситуации. Очевидно, многие росписи стен жилых домов и вилл богатых владельцев в Риме, Помпеях, Геркулануме, Стабии и других городах сделаны греческими художниками, которые приезжали на Апеннины.

В керамике можно отметить скорее повторение уже созданных типов, нежели появление новых. Все значительные нововведения относятся к периоду раннего и высокого эллинизма. Однако в обработке глины возникли новые приемы. Появились, надо думать, не без воздействия мастерских восточных районов Средиземноморья сосуды и блюда с орнаментальными, как и раньше, рельефами на поверхности, но покрытые не лаком, а зеленоватой глазурью. Глазурованная керамика, связываемая обычно с малоазийскими мастерскими, существовала довольно долго; ее изготавливали и в более поздние эпохи. К такого рода памятникам относится найденный в Ольвии кубок, покрытый зеленой глазурью с гротескным изображением суда Париса ¹⁷²⁻¹⁷³. Художественному качеству керамических памятников, форме сосудов, их росписям или рельефным украшениям придавалось тогда мало значения. Керамику постепенно вытесняли торевтика с ее дорогими золотыми и серебряными сосудами и стеклянная посуда, все шире распространявшаяся в античных районах Средиземноморья и завоевавшая признание прежде всего богатством своих цветовых возможностей ¹⁷⁴.

¹⁷¹ Неверов О. Я. Античные камеи... Рис. 9, 10, 12.

¹⁷²⁻¹⁷³ См.: Шварц Д. И. По поводу вазы с рельефными изображениями, найденной в Парутино // Древности. Тр. МАО. М., 1894. Т. 15, вып. II, С. 14 и след., рис. П—IV; Кобылина М. М. Эллинистическая ваза из Ольвии. 73 // МУ. М., 1947. Вып. 126. Кн. 1. С. 3 и след.; Ростовцев М. И. Александрийская эллинистическая ваза // Памятники Музея истории искусств. М., 1912. С. 61—67.

¹⁷⁴ Ростовцев М. И. Стеклянные расписные вазы позднээллинистического времени и история декоративной живописи // Изв. Археологической комиссии. 1914. Вып. 54. С. 1—26.

Сущность нового многообещающего, особенно в науке, мировоззрения, приходившего на смену полисному, заявляла о себе еще в годы раннего и высокого эллинизма. Римляне прервали развитие этого процесса. Однако греки использовали все возможное, чтобы сохранить свою культуру. Не случайно, именно в этот период широкое распространение в искусстве получали самые различные ретроспективные течения — архаистические, классические, неоаттические. Этим греческие мыслители и художники пытались противопоставить достижения своей культуры наступлению восточных принципов из Селевкии, Египта, Парфии. Западные веяния были менее опасны для них, так как греческое искусство у римлян пользовалось особенной популярностью. В годы позднего эллинизма поработанные греческие города не только сумели победить величием своей культуры римлян, но и выдержали не менее энергичный идеологический напор с востока. Выражение Горация «Греция пленная в плен забрала победителей» — точно характеризует взаимоотношения враждовавших сторон. Более того, именно в годы позднего эллинизма усилилось воздействие греческой культуры на индийскую цивилизацию, в частности на буддизм.

Искусство эллинизма отличается от классического сильнейшими качественными сдвигами, а также исключительно широким распространением искусства в общественной и личной жизни. В сферу художественного воздействия вовлекалось несравненно большее, нежели раньше, число людей, представителей различных социальных слоев, чьи настроения находили воплощение в памятниках искусства. Исключительно возросла также потребность в украшении городов и зданий. Изваяния ставились на рынках и площадях, в театрах и на палестрах, в парках и садах, на акрополях и в святилищах, в общественных зданиях — в библиотеках, галереях, музеях, в царских дворцах и частных домах. Классика не знала такого обилия скульптуры, хотя в годы империи в римских городах ее стало, по всей вероятности, еще больше. Изменялся и характер самих монументов — величина городов, обширность парков, грандиозность культовых ансамблей требовали изваяний не мелких, но крупных, поражающих зрителя, видимых отовсюду. Нельзя не отметить и тенденцию концентрации памятников искусства в частных владениях, виллах, дворцах, начало коллекционирования, в дальнейшем воспринятого особенно богатыми римлянами, типа Верреса или Октавиана, и создание некоего подобия музеев — вроде средоточия произведений искусства в храме Геры и Олимпии, которым восхищался Павсаний, или собрания сокровищ пергамских царей.

С исключительно активным проникновением художественных и эстетических принципов в жизнь человека в годы эллинизма связано обращение архитекторов, ваятелей, живописцев к всевозможным новым средствам. Значительно чаще по сравнению с классическим периодом, когда мастера до предела использовали возможности какого-либо одного материала для лучшего и более полного воплощения своих идей, теперь привлекались разнообразные новые материалы.

Типическую особенность искусства эллинизма в целом составляет также возникновение и развитие весьма важных новшеств в области художест-

венного образа. Если в архаический и классический периоды в ваянии преобладал определявший силу пластической формы принцип концентрического взаимодействия элементов, то теперь возобладали тенденции эксцентризма, предопределившие глубокий кризис скульптуры. Историк эллинизма Шнайдер, замечавший, что «эллинистическое искусство, как и все греческое искусство раньше, оставалось искусством пластическим», возможно, недооценивал эту особенность пластики эллинизма, вызывавшую разрушение целостности античного образа.

В классический период наблюдалась теснейшая связь искусства с категориями этики и философии; при эллинизме же рост профессионализма и специализации обуславливал сужение рамок каждой отдельной области общественной деятельности, в частности некоторое обособление изобразительного искусства и его теории.

Многообразие проявлений искусства эллинизма соответствовали богатство и пестрота этнической картины жизни того времени, определявшей отличия произведений Ближнего и Среднего Востока от создававшихся в западных областях ойкумены. И все же основное ядро эллинистического искусства, как и широко распространившегося языка койнэ, составляла греческая культура.

Возникновение и распространение в искусстве эллинизма таких форм, как архаизация и классицизм, позволяют рассматривать его как этап эллинского художественно-культурного процесса. Не случайно, именно тогда наряду с дерзновенными по своим новаторским устремлениям идеями рождались сомнения и опасения в правильности пути, попытки возвращения вспять. И хотя не эти ретроспективные течения определяли ход развития искусства эллинизма, их нельзя не учитывать при анализе художественной жизни того времени.

Широкое распространение художественных памятников в эпоху эллинизма среди огромного количества новых племен и народов оборачивалось, однако, своей негативной стороной — все чаще произведения делались наспех, небрежно, особенно при нетребовательности заказчика.

Многие замыслы зодчих и художников эллинизма послужили благодатной почвой для формирования европейского искусства в дальнейшем. Трудно представить себе средневековую архитектуру без положенных в ее основу достижений эллинистических зодчих; размах римского градостроительства, использование новых форм, применение необычных материалов — все это, хотя и происходило не без освоения этрусских принципов и собственно имперских инициатив, во многом обязано архитектурным традициям эллинизма. Сильное воздействие на позднейшую пластику оказали ваятели эллинизма. Некоторые произведения, особенно II в. до н. э., кажутся прообразами изысканности и изящества памятников европейского рококо. Именно в эллинистический период, преимущественно в I в. до н. э. получили особенно сильное распространение тенденции классицизма. Во всех этих проявлениях эллинизм — время грандиозных достижений науки, техники, искусства — эпоха чрезвычайно глубоких прозрений художников, раскрывших богатство человеческой натуры и предугадавших многие художественные стили будущего.

Античность

- Авга, мать Телефа II. 342*
 Август, Гай Юлий Цезарь
 Октавиан I. 160, 252; II. 45, 46, 74, 102, 142, 162, 164, 171—173, 176, 249
 Авниен (Avien.) II. 184
 Авл Геллий (Aul. Gell.) I. 186; II. 156, 157, 285, 296
 Аврелий Марк, сын Дионисия II. 104
 Агамемнон II. 310
 Агасий II. 359
 Агасикл, сын Ктесия I. 310, 319, 334, 335, 339, 350, 351, 353, 354, 356—358
 Агате Тюхе I. 245; II. 222
 Агафархид из Книды II. 296
 Агафокл, сын Деметрия I Бактрийского II. 18, 19, 36
 Агафокл, сын Лисимаха I. 268
 Агафокл, тиран II. 280, 281, 287, 289
 Агитис II. 228
 Агесандр II. 360
 Агеслай, царь I. 65, 71, 73
 Агеслай, зор I. 163, 164, 173, 174, 177, 180
 Агеслас I. 298
 Агесистрата I. 171, 180
 Агнады I. 163
 Агнатида I. 164
 Агис III I. 89, 107, 124, 136, 138, 218
 Агис IV I. 161, 163—165, 169—181, 183—185
 Адад I. 246, 248; II. 220, 229
 Адас, сын (?) Перисада III I. 304—305, 307
 Адонис II. 208, 209
 Аид II. 169, 219
 Аидоней II. 306
 Акафий, сын Митридата VI II. 113
 Акция I. 286, 287, 295
 Аконтия II. 301
 Акрефонт, финикиец II. 268
 Акий II. 153—157, 169
 Алевады I. 37, 38
 Александр, афинянин I. 241
 Александр (Агесандр?), скульптор II. 357
 Александр II, царь Эпира I. 149
 Александр Македонский I. 7, 8, 15, 49, 50, 58, 59, 73, 80—83, 86—103, 107—117, 120, 122—125, 128, 129, 133—139, 142, 151, 161, 194, 197, 212, 215—220, 240, 249, 250, 252, 253, 258—260, 267, 272, 294, 346, 353, 354, 364; II. 10—14, 22—26, 29, 33, 46, 56, 60, 63, 65, 66, 68, 73—75, 77, 79, 82, 109, 115, 118, 140, 149, 151, 172—174, 176, 201, 203, 204, 211, 213, 219, 220, 224—226, 235, 239, 241, 242, 249, 267, 271, 276, 281, 282, 290, 298, 317, 319, 320, 323, 328, 331, 333, 348, 349
 Александр Молосс, царь Эпира II. 151
 Александр, наместник Коринфа и Эвбеи I. 148
 А[лекса?]ндр, сын Сте[сандр]а I. 263
 Алиатт, отец Креза II. 224
 Алкей II. 263
 Алкивиад I. 19, 20, 36, 75, 214; II. 288
 Алким, сын Менофила II. 86—89
 Алкимах I. 346
 Алкимедон, сын Промеха I. 262
 Алкиной II. 304, 351
 Альбуций, Тит II. 157, 158
 Амикл II. 299
 Аминта I. 54, 92
 Аммиан Марцеллин (Amm. Marc.) I. 252
 Амния из Арегузы I. 241
 АмOMET II. 289
 Амон II. 224, 225
 Амур II. 324, 348
 Амфарет I. 174
 Амфиарай II. 305
 Анаит II. 72
 Анакреонт II. 309, 313
 Андратор II. 38
 Ангелипп, хиосец I. 293
 Андриск I. 159
 Андротрон I. 352; II. 305
 Антандр Сиракузский II. 281
 Антенор II. 149, 153
 Антиалкид II. 22, 37
 Антигон Одноглазый I. 82, 96, 188, 219, 220, 230, 349; II. 12, 13, 67—69, 77, 78, 82, 204, 227, 268, 290
 Антигон Гонат I. 104, 144—146, 148, 149; II. 308, 349
 Антигон Досон I. 150, 151, 166, 170, 201
 Антигон из Кариста II. 308—309
 Антигон Парадоксограф II. 309
 Антигониды II. 61
 Антикл I. 120
 Антилеон, халкидянин I. 134—135
 Антимах I II. 17—20
 Антимах из Колофона II. 301
 Антиох I Сотер II. 14, 59, 60, 65, 70, 78, 84, 106, 219, 227, 331
 Антиох II Теос II. 60, 62, 64—66, 68, 78, 82, 218, 246
 Антиох III Великий I. 152, 156, 158, 168; II. 16, 38, 39, 60, 62, 68, 77—83, 212, 227, 246, 271, 312, 348
 Антиох IV Эпифан I. 200; II. 63, 64, 68, 72, 78, 208, 227, 246
 Антиох VII Сидет II. 42, 84
 Антиох Гиеракс II. 15
 Антиох Сиракузский II. 281
 Антипатр I. 104, 105, 110, 111, 116—120, 122, 124, 129, 132, 134—139, 218
 Антипатр, родосец II. 157
 Антисфен с Родоса II. 121, 294, 295
 Антифил, мастер II. 333
 Антифил, стратег I. 119, 130
 Антифимид II. 99
 Антифонт (Antiph.) I. 83
 Антоний, Марк II. 45, 63, 64, 73, 96, 142, 172, 312
 Ану-Антум II. 58
 Анубис I. 245, 246; II. 231
 Анфестерий I. 274
 Анхиз II. 149, 171, 172
 Апама II. 213
 Аппеллас I. 298
 Аппеллес I. 332
 Апион II. 163
 Аполлодор, историк I. 285
 Аполлодор, сын Амна I. 227
 Аполлодор, сын Фанагора I. 296
 Аполлодор, сын Гераклея из дема Нетиды I. 204
 Аполлон I. 30, 55, 144, 230—232, 242, 244, 245, 277, 279, 281, 282, 295; II. 63, 73, 149, 150, 219—221, 229, 230, 258, 302, 304, 322, 331, 345
 — А. Врач I. 270, 295
 — А. Дидимский I. 306
 — А. Кифарет II. 358
 — А. Лирбеней II. 219, 220
 Аполлоний, сын Аббы II. 95
 Аполлоний из Александрии I. 241; II. 201
 Аполлоний, диюйет II. 118, 120
 Аполлоний, откупщик II. 133
 Аполлоний Пергский II. 308
 Аполлоний Родосский (Apol. Rhod.) II. 301—303, 313

* Цифры после «I» относятся к страницам издания «Эллинизм: экономика, политика, культура», а после цифры «II» — к страницам настоящего издания. Указатель составлен Е. В. Ляпустиной.

Аполлоний, сын Евфрона, херсонесит I. 277—281
Аполлоний, сын Левкона I I. 286, 289, 307
Аполлоний, сын Нестора II. 358
Аполлоний, сын Перисада III I. 304, 305, 307
Аппиан (App.) I. 97; II. 13, 14, 59, 60, 64, 75—77, 80, 82, 86, 94, 97, 98, 100, 101, 102, 108, 109, 113
Арат, астроном II. 166
Арат, сын Клиния I. 148, 150, 165, 166, 181—182; II. 159
Арей, царь I. 147, 148
Арес (Арей) II. 64, 217
Ариарат V, каппадокийский царь II. 95
Ариобарзан I. 49
Ариптей I. 126
Аристарх Самосский II. 298
Аристарх из Самофракии II. 306, 307, 310
Аристей, притан I. 366
Аристодикид, сын Ассия II. 59, 60, 66, 89
Аристокл II. 80
Аристон II. 303, 305
Аристоник II. 248
Аристоник, афинянин I. 241
Аристотель (Arist.) I. 18, 23, 25, 28, 29, 34, 41, 43, 48, 60, 61, 69, 72, 73, 75, 76, 99—100, 163, 180, 224, 227, 270; II. 62, 123, 125, 143, 149, 152, 156, 164—169, 175, 232, 242, 244, 245, 250, 284, 286—289, 292, 294, 298, 299, 303—305
—Pseudo-Arist. I. 135, 194, 200, 214; II. 123, 139, 284, 285
Аристофан (Aristoph.) I. 33, 61, 62; II. 229, 266, 300
Аристофан Византийский II. 306—307
Арифран, царь фатеев I. 297
Аркисилей II. 304, 305, 308
Арнобий (Арноб.) II. 304
Арриан (Arr.) I. 81, 90, 92—94, 123, 133, 135, 215, 218, 258, 259; II. 38, 66, 90, 91, 271
Арсиния II Филадельфия I. 145, 146, 245; II. 121, 332
Арсиния III II. 350
Артабан I II. 42
Артабан II II. 46
Артаксеркс II. I. 31, 32, 79
Артемид I. 244, 333; II. 72, 185, 220, 259, 336
—А. Геката I. 245
—А. Лафрия II. 321
—А. Левкофрена II. 73, 223, 336
—А. Эфесская I. 295; II. 73, 206
Артемидор I. 366
Архелай I II. 95
Архелай из Марафона II. 229
Архелай из Приены II. 354
Архидам, брат Агиса I. 164, 165, 172, 174
Архимак II. 244
Архимед II. 162, 212
Аршак I II. 38, 39
Аршак II II. 39, 41
Аршакиды II. 39, 41, 43, 46, 47, 48
Аршам II. 118
Асандр I. 307; II. 109
Асклепиад из Арада I. 248
Асклепиад, поэт II. 302
Асклепий I. 133; II. 73, 219, 230, 231, 335, 336
Асоп II. 304
Аспург I. 292
Астарт II. 223, 229, 231, 304
Астимед I. 221

Атаргатис I. 246, 248; II. 229
Атей I. 255, 258, 322
Атенион II. 331
Аттал I I. 218; II. 73, 308, 340
Аттал II II. 208, 245, 339
Аттал III II. 64, 70, 99
Атталиды II. 69, 70, 80, 92, 226, 308, 343
Аттилий Регул, Марк II. 38, 145
Аттис II. 219, 228
Афина I. 193, 282, 352, 369; II. 53, 63, 64, 189, 225, 226, 230, 326, 341, 345, 349, 351
—А. Алая II. 358
—А. Кинфийская I. 245
—А. Никефора II. 336
—А. Полиада II. 322
Афинагор I. 42
Афиней (Athen.) I. 30, 53, 186, 191; II. 208, 216, 217, 244, 299, 314
Афинодор II. 357
Афродита I. 245, 298, 304; II. 64, 185, 304, 309, 324—327, 334, 347, 350, 353, 362
—А. Анадиомена II. 326
—А. Мелосская II. 357
—А. Урания II. 223, 231
Ахемениды I. 15, 86, 87, 100, 101, 290; II. 30, 44, 82, 85, 96, 99, 118, 219
Ахей II. 106, 107, 217, 227
Ахилл I. 277; II. 300, 342
Ахура-Мазда II. 55, 89
Ашока II. 33
Аштон II. 333
Аянт II. 363
Бань Гу II. 21
Бафил, сын Деркия I. 303
Бел II. 220
Береника II II. 349, 350
Беросс II. 166, 202, 283
Блон Борисфенит II. 239, 308
Вистон I. 366
Возт из Ареугузы I. 241
Возф II. 345
Брасид I. 75
Бренн I. 144
Брихадратха II. 18
Брут, Марк Юний II. 64, 271
Бускис I. 69
Валериан, император II. 104
Валерий Анциат II. 296
Валерий Руф II. 163
Варрон, Марк Теренций (Varro) II. 64, 163, 166, 169, 175, 285
Васудева II. 37
Васудева-Кришна II. 36
Васумитра II. 22
Венера II. 151
Вергилий Марон, Публий (Verg.) II. 169, 171, 172, 175, 285
Виллий II. 62
Витрувий (Vitruv.) I. 192; II. 161, 162, 336
Вонон II. 46
Гадде (Гад) II. 223
Гален II. 312
Галена, нимфа II. 350
Ганимед II. 324
Ганнибал I. 152; II. 62, 178, 294
Гарпаг II. 271
Гарпал I. 110, 114, 115, 134, 215, 218
Гатор II. 363
Гаудот II. 351
Гевресибиады I. 264, 266, 270, 271
Гевресибий, сын Деметрия I. 271, 277

Гевресибий, сын Сириаса I. 263, 264, 266
Гедил II. 302
Геката II. 221, 223
Гекатей Абдерский II. 248, 283, 289
Гекатей Милетский I. 313; II. 306
Гекатей Теосский II. 243
Гекатей, синдский царь I. 290
Гекатомниды II. 220
Гекатомп I. 194
Гектор II. 171
Гелиокл, отец (?) Евкратиды II. 19
Гелиокл, сын Евкратиды II. 20
Гелиос I. 187; II. 35, 323, 350
Гелланник II. 149, 283, 306
Гера I. 245, 282; II. 326, 364
Геракл I. 62, 65, 70, 245, 258, 276, 277, 326, 328; II. 32, 33, 34, 56, 185, 204, 225, 229, 230, 285, 288, 300, 314, 317, 328, 346
—Г.-Верепрагна II. 55
—Г. Каллиник II. 55
—Г.-Мелькарт I. 242; II. 230
Гераклид, македонец I. 260
Гераклид Понтийский II. 287, 304
Гераклид, сицилиец I. 19
Гераклиды II. 284
Гераклит Эфесский II. 300, 309, 310
Геренний Максим (Herennius Maximus) II. 264
Геркулес II. 150, 195
Гермагор, сын Нелида, притан I. 366
Германик II. 166
Гермес II. 32, 149, 150, 204, 230, 258, 314
Гермеснанах из Колофона II. 268
Гермий Асклепидоров, антиохиец I. 257
Гермипп Смирнский II. 304, 305, 309
Гермоген II. 336
Гермократ, сын Гермона I. 19, 42, 43; II. 288
Геродот (Herod.) I. 25, 60, 72, 74, 228, 250, 252, 255—258, 260, 266, 284, 295, 313, 315; II. 66, 187, 220, 233, 234, 243, 271, 273, 283, 299, 307, 309
Геродот Пантаклов I. 277
Герон Александрийский II. 320
Геронд II. 211, 214, 216
Герофил II. 298
Геснод II. 259, 313, 314
Гестия I. 226
Гестиф II. 230
Гестифон II. 56
Гигант I. 295
Гигиенонт I. 307
Гигнея II. 324
Гигин II. 163
Гиеромброт, сын Амна I. 227
Гиеромнемон, архонт I. 284
Гиерон I. 73, 343; II. 290, 337, 339
Гиероним из Кардии I. 104, 115; II. 281, 290
Гилас II. 302, 303
Гилл II. 284
Гимер II. 42
Гипербол I. 19
Гиперид (Hyper.) I. 105, 107, 108, 110, 120, 124, 126, 128, 129, 132, 135—138; II. 123
Гиперион, титан II. 302
Гиппарх, комедиограф II. 216
Гиппарх, ученый II. 242
Гиппархия II. 216
Гиппей II. 303
Гиппий из Регия II. 281
Гиппий из Элиды II. 281
Гиппократ II. 243, 335
Гиппомедонт I. 173

Гиппонакт II. 300
Гиспасион II. 42
Гистасп I. 92
Гликера II. 216
Гомер (Hom.) I. 65, 100; II. 156, 160, 168, 175, 269, 302, 306—308, 310, 312, 314, 322, 356, 362
Гораий Флакк, Квинт II. 163, 171, 240, 265, 364
Гор-Гарпократ II. 363
Горг из Иаса I. 106, 133, 134, 135
Горгипп I. 286—291, 307
Горгона Мелуза II. 335, 351
Гордий II. 102, 108
Гракк, Гай Семпроний I. 170
Гракк, Тиберий Семпроний I. 169, 170; II. 152

Дарий I II. 56, 246
Дарий III I. 81, 123, 124; II. 174
Дафнис из Милета II. 322
Дева I. 318, 326, 333
Демад I. 26, 105, 108, 110, 137
Демарат I. 215, 218, 219
Демарх II. 67
Демарх, сын Скифа I. 288
Деметра I. 328; II. 229, 325, 354
Деметрий Каллатец I. 275
Деметрий I, сын Евтидема, царь Бактрии II. 16—20
Деметрий II Бактрийский II. 20
Деметрий I Селевкид I. 159, 201
Деметрий II Селевкид II. 41, 42
Деметрий Полиоркет I. 104, 145, 191, 200, 209, 210, 216, 219, 220, 260; II. 225, 290
Деметрий II, сын Антигона Гоната I. 149, 150
Деметрий, сын Филиппа V I. 158
Деметрий Фалерский I. 105; II. 224, 281, 298—300, 303, 308
Демодам II. 14
Демокрит II. 163, 166, 233, 299, 300
Демосфен, сын Алксифена II. 288
Демосфен (Dem.) I. 22, 23, 25, 30, 53, 55, 67, 68, 70, 78, 79, 105, 107, 108, 110, 116, 120, 126, 129, 132, 135, 194, 200, 293, 294, 332; II. 152, 172, 229, 328
— Pseudo-Dem. 258
Демосфен — «Ножовщик», отец оратора I. 22
Демофонт, сын Эргина I. 6
Диагориды I. 214
Диалп, сын Критона II. 87
Диал I. 104, 115
Диксарх из Мессины II. 283
Динарх I. 289
Диоген из Вавилона II. 310
Диоген, киник II. 239
Диоген Лазертский (Diog. Laert.) I. 213; II. 235—239, 299, 300, 303, 308
Диодор Сицилийский (Diod.) I. 18, 22, 26, 32, 33, 37—43, 48, 49, 53—55, 81, 82, 93, 94, 104, 105, 107, 111, 114—120, 122, 124—130, 132—138, 188, 191, 192, 199—201, 207, 209, 210, 214—216, 218—220, 228, 230, 259, 263, 267, 284—286, 297—299, 343, 359, 362; II. 12, 60, 61, 66, 67, 82, 86, 108, 172, 187, 243, 248, 249, 251, 255, 256—262, 281, 289
Диодот I II. 15
Диодот II II. 15
Диокл, демагог I. 42
Диокл, историк II. 149
Диомед II. 149
Диомедон II. 229
Дион I. 48; II. 287

Дион из Таскилы II. 37
Дион Кассий (Dio Cass.) II. 44, 46, 64, 86, 106, 111, 174
Дион Хрисостом (Dio Chrys.) I. 201, 204, 207, 210, 293
Дионис I. 245, 251, 282, 352, 369; II. 63, 227, 228, 230, 231, 289, 325, 326, 336, 345, 354, 362
Дионис Катомен II. 226
Дионисий Галикарнакский (Dion. Halic.) II. 171, 280, 281, 286, 309
Дионисий Сиракузский, Старший I. 19, 32, 43—47, 52, 54, 55, 56, 69, 75, 354; II. 281, 287, 290
Дионисий Сиракузский, Младший I. 43, 48; II. 287, 314
Дионисий, сын Клеарха Гераклеяского I. 50
Дионисий, сын Посидиппа I. 262
Дионисий Скитобрахмон II. 289
Диоскорид (Dioskorid.) II. 267
Диоскурид с Самоса II. 352
Диоскуры II. 34, 149, 285
Диоскуры—Кабиры I. 245
Диотим, архонт I. 284
Диофант I. 307
Дойдалос II. 326
Домидиан II. 174
Дорилай Младший II. 113
Дурид Самосский II. 281, 290

Евагор I. 69, 70
Евбул I. 28
Евгемер II. 156, 248, 256—262, 284, 289, 292
Евдем из Селевкии на Каликадне I. 68
Евдем, сын Фаллиона II. 71
Евдокс II. 242
Евкратид II. 17, 19, 20, 348
Евмах II. 109
Евмел, царь Веспора I. 285, 287, 291, 294, 296—302, 307—309
Евмен II. 12, 63, 246, 290, 308
Евмен II Пергамский I. 158, 201; II. 103, 246
Еврилох из Кидонии I. 118
Еврипил (Eurip.) I. 61, 62; II. 156, 216, 300
Евтидем, афинянин II. 299
Евтидем, сын Амна I. 227
Евтидем I Бактрийский II. 15—19, 21
Евтидем II Бактрийский II. 17
Евтидемиды II. 19—21
Евтихид из Сикиона II. 325
Евфорион II. 300, 312—315
Евфранор II. 133
Евфрон, сикионец I. 106, 129; 132
Евфрон, тиран Сикиона I. 40, 41, 52
Елена из Александрии II. 217

Загрей II. 228
Зевс I. 49, 70, 245, 282; II. 15, 63, 87, 89, 104, 219, 220, 221, 228, 236, 240, 257—261, 274, 322, 325, 326, 331, 341
— 3. Байтокийский II. 72
— 3. Ваал I. 245
— 3. Касий II. 230
— 3. Кинфийский I. 245
— 3. Лабраундий II. 220, 230
— 3. Ликейский II. 284
— 3. Олимпийский I. 270; II. 34, 206, 336, 337, 339, 360
— 3. Ольбий I. 264
— 3. Панамарий II. 221—223
— 3. Патрей II. 229
— 3. Поарин II. 87, 89
— 3. Селевкий II. 227

— 3. Сосиполий II. 336
— 3. Сотер (Спаситель) I. 263—265, 269, 270, 277
— 3. Стратий II. 89
— 3. Трифиллийский II. 258
— 3. Урий I. 245; II. 230
— 3. Хрисаорейский II. 221
— 3. Царь I. 270, 271, 277
— 3. Элевтерий (Освободитель) I. 245, 263—265, 268, 270, 277
— 3. Эпикархий II. 108
Зенотод II. 306, 307
Зенон, владетель архива II. 117, 118, 130, 133
Зенон из Китея II. 169, 235—237, 240, 243, 305
Зенон Родосский II. 294, 295
Зопирион I. 249—253, 258—260, 262, 268, 271, 294

Ивик II. 309
Иконнион из Антиохии I. 241
Индигет II. 149, 172
Исида I. 13, 245, 246; II. 219, 223, 229, 230, 232, 358
— И. Пелагия I. 245
Исидор Харакский (Isid. Charax) II. 17, 30
Исократ (Isocr.) I. 22, 23, 28, 33, 34, 48, 55, 56, 61, 62, 64—67, 69—71, 75, 76, 78—81, 83, 214, 266, 293, 348; II. 271, 274, 281, 286, 287
Истр II. 304, 305
Исхомах I. 23
Ития I. 295
Ифигения II. 363
Ификрат I. 29
Иштар—Нанайя II. 58

Кавн II. 220
Кадм II. 300
Калас II. 351
Калигула II. 174
Калидаса II. 22
Каллий Сиракузский II. 281
Калликлес II. 129
Каллимах (Callim.) I. 230; II. 240, 299—306, 309, 313, 314, 346
Каллимах, архонт I. 284
Каллимедон I. 137
Каллиник Евксенос I. 252, 264, 266, 268—272, 277
Каллисифен I. 258; II. 174, 225, 284, 295
Кальвизий Сабин, Гай II. 312
Камасария I. 209, 306, 307, 309
Камнаскир II. 41
Канит, скифский царь I. 257
Каноб I. 270
Карены II. 48
Карнеад II. 238
Кассамия, дочь Посия I. 296
Кассандр I. 143, 200, 219, 220; II. 257
Кассий, Гай II. 64
Кастор II. 285
Кастор Родосский II. 163
Кастриций Цепион II. 163
Катон Старший, Марк Порций II. 145, 147, 149, 154, 157—160
Катон Утичский, Марк Порций II. 174
Катумандус II. 129
Квинтилий (Quintil.) II. 142, 174—176
Кербер II. 288, 313, 314
Керкид из Мегалополия II. 239
Кибела II. 220, 223, 228
Кидипп II. 301
Кинадон I. 26
Киней II. 32, 33, 204, 205

- Кир Младший I. 31, 71; II. 273
Кир Старший I. 72; II. 46
Клавдий Квадригий II. 296
Клеанф из Акса II. 235, 240
Клеарх из Сол II. 32, 204
Клеарх, спартиат I. 36, 64, 65
Клеарх, тиран Гераклея I. 49, 50, 52, 336
Клеомброт, сын Пантакла I. 276, 277, 280
Клеомброт, царь Спарты I. 163, 164, 172, 173, 175
Клеомен I. 194, 200
Клеомен, царь Спарты I. 150, 151, 161, 164—166, 170—172, 174—176, 178, 179, 181—185; II. 238
Клеон I. 19
Клеопатра II. 312
Клеопонт I. 19
Климент Александрийский (Clem. Alex.) II. 304
Клитарх I. 250; II. 172
Клит I. 118
Клоатий Руф II. 163
Комосария I. 287, 290, 295, 309
Конон I. 29, 75, 214
Конон, ольвиполит I. 279, 281
Кора II. 288
Коринна II. 263
Корнелий Галл II. 162
Корнелий Непот (Nep.) I. 41, 48
Крапп, Марк Лициний II. 44, 47
Кратер I. 117, 119, 120, 122
Кратесклия I. 175
Кратеп II. 216, 310, 312
Крез II. 233
Кресилад II. 327, 328
Крино, афинянка I. 241
Критий II. 299
Кронос I. 33; II. 258—260
Ксеноклид, сын Посия I. 296
Ксенократ II. 304, 309
Ксеномед с Кеоса II. 301
Ксенофонт (Xen.) I. 18, 19, 22, 23, 25, 26, 33, 34, 37, 40, 42, 43, 53—56, 61, 62, 64, 65, 67, 69—77, 81, 82, 215, 367; II. 90, 98, 99, 108, 220, 228, 273, 287, 299
Pseudo-Xen. II. 289
Ксеркс I. 144, 213; II. 66, 220
Кубабе II. 220
Курций Руф (Curt. Ruf.) I. 81, 97, 115, 138, 215, 216, 259, 260; II. 172, 174
Лабиев, Квинт II. 44, 45
Лавиния II. 172
Лагиды (см. также Птолемен) I. 153; II. 69, 124
Лакид из Кирены II. 308
Лактантий II. 236
Ламах I. 19
Ламон, сын Педия I. 262
Лаодика, дочь Селевка IV II. 246
Лаодика, жена Антиоха II II. 64, 65, 80, 218
Лаодика, мать (?) Евкратиды II. 19
Лаокоон II. 315, 360, 361
Латин II. 151, 172
Латона, Лето I. 244; II. 302
Левкон I. I. 284—296, 300, 307, 332, 355, 370
Левкон II. 302, 304, 305, 307
Лена, опущенник Помпея II. 163
Леней, афинянин I. 241
Леократ I. 270
Леокрит II. 97
Леон, стратоникеец II. 223
Леонид, герой Фермопил II. 147
Леонид, царь, противник Агиса I. 163, 164, 171—174, 176, 177, 183
Леоннат I. 117—119, 122, 130, 131, 353, 354
Леосфен I. 104, 106, 111, 114, 116—120, 124, 126, 128—130, 132
Лептин I. 354
Ливий Андроник II. 151
Ливий, Тит (Liv.) I. 167, 171, 175, 179, 182, 184, 275; II. 60, 62, 81, 151, 171, 174, 176, 178, 181
Ликсис I. 118
Ликофрон I. 37
Ликур, законодатель I. 25, 165, 183; II. 284, 294
Ликур (Лус), оратор I. 28, 67, 107—110, 139, 194, 201
Ликур, эфор I. 163, 166, 167
Лисандр, полководец I. 20, 36, 75; II. 224
Лисандр, сын Либия I. 170, 171, 173, 174
Лисий (Lys.) I. 23, 30, 33, 66, 67, 78
Лисимах I. 50, 143, 144, 200, 220, 259, 267, 268, 272, 298; II. 74, 77, 79, 204
Лисипп II. 316, 325, 328, 330, 346, 361
Лукиан Самосатский II. 228, 249, 324
Лукреций Кар, Тит II. 164, 165, 168, 175, 233
Лукулл, Луций Лициний II. 92, 100, 164
Луцилий (Lucil.) II. 156—160
Мавсол I. 194; II. 224
«Маздаяснийская Вера» II. 220
Макробий (Macr.) I. 250, 252—258, 262, 268, 269
Малала, Иоанн (Malal.) II. 277, 312
Мандроклид, сын Экфана I. 171, 173, 177, 180
Манефон II. 202, 219, 269, 283
Манилий II. 164, 166, 175
Мавлий Вульсон, Луций II. 38
Мавлий Капитолийский II. 152
Мардоний II. 66, 220
Марий, Гай II. 173, 174
Марк, евангелист II. 202
Марсий II. 314, 345, 366
Масинисса I. 201
Мать богов, Великая Мать I. 246; II. 223, 227, 229
Матрий, писец II. 88
Маурий II. 13, 14, 18
Маханд I. 166
Махар, сын Митридата I. 307; II. 113
Ма-Эннио II. 93
Мегафен II. 283
Мегистоний I. 165, 170, 172, 175
Медея II. 285, 363
Мезенций II. 172
Мелеагр из Гадары II. 243, 244
Мелеагр, правитель Геллеспонта II. 60, 65, 83
Мелеагр, сын Эмертомара из Никеи I. 244
Мемнон (Memnon.) I. 48, 49; II. 80, 81, 83, 91, 101
Мемнон, родосец I. 218
Менандр из Эфеса (Men.) I. 252; II. 243
Менандр, комедиограф II. 211, 216, 217, 225
Менандр, правитель Бактрии II. 21, 22
Менедем из Эретрии II. 305, 308, 309
Менекий II. 233
Менелай II. 308, 312, 344
Менипп из Гадары II. 239, 304
Меноген, сын Асклепида II. 90
Менон I. 104, 119, 130
Менттор, родосец I. 218
Мен-Фарнак II. 93
Мерион II. 113
Меркурий II. 150
Местор, сын Гиппосфена I. 296
Метеллы, Цецилий II. 159
Метродор, врач II. 60
Метродор, фрурарх II. 100
Миннион из Иаса I. 106, 134
Минос I. 228; II. 300
Мирон II. 316, 345, 357, 359
Миста, возлюбленная Селевка I. 191
Миста из Лаодикий I. 241
Митра II. 35
Митридат, сын Ариобарзана I. 49
Митридат, сын Аспурга I. 259
Митридат I, царь Парфии II. 19, 39—41
Митридат II, царь Парфии II. 43, 56
Митридат Парфянский II. 44
Митридат I Ктис I. 200; II. 97
Митридат II. 92
Митридат V Эвергет II. 86, 87, 89, 90
Митридат VI Эвпатор I. 260, 307; II. 89, 91, 93—95, 98—102, 105, 106, 108—114, 161, 163, 361
Митридаиды II. 91—93, 96, 98, 101, 108, 114
Мнесимах II. 59
Моисей II. 224
Мойры II. 229
Моним, сын Калиппа I. 366
Муза, конкубина Фраата IV II. 46
Музы II. 229, 300, 302
Мурашу II. 7
Мурена II. 102, 108
Набис I. 142, 154, 161, 166—168, 170—172, 175, 178, 179, 182, 184—185
Неаиф из Кизикиа II. 308, 309, 312, 315
Невий, Гней (Naevius) II. 147, 151, 159
Нейт II. 309
Немезида II. 324
Нептун I. 258
Нергал II. 277
Нерон II. 305
Нигидий Фигул II. 163
Ника I. 324, 326
Н. Самофракийская II. 341, 342
Никандр, илионец I. 119
Никанор I. 114, 134, 135
Ни[карх?], сын Каллик[ла] I. 263
Никерат I. 351
Никий I. 19; II. 288
Никокл I. 69
Никокреонт II. 268
Никомед II. 81
Никон, абидосец I. 119
Никострат, сын Никокла I. 262, 263
Нума II. 157
Овидий Назон, Публий (Ovid.) I. 290, 304; II. 303, 304
Огисос II. 163
Одиссей II. 149, 172, 306, 360
Олимпиада, вдова Александра I. 149
Онесикрит I. 250; II. 282
Ономарх I. 39, 40, 54
Орест II. 363
Ород II. 44, 45
Орозий (Oros.) I. 215, 275; II. 101
Ортнагон II. 63
Орхам I. 289—291, 307

- Осирис II. 222
— О.-Апис II. 219
— О.-Сарапис II. 228
- Павел, апостол II. 267
- Павсаний (Paus.) I. 39, 53, 54, 75, 111, 117, 120, 124, 126—130, 132, 136—138, 172, 173, 214, 230, 266, 267, 315; II. 228, 299, 303, 304, 306, 309, 312, 364
- Пакувий (Pacuv.) II. 155, 156, 158, 159, 169
- Палиботра II. 250
- Пальматий II. 104
- Памфила II. 305
- Пан II. 149, 348
- Панетий II. 157, 166, 235, 236, 292
- Панталеон, сын Деметрия I Бактрийского II. 18, 19
- Пантакл, сын Клеомброта I. 277, 280
- Папирий Курсор II. 151
- Папирий Фабиан II. 163
- Парис II. 153, 363
- Парфений, сын Сириска I. 322
- Пасион I. 23
- Патайк I. 295
- Патанджали II. 22
- Патрокл II. 308, 324, 344
- Патрон, сын Доротея I. 242
- Певкест I. 92
- Пелей II. 300
- Пелопид I. 30
- Перадона II. 228
- Пердикха I. 118, 135, 218
- Периандр II. 309
- Перикл I. 16, 19; II. 299, 328, 329
- Перисад I. 258, 284—304, 307, 309
- Перисад II. I. 296, 297, 302—307, 309
- Перисад III. I. 290, 304—307
- Перисад IV. I. 306—307
- Перисад V. Филометор I. 306, 307
- Перисад VI. I. 307
- Перифой II. 306
- Персей Китийский II. 292
- Персей, царь Македонии I. 158, 159; II. 99, 153, 154, 159, 246, 349
- Петосири II. 202
- Пигмалион II. 304
- Пизон, Луций Корнелий II. 164
- Пиндар (Pind.) I. 214
- Schol. Pind. I. 213
- Пирготель II. 331
- Пирр I. 145, 146; II. 151, 281, 348
- Пиррон II. 308
- Питей I. 137
- Пифагор, военачальник II. 80
- Пифей из Массалии II. 242, 284
- Пифокл II. 233
- Пифон, правитель Мидии II. 12
- Плавт, Тит Макций (Plaut.) II. 60, 155, 161, 265
- Платон (Plat.) I. 22, 23, 25, 34, 43, 48, 69, 72, 75, 76; II. 160, 164, 168, 169, 175, 286—287, 289, 299, 300, 304, 309
- Платон, сын Евкратиды I. II. 20
- Плиний Младший II. 174
- Плиний Старший (Plin.) I. 252, 272; II. 13, 14, 86, 92, 156, 157, 163—166, 175, 187, 208, 308, 309, 320, 324
- Плутарх Херонейский (Plut.) I. 16, 22, 24, 25, 27, 41, 49, 54, 75, 93, 105, 110, 116, 118, 120, 122, 128—130, 132—137, 139, 162—166, 169—184, 199, 215, 219, 220, 259, 260; II. 13, 21, 44, 47, 49, 63, 64, 66, 68, 77, 83, 86, 92, 98, 101, 104, 145, 169, 170, 224, 225, 235, 237, 269, 280, 283, 284, 287, 288, 299, 309, 310, 312
- Плутон II. 219
- Полемон Перизет (Polem.) II. 300, 303, 308—310, 312, 315
- Полибий (Polyb.) I. 84, 164, 170—172, 175, 179, 182, 187, 188, 192, 200, 201, 202, 204, 207, 210, 221, 232, 278; II. 16, 39, 60, 62, 63, 70, 81—83, 97, 151—153, 155—158, 173, 178, 192, 212, 213, 228, 243, 269, 280—282, 284—288, 291—297
- Полигнот II. 333, 352
- Полидор II. 360
- Полидевк II. 285
- Полиевкт II. 326
- Полиен (Polyaen.) I. 191, 199, 255, 288, 289, 291
- Полизел, эфесец I. 119
- Полистор, Корнелий Александр, отпущенник Суллы II. 162
- Поликлет II. 316, 326, 361
- Полиперхонт I. 96
- Полифем II. 301, 360
- Полихарм I. 270
- Поллид II. 299
- Поллуks I. 368
- Помпей Великий, Гней II. 91—94, 96, 100, 103—105, 109, 111, 162, 174
- Помпей Трог (Pomp. Trog.) (см. также Юстин) I. 105, 258—260; II. 37, 38, 172, 174
- Помпоний Мела II. 164
- Помпоний Порфирион II. 301
- Понтий II. 157
- Пор II. 13
- Посейдон I. 164, 245, 282; II. 225, 229, 230, 320, 358
- Посидип II. 211, 240, 241, 302, 320
- Посидоний, галикарнаец II. 229
- Посидоний, стоик II. 162, 164, 166, 178, 228, 235, 236, 244, 245
- Постумий, Авл II. 157
- Пракситель II. 326
- Приам II. 149
- Приап II. 362
- Притан, сын Перисады I. 285, 295, 297, 298
- Проперций II. 303
- Протагор I. 21
- Протоген II. 333
- Протоген Ольвийский I. 250, 270, 272, 275, 278, 280
- Прусий Вифинский II. 63, 294
- Псевдо-Скилак (Pseudo-Scylax.) II. 91
- Псевдо-Скимн (Pseudo-Scymn.) I. 275, 314; II. 90, 91, 108
- Псевдо-Хон I. 48
- Психей II. 348
- Птолемей I. II. 13, 94, 98, 142, 146, 199, 230, 238; II. 49, 61, 117—119, 120, 122, 123, 124, 127, 133, 136, 139, 207, 208, 209, 212, 219, 225, 227, 243, 271, 308, 317, 350
- Птолемей, географ (Ptolem.) I. 275; II. 107
- Птолемей из Мегалополя II. 295
- Птолемей I Сотер I. 200, 215, 219, 220; II. 67, 116, 118, 213, 216, 225, 268, 281, 298
- Птолемей II Филадельф I. 145, 146, 147; II. 116, 120, 121, 125, 128, 214, 298, 299, 332
- Птолемей III Эвергет I. 187; II. 70, 305, 350
- Птолемей Керавн I. 144; II. 298
- Птолемей, сын Арсинои и Лисимаха I. 146
- Пушьямитра II. 18, 22
- Пзоний из Эфеса II. 322, 343
- Рамессиды II. 118
- Рома I. 246
- Ромул II. 142, 151, 156, 163
- Ронак II. 314
- Румата из Антиохии I. 241
- Рутилий Рут, Марк II. 156, 296
- Саб II. 154
- Сабазий I. 328; II. 229
- Савмак I. 307
- Садал II, фракийский царь II. 90
- Саллустий Крисп, Гай II. 171
- Pseudo-Sall. I. 207
- Самкаршана II. 36
- Саргон II. 273
- Сатир I. I. 286, 288—294, 296, 297, 307
- Сатир II. I. 285, 286, 289, 291, 297, 298, 307, 308
- Сатир, сыр Перисады III. I. 304, 305, 307
- Сатир, брат Клеарха I. 50
- Сатирион I. 295
- Сатурн II. 156
- Сафо II. 263, 314
- Светоний Транквилл, Гай (Suet.) II. 46
- Свиды (Suidas) I. 48, 49
- Секст Эмпирик (Sext. Empir.) II. 238, 257, 310, 312
- Селевк I Никатор I. 97, 144, 156; II. 13, 14, 60, 62, 67, 72, 75—78, 80, 83, 203, 213, 226, 228
- Селевк II Каллиник I. 191; II. 15, 38, 39, 62, 68, 69, 73, 82, 106, 219
- Селевк III. II. 70
- Селевк IV II. 68, 204, 246, 313
- Селевк, сын Антиоха Гrippa II. 82
- Селевк I Боспорский I. 286, 297, 307
- Селевк II Боспорский I. 294, 299, 300, 301, 307
- Селевк Халдеянин, астроном II. 209
- Селевкиды I. 10, 13, 87, 94, 95, 98, 142, 146, 156; II. 10, 14—16, 23, 38, 39, 41, 42, 54, 59—64, 67, 69, 72, 75—78, 80—84, 207, 208, 217, 225, 226, 243, 246, 271, 274
- Селена II. 363
- Семела II. 228
- Семпроний Азеллион II. 296
- Семпроний Кварт (Sempronius Quartus) II. 264
- Сенека Младший, Луций Анней (Senec.) II. 164, 166, 169, 174—176, 348
- Серapis (Сарапис) II. 219, 223, 229—231, 233, 245, 246, 299
- Сервий Туллий II. 142
- Сервилий Рул II. 99
- Сивилла II. 151, 153
- Сикан I. 19
- Силен, финикиец II. 295
- Симонид (Simonid.) I. 266
- Симонид, путешественник II. 243
- Синп I. 117
- Сир II. 304
- Сириск, сын Гевресибия I. 264
- Скопас II. 316, 324, 359, 362
- Сократ I. 20, 25, 34; II. 163, 174, 175, 286, 301, 328
- Солон I. 24, 209; II. 234, 306
- Сосий II. 339, 353
- Сосил II. 295

- Сострат Книдский, сын Дексифана II. 320
 Сострат, афинянин I. 241
 Сосфен I. 144
 Сота II. 74
 Софокл I. 60; II. 328
 Софокля из Дардана I. 241
 Спарток I. I. 284, 286, 307
 Спарток II. I. 286, 287, 307
 Спарток III. I. 284—286, 288—293, 296, 301, 307
 Спарток IV. I. 284, 294, 296, 299—304, 306, 307
 Спарток V. I. 296, 304, 305, 307, 309
 Спарток VI. I. 304, 306, 307, 309
 Спартокиды I. 47, 49, 258, 284—287, 289—291, 293—299, 306—308, 348, 370
 Спартон I. 215, 218
 Спитамен I. 92
 Спурий Кассий II. 142, 152
 Спурий Меллий II. 152
 Статий Себез II. 162
 Стефан Византийский (Steph. Bys.) I. 252; II. 309
 Стильон II. 305, 308
 Стобей II. 314
 Страбон (Strab.) I. 53, 118, 136, 186—188, 192, 193, 210, 214, 232, 255, 260, 267, 292, 293, 307, 314, 316, 318, 339; II. 13, 19, 20, 21, 30, 38, 61, 66, 68, 73, 74, 77, 79, 83, 85, 91—94, 96, 97, 99—105, 107—109, 111—113, 164, 178, 181, 185, 187, 188, 190, 192, 203, 207, 212, 218, 224, 228, 239, 243, 244, 267, 272, 274, 284, 292, 300, 303, 306, 308, 310, 324
 Стратокл II. 225
 Стратон II. 22, 204
 Стратон из Лампсакса II. 298, 299, 308
 Стратонид I. 270
 Стратоника II. 100, 231
 Сулла, Луций Корнелий II. 43, 162, 165, 172, 174
 Сульпиций Галл, Гай II. 156
 Сурена II. 44
 Сурены II. 48
 Сфер из Борисфена II. 238
 Сцевола, Квинт Муций II. 158
 Сцилла II. 360
 Сципион Африканский, Публий Корнелий II. 152, 153, 156, 159, 160, 171, 173, 174
 Сципион Эмилиан II. 157, 158, 174
 Сымма Цань II. 138
 Таис II. 213, 216
 Танит I. 246
 Таратий, Луций II. 163
 Тарквиний Гордый II. 149
 Тацит, Корнелий I. 257, 259; II. 46, 48, 60, 174
 Тевкриды II. 98
 Телеф, сын Геракла II. 342
 Телл, афинянин II. 234
 Теофраст, эпимелет Делоса I. 234
 Теофраст (Феофраст) I. 331; II. 228, 298, 299, 303—305, 308
 Теренций Афр II. 115
 Тесей I. 69; II. 300, 306
 Тиберий II. 166
 Тигран II. 43, 100; 102
 Тимаген II. 162
 Тимарх II. 60, 62
 Тимей из Тавромена I. 43; II. 187, 243, 280—289, 295—297, 306
 Тимокл II. 211, 289
 Тимократ I. 227
 Тимолеонт I. 30, 42, 48, 54; II. 281, 287, 288
 Тимомах из Кизика II. 363
 Тимон Мизантроп II. 309
 Тимон Силлограф II. 308
 Тимофен, харистиец I. 132
 Тимофан Коринфский I. 41, 42, 52
 Тимофей Керанн I. 49, 50
 Тимофей, сын Конона I. 29, 343
 Тиран, Юлий I. 299
 Тиргатао I. 288, 290
 Тиридат, брат Аршака I. II. 39
 Тиридат, узурпатор II. 45
 Тиртам (см. Теофраст) II. 303
 Тисий, сын Делоптиха, византиец I. 298, 301
 Титений, титан II. 305
 Тифон, сын Лаомедонта II. 302
 Тразимед II. 133
 Требий Нигер II. 162
 Трибалл II. 229
 Трибелл II. 204
 Тритан II. 157
 Трифон II. 41
 Туберон, Квинт II. 157
 Турн II. 172
 Тюхе II. 222, 223, 290, 325, 342
 Уди Чжан Цань, император II. 20
 Фабий Максим Кунктатор II. 159
 Фабий Пиктор II. 154, 157, 295
 Фаларид II. 286
 Фалек, сын Ономарха I. 40
 Фалес II. 125
 Фарнабад II. 113
 Фарнак I. II. 66, 90—93, 97, 100
 Фарнак II. II. 109
 Феб II. 300
 Федр, писатель II. 265
 Федр, стратег I. 118, 136
 Фенипп из Гермонассы I. 290, 291
 Фениппы—Федимы—Артемона I. 296
 Феоген с Икоса II. 300
 Феокл, сын Аристана I. 262, 263
 Феокрыт II. 208, 210, 216, 241, 302
 Феопопп Хиосский (Теопорп) I. 28, 43, 48, 53; II. 248, 280, 284, 287, 295
 Ферекл, архонт I. 285
 Фидий II. 206
 Филарх I. 116; II. 295
 Филет Косский II. 298, 300, 306
 Филетер II. 329
 Филин II. 295
 Филипп Арридей I. 96
 Филипп II Македонский I. 15, 31, 38, 40, 49, 54—58, 67, 68, 70, 78, 80, 82, 83, 95, 100, 137, 139, 142, 151, 161, 217, 219, 230, 250, 258, 322, 354; II. 152, 174, 200, 287, 304
 Филипп V I. 150—154, 158, 167; II. 99, 152, 212, 246, 349
 Филиппид II. 225
 Филиск Милетский II. 281
 Филиск, скульптор II. 358
 Филлист Сиракузский I. 43; II. 280, 281, 287, 288
 Филистида II. 339
 Филодем II. 164, 168, 310
 Филократ I. 358
 Филоксен, македонянин I. 215
 Филоксен, мастер II. 333
 Филолая II. 304
 Филомел I. 39, 54
 Филон Византийский I. 368
 Филопемен I. 168
 Филостефан из Кирены II. 304, 309, 315
 Филота I. 100, 117, 353, 354
 Филохор, аттидограф II. 281, 284, 306
 Фимарх II. 314
 Фимбрия II. 79
 Флавий, Иосиф (Joseph. Flav.) II. 41, 46, 60, 79, 83
 Фламинин I. 154
 Фокион I. 105, 108, 110, 118, 130, 132, 219
 Формион I. 23
 Фортунa II. 350
 Фотий I. 48
 Фраат I. II. 40
 Фраат II. II. 41, 42
 Фраат III. II. 44
 Фраат IV. II. 45, 46
 Фрасибул I. 342
 Фригатиат II. 40
 Фукидид (Thuc.) I. 16, 18—20, 32, 54, 72, 78, 228, 251, 315; II. 60, 66, 287, 288, 293, 299
 Фульвий Нобилиор, Марк II. 160
 Хабрий I. 29, 111
 Хамайлеонт II. 80
 Харес, скульптор из Линда I. 187; II. 324
 Харес, военачальник I. 124
 Харет I. 29, 354
 Харидем I. 29, 111
 Харимутх II. 129
 Хариты II. 300
 Хармид I. 25
 Херс II. 295
 Херестрат из Афин, сын Хередема из Рамунта II. 325
 Хилон, спартиат I. 166
 Хилон, ученый II. 159
 Хремонид I. 146
 Хрисипп (Chrysippus) I. 293; II. 169, 235—238, 304, 310
 Цезарь, Гай Юлий II. 92, 93, 96, 142, 152, 162, 166, 172, 173, 174, 363
 Цезений II. 163
 Целий Антипатр II. 296
 Цетег, Марк Корнелий II. 156
 Цецилий II. 155
 Цицерон, Марк Туллий (Cic.) I. 173, 207; II. 86, 99, 147, 156, 157, 160, 162, 164, 166, 169, 173, 228, 281, 299, 300, 303, 313
 Чанды II. 13
 Чандрагупта (Сандракот) II. 13, 14
 Шунги II. 18, 21, 22
 Эвандр II. 149
 Эвдем II. 308
 Эвклид II. 163
 Эвклид, брат Клеомена I. 165, 175
 Эврипонтиды I. 163, 165
 Эгиала, жена Диомеда II. 284
 Элиан (Aelian.) II. 289
 Элизий II. 169
 Эмилиий Мацер II. 163
 Эмилиус Павел I. 159; II. 154, 159
 Эмпедокл II. 163, 166, 309
 Эней II. 149, 151, 153, 156, 169, 171, 172, 285
 Эней Тактик (Aen. Tact.) I. 48, 354, 855
 Энний (Enn.) II. 155, 156, 158—160, 169, 173
 Эол II. 284
 Эолиды II. 284
 Эос II. 302
 Эпаминонд I. 30

Эпиакса II. 273
Эпигон II. 343
Эпиктет II. 170
Эпиктета II. 229
Эпикур II. 165, 169, 210, 233—236, 242, 305, 329
Эпитадей I. 24, 162, 180
Эпихарм II. 156
Эрасистрат II. 298
Эратосфен II. 242, 243, 281, 282, 304, 305, 306
Эрот II. 53, 346, 348
Эскил (Aesch.) I. 60, 62

Средние века и Новое время

Абаев В. И. П. 246
Андреев В. Н. I. 24
Андреев Ю. В. I. 160, 214
Аннинский С. А. I. 255
Анохин В. А. I. 306, 322, 324—326, 333, 336, 340, 348, 351, 362
Анфимов Н. В. I. 301
Артамонов М. И. I. 255, 289
Бабст И. К. I. 67
Бадалянец Ю. С. I. 189—191, 194—196, 198
Бек А. I. 354
Беленицкий А. М. II. 47
Белецкий А. А. I. 263
Белов Г. Д. I. 316, 318, 319, 337, 339, 354, 357; II. 330, 341, 357
Белова Н. С. I. 296
Бергер А. К. I. 162
Берзина С. Я. II. 30
Бертье-Делагард А. Л. I. 272, 316, 319, 339, 340, 357
Бибби Дж. II. 30
Бичурин Н. Я. II. 21
Блаватская Т. В. I. 259, 263, 352; II. 117, 141, 317
Блаватский В. Д. I. 255, 285, 295, 297, 308, 317, 319, 340, 363, 367, 368; II. 27, 334, 343, 345, 356, 358
Бокшанин А. Г. II. 15, 39, 42, 44, 45
Болтунова А. И. I. 299, 300, 367
Бонгард-Левин Г. М. II. 11, 13, 18, 21, 25, 29
Боннар А. II. 298, 301
Бороздин И. I. 318
Борухович В. Г. I. 62, 65, 69; II. 298
Брашинский И. Б. I. 189, 327
Бритова Н. Н. II. 209, 325, 330, 349
Бузескул В. П. I. 28
Буйский С. В. I. 272
Бунятян Е. П. I. 256, 257
Буске Ж. I. 306
Валиев А. II. 26
Вальдгауер О. Ф. II. 329, 348
Ваулина М. П. II. 331
Васильев А. II. 322
Васильев А. Н. I. 286, 287
Вейнберг И. П. (Weinberg J. P.) I. 86, 88; II. 241
Велков В. И. I. 61
Венедиктов Ив. II. 332
Винкельман И. И. II. 143
Виноградов Ю. Г. (Vinoogradov Ju. G.) I. 252, 262, 263, 264, 268, 271, 273, 282, 310, 313, 315, 345, 350, 370, 371; II. 33, 101
Высотская Т. Н. I. 333
Гайбов В. А. I. 86; II. 55
Гайдукевич В. Ф. I. 290, 292, 295, 297, 301, 304, 306, 307, 316

— Pseudo-Aesch. I. 186
Эскил, посланник Антигона II. 67
Эскин I. 55, 108, 110
Эфор из Кум I. 43, 48, 285; II. 244, 280, 295, 299, 306
Юлий П. 64
Юлий Аттик II. 163
Юлий Басс П. 163
Юлий Греция II. 163
Юпитер II. 151, 159
— Ю. Капитолийский II. 294

Гарлан И. I. 190
Гафуров Б. Г. II. 21
Гегель Г. В. Ф. I. 7
Гулевич А. М. I. 323, 326, 327, 333, 362
Глукина Л. М. I. 22—24, 30; II. 89
Голенко К. В. I. 306
Голенцов А. С. I. 322, 323, 329
Головина В. В. I. 33
Голубцова Е. С. I. 187; II. 103, 108, 117, 141, 218, 317
Граков Б. Н. I. 253, 254, 255, 257, 270, 281, 286, 287, 294, 296, 299, 303, 307, 321, 361
Грч Н. Л. (Ghac N.) I. 289, 303, 304, 305, 306
Гриневич К. Э. I. 319
Давыдова Л. И. II. 212, 217, 229
Давыдова Л. С. I. 160, 162, 183, 185
Дандамаев М. А. I. 60
Дандамаева М. М. II. 278
Дашевская О. Д. I. 199, 322, 323, 329, 359
Денисова В. И. I. 262
Десятчиков Ю. М. I. 297
Диль Э. I. 252
Дитмар А. Б. II. 243, 306
Диттенбергер В. I. 359; II. 246
Доватур А. И. I. 69
Доманский Я. В. I. 252
Дьяконов И. М. (Diakonoff I. M.) II. 47, 49, 50, 54, 118, 228
Дьяконов М. М. II. 15, 44, 46, 48, 49, 100, 106
Егоров В. Л. I. 254
Егупов А. Н. I. 25
Ейне А. I. 10, 98
Ельницкий А. А. I. 252, 255; II. 49, 360
Жебелев С. А. I. 16, 34, 283, 288, 289, 292, 311, 334—337, 339—341, 346—350, 363, 367
Жеребцов Е. Н. I. 316, 317, 331
Живкова Л. II. 333
Зайцев А. И. II. 281
Зеймаль Е. В. II. 30
Зельин К. К. I. 5, 12, 13, 87, 202; II. 5, 115, 119, 120, 135, 141
Зотраф А. Н. I. 194, 271, 272, 323, 324, 326, 333, 359
Золотарев М. И. (Zolotarev M. I.) I. 274, 313, 315, 324, 326, 370
Иванова А. П. II. 333, 353
Ильин Г. Ф. II. 11, 13, 18, 21, 27, 29
Ильинская В. А. I. 255
Исаева В. И. I. 16, 76, 83
Кагаров Е. Г. II. 325

Юстин (Iust.) I. 39, 48, 49, 82, 115, 116, 119, 126, 128, 129, 130, 132, 134, 144, 215, 258, 259; II. 13, 15, 19, 20, 37, 38, 40—42, 47, 48, 83, 101, 183, 189, 190
Ямбул II. 248—251, 255—262, 289
Ясон I. 65, 371; II. 284, 285
Ясон Ферский I. 37, 38, 47, 52, 54—56, 67, 73; II. 285, 287
Ясониды I. 38
Яхве II. 224

Кадеев В. И. II. 101
Казамазова Л. II. 330, 349
Казанский Н. Н. II. 275
Калашиков Ю. П. I. 289
Каллистов Д. П. I. 292
Карагодин А. И. I. 256
Карейша Д. I. 289
Карышковский П. О. I. 194, 252, 262, 268, 271, 272, 278, 323, 345, 362
Кац В. И. I. 319, 335, 351
Казаков Г. И. II. 250
Кацнельсон И. С. II. 243
Кирхгоф И. I. 287
Кляшторный С. Г. I. 256
Кобылина М. М. II. 322, 363
Козина Т. Н. II. 338
Колесников А. Б. I. 314, 322, 324, 328, 330, 332
Колобова К. М. I. 187, 192, 206, 210, 213, 214
Колотова М. Г. I. 62
Колпинский Ю. Д. II. 343
Кондратьев М. А. I. 82, 83, 96, 98
Конькова Г. Н. II. 212, 217, 229
Корпусова В. Н. I. 313
Косцюшко-Валюжинич К. К. I. 317
Коцевалов А. С. (Kocevalov A.) I. 348, 349
Кошеленко Г. А. (Kochelenko G. A., Košelenko G. A.) I. 8, 9, 11, 15, 83, 86, 89, 91, 95, 103, 123; II. 11—14, 17—19, 22—24, 31, 32, 36, 38—42, 44—50, 53, 54, 56—58, 78, 79, 115, 201, 202, 277, 278, 319
Козн Р. I. 98
Кругликова И. Т. (Krouglikova I.) I. 301, 319, 320, 331; II. 24, 32, 34
Крушкел Ю. С. I. 192, 210
Крыжницкий С. Д. I. 250, 261, 262, 263
Крюков М. В. I. 60
Куклина И. В. I. 72
Кунов Г. I. 256
Кутайсов В. А. I. 313, 314, 322, 324, 359, 360
Кэрст Ю. I. 98
Кюнтер Н. В. II. 21
Лазаров М. I. 197
Латышев В. В. I. 28, 250, 264, 267, 277, 281, 284, 288, 289, 292, 298, 304, 310, 334, 335, 339—341, 348, 354, 363, 367, 368
Латышева В. А. I. 329, 330
Левн Е. И. I. 250, 251, 252, 260, 262, 263, 334, 337, 340, 347
Лейпунская Н. А. I. 251, 262
Лекую Г. II. 36
Ленин В. И. I. 6, 196, 205
Ленцман Я. А. I. 16, 200
Лепер Р. X. I. 317; II. 86—89
Лившиц В. А. II. 47, 54

Литвиненко Ю. Н. П. 116
Литвинский Б. А. (Litvinsky B. A.)
П. 33, 34
Ломоури Н. Ю. П. 96, 108
Лопухова О. Б. I. 226
Мандельпанидзе О. Д. П. 116
Лосев А. Ф. П. 317
Лурье С. Я. I. 73, 79
Лютц П. 7

Мавродинов Никола П. 333
Магомедов М. Г. I. 254
Мадж З. I. 275
Максимова М. И. П. 87, 89, 90, 92,
98, 99, 108
Мальмберг В. К. П. 326
Марушештам А. М. П. 48
Маринovich Л. П. I. 18, 28, 65, 89,
97, 104, 107—109, 122, 160, 161,
217, 219; П. 66
Марков Г. Е. I. 256
Маркс К. I. 187, 196, 205, 206; П.
6, 125, 300
Мартин Ю. Ю. I. 287
Марушченко А. А. П. 48
Массон В. М. П. 11, 14, 15, 20,
47—49
Массон М. Е. П. 48, 53, 54
Мачинский А. Д. I. 275
Маяк И. Л. П. 149
Медведева Л. И. I. 326, 359
Миронов А. М. П. 343
Михайлов Г. П. 90
Михайловский К. П. 206, 348
Мищенко Ф. Г. I. 16; П. 291, 292
Мозолевский Б. Н. I. 256
Моисеев Л. А. I. 321
Монахов С. Ю. I. 320
Монгайт А. Л. I. 275
Мурзин В. Ю. I. 313
Мухитдинов Х. Ю. П. 34

Наливкина М. А. I. 324, 337
Наман Дж. Дж. I. 328
Нахов И. М. П. 240
Неверов О. П. 330, 332, 349, 350,
363
Невская В. П. I. 250
Нейхардт А. А. I. 315
Немировский А. И. П. 291
Нерсисянц В. С. I. 34
Николаенко Г. М. I. 311, 319, 320,
321, 331, 335, 363, 364, 367
Новиков С. В. П. 50
Новосадский Н. И. I. 348

Оленев М. Ф. П. 355
Ольховский В. С. I. 313
Оразов О. П. 16
Орешников А. В. I. 318
Отрешко В. М. I. 272

Пальцева Л. А. I. 316, 317, 337, 340,
341, 343, 348, 350
Павловская А. И. П. 117, 119, 141,
317

Пельман Р. I. 33, 34, 162; П. 248
Периханян А. Г. П. 49, 93, 95
Печатнова Л. Г. I. 24, 32
Печенкин Н. М. I. 317
Пигулевская Н. В. П. 47
Пикус Н. Н. I. 9, 90, 91; П. 119, 120,
126

Пичикян И. Р. (Pichikyan I. R.) П. 28,
33, 34, 35
Плетнева С. А. I. 254
Погребова Н. Н. I. 253
Полин С. В. I. 361
Полипов В. Н. П. 52
Поршнев Б. Ф. I. 60
Пригоровский Г. М. П. 248

Прудон П. 125
Путаченкова Г. А. П. 23, 52, 53, 54
Пьянков И. В. П. 30

Раевский Д. С. П. 48
Ранович А. Б. I. 5, 12, 83, 97, 98,
140; П. 66, 67, 77, 86, 115
Рашид-ад-Дин I. 256
Рейнак С. П. 343, 357
Ромодин В. А. П. 11, 14, 15, 20
Ростовцев М. И. (Rostovtzeff M. I.;
Rostowzew M. I.) I. 10, 11, 72, 186,
187, 192, 201, 203, 207, 210, 234,
240, 242, 284, 285, 288, 296, 308,
317, 318, 361; П. 58, 61, 85, 89,
92, 96, 115, 120, 124, 132, 134,
139, 268, 333, 353, 363, 364
Ртвеладзе Э. В. (Rtveladze E. V.) П.
17, 23
Рубан В. В. I. 252, 272

Савеля О. Я. I. 320
Сайко Э. В. П. 28
Самохина Г. С. I. 82, 83
Сапрыкин С. Ю. I. 48, 315—317,
320, 321, 326, 328, 329, 336—338,
340, 342, 343, 348, 363, 370; П.
94, 95
Саркисян Г. Х. (Sarkisian G. Ch.) П.
50, 202, 278
Свенцицкая И. С. I. 86, 246; П. 91,
105, 106, 317

Свобода К. П. 320, 339
Селиванов С. I. 186, 187, 214
Семенов А. (Semenoff A.) I. 335, 340,
341
Сергеенко М. Е. I. 81
Сердитых З. В. П. 17, 18, 22, 23,
26, 35

Серебренников Б. А. I. 295
Силантьева П. Ф. П. 362
Славин Л. М. I. 251, 252, 260
Смирнов К. Ф. I. 346, 362
Соболев П. Н. I. 355
Соболевский С. И. I. 33, 61; П. 233
Сokolov Г. И. П. 341, 343, 350, 353,
356

Соколов Ф. Ф. I. 335, 367
Соколовский Н. И. П. 350
Соломонок Э. И. (Соломонок Э. I.)
I. 311, 313, 319, 334—336, 340,
342, 344, 345, 347, 348, 359, 363,
364, 367

Сорокин Питирим П. 143
Ставиский Б. Я. П. 20, 21, 23
Стефан Л. I. 289
Стрелецкий С. Ф. I. 316, 317, 319,
331, 339, 340, 354, 357, 363, 367,
368
Струве В. В. I. 297; П. 5
Стучевский И. А. П. 118
Суров Е. Г. I. 319

Тахо-Годи А. А. П. 316
Тереножкин А. И. I. 255, 256
Трофимова М. К. П. 135, 141
Трухина Н. Н. П. 158
Туrowsкий Е. Я. I. 320
Тутен Ж. П. 120
Томевен А. И. I. 314, 321, 337, 339,
347, 348, 363

Утченко С. Л. П. 144, 168, 294

Федоров-Давыдов Г. А. I. 255
Фергюсон Ф. П. 61
Филончыч П. И. I. 324
Фирсов Л. В. П. 316
Фикман И. Ф. П. 121
Фол А. I. 267; П. 90
Фрейберг Л. А. П. 308

Фролов Э. Д. I. 18, 20, 23, 26, 32,
34, 36, 43, 57, 68—71, 75, 83, 95,
161, 316, 369; П. 286
Фролова Н. А. I. 325
Фрээр Д. Д. П. 304

Хазанов А. М. I. 255, 257, 286
Хвостов М. М. I. 123

Чингис-хан I. 256
Чубова А. П. П. 212, 217, 229, 333,
353

Шахермайр Ф. I. 88, 90, 96, 98; П.
25

Шварц Д. И. П. 363
Швердяев Ю. Н. П. 355
Шелов Д. Б. (Shelov D. B.) I. 191; П.
113
Шелов-Коведяев Ф. В. I. 258, 297,
370

Ширикова Н. С. I. 72
Шиншова И. А. I. 23
Шкорпил В. В. I. 299
Шкунаев С. В. П. 200
Шмитт Ф. И. П. 328
Шофман А. С. I. 62, 88, 89, 93, 95
Шпенглер О. П. 143
Штерн Э. Р. I. 318; П. 353
Шульц П. Н. I. 311, 321
Шурган И. Г. I. 302

Щеглов А. Н. (Sceglow A. N.) I. 274,
310, 313, 314, 316, 317, 319—323,
325—330, 332, 338, 340, 357, 361,
362
Щербakov Н. А. П. 326

Энгельс Ф. I. 187, 196, 205, 206; П.
6, 125, 300

Яйленко В. П. I. 278, 282, 293, 298,
300, 316, 366, 369; П. 266
Якоби Ф. П. 257
Янушевич З. В. I. 330, 331
Яценко И. В. I. 322, 328, 329

Abgarjans M. T. (Абгарьянц М.) П.
39

Adcock F. I. 76
Africa T. W. I. 161, 166, 170
Alexandrescu-Vianu M. I. 356

Alföldy G. P. 147
Allen R. P. 92
Alscher L. P. 325, 329, 344, 345,
348, 358—361
Altheim F. (Альтхайм Ф.) I. 90
Aly W. P. 86

Anderson J. G. C. (Андерсон Дж.) П.
86, 96, 103, 107

Andréadès A. (Андреадес А.) П. 124
Andronikos M. (Андроникос М.) I.
145; П. 332

Arcehin P. (Арселен П.) П. 181, 182,
192, 193

Asher D. I. 250
Ashton N. G. I. 106, 118

Audouin R. P. 17, 18, 20, 36
Aydard G. I. 24

Aymard A. I. 29, 159, 168

Babelon E. P. 91, 93
Bacon H. N. I. 60
Badian E. (Бэдиан Э.) I. 88, 89, 92,
98, 111, 123, 124, 135, 154, 156,
168, 215, 218; П. 173
Bail W. P. 23, 25
Barends D. (Барендс Д.) I. 355
Barker E. P. 235
Barraud G. P. 178, 181

- Bar-Kochva B. I. 94, 184; II. 101
 Bean G. E. (Бин Г.) I. 187, 206—209, 214; II. 212, 213
 Bean J. G. II. 86, 89
 Beccatti G. II. 349
 Bechtel F. (Бехтель Ф.) I. 359, 368
 Bellinger A. R. (Беллинджер А. Р.) I. 98
 Beloch K. J. (Белох К.) I. 11, 25, 39, 53
 Bengtson H. (Бенгтсон Г.) I. 11, 15, 16, 33, 88; II. 45, 82, 99, 106
 Benoit F. (Бенуа Ф.) II. 194—196
 Benseler G. E. (Бенселер Г.) I. 290
 Benveniste E. II. 33
 Bernard P. (Бернар П.) I. 9, 99; II. 12—14, 16—18, 20, 23, 25, 27, 28—30, 32—34, 36, 54, 55, 204, 205, 208
 Bernabo Brea L. II. 339
 Berthold R. M. (Бергольд Р.) I. 138, 153, 154, 158, 200, 202—204, 209, 210, 213, 215—217
 Berve H. (Берве Г.) I. 35, 36, 43, 48, 90, 111, 216, 218, 343
 Bianchi Bandinelli R. II. 366
 Bichler R. I. 8, 86
 Bickerman E. J. (Бикерман Э.) I. 78, 82, 94, 95, 97, 349; II. 14, 59—63, 66, 68, 73, 78, 82, 83, 91, 100, 101, 106, 141, 220, 226
 Bieber M. II. 326
 Biller J. II. 86, 93, 94, 96, 97
 Bingen J. (Бинген Ж.) II. 116, 120, 121, 122, 124—126, 132, 135
 Bivar A. D. H. II. 21, 22, 57
 Bleckmann F. I. 334
 Boardman J. (Бордман Дж.) II. 186, 190
 Bogaert R. (Богарт Р.) I. 203, 204
 Bollseier G. (Буассье Г.) II. 264
 Bosworth A. B. (Босворт А. Б.) I. 90, 92, 94, 106—108, 114, 215
 Bouché-Leclercq A. (Буше-Леклерк А.) I. 9
 Bourriot F. II. 89
 Braccasi L. I. 105; II. 172
 Briant P. (Бриан П.) I. 10, 80, 86, 93, 96, 97, 98, 118, 144, 150; II. 12, 25, 100, 107
 Bringmann K. (Брингманн К.) I. 62, 80
 Briscoe J. I. 151, 153, 154
 Brixhe C. II. 266, 275
 Broughton T. R. S. II. 96, 108
 Brown F. E. II. 58
 Brown T. S. II. 284
 Brownson J. V. I. 352
 Bruce I. A. I. 215
 Bruce J. A. F. I. 18
 Brulé P. I. 153
 Bruneau Ph. I. 224, 236, 239, 245, 246, 248
 Brunt P. A. I. 92
 Bryce T. R. II. 271
 Buck C. D. (Бак К.) I. 366; II. 263
 Bulard M. I. 246
 Bursalis K. I. 230
 Burlich N. J. (Берич Н.) I. 88
 Burr D. II. 349
 Burstein S. M. (Берштейн С. М.) I. 48, 315, 317
 Busolt G. I. 231, 348, 364
 Cabanes P. I. 149
 Calder W. (Кальдер В.) II. 107
 Carcopino J. (Каркопино Ж.) II. 190
 Cardascia G. II. 6, 7
 Cary M. I. 118
 Casson L. (Кассон Л.) I. 210
 Cawwell G. L. I. 28
 Chambers M. (Чамберс М.) I. 145
 Chamoux F. (Шаму Ф.) II. 205—207, 210, 245
 Chandra R. C. II. 29
 Charbonneaux J. II. 348, 356, 358
 Chrimmes K. T. M. (Чраймз К.) I. 179, 183, 184
 Christ W. I. 285
 Christensen J. I. 161
 Clavel-Lévêque M. (Клавель-Левек М.) II. 185, 189, 190, 192, 193
 Cloché P. I. 89, 103, 177; II. 11, 12
 Cochiaro G. II. 340
 Cogrossi C. II. 142
 Cohen G. M. (Коэн Дж. М.) II. 78, 79, 101, 103, 104
 Colbert de Baulieu J.-B. II. 178, 181, 198
 Colin G. I. 28, 105
 Colledge M. A. R. II. 47, 56
 Connolly P. II. 29
 Cook J. M. II. 212
 Cook R. M. II. 353
 Couilloud M. Th. (Куйлу М. Т.) I. 241, 242
 Coupury J. (Купри Ж.) I. 223
 Stampa J. II. 69, 221
 Crawford V. H. II. 153
 Cumont F. (Кюмон Ф.) II. 57, 78, 89, 95
 Curiel R. II. 17
 Daux G. I. 335
 David E. I. 160, 161
 Davies J. K. I. 111
 Debevoise N. C. II. 42, 44, 46
 Debord P. II. 72
 Déchelette J. II. 178, 185, 187, 188
 Delarue M. II. 27
 Deroc A. II. 178, 198, 200
 Deshayes J. II. 57
 Downey G. II. 204, 313
 Dibiaš J. II. 43
 Dickens G. II. 325
 Diesner H. J. I. 29
 Diez G. I. 190
 Dobesch G. I. 62
 Dohm T. II. 325
 Dreizehner A. II. 92, 103, 104
 Droysen J. G. (Дройзен И. Г.) I. 5, 7, 8, 9, 86; II. 12, 115
 Duboi de Montpereux F. (Дюбуа де Монпере Ф.) I. 319
 Dubuisson M. (Дюбуиссон М.) II. 265
 Ducat J. I. 239, 248
 Ducrey R. I. 364
 Dupont-Sommer A. II. 33
 Durrbach F. I. 108
 Duval A. II. 191
 Duval P.-M. II. 193
 Edelstein L. II. 236
 Edson Ch. I. 90
 Ehrenberg V. (Эренберг В.) I. 95, 97, 216, 231; II. 94, 225
 Empereur J.-Y. I. 189
 Errington R. M. (Эррингтон Р.) I. 96, 134; II. 173
 Erzen A. II. 273
 Eucken Ch. (Ойкен К.) I. 69
 Falkenstein A. II. 58
 Ferguson J. I. 34, 72
 Ferguson W. S. I. 233, 234; II. 202, 210
 Fine J. V. A. (Файн Дж.) I. 24
 Finley M. I. (Финли М.) I. 24, 42, 160
 Firatli N. I. 359
 Fischer Th. II. 42
 Flacelière R. I. 144, 146, 148, 156
 Flach D. I. 18
 Flashar H. I. 33
 Fletcher W. II. 103
 Flinckfort H. P. (Франкфор А. П.) II. 17, 27, 28, 36
 Francis A. de. I. 358
 Francotte H. I. 348
 Fraser P. M. (Фрезер П.) I. 187, 188, 191, 192, 194, 199, 201, 205—209, 212, 214, 216, 218; II. 25
 Fredrickmeyer E. A. I. 98
 Freeman E. A. I. 42
 Frézouls Ed. II. 76
 Fritz K. von I. 69, 80
 Frye R. N. (Фрай Р. Н.) II. 15, 17, 21, 22, 38—40, 42—44, 46, 48
 Fuks A. (Фукс А.) I. 18, 26, 161, 163, 165, 172, 176, 177, 181
 Funck B. II. 202, 226
 Fussman G. II. 17
 Fybbe Th. II. 106
 Gabba E. II. 149, 153
 Gall H. von. II. 55
 Gallet de Santerre H. I. 223, 228
 Garczynski P. II. 27
 Gardin J.-C. (Гарден Ж.-К.) II. 26
 Gardiner A. H. II. 118
 Gauthier P. I. 76
 Gauthier Ph. (Готье Ф.) I. 227, 231
 Gawanika W. I. 76
 Gehrke H.-J. (Герке Х.-Й.) I. 18, 26, 103, 336, 342, 343, 345—347
 Gentile P. II. 26
 Geyer F. I. 111; II. 96
 Ghassouli N. II. 27
 Ghinatti F. I. 369
 Ghirshman R. II. 55, 56
 Goodenough E. R. (Гуденоу Е. Р.) I. 97; II. 245
 Goetze A. (Гетце А.) II. 270
 Goudinau Ch. (Гудино К.) II. 179, 181, 186, 191
 Goukowsky P. I. 22, 53, 55, 88, 103
 Grace V. I. 189—191, 195, 197
 Gray V. I. 70
 Greghaigh P. II. 104
 Gregoire H. (Грегюар А.) II. 86, 97, 104
 Grenet F. II. 27
 Grenelle B. P. II. 120
 Griffith G. T. I. 92, 96, 111, 120, 123, 183, 184; II. 101
 Gruen E. S. I. 158; II. 149, 153, 155
 Gschnitzer F. I. 231, 345, 369
 Guarducci M. I. 271, 281, 369
 Guillaume G. II. 27, 33
 Gundel G. II. 150
 Günther A. II. 45
 Günther W. II. 14
 Gutschmidt A. II. 44
 Haahrhoff T. G. II. 213
 Habicht Chr. (Хабикт К.) I. 82, 134, 135, 364; II. 224
 Hackl U. I. 18
 Hahn I. II. 82
 Hamilton J. R. I. 90, 92, 134
 Hammond N. G. L. (Хэммонд Н. Г. Л.) I. 15, 16, 104, 159; II. 172
 Hampl F. I. 55
 Hanfmann G. M. A. II. 220
 Hannel K. I. 317
 Hansen E. V. II. 308
 Hansman J. II. 55
 Harmatta J. II. 118

Härtel H. II. 22
 Hatzopoulos M. B. I. 353, 364
 Hauben H. (Хаубен Г.) I. 118, 138, 215, 216, 218, 220
 Haudricourt A. II. 27
 Haynes D. I. 60
 Heberdey R. II. 83, 98, 274
 Heichelheim F. (Хайхельхайм Ф.) I. 10; II. 123, 125
 Heinen H. (Хайнен Х.) I. 144, 146
 Heinmann F. I. 35
 Heisserer A. J. I. 95, 103, 106, 133, 134, 138, 344, 346
 Hellinckx E. I. 28
 Helms S. W. II. 25
 Henning D. I. 231, 364
 Heres V. II. 342
 Hermann G. I. 82
 Herrman P. I. 345; II. 227
 Heuss A. II. 226
 Hevelock C. M. II. 318
 Hicks E. L. II. 274
 Hiller von Gaertingen F. (Гиллер фон Гертинген Ф.) I. 194, 199, 207
 Hirschfeld G. II. 93
 Hodot R. I. 345
 Hoffman O. I. 264
 Holl K. II. 267
 Holleaux M. (Олло М.) I. 343
 Holm Ad. I. 42
 Holt F. II. 17
 Homolle Th. I. 230; II. 89
 Hornblower J. I. 104, 114, 127; II. 290
 Hourani G. P. II. 30
 Houwink ten Cate Ph. H. J. (Хоуинк Ф.) II. 274, 276
 Hubert H. I. 143
 Hunt D. II. 107

Jacquet-Champoiseau G. II. 342
 Jäger W. I. 69, 71
 Jäkel S. I. 62
 Jannoray J. (Жаннорэ Ж.) II. 178, 183—185, 192
 Jaschinski S. I. 89, 103, 106, 114, 134, 135
 Jenkins G. II. 40
 Jensen I. 266
 Joffroy R. II. 187
 Jones A. H. M. II. 85, 87, 96, 103, 204
 Jouguet P. I. 103; II. 11, 12
 Jullian C. (Жюльен К.) II. 190

Kahrstedt U. II. 46
 Kalinka E. II. 271
 Kasper S. II. 338
 Kawerau G. I. 278, 282
 Kehl K. 69
 Keil B. (Кайль Б.) I. 367
 Kenner H. II. 325
 Kent J. H. I. 231
 Kessler J. I. 60
 Kieckers E. I. 367
 Kirchner A. I. 300, 359
 Klaffenbach G. I. 231
 Kleiss W. II. 55
 Klengel H. II. 57
 Kluge K. II. 323
 Kondis T. I. 188
 Körte A. I. 106
 Kreissig H. (Крайсиг Х.) I. 10, 86; II. 61, 100, 101, 109, 115, 116, 203
 Krentz P. I. 18
 Krieses A. II. 206
 Krömer D. I. 71

Kruta V. (Крута В.) II. 177, 179, 181, 182, 186, 187, 191, 192

Lacroix M. (Лакруа М.) I. 227
 Laidlaw W. A. I. 233, 234, 238
 Laing D. R. I. 106
 Lahiri A. N. II. 19, 29
 Larsen J. A. O. I. 159
 Langyel L. II. 198
 Latte K. II. 89
 Laumonier A. II. 223
 Launey M. I. 94, 163, 184; II. 101
 Lauter H. II. 325
 Lazenby J. F. I. 11
 Legon R. F. I. 25
 Lehmann-Hartleben K. II. 323
 Lejeune M. II. 263
 Lengauer W. I. 71, 75
 Lenger M.-Th. II. 117
 Leonard K. II. 98
 Lepore E. I. 115
 Leriche P. (Лерич П.) II. 27, 36, 81
 Le Rider G. II. 39, 43
 Lévesque P. (Левек П.) I. 94, 97, 145; II. 61, 101, 115
 Levi M. A. I. 66; II. 172
 Lieger J.-C. II. 27
 Linfert A. II. 326
 Lintott A. I. 26
 Littrow H. II. 342
 Long A. A. II. 326
 Loraux N. I. 105
 Lotze D. I. 176
 Luccioni J. I. 67, 71
 Lullies R. II. 326
 Lüders H. II. 37
 Lushey H. II. 55
 Lyonnet B. II. 26

Mactoux M. D. I. 61
 Maes K. F. von Wouterghem II. 335
 Magie D. II. 85, 93, 94, 96, 103
 Maier F. G. (Майер Ф.) I. 264, 280, 338, 351, 352, 354, 356—358
 Maiuri A. I. 193, 204, 207, 208, 210
 Majumdar M. G. II. 21
 Mallowan M. II. 30
 Mallowitz A. II. 57
 Malloy A. G. II. 93
 Mc Cabe D. F. I. 352
 Mc Donald A. I. 153
 Mc Dowell R. H. II. 44, 46, 277
 Mc Ging B. C. I. 343; II. 101
 Mc Gregor M. F. I. 19
 Mc Nicoll A. II. 25
 Marconi P. II. 338
 Marek Chr. I. 345
 Margaret G. II. 319
 Markianos S. S. I. 108
 Marshall J. (Маршалл Дж.) II. 25, 27, 29
 Martin R. II. 348, 356, 358
 Martinet A. (Мартинет А.) II. 264
 Maspero H. (Масперо А.) I. 9
 Mathieu G. I. 106
 Mathieu J. I. 64, 67, 80
 Maugham R. II. 5
 Meiggs R. I. 213
 Meloni P. I. 40
 Meltzer O. I. 42
 Menzel A. I. 35
 Meritt B. D. I. 19
 Merkelbach R. I. 215
 Meyer E. II. 42
 Meyer-Leonard E. II. 269
 Miccola E. I. 66
 Michel Ch. I. 106
 Migotte L. I. 343
 Miller S. G. I. 111, 126, 128
 Milne J. G. I. 94

Milner W. II. 206
 Minns E. (Миннз Э.) I. 101, 340, 351, 352, 357; II. 56
 Minorsky V. II. 45
 Missitzis L. I. 353
 Missler H. E. L. (Мисслер Г.) II. 269—270
 Mitchell F. W. I. 105, 109, 114, 129, 343
 Mitchehiher M. II. 17
 Mitford T. II. 86
 Moggi M. I. 360
 Mohen J.-P. II. 177, 178
 Momiagliano A. (Момильяно А.) I. 10, 55, 80
 Montevecchi O. II. 268
 Mooren L. I. 91
 Morelli D. I. 192, 199
 Moretti L. I. 119, 129, 204, 345
 Morrison J. S. I. 109, 116, 118
 Morrow G. R. I. 69
 Mosley D. I. 76
 Mossé C. I. 22, 28, 34—36, 43, 48, 53, 55, 103, 170, 184
 Moulakis A. I. 345
 Müller W. II. 345, 356, 357, 359, 361, 362
 Münsterberg R. I. 359
 Münzer F. (Мюнцер Ф.) II. 308

Nachtergaele G. (Нахтергэль Ж.) I. 144, 145
 Narain A. K. (Нарайн А. К.) II. 15—18, 20
 Nebert R. (Неберт Р.) II. 309
 Neuburg N. II. 206
 Neumann G. (Нойман Г.) II. 266, 273, 277
 Newell E. II. 15
 Nicolet Cl. II. 142, 152
 Niese B. (Низе Б.) I. 9
 Nilsson M. P. (Нильсон М. П.) I. 190; II. 216, 229, 230
 Nolte F. I. 33
 Nouhaud M. I. 60
 Nowicka M. I. 328

Oates G. A. (Оутс Дж.) I. 205
 Oelsner J. (Эльснер И.) II. 266, 278
 Ognenova-Marinkova L. I. 356
 Oliva P. (Олива П.) I. 24, 161—168, 170, 172, 176, 177, 179, 184
 Ollier F. I. 161
 Olmstead A. T. II. 41
 Olshausen E. II. 85, 86, 89, 93, 94, 96, 97
 Ormerod H. A. II. 89, 96
 Orrieux Cl. I. 116
 Osborne R. I. 231, 364

Pape W. I. 290
 Parke H. W. I. 28, 39, 123
 Parsons E. A. II. 298
 Pećirka J. I. 22, 328
 Pédech P. II. 291
 Pélekidis Ch. I. 109
 Peremans W. (Переманс В.) I. 91; II. 268
 Perlman S. (Пелман С.) I. 60, 67, 80
 Pestman P. W. II. 117
 Petit P. I. 88; II. 94
 Petitot-Biehler C. Y. II. 17
 Petschow H. II. 5
 Picard Ch. I. 244
 Picon M. I. 189
 Pietrangeli C. II. 358
 Pietro Griffo II. 338
 Pillet M. II. 58

- Pinkwart D. II. 356
 Plassart A. I. 138
 Pleket H. W. I. 349
 Pocetti P. II. 265
 Pohlenz M. I. 60
 Poland E. II. 87—89, 229
 Pollit J. I. 82
 Poppidi D. M. I. 267
 Portier E. (Портье Э.) II. 216
 Pouilloux J. I. 349
 Powell T. G. E. II. 176
 Préaux Cl. (Прео Кл.) I. 8, 94, 95, 98, 202; II. 88, 115, 116, 119, 120, 124, 125, 132, 135, 268
 Prüchman O. II. 6
 Pugliese Carratelli G. (Пульезе Каррателли Дж.) I. 206, 212, 216
 Py M. II. 179, 183
 Raafsaub K. I. 336
 Ramsay W. (Рамсей У.) II. 93, 104, 107
 Rapin C. II. 27, 32, 33
 Rathbone D. W. I. 200
 Rawlings H. R. I. 152
 Rawson E. II. 143, 149, 155, 157, 161, 163
 Rehm A. I. 278, 282, 306
 Reinach T. (Рейнак Т.) II. 86, 87, 89, 91, 93, 96
 Reinach A. II. 196
 Rhodes P. J. I. 108, 109
 Riepe R. II. 340
 Riezler K. (Рицлер К.) II. 123, 125
 Robert J. (Робер Ж.) I. 349, 355—357, 360
 Robert L. (Робер Л.) I. 267, 335, 342, 345, 349, 353, 355, 356—361; II. 32, 33, 68, 82, 86, 95, 98, 105, 106, 204, 220, 227, 229
 Roberts C. H. II. 269
 Robinson D. M. II. 86, 89
 Roesch P. (Рёш П.) I. 238
 Rohde E. II. 322, 328, 337, 360
 Rolland H. (Роллан А.) II. 194, 195
 Romilly J. de I. 345
 Root M. (Рут М.) I. 72
 Rosen K. I. 134
 Rouguelle A. II. 27
 Roussel P. (Руссель П.) I. 223, 234, 235, 237, 238, 241, 242, 244
 Roux G. (Пу Ж.) I. 228
 Rowland B. II. 29, 35
 Ruben W. (Рубен В.) II. 8
 Ruge W. II. 90, 94
 Rumpf A. II. 346
 Ruschenbusch E. I. 109
 Ryder T. T. B. I. 33, 55
 Salmon J. B. I. 41, 126
 Sahlat Fr. (Сальва Ф.) I. 235, 250, 366, 369
 San Nicolo M. II. 5
 Sartori G. II. 243, 298, 306
 Savvatanou-Petropoulakou M. I. 191
 Schaefer A. (Шэфер А.) I. 284, 286, 288
 Scheele M. I. 19
 Schefold K. II. 323
 Scherer A. I. 264
 Schlumberger D. (Шлюмберже Д.) I. 9; II. 33, 56, 319
 Schmidt E. II. 57, 348
 Schmitt H. I. 156
 Schmitt J.-M. I. 109
 Schneider C. (Шнайдер, Шнейдер) H. 202, 205, 210, 241, 364
 Schneiderwind E. I. 179
 Schneiderwirth J. H. (Шнайдервирт И. Т.) I. 314
 Schreiber T. II. 356
 Schteuben H. von II. 326
 Schubart W. (Шубарт В.) II. 246
 Schubert R. I. 104, 119
 Schulten A. I. 234
 Schweizer E. (Швейцер Э.) II. 267
 Schwyzer E. I. 334, 344, 352, 359, 367, 369; II. 263
 Scuderi R. II. 149, 153
 Seager R. II. 92, 103
 Segre M. II. 103
 Selbert J. (Зайберт Я.) I. 88, 89, 95, 98, 104, 336, 342, 343, 345; II. 90
 Sellers E. (Сэллерс Э.) II. 308
 Sellwood D. G. (Селлвуд Д.) II. 39
 Sharma G. R. II. 22
 Shmiron B. (Шмирон Б.) I. 161, 163, 165—167, 170, 171, 173, 174, 176—179, 183—185
 Siedentorf H. I. 351
 Siewert P. I. 335, 338
 Simonetta A. II. 17
 Simpson R. H. I. 104
 Sinclair T. A. I. 34
 Sokolowski F. II. 213, 229, 231
 Sordi M. (Сорди М.) I. 37, 48
 Srivastava A. K. II. 22
 Stählin I. 118
 Stefan A. I. 274
 Stoian I. I. 356
 Stroheker K. F. I. 43
 Stronach D. II. 55
 Susini G. I. 208
 Swindler W. II. 208
 Swoboda H. I. 231
 Taeger F. II. 224
 Tait J. C. II. 269
 Tarn W. W. (Тарн В.) I. 12, 82, 89, 145, 146, 216, 236, 248; II. 15—17, 22, 30, 59, 120, 142, 211, 248
 Te Riele G. I. 360
 Texier J.-G. I. 154, 166, 167, 171, 184
 Theodorsson S. II. 265
 Thompson H. A. I. 120, 230
 Thomsen B. D. II. 330
 Thorval J. II. 27
 Thumb A. I. 264, 367
 Tigerstedt E. N. I. 161
 Timpe D. II. 297
 Toynbee A. (Тойнби А.) I. 60; II. 143
 Tréheux J. I. 238
 Treuber W. II. 271
 Turner E. I. 90, 91
 Uguzzoni A. I. 369
 Urban R. I. 148
 Valence R. de. II. 27
 Vallois R. II. 206, 338
 Vanaja R. II. 29
 Van Berchem D. (Ван Берхем Д.) I. 244
 Van Gelder H. I. 212, 218
 Vardiman E. E. II. 202, 210
 Venedikov I. I. 356
 Veuve S. II. 27
 Vial Cl. (Вяль Кл.) I. 223, 224, 226, 227, 331
 Vidal-Naquet P. II. 126
 Villard F. (Вильяр Ф.) II. 185, 187, 188, 190, 348, 356, 358
 Vulpe R. (Вульпе Р.) I. 275
 Wade-Gery H. T. I. 19
 Waddington W. II. 91, 93
 Wahrl H. II. 287
 Walbank F. W. I. 96, 145, 146, 149, 150, 152—154, 158, 163, 165, 168, 210; II. 30, 63, 78
 Waldbaum J. S. II. 220
 Walek T. I. 105, 118
 Warmington E. H. II. 147
 Wasowicz A. I. 316
 Webster T. B. L. (Вебстер Т. Б.) II. 241, 314, 318
 Weimert H. (Ваймерт Х.) II. 85, 90, 91, 93, 96, 97, 103
 Weinberg G. D. I. 188
 Weinreich U. (Вайнрайх У.) II. 264, 269
 Welles C. B. (Уэллс К.) I. 97, 360; II. 11, 59, 94
 Wellesley K. II. 96, 103
 Wells I. 349
 Welskopf E. II. 77
 Wendland P. I. 80
 Werner R. (Вернер Р.) I. 284, 304, 306
 West A. B. I. 19
 Westermann W. L. II. 298
 Westlake H. D. I. 37, 43
 Wetzel F. II. 57
 Wheeler M. II. 25
 Whitehouse D. II. 25
 Wielowiejski J. I. 275
 Wilcken U. (Вилькен У.) I. 9, 33, 80, 98; II. 115, 268
 Wilhelm A. (Вильхельм А.) I. 119, 231; II. 83, 98, 274
 Will E. (Виль Эд.) I. 8, 11, 15, 16, 22, 53, 55, 89, 103, 104, 143, 145—147, 149, 150, 158—160, 248; II. 12, 15, 16, 39
 Will W. I. 89, 106, 114, 135
 Williams J. M. I. 103, 105, 108, 109
 Williams R. T. 109
 Wilson D. R. II. 94, 96, 97
 Winckelmann St. II. 334
 Winter F. II. 319
 Wintermeyer U. II. 334
 Wirth G. (Вирт Г.) I. 92, 123; II. 172, 173
 Wolski J. (Вольский И.) II. 14, 15, 38, 48
 Wood N. I. 71
 Woodward A. W. I. 119
 Wörrie M. (Ворле М.) II. 81, 106, 217
 Worthington I. I. 11, 124
 Wycherley R. E. I. 121
 Zahle J. II. 271
 Zavadzki T. (Завадский Т.) II. 64
 Zgusta L. I. 282
 Ziebarth E. (Цибарт Е.) I. 193, 194; II. 87—89
 Ziehen L. I. 278
 Zinslering G. II. 360
 Zürcher E. II. 21

- Абдеры I. 353, 356 *
- Абидос I. 118, 194; II. 80
- Абонутейх (Ионополь, совр. Ине-боли) II. 86—90, 93, 94, 112, 113
- Авенно (совр. Авиньон) II. 199
- Авроман I. 101
- Агд II. 185
- Агригент II. 321, 355
- Адриатическое море, Адриатика I. 45, 156; II. 284
- Азия I. 7, 50, 56, 62, 64—67, 79—81, 107, 111, 114, 117, 120, 122—124, 215; II. 30, 39, 42, 63, 64, 80, 81, 152—154, 243, 290, 312
- Римская провинция Азия I. 232; II. 64, 73, 102, 158
- Ай-Ханум (Александрия Оксидана) I. 9; II. 20, 23—29, 31, 33, 34, 36, 37, 53, 204—206, 208
- Акарания I. 127, 128, 133, 149, 150
- Акрагант I. 43
- Акрокоринф I. 148, 150, 166
- Алабанд II. 67, 204
- Александрия (Антигония) II. 77
- Александрия в Арахосии (Кандагар) II. 24
- Александрия в Маргиане II. 13
- Александрия Кавказская (Беграм) II. 25
- Александрия Египетская I. 199, 207, 236; II. 116, 117, 130, 132, 136, 168, 204—207, 209, 212, 267—269, 281, 298, 299, 305, 308, 314, 317, 319, 330, 333—335, 338, 349, 352
- Александрия Троида II. 67, 81, 204
- Ализия I. 127
- Альба Лонга II. 149, 163
- Амасия II. 85, 91, 92, 94, 100, 108, 109, 112, 113
- Амастрия II. 91, 94, 98, 112
- Америя II. 93
- Амис I. 359; II. 92, 96, 97, 100, 105, 112
- Амисена II. 96
- Амлада II. 80
- Аморгос I. 106, 118, 120, 139, 199, 200, 201, 208
- Амударья р. II. 20, 21
- Амфиполь I. 57, 275
- Анатолия
- Восточная А. II. 85, 95
- юг Анатолия II. 267
- Анафэ II. 300
- Андрара II. 103
- Андрос I. 200; II. 64
- Ангиса II. 95
- Анкира II. 81
- Антигония II. 203, 204
- Антикифера II. 329
- Антиохия Карийская II. 204
- Антиохия в Киликии II. 83
- Антиохия-на-Оронте I. 240; II. 62, 63, 83, 203—205, 207, 212, 219, 230, 298, 312, 314, 318, 325
- Апамея II. 83, 204, 318
- Апеннины, Апеннинский п-ов II. 363, 365
- Аполлония Иллирийская I. 359
- Аравия I. 240, 241; II. 5, 117, 162, 249, 258
- Арад I. 240; II. 59
- Арахосия II. 14, 17, 24, 25, 43
- Аргинусские о-ва I. 19
- Арголлида I. 198
- Аргос I. 18, 26, 31, 62, 126—128, 146, 150, 154, 166, 167, 168, 170, 171, 178, 179, 182, 204; II. 68, 282, 284
- Арега, р. II. 304
- Арея II. 14
- Ария р. (Герспруд-Теджен) II. 16
- Аркадия I. 31, 32, 53, 54, 116, 117, 138, 165, 198
- Аркессия I. 199
- Арль II. 186
- Армена II. 92
- Армения I. 198; II. 43, 76, 102
- Малая А. II. 85, 86, 99, 101, 105, 108, 109, 111, 113
- Арморик II. 188
- Арренир II. 187
- Артемисион м. II. 359
- Асаак II. 39
- Аскалон I. 240
- Аспинон I. 19
- Атамания I. 128
- Аттика I. 108, 116, 118, 122, 148, 150, 208, 242, 364; II. 163, 230, 263, 305, 319
- Афганистан I. 9; II. 10
- Афины I. 14, 16, 18—20, 21, 23, 24, 28—32, 36, 37, 39, 40, 42, 56—58, 61, 64, 68, 69, 71, 72, 75, 78, 79, 81, 103, 104, 105, 107—111, 114—118, 120, 124, 126, 128—141, 146—148, 150, 159, 199—201, 207, 208, 212, 214, 218, 219, 224, 228, 230, 232—234, 236, 237, 239, 240, 242, 286, 289, 293, 301, 308, 332, 336, 342, 359; II. 34, 66, 152, 158, 202, 206, 210, 212, 213, 280, 281, 283—286, 298, 299, 303, 305, 308, 309, 313, 317, 328, 333, 336, 337, 339, 340, 355, 359
- Афон N. 260, 351
- Африка I. 7, 160, 194; II. 31, 117, 243, 312
- Афродисиада II. 274
- Афродисия II. 64
- Ахайя, римская провинция I. 160, 232
- Ахайя Фтиотиды I. 126, 127, 137
- Бабакоме II. 96, 106, 107, 221
- Бабиш-Мулла II. 55
- Бактрия I. 103, 123, 240, 260; II. 10, 12, 14, 15, 16, 19, 20, 21, 23, 24, 28, 30, 33, 34, 38, 41, 115, 277, 318, 349
- Восточная Бактрия II. 11, 24, 26
- Греко-Бактрийское царство II. 10, 11, 15—20, 33, 34, 36, 40, 41
- Бактры II. 16, 25, 36
- Балаклавская долина I. 320
- Баларские о-ва II. 289
- Балканы, Балканский п-ов I. 14, 56, 96, 142, 152—154, 156, 159, 275, 279, 309; II. 273, 324, 348
- Балх II. 23
- Баргилли I. 227
- Барде-Нешанде II. 55
- Барр оз. II. 197
- Батинетта II. 74
- Белозерский лиман I. 253
- Белозерское городище I. 253
- Бельское городище I. 254
- Белаяс I. 329, 330, 339, 362
- Беотия I. 39, 40, 54, 117, 136, 148, 149, 150, 156, 160, 198, 359; II. 68
- Березанский лиман I. 274
- Берит (см. также: Лаодикей) I. 246; II. 204, 229
- Беснагар II. 37
- Бетика II. 162
- Бизон I. 333; II. 212
- Бисутун II. 55, 56
- Блаена II. 96
- Болгария I. 198; II. 332
- Болонья II. 198
- Бонра II. 180
- Боспор Киммерийский, Боспорское царство I. 18, 19, 195, 196, 249, 258, 259, 283, 284, 287, 288, 290—295, 297—304, 306, 307, 308, 310, 332, 333, 348, 355, 361, 370, 371; II. 85, 106, 109, 113, 333
- азиатский Б. I. 257, 259, 286—293, 297, 298, 301, 302
- европейский Б. I. 286, 288, 289, 291, 292, 301

* Цифры после «I» относятся к страницам издания «Эллинизм: экономика, политика, культура», а после «II» — к страницам настоящего издания.

Британия II. 187
Бугский лиман I. 272, 274
Буджакская степь I. 259, 260, 267, 268
Буколя I. 187
Вавилон I. 94, 133, 135, 198; II. 44, 83, 165, 202, 277
Вавилония I. 103, II. 41—44, 46, 47, 50, 51, 59, 79, 115, 202, 266, 267, 277
Валенсия I. 198
Велико Тырново I. 198
Вергина I. 145
Виантоварий I. 275
Византий I. 53, 153, 194, 200, 217, 219, 250, 298, 302, 315, 333, 359; II. 68, 80, 99
Викс (Мон-Лассуа) II. 187
Вильзунген II. 187
Вифиния I. 244; II. 59, 79, 97, 98, 99, 104, 294
Владимировка-Маслины I. 329, 330, 339, 362
Вульчи II. 198
Гавгамелы I. 260
Гадабра, палестинская II. 239, 243
Гадиры II. 285
Газакена II. 96
Газелон II. 98
Газелонитида II. 96, 98
Газиура II. 99, 100, 112
Галатия II. 81, 101, 102, 107, 109, 212, 274
Галиарт II. 300, 301
Галик р. I. 32, 44
Галикарнас I. 194, 202, 364; II. 206, 224, 335
Галис р. I. 64; II. 85, 96, 102, 103, 273
Галлия II. 162, 174, 177, 178, 179, 181, 182, 185, 186—188, 190, 191, 193—196, 198, 200
Ганг р. II. 22
Гандхара II. 14, 18
Гарры-Кяриз II. 52
Гедрозия I. 93
Гезлер-Кейю II. 266
Гейнебург II. 187
Гекатомпила II. 55
Гела I. 315
Гелика I. 367
Гелиссон I. 360
Геллеспонт I. 118, 250, 258; II. 67, 80
Гелос II. 244
Генуя II. 198
Гераклейский п-ов I. 311, 314, 316—321, 325, 328, 330—332, 338—340, 348, 362, 370, 371
Гераклейское плато I. 320
Геракля-на-Латмосе I. 355
Геракля Луканская I. 368
Геракля-на-Сирисе I. 369
Геракля Понтийская I. 42, 48—50, 105, 200, 257, 304, 314, 315, 317, 321, 324, 325, 326, 342, 347, 359, 369, 370; II. 59, 80, 100, 101, 224
Геркуланум II. 164, 311, 363
Геркулесовы столбы II. 162, 289
Германия, южная II. 186
Гермонасса I. 288, 291, 295, 296, 303
Гермонасса Понтийская II. 102
Гернополь II. 202, 217
Гестия I. 200, 201
Гидасп I. 92
Гираполь II. 72, 76, 219, 220, 229
Гилея I. 252, 253, 259, 272
Гимера I. 42, 354; II. 287

Гиндара II. 45
Гиндукуш II. 17, 20, 21, 30
Гиркания I. 92; II. 38, 41, 46, 55, 277
Гифас р. I. 259
Гифейон I. 167
Гланум II. 194, 195, 198, 199
Горгиппия I. 282, 287, 288, 290, 295, 298, 303, 304; II. 89
Граник р. I. 123
Грезан II. 198
Греция
— Балканская Г. I. 36, 42, 43
— Великая Г. II. 151, 348
— Северная Г. I. 39, 116, 127, 128, 143
— Средняя, Центральная Г. I. 32, 38—40, 57, 58, 116, 117, 127, 128, 129, 143, 147, 148
Гурза II. 264
Дазимонитида II. 93
Дакопа II. 97, 98
Даксимонитида II. 96
Дамаск II. 59
Дарфа (Антиохия) II. 205
Дедалы I. 206
Делос I. 198—202, 221, 223—224, 228, 230—242, 244—246, 248, 281, 303, 314; II. 89, 202, 205, 206, 211, 213, 229, 230, 231, 246, 302, 321, 337, 338, 353, 361
Дельфы I. 31, 39, 75, 138, 144, 295; II. 32, 68, 71, 149, 204, 211, 245, 304, 348, 351
Деметрида I. 146
Деметрида (Деметрия) в Арахосии I. 17, 24
Денавер II. 56
Джандиал II. 29
Диакопена II. 92, 96, 98
Дидимы II. 72, 74, 211, 220, 226, 322
Дильберджин II. 24, 34
Дильмусун II. 104
Диепр р. (Борисфен) I. 252—254, 259, 260
Диестр р. I. 267, 361
Диестро-Дунайское междуречье I. 275
Диестро-Прутское междуречье I. 275
Добруджа I. 255, 258
Доманитида II. 96
Дон р. (Танаис) I. 333, 346, 361
Дориды I. 126, 128
Дрангана II. 14, 43
Дунай р. (Истр) I. 143, 259, 267, 268; II. 187
Дура-Европос II. 57, 58, 63, 78, 79, 319
Дювер II. 273
Евпаторий (Магнополь) II. 94, 111
Евпаторийская бухта I. 313
Евпаторийский м. I. 322, 330
Европа I. 66, 118, 124; II. 186, 243, 312
— Восточная Е. I. 275
— Западная Е. II. 143
— Центральная Е. II. 177
Евфрат р. II. 10, 43
Елизаветовское городище I. 333, 362
Египет I. 7, 64, 69, 74, 75; II. 124, 165, 243, 263, 265, 271, 290
— Птолемеевский, эллинистический
Е. I. 8, 9, 89, 90, 94, 142, 146, 149, 151, 152, 166, 188, 194, 197—200, 209, 215, 236, 241, 302, 303; II. 5, 9, 49, 90, 115—119, 121—124, 127, 134—136, 138—

139, 151, 201, 202, 204, 210, 214, 217, 219, 224, 225, 227, 248, 264—271, 273, 298—300, 349, 364
— римский Е. II. 162, 268
Жига-тепе II. 24, 32
Заднепровье I. 275
Закавказье I. 5, II. 30
Закинф I. 156, 198, 343
Зела II. 94, 112
Зелитида II. 96
Зигополь II. 102
Иалис I. 193, 194, 206—208, 212—214, 221
Иасос I. 364; II. 80
Иберия II. 187
Иерусалим II. 202
Икхзари II. 91
Иконий II. 273
Иктис II. 187
Илион I. 360; II. 60, 63, 79, 80, 83, 226
Илиум II. 214
Иллирия II. 162, 309
Инд р. I. 7; II. 21, 22
Индийский океан II. 30
Индия I. 89, 93, 114, 123, 240, 259; II. 8, 11, 17, 19, 20, 25, 26—31, 35, 43, 63, 117, 162, 243, 250, 258
Индостан II. 20—22, 29, 30
Инкерманская долина I. 320
Иония I. 153, 295, 296; II. 80, 107
Иос I. 198—201, 208; II. 227, 232
Иран I. 100, 101; II. 10, 52, 55, 231
Иранское плато II. 54, 56
Ирис р. II. 85, 100, 108
Ирландия II. 199
Испания I. 142, 160, 198; II. 156, 184, 188, 334
Исса р. I. 123; II. 217
Истр р. II. 284, 285
Истрия I. 333
Исхополь II. 102
Италия I. 46, 145, 152, 194, 232, 241; II. 142, 149, 151, 153, 156, 159, 162, 168, 173, 179, 280, 284—287, 293, 309
— Северная И. II. 180
— Южная И. II. 334
Иудея II. 59
Кабеллио (совр. Шалон-на-Соне) II. 198, 199
Кабира II. 93, 94, 105, 112
Кавказ I. 194, 297
Кавн I. 204; II. 213
Кадена II. 96
Казачья бухта I. 318
Кайнон-Хорон II. 93, 105
Кале-Кей (д. Дакопа) II. 96
Калимн I. 198
Каллатис I. 298, 333
Калос Лимен (Прекрасная Гавань) I. 311, 313, 321, 322, 327, 330, 337, 338, 341, 344, 350, 356, 362
Каменка, Каменское городище I. 253—255, 257, 361—362
Камира I. 187, 188, 193, 194, 206, 207, 208, 212, 213, 214, 221
Камирос I. 358
Камисена II. 96
Кампания II. 149
Камп-де-Сален II. 187
Кандагар II. 33, 36
Канны II. 294
Каппадокия II. 76, 97, 98, 99, 101, 104, 107, 108, 109, 267
— Великая К. II. 96, 104

- Понтийская К. П. 86, 93, 95, 96, 97, 99, 100, 101, 102, 107, 108, 112, 113
 — Северная К. П. 59
 — Южная К. П. 59
 Каппадокийское царство П. 95, 107.
 Каппела П. 187
 Каранитида П. 96
 Караджинское городище I. 313, 339
 Карантинная бухта I. 315, 316
 Карист I. 118, 126, 127, 128, 136
 Кария I. 64, 198, 208; П. 59, 162, 204, 220, 271, 272
 Карминия П. 46
 Карпат I. 206
 Карродун I. 275
 Карры П. 44
 Карфаген I. 21, 152, 232, 246; П. 149, 152, 285, 294
 Касина П. 163
 Касос I. 206
 Каспийское море I. 260; П. 30, 40, 220
 Кассандрия I. 144
 Кассигериды I. 187, 188
 Кассоне I. 359
 Кастабале П. 220
 Катагона П. 59
 Кебрена П. 77
 Кедрей I. 206
 Келендерис П. 274
 Келены П. 204
 Кемолос I. 208
 Кеос I. 208, 209, 364
 Келы I. 297
 Керасунт П. 87, 90; 94, 102
 Керефто П. 55
 Керкинитиды I. 311, 313, 314, 321—328, 330, 333, 337, 338, 341, 344, 350, 356, 358—362, 371
 Керкинитский залив I. 274
 Керкира I. 18, 20, 251; П. 282, 285
 Керчь I. 289; П. 361
 Кефаления I. 156
 Кефалонес I. 252
 Кианейские скалы П. 284
 Кибира П. 83
 Киддиокоме П. 106, 217, 221
 Киевское Поднепровье I. 275
 Кизик I. 153, 194, 283, 360; П. 68, 80, 218
 Кикладский архипелаг I. 153, 198, 228
 Киликия I. 64, 117, 199, 260; П. 59, 80, 82, 83, 86, 212, 235, 275, 276
 Киликия Аспера (Западная) П. 265, 270, 274, 273
 Киликия Кампестрис П. 265, 270, 271
 Кимниата П. 97, 99, 105
 Кимниатена П. 96, 97
 Кимы I. 194
 Кинолис П. 91
 Киноскефалы I. 154
 Кипр I. 32, 64, 199, 201, 241; П. 213, 231, 304
 Кирбисос I. 356, 357
 Кирена I. 200, 207, 315
 Киренаика I. 194, 199, 241
 Киссуса П. 300, 301
 Китай I. 240; П. 30, 138, 312
 Китий на Кипре П. 236
 Китнос I. 208, 209
 Клазомены I. 32
 Книд I. 194, 202; П. 213, 284
 Кнос I. 209
 Колофон I. 194, 301; П. 217, 233
 Колхиды I. 333, 371; П. 85, 99, 108, 113, 284
 Комана Понтийская П. 93—95, 112, 113
 Конка р. I. 252—254
 Корик П. 274, 276
 Коринф I. 26, 30, 31, 36, 39, 41, 62, 126, 146, 148, 149, 154, 160, 164, 198, 200, 232; П. 208, 354
 Коринфский перешеек (Истм.) I. 126, 148
 Коркира I. 354
 Корнуолл П. 188
 Корсика П. 289
 Кос I. 133, 148, 194, 200, 217, 250, 308; П. 73, 229, 243, 335, 336, 338
 Котгора П. 87, 90
 Коша-депе П. 52, 55
 Краннон I. 104, 119, 120, 122, 130, 131, 134, 139
 Красное море П. 30, 243
 Кремникс I. 260
 Крит I. 118, 153, 198, 209, 218; П. 83, 258, 300, 301
 Крокусово поле I. 40
 Кромны П. 91
 Кротон I. 45
 Крым I. 258
 — горный К. I. 314
 — Западный К. I. 274, 313, 319, 327, 332, 360, 361
 — Северо-Западный К. I. 311, 313, 314, 322, 326, 327, 328, 330, 331, 332, 333, 337, 339, 340, 350, 353, 362, 371
 — Юго-Западный К. I. 314, 315, 318, 321, 326, 331, 362
 Ксанф П. 80, 220, 271, 272
 Ксимиена П. 96
 Кубань р. I. 293
 Кулупена П. 96
 Кульчукское городище I. 322, 329, 339
 Кундуз П. 20
 Куропедион I. 144
 Кызыл-Кып П. 55
 Ла-Борн-дю-Лу П. 180
 Лабраунда П. 221
 Лавиансена П. 96
 Лавиний П. 149, 285
 Лаврент I. 163
 Лаврионские рудники I. 108
 Лагна П. 221
 Лада I. 153; П. 294
 Лаконика I. 149, 163, 166, 168
 Лаконика I. 164
 Лакедемон I. 62, 79, 162, 163, 164, 168, 170, 172, 180, 182
 Ламия I. 117, 118, 119, 122, 126, 129, 130, 137
 Лампсак П. 68, 81, 233
 Лангедок П. 181
 Лаодикея Финикийская (Берит) I. 240, 242; П. 204, 318
 Лариса I. 37, 364
 Ласгрэс П. 177
 Латт П. 183, 186
 Ла-Туретт П. 190
 Лаций П. 149, 163
 Лебедос I. 349, 360; П. 77, 78, 204
 Левка о. I. 267, 268, 277, 351
 Левкады I. 127; П. 282
 Левкстры I. 32, 161
 Лепетихинское городище I. 253
 Лерос I. 198
 Лесбос I. 308; П. 233, 364
 Ливан П. 59
 Ливия П. 243, 280, 281, 290, 293, 312
 Лидия I. 198; П. 59, 79, 220
 Лик р. П. 93
 Ликаония П. 107, 108, 266, 267
 Ликия I. 198, 208; П. 214, 220, 270, 271, 272, 273, 275, 276
 Лимира П. 271, 272, 273
 Линд I. 187, 193, 194, 198, 206, 207, 208, 212, 213, 214, 221; П. 300, 336
 Липарские о-ва П. 284, 289
 Лисимахия во Фракии I. 144; П. 77
 Лихидские о-ва I. 118
 Локрида I. 116, 127, 128, 160, 367
 Локрида Опунтская I. 148, 150
 Локры Эпизефирские I. 46, 358; П. 282, 285, 286
 Луара П. 188
 Любимовское городище I. 253
 Магнесия-на-Меандре I. 194, 366; П. 39, 72, 73, 74, 212, 223, 231, 322, 336, 337
 Магнополь П. 111
 Мадхьядеши П. 22
 Мадхьямика П. 22
 Мазак П. 95, 107
 Мазар р. I. 32, 44
 Македония I. 13, 15, 38, 53, 56—58, 67, 68, 81, 83, 89, 95, 100, 101, 105, 107, 108, 109, 114, 116—120, 122—125, 130, 133, 136—140, 142, 143, 144—146, 148, 149—154, 156, 158—160, 166—168, 171, 183, 188, 198, 200, 232, 241, 259, 260; П. 60, 61, 75, 99, 153, 161, 287, 290, 319, 332
 Малая Азия I. 31, 32, 50, 88, 152, 154, 156, 192, 194, 198, 199, 206, 208, 209, 212, 215—217, 221, 241, 245, 295, 308; П. 45, 59, 63, 64—66, 80—82, 85, 87, 89, 104—109, 113, 115, 178, 209, 217, 218, 220, 226, 227, 243, 263, 266, 272, 275, 276, 279, 321, 335, 337
 — Восточная М. А. П. 98, 104, 108
 — Западная М. А. П. 62
 — север М. А. П. 99
 — юг М. А. П. 265, 270
 Малийский залив I. 118
 Малия I. 366
 Мандрака I. 188
 Мансур-депе П. 52
 Мантиния I. 32, 147, 166, 360
 Мантош П. 187
 Марафон П. 305
 Маргана П. 14
 Мармарий I. 136
 Масджид-и-Салайман П. 55
 Массалия I. 370; П. 181—187, 189—194, 198—200
 Матхура П. 22
 Маячный п-ов I. 316—318, 320, 321, 338, 362, 370
 Меандр р. П. 321
 Мегалополитида П. 96
 Мегалополь I. 53, 139, 146, 149, 159, 166, 170
 Мегара I. 146, 160, 317, 343
 Мегара Гиблая I. 315
 Мегарида I. 149, 150
 Мегист I. 206, 208
 Мегдон I. 360
 Мезия, Нижняя I. 259
 Мелитея I. 360
 Мелия I. 137, 352
 Мемфис П. 267
 Меотиды I. 258, 259, 298
 Мерв П. 23, 25, 36
 Мероз П. 243
 Месопотамия (Междуречье) I. 241; П. 10, 30, 41—47, 51—52, 57—59, 76, 79, 278
 Мессена П. 321
 Мессения I. 32, 126—128, 149, 151, 152, 161, 164, 170
 Мефона I. 57

- Мидия П. 12, 39, 41, 42, 212, 277
 Миконас I. 208
 Миласа I. 355; П. 69, 80, 221
 Милет I. 153, 194, 271, 282, 283, 355, 360; П. 60, 62, 63, 70–72, 80, 87, 125, 212, 214, 220
 Мирна П. 209, 349
 Митилена I. 200, 344, 345; П. 78, 233
 Митридатий П. 94
 Мон-Лассуа (Викс) П. 187, 189
 Монтан П. 177
 Мопсуестий П. 82
 Моримена П. 96
 Мунихий I. 120, 150
 Мурьес П. 198
 Навкратис I. 213; П. 116, 267, 268
 Нагид П. 274
 Наж П. 186
 Наксос I. 194, 198, 208, П. 64
 Накши-Рустами П. 246
 Неаполитида (Фаземонтида) П. 96
 Неаполь Скифский I. 199, 274
 Неллос I. 343
 Немировское городище I. 254
 Неонтейхос П. 106, 107, 217, 221
 Нехаенд П. 56
 Нижнее Побужье I. 313, 314, 370
 Нижнее Поднепровье I. 257, 258, 268, 274
 Нижнее Поднестровье I. 333
 Никей I. 244; П. 204
 Никоний I. 333
 Никополь на р. Лик П. 111
 Нил р. П. 116, 165, 312
 Ним П. 179, 196, 198
 Нимфей I. 303; П. 353
 Ниппур П. 57
 Ниса, Новая П. 52
 Ниса, Старая П. 47, 52, 54
 Нисирос I. 206
 Нотр-Дам-де-Питье П. 180
 Нуш-и-Джан П. 55
 Одессос I. 257, 333; П. 90
 Оксиринх П. 129
 Олимпия П. 364
 Олинф I. 54; П. 333
 Ольга П. 98, 274, 276
 Ольвия I. 195, 196, 199, 249–252, 257–266, 268–283, 304, 308, 309, 313, 314, 322, 323, 324, 326, 333, 342, 351, 361, 371; П. 101, 319, 363
 Опис I. 92
 Орийак П. 174
 Оронт р. П. 325
 Ороп I. 106, 159, 200; П. 305, 321
 Орхомен I. 40, 147, 360
 Ох р. П. 38
 Оха, гора I. 136
 Падуя П. 149
 Палатин П. 149, 164
 Палатида П. 53
 Палестина П. 213
 Памфилия I. 198, 199; П. 270, 274, 275
 Панамары П. 214, 221, 223
 Паннония I. 275
 Панское-I I. 313, 314, 321, 323, 328, 330, 332, 333, 339, 362
 Панское-III I. 333
 Пантикап I. 253
 Пантикапей I. 199, 291, 293, 295, 297, 301, 303; П. 353
 Панхья о-ва П. 248, 256–261
 Паропомисады (Кабульская долина) П. 14, 17, 25
 Парос I. 194, 208; П. 300
 Парфений м. I. 318
 Парфения П. 38, 41, 51
 — Северная П. П. 51–56
 Парфия, Парфянское царство I. 92; П. 10, 15, 16, 19, 37–39, 41–49, 51, 56, 115, 318, 364
 — Восточная П. П. 47
 — Северная П. П. 56
 Пастырское городище I. 254
 Паталипутра П. 22
 Патары П. 80
 Патры I. 198
 Пафлагония I. 293; П. 90, 91, 95, 97, 99, 101, 102, 104, 108, 111, 112, 113, 266
 Пафос на Крите I. 201
 Пахия I. 350
 Певка о. I. 267, 275
 Пер П. 184, 186
 Пелиний I. 126, 137
 Пелла I. 198; П. 320, 333
 Пелопоннес I. 32, 40, 54, 116, 126, 127, 128, 129, 136, 145–147, 148–149, 150–151, 156, 161, 166–167, 169–171, 174, 181, 182, 198, 367; П. 354
 Пелузий П. 136
 Пеония I. 146, 150
 Пергам, Пергамское царство I. 89, 142, 152, 153, 154, 158, 168, 200, 232; П. 59, 97, 111, 168, 208, 212, 226, 231, 267, 298, 299, 308, 309, 318, 321, 322, 337, 339, 341–342, 348, 351
 Передняя Азия П. 115, 224, 265, 267, 272
 Перейя I. 350, 360
 Перейя Родосская I. 154, 187, 189, 198, 206, 208; П. 214
 Перинф I. 302
 Персеполь I. 72, 81
 Персида П. 41
 Персидский залив I. 194; П. 42
 Персия (державы Ахеменидов) I. 15, 19, 21, 31, 32, 50, 58, 59–62, 64, 66–68, 70, 72, 74, 75, 79, 80, 88, 92, 117, 124, 214, 217, 250; П. 85, 107, 161, 218, 220, 250, 271, 273
 Песинунт П. 81
 Пидаса I. 360
 Пидна I. 57, 159
 Пимолиса П. 92, 99, 112
 Пимолисена П. 92, 96
 Пирей I. 109, 146, 147, 150
 Писидия П. 59, 108
 Питана П. 64
 Питфей П. 188
 Пларапа П. 64
 Платей I. 117; П. 220
 Помпей П. 363
 Понт, Понтийское царство I. 198; П. 43, 59, 85, 86, 89–114, 266, 267
 — Восточный П. П. 90
 Понт Эвксинский I. 197, 200, 241, 258, 259, 298, 301; П. 83, 284, 285
 — западный П. I. 259, 268, 274, 275, 308, 332, 333
 — южный П. I. 308, 332
 — северо-восточный П. I. 294
 — северо-западный П. I. 268
 Порфмий I. 301
 Потидея I. 68
 Приена I. 83, 198, 204, 343, 352; П. 65, 74, 109, 205, 206, 210, 212, 214, 218, 321, 322, 337, 339, 353
 Причерноморье I. 19, 194, 197, 199, 309, 321, 322; П. 85
 — Западное П. I. 195, 197, 268, 274, 279; П. 85
 — Северное П. I. 194–200, 249, 259, 260, 261, 286, 294, 304, 308, 309, 310, 361; П. 333, 351, 353
 — Северо-Восточное I. 298
 — Северо-Западное I. 267, 275, 309; П. 85
 Прованс П. 181, 196
 Проконесс I. 359, 360
 Пропонтида I. 57, 198
 Пруса-на-Олимпии П. 98
 Прут р. I. 260, 275
 Псоя I. 298
 Птолемаида (Акка) П. 76
 Птолемаида Египетская П. 116, 267
 Птолемаида (Лебедос) П. 204
 Пьерредон П. 181
 Рамнунт I. 118, 122; П. 325
 Рафия I. 94
 Регий I. 45, 359; П. 281
 Ренейя I. 231
 Рим I. 142, 143, 152–154, 156, 158–160, 167, 168, 182, 183, 184, 222, 232, 233, 236; П. 8, 43, 45, 46, 80, 85, 101, 102, 140–176, 177, 189, 193, 203, 224, 264, 285, 294, 296, 297, 317, 354, 363
 Римская империя П. 9, 247, 279
 Родос I. 26, 53, 138, 153, 154, 158, 168, 186–189, 191–192, 194–210, 212–222, 250, 301, 302, 308, 343, 352; П. 64, 68, 70, 212, 216, 217, 225, 227, 271, 284, 294, 318, 321, 324, 339
 — город Родос I. 188, 207, 213, 214, 215, 218
 Рокпертюз П. 196, 197
 Рона П. 179, 181, 182, 183, 185, 187, 194, 198
 Рудин П. 160
 Румыния I. 198; П. 197
 Савой-ан-Рейаннет П. 198
 Сагилий П. 99
 Сакета П. 22
 Саксонохур П. 24, 34
 Саламин о. I. 106, 150
 Саламин, город на Крите I. 201, 238
 Самарканд П. 36
 Самос I. 106, 109, 133, 134, 135, 153, 200, 266, 336, 352; П. 74, 212, 233
 Самофракия I. 200, П. 321, 342
 Сапун-гора I. 320
 Сарамена П. 96
 Сардиния о. П. 289
 Сарды I. 215, 219; П. 65, 66, 207, 220
 Сестета П. 339
 Селассия I. 151, 166, 184
 Селевкийское царство I. 86, 89, 90, 142, 156; П. 10, 14–16, 39–40, 42, 43, 59–61, 66, 67, 74, 79, 80, 98, 100, 106, 201, 217, 266, 271, 277, 279, 318
 Селевкия-на-Тигре I. 198, 199, 240, 355; П. 41, 44, 46, 54, 57, 63, 76, 83, 204, 206, 207, 228, 277
 Селимбрия I. 53
 Селинунт I. 42
 Семибратнее городище I. 301
 Сена П. 187, 188
 Сен-Блэз П. 182
 Сен-Марсель П. 180, 190
 Сент-Пьер П. 180
 Сент-Анастас П. 198
 Серакс П. 16
 Серет р. I. 260
 Серифос I. 208
 Сигей I. 194
 Сиде П. 105
 Сидена П. 96, 105
 Сидон I. 198, 236; П. 72, 212
 Сикинос I. 208

Сикон I. 36, 40, 41, 106, 126, 127, 128, 129, 200; II. 309
Сима I. 206, 208
Синдика I. 287, 288, 298, 303
Синопа I. 200, 204, 208, 298; II. 66, 87, 90, 92, 94, 96, 100, 101, 112, 212, 304
Синопида II. 96
Синорега II. 100
Синория II. 105
Сиракузы I. 18, 19, 42, 43, 46, 47, 48, 263, 293; II. 208, 212, 286, 287, 288, 319, 321, 339
Сиринкс II. 39
Сирия I. 188, 199, 200, 240, 241; II. 39, 41, 42, 43, 44, 45, 59, 75, 104, 115, 220, 223
— Северная С. II. 59, 80, 275
— Южная С. II. 59
Сирос I. 194, 208, 209, 359
Сифнос I. 198, 208
Сидилля I. 19, 32, 42, 43, 44, 46, 47, 48, 69, 75, 145, 152, 193, 194, 199, 200, 201, 232; II. 151, 161, 280, 281, 285, 287, 304, 309, 321
Скамандры I. 360
Скепис II. 67, 69, 77
Скифия, Скифское царство I. 250, 254, 257—260, 279, 308, 346, 361, 362; II. 212
Смирна I. 194, 353; II. 67, 68, 82, 209, 214, 231, 246, 349, 362
Согдиана I. 103, 123; II. 12, 14, 20, 30
Солы II. 80
Сона II. 187
Софена II. 96, 99
Спарта (см. также: Лакедемон) I. 14, 16, 18—21, 24, 26, 31, 32, 36, 37, 39, 54, 56, 61, 62, 79, 139, 141, 146, 147—152, 154, 159, 160—175, 177—185, 213—215; II. 153, 282, 309
Сперлонга II. 360
Средиземноморье I. 142, 146, 182, 194, 197, 199, 200, 202, 203, 232, 236; II. 30, 31, 117, 149, 184, 203, 319, 334, 338, 349, 363
— Восточное С. I. 5, 139, 197, 218, 221, 223, 228, 230, 333; II. 85, 88, 115, 201, 238, 353
— Западное С. II. 280, 281, 285, 289, 327, 338, 355
Средняя Азия (Центральная Азия) I. 249; II. 10, 11, 21, 24, 26, 27—31, 34, 46, 52
Стабии II. 363
Стира I. 118, 136, 359
Стирис I. 360
Стратоникей I. 204; II. 214, 221
Сузиана I. 198, II. 41
Сузы I. 92, 93; II. 41
Сунион I. 150
Табия II. 81
Тавр II. 270, 275
Таврика I. 371
Тавромений II. 280, 281
Тагискен II. 53
Таксила II. 20, 25, 27, 28, 35, 37
Талаура II. 112
Танагра II. 231, 330, 349
Танаис I. 260; II. 285
Тарадо II. 182
Тарн II. 177
Тарс II. 274
Тарханкутский п-ов I. 313, 328, 330, 332, 370
Тахти-Сангин II. 24, 28, 33, 35, 37
Тега I. 106, 138, 147; II. 359
Телос I. 206, 208

Тенар м. I. 106, 111, 114, 115, 120, 164; II. 306, 354
Тенедос I. 194
Тенос I. 205, 208, 209; II. 64
Теос I. 194, 349, 356, 357, 360; II. 73, 77, 78, 204, 214, 227
Термиона I. 150
Тет-Негр II. 180
Тетрапиргия II. 107
Тяана II. 104
Тыла I. 275
Тимн I. 206
Тир I. 215, 219, 240; II. 68, 76, 229, 243
Тира I. 304, 333; II. 212
Тиритака I. 301
Тия II. 87
Траллы II. 204, 212, 326, 358
Трапезунт II. 87, 96, 102, 108, 113
Трапезузия II. 96
Требия II. 293
Трезена I. 116, 126, 127, 128, 146, 148
Трипарадиз II. 12
Троада II. 309
Троя II. 149, 151, 153, 156, 171, 172, 282, 284, 185, 288, 322, 323
Туле II. 284
Тулуза II. 177, 179
Турива II. 177, 179
Туркестан, Восточный II. 30
Туркменистан, Южный II. 10, 51
Туркмения II. 30
Тхарум (Эвхатт) II. 99, 108
Урук II. 58, 202, 278
Успа I. 257
Фабда II. 105
Фаземона (Неаполь) II. 102, 103
Фаземонитида (Неаполитида) II. 103
Фанагория I. 296
Фанароя II. 96
Фангаловский п-ов I. 297
Фарнакия II. 90, 94, 96, 102, 108, 112, 113
Фарос II. 318, 319
Фаселида I. 64
Фасос I. 194, 208, 336, 364
Фата р. I. 297
Фаюм, Фаюмский оазис II. 117, 118, 120
Фемискира II. 96, 102
Фенгари II. 321
Фенуйе II. 177
Феодосия I. 287, 288, 290, 291, 292, 302, 370
Фера II. 216, 229
Фермодонт р. II. 85, 102
Фермопылы I. 40, 117, 156; II. 153
Феры I. 37
Фессалия I. 36—38, 40, 47, 54, 57, 104, 117, 119, 127, 128, 137, 145, 146, 150, 154, 158, 159, 198, 200, 309; II. 287, 353
Фессалоники II. 231
Фест I. 198
Фивы I. 30, 31, 32, 36, 37, 39, 54, 58, 62, 108, 136, 137, 139, 359; II. 212, 301
Фигалия I. 147
Филадельфия II. 213, 216, 232
Филиппы I. 353, 354, 364
Финикия I. 64, 198, 199, 200, 240, 245, 246; II. 59
Фиск I. 187, 206, 208
Фиссаунт I. 206
Флиунт I. 150
Фойник I. 206
Фокида I. 36, 39, 54, 116, 126, 127, 128, 148, 150, 160

Фракия I. 68, 152, 156, 159, 259, 260, 275; II. 90, 351
Фригия I. 198; II. 59, 79, 83, 108, 204, 267, 276—279
— Геллеспонтская Ф. I. 49, 117; II. 59
Хабакига II. 105, 112
Хагонда II. 108
Халдея II. 59
Халк I. 198, 206
Халкедон I. 194, 354; II. 68, 231
Халкида Эвбейская I. 54, 146, 160, 200
Халкидика I. 31, 54, 57
Хамаксия II. 276
Хаманена II. 96
Харакена II. 42, 43
Херонея I. 58, 107, 108, 120, 139, 228
Херсонес Родосский I. 206, 208
Херсонес Таврический I. 199, 274, 281, 304, 310—371; II. 101, 106, 319
— «Малый Х.» I. 314
— «Старый Х.» I. 316, 317, 318
— Страбонов Х. I. 338
Херсонес Фракийский I. 57, 144; II. 99
Хилиокомон II. 96, 109
Хиос I. 153, 198, 217, 250, 308, 346; II. 82, 125
Холми II. 274
Цукурский лиман I. 288
«Чайка», городище I. 313, 322, 327, 328, 329, 330, 339, 350, 362
Чентурпи II. 334, 353
Шампань II. 187
Шато-Гомбер II. 190
Эваймон I. 360
Эвбея I. 118, 126—128, 136, 150, 160, 198; II. 312
Эгейда, Эгейское море I. 58, 88, 146, 152, 153, 193, 194, 199, 201, 213, 214, 218, 228, 241, 244; II. 164, 321, 324
Эги I. 145
Элевсин II. 203
Элефантина II. 118
Элида I. 26, 126, 127, 128, 147, 151, 152, 156, 198
Элиманда II. 41, 56, 277
Эль-Амарна II. 271
Эмпорион II. 184
Эниады I. 114, 133
Энсерун II. 177
Энтремон II. 181, 195, 196, 197
Эолия II. 80, 284
Элейбран II. 183
Энидав I. 126—128, 133, 148
Эпир I. 38, 128, 145, 149, 150, 159, 198, 359; II. 151
Эполий I. 260
Эрактон I. 275
Эретрия I. 359
Эридза (Фригия) II. 83
Эрине I. 206
Эритры II. 62, 68, 82, 226, 246
Эро р. II. 184
Этолия I. 104, 114—116, 120, 126, 128, 129, 132, 135, 149, 151, 152, 154, 158
Эфалия II. 285
Эфана I. 206
Эфес I. 194, 199, 200, 201, 295, 343; II. 72, 80, 98, 204, 211, 212, 221, 321, 338
Эфиопия II. 162
Яксарт II. 14
Яос II. 212

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИРАИМК	— Известия Российской академии истории материальной культуры
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
НиЭ	— Нумизматика и эпиграфика
AJA	— American Journal of Archaeology. Cambridge. Mass.
AJPh	— American Journal of Philology. Baltimore
ANRW	— Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. B.; N. Y.
BCH	— Bulletin de correspondance hellénique. Paris
BSA	— Annual of the British School at Athens
BSOAS	— Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London University
CAH	— The Cambridge Ancient History
Cl. Ph.	— Classical Philology
CQ	— Classical Quarterly
CRAI	— Académie des Inscriptions et Belles-lettres. Comptes rendus. Paris
FGrH	— Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker
IG	— Inscriptiones Graecae. B.
IGBR	— Michailov G. Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. Serdica, 1958—1970
IOSPE. I ²	— Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropolis, 1915
JA	— Journal asiatique
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society
IvPriene	— Hiller von Gaertringen F. Inschriften von Priene. B., 1906
LSJ	— Liddell G., Scott R., Jones S. H. A Greek-English Lexicon, Oxford, 1940
NC	— The Numismatic Chronicle
OGIS	— Dittenberger W. Orientis Graecae inscriptiones selectae. Lipsiae, 1903—1905
PSI	— Papiri greci e latini // Pubblicazioni della Società Italiana per la ricerca dei papiri greci e latini in Egitto. Firenze, 1912—1979
RA	— Revue Archéologique
RE	— Pauly A., Wissowa G., Kroll W. Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
REA	— Revue des études grecques. Paris
RM	— Rheinisches Museum für klassische Philologie
RN	— Revue numismatique
SB Bh. 1	— Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten. Wiesbaden, 1952. Beih. 1
SEG	— Supplementum epigraphicum graecum. Leiden
SEHWW	— Rostovtzeff M. I. The Social and Economic History of Hellenistic World. Oxford, 1941
SGDI	— Sammlung der griechischen Dialektinschriften. Göttingen, 1884—1915
SP	— Studia Pontica
Syll. ³	— Sylloge Inscriptionum Graecarum / Ed. W. Dittenberger
TAPA	— Transactions and Proceedings of the American Philological Association
W. Chrest	— Mittels L., Wilcken U. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо введения

ПРИНЦИПЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ФОРМ ЗАВИСИМОСТИ	5
Зельин К. К.	

Глава первая

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ВОСТОК	10
В. Г. Гаилов, Г. А. Кошеленко, З. В. Сердитых	

Глава вторая

ПОЛИС И МОНАРХИЯ В ЭПОХУ СЕЛЕВКИДОВ	59
Е. С. Голубцова	

Глава третья

СТРУКТУРА ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОНТИЙСКОМ ЦАРСТВЕ	85
С. Ю. Сапрыкин	

Глава четвертая

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ЕГИПЕТ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭЛЛИНСКИХ И МЕСТНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ЭКОНОМИКЕ СТРАНЫ	115
А. И. Павловская	

Глава пятая

ЭЛЛИНИЗМ В РИМЕ	140
Е. М. Штаерман	

Глава шестая

ГРЕЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ И КУЛЬТУРА ЮГА ГАЛЛИИ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ	177
С. В. Шкунаев	

Глава седьмая

ЧЕЛОВЕК И МИР В ВОСПРИЯТИИ ГРЕКОВ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ	201
И. С. Свенцицкая	

Глава восьмая

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ УТОПИИ (ЯМБУЛ И ЕВГЕМЕР)	248
М. К. Трофимова	

Глава девятая

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ НА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ ВОСТОКЕ 263

Л. С. Баюн

Глава десятая

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИКИ 280

В. Н. Илюшечкин

Глава одиннадцатая

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ МУСЕЙОН (АЛЕКСАНДРИЯ, ПЕРГАМ, АНТИОХИЯ) 298

Г. П. Чистяков

Глава двенадцатая

ИСКУССТВО ЭЛЛИНИЗМА 316

Г. И. Соколов

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 366

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ 377

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 382

Научное издание

ЭЛЛИНИЗМ:
Восток и запад

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Заведующая редакцией *Л. С. Кручинина*

Редактор издательства *В. Н. Токмаков*

Художник *В. Н. Тикунов*

Художественный редактор *Н. Н. Михайлова*

Технический редактор *Н. Н. Плохова*

Корректоры *Р. З. Землянская, Л. В. Щеголев*

ИБ № 540789

Компьютерный набор и изготовление оригинал-макета

ГП «Слово»

199034, Санкт-Петербург, В-34, 9 линия, 12

Телефон (812) 213-35-59

Сдано в набор 28.05.91 Подписано к печати 21.05.92 Формат 70х90¹/16. Бумага офсетная.

Гарнитура таймс. Фотонабор. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,08. Усл. кр. отт. 29,25.

Уч.-изд. л. 33,0. Тираж 1200 экз. Тип. зак. 3000.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9 линия, д. 12

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ МИР И РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА во II—I вв. до н.э.

